

Избранные романы

В специальной редакции

Избранные романы

Р и д е р з   Д а й д ж е с т

Издательский Дом Ридерз Дайджест
Москва, 2004

Избранные романы
Перевод с английского

Главный редактор: Элеонора Медведева
Редактор: Дмитрий Карельский
Технические редакторы: Сергей Ермаков, Михаил Заикин
Корректоры: Ольга Косова, Валентина Евтюхина,
Татьяна Дмитриева, Марина Таги-Заде
Дизайн: Педро Клавихо
Компьютерная верстка: Екатерина Ермакова
Секретарь редакции: Ольга Хвостик

Сокращение романов, вошедших в этот том, выполнено
Ридерз Дайджест Ассосиэйшн, Инк. по особой договоренности
с издателями, авторами и правообладателями.
Все персонажи и события, описываемые в романах, вымышленные.
Любое совпадение с реальными событиями и людьми — случайность

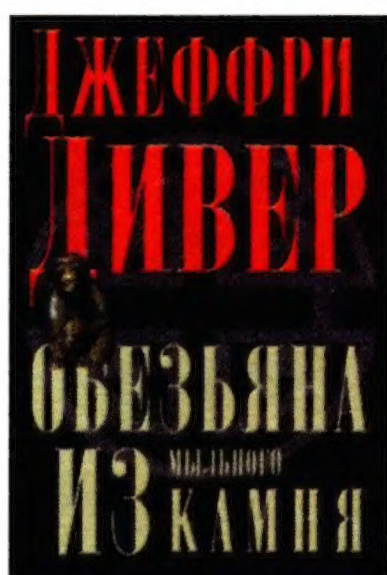
Все права защищены. Воспроизведение в любом виде,
полностью или частями запрещено.
Ссылки на права, указанные на с. 576, являются частью копирайта:
©2004 ЗАО «Издательский Дом Ридерз Дайджест».
Логотипы «Ридерз Дайджест» и «Пегас» являются
зарегистрированными торговыми марками

ЗАО «Издательский Дом Ридерз Дайджест»
119021, Москва, Zubовский бульвар, 17
Издательская лицензия: Серия ИД № 01846 от 25 июня 2000 года
ISBN 5-89355-065-X

Подписано в печать 20.11.03. Бумага офсетная. Формат 84×108/32
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,24
Уч.-изд. л. 29,4. Тираж 190 000 экз. Заказ № 0315000

Вывод фотоформ осуществлен ООО «Сивланс»
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

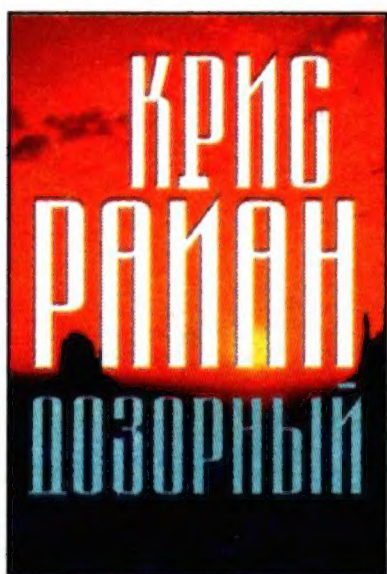

Обезьяна
из мыльного камня 7
Джеффри Дивер

Тихая гавань 169
Луанн Райс

Дозорный 303
Крис Райан

На нашей улице 465
Мэри Хиггинс Кларк

ДЖЕФФРИ ДИВЕР
ОБЕЗЪЯНА
ИЗ МЫЛЬНОГО
КАМНЯ

瑞麟餐具
服務周到 價廉物美
瑞麟餐具 集郵用品
TEL: 374-9840
374-0668 二樓

福州市皮膚病醫院 魏金江

Чем равнее
силы
противников,
тем интереснее
развивается
игра.
И тем выше
в ней
ставки.

壽
館

壽
館

壽
館

馬淑儀婦科

酒店

14/F

3848370 1B

李美煥婦

胎孕即失

I

АСПИД

Китайское слово «вэйчи» состоит из двух иероглифов: «вэй» — окружать и «чи» — фишка. Игра в вэйчи идет на выживание.

Даниэле Пекорини и Тон Шу. *Игра в вэйчи*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они были обездоленными, они были пропавшими.

Для аспидов — тех, кто промышлял незаконной доставкой иммигрантов и развозил их по свету, как ящики с испорченным товаром, — они были цзюйцзя — поросятами.

Для агентов американской Службы иммиграции и натурализации, которые хватали и депортировали их, они были нелегалами.

Они имели ничтожные шансы укорениться в стране, где свобода, деньги и благополучие были, по слухам, столь же привычны, как солнечный свет и дождь.

Они были его хрупким грузом.

С трудом сохраняя равновесие под штормовыми порывами ветра, капитан Сэнь Цзицзунь спустился на верхнюю палубу, потом

на нижнюю и направился к трюму, чтобы сообщить им мрачное известие: возможно, многодневное плавание было напрасным.

Коренастый бритоголовый с щеголеватыми густыми усами капитан Сэнь проскользнул мимо пустых контейнеров, укрепленных для маскировки на палубе семидесятидвухметрового «Дракона Фучжоу», и открыл тяжелую стальную дверь в трюм. Он посмотрел вниз: две дюжины человек теснились в душном помещении без иллюминаторов. Мусор и детские пластиковые горшки плавали в неглубокой луже под койками.

Капитан Сэнь спустился по крутым металлическим ступенькам и прошел в середину трюма. Воздух здесь был отвратительный — пахло дизельным топливом и людьми, которые две недели прожили в ужасной тесноте.

В отличие от многих капитанов, заправляющих на «лоханях» — кораблях, незаконно перевозящих иммигрантов, — которые в лучшем случае не обращали на пассажиров внимания, а то и били и насиловали их, Сэнь отнюдь не был жесток. Он и вправду считал, что делает хорошее дело — перевозит людей в Америку, по-китайски Мэйгуо, Прекрасный Край, перевозит от невзгод к надежде на счастливую жизнь.

Однако большинство иммигрантов думали, что он в сговоре с аспидом, зафрахтовавшим «Дракона», — Куань Аном, известным под прозвищем Гуй, то есть Дух. Попытки Сэня вовлечь их в разговор отвергли все, кроме одного, который относился к нему по-дружески. Чан Цзиньэжцзы, называвший себя на западный манер Сэмом Чаном, бывший преподаватель колледжа из пригорода крупного портового города Фучжоу, вез в Америку всю семью — жену, двух сыновей и вдового отца.

Высокий сдержанный Чан нахмурился — он прочитал взгляд капитана — и поднялся ему навстречу.

— Радар показывает, что нам наперехват идет быстроходный корабль.

— Американцы? Их береговая охрана?

— Должно быть. Мы в американских водах.

Сэнь посмотрел на испуганные лица иммигрантов. Его взгляд остановился на женщине с полуторогодовой дочкой на руках. Ее лицо было в шрамах от избиений в лагере перевоспитания. Она опустила голову и заплакала.

— Что мы можем предпринять? — встревоженно спросил Чан.

Капитан Сэнь знал, что в Китае тот был диссидентом и отчаянно хотел бежать из страны. Если Служба иммиграции депортирует Чана, он, вероятно, попадет в одну из печально известных тюрем западного Китая.

— Может, получится подплыть к берегу так близко, чтобы вы добрались на плотах.

— Нет-нет. При таких-то волнах? Мы все погибнем.

— Здесь естественная гавань, в ней должно быть сравнительно спокойно. На берегу будут грузовики, которые отвезут вас в Нью-Йорк.

— А как же вы?

— Я направлю корабль в открытое море. К тому времени как они смогут без риска подняться ко мне на борт, вы будете катить к алмазному городу по золотому шоссе. Оставайтесь внизу, пока Дух или я не велим вам подниматься.

Капитан Сэнь взлетел вверх по стальной лестнице. На мостике он увидел Духа. Тот склонился над радаром, всматриваясь в мерцающий синий экран. На Духе была обычная для большинства китайцев одежда — широкие штаны и рубашка с короткими рукавами. Несмотря на сильную качку, он стоял совершенно неподвижно. Дух, маленький мускулистый мужчина, был чисто выбрит, волосы у него были длиннее, чем принято у бизнесменов.

— Нас перехватят через пятнадцать минут, — сообщил он.

— Через пятнадцать? — переспросил капитан. — Не может быть. По-моему, не раньше чем минут через сорок.

— Нет. Я рассчитал, сколько они покрыли с той минуты, как мы их засекли.

Капитан Сэнь посмотрел на рулевого. Тот, потя, выкручивал штурвал. Если Дух не ошибся, они не успеют доплыть до гавани. В лучшем случае подойдут на километр к ближайшему скалистому берегу.

— Нужно решать, как будем действовать, — сказал Дух.

Аспид казался спокойным, но Сэнь догадывался, что он взбешен. Никто из аспидов, с которыми капитану доводилось иметь дело, не предпринимал таких мер предосторожности, как Дух в этом плавании. Две дюжины иммигрантов собрались на за-

брошенном складе под Фучжоу и там под присмотром напарника Духа ждали двое суток. Затем тот посадил их на чартерный самолет ТУ-154, который доставил китайцев в Россию, на пустынный военный аэродром под Санкт-Петербургом. Там они перебрались в грузовой контейнер и проехали сто двадцать километров до Выборга, где их погрузили на «Дракон Фучжоу», который Сэнь привел в российский порт накануне. Дух присоединился к ним в последнюю минуту, и корабль поплыл по проверенному маршруту. Балтийское море, Северное, пролив Ла-Манш, затем через океан к Лонг-Айленду. Решительно ничто в этом рейсе не могло вызвать подозрений.

— Как на нас вышла береговая охрана? — спросил капитан.

Дух выпрямился и вышел из рубки под штормовой ветер.

— Кто знает? Может, волшебство помогло.

— Линкольн, мы их застукали. Бот направляется к берегу. Неужто и впрямь успеют?

— Не знаю, — с отсутствующим видом ответил Райм Фреду Деллрею.

Высокий тощий Деллрей был главным агентом со стороны ФБР по делу о розыске и аресте Духа. Ни канареечно-желтую рубашку Деллрея, ни его черный, как сам он, костюм в последнее время явно не гладили. Хотя, с другой стороны, никто из находившихся в комнате не выглядел особенно свежим. Полдюжины собравшихся у Райма мужчин фактически прожили последние сутки в гостиной его дома на Сентрал-Парк-уэст. Она напоминала не викторианскую гостиную, которой была когда-то, а криминалистическую лабораторию, напичканную компьютерами, химическим оборудованием и множеством изданий по криминалистике.

Со стороны штата в команду входил лейтенант Лон Селлитто — детектив из Полицейского управления Нью-Йорка. Он выглядел еще более помятым, чем Деллрей, и был поплотнее. Здесь также присутствовал молодой Эдди Дэн — американец китайского происхождения, детектив из Пятого полицейского участка, на территории которого находился нью-йоркский Чайнатаун. Подтянутый и стильный Дэн был напарником Селлитто.

С федеральной стороны участвовал Хэролд Пибоди — умный, с грушеобразной фигурой мужчина пятидесяти с небольшим. Он занимал крупный пост в манхэттенском отделении СИН — Службы иммиграции и натурализации — и уже не раз сцеплялся с Деллреем. После случая с «Золотой удачей», когда десять нелегалов утонули из-за того, что их судно село на мель у Бруклина, ФБР забрало у СИН дела по расследованию незаконного провоза в страну больших групп иностранцев. СИН была отнюдь не в восторге от передачи юрисдикции другому ведомству, в особенности такому, которое настаивало на сотрудничестве с альтернативными консультантами вроде Линкольна Райма.

Помощником Пибоди был агент СИН Алан Коу, мужчина за тридцать с коротко подстриженными темно-рыжими волосами. Энергичный, но угрюмый, он был «вещью в себе» — мало рассказывал о личной жизни и карьере. Коу становился разговорчивым, лишь выдавая одну из своих утомительных лекций о вреде незаконной иммиграции. Однако работал он без устали и лез из кожи вон, чтобы поймать Духа.

Было без четверти пять ненастного утра. Через загроможденную гостиную Линкольн Райм в инвалидном кресле подкатил к доске с материалами по делу. К ней были прикреплены очень плохой снимок Духа — один из немногих существующих, — а также фотография Сэня Цзицзуня, капитана «Дракона Фучжоу», и карта восточного Лонг-Айленда с прилегающим водным пространством. Заработав в результате несчастного случая на месте преступления паралич четырех конечностей, Райм проводил половину рабочего времени в вишнево-красном инвалидном кресле. Оно было снабжено новейшей электронной системой управления. Райм управлял креслом с помощью единственного действующего пальца.

Четыре дня тому назад к Райму пришли Селлитто, Деллрей, Пибоди и Алан Коу. Ему было не до них, его мысли были заняты надвигавшейся хирургической операцией, но Деллрей сразу завладел его вниманием, заявив:

— Линк, ты наша последняя надежда. Мы просто не представляем, к кому еще обратиться.

Информаторы сообщили, что Дух отправился в некий российский порт, чтобы забрать партию китайцев-нелегалов, сре-

ди которых был и баншоу — его помощник. Предположительно, их конечной целью был Нью-Йорк. Тут Дух исчез.

В надежде, что Райм подскажет, где его искать, Деллрей принес единственное вещественное доказательство, которым они располагали, — дипломат Духа с кое-каким личным имуществом из его конспиративного дома во Франции.

— Почему такой аврал? — спросил Райм, обводя взглядом группу.

— Вероятно, Дух — самый опасный перевозчик нелегалов в мире, — ответил Хэролд Пибоди из СИН. — Он в розыске. Официально на нем одиннадцать трупов — иммигрантов, полицейских и наших агентов. Но мы знаем, что он убил больше. Нелегалов называют «пропавшие»: если они пытаются обмануть аспидов, их убивают, если жалуются, их убивают. По нашей оценке, из тех, кем занимался Дух, за последние несколько лет пропало пятьдесят-шестьдесят человек.

— Он перевозит эту группу лично по единственной причине — расширяет масштаб своих операций в Америке, — заметил Деллрей.

— Хорошо, но почему вы пришли ко мне? Я ничего не знаю о незаконном провозе иностранцев.

— Мы уже все испробовали, а результата никакого, — признался фэбээровец. — У нас нет ни отпечатков его пальцев, ни четких фотографий. Ноль. Только это.

Он кивнул на дипломат.

— Не знаю, джентльмены. — Райм скептически посмотрел на дипломат. — Сделаю, что в моих силах, но чуда не ждите.

Через два дня он позвал их к себе. Помощник Райма Том вручил дипломат агенту Коу.

— Было там что-нибудь интересное? — спросил молодой агент СИН.

— Ничегошеньки, — ответил Райм.

— Вот черт, — пробормотал Деллрей.

Линкольн Райм решил их больше не томить. Он откинул голову на роскошную подушку, которую Том прикрепил к изголовью кресла, и быстро заговорил:

— Дух и приблизительно двадцать-тридцать нелегальных иммигрантов китайского происхождения находятся на борту

грузового судна «Дракон Фучжоу», приписанного к порту Фучжоу, главного города китайской провинции Фуцзянь. Капитан корабля — Сэнь Цзицзунь. Ему пятьдесят шесть лет. В команде семь человек. Четырнадцать дней назад в восемь сорок пять судно отплыло из российского города Выборга. Сейчас оно находится — дайте-ка прикинуть — приблизительно в пятистах километрах от побережья штата Нью-Йорк.

— Как, черт побери, вы это вычислили? — опешил Коу.

— Просто. Я предположил, что они поплывут с востока на запад — иначе поплыли бы прямо из Китая. У меня есть приятель в московской милиции. Я попросил его обзвонить капитанов портов в Западной России. Он сумел раздобыть все декларации, заполненные китайскими моряками за последние три недели. Выяснилось, что только одно судно заправилось топливом в количестве, достаточном на тринадцать тысяч километров хода, в то время как в декларации было заявлено всего семь тысяч километров. Тринадцать тысяч — это расстояние от Выборга до Нью-Йорка и обратно до Англии, где судно можно дозаправить. Капитан собирался высадить Духа с иммигрантами и рвануть назад в Европу.

— Может, в Нью-Йорке слишком дорогое топливо, — предположил Деллрей.

Райм пожал плечами. Это был один из немногих неопределенных жестов, которые позволяло его тело.

— Это еще не все. В декларации «Дракона» указано, что он везет в Америку промышленное оборудование. Осадка «Дракона» при выходе из Выборга составляла три метра. Но полностью загруженное судно такого размера должно иметь осадку по крайней мере семь с половиной метров. Значит, на нем, кроме Духа и иммигрантов, ничего не было. Ах да, я сказал, что их двадцать-тридцать, потому что «Дракон» взял на борт свежей воды и продовольствия именно на такое количество человек.

— Проклятье! — с восторженной улыбкой воскликнул Хэрролд Пибоди.

В тот же день спутники-шпионы засекли «Дракон» приблизительно в четырехстах пятидесяти километрах от американского берега. Теперь же, во вторник перед самым рассветом,

китайское судно вошло в американские территориальные воды, и его преследовал катер береговой охраны «Эван Бригант» с абордажной командой из двадцати пяти матросов и сдвоенным пятидесятимиллиметровым и одним восьмидесятимиллиметровым орудиями на борту.

С гостиней Райма связались по радио с катера. Он приближался к «Дракону». Том включил громкоговорящую связь.

— Агент Деллрей? Говорит Рэнсом — капитан «Эван Бригант».

— Слышу вас, капитан.

— Мы думаем, они нас засекли. Мы не хотим жертв. Прием.

— Каких жертв? — презрительно спросил Коу. — Из числа нелегалов?

— Да. Мы полагали, что должны лишь остановить судно и ждать, когда Дух сдастся. Прием.

Деллрей извлек из-за уха сигарету — память о тех днях, когда он еще дымил, — и принялся разминать ее.

— Нет. Действуйте обычным порядком. Остановите корабль, высадите группу захвата и арестуйте Духа. Разрешаю стрелять на поражение. Сообщение принято?

— Да, сэр. Конец связи.

В комнате повисло напряженное молчание. Тут зазвонил телефон Райма. Том поднял трубку, послушал и посмотрел на Райма:

— Линкольн, это доктор Уивер по поводу операции. — Он обвел взглядом гостиную, набитую представителями правоохранительных органов. — Скажу ей, что вы перезвоните.

— Нет, — отрезал Райм. — Я поговорю с ней сейчас.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕТЕР усилился, волны высоко вздымались над бортами бесстрашного «Дракона Фучжоу». Дух внимательно осмотрел кормовую часть корабля, но не нашел своего баншоу.

Он взобрался на капитанский мостик и постучал в иллюминатор. Капитан Сэнь поднял глаза. Надев вязаную шапочку, он послушно вышел под дождь.

— Скоро здесь будет береговая охрана, — перекрывая рев ветра, закричал Дух. — Оставь этих людей на мостике, а сам с остальной командой иди вниз к поросятам и спрячься.

— Но почему?

— Потому что ты хороший человек. Слишком хороший, врать не умеешь. Я выдам себя за капитана. Я умею смотреть людям в глаза так, что они верят каждому моему слову. Ты так не можешь.

— Это мое судно.

— Нет, — возразил Дух. — В этом плавании «Дракон» — мое судно. Я плачу тебе зелеными. — Дух кивнул в сторону матросов на мостике: — Скажи им, чтобы выполняли мои приказы.

Сэнь колебался. Дух посмотрел ему прямо в глаза — спокойным, но пугающим взглядом. Сэнь отвел глаза и поторопился на мостик отдать распоряжения.

Десять судей ада...

По палубе к корме «Дракона Фучжоу» прополз мужчина. Он перевесил голову за борт, и его снова начало выворачивать наизнанку. Всю ночь он пролежал у спасательного плота. Как только начался шторм, он сбежал из зловонного трюма, чтобы очистить желудок, в котором все перемешалось от качки. Так холодно и плохо ему было первый раз в жизни. Он представил себе, что море — сошедший с ума дракон, и ему захотелось захватить из кармана тяжелый пистолет и выстрелить в чудовище.

Его звали Сонни Ли, хотя при рождении ему дали имя Канмэй, что означало «Борец с Америкой». Детей, рожденных при

режиме Мао, было принято называть такими политически верными именами. Однако, как это часто бывало с ребятами из прибрежной части Китая — Фуцзяни и Гуандуна, он имел еще и западное имя. Пацаны из его банды прозвали его Сонни в честь сына Дона Корлеоне из фильма «Крестный отец».

Десять судей ада...

Ли был готов к тому, чтобы его забрали адские бестии. Он бы сознался во всех проступках, которые совершил в жизни.

Он оглянулся, и ему показалось, что он видит Духа, но желудок свело, и ему пришлось повернуться к поручню. Ли забыл обо всем на свете, кроме десяти судей ада, повелевших демонам проткнуть ему копьями живот. Его снова начало рвать.

Высокая женщина прислонилась к машине. Контраст впечатлял — рыжие, разметанные ветром волосы, старый желтый «шевроле-камаро» с откидным верхом, черный нейлоновый пояс, надежно прижимавший к бедру кобуру с пистолетом.

Амелия Закс в джинсах и ветровке с капюшоном, на спине которой красовалось «ПУН: ОБСЛЕДОВАНИЕ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ», смотрела на бурлящие воды гавани у Порт-Джефферсона на северном побережье Лонг-Айленда. Она обвела взглядом участок сосредоточения. СИН, ФБР, полиция округа Саффолк и ее собственная бригада окружили автостоянку у пляжа, который в обычный августовский день бывал забит загорающими семьями и подростками. Однако тропический ливень отпугнул отдыхающих.

Поблизости припарковались два автобуса для перевозки заключенных, полдюжины карет «скорой помощи» и четыре фургона с полицейским спецназом. Теоретически «Дракон» должен был приплыть, уже полностью находясь под контролем экипажа катера «Эван Бригант».

Зазвонил сотовый Закс, и она устроилась на сиденье «шевроле», чтобы поговорить. Звонил Райм.

— Мы думаем, они нас засекли, Закс. «Дракон» повернул к берегу. Мы считаем, что Дух готовится к схватке.

Райм сделал паузу, и Закс спросила:

— Она звонила?

Поколебавшись, он ответил:

— Да, минут десять назад. На той неделе в Манхэттенской больнице будет окно. Она перезвонит и расскажет подробней.

Речь шла о докторе Черил Уивер, знаменитом нейрохирурге. А под «окном» имелась в виду экспериментальная хирургическая операция, которую могли сделать Райму и которая, быть может, вывела бы его из состояния полного паралича. Закс эту затею не одобряла.

Райм не любил смешивать личные дела и работу.

— Я перезвоню, — сказал он, и телефон замолк.

Думая об операции, она вспомнила недавний разговор с другим доктором. Две недели назад Закс стояла в приемной больницы. К ней с пугающе серьезным видом подошел врач в белом форменном халате.

— Вот вы где, мисс Закс.

— Здравствуйте, доктор.

— Я только что встречался с терапевтом Линкольна Райма.

— Судя по вашему виду, новости плохие.

— Почему бы нам не присесть где-нибудь в уголке?

— Мне и тут хорошо, — твердо сказала она. — Говорите все как есть.

Закс посмотрела на гавань, на длинный причал, к которому должен был подойти «Дракон Фучжоу». Чтобы перестать думать об ослепительно яркой приемной, она переключила «моторолу» на частоту береговой охраны.

— Сколько до берега? — спросил Дух у двух оставшихся на мостике матросов.

— Километра полтора. Мы повернем прямо у мели и попробуем войти в гавань.

— Не отклоняйтесь от курса. Я на минуту отойду.

Ветер и дождь хлестали Духа по лицу. Он спустился на грузовую палубу, потом еще ниже, подошел к металлической двери в трюм с поросятами и заглянул внутрь.

— Баншоу! — крикнул он.

Ответа не последовало.

Дух закрепил засовы, чтобы дверь нельзя было открыть изнутри, и поспешил к своей каюте, находившейся на капитанской палубе. Взбираясь по лестнице, он достал из кармана малень-

кую черную коробочку, открыл ее и нажал сначала одну кнопку, потом вторую. Радиосигнал пронесся сквозь две палубы к черному вещевому мешку, который он оставил в кормовой части трюма ниже ватерлинии. В мешке было два килограмма гексогена.

Взрыв получился мощный, много сильнее, чем ожидал Дух. С лестницы его отбросило на верхнюю палубу. Слишком много взрывчатки! — сообразил он. Корабль сразу набрал воды и начал крениться. Через считанные минуты он пойдет ко дну. Дух посмотрел в сторону каюты, в которой лежали его деньги и оружие, и еще раз обвел взглядом все палубы в поисках баншоу. Того не было видно. Дух прополз через палубу к ближайшему спасательному плоту и начал его отвязывать.

Словно сотни кувалд ударили по железу. Иммигрантов швырнуло на холодный мокрый пол. Сэм Чан встал и поднял младшего сына, который упал в грязную лужу, а затем помог жене и пожилому отцу.

— Что случилось? — крикнул он капитану, который пробирался к двери на палубу.

— Не знаю. Или Дух взорвал корабль, или по нам стреляет береговая охрана, — отозвался тот.

— Что происходит? — спросил Чана охваченный паникой сосед по имени У Цичэнь.

Его жена лежала на соседней койке. В течение всего путешествия у нее не спадал жар, она была вялой и сонной и даже сейчас, казалось, не понимала, что в трюме воцарился хаос.

— Мы тонем! — крикнул капитан и с несколькими матросами бросился открывать засовы. К ним присоединился Сэм Чан, но толстые металлические прутья не сдвинулись ни на миллиметр.

Чан почувствовал, что «Дракон» резко кренится. Холодная морская вода сквозь швы металлической обшивки врывалась в трюм. Несколько человек кричали и барахтались в воде. Женщина со шрамами на лице схватила свою маленькую дочь. Мощный стон тонущего корабля заполнил зловонный трюм.

Мужчинам не удавалось открыть запоры.

— Здесь не получится. Нужен другой выход, — сказал капитану Чан.

— Вход в машинное отделение, — Сэнь показал на маленький люк, привинченный к полу четырьмя болтами.

Чан с капитаном подобрался к нему. С помощью ножа Сэня они умудрились отвинтить болты. Чан надавил на люк, и тот упал в соседнее помещение. Вода заполняла и машинное отделение, но там ее было меньше, чем в трюме. Чан разглядел лестницу, ведущую на верхнюю палубу.

Увидев проход, иммигранты закричали и в панике ринулись к нему. Капитан Сэнь и Чан встретили их плечом к плечу.

— Проходите по одному, — крикнул капитан. — Через машинное отделение, вверх по лестнице. На палубе — спасательные плоты.

Первым выбрался Джон Сун — врач и диссидент, за ним — молодая супружеская пара. Сун нагнулся, чтобы помочь остальным.

Капитан поймал взгляд Чана.

— Идите!

Чан махнул своему пожилому отцу, и тот пролез в люк. За ним последовали сыновья Чана — юноша Уильям и восьмилетний Рональд — и жена Мэймэй. Чан тоже вылез и остановился, чтобы помочь Суну вытащить остальных.

Следующей была семья У Цичэня — он сам, его больная жена, их дочь-подросток и маленький сынишка.

Чан протянул руку в трюм, чтобы на нее оперся очередной человек, но тут корабль качнуло, и Сун упал. Чан помог ему встать.

— Я в порядке, — крикнул Сун и сжал амулет, который носил на шее.

Корабль стал крениться быстрее. Трюм наполнялся водой. Мы тонем, подумал Чан. Один из дизельных двигателей заглох, и свет погас. В машинное отделение хлынул мутный бурлящий поток, Чан видел теперь лишь лицо капитана Сэня. Чан махнул ему, чтобы тот выбирался, но капитан исчез в трюме, однако через несколько секунд подплыл к люку и что-то протянул сквозь потоки морской воды.

Чан запустил руки во вспененную воду, схватил сверток и потянул к себе. Это оказался младенец — дочь женщины со шрамами. Девочка задыхалась, но была в сознании. Чан креп-

ко прижал ее к груди и поплыл к лестнице. Борясь с ледяным потоком, он выкарабкался на палубу.

От увиденного он просто онемел — корма судна ушла под воду, и серые штормовые волны заливали половину палубы. У Цичэнь, отец и сыновья Чана пытались отвязать большой оранжевый надувной плот. Чан отдал девочку жене и, спотыкаясь, ринулся на помощь. Когда веревку наконец развязали, Чан усадил на рвущийся плот свою семью, семью У, Джона Суна и молодую пару. Мощные волны быстро вынесли плот с палубы.

Чан принялся яростно дергать шнур навесного мотора. Мотор взревел, и он направил плот в море. Сделав круг, сквозь туман и дождь он поплыл к гибнущему кораблю.

— Что вы делаете? — спросил У.

— Мы должны найти остальных! — крикнул Чан.

В метре от них просвистела пуля.

Дух был в ярости. Он стоял на носу тонущего «Дракона Фучжоу», схватив тросовый талреп спасательного плота, и смотрел туда, где только что заметил сбежавших поросят.

Он выстрелил еще раз и снова промазал. Его перекосило от злости, когда плот скрылся за «Драконом».

Дух взобрался на плот, столкнул его с судна и внимательно огляделся. На поверхности воды то появлялись, то исчезали две головы. Это были матросы, они отчаянно махали ему руками. Дух поднял армейский пистолет 51-й модели и двумя выстрелами покончил с обоими.

Дух запустил мотор и еще раз огляделся в поисках баншоу, но того не было видно. Вероятно, помощник упал в воду и утонул. Что ж, у Духа были и другие дела. Он развернул плот к тому месту, где в последний раз видел поросят.

Сэм Чан, невольный капитан хрупкого плота, посмотрел на своих пассажиров. Две семьи — его собственная и семья У — сбились на корме. На носу сидели доктор Джон Сун и выбравшиеся из трюма супруги, которых Чан знал только по именам — Чаохуа и Роз.

Жена Чана сняла свитер и закутала в него крошечную дочку женщины с изуродованным лицом. Чан вспомнил имя девочки,

и его сердце сжалось от боли. По И, Дитя-Сокровище, была счастливым талисманом их плавания.

— Плыдем к берегу! — закричал У. — Он в нас стреляет!

Чан посмотрел на бурлящее море.

— Мы должны спасти всех, кого сможем. Ищите!

— Там! — вскрикнул семнадцатилетний Уильям. — Кажется, там кто-то есть.

Чан разглядел в десяти метрах темное пятно, а рядом с ним — маленькое белое. Возможно, голову и руку. Он подплыл поближе и действительно обнаружил бледного, захлебывающегося мужчину. Чан вспомнил, что его зовут Сонни Ли. Все путешествие Ли сторонился остальных, однако сейчас он нуждался в помощи.

Чан направил плот на большую волну и увидел в пятидесяти метрах оранжевое пятно — плот Духа.

Чан заглушил мотор, лишь подплыв вплотную к Ли, перевесился через борт, схватил его за руку и втащил на плот. Выстрел. Рядом с ними взметнулся фонтанчик воды, и Чан направил плот за тонущее судно, чтобы оно загородило их от Духа.

Еще выстрел. Пуля чиркнула по воде у плота. Если Дух попадет в плот, они утонут в считанные минуты.

Внезапно раздался оглушительный рев. «Дракон Фучжоу» завалился на бок и исчез под водой. Огромный вал, поднятый тонущим судном, покатился, как ударная волна от бомбы. Плот аспиды резко развернуло и унесло из виду.

Хотя Сэм Чан был педагогом, художником и политическим активистом, он, как и многие китайцы, верил в знамения. На миг ему показалось, что, возможно, богиня милосердия Гуань-инь вступилась за них и обрекла Духа на смерть в пучине.

Но тут Джон Сун воскликнул:

— Дух здесь. Он гонится за нами!

Значит, у Гуань-инь сегодня другие дела, с горечью подумал Сэм Чан. Если хотим выжить, нам придется рассчитывать только на себя.

— Он потопил судно, — прошептал Лон Селлитто.

Фред Деллрей застыл как вкопанный, а Хэролд Пибоди и Алан Коу уставились друг на друга. Селлитто дослушал сообщение по телефону и взглянул на Райма:

— Линк, судно пошло ко дну. Береговая охрана точно не знает, что произошло, но их приборы уловили подводный взрыв, а через десять минут «Дракон» исчез с радара.

Райм впился взглядом в карту Лонг-Айленда.

— Далеко от берега?

— Километрах в полутора.

Линкольн Райм был страшно на себя зол. Зная, как опасен Дух, он должен был предвидеть такой поворот. Перестань думать о мертвых, часто повторял он себе, забудь. Но забыть он не мог, особенно об этих несчастных.

Райм думал, что после задержания судна, ареста Духа и обследования места преступления его участие в деле закончится и он продолжит готовиться к операции. Но теперь он не мог выйти из игры.

Зазвонил телефон Деллрея. После короткого разговора он сообщил остальным:

— Береговая охрана утверждает, что два моторизованных плота плывут к берегу. — Он подошел к карте и показал: — Вероятно, плоты где-то здесь. Береговая охрана отправила катера поискать выживших, а мы посылаем наших людей в Порт-Джефферсон к месту предполагаемой высадки. Но они оттуда в восьмидесяти километрах, и ехать им двадцать минут.

— Неужели нельзя кого-нибудь туда побыстрее отправить? — спросил Пибоди.

После секундного размышления Райм скомандовал в прикрепленный к креслу микрофон:

— Телефон.

Амелия Закс гнала свой спортивный «камаро» со скоростью двести километров в час. На «торпед» красовалась синяя мигалка — присоска плохо держалась на откидном верхе.

Пять минут назад ей позвонил Райм и велел ехать в Порт-Джефферсон, чтобы подоспеть к берегу одновременно с Духом и спасшимися с судна нелегалами. С ней рядом сидел молодой полицейский из спецназа Полицейского управления Нью-Йорка.

Далеко позади них, рассекая стену дождя, ехали фургон выездной бригады, полдюжины саффолкских полицейских, каре-

ты «скорой помощи» и разномастные машины СИН, полицейского спецназа и ФБР.

Зазвонил мобильник.

— Как твои успехи, Закс? — поинтересовался Райм.

— Гоню изо всех сил. Есть уцелевшие?

— Похоже, большинство не выбралось.

— Слышу знакомые нотки, Райм. Это не твоя вина.

— Учту твое мнение. Ты осторожно едешь?

— Еще бы, — ответила она, перескочив в соседний ряд.

Сидевший рядом с ней полицейский зажмурился.

— Нас вызывает катер береговой охраны. Больше не могу говорить. — Райм сделал паузу и попросил: — Закс, ищи внимательно, но бдительности не теряй.

— Хорошо сказал. Напечатаем твою заповедь на футболках выездной бригады.

Плот подплыл ближе к берегу, и скалы обозначились отчетливее. Стали видны их острые выступы.

— Он все еще здесь, за нами! — крикнул У.

Чан обернулся и увидел маленькое оранжевое пятно — плот Духа. Он их преследовал, но плыл медленнее. Должно хватить времени найти грузовики, которые отвезут их в Чайнатаун, прикинул Чан. Он вгляделся в береговую линию. Дождь затруднял видимость, но он различил что-то похожее на дорогу и огни деревни.

Тут прямо перед ними выросли скалы. Чан быстро сбавил ход и круто повернул, едва избежав столкновения. Внезапно заглох мотор. Чан сильно дернул за шнур. Мотор чихнул и замолк. Еще раз, еще дюжину раз. Его старший сын наклонил бензобак и крикнул:

— Пусто!

Чан увидел впереди еще одну гряду скал. Волны подхватили плот, словно доску для серфинга, и понесли на нее. Резина со свистом разорвалась, и плот начал быстро сдвигаться. Сидевших спереди Сонни Ли, Джона Суна и молодую пару выкинуло в бурлящее море и закрутило в волнах.

У и Чаны, которые сидели на корме, сумели удержаться. Плот еще раз ударил о скалы. Жену У швырнуло на каменный

выступ, но затем отбросило обратно. Оглушенная, с разодранной рукой, она повалилась на плот. Плот наконец миновал скалы и, быстро сдуваясь, поплыл к берегу. Галечный берег был метрах в десяти.

— К берегу! Живо! — крикнул Чан.

Они плыли целую вечность. Даже Чан, самый сильный из всех, начал задыхаться. В конце концов он почувствовал под ногами скользкие от водорослей камни и, спотыкаясь, выбрался из воды.

Обессиленные люди рухнули на гальку. Через какое-то время Сэму Чану удалось встать. Он посмотрел на море, но не увидел ни плота Духа, ни выброшенных за борт иммигрантов. Он упал на колени и уперся лбом в песок. Их попутчики и друзья были мертвы, а за ними самими гнался убийца. Зато они живы и на суше. Чан и его близкие, обогнув половину земного шара, наконец-то закончили бесконечное путешествие к своему новому дому — Америке, Прекрасному Краю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В полукилометре от берега Дух пригнулся, пытаясь защитить мобильник от дождя и волн. Телефон плохо ловил, но ему удалось дозвониться до Джерри Тана, который ждал его где-то поблизости на берегу. Запыхавшийся от бешеной погони, Дух приблизительно объяснил Джерри, где высадится — в трехстах-четырехстах метрах к востоку от того места, где вроде бы виднелись магазинчики и дома.

— Береговая охрана, — сказал Тан, и его голос утонул в помехах. — Я слушаю... сканер... должен уматывать.

Дух заорал:

— Если увидишь поросят, убей. Ты меня слышал? Они где-то рядом на берегу. Найди их! Убей!

— Убить? Ты хочешь...

Но плот захлестнула волна, Духа промочило насквозь, и телефон замкнуло. Он с отвращением выбросил его.

Впереди замаячила скала, Дух направил плот мимо нее к широкому пляжу левее городка. Через минуту плот врезался в берег и скинул своего пассажира на песок. Дух увидел Джерри Тана, который ждал его в серебристом полноприводном БМВ на покрытой песком дороге в двадцати метрах от пляжа. Он поднялся на ноги и поспешил к машине.

Толстый небритый Тан заметил его, подъехал ближе и распахнул дверцу.

— Надо уезжать! — Тан кивнул на полицейский сканер: — Береговая охрана подключила к поискам полицию.

— Где поросята? — оборвал его Дух.

— Не видел ни одного.

Краем глаза Дух уловил шевеление у берега. Мужчина в серой одежде карабкался из воды на скалы, словно раненое животное. Дух отступил от БМВ и достал из-за пояса пистолет.

— Жди здесь.

— Что ты делаешь? — испуганно крикнул Тан. — Нам нельзя ждать.

Но Дух не обращал на него внимания. Поросяенок поднял глаза и увидел приближающегося Духа. Но он, видимо, сломал ногу и не мог не то что бежать, а даже стоять. И он отчаянно пополз обратно к воде.

Сонни Ли открыл глаза и поблагодарил десять судей ада — не за то, что выжил, а за то, что первый раз за две недели его не выворачивало наизнанку.

Он неподвижно лежал под морозящим дождем, и тошнота прошла. Тогда он с трудом поднялся. Берег был пуст. Однако Ли помнил, что огоньки деревни были справа, и поковылял в том направлении по замеченной песком дороге.

Где же Дух? — гадал он.

Словно в ответ прозвучал короткий хлопок, который Ли определил как пистолетный выстрел.

Но кто стрелял? Дух или местный житель? (Каждому известно, что у всех американцев есть оружие.) Может, полицейский?

Лучше поостеречься. Ли очень хотел поскорее найти Духа, но знал, что нужно быть осторожным. Он отступил с дороги в кусты и пошел вперед так быстро, как только позволяли сведенные судорогой ноги.

Услышав резкий звук, все остановились.

— Это был... — начал У Цичэнь.

— Да. Выстрел, — пробормотал Чан.

— Он убивает нас. Выслеживает и убивает.

— Знаю, — оборвал Чан.

Тревоги по поводу того, удастся ли уговорить водителей отвезти их в Чайнатаун, оказались напрасными. Грузовиков не было. Чан и У несколько минут звали Суна, Ли и остальных, но потом Чан увел обе семьи с дороги, и они пошли на огни, укрываясь за кустами.

Оказалось, что свет горел в деревне, где было несколько закусовых, бензоколонка, сувенирные лавки, церковь и десять-двенадцать домов. Приближался рассвет, но не все в деревеньке спали. Перед двумя закусовыми стояла дюжина машин, в том числе седан — без шофера, но с работающим двигателем. Однако Чану требовалась машина на десять человек, пропажу которой не заметят по крайней мере два или три часа. Ему говорили, что столько ехать до Чайнатауна в Нью-Йорке.

Он велел остальным ждать за высокой изгородью и махнул сыну Уильяму и У, чтобы те следовали за ним.

— Не наступайте в грязь, — приказал Чан. — Идите только по траве и камням. Не нужно оставлять следов.

Диссиденты в Китае быстро обучаются конспирации.

Наконец они дошли до последнего здания в этом ряду — маленькой церкви. Свет в ней не горел, и, видимо, внутри никого не было. За церковью они обнаружили старый белый фургон. Чан немного знал английский, но не понял, что на нем написано. Однако по настоянию Чана оба его сына много лет изучали язык и культуру Америки.

— Истонская баптистская церковь Пресвятой Троицы, — перевел Уильям.

— Пойдем быстрее, посмотрим, открыт ли он, — заторопился У.

Но фургон был заперт. Чан обшарил взглядом мокрую от дождя землю, нашел кусок металлической трубы и с размаху ударил по окну — оно разбилось вдребезги. Чан забрался на пассажирское сиденье и поискал в бардачке ключи. Не обнаружив их, он вылез наружу.

Внезапно услышав шум, он в ужасе обернулся. Его сын ударом ботинка разбил замок зажигания, вытащил провода и прилаживал их один к другому, пока мотор не заработал. Чан уставился на него, не веря своим глазам.

— Где ты этому научился?

Паренек пожал плечами. Потрясенный Чан буравил его взглядом. Он ожидал, что сын смутится и потупится. Но Уильям лишь молча посмотрел на него. Сам Чан никогда бы так не посмотрел на своего отца.

У вцепился ему в руку:

— Пойдем к остальным!

— Нет. Приведи их сюда. Иди той же дорогой.

У быстро ушел.

В фургоне Уильям нашел дорожный атлас.

— Ты знаешь, куда ехать? — спросил его Чан.

— Как-нибудь разберусь. — Юноша поднял глаза. — Хочешь, я поведу? — спросил он и добавил: — У тебя это не слишком хорошо получается.

Чан опешил от таких слов. Но тут показался У с остальными, и Чан поспешил помочь жене и отцу.

Он убил двоих поросят — раненого мужчину и женщину, но на плоту их было около дюжины. Где остальные?

Громкий гудок — сигналил Джерри Тан.

Дух еще раз внимательно осмотрел берег. Куда они подевались? Может, они...

Взвизгнув колесами, внедорожник вырулил на дорогу и быстро понесся прочь.

— Нет! Стой!

Разъяренный Дух прицелился и выстрелил. Пуля попала в дверцу багажника, но машина не остановилась. Дух остолбенел. Он находился в ста двадцати километрах от конспиративных квартир на Манхэттене, его помощник, скорее всего,

мертв, а у него ни денег, ни сотового телефона. Сюда ехала куча полицейских, и Тан только что его бросил.

Дух несколько раз глубоко вздохнул и успокоился. Да, сейчас у него куча проблем, но за свои сорок с небольшим лет он побывал и не в таких переделках. И он сумел понять, что неудача — всего лишь временное явление. Суть его личной философии выражалась одним словом — найсинь, по-китайски — «терпение».

Положив пистолет в карман, Дух пошел к маленькому городку. Ближайшим зданием была закусочная. Перед ней стояла машина с работающим двигателем. Значит, удача уже повернулась к нему!

А взглянув на море, Дух увидел кое-что и рассмеялся. Опять везение — неподалеку от берега сражался с волнами поросенок. Дух достал пистолет и пошел назад к морю.

ВЕТЕР дважды сбивал Сонни с ног. После утренних мытарств тащиться по рыхлому песку было выше его сил. Несмотря на опасность быть замеченным, он проковылял к вымытой дождем дороге и пошел на огни деревни. Ли спешил изо всех сил, боясь, что аспид уедет до того, как он его найдет.

Но секунду спустя он получил подтверждение того, что Дух все еще здесь — прогремело несколько выстрелов. Тут Сонни увидел на берегу оранжевый спасательный плот и предположил, что это плот Духа. Он направился к плоту, но, едва сойдя с дороги, увидел синие отблески. СИН? Служба безопасности?

Ли поспешно укрылся в кустах. Свет мигалки становился все ярче. Из-за пелены дождя вынырнула желтая спортивная машина и с ходу остановилась метрах в ста от него. Ли медленно пополз к машине.

Стоя на берегу, Амелия Закс смотрела на тело женщины.

— Он убивает их, Райм, — прошептала она в микрофон «моторолы». — Убил мужчину и женщину. Стрелял в спину.

К ней спешил полицейский с автоматом на изготовку.

— Нет никаких следов Духа, — крикнул он, перекрывая шум ветра. — Люди из ресторана, там, вверх по дороге, сказали, что кто-то минут двадцать назад угнал машину.

Полицейский сообщил Закс описание «хонды» и ее номер, она передала все Райму.

— Лон объявит машину в розыск. Он был один? — спросил Райм.

— Думаю, да.

Держа руку на пистолете, Закс огляделась:

— Мы собираемся искать иммигрантов, Райм.

Закс ожидала, что он будет против и велит ей сначала обследовать место преступления — пока стихия не уничтожила улики. Но он лишь сказал:

— Удачи, Закс. Отзвони, когда начнешь работать.

Двое полицейских потрусили вдоль берега. Второй плот они нашли метрах в ста от первого. Инстинктивной реакцией Закс было обследовать его на предмет улик, но она осмотрелась в поисках иммигрантов и укрытий, в которых мог залечь Дух.

Услышав отдаленный вой сирен и увидев, что в городок въезжает вереница машин, Закс неохотно прекратила поиск иммигрантов и матросов — для этого здесь теперь было достаточно народу — и побежала к бело-синему фургону выездной бригады криминалистов.

Как только специалисты бригады огородили берег желтой лентой, Закс надела поверх влажных джинсов и майки белый непроницаемый комбинезон с капюшоном — последний писк криминалистической моды. Он предотвращал попадание на место преступления волос, частиц кожи и капель пота полицейского.

А что это было за место преступления! Одно из самых обширных, какие ей доводилось обследовать, — полтора километра берега, шоссе и заросли кустов по ту сторону асфальта. И возможно, где-то поблизости затаился вооруженный преступник.

— Райм, это плохой объект. Слишком большой, здесь всего слишком много.

— Как это, слишком большой, Закс? Мы обожаем большие места преступлений, там столько изумительных уголков, где можно найти улики.

«Изумительных», мрачно подумала она и, подойдя вплотную к сдувшемуся резиновому плоту, начала ходить «по сетке». Это такой метод поиска улик, когда коп прочесывает местность в одном направлении — взад и вперед, как будто косит

газон, а потом проделывает то же в перпендикулярном направлении. Суть метода состоит в том, что, глядя на предмет под одним углом, можно пропустить то, что видно под другим. Райм настаивал, чтобы Закс действовала именно так.

Следующий час Закс под яростным дождем и порывами ветра осматривала пляж, дорогу и заросли за ней, словно ищущий ракушки ребенок. Она обследовала неповрежденный плот и нашла на нем сотовый телефон. Затем приступила к сдуваемому плоту, который вытащили на берег двое полицейских. В конце концов Закс собрала все возможные улики: гильзу, образцы крови, отпечатки пальцев — и сфотографировала поляроидом следы ног.

Включив рацию, она сообщила Райму:

— Тут что-то не так.

— Некорректно формулируешь. Что ты имеешь в виду?

— Иммигранты исчезли. Они ушли с пляжа, пересекли дорогу и спрятались в кустах. С той стороны дороги я нашла их следы. А потом они просто испарились.

— Прекрасно, Закс. Ты только что шла по следу Духа. Ты видела, что он сделал. Ты — Куань Ан, тебя называют Гуй, Дух. Ты мультимиллионер, поставщик нелегалов — аспид. Убийца. Ты только что потопил судно и прикончил дюжину человек. Что у тебя на уме?

— Найти остальных и убить, — моментально ответила она. — Найти и убить. Не знаю зачем, но мне необходимо это сделать.

— Хорошо, Закс. А теперь подумай об иммигрантах. За ними гонится такой человек. Как поступят они?

Из бессердечного убийцы и аспида Закс мгновенно перевоплотилась в одного из несчастных иммигрантов.

— Я не собираюсь прятаться, — твердо ответила она. — Я буду как можно скорее уносить отсюда ноги. Нам нужна машина.

— И как ты ее раздобудешь?

— Не знаю, — ответила она, расстроившись оттого, что ответ был где-то рядом, но все еще ускользал от нее.

— Неподалеку есть дома?

— Ничего нет.

— Не может быть, Закс. Ответ где-то рядом.

Она вздохнула и стала перечислять:

— Я вижу перевернутую лодку, коробку с пустыми бутылками из-под пива «Сэм Адамс». Перед церковью...

— Церковь? — ухватился Райм. — Иди туда. Сейчас же!

На негнущихся ногах она пошла к церкви. Райм объяснил:

— Как, по-твоему, церкви привозят детишек на службы и отвозят обратно? На микроавтобусах, которые как раз вмещают дюжину человек.

— Не исключено, — скептически заметила Закс.

Она обогнула церковь и обследовала мокрый грунт — отпечатки ботинок, осколки армированного стекла, труба, которой разбили окно, и следы шин фургона.

— Есть, Райм. Целый набор свежих отпечатков. Черт, а это умно! Они добрались сюда, идя по камням и траве, чтобы не оставлять следов.

— Узнай у священника про фургон, — распорядился Райм.

Закс попросила полицейского позвонить священнику, и через несколько минут выяснилось, что это был белый «додж» с названием церкви на боку. Она сообщила Райму номер, он сказал, что информирует сборщиков платы за проезд по мостам и туннелям на предполагаемом направлении следования иммигрантов — Манхэттен, Чайнатаун.

На ноющих от хронического артрита ногах Закс тщательно прошла по сетке позади церкви, но больше ничего не нашла.

— Райм, по-моему, здесь уже нечего ловить. Систематизирую улики и возвращаюсь.

Она отсоединилась. Подойдя к фургону выездной бригады, Закс велела спецам отвезти все в городскую квартиру Райма и пошла к «камаро». Рухнула на переднее сиденье и стала кратко записывать свои наблюдения. Закс вовремя подняла глаза и увидела морскую пену — над скалой на три метра взметнулась волна. Она крепко зажмурилась и рукавом вытерла капли с внутренней поверхности лобового стекла.

Что это? Обломок «Дракона Фучжоу»?

Нет, тут же поняла она, за скалу цепляется человек.

Закс схватила «моторолу» и связалась со службой спасения округа Саффолк.

— Нахожусь чуть восточнее города. У меня утопающий, нужна помощь.

— Поняли. Выезжаем. Конец связи.

Закс вылезла из машины и пошла вниз к берегу. Она увидела, как большая волна оторвала мужчину от скалы и швырнула в море. Он ушел под воду, но потом вынырнул.

— Господи, — пробормотала Закс.

Наплевав на боль в коленях, она побежала к океану, отстегивая на ходу пистолет и пояс с боекомплектom. У кромки прибоя она скинула туфли и, не сводя глаз с утопающего, вошла в холодную бурлящую воду.

Сонни Ли выполз из кустов, и ему стало лучше видно рыжеволосую женщину. Она скинула туфли и, преодолевая волны, поплыла к какому-то тонущему человеку. Ли не смог разглядеть, кто это. Но в любом случае женщина снова приковала к себе его внимание. Он наблюдал за ней из укрытия, с тех пор как она появилась на берегу — уже больше часа.

Женщина его заинтересовала. Она приехала на ярко-желтой машине с военным, вооруженным автоматом. Когда она повернулась спиной, он мельком увидел надпись «ПУН» у нее на ветровке. Значит, она была полицейским Службы общественной безопасности.

Сексуальная, подумал Ли, хотя сам предпочитал спокойных изящных китаянок. А волосы! Какой цвет! Он дал ей прозвище Хунце, что по-китайски означало «рыжая».

Ли посмотрел на дорогу и увидел, что к ним мчится машина спасательной службы. Надо было действовать немедленно, пока женщина не вернулась. Он прокрался через дорогу к желтой машине. Его интересовала не машина, а пистолет и деньги. Открыв дверцу, он проскользнул в салон и начал обыскивать бардачок. Оружия не было. Он со злостью подумал о своем пистолете, лежавшем на дне океана. Сигарет тоже не было. Ли залез в ее кошелек и обнаружил около пятидесяти долларов. Он положил деньги в карман и просмотрел ее записи. Ли неплохо говорил по-английски, но читал с трудом. Продираясь через написанное, он распознал имя Духа — Куань Ан. Сунув листок в карман, он выбросил остальные в открытую дверцу, чтобы выглядело так, будто их разметал ветер.

Ли бросил взгляд на бушующий океан и увидел, что Хунце сражается с волнами не менее отчаянно, чем утопающий. Но это была не его забота. Сейчас самым главным для него было остаться в живых и найти Духа.

Амелии Закс приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы удержаться на поверхности вместе с утопающим. Мужчина ей совершенно не помогал. Он был ранен выстрелом в грудь, его левая рука болталась как плеть.

Задышавшись, Закс плыла к берегу. Там ее ждали двое санитаров с носилками и кислородным баллоном. Голень свело судорогой, Закс вскрикнула и быстро пошла ко дну. Темная серая вода поглотила ее. Ох, Линкольн, подумала она. Я тону... Что это?

Барракуда, акула, черный угорь... Что-то выскочило из глубины и обхватило ее вокруг груди. Оно потащило ее вверх, и через несколько секунд она жадно вдыхала воздух.

Аквалангист службы спасения округа Саффолк в черном гидрокостюме выплюнул изо рта загубник и произнес:

— Все в порядке, мисс.

Второй аквалангист поддерживал иммигранта.

— Судорога, — выдохнула Закс. — Не могу пошевелить ногой. Больно.

— Просто расслабьтесь, я сам вас доставлю к берегу.

Наконец Закс почувствовала под ногами гальку. Пошатываясь, она вышла на берег и взяла протянутое одним из санитаров одеяло. Отдышавшись, она подошла к лежащему на носилках иммигранту с кислородной маской на лице. Рубашка у него была расстегнута, санитар дезинфицировал кровоточащую рану.

— Можно задать ему несколько вопросов? — спросила Закс.

— Минимум, — ответил тот.

— Как вас зовут? — спросила она иммигранта.

Он приподнял кислородную маску:

— Джон Сун.

— Я — Амелия Закс из Полицейского управления Нью-Йорка. — Она показала свой жетон и удостоверение. — Что произошло?

Мужчина снова приподнял маску:

— Меня выбросило с плота. Перевозивший нас аспид — мы называем его Дух — выстрелил в меня и не попал. Я скрылся под водой, но мне нужно было вынырнуть, чтобы подышать. Он ждал. Он опять выстрелил и попал. Я притворился мертвым и, когда снова посмотрел, увидел, как он садится в красную машину и уезжает. Я попробовал поплыть к берегу, но не смог. Я просто цеплялся за скалы и ждал.

Закс рассмотрела мужчину. Он был красив и казался вполне крепким.

— Как остальные? — спросил он. — Они в безопасности?

В полиции не принято делиться информацией со свидетелями, но, увидев озабоченность китайца, Закс ответила:

— К сожалению, двое мертвы.

Мужчина закрыл глаза и правой рукой сжал амулет, висевший на кожаном шнурке у него на шее.

— Сколько людей было на плоту? — спросила Закс.

Он на секунду задумался.

— Всего четырнадцать. А Дух? Он скрылся?

— Мы делаем все, чтобы его найти.

Врач отдал ей бумажник иммигранта. Большую часть содержимого вода превратила в месиво, но на одной визитке можно было разобрать напечатанное по-английски имя — доктор Сун Кай.

— Кай? Это ваше имя?

Он кивнул.

— Но обычно я зовусь Джоном.

— Вы доктор? В смысле — врач?

Он снова кивнул.

— Доктор Сун, у вас есть предположения, куда мог направиться Дух?

— Нет. Он с нами никогда не разговаривал, обращался как с животными.

— А куда могли податься остальные иммигранты?

— К сожалению, не знаю. Нас должны были отвезти куда-то в Нью-Йорк, но никто нам не говорил, куда именно. — Доктор Сун посмотрел на океан и произнес: — Он запер трюм и взорвал судно. Со всеми людьми.

Из подъехавшей черной машины вышел мужчина в костюме — агент СИН. Закс отдала ему бумажник Суна. Он просмотрел его и присел на корточки.

— Доктор Сун, я из Службы иммиграции и натурализации. Боюсь, нам придется задержать вас за незаконный въезд на территорию Соединенных Штатов.

— Я хочу получить политическое убежище.

— Хорошо, — устало сказал агент. — Но мы все же должны вас задержать до выяснения всех обстоятельств.

Закс вмешалась и спросила агента:

— Вы можете отвезти его в ваш центр временного содержания на Манхэттене? Он — свидетель.

Агент пожал плечами:

— Мне все равно, куда его везти.

Продолжая рассеянно сжимать амулет, Сун внимательно посмотрел на Закс и тихо произнес:

— Спасибо, мисс. Вы спасли мне жизнь.

Она кивнула, посмотрев прямо в его черные глаза.

Краем глаза Амелия Закс уловила, как около ее машины мелькнуло что-то белое. Она подняла голову и увидела, что ветер гонит к морю листки с ее записями. Поморщившись, она побежала к машине.

II

ПРЕКРАСНЫЙ КРАЙ

В игре побеждает тот, кто предвидит развитие событий, — тот, кто может просчитать тактику противника, разгадать его план и обойти его.

Игра в вэйчи

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жизнь сборщика платы за проезд не сахар. Но отставной нью-йоркский коп, дежуривший тем дождливым утром в будке туннеля Куинс-Мидтаун, радовался тому, что хоть на этот раз что-то разнообразило рутину. Всех сборщиков платы при въезде на Манхэттен срочно проинформировали о том, что у побережья Лонг-Айленда затонуло судно, одно из тех, что перевозят нелегалов. Часть китайцев с этого судна ехали в город на белом фургоне с названием церкви на боку. Туда же направлялся и сам доставщик нелегалов на красной «хонде». Согласно сводке, некоторые или все китайцы были вооружены.

Бывший коп вытер вспотевшие ладони о брюки — к будке подъезжал белый фургон с надписью на боку и водителем-китайцем.

Он достал из кобуры старый служебный восьмимиллиметровый «смит-вессон» и положил его за кассу. Он бы задержал фургон, но что, если китайцы поведут себя как-нибудь неожиданно? Он решил, что тогда наставит на них пистолет и прикажет выйти из фургона.

До фургона оставалось три машины. Сборщик платы снова вытер вспотевшую ладонь о штанину.

Сначала Сэм Чан волновался, что длинный ряд машин выстроился из-за того, что дорогу заблокировали, но потом увидел будки и решил, что они на границе города.

— Мы должны заплатить, — спокойно сказал Уильям.

— За что? — спросил Чан.

— Это платный туннель, — объяснил Уильям. — Мне нужно три с половиной доллара.

В поясе у Чана были тысячи мокрых и соленых юаней. Он не решился обменять их на доллары на черном рынке Фучжоу — это могло подсказать Службе общественной безопасности, что он собирается бежать из страны. Однако в фургоне они нашли пятидолларовую купюру.

Фургон медленно полз вперед. Перед ними осталась одна машина. Мужчина в будке внимательно их рассматривал.

— Мне это не нравится, — сказал Уильям. — Он что-то подозревает.

— Мы ничего не можем сделать. Езжай вперед, — велел отец.

Уильям подъехал к будке и остановился. Сборщик платы вцепился во что-то за кассой.

Уильям протянул деньги. Контролер вздрогнул.

Что-то не так? Он дал слишком много или слишком мало?

Мужчина, подавшись вперед, дрожащими пальцами взял купюру и покосился на борт фургона. Там было написано: «Все для дома».

Отсчитывая сдачу, контролер бросил взгляд в кузов. Чан моллился, чтобы он увидел там только две дюжины молодых деревьев, которые они с Уильямом и У выкопали в парке. Остальные китайцы лежали на полу, спрятавшись под листвой.

Контролер отсчитал сдачу:

— Хороший магазин «Все для дома».

— Спасибо, — поблагодарил Уильям.

Он тронулся, набрал скорость, и через миг они въехали в туннель.

Что ж, его тактика сработала. Чан понял, что американская полиция могла поступить так же, как китайская Служба общественной безопасности, — перекрыть дороги. Поэтому они остановились у громадного торгового центра, посередине которого был работавший круглосуточно магазин «Все для дома».

В такую рань продавцов было мало, и Чан, У и Уильям без труда проскользнули на склад. Там они украли банки с краской, кисти, необходимый инструмент и вернулись к фургону. Но до этого Чан сходил в торговый зал и поглазел на потрясающий магазин. Он увидел длиннющие ряды — тысячи электроприборов, садовая мебель, грили, двери, окна, ковры.

— Сейчас я беру эти вещи, чтобы мы выжили. Но как только заработаю немного, за все заплачу, — сказал он Уильяму.

Вернувшись к фургону, они обнаружили, что рядом припарковался грузовик. Уильям поменял номера, и они поехали к городу, завернув по дороге на брошенный завод. Там Чан и У закрасили название церкви. Дав высохнуть белой краске, Чан, всю жизнь занимавшийся каллиграфией, написал на фургоне «Все для дома» тем же шрифтом, который видел на рекламе магазина.

Да, фокус удался. Из туннеля они выехали на улицы Манхэттена. Серый асфальт, подумал Чан. Ни золотого шоссе, ни алмазного города, как обещал бедолага капитан Сэнь.

Разглядывая дома и улицы, Чан гадал, что их ожидает впереди. В принципе, за доставку в Америку он был должен Духу кучу денег. По заключенному с Духом соглашению, он обязывался ежемесячно частями отдавать долг. Многие иммигранты работали непосредственно на аспидов, которые переправили их в страну. Но Чан не доверял Духу. Поэтому он сам договорился о работе для себя и Уильяма и через брата своего друга подыскал квартиру в Нью-Йорке. Он твердо намеревался выплатить долг, но теперь, после того как «Дракон Фучжоу» утонул, а Дух пытался их убить, соглашение утратило силу.

Чан оглянулся на пассажиров в кузове. Жена У, Юнпин, была в плохом состоянии. Она повредила руку при ударе о скалы, и рана до сих пор кровоточила. Дочь-подросток У, хорошенькая Чиньмэй, была явно перепугана. Ее брат Лан и младший сын Чана были одноклассниками. Мальчики глазели в окно и о чем-то шептались.

Пожилой Чан Цзечи сидел неподвижно. Его редкие седые волосы были зачесаны назад, он молчал, наблюдая за происходящим из-под полуопущенных век.

Фургон остановился — впереди была пробка. Уильям посигналил.

— Тихо, — одернул его отец. — Не привлекай к нам внимания.

Юноша снова нажал на гудок. Чан вышел из себя.

— Где ты научился так заводить машины? — прошипел он.

— Я угонял машины только у коммунистических боссов. Ты бы не стал возражать, верно?

Это был намеренно дерзкий ответ. Сын намекал на политические статьи Чана, причинившие столько страданий семье и вынудившие их бежать в Америку.

Чан отвернулся. Его словно ударили по лицу. Конечно же, с Уильямом и раньше были проблемы. Когда он принес домой письмо, в котором учитель ругал его за плохие отметки, он заявил, что это не его вина. Что его преследуют в школе за то, что отец у него диссидент, выступает против закона об одном ребенке в семье и критикует Коммунистическую партию Китая.

Чан понял, что, работая по десять часов в типографии, а по ночам занимаясь политической деятельностью, он, в сущности, не уделял времени сыну. Посмотрев на людные улицы, он сказал Уильяму:

— Ты прав. Я бы не смог завести фургон. Спасибо.

Тот словно не услышал.

Через двадцать минут они уже ехали по широкой улице Чайнатауна, которая и по-английски, и по-китайски называлась Канал-стрит. Дождь кончался, и на тротуарах, вдоль которых тянулись сотни бакалейных и сувенирных лавок, рыбных лотков, ювелирных магазинов и пекарен, было полно народу.

— Останови здесь, — велел Чан, и Уильям припарковал машину у тротуара.

Чан и У выбрались, вошли в магазин и спросили продавца о землячествах — тонгах. Чан искал тонг Фуцзяни, поскольку обе семьи были из этой провинции. Владения тонга находились всего в нескольких кварталах. Чан и У вскоре нашли, что искали.

Джимми Ма в сером, усыпанном сигаретным пеплом костюме приветствовал их и пригласил наверх, в свой захламленный кабинет. Он был президентом Фуцзяньского землячества Восточного Бродвея, фактически мэром этой части Чайнатауна.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказал он по-китайски, показывая на два стула из разных гарнитуров. Оглядев грязную одежду и растрепанные волосы гостей, он заметил: — Ха, вам, похоже, есть что рассказать.

У Чана и впрямь имелась история, но вымышленная. Он решил не рассказывать незнакомцам, что они с «Дракона Фучжоу» и Дух, возможно, их ищет.

— Мы только что прибыли на судне из Гондураса.

— Как зовут вашего аспида?

— Мы так и не узнали его имени. Себя он называл Ловкачом.

— Мексиканец? Я не работаю с аспидами-латиносами.

— Он забрал наши деньги, — зло сказал Чан, — и бросил нас на причале. А должен был обеспечить документами и транспортом. — Притворясь разгневанным, он продолжил: — У меня двое детей и младенец. А у моего друга больная жена. Нам нужна помощь.

— Какая именно?

— Документы. Для меня, моей жены и старшего сына.

— Конечно, конечно. Я могу кое-что устроить — водительские права, карточки социального страхования. Но с ними не получить настоящую работу. Ублюдки из СИН теперь обязывают фирмы всех проверять.

— У меня есть договоренность о работе, — сообщил Чан и добавил: — Моему отцу нужен врач. — Он кивнул в сторону У: — И его жене тоже.

— Вам нужно поехать в городскую больницу. Там вас примут.

— Хорошо. Сколько стоят документы?

— Полторы тысячи зеленых.

Надо же, полторы тысячи долларов! Безумная сумма. У Чана в поясе было юаней примерно на пять тысяч долларов. Это была вся наличность его семьи.

— Не пойдет.

Через несколько минут они сговорились на девятистах долларах за все документы.

— Еще нам нужен фургон. У вас можно взять напрокат?

— Конечно, конечно.

Поторговавшись еще немного, они договорились об оплате.

— Назовите ваши имена и адреса для документов.

Ма повернулся к новенькому компьютеру и стал бегло печатать под диктовку Чана. Он поднял глаза:

— Значит, вы остановитесь в Куинсе?

— Да, друг подыскал нам квартиру.

— Не думаете, что мой маклер справился бы лучше?

— Он брат моего лучшего друга.

— А, брат друга. Хорошо. — Ма кивнул на экран и спросил У: — Вы оба по этому адресу?

Чан открыл рот, чтобы сказать «да», но У опередил его:

— Нет, нет. Я хочу остановиться в Чайнатауне. Ваш маклер сможет найти мне квартиру?

— У него есть временное жилье. Можете пожить там, потом он подберет постоянное.

Пока Ма печатал, Чан близко наклонился к У и прошептал:

— Нет, Цичэнь. Ты должен ехать с нами. Дух найдет тебя.

Но У было не переубедить:

— Нет, мы останемся здесь.

Ма начал писать записку для У, и Чан замолчал. Закончив, Ма протянул ее У:

— Это адрес маклера. Сами с ним рассчитаетесь. — Потом Ма распорядился, чтобы подогнали фургон: — Ну, вот. Дело сделано. Разве не удовольствие работать с такими толковыми людьми?

Они одновременно встали и пожали друг другу руки.

— Один вопрос. Этот аспид, мексиканец. У него нет причин преследовать вас? Вы ему ничего не должны? — спросил Ма.

— Ничего.

Утреннюю тишину пронзил отдаленный вой сирен. Звук нарастал, и Линкольн Райм понадеялся, что это возвращается Амелия Закс. Вещдоки, собранные Закс на берегу, уже были доставлены, а ей пришлось на обратном пути заехать на место второго преступления и обследовать его. Угнанный церковный фургон обнаружили в Чайнатауне. Его бросили в переулке. Фургон проехал через все посты, потому что нелегалы не только нацепили на него краденый номер, но и заменили название церкви качественно подделанным логотипом сети магазинов «Все для дома».

— Умно, — отметил Райм.

Он позвонил Закс, велел ей пересечься в центре с автобусом выездной бригады и осмотреть фургон.

Хэролд Пибоди из СИН ушел, но Алан Коу, Лон Селлитто, Фред Деллрей и подтянутый Эдди Дэн остались. К ним присоединился стройный, лысоватый и сдержанный Мэл Купер — один из лучших криминалистов нью-йоркской полиции. Он монтировал оборудование и раскладывал вещдоки.

По указанию Райма Том прикрепил к доске карту Нью-Йорка рядом с картой Лонг-Айленда и прилегавшего водного пространства, по которой они отслеживали продвижение «Дракона Фучжоу».

Через секунду дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошла Амелия Закс. В ее спутанных волосах застряли кусочки водорослей и грязь, а джинсы и форменная рубашка были мокрыми и в песке.

Деллрей удивленно поднял бровь.

— Было немного свободного времени, вот я и поплавала, — объяснила Закс. — Привет, Мэл.

— Привет, Амелия, — ответил тот.

Закс отдала ему новые пакетики с вещдоками и пошла к лестнице, бросив на ходу:

— Буду через пять минут.

Райм услышал, как зашумел душ, и через пять минут она вернулась. Закс надела синие джинсы и черную майку — в шкафу его спальни она держала кое-какую одежду.

Купер в резиновых перчатках доставал из пакетиков вещдоки и раскладывал в соответствии с местами преступления. Райма охватил азарт — начиналась охота.

— Отлично, — сказал он. — Приступим. — Он обвел взглядом комнату: — Том! Будешь нашим писарем. Записывай своим красивым почерком наши содержательные догадки.

Вздохнув, Том заправил в рубашку фиолетовый галстук, чтобы не запачкать его маркером, и подошел к белой доске.

— У нас два места преступления — берег океана и фургон. Начнем с берега, — распорядился Райм.

Зазвонил телефон Деллрея. Тот ответил. После короткого разговора он дал отбой и сообщил:

— Пока больше выживших не обнаружено. Но береговая охрана нашла в море три тела — двоих застрелили, один утонул. Они посылают нам снимки и отпечатки пальцев.

— Ясно, — лаконично произнес Райм. — Закс, что произошло на берегу?

Прислонившись к лабораторному столу, она просмотрела свои записи.

— Четырнадцать человек приплыли на спасательном плоту и высадились в километре к востоку от Истона. — Она подошла к доске и показала это место на карте Лонг-Айленда. — Когда они подплывали к берегу, плот напоролся на скалы и стал сдвигаться. Четырех иммигрантов выбросило в море и вынесло на берег. Остальные десять держались вместе. Они угнали церковный фургон и уехали.

— Снимки отпечатков обуви? — спросил Райм.

Закс протянула Тому конверт. Он прикрепил к доске сделанные поляроидом фотографии.

— Отлично, — заметил Райм, изучая отпечатки. — Похоже, что у нас семь взрослых, двое детей и младенец. Возможно, один мужчина — пожилой, он волочит ноги. Я решил, что это мужчина, по размеру отпечатка. И кто-то ранен, вероятно женщина, если судить по размеру ее следов. Мужчина, идущий рядом, ей помогает.

— На берегу и в фургоне была кровь, — добавила Закс.

— Есть образцы? — спросил Купер.

Она отдала Куперу пластиковый пакет с пробирками. Тот подготовил образцы для анализа и заполнил бланк для лаборатории судебно-медицинской экспертизы.

Закс продолжила:

— Дух высадился на берег в двухстах метрах восточнее места высадки иммигрантов. Затем, — произнесла она надтреснутым от волнения голосом, — он начал преследовать и убивать иммигрантов. Он нашел двоих, упавших с плота, и застрелил. Третьего ранил. Четвертый пока не найден.

— Где раненый? — спросил Коу.

— Увезли в центр временного содержания СИН на Манхэттене. Он сказал, что не знает, куда могли направиться иммигранты и Дух. — Закс снова сверилась с записями: — На доро-

ге у берега ждала машина, но уехала. Думаю, Дух в нее стрелял. То есть мы, возможно, получим свидетеля, если удастся найти машину. — Закс передала Мэлу Куперу листок: — Размеры колесной базы и снимки отпечатков шин.

Криминалист отсканировал снимки, загрузил их вместе с размерами в компьютер и послал в идентификационную базу данных полицейского управления.

— Не должно занять много времени, — заметил он.

— А что по поводу остальных грузовиков? — спросил молодой детектив Эдди Дэн.

— Каких грузовиков? — не поняла Закс.

Алан Коу пояснил:

— В условия договора доставки входит наземный транспорт. Иммигрантов должны были ждать грузовики.

Закс отрицательно покачала головой:

— Не обнаружила никаких следов. — Она еще раз осмотрела пакетики с вещдоками. — Зато нашла вот это.

Она подняла пакетик с сотовым телефоном.

— Отлично! — воскликнул Райм. — Фред, пусть твои люди его обследуют.

— Понял, — сказал Деллрей.

— Какой-нибудь след загадочного помощника? — спросил Райм.

— Нет. Дух на плоту плыл один, и стрелял только он.

Райм нахмурился:

— Не люблю, когда рядом болтаются неопознанные преступники. На этого баншоу нет решительно ничего?

— Ничего. У Духа таких помощников пруд пруди, — пробормотал Селлитто.

— И никаких следов четвертого иммигранта? Того, что упал с плота?

— Нет.

Тогда Райм спросил у Закс:

— Есть материал для баллистической экспертизы?

Она подняла пакетик с гильзами, чтобы Райм их осмотрел.

— Калибр семь-шестьдесят два. Но у гильзы необычная длина и неровная поверхность. Мэл, посмотри в базе данных.

Когда Райм возглавлял отдел криминалистики Полицейского управления Нью-Йорка, он потратил месяцы на составление баз данных по стандартам вещдоков — образцов веществ и их источников. Например, бензина, нитей, волокон, грунта. Одна из самых обширных баз содержала информацию о гильзах и пулях.

— Вернемся к твоему захватывающему рассказу, Закс.

— Дух знал, что береговая охрана примерно представляет, где он. Третьего иммигранта, Джона Суна, он заметил в море и стрелял в него, затем угнал «хонду» и смылся. — Она взглянула на Райма: — О машине что-нибудь известно?

Селлитто ответил, что пока ничего, и добавил:

— Однако Дух много раз бывал в Нью-Йорке. Он знает все въезды и выезды и уже должен быть здесь.

Райм заметил, что фэбээровец озабоченно нахмурил брови.

— В чем дело, Фред?

— В отчетах, которыми меня пичкают агенты, говорится, что у него надежная сеть в городе. Тонги и уличные банды Чайнатауна — это само собой, но, кроме того, у Духа есть связи в правительстве.

Что ж, подумал Райм, теперь у нас шпионы в собственных рядах. Он посмотрел на Закс и спросил, употребив профессиональный термин для отпечатков пальцев, ладоней и обуви:

— Есть «картинки»?

— Сняла несколько фрагментов с плота и сотового телефона.

— Отсканируйте и проверьте по базе данных.

— Еще я нашла вот это. — Закс показала металлическую трубу. — Один из них разбил ею окно фургона.

Мэл Купер взял пакет с трубой и, надев хлопчатобумажные перчатки, аккуратно извлек ее.

— Использую вакуумное обследование, — сообщил он.

Через несколько минут у Купера было четкое изображение нескольких отпечатков пальцев. Он сфотографировал их и вручил снимки Тому. Тот пришпилил их к белой доске.

— Райм, по берегу у меня все, — подытожила Закс.

Криминалист посмотрел на доску. Пока что вещдоки сообщали ему очень мало.

— Займемся фургоном, — сказал он.

Закс приколола к доске снимки фургона.

— Что известно о номере? — спросил Райм.

— Снят с грузовика на стоянке в округе Саффолк, — ответил Селлитто.

— Что нашли в фургоне? — спросил Райм у Закс.

— Они выкопали кучу деревьев и сложили их в кузове. Думаю, чтобы спрятать остальных и создать впечатление, будто они из отдела доставки магазина «Все для дома». Но больше я ничего не нашла. Только отпечатки пальцев, несколько тряпок и кровь.

Она отдала Куперу поляроидные снимки взятых в фургоне отпечатков.

Райм посмотрел на белую доску взглядом скульптора, оценивающего камень, перед тем как взяться за резец, и обратился к Деллрею:

— Как вы собираетесь строить расследование?

— Первое — будем искать Духа, второе — семьи, за которыми он охотится, — ответил агент ФБР.

Райм кивнул.

— Мне придадут еще дюжину агентов здесь, — продолжил Деллрей, — а в Квонтико я добуду для нас группу из отдела спецопераций.

Отдел спецопераций, или ОС, — это держащаяся в тени структура ФБР, лучшее оперативное подразделение во всей стране.

Запищал телефон Коу. Тот выслушал сообщение и отключился.

— Звонили из СИН по поводу нелегала Джона Суна. Его только что отпустили под письменное обязательство явиться в суд. — Коу поднял бровь. — Политического убежища просят все, кого ловят при высадке, но Сун, похоже, может его получить. В Китае он довольно известный диссидент.

— Где он теперь? — спросила Закс.

— С адвокатом, которого ему выделил Центр защиты прав человека. Он отвезет Суна на квартиру в районе Канал-стрит. Адрес у меня есть. Съезжу побеседую с ним.

— Давайте лучше я, — предложила Закс. — Я, можно сказать, ему жизнь спасла.

Коу неохотно сообщил ей адрес, она показала его Селлитто.

— Нужно установить за домом наружное наблюдение, — заметил тот. — Если Дух выяснит, что Сун уцелел, он и за ним будет охотиться.

— Прошу внимания, — заявил Райм. — Каков основной метод нашего расследования?

— Искать основательно, но быть начеку, — ответила Закс.

— Вот и не забывай. Мы не знаем, где Дух. Мы не знаем, где его баншоу и кто он.

Затем Райм снова изучил представленные на доске вещественные доказательства. Он каждое сверлил глазами, словно умолял выдать свои тайны и вывести на след убийцы и несчастной дичи, на которую охотился аспид.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Приняв душ и переодевшись, Дух уселся на кожаный диван в своей квартире на восемнадцатом этаже и принялся смотреть на гавань. Квартира находилась в модной высотке неподалеку от Бэттери-Парк-сити, жилого района на юго-западе Манхэттена, рядом с Чайнатауном.

Он уцелел, потопив судно и удрав с берега, и мог позволить себе забыть о Чанах и У. Но забывать о них было противно его натуре. Поросячьи семейства должны умереть.

Найсинь — всему свое время.

Время подошло к одиннадцати утра. Где же его трое турок?

Добравшись до квартиры, Дух первым делом позвонил по хранившемуся там краденому сотовому в одно из китайских землячеств Куинса — ему несколько раз доводилось иметь с ним дело — и нанял трех человек, чтобы те помогли ему разыскать и убить поросят. Дух хотел по возможности скрыть свою причастность к тому, что должно было произойти, и поэтому не стал обращаться к традиционным тонгам Чайнатауна, а нанял уйгуров.

Большую часть Китая населяют хань — коренные китайцы, говорящие на фуцзяньском, кантонском, мандаринском, тайваньском и других наречиях. Но около восьми процентов территории занимают национальные меньшинства вроде тибетцев, монголов, маньчжуров. Одним из таких меньшинств являются уйгуры. Их родной край до захвата Китаем назывался Восточным Туркестаном, вот почему для Духа они были просто «турками».

Поскольку требовалось уничтожить семьи коренных китайцев, лучших исполнителей трудно было найти. Ими двигали ненависть за многолетнее национальное угнетение и обещанная Духом щедрая плата наличными.

Турки появились через десять минут, обменялись с Духом рукопожатиями и представились: Хаджип, Юсуф и Кашгари. Все они были смуглыми, неприметными, худыми и ростом ниже его. Уйгурского языка Дух не понимал, поэтому все перешли на английский. Дух объяснил, что именно от них требуется, и спросил, не трудно ли им будет убивать безоружных людей, в том числе детей и женщин.

Юсуф ответил за всех:

— Никаких проблем. Сделаем, как скажете. — Как будто он то и дело убивал детей и женщин.

А может, подумал Дух, и убивал.

Ранним утром Сонни Ли ехал на автобусе с Лонг-Айленда. На горизонте медленно вырастал Манхэттен. Циник по натуре, Сонни тем не менее испытывал трепет перед этим автобусом. Он никогда не видел такого «бегемота». Автобус был огромный и роскошный, с туго набитыми сиденьями, чистым полом и окнами без единого пятнышка. Даже кондиционеры работали отлично.

После того как Ли убрался с берега, на который высадились спасшиеся с «Дракона Фучжоу», он поймал попутный грузовик и доехал до красивой автобусной станции. Шофер объяснил Сонни Ли, что здесь он может сесть на маршрутный автобус и добраться, куда ему надо, — на Манхэттен.

Ли отдал кассиру двадцатку — одну из украденных из машины Хунце — и сказал:

— До Нью-Йорка, пожалуйста.

Он старался говорить как можно правильнее, подражая актеру Николасу Кейджу. Кассир дал ему билет и сдачу.

В мужском туалете Ли, как мог, привел себя в порядок и присоединился к хорошо одетым пассажирам на платформе.

Автобус замедлил ход у будки сборщика платы и затем въехал в длинный туннель. Через десять минут он припарковался на оживленной торговой улице. Ли вышел и спросил хорошенькую азиатку, как добраться до Чайнатауна. Та направила его в метро.

Через несколько минут поезд с ревом въехал на станцию, и Сонни сел в вагон. На остановке «Канал-стрит» он вышел и поднялся в шумный утренний город. Он надеялся, что где-то неподалеку есть то, с чем он очень хорошо знаком.

Поиск занял у Ли десять минут. Он увидел охранника — молодого мужчину с сотовым телефоном. Тот курил и глазел на прохожих, скучая у цокольного этажа с замазанными черной краской окнами. Это было круглосуточное игорное заведение.

Ли подошел к охраннику и спросил по-английски:

— Во что здесь играют?

Тот посмотрел на его одежду и даже не стал отвечать.

— У меня есть деньги, — сердито повысил голос Ли. — Впустите!

— Ты из Фуцзяни, видно по акценту. Здесь ваших не жалуют. — Он распахнул куртку, демонстрируя рукоять автоматического пистолета.

Отлично! На это Ли и рассчитывал. Он притворился, что уходит, но потом резко развернулся и вмазал парню кулаком в челюсть. Парень рухнул на асфальт. Пока он лежал, хватая ртом воздух, Ли пнул его в бок.

Взяв пистолет, запасную обойму и сигареты, Ли осмотрел улицу — никого. Тогда он забрал еще наручные часы и триста долларов.

— Скажешь кому, что это сделал я, — найду и убью, — пообещал он охраннику.

Ли поспешил на одну из людных торговых улиц. Найдя дешевый магазин одежды, он купил джинсы, майку и ветровку. В глубине магазина он переоделся и выбросил старое шмотье в

мусорный бак. Затем пошел в китайский ресторан и заказал чай и миску лапши. За едой он достал из бумажника листок, украденный из машины Хунце.

8 августа

От: Хэролда С. Пибоди, заместителя директора оперативно-го отдела Службы иммиграции и натурализации США

Кому: Линкольну Райму

Тема: Совместные действия СИН/ФБР/ПУН по делу Ку-ань Ана, он же Гуй, он же Дух

Подтверждаем, что завтра в десять утра состоится совещание, на котором мы обсудим планы по аресту вышеупомянутого подозреваемого.

К памятной записке была пришпилена визитная карточка:

Линкольн Райм

Сентрал-Парк-уэст, дом 375,
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк 10022

Ли подозвал официантку, и та объяснила, как ему найти улицу Сентрал-Парк-уэст.

— Выглядите вы лучше, — сказала Амелия Закс. — Как самочувствие?

Джон Сун жестом пригласил ее зайти.

— Все болит, — ответил он, закрывая дверь.

Жилье ему нашел адвокат по делам иммиграции — обшарпанную квартиру на Бауэри-стрит. Прямо под ней на первом этаже находился китайский ресторан. Квартира пропахла кунжутным маслом и чесноком.

Из-за раны Сун двигался горбясь. Его неуверенная походка вызвала у Закс прилив острой жалости. В Китае он, как врач, пользовался у больных известным уважением, а здесь у него не было решительно ничего.

— Я приготовлю чай, — сказал он.

Кухни в квартирке не было, но у стены гостиной рядком стояли плита, маленький холодильник и мойка. Сун поставил де-

шевый чайник на фыркающую пламенем горелку и достал из шкафчика коробку с пакетиками.

— Служба эмиграции отпустила вас под расписку? — спросила Закс.

Сун кивнул:

— Я подал ходатайство о предоставлении политического убежища. Меня два года перевоспитывали в лагере, я публиковал статьи с критикой Пекина за нарушение прав человека. В доказательство мы скачали несколько статей из Интернета. Чиновник, который мной занимается, сказал, что у меня неплохие шансы.

Закс смотрела, как Сун ставит на поднос две чашки, надрывает пакетики, опускает их в керамический заварочный чайник и заливает кипятком. Он принес поднос, разлил чай по чашкам и одну протянул ей. Принимая чашку, Закс коснулась его рук — мягких, но сильных.

— Об остальных что-нибудь слышно? — поинтересовался Сун.

— Скрываются где-то на Манхэттене. Неподалеку отсюда мы нашли украденный грузовик. Я бы хотела расспросить вас про них.

— С судна бежали две семьи, Чаны и У, и еще несколько человек. А также трое или четверо из команды.

Закс отхлебнула чая.

— А как насчет Духа? Не сможете нам помочь его отыскать? Он отрицательно покачал головой:

— Мелкие аспиды в Китае нам говорили, что, как только мы высадимся, его и след простынет.

— Мы считаем, что у него на борту был помощник, выдававший себя за пассажира, — заметила Закс. — Не догадываетесь, кто мог им быть?

— Нет, — ответил Сун. — В трюме плыли мужчины, которые ни с кем не разговаривали. Может, он был в их числе. — Сун нахмурился, видимо что-то обдумывая, и затем произнес: — Не знаю, пригодится это вам или нет, но капитан как-то сказал про Духа: «По фу чен чжоу». Буквально переводится: «Разбить котлы и затопить лодки». Вы бы, вероятно, сказали: «Сжечь мосты». Речь идет о завоевателе из династии Цинь. Его войско пере-

шло через реку, чтобы напасть на противника, вот тогда он и приказал разбить походные котлы и потопить лодки. Чтобы после этого выжить, войску нужно было наступать и сломить врага. Дух вроде этого завоевателя.

Не остановится, пока не истребит все семьи, невесело подумала Закс. Наступило молчание, только за окнами шумела Канал-стрит.

Что-то подтолкнуло Закс задать вопрос:

— Ваша жена осталась в Китае?

Сун посмотрел ей в глаза и ответил:

— Она умерла в прошлом году в лагере перевоспитания. Мне так и не сказали, от чего именно.

— Она тоже была диссиденткой?

— Это нас и сблизило. Мы познакомились на акции протеста в Пекине. — Сун замолк и отхлебнул чая. — Я решил, что не смогу оставаться на родине. Решил пробираться сюда и просить политического убежища.

Его рука потянулась к амулету на шее. Закс заметила это движение. Он понял, снял амулет и протянул ей:

— Мой талисман. Может, он и вправду приносит удачу, — Сун рассмеялся. — Он привел вас ко мне, когда я тонул.

— Что это? — спросила она, поднося амулет к глазам.

— Фигурка из Цинтяня, южнее Фучжоу. Тамошний мыльный камень славится на весь Китай. Мне ее подарила жена.

— Фигурка надколота, — заметила Закс и колупнула трещину ногтем. С мягкого камня осыпались пылинки.

— Ударилась о скалу, за которую я цеплялся, когда вы меня спасли.

Фигурка изображала сидящую обезьяну, похожую на человека. Хитрую и сметливую.

— Это Царь Обезьян, — пояснил Сун, — герой китайских мифов.

Закс вернула ему амулет. Сун снова повесил его на шею, и фигурка скользнула на его мускулистую грудь. Под синей рубашкой едва проглядывали бинты на ране от пули Духа. Внезапно Закс ощутила исходящее от Суна необъяснимое чувство умиротворения, хотя, строго говоря, Суна она совсем не знала. Она встала:

— Мне нужно возвращаться к тому, с кем работаю. Его зовут Линкольн Райм.

— Погодите, — остановил ее Сун и взял за руку. В его прикосновении была спокойная сила. — Откройте рот.

— Зачем?

— Я врач. Хочу посмотреть ваш язык.

Она подчинилась — просьба ее позабавила.

— У вас артрит, — констатировал он.

— Хронический. Как вы узнали?

— Я же сказал, что я врач. Приходите еще, я вас подлечу. Китайская медицина лучше любой другой помогает от хронических болей и недомоганий. Вы спасли мне жизнь, мне было бы стыдно остаться перед вами в долгу.

Закс колебалась. Но тут, словно подталкивая ее, колено пронзила острая боль. Закс достала ручку и записала для Суна номер своего сотового телефона.

На Сентрал-Парк-уэст Сонни Ли вконец растерялся. Выходит, охота на Духа ведется из такого вот шикарного особняка? В Китае такое жилье не по средствам и самым высоким чинам СОВ.

Ли выбросил сигарету, перебежал через улицу и нырнул в проход за домом. Остановился, выглянул из-за угла и увидел, что открылась дверь во двор. Из дома вышел молодой человек с безукоризненно подстриженными светлыми волосами. На нем были темные брюки, легкая рубашка и цветастый галстук, в руках — два полиэтиленовых мешка с мусором. Швырнув их в металлический контейнер, он огляделся, вернулся в дом и прикрыл за собой дверь, не щелкнув, однако, замком.

Сонни Ли проскользнул в дверь. Молодой человек, судя по звуку шагов, поднялся по лестнице наверх. Ли выждал, прячась за штабелем картонных коробок, но молодой человек так и не спустился обратно — видимо, занялся другими делами по дому. Ли вышел из укрытия и медленно двинулся вверх по лестнице.

Загрохотали шаги, раздался громкий голос:

— Вернемся через пару часов. Принесем заявку на экспертизу.

Ли услышал, как другой мужчина спросил:

— А то хочешь, Линкольн, кто-нибудь из нас останется?

Еще один голос раздраженно ответил:

— Останется? С какой еще стати? Я одного хочу — чтобы вы делом занялись.

— Ладно, ладно.

Наверху затопали, хлопнула дверь, и наступила тишина. Сонни Ли осмотрелся. Длинный коридор прямо перед ним вел в прихожую. Направо, через площадку, была дверь, видимо в гостиную. Ли заглянул в гостиную — и удивился: комната была забита приборами, компьютерами, столами, таблицами и книгами.

Но поразительнее всего был темноволосый мужчина, сидевший посреди комнаты в каком-то сложном красном кресле на колесах. Он смотрел на дисплей и, похоже, разговаривал сам с собой. Тут до Ли дошло, что мужчина говорит в прикрепленный у рта микрофон, а тот, должно быть, отправляет команды в компьютер. Так этот калека и есть Линкольн Райм?

Подняв пистолет, Сонни Ли шагнул в комнату.

Он так и не понял, откуда взялись эти мужчины. Первый был много выше Ли и черный как сажа, в костюме и ярко-желтой рубашке. Он одним махом выхватил у Ли пистолет, а свой приставил к его виску. Второй, толстый и низенький, повалил Ли на пол и надавил на спину коленями.

— Знаешь английский? — спросил чернокожий.

Но к Ли еще не вернулся дар речи.

Тут появился третий мужчина, китаец, который тоже прятался в комнате. Он был в элегантном темном костюме, на шее у него висела какая-то бирка. Он повторил вопрос по-китайски. Он говорил на кантонском диалекте, но Ли его понял.

— Да, я говорю английский.

Мужчина в инвалидной коляске развернулся лицом к Ли:

— Поглядим, что за рыбку мы выудили.

Чернокожий рывком поставил Ли на ноги. Придерживая его одной рукой, он другой обследовал его карманы. Извлек деньги, сигареты, запасную обойму и листок бумаги, который Ли стащил на берегу.

— Ага, полюбуйте, наш мальчик взял у Амелии что-то, чего ему не положено было брать.

— Вот так он и вышел на нас, — заметил Райм, рассматривая листок и пришпиленную к нему визитку с его адресом. — А я-то ломал голову.

В дверях появился аккуратный блондин.

— Стало быть, взяли, — произнес он без малейшего удивления, и Ли понял: молодой человек застукал его в проходе и нарочно оставил заднюю дверь открытой.

Мужчина в коляске заметил на лице у Ли отвращение.

— Совершенно верно, — сказал он. — Мой глазастый Том углядел вас, когда выносил мусор, и... — Кивнув на дисплей, он произнес: — Команда — тревога. Черный ход.

На экране возникли задняя дверь и проулок.

До Ли внезапно дошло, каким образом патруль обнаружил «Дракона Фучжоу»: его работа — Линкольна Райма.

— Судьи ада! — пробормотал он.

— Не любишь, когда не везет, а? — рассмеялся толстяк.

Чернокожий вытащил из кармана Ли бумажник, помял влажную кожу и передал агенту-китайцу. Толстяк достал переговорное устройство и произнес в микрофон:

— Мэл, Алан, возвращайтесь. Мы его взяли.

Вернулись двое мужчин, те самые, что вышли из дома несколько минут назад. Один, худощавый и лысоватый, не удостоив Ли даже взглядом, сразу сел за компьютер и принялся стучать по клавишам. Другой, с ярко-рыжей шевелюрой, сказал:

— Постойте, это ж не Дух.

— Тогда его пропавший помощник, — заметил Райм, — баншоу.

— Нет, — возразил рыжий. — Этого парня я видел. В прошлом году несколько ребят из СИН, и я в их числе, были в Фучжоу, обсуждали с тамошним управлением СОБ переброску нелегалов. Так он был из их братии.

— Из чьей братии? — буркнул толстяк.

Агент-китаец рассмеялся и показал удостоверение, которое вытащил из бумажника Ли:

— Из нашей. Он коп.

Райм в свою очередь изучил удостоверение и водительские права Ли. На обоих документах имелась фотография задержанного и было проставлено имя: Ли Канмэй, агент Службы

общественной безопасности административного района Люгуань.

Криминалист сказал Деллрею:

— Запроси подтверждение у наших в Китае.

У агента в руке появился крохотный сотовый телефон.

— Ли — имя или фамилия? — спросил Райм.

— Фамилия. А имя Канмэй я не люблю. Я зову себя Сонни.

— Что вы тут делаете?

— Дух на прошлый год убивал три человек в моем городе. Мы хотели его арестовать, но у него большая... — Ли поискал нужное слово, не нашел и обратился к Эдди Дэну: — гуаньси.

— Связи, — перевел Дэн.

Ли кивнул.

— Никто не хотел дать показание против Духа. Потом улики пропадали из управления. Он убивал человек в моем городе. Я хочу делать так, чтобы его судить.

— Как вы проникли на судно?

— У меня в Фучжоу много осведомитель. На прошлый месяц я узнал, что Дух убивал два человек на Тайване и сбежал из Китая, пока тайваньская Служба безопасности кончит его искать. Он уехал на юг Франции, потом будет переправлять иммигранты из Выборга в России на «Драcone Фучжоу» в Нью-Йорк.

Райм рассмеялся. Информация, которой располагал этот растрепанный человечек, была полнее, чем у ФБР и Интерпола, вместе взятых.

— Тогда, — продолжил Ли, — я менял лицо и сделался иммигрант.

— Но как вы намерены были действовать? — спросил Алан Коу. — Мы бы не выдали Духа Китаю.

Ли даже растерялся:

— Зачем выдавать? Вы меня не слушать. Я что говорю — гуаньси. В Китае его отпустят. Я хотел его арестовать, когда мы приплываем. Потом передавать вашей Службе общественной безопасности.

Коу рассмеялся:

— С ним были его баншоу и команда судна. Здесь его встречали мелкие аспиды. Они бы вас прикончили.

— Риск, говорить? Конечно. Но это наша работа, да?

Ли потянулся за сигаретами, которые у него забрал Деллрей.
— Здесь нельзя курить, — остановил его Тони.

В другом конце комнаты раздался слабый писк. Мэл Купер принял вызов. Сингапурское отделение ФБР прислало электронное сообщение с подтверждением, что Ли Канмэй действительно агент Службы общественной безопасности района Люгуань Китайской Народной Республики.

Ли объяснил, как Дух уничтожил «Дракона». Сэм Чан и У Цичэнь с семьями, а также доктор Сун, несколько иммигрантов и грудной младенец покинули тонущее судно на спасательном плоту. Остальные утонули.

— Сэм Чан стал на плоту главный. Хороший человек, умный. Спас мне жизнь. Взял на плот, когда Дух стрелял человек. У — отец другой семьи. У беспокойный. Печень не в ладу с селезенка. Он делает, как придет в голову.

Райму было решительно не до слаженности работы чужих внутренних органов.

— Давайте держаться фактов, — предложил он.

Ли рассказал, как плот налетел на скалу и его, Суна и еще двух человек смыло в море и потащило к берегу. Пока Ли возвращался к выброшенному на берег плоту, Дух успел застрелить двух иммигрантов.

— Я спешу арестовать его, но когда пришел, он исчезал. Я видел, как женщина с рыжими волосами спасал мужчину.

— Джона Суна, — заметил Райм. — Амелия — ее вы и видели — сейчас берет у него показания.

— Хунце, я так ее называю. Ай, хорошенькая. Сексуальная, я что говорю.

Селлитто и Райм обменялись веселыми взглядами.

— Я взял адрес в ее машине и пришел сюда, думал, получу наводку на Духа. Информацию, я что говорю. Улики.

— Украли адрес? — спросил Коу.

— Конечно. Я должен иметь адрес. Вы ведь не помогать мне, да? А я хочу арестовать Духа.

— Что ж, вы правы, — произнес Коу. — Но вы не будете нам помогать. Вы вернетесь в Китай. — Молодой агент полез в карман за наручниками. — Ли, вы арестованы за проникновение на территорию Соединенных Штатов без...

Но Линкольн Райм оборвал агента:

— Нет. Он мне нужен.

— Что?! — опешил Коу.

— Будет консультантом, вроде меня. Раз уж человек пошел на такие жертвы, чтобы замести преступника, я хочу, чтобы он работал на нашей стороне.

— Я помогу, лоабан, будьте уверены. Сделаю много-много.

— Как вы меня назвали?

— Лоабан. Значит — «начальник», «босс». Вы меня здесь оставь. Я могу помогать. Я знаю, что в голове у Духа. Мы с ним из одного мира.

— Не выйдет, — взорвался Коу. — Он нелегал.

Ли пропустил его слова мимо ушей и твердо сказал:

— В моей стране работа важнее зарплата. А знаете, какая нам самая высокая честь? Работать для родной страны, работать для народа. Я так и делаю, и я чертовски хороший коп, я что говорю.

— Откуда нам знать, что он не работает на Духа? — спросил Коу.

Ли рассмеялся:

— Откуда мы знаем, что вы на него не работать?

— Пошел ты... — взорвался Коу.

— Не гони волну, — заметил Деллрей. — Ли будет с нами, пока он нужен Линкольну. Устрой это, Коу. Выправь ему временную визу.

— Вы правильно решал, — сказал Ли. — Я много помогу.

Он подошел к столу и взял свой пистолет.

— Ни-ни-ни, — одернул его Деллрей, — оружия не трогать.

— О'кей, о'кей. Пусть пушка пока у вас.

— Добро пожаловать в команду, Сонни, — сказал Райм и поднял глаза на часы.

Полдень, четверг. Дух вот уже шесть часов как упорно ищет иммигрантов. Быть может, в эту самую минуту он их настиг.

— Ладно, займемся вещдоками.

— Конечно, конечно, — согласился Ли, явно думая о другом. — Но сперва я должен курить сигарету. Можно? Ну, лоабан?

— Хорошо, — бросил Райм. — Но только не в доме.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У Цичэнь промокнул жене лоб. Она, вся в поту, лежала на голлом матрасе в спальне их крохотной квартирки. Ее бил озноб. Квартирку в переулке рядом с Канал-стрит им устроил маклер Джимми Ма.

У не отрываясь смотрел на жену. Страшная головная боль, которой Юнпин мучилась на «Драконе», не проходила. Глянув в открытую дверь, У увидел, как его почти взрослая дочь Чиньмэй развешивает на протянутой поперек гостиной веревке свежестыранную одежду.

У встал и прошел в скудно обставленную гостиную.

— Как она? — спросила девушка.

— В порядке. Поправится, — ответил он. — Схожу куплю ей лекарство.

Он вышел и запер за собой дверь.

На людных улицах Чайнатауна У Цичэнь прислушивался к разноголосице языков и наречий, глазел на большие магазины и скромные лавочки, на горы товаров, на огромные высотные здания, замыкавшие в кольцо Китайский район.

Отыскав аптечную лавку, он вошел и описал фармацевту-травнику симптомы болезни жены. Тот внимательно выслушал и определил недостаток жизнетворной энергии ци и затрудненное кровообращение, осложненные сильной простудой. Затем он набрал связку трав.

Выйдя из лавки, У повернул в сторону своего нового дома, но пошел боковыми улочками и быстро нашел то, что искал, — фучжоуский игорный притон. Предъявил охраннику на входе деньги, и тот его пропустил. Какое-то время У молча сидел, играл в «тринадцать», курил и потягивал выпивку, но потом разговорился с соседями по столу. Разговор вертелся вокруг строптивых жен, непочтительных детей и нового местожительства.

— Вы тут новенький, — заметил какой-то мужчина. — Давно прибыли?

У подвыпил, ему льстило внимание окружающих, и, понизив голос до шепота, он прихвастнул:

— Нынче утром. На корабле, что пошел ко дну.

— На «Драконе Фучжоу»? В новостях сообщали.

— Аспид пытался нас всех убить, но я вывел из трюма целую дюжину. А потом умудрился доставить до берега на спасательном плоту.

— А этот Дух, он какой?

— Трус, вот он кто. Не расстается с пушкой. Бился бы со мной на ножах, как настоящий мужчина, я бы запросто его прикончил. — До У вдруг дошло, что лучше придержать язык, и он сменил тему: — Хочу поглядеть на статую женщины с бухгалтерской книгой.

— С бухгалтерской книгой?

— С ней самой. Женщину показывают в кино про Прекрасную Страну, — объяснил У. — Стоит на острове, в одной руке держит факел, а в другой — свою бухгалтерскую книгу. Она тут, в Нью-Йорке?

— Тут, тут, — ответил кто-то со смехом. — Отправляйся в место под названием Бэттери-Парк, оттуда пароходиком доберешься до статуи.

— За деву с бухгалтерской книгой, — рассмеялся другой. Все осушили стаканы и вернулись к игре.

Райма позабавил суровый взгляд, которым Амелия Закс наградила Сонни Ли, когда тот с гордостью заявил, что он «детектив Службы общественной безопасности Китайской Народной Республики».

— Проверил его? — спросила она Селлитто.

— Меня насквозь проверяли, Хунце. Я чистенький.

— Хунце? Это еще что за черт? — резко спросила она.

Ли воздел руки, словно оправдываясь:

— Хунце значит «рыжая», и только. Ничего плохого. Ваши волосы, я что говорю. Я видал вас на берегу, видал ваши волосы.

— Он в порядке, Амелия, — подтвердил Деллрей.

Закс пожала плечами и обратилась к Ли:

— Что вы там говорили про берег? Вы за мной шпионили?

— Боялся, вы меня отправлять назад. Я тоже хотел шанс поймать Духа.

Он протянул ей несколько мятых банкнот.

— Что это? — нахмурилась Закс.

— Ваша сумочка на берегу, я что говорю. Нужны деньги — я занимаю. Сейчас отдаю. Даже десять долларов больше. Проценты, я что говорю.

Закс, вздохнув, взяла доллары и вернула лишнюю десятку. Затем она рассказала команде о том, что узнала от свидетеля Джона Суна. Райм слегка расслабился, услышав, что Сун подтвердил сообщенное Ли, однако встревожился, когда Закс со слов Суна изложила сказанное капитаном о Духе.

— «Разбить котлы и потопить лодки», — дословно повторила она, объяснив, что это значит.

— «По фу чен чжоу», — сказал Ли, мрачно покачав головой. — Все верно, Дух — он такой.

Закс стала помогать Мэлу Куперу составлять опись собранных в фургоне вещественных доказательств. Она как раз опускала в полиэтиленовый пакет окровавленную тряпку, когда Купер бросил взгляд на газету под пакетом, нахмурился и, достав лупу, принялся ее разглядывать.

— Странное дело, Линкольн, — сказал он, — я упустил эти фрагменты. Какой-то пористый камень.

Закс покраснела и показала пальцы:

— Это от меня. Я брала пакет без перчаток.

— Без перчаток? — резко переспросил Райм.

— Прошу прощения. Я знаю, откуда камень. Джон... доктор Сун показал мне свою обезьяну. Амулет был надколот, и, боюсь, крошки попали мне на ноготь.

— Так, так, — кивнул в подтверждение Ли. — Сун давал малышам на «Драконе Фучжоу» с ним играть. Мыльный камень из Цинтяня, я что говорю. На счастье. Обезьяна, он очень славен в Китае.

Но Райму все это было неинтересно. Он ломал голову над тем, как могла Закс допустить такой вопиющий промах. Промах, какой делают, когда думают совсем о другом.

— Выбросить верхнюю страницу газеты, — распорядился он, не повышая голоса.

Купер занялся газетой, и тут его компьютер издал писк.

— Сообщение. — Он прочитал текст на дисплее: — Прекрасно, поступил анализ крови. Все образцы принадлежат од-

ному человеку, предположительно — женщине. Третья группа, резус-фактор отрицательный.

— На доску, Том, — приказал Райм.

Помощник начал писать. Не успел он закончить, как компьютер снова позвал Мэла Купера.

— Результат проверки отпечатков пальцев.

К огорчению всей команды, снятые Закс отпечатки в базе данных не значились. Однако Райм обнаружил кое-что любопытное в отпечатках на трубе, которой взломали фургон. Было известно, что они принадлежат Сэму Чану. Отпечатки соответствовали обнаруженным на моторе спасательного плота, а Ли подтвердил, что плотом управлял Сэм.

Райм подкатился вплотную к экрану. На подушечке указательного пальца правой руки Чана было углубление. Такие же углубления имелись у него на среднем и большом пальцах. Райм велел Тому зафиксировать этот факт на доске.

Затем позвонил Тоуб Геллер, одно из электронных светил ФБР, и Райм перевел разговор на динамик. Геллер закончил исследование сотового телефона Духа, который Закс нашла на втором плоту.

— Так вот, позвольте вам доложить, — сказал Геллер, — это в высшей степени любопытный телефончик. Его практически невозможно отследить — чип памяти отключен. К тому же это аппарат спутниковой связи. Сигнал идет через правительственную сеть Фучжоу. Дух или тот, на кого он работает, проник в сеть и задействовал ее в своих целях.

— Так давайте, — встрял Деллрей, — позвоним кому надо в этой чертовой Народной Республике и дадим знать, что плохой парень использует их систему.

— Мы звонили. Китайцы стоят на том, что в их сеть невозможно проникнуть и, стало быть, мы ошиблись. Я назвал имя Куань Ана, но они все равно не проявили интереса. Им, скорее всего, хорошо заплатили.

«Один—ноль» в пользу Духа, со злостью подумал Райм.

С базой данных по огнестрельному оружию повезло больше. Мэл Купер выяснил, что гильзы отвечают параметрам двух стволов почти полувековой давности. Один — русский «Токарев» калибра 7,62 миллиметра.

— Однако, — отметил Купер, — готов поспорить, что он стрелял из пистолета пятьдесят первой модели, китайской модификации «Токарева».

— Вот, вот, — поддержал его Ли, — наверняка из пятьдесят первой. Я тоже имел «Токарев», но потерял в море. В Китае больше человек имеют пятьдесят первую.

Прибыл нарочный с конвертом. Лон Селлитто вытащил пачку снимков и посмотрел на Райма:

— Три тела, извлеченные из воды береговой охраной. Двое застрелены, один утонул.

К снимкам были приложены карточки с отпечатками пальцев.

— Убитые — из команды, — сказал Ли. — Третий парень — иммигрант. Плавал с нами в трюме. Не знаю по имени.

— Приколи снимки к доске, — сказал Райм. — Отпечатки проверим по базе данных.

Сонни Ли что-то пробормотал по-китайски.

— Что вы сказали? — спросил Райм.

— Я сказал «судьи ада». Просто такое выражение. Наш китайский миф — десять судей решают, куда писать имя человек в Книгу живых и мертвых. Судьи решают, когда человеку родиться, когда умирать. Всякий на свете имеет свое имя в Книге.

Райм подумал о предстоящей операции и задался вопросом, в какую графу Книги живых и мертвых занесут его имя...

Молчание нарушил очередной писк компьютера. Мэл Купер посмотрел на дисплей:

— Выяснили марку автомобиля на берегу — БМВ-Х5. Внедорожник, такие сейчас в моде.

— Отметь на доске.

Пока Том писал, Ли спросил:

— Кого это машина?

— Мы считаем, что Духа на берегу кто-то ждал, — ответил Селлитто. — На этом БМВ он и приехал.

— Что с ним случилось?

— Похоже, перетрухал и дал деру, — сказал Дэн. — Дух в него стрелял, но он смылся.

— Проверь марку в базах данных автотранспорта, — распорядился Райм.

— Угу. — Купер прошелся по закодированным сайтам БДА и минуту спустя сообщил: — Машина куда популярнее, чем я надеялся. — Он проглядел до конца один список: — Около сорока «пятых иксов» зарегистрированы за корпорациями, полсотни с лишним — за лизинговыми агентствами.

— Есть корпорации с китайскими названиями?

— Ни одной, — ответил Купер. — Знаешь, хоть это грубый прием, но мы могли бы побывать во всех и выяснить, кто там водит БМВ.

— Много возни, а надежды мало, — сказал Райм. — Пусть пара твоих агентов обойдут ближайшие к Чайнатауну.

— Нет, нет, лоабан, — вмешался Ли, — эту машину надо найти. Скоро-скоро.

Райм вопросительно поднял бровь.

— Найти сейчас, — настаивал китайский коп. — Поставь на это многих человек. Всех ваших копов, я что говорю.

— Займет слишком много времени, — возразил Райм. — У нас нет на это людей. Я хочу сосредоточить все силы на поисках Чанов и У.

— Нет, лоабан, — гнул свое Ли. — Дух, он будет убивать того водителя, который его бросил. Он сейчас это делает — ищет его.

— Не-а, — подал голос Деллрей, — ты, сдастся мне, ошибаешься.

— Нет, нет. Найдите того водителя. Он приведет вас на аспида.

— А на чем, Сонни, — осведомился Линкольн Райм, — основан этот ваш вывод? На какие факты он опирается?

— Когда я утром ехать на автобусе в город, я видал знак. — Ли рассеянно потянулся за сигаретами, но отдернул руку, перехватив сердитый взгляд Тома. — Я видал на дороге ворону, он клевал еду. Другой ворона хотел украсть, и первый ворона не просто прогонял второй, он бежал за ним и хотел вырывать ему глаза.

— Ну и?

— Я сейчас вспоминаю этот ворона и начинаю думать о водителе. Он Духу враг. Как ворона, который крал еду. У, Чан — они не делать ничего плохого Духу, я что говорю. А водитель...

Ли наморщил лоб и обратился за помощью к Дэну, который подсказал:

— Предал?

— Да, предал его. Теперь он враг Духу.

Линкольн Райм с трудом удержался, чтобы не посмеяться над китайцем.

— Принято к сведению, Сонни.

— Я вижу ваше лицо, лоабан. Я не говорю, что боги сошли на землю и дали мне знак. Но память о птицах продула мой мозг ветром.

— По-моему, все это чушь, — заявил Райм.

— Находите того водителя. Вы должны, лоабан.

— Может, поручим это дело Солу и Беддингу, — вмешался Селлитто, — и придадим им полдюжины ребят из патрульной службы, а, Линк? Пусть проверят регистрационные карты на «икс пятый» в корпорациях и агентствах Манхэттена и Куинса, но только там. Чайнатаун и китайский квартал во Флашинге — наши.

— Хорошо, хорошо, — в сердцах бросил Райм. Ключющие вороны, обезьяны из камня, Книга живых и мертвых... Он вздохнул и обвел взглядом команду. — А теперь, если не сочтете за труд, может, займемся работой?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Фамилия Чан значит «лучник». Под взглядами сидевших рядом отца, жены и детей Сэм Чан каллиграфическим почерком наносил иероглифы, составляющие его фамилию, на найденный им обломок деревянной планки. Шелковый мешочек с бесценными кисточками из волчьего, козьего и заячьего волоса, чернильным бруском и каменной чернильницей ушел на дно вместе с «Драконом Фучжоу», и ему пришлось воспользоваться ужасной американской авторучкой.

Но Чан еще в юности перенял от отца искусство каллиграфии и упражнялся в нем всю жизнь, поэтому линии у него получились безупречными. Он поставил планку на самодельный картонный алтарь на каминной полке в их новой квартире.

— Ну вот, — объявил он. — Наш домашний очаг.

Чан Цзечи пожал сыну руку и сказал:

— Не хуже других.

Несмотря на эти слова, Сэм Чан испытал прилив жгучего стыда из-за того, что отец по его милости вынужден жить в такой жалкой квартире. Конфуций учит, что сыновний долг стоит у праведного мужа на втором месте, уступая только долгу перед властями предержащими. А жизнь Чанов в обозримом будущем не обещала стать лучше. Он жалел...

В дверь громко постучали.

На миг все застыли. Чан открыл дверь и расплылся в улыбке. Вошел Джозеф Тань, мужчины обменялись рукопожатиями.

Тань, брат друга Чана из Фуцзяни, перебрался в Америку несколько лет тому назад. Поскольку Тань стал гражданином Соединенных Штатов и никогда не числился в диссидентах, он свободно летал из Нью-Йорка в Китай и обратно. Прошлой весной Чан поделился с Танем своим решением перевезти семью в Прекрасный Край. Тань подыскал им эту квартиру и взял Чана со старшим сыном на работу на свое предприятие — небольшую типографию.

— Мы узнали о корабле из новостей, — сказал Тань. — По телеку передали, что аспидом был Дух.

Чан подтвердил.

— Тогда нам следует глядеть в оба. Я думал, вы сразу начнете работать, но раз тут замешан Дух... Не будем спешить. Может, через неделю. — Потом Тань попросил познакомить его с Уильямом.

Чан открыл дверь спальни и сперва с удивлением, а затем с испугом обвел взглядом пустую комнату. Прошел к задней двери и выяснил, что Уильям, удрав, не запер ее на замок. Чан не на шутку встревожился.

— Я должен пойти поискать сына, — сказал он Таню.

Они с Танем вышли на улицу.

— Я ухожу, — сказал Тань. — Не давайте сыну поблажки.

Опустив голову, Чан шел мимо закусочных, ресторанов, больших магазинов. Он заглядывал в лавочки, но сына там не было. Наконец он увидел Уильяма в темном переулке в компании двух незнакомых китайцев. Уильям что-то дал одному из них, тот сунул ему в руку пакет, Уильям опустил пакет в карман. Мужчины повернулись и ушли. Не может быть! Его сын покупает наркотики?

Уильям вышел из переуллка, и Чан схватил его за руку. Парень опешил.

— Как ты мог так поступить? — обрушился на него Чан. — Забыл, что Дух нас разыскивает и хочет убить?

— Отвяжись от меня.

В этот день Чан многое узнал про сына — что тот дерзок, ворует автомобили и ни в грош не ставит узы семейного долга.

По дороге домой Чан спросил:

— Кто эти мужчины, с которыми ты говорил?

— Никто.

— Что они тебе продали? Наркотики?

Уильям в ответ раздраженно промолчал.

Он хотел войти в квартиру первым, но Чан запустил руку ему в карман, выхватил пакет, заглянул внутрь — и обомлел при виде отливающего серебром пистолета.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Купил, чтобы нас защитить, — выкрикнул юноша.

— Я буду нас защищать. И без оружия.

— Ты? — глумливо рассмеялся Уильям. — Ты писал статейки про Тайвань и про демократию и всем нам жизнь испоганил. Ты решил перебраться сюда. Дух уже прикончил других. А если он попытается и нас убить? Что нам делать?

— Будем от него прятаться, пока его не найдет полиция.

— А если она его не найдет?

Ворвавшись в квартиру, Уильям быстро прошел в спальню и захлопнул за собой дверь.

— Где он был? — спросил Чан Цзечи.

— На улице. Вот что он раздобыл. — Чан показал отцу пистолет. — Почему он не уважает меня?

Чан спрятал оружие на верхней полке шкафчика в прихожей и опустился на кушетку рядом с отцом. Старик ка-

кое-то время молчал и наконец с хитрым выражением произнес:

— Где ты набрался своей премудрости, сын? Кто сформировал твой разум, твое сердце?

— Профессора, которые учили меня, книги, коллеги. Больше всего вы.

— Ты учился у своего отца? — с притворным удивлением спросил Чан Цзечи.

— Ну конечно, — нахмурился Чан.

Старик замолчал, но на его серых губах мелькнула слабая улыбка.

— Вы хотите сказать, что Уильям у меня научился? — сказал Чан. — Но я никогда не дерзил вам.

— Мне — нет, а вот коммунистам — несомненно. Дерзил Пекину. Дерзил властям Фучжоу. Сын, ты же диссидент. Вся твоя жизнь — сплошной бунт.

— Но мои враги — подавление воли, насилие.

— Уильям видел только одно — как ты ночами горбишься за компьютером, нападая на власти, и думать не думаешь о последствиях.

Чан хотел было возразить, но смолчал и вдруг ошеломленно подумал, что отец, возможно, прав.

Старик внезапно скривился от боли.

Среди немногих вещей, какие удалось спасти с тонущего «Дракона», была почти полная бутылочка с пилюлями морфия. Притертая пробка не позволила морской воде просочиться внутрь. Чан дал отцу две пилюли и укрыл его одеялом.

В половине второго того же дня Дух быстро шагал по Чайнатауну. Он направлялся в торговую ассоциацию, где его ждали турки. Пришла пора заняться важным делом.

Когда Дух вошел в комнату, Джимми Ма опустил глаза. Аспид пододвинул стул и сел рядом. Он небрежно взял Ма за руку — обычный у китайцев жест — и почувствовал, как она дрожит.

— Я не знал, что они приплыли на «Драконе». Они не сказали. Клянусь. Они меня обманули.

Дух не выпустил его ладони, напротив, чуть стиснул.

— Так где сейчас Чаны и У?

Он нажал посильнее. Ма заскулил, что было приятно слышать.

Ма смотрел на турок и гадал, что у них с собой — ножи, удавки или пистолеты. Но в конечном счете Духу понадобилось всего лишь стиснуть несчастному Джимми Ма ладонь, чтобы тот заговорил.

— В двух разных местах. У Цичэнь — в квартире в Чайнатауне, которую подыскал ему мой маклер.

— Где найти маклера?

Ма назвал имя и адрес.

— Остальные?

— Сэм Чан с семьей устроился в Куинсе.

— В Куинсе? — переспросил Дух. — Где именно?

— Вот. Записано на листке.

Дух глянул на адрес и сунул листок в карман. Он отпустил руку главаря тонга и не спеша стер большим пальцем капельки пота, набежавшие с ладони Ма.

— Вы сделали мне одолжение, я вам благодарен. Не остаюсь перед вами в долгу и окажу ответную услугу.

— Услугу? — переспросил Ма дрожащим голосом.

— Какой у вас бизнес, мистер Ма?

— В основном игорный, — ответил тот, успокаиваясь.

— Ну, конечно же, игорный. Скажите, кто мешает вам в этом деле? Другой тонг? Полиция? Я могу с кем надо поговорить. Я могу сделать так, что ваши игорные дома оставят в покое.

— Ни полиция, ни китайцы мне не мешают. А итальянцы — да. Их юнцы подбрасывают зажигательные бомбы, избивают клиентов, грабят игорные дома.

— Значит, итальянцы, — задумчиво протянул Дух. — Как их там называют? У них есть презрительная кличка, только я не могу ее вспомнить.

— Макаронники, — сказал Ма по-английски.

— Макаронники. — Дух обвел комнату взглядом и наморщил лоб. — У вас тут не найдется жирного маркера? Или какой-нибудь краски?

— Краски? — Глаза Ма следовали за взглядом Духа. — Нет, но я могу позвать снизу помощницу, она принесет.

— Погодите, — сказал Дух, — мне пришло в голову кое-что другое.

Лон Селлитто опустил мобильник и сообщил:

— В Чайнатауне нашли тело. Звонит детектив из Пятого участка.

Райм испугался: неужели Дух выследил и убил еще одного иммигранта? Но Селлитто, закончив разговор, сказал:

— Похоже, Дух к этому отношения не имеет. Убит некто Джимми Ма.

— Знаю такого, — заметил Эдди Дэн. — Главарь тонга.

— Я о нем тоже слышал, — кивнул Алан Коу. — Он не брезговал и любезным приемом.

— Что это значит? — желчным тоном спросил Райм.

— Когда нелегалы добираются до Чайнатауна, — объяснил агент СИН, — им помогает какое-нибудь официальное лицо — находит жилье, снабжает небольшими деньгами. Это называется «любезным приемом».

— Почему ты решил, что убийство не связано с Духом? — обратился Райм к Селлитто.

— В комнате, где нашли тело, на стене над письменным столом было написано: «Вы обзываете нас макаронниками, выживаете нас из домов». Написано, кстати, кровью Ма.

Дэн согласно кивнул:

— Старая распря между мафией и тонгами.

— Быть может, — сказала Закс Райму. — А может, это Дух хочет выдать убийство за дело рук мафиози. Я осмотрю место преступления?

Райм подумал и ответил:

— Нет, ты мне здесь нужна. — Затем он обратился к Эдди Дэну: — Позвони Деллрею в Федерал-билдинг и сообщи об убийстве.

Деллрея не оказалось на месте — он отправился договариваться о подкреплении и группе из отдела спецопераций. Райм снова подкатил кресло к доске с вещественными доказательствами и задался вопросом, что еще можно сделать. Наконец он произнес:

— Давайте еще раз займемся кровью. Посмотрим, вдруг наша раненая страдает наркозависимостью или принимает ка-

кое-нибудь редкое лекарство. Позвони медэкспертам, пусть сделают полный анализ.

Пока Купер звонил в экспертизу, Селлитто принял вызов на свой мобильный телефон. По его лицу Райм догадался, что новости весьма неприятные.

— Снова из Пятого участка, — сказал Селлитто, подняв взгляд на Райма. — Еще одно убийство в Чайнатауне. На этот раз определенно работа Духа. Плохо дело.

— В каком смысле плохо?

— В таком, Линк, что, они сказали, убийство противное.

— Ай, Хунце, — нервно заметил Сонни Ли, когда фургон выездной бригады на скорости сто километров в час подрезал такси, — очень быстро едем.

На заднем сиденье были Эдди Дэн и агент Алан Коу.

— Нам куда, Эдди? — спросила Закс.

— На Бауэри, повернешь налево и через два квартала — направо.

На скользкий от дождя асфальт Канал-стрит она выехала со скоростью семьдесят километров в час, едва не врезалась на повороте в грузовик, но успела выровнять машину и перед Чайнатауном еще прибавила скорость.

— Десять судей ада, — пробормотал Ли.

Через пять минут фургон, вильнув, остановился напротив проулка. Передняя дверь строения, видимо, небольшого склада была открыта. Закс вылезла, Дэн за ней.

— Привет, — поздоровался он с молодым блондином в гражданском костюме. Это был детектив из Пятого участка.

Тот в ответ кивнул, и Дэн познакомил его с Закс.

— Что тут находится? — спросила Закс.

— Склад. Владелец, судя по всему, ни при чем. Мы с ним поговорили, он знает лишь то, что убитый, водитель по имени Джерри Тан, тут работал. Здесь в основном промышляют угоном машин и выездами на подхват.

Он кивком указал на стоящий в проулке полноприводный БМВ-Х5. Тот самый, в котором Тан ездил на Лонг-Айленд встречать Духа. В задней дверце машины было пулевое отверстие.

Патрульный полицейский, привлеченный воплями и выстрелами, проник на склад и нашел то, что осталось от Джерри Тана. Его пытали с помощью ножа или бритвы. На теле во многих местах была срезана кожа, в том числе отрезаны веки. Детектив Сонни Ли со своими воронами оказался прав: Дух первым делом прикончил того, кто бросил его в беде.

— Кто заходил в помещение? — спросила Закс блондина.

— Только полицейский — проверить, жив ли пострадавший.

— Прекрасно, — сказала она. — Этот полицейский мне и нужен.

Детектив поманил женщину в форме.

— Вы хотели меня видеть? — спросила та.

— Только ваш ботинок, — ответила Закс.

Женщина сняла ботинок и отдала Закс, которая сделала снимок подошвы и определила размер ботинка, чтобы не спутать следы женщины со следами Духа и его сообщников.

Закс облачилась в белый комбинезон, предназначенный для обследования мест преступления, и намотала на туфли резиновую ленту, чтобы пометить собственные следы. Подняв глаза, она заметила в дверях Сонни Ли.

— Прошу прощения, — сказала она раздраженно, — но не могли бы вы отойти в сторону?

— Конечно, конечно, Хунце, — ответил он и отступил на шаг. — Какой большой комната. Есть на что посмотреть. Вы ведь знаешь Конфуций, да?

— Не очень.

— Он пишет: «Самое долгое путешествие должен начаться с первый шаг». По-моему, это он писал. А может, не он. Я больше читаю Мики Спиллейн, чем Конфуций.

Заработал головной телефон, Закс включила портативную рацию и обвела взглядом место казни.

— Райм, тут все вверх дном.

— Рассказывай, — велел он. — Сперва дай общую картину.

— Совмещенные склад и офис. Примерно пятнадцать на десять метров. Конторский сектор — три на шесть. Четыре металлических стола, восемь стульев. Нет, девять, один опрокинут. — Тот, к которому привязали Тана, чтобы истязать и при-

кончить. — Ряды металлических полок, уставлены картонными коробками с продуктами.

— Хорошо, начни с сетки, Закс.

Она приступила к поиску. Нашла две стреляные гильзы, но двадцать минут кропотливейшего осмотра не дали практически ничего, что могло бы вывести на укрытие Духа.

Когда в наушниках снова раздался голос Райма, она вздрогнула.

— Рассказывай, Закс.

— Здесь все перерыто, ящики в столах выдвинуты, стекла разбиты.

— В схватке?

— Возможно, но, на мой взгляд, больше похоже на вандализм.

— Следы обуви?

— Все подошвы гладкие.

Она поняла, что он рассчитывал на пыль или волокна, которые привели бы их в логово Духа, но с гладких подошв все быстро сходит.

— Ладно, Закс, продолжай. О чем тебе говорят следы?

— Думаю, что...

— Не думай, Закс. Прочувствуй.

Низкий обволакивающий голос Райма действовал гипнотически, и с каждым словом она против собственной воли словно бы становилась соучастницей преступления.

— Давай сузим круг, Закс. Ты аспид, ты разыскал человека, который тебя предал. Что ты с ним сделаешь?

— Убью.

Я видал на дороге ворону, он клевал еду. Другой ворона хотел украсть, и первый ворона не просто прогонял второй, он бежал за ним и хотел вырывать ему глаза.

Внезапно ее охватила безотчетная ярость.

— Его смерть для меня вроде как на втором месте. Чего я хочу по-настоящему, так это заставить его мучиться.

— Что ты делаешь? Что именно?

Она замешкалась с ответом.

— Я не...

— «Я», Закс? Чье «я»? Не забудь, ты Дух.

Но Закс решительно оставалась сама собой.

— С этим типом мне сложно, Райм. В Духе есть что-то такое... — Она снова замаялась. — Он совсем в другом измерении. Там по-настоящему плохо.

— Перенесись туда. Давай. Я тебя потом вытащу, — вкрадчиво понукал Райм. — Ты нашел предателя. Тебя душит бешенство. Что ты делаешь?

— Трое, что со мной, привязывают Тана к стулу, мы пускаем в ход ножи или бритвы. Он визжит от ужаса. Мы не спешим. — Тут призрачная ярость исчезла, уступив место жуткому спокойствию. — Я... лично я не пытаю Тана. За меня это делают другие, а я только смотрю. Мне так приятнее. И первым делом я приказываю отрезать ему веки, чтобы Тан видел, что я наблюдаю. — Закс сглотнула. — Я хочу, чтобы это никогда не кончалось.

— Прекрасно, Закс. Значит, ты наблюдаешь. Откуда?

— Отсюда. Тут стул напротив Тана, метрах в трех от тела. — Голос у нее сделался хриплым.

— Стул стоит или лежит на полу?

— Тот, с которого наблюдал Дух? Стоит.

— Но что нам это дает? — безнадежно вздохнул он.

Закс переключила все внимание на стул и дотошно его осмотрела.

— Мне тут кое-что пришло в голову. Подожди. — Она подошла и заглянула под стул: — Райм, тут царапины. Дух наклонился вперед — чтобы лучше видеть. При этом он скрестил ноги под стулом. Значит, то, что было у него на подошвах ботинок, могло попасть на пол. Я сейчас же пройду по полу вакуумным пылесосом.

— Блестяще, Закс.

Она тихо рассмеялась:

— Ты меня вытащил, Райм. Спасибо.

— Я же обещал тебя вытащить. А теперь давай пылесось.

Закс почистила пол под стулом и рядом, извлекла из портативного пылесоса фильтр и опустила в полиэтиленовый пакет для вещественных доказательств.

— Что было потом? — спросил Райм.

Она прикинула угол, под которым хлынула кровь, когда в Тана вошли пули, и сказала:

— Видимо, когда Тан наконец потерял сознание, Дух поднялся и его пристрелил. Затем его подручные все здесь разгромили.

— Почему ты решила, что события развивались именно в таком порядке?

— Потому что одна гильза была под обломками. А на стуле, где сидел Дух, лежал осколок стекла. Сейчас я сниму электростатический отпечаток следа от подошвы.

— Не объясняй, Закс. Работай.

Через полчаса усердной работы Закс сообщила:

— Я закончила. Вернусь через двадцать минут.

Тут раздался сигнал ее сотового телефона. Она приятно удивилась, что звонил Джон Сун.

— Как вы поживаете? — спросила она.

— Хорошо. Иногда беспокоит рана, — ответил он и добавил: — Я хотел сказать, что подобрал для вас травы от артрита. На первом этаже, под моей квартирой, есть ресторан. Вы могли бы там со мной встретиться?

Закс бросила взгляд на часы, вылезла из комбинезона и отдала вещественные доказательства Дэну и Коу, сказав, что ей нужно кое-куда заехать и она будет у Райма через полчаса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Амелия Закс вылезла из фургона выездной бригады в переулке у дома, где жил Джон Сун. За окном ресторана она увидела Суну. Он улыбнулся и помахал ей рукой. Закс прошла к нему в кабинку и села напротив.

— Вам что-нибудь заказать? — предложил он.

— Спасибо, нет. Я на минутку.

— Тогда выпейте чаю. — Он налил чай и пододвинул чашечку к ней. — Вы его уже разыскали? Духа?

Ей не хотелось говорить о ходе следствия, поэтому она ответила, что имеются кое-какие зацепки.

— Не нравится мне эта неопределенность, — заметил Сун. — Слышу в коридоре шаги — и замираю. Совсем как в Фучжоу. Останавливается перед домом машина, а ты гадаешь: то ли соседи, то ли госбезопасность.

— После такого шума в прессе вокруг гибели «Дракона Фучжоу» Духу по логике следовало бы вернуться в Китай.

— «Разбить котлы...», — напомнил Сун.

— «...и затопить лодки», — подхватила она и добавила: — Впрочем, не он один следует этому правилу.

Сун посмотрел на нее оценивающим взглядом:

— А вы сильная женщина. Вы всегда служили в общественной безопасности?

— Мы называемся полицией. Нет, я поступила в полицейскую академию, несколько лет поработав в другом месте.

Она рассказала ему о «модельном» периоде своей жизни.

— Так вы были манекенщицей? — переспросил он с веселым огоньком в глазах.

— Я была совсем девчонкой. Все за меня решила мама. Но потом как-то мы с отцом ремонтировали автомобиль. Он тоже работал полицейским, но увлекался автомобилями. Вот мы и чинили двигатель старенького «тандерберда». Мне тогда было — господи, и не вспомнишь — лет девятнадцать или около того. Я лежала под днищем, а он уронил на меня гаечный ключ. Угодил по скуле.

— Ух!

— Но настоящий «ух» был после, когда мама увидела ссадину. Не знаю, кого она больше ругала — меня или отца.

— Как ваша матушка? Она присматривает за вашими детьми, когда вы на работе?

Закс наградила его суровым взглядом:

— У меня нет детей.

— Вы... прошу прощения. — В его голосе звучало сочувствие. — В Китае дети для нас очень важны. Конечно, у нас перенаселение, но самое ненавистное распоряжение властей — закон об одном ребенке в семье. Он распространяется только на хань — коренных китайцев. А слово «любовь» в китайском языке обозначается иероглифом с изображением матери и младенца.

Закс потянуло рассказать ему больше, рассказать, что да, она очень хочет детей. Но потом она вдруг чуть не расплакалась.

— Вы замужем? — спросил Сун.

— Нет. Правда, у меня есть мужчина.

— Это хорошо, — заметил Сун, не спуская с нее внимательного взгляда. — Думаю, у него работа, сходная с вашей. Он, случайно, не тот, о ком вы рассказывали? Линкольн...

— Вы довольно наблюдательны.

— В Китае врачи читают в душах. — Сун подался вперед и сказал: — Протяните, пожалуйста, руку.

Закс протянула, он прижал два пальца к ее запястью. Через секунду он откинулся на спинку стула.

— Я поставил правильный диагноз. У вас слишком влажная селезенка. Оттого и артрит.

— Так что требуется моей селезенке? — спросила Закс.

— Меньше влаги. — Он пододвинул к ней пакет. — Это для вас. — Открыв пакет, она увидела в нем сухие травы. — Заварите кипятком и пейте небольшими дозами в течение двух дней. Я также умею делать массаж. Он хорошо помогает. Я вам покажу.

Сун перегнулся через столик, так что амулет-обезьяна выскользнул из-за ворота рубашки и повис над столешницей, нащупал на плечах Закс нужные точки и сильно нажал пальцами. Затем нашел новые точки и повторил процедуру. Потом сказал:

— Теперь поднимите руки.

Она подняла и почувствовала, что боль хотя и не ушла из суставов, но стала слабее, чем в последние дни.

— Помогло. Спасибо, — сказала она с удивлением, бросила взгляд на часы и прибавила: — Мне пора.

— Погодите, — настойчиво произнес он. — В Китае врачу очень важно знать, что у пациента на душе. — Он посмотрел ей в глаза: — У вас в душе разлад. Вы хотите того, чего не можете получить. Или считаете, что не можете.

— И какой лад мне, по-вашему, нужен?

— Возможно, семья. Любовь. С любовниками у вас не сложилось.

— Когда я работала манекенщицей, стоящие мужчины опасались появляться со мной на людях.

— С чего бы мужчине опасаться женщины?

— Тем, у кого хватало смелости выводить меня в свет, было нужно от меня лишь одно.

— Сексуальная энергия, — заметил Сун, — очень важна, одна из важнейших составляющих — жизненной силы.

— Я какое-то время жила с мужчиной. Он, как и я, служил в полиции. Нам было хорошо. Но его арестовали. Он брал взятки.

— И теперь вы с тем мужчиной, с которым работаете.

— Да.

— Может, в этом и надо искать корень проблемы, — тихо сказал Сун.

Зазвонил сотовый, Закс вздрогнула. Потянувшись за телефоном, она поняла, что ладонь Суна все еще лежит на ее руке.

— Слушаю.

— Где тебя, черт возьми, носит? — спросил Лон Селлитто.

Ей не хотелось говорить правду, однако, посмотрев на патрульную машину у противоположного тротуара, она подумала, что охраняющие Суна полицейские могли сообщить детективу о ее местонахождении.

— Я у свидетеля, Джона Суна. Мне потребовалось кое-что выяснить.

Что, решила она, было правдой.

— Хватит выяснять. Ты нам нужна здесь, у Райма.

Какая муха его укусила?

— Сейчас буду.

Она разъединилась и сказала Суну:

— Мне нужно ехать.

Доктор с надеждой на лице поинтересовался:

— Вы нашли Сэма Чана и других с корабля?

— Еще нет.

Она поднялась, и тут он ее удивил:

— Сочту за честь, если вы пожелаете приходить. Я мог бы продолжить лечение.

Замявшись на миг, она сказала:

— Разумеется. С удовольствием.

— Надеюсь, не очень тебе помешали, — сердито бросил Лон Селлитто, когда она появилась в гостиной Райма.

Она открыла рот, чтобы спросить детектива, что стряслось, но Райм, бросив взгляд на пакет у нее в руках, наморщил нос:

— Что там?

— Лекарство. От артрита. Заваривается как чай.

— Надеюсь, тебе придется по вкусу. Лично я буду держаться шотландского виски. — Он проницательно на нее посмотрел и спросил: — Хорошо посидели с Суном?

— Я... — смущенно начала она, озадаченная его язвительным тоном.

— Поговорили о его доме в Китае? О его поездках?

— Что ты хочешь сказать? — осторожно спросила она.

— Мне просто любопытно, приходила ли тебе в голову та же мысль, что мне.

— То есть...

— Что Сун — баншоу Духа, его сообщник.

— Что? — опешила Закс. — Связь между ним и Духом исключена. Я считаю...

— Вообще-то, — оборвал ее Райм, — ее и нет. Мы только что получили сообщение из отделения ФБР в Сингапуре. Баншоу Духа на «Драcone Фучжоу» был Виктор Ау. Отпечатки пальцев и описание внешности соответствуют одному из трех тел, которые береговая охрана обнаружила нынче утром. — Райм кивнул на компьютер и строго сказал: — Сун вне подозрений. Но мы узнали об этом только десять минут назад.

— Прошу прощения.

— За работу, мальчики и девочки, — Райм кивнул на белую доску. — Мэл, что дала трасологическая экспертиза следов Духа?

Криминалист уставился на экран хроматографа:

— Так, Линкольн. Имеем крупцы ржавчины, волокна старой древесины, золу и кремний. Похоже, стеклянную крошку. Темный матовый минерал в значительных концентрациях, монтмориллонит.

В бытность свою начальником отдела криминалистики Полицейского управления Нью-Йорка Райм исходил город вдоль и поперек. В карманах он носил пакетики и склянки, куда складывал образцы почвы, бетона, пыли и растений. В описании Купера Райм уловил нечто знакомое. Но что именно? Закрыв

глаза, он мысленно прошелся по разным районам Нью-Йорка, а затем обозрел их с высоты птичьего полета. Райм парил над башней Колумбийского университета; над Центральным парком с его суглинком и пометом животных; над улицами Мидтауна с наслоениями тонн сажи; над причалами с их смесью бензина, пропана и дизельного топлива; над разрушающимися кварталами Бронкса с их свинцовыми белилами и осыпающейся штукатуркой.

Парил, парил кругами... И наткнулся на нужное место.

— Нижний Манхэттен, — произнес он, открывая глаза. — Дух скрывается там.

— Ясное дело, — сказал Алан Коу. — В Чайнатауне.

— Нет, — возразил Райм. — В районе Бэттери-Парк или совсем рядом.

— Как ты вычислил? — спросил Селлитто.

— Монтмориллонит, помнишь? Он из бентонита, жидкой глины, которую используют для защиты фундамента от грунтовых вод. Когда возводили Центр международной торговли, фундамент заглубили на тридцать метров, до скального основания. В ход пошли миллионы тон бентонита. Там все им пропитано.

— Но бентонит используют и во многих других местах, — заметил Купер.

— Конечно, но другие материалы, что нашла Закс, — тоже оттуда. Весь район — сплошная мусорная свалка, полным-полно ржавого металла и стекла. А зола? Чтобы убрать старые причалы, их просто сжигали.

— И всего в двадцати минутах ходьбы от Чайнатауна, — отметил Эдди Дэн.

Сонни Ли беспокойно расхаживал по комнате.

— Ай, лоабан, у меня мысль.

— Выкладывайте, Сонни, — рассеянно предложил Райм.

— Я тоже был на место преступления. Я видел разлад.

— Объясните, — сказал Райм.

— В Китае лад очень важный. Даже в преступление есть свой лад. А там, на складе, совсем не был лад. Дух находит человек, какой его предавал. Пытает его, убивает его, уходит. Но помните, Хунце, как там было? Везде разгром. Китайский плакаты порваны, статуи Будды и драконов разбитые. Хань такое не делать.

Вероятно, Дух ушел, и тогда которые ему служат разгромляют контору. Я считаю, он нанял нацменов себе в ба-ту.

— «Исполнители», «головорезы», — перевел Дэн.

— Ага, ага, головорезы. Нанял из меньшинства — монголы, маньчжуры, тибетцы, уйгуры, — продолжал Ли, показывая на доску. — Нужны доказательства? О'кей, вон доказательство. Отпечатки ботинков. Китайцы хань не большие. Они как я. Не так большие, как вы. Но нацменьшинства на западе и на севере, там много народа еще меньше нас, я что говорю.

Райм посмотрел на Закс и догадался, что она думает о том же самом. Попробовать? Беды не будет.

— Я хочу проверить этот след. Как это сделать?

— Тонги, — ответил Ли. — Тонги все знают.

— В тонге найдется кто-нибудь, с кем можно поговорить? — спросила Закс.

Дэн подумал и произнес:

— Позвоню Тони Каю. Иногда он нас выручает, к тому же он один из самых влиятельных лоабанов в районе. Возглавляет Восточнокитайскую ассоциацию.

— Звоните, — распорядился Райм.

Алан Коу отрицательно покачал головой:

— Он не станет обсуждать это дело по телефону.

— Прослушка?

— Нет, нет, тут дело в обычае, — сказал Дэн. — Есть вопросы, которые обсуждаются только при личной встрече. Но есть одна трудность — Кай не захочет светиться в полиции, если в дело замешан Дух.

Райма осенило, как выйти из положения:

— Скажите, что нам нужна его помощь и что мэр посылает за ним лимузин.

— Поосторожней, Линк, — остерег его Селлитто.

— Вот защелкнем на Духе браслеты, тогда и будем осторожничать.

Дэн кивнул и позвонил Каю. После короткого разговора он положил трубку и сообщил:

— О'кей, он согласен.

— Ай, лоабан, я вас о чем попрошу. Можете меня одолжить? Позвонить в Китай?

— Кому именно? — в лоб спросил Коу.

Ли наградил агента СИН неприязненным взглядом и сказал:

— Звонить моему отцу.

Райм кивнул Тому, тот набрал международную и сделал заказ, после чего передал трубку Сонни.

И внезапно Сонни Ли предстал перед Раймом в новом свете. Он говорил подобострастно, заикался, нервничал и кивал, словно маленький мальчик. Опустив трубку, он какое-то время стоял, упершись взглядом в пол, затем медленно повернулся к Райму:

— О'кей, лоабан, что сейчас будем делать?

— Будем изучать улики, — ответил Райм.

Через полчаса в дверь позвонили, Том бросился открывать. Он вернулся с плотным коренастым китайцем.

— Я мистер Кай.

Райм представился и объяснил:

— Мы столкнулись с проблемой, мистер Кай, и я рассчитываю на вашу помощь.

— Вы работаете на мэра?

— Совершенно верно.

Кай опустил на стул, и Райм рассказал ему о «Драконе Фучжоу» и скрывающихся в городе иммигрантах. Затем кивнул Дэну, тот сообщил про убийц и поделился версией о том, что они принадлежат какому-то китайскому нацменьшинству.

— Этот Дух — мы про него знаем, — сказал Кай. — От него нам всем тут большой вред. Я вам помогу. У меня много связей. Пусть ваш водитель доставит меня назад, и я приступлю к делу.

Он поднялся и пошел к двери, но Сонни Ли остановил его громким:

— Тинь!

— Погодите, — перевел для Райма Эдди Дэн.

Кай, нахмурившись, повернулся. Ли подбежал к нему, и между ними начался бурный разговор на китайском. Наконец глава тонга притих, опустил голову и уперся глазами в пол. Райм вопросительно посмотрел на Дэна, но агент пожал плечами:

— Для меня слишком быстро, я не понимаю.

Ли что-то втолковывал Каю, тот начал согласно кивать. Наконец главарь тонга протянул руку, китайцы обменялись рукопожатиями, и Кай ушел.

— Зачем вы его просто отпустил? — обиделся Ли на Райма. — Он не хотел вам помочь.

— Напротив, хотел.

— Нет, нет и нет. Его слова ничего не значит. Ему опасно помочь нам. Он ничего не получить от вас. Лимузин его не обманывал. Он знает — мэр ни при чем.

— Но он же обещал нам помочь, — возразил Селлитто.

— Китаец не любит слово «нет», — объяснил Ли. — Нам легче сказать «да» и забыть, я что говорю.

— Что вы ему сказали? Из-за чего ругались?

— Нет, нет, не ругались. Мы договариваться. Понимаете, бизнес. Сейчас он начинает искать ваши меньшинства. А вы платить ему деньги.

— Что? — воскликнул Селлитто.

— Не так много. Заплатить только десять тысяч. Доллар, не юань.

Райм и Закс переглянулись и рассмеялись.

— Вы большой город, много денег. Сперва он хотел больше.

— Мы не можем платить... — начал Селлитто.

— Все в порядке, я сам подпишу счет, — оборвал его Райм.

— Я на мало уйду, лоабан? Покурю хорошая сигарета.

— Валяйте, Сонни. Вы заслужили.

Дух и три турка проехали переулком за домом Чанов и очутились на автостоянке. Угнанный «блейзер» вильнул и остановился. Дух покосился на турок, те, наморщив лбы, оглядывали стоянку.

— Где она? — спросил Юсуф. — Где тут квартира Чанов?

Вокруг не было ни одного жилого дома. Дух сверился с адресом. Номер совпадал — то самое место, только это был большой торговый центр. Дух грязно выругался.

— В чем дело? — спросил один из сидевших сзади турок.

В том, что Чан не доверял Джимми Ма, сообразил Дух. Он дал главарю тонга неверный адрес.

Другой иммигрант, У, оказался, судя по всему, не таким хитрым и обратился к услугам квартирного агента, к которому его отправил Ма. У Духа имелись имя и адрес маклера.

— Сейчас займемся У, — сказал Дух. — Потом Чанами. Найсинь — всему свое время.

Сэм Чан положил трубку. Он немного постоял, глядя на экран телевизора, где показывали семейку самодовольных глуповатых американцев, совсем непохожих на его собственную семью. Затем он подсел к отцу и шепнул:

— Ма умер.

— Ма?

— Лоабан из Чайнатауна, тот, что нам помог. Я звонил узнать про наши документы. Помощница сказала, что он умер.

— Дух? Его убил Дух?

— Кто же еще?

— Ма знал наш адрес? — спросил отец.

— Нет.

Чаны поселились даже не в Куинсе, а в Бруклине, в квартале Аулз-Хед рядом с портом.

Тут Сэма Чана охватила тревога:

— У! Дух может их найти. Нужно предупредить У.

Он пошел к двери.

— Нет, — сказал отец, — дурака от глупости не спасешь.

— У него тоже семья — дети, жена. Мы не можем дать им погибнуть.

Чан Цзечи поразмыслил и решил:

— Хорошо, дай им знать, но только по телефону. Позвони этой женщине, пусть предупредит У.

Чан набрал номер, еще раз поговорил с помощницей Ма и попросил передать сообщение У:

— Скажите, чтоб немедленно переехал. Он и его семья в опасности.

— Хорошо, хорошо, — обещала женщина, явно думая о чем-то другом.

Отец Чана закрыл глаза и снова прилег на диван. Старика не сегодня-завтра придется показать врачу.

III

КНИГА ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

Игра в вэйчи... начинается с захвата позиций, которые, по мнению игроков, сулят им преимущество. Мало-помалу незаполненные места исчезают. Затем противникам приходит пора сразиться; оборонительные и наступательные операции осуществляются точно так же, как это происходит в реальной жизни.

Игра в вэйчи

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Жене становилось все хуже. Близился вечер. Последний час У Цичэнь непрерывно утирал жене лоб. Дочь старательно заварила чай из купленных трав, и они вдвоем поили Юнпин горячим отваром. Но температура держалась, отвар не помогал.

— Чиньмэй, — велел У, — принеси матери новое платье.

Девочка вернулась с голубыми штанами и рубашкой с короткими рукавами. Они надели их на Юнпин. У сходил в соседнюю лавку и спросил у продавца, где ближайшая больница. Тот написал адрес.

Вернувшись, У сказал дочери:

— Мы быстро. Смотри, никому не открывай. Дверь за нами запри.

— Вот они! — выпалил Дух, припарковывая «блейзер» у тротуара на Канал-стрит.

Но прежде чем он и турки успели выйти из машины, У помог жене сесть в такси, забрался следом, и такси уехало.

Дух поставил «блейзер» на свободный участок напротив входа в квартиру, ключ от которой и адрес получил за час до того от маклера Ма — маклера они пристрелили. Оглядев улицу, Дух прикинул расстояния и особо отметил большое число ювелирных магазинов. Значит, здесь десятки вооруженных охранников. Если они убьют У до закрытия магазинов, кто-нибудь из них может прибежать на звук выстрелов. Да и после закрытия риск все равно остается. Придется надеть маски и действовать быстро.

— Вот как мы с ними управимся, — медленно произнес Дух.

После ухода родителей Чиньмэй заварила для брата Лана чай и дала ему булочку с рисом. Усадив его с подносом перед телевизором, она примостилась рядом. Вдруг раздался громкий стук в дверь. Ойкнув от страха, Чиньмэй убрала звук. Лан обиженно на нее посмотрел, но она приложила ему палец к губам, чтобы молчал.

— Господин У? — слышался женский голос. — Вы дома, господин У? У меня для вас сообщение от господина Чана.

Чан, вспомнила Чиньмэй, спас их тогда с корабля.

— Важное сообщение, — продолжала женщина. — Господин Чан сказал, что вам грозит опасность. Я работала у господина Ма. Он умер. Вам тоже грозит опасность. Вам нужно переехать в другое место. Я помогу вам его найти.

Пойти с этой женщиной? — спросила себя Чиньмэй. Но в ушах у нее прозвучал наказ отца: никому не открывать. Она не могла нарушить отцовский запрет.

Женщина, должно быть, ушла: стук прекратился. Чиньмэй снова включила звук и несколько минут смотрела комедийный сериал. Потом услышала, как в скважине поворачивается ключ. Неужели вернулись родители?

Она подбежала к двери, та открылась, и в квартиру, оттолкнув Чиньмэй, ворвался смуглый низкорослый мужчина, захлопнул дверь и навел на девочку пистолет. Чиньмэй завизжала и рванулась к телефону, но мужчина швырнул ее на пол. Плачущего мальчика он оттащил в ванную и запер там на задвижку.

— Заткнись! — приказал мужчина Чиньмэй. — Крикни еще раз, и я тебя убью. — Достав из кармана сотовый телефон, он сообщил: — Я внутри. Дети дома.

В доме Линкольна Райма было уныло и серо: гроза принесла с собой ранние сумерки. Расследование застопорилось. Закс прихлебывала травяной чай с отвратительным запахом. Это, непонятно почему, действовало на Райма как красная тряпка на быка.

Фред Деллрей сидел и мял в пальцах незажженную сигарету:

— Мне и тогда было мало радости, мало радости и сейчас.

Он намекал на «проблемы распределения личного состава», как ему заявили в Бюро. Из-за этих «проблем» команде не спешили придавать дополнительных агентов.

С вещественными доказательствами, собранными на местах преступлений, дело обстояло не лучше.

— Ну, а красная «хонда», которую он угнал на берегу? — спросил Райм на повышенных тонах. — Ее что, не ищут? Она же объявлена в срочный розыск, как я понимаю.

— К сожалению, Линк, — сказал Селлитто, — по «хонде» ничего.

— Я хочу выпить, — заявил раздосадованный Райм. — Сейчас время коктейля.

— Доктор Уивер сказала — до операции ни капли спиртного, — возразил Том.

— Она сказала «избегать», Том. «Избегать» совсем не то, что «исключить».

— Я не толковый словарь Вебстера, Линкольн, и не стану вникать в оттенки смысла. Выпивка исключается. — С этими словами непреклонный помощник удалился на кухню.

Райм закрыл глаза и сердито откинул голову на изголовье коляски. Он на миг представил себе, что операция и вправду наладит работу нервов в одной руке. Он никому об этом не говорил, но про себя нередко воображал, что хирургическое вмешательство позволит ему брать рукой вещи. Вот и теперь он ощутил в ладонях холод стакана с шотландским виски.

Звон стекла на столике у кресла заставил его вздрогнуть. Он вдохнул терпкий, «с дымком», запах и открыл глаза. Закс поставила на подлокотник стаканчик скотча.

— Могла бы и полный налить, — шепнул криминалист, но оба поняли, что так он говорит: «спасибо».

Райм втянул напиток через соломинку, но тот не смягчил чувство безнадежности и досады, снедавшее его из-за пробуксовки расследования. Его взгляд упал на доску и остановился на одной из записей.

— Закс! — позвал он. — Мне нужен номер одного телефона. Живо.

Дух прижимал к щеке пистолет 51-й модели: теплый металл придавал ему уверенности. С той минуты, когда турок проник в квартиру, чтобы изолировать детей У, прошло около часа. Магазины закрылись, и вооруженные охранники, как он твердо знал, ушли.

Наконец он увидел, как в конце квартала из такси выбрались двое — чета У. Они вошли в аптеку, муж поддерживал жену, рука у нее была в гипсе.

Пять минут спустя У вышли из аптеки.

— Останешься в машине, — велел Дух Хаджипу, — а мы с ним, — он кивнул на Юсуфа, — пройдем за У в квартиру.

У подходили к дому, не подозревая о том, что над ними парят боги смерти. Дух вытащил сотовый телефон и позвонил Кашгари — турку, который проник в квартиру:

— У на подходе. Как только свернут в переулок, мы их нагоним.

Дух и Юсуф натянули маски и вышли из машины. Хаджип уселся в кресло водителя.

Перебегая с Юсуфом через Канал-стрит, Дух, как всегда перед убийством, испытывал возбуждение. В этот миг раздался громкий хлопок, и в припаркованную у тротуара машину — Дух только что ее миновал — врезалась пуля.

— Черт! — послышался голос. — Кто стрелял? Прекратить огонь.

Усиленный мегафоном мужской голос приказал:

— Куань Ан! Стоять! Иммиграционная служба Соединенных Штатов!

Аспид пригнулся и попятился, подняв пистолет и высматривая цель.

— Западня! — проорал он Юсуфу. — В машину!

На улице воцарился хаос, прохожие с воплями заметались в поисках укрытия. Дверцы двух белых фургонов, стоявших в конце квартала, распахнулись, на асфальт выпрыгнули мужчины и женщины в форме и с пистолетами.

А это еще что за дьявольщина? Чета У тоже вытащила оружие! Тут до Духа дошло, что никакие они не У, а приманка.

Дух выстрелил наугад раз пять или шесть — чтобы усилить панику и держать полицию на расстоянии. Турок за рулем открыл дверцу и принялся палить по белым фургонам. Полицейские залегли.

Пригнувшийся за «блейзером» Дух услышал:

— Кто стрелял? Подкрепление не успело занять позиции... Что случилось?

— Куань Ан, — металлически взвыл мегафон, теперь уже другим голосом, — это ФБР. Бросайте...

Он заставил агента заткнуться, дважды выстрелив в его сторону, и забрался в машину. Уйгуры быстро уселись на заднем сиденье.

— Кашгари! Он все еще там, — Юсуф кивнул на дверь квартиры У.

— Его не ждем, — отрезал Дух.

Но только он вставил ключ и включил зажигание, как заметил полицейского, который выступил из-за автомобилей, поднял пистолет и прицелился прямо в их внедорожник.

— Ложись! — крикнул Дух.

Полицейский несколько раз выстрелил по «блейзеру», все трое пригнулись, ожидая, что ветровое стекло разлетится вдребезги. Но вместо этого они слышали, как пули одна за другой бьют в передок машины. Затем раздался громкий лязг: лопасти винта снесло с оси и вогнало в двигатель. Мотор взвыл и заглох.

— Наружу! — приказал Дух.

Все трое скорчились на тротуаре за машиной. На миг наступило затишье. Дух оглянулся и скомандовал:

— Сюда!

Он встал, выпустил несколько пуль в сторону полицейских и вбежал в здание рыбного рынка. Находившиеся там покупатели и продавцы попрятались за бочками с рыбой. Дух и турки

выбежали на задний двор с выездом в переулок. Там у автофургона стоял старик. При виде пистолетов и масок он упал на колени и поднял вверх руки.

— В фургон, — крикнул Дух туркам.

Те запрыгнули в кузов. Аспид оглянулся и увидел через дверь в конце прохода, как несколько полицейских опасно приближаются к рынку. Он несколько раз выстрелил. Полицейские затаились.

Прибыв на место событий пять минут спустя, Амелия Закс застала Фреда Деллрея склонившимся над убитым полицейским. Агент был вне себя от ярости:

— Он был в наших руках. Оставалось всего ничего. А он угнал автофургон и скрылся! Мы подняли на ноги все службы.

Закс от огорчения закрыла глаза. Блестящие умозаключения Райма, его титанические усилия вовремя организовать группу захвата — все оказалось впустую.

Тогда Райм заметил на доске данные об анализе крови раненой иммигрантки и вспомнил, что лаборатория так и не прислала результатов дополнительного анализа. Он позвонил в лабораторию. Тамошний врач обнаружил кое-что, способное им помочь: присутствие в крови частиц костного мозга, что указывало на серьезный перелом; общее заражение, свидетельствующее о глубокой ссадине или порезе; наличие *Coxiella burnetti*, микроба-возбудителя ку-лихорадки — болезни, которую часто подхватывают в местах длительного содержания животных, типа хлева или корабельного трюма.

— В наших местах ку-лихорадка встречается редко, — заметил врач.

Райм велел Селлитто с Дэном набрать группу агентов, которые принялись обзванивать больницы и клиники в Чайнатауне и Куинсе, выясняя, не обращалась ли к ним китаянка с ку-лихорадкой и переломом конечности, осложненным инфекцией.

Всего через десять минут позвонил агент из Нижнего Манхэттена. Китаец только что привел жену в пункт неотложной помощи одной из клиник Чайнатауна. Больная идеально соответствует описанию: запущенная ку-лихорадка, множественные переломы. Звать У Юнпин.

Полицейские Пятого участка поспешили в клинику вместе с Закс и Дэном допросить китайцев. Супруги У дали полиции свой адрес и сообщили, что их дети находятся дома. Потом Закс позвонил Райм — пару минут назад он получил данные проверки отпечатков пальцев, снятых на месте убийства Джимми Ма. Его таки убил аспид. Когда У признался, что квартиру им нашел агент Ма, Райм и Закс поняли: Духу известно местожительство У.

Но из-за одного-единственного преждевременного выстрела все усилия как псу под хвост.

— Что-нибудь слышно о рыбном фургоне? — набросился на агента Деллрей.

— Ничего, сэр. Фургона не видели ни на дорогах, ни брошенным.

— Так-таки никто и не видел? Здесь что-то не так.

Деллрей в сопровождении Закс широким шагом направился к рынку. Сразу за дверью у большого чана со льдом стояли старик-китаец и двое полицейских.

— Это он вам сказал, что Дух угнал фургон? — спросил фэбээровец, указывая на старика пальцем.

— Так точно, агент Деллрей.

— Ну так старик вам соврал!

Деллрей и Закс выбежали на задний двор рынка. Они обнаружили фургон за большим мусорным контейнером и вернулись в здание.

— Расскажите, как все было, — велел старику Деллрей.

— Он хотел меня убивать, — зарыдал старик. — Велел говорить, что они украли фургон. Прижал пистолет к голове. Не знаю, куда они убежать.

Через минуту пришел полицейский с сообщением, что поступил рапорт об угоне автомобиля. Трое вооруженных мужчин в масках подбежали на светофоре к «лексусу», выкинули из него мужчину и женщину и уехали.

— Кто спугнул его выстрелом? — спросила Закс Деллрея.

— Еще не выяснил.

Но долго выяснять не понадобилось. К фэбээровцу подошли двое полицейских и о чем-то с ним переговаривали. Деллрей скривился и направился к проштрафившемуся.

Им оказался Алан Коу.

— Что там у вас за чертовщина случилась? — рявкнул Деллрей.

Рыжий агент выбрал тактику активной обороны.

— Я был обязан стрелять, — с вызовом заявил он. — Дух собирался прикончить наживку. Вы что, не видели?

— Нет, не видел. Он держал пистолет дулом вниз.

— Я этого видеть не мог, я действовал по обстоятельствам. Если б все ваши были на местах, мы бы его схватили.

— Мы сделали все, чтобы замести его без случайных жертв, не посреди людной улицы. Каких-нибудь тридцать секунд — и мы бы его аккуратно повязали.

У Коу поубавилось гонора, он сокрушенно сказал:

— Мне казалось, что в сложившейся ситуации я поступаю правильно.

— Слишком далеко зашли, — заметил фэбээровец. — С этой минуты у СИН только совещательный голос.

— Не выйдет, — возразил Коу, угрожающе прищутив глаза.

— По правительственному распоряжению еще как выйдет, сынок. Я живо все устрою.

Деллрей удалился решительным шагом, сел в свою машину и укатил. Закс обратилась к Коу:

— Детей вывели?

— Дочку и сына У? Не знаю, — ответил тот, повернулся и направился к своему автомобилю.

Закс позвонила Райму и сообщила плохие новости.

— Как это случилось? — спросил он еще более сердито, чем Деллрей.

— Один из наших выстрелил, когда мы еще не успели занять позиции. Улица не была перекрыта, Дух скрылся, отстреливаясь... Стрелял Алан Коу. Деллрей намерен крепко щелкнуть СИН по носу.

— Пибоди это будет не по вкусу.

Закс заметила Эдди Дэна.

— Райм, мне нужно забрать детей У. Перезвоню, как только осмотрю квартиру. — Она отключила сотовый и сказала Дэну: — Эдди, я хочу поговорить с детьми, вы поможете с переводом?

— Конечно.

Они спустились по ступенькам, ведущим в полуподвальный этаж. Тут Закс заметила, что в двери квартиры У торчит ключ. Дэн взялся за ручку.

— Стой! — крикнула Закс, выхватывая из кобуры пистолет.

Но было поздно. Дэн повернул ручку, открыл дверь — и отскочил назад, увидев низкорослого чернявого мужчину, который выставил перед собой девочку, прижав к ее шее пистолет.

Мужчина пошел на них, знаком велел им отступить. Ни Закс, ни молодой детектив не сдвинулись с места.

— Вы в жилете, Дэн? — спросила Закс шепотом.

— Да, — ответил он с дрожью в голосе.

— Попячьтесь, — прошептала она.

Обращаясь к мужчине, Закс медленно и вкрадчиво произнесла:

— Опустите пистолет.

Закс и Дэн попятились. Противник и смертельно испуганная девочка вышли на воздух.

— Ты, — на плохом английском приказал ей мужчина, — на земля.

— Нет, — сказала Закс. — Мы не ляжем. Я прошу вас опустить пистолет. Вам не скраться. Здесь сотни полицейских.

Мужчина оглянулся посмотреть в темнеющий переулок. Дэн схватился за пистолет.

— Эдди, не надо! — крикнула Закс.

Преступник вытянул руку с пистолетом и всадил пулю Дэну в грудь. Детектив охнул и повалился спиной на Закс, сбив ее с ног. Та, оглушенная, с трудом поднялась на колени.

Но противник замешкался: что-то его отвлекло. В сумерках Закс разглядела в переулке бежавшего к ним человека — маленькую фигурку с каким-то предметом в руке.

Преступник развернулся и поднял пистолет, но выстрелить не успел. Бегущий ударил его кирпичом.

— Хунце! — крикнул Сонни Ли, оттащил девочку от оглушенного преступника и толкнул ее на землю.

Затем повернулся к мужчине — тот держался руками за окровавленную голову. Но внезапно мужчина наставил на Ли пистолет, тот отпрянул и прижался спиной к стене.

Три быстрых выстрела Закс — противник, как кукла, повалился на булыжники и застыл.

— Судьи ада, — Сонни Ли задохнулся от неожиданности и уставился на мертвое тело.

Он подошел к нему, проверил пульс и забрал из безжизненно обмякшей руки пистолет. Затем Ли вернулся к девочке и помог ей подняться. Она, всхлипывая, выбежала мимо Закс в переулок — прямо в объятия китайца-полицейского из Пятого участка.

К Дэну поспешил санитар.

— Простите, — сказал агент, — у меня вышло автоматически.

— Это ваша первая перестрелка?

Дэн утвердительно кивнул.

— Что ж, теперь вы наш, — улыбнулась она.

Облачаясь в защитный комбинезон, Амелия Закс подняла глаза, увидела приближающегося Ли и рассмеялась, заметив у него на лице жизнерадостную улыбку.

— Как вы вычислили квартиру У?

Ли закурил.

— Я в Китае так работаю, хожу туда-сюда, говорю с людьми. Сейчас вечером хожу в игорные дома, в три дома. Наконец встречаю парня. Он мне говорит про человек, который пришел сюда раньше. Всем жаловался, что больная жена. Потом говорит, он утром был на «Драконе» и всех спасал. Точно У. Разлад между селезенка и печень, я что говорю. У говорит, он живет рядом. Я смотрю кругом, спрашиваю люди, выясняю — семья, совсем как У, переехал сегодня. Я гляжу в заднее окно, вижу парня с пушкой. Ай, Хунце, вы глядишь сперва в заднее окно? Хорошее правило.

— Жаль, что не заглянула, Сонни.

— Хунце, а как вы нашла У?

Закс объяснила, как травма жены вывела их на семью. Ли кивал, пораженный интуицией Райма. Потом Закс рассказала ему о преждевременном выстреле и бегстве Духа.

— Коу? Этот человек я не люблю, я что говорю. Когда он на встрече в Фучжоу, мы ему не верим. Говорит с нами как с детьми, хочет один заниматься Духом. Плохо говорит про иммигранты. — Ли оглядел непроницаемый комбинезон: — Зачем вы носишь этот костюм, Хунце?

— Чтобы не загрязнять улики.

— Не надо бы носить белое. В моей стране это цвет смерти. Дурная примета.

— Я не суеверна, — возразила Закс.

— А я — да. В Китае много человек суеверные. Все время молятся, приносят жертвы, отрезают демону хвост...

— Что-что отрезают? — перебила Закс.

— Так называется — «отрезать демону хвост». Понимаешь, демоны всегда вас преследуют, поэтому, когда переходишь улицу, быстро-быстро перебегаешь перед машиной. Это отрезает демону хвост и отнимает сила.

Закс обследовала тело, походила по сетке в квартире и осмотрела пробитый пулями «блейзер» Духа. После этого они с Ли вернулись в клинику, где застали семейство У в полном составе в отдельной комнате под охраной двух полицейских и служащей СИН с каменным выражением лица.

— Вы не будете возражать, если мы устроим их на одной из наших конспиративных квартир? — спросила Закс женщину.

Дух подумает, что У отправили в приемник для иммигрантов, и, вероятно, попробует дать взятку, чтобы его самого или его баншоу туда пропустили.

— Да, пожалуйста.

Закс знала, что квартира на Марри-Хилл свободна. Она дала женщине адрес.

Оставив семейство У в подавленном состоянии, Закс и Ли вышли на улицу. Они выждали на тротуаре и проскользнули между двумя быстро ехавшими такси. Интересно, подумала Закс, достаточно ли близко она проскочила перед носом второй машины, чтобы отрезать хвосты всем преследующим ее демонам.

Страх перед бомбами террористов заставил Администрацию общих служб ограничить доступ в подземный гараж на Федеральной площади. Теперь гаражом пользовались только высшие правительственные чиновники, для остальных служащих оборудовали дополнительную подземную парковку. Ее, разумеется, тоже охраняли, но в ту минуту, а именно в девять вечера, охрана оказалась не на высоте, поскольку взгляд единственного дежурного был прикован к захватывающему зрелищу — го-

рящей на Бродвее машине. Он не заметил, как низкорослый худой мужчина в костюме и с дипломатом в руке сбежал по пандусу на полупустую стоянку.

Мужчина держал в памяти номер нужного ему темно-синего автомобиля и через пять минут нашел эту машину. Окинув быстрым взглядом гараж, мужчина натянул перчатки, торопливо вставил клин между оконным стеклом и краем дверцы и отжал язычок замка. Затем он открыл дипломат и вытащил тяжелый бумажный пакет со стержнями желтого цвета. От детонатора на одном из стержней тонкие проводки шли к аккумулятору, а от него — к обычному кнопочному выключателю. Мужчина спрятал пакет под сиденьем водителя, а выключатель поместил между его пружинами. Теперь стоит человеку весом больше сорока килограммов сесть за руль, как сработает детонатор.

Мужчина запер на замок дверцу машины и покинул гараж, спокойно миновав по-прежнему ни на что не обращавшего внимания охранника — тот с восторгом глядел, как молодцы из Пожарной службы Нью-Йорка сбивают пламя с фургона.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Все сидели и молча смотрели маленький телевизор. В новостях не назвали имен людей, которых едва не убили на Канал-стрит, но речь шла, несомненно, об У Цичэне и его семье.

Репортаж завершился, замелькала реклама. Мэймэй кончила зашивать маленькую набивную игрушку, котика, для По И и сделала вид, будто котик сам запрыгнул к девочке на стул. Та радостно схватила игрушку обеими руками.

Застонал лежавший на кушетке отец. Сэм Чан дал ему таблетку морфия. В Китае врач нашел у него рак, но, поскольку Чан был диссидентом, его отца поставили в самый конец очереди на операцию.

Отец неожиданно открыл глаза:

— Дух сейчас в ярости. Убили одного из его людей, а ему не удалось убить семью У. Он будет охотиться за нами.

Отец так делал всегда — сидел, молча слушал, а потом выдавал неизменно верные суждения. И теперь он тоже прав, в отчаянии подумал Сэм Чан.

Сидя на скамейке в Бэттери-Парк-сити, Дух смотрел на огни плывущих по Гудзону кораблей. Дождь на какое-то время затих, но ветер все так же гнал над головой низкие фиолетовые тучи, подсвеченные разноцветными огнями города.

Как полиция вышла на У? — ломал голову Дух. Может, случилось чудо? Нет, никакого чуда не было. Дух получил еще одно доказательство того, что его противник и работавшие с ним люди настойчивы и умны. Если бы не первый выстрел на Канал-стрит, его бы повязали или убили. И кто такой этот Линкольн Райм, о котором донесла его разведка?

Дух полагал, что пока он в безопасности. При нападении на У он был в маске, никто их не преследовал, и у Кашгари не было при себе ничего, что помогло бы связать его с Духом или с туркестанским землячеством в Куинсе.

Завтра он найдет Чанов.

В половине десятого вечера Фред Деллрей встал из-за своего рабочего стола в отделении ФБР на Манхэттене и потянулся. Пора заканчивать. Все еще недоумевая, почему заниматься делом Духа поручили именно ему, Деллрей просмотрел рапорт о перестрелке на Канал-стрит и внес в него кое-какие поправки.

Фредерик Деллрей, имевший ученые степени по криминологии, психологии и философии, был такой же звездой сыска, как Райм — криминалистики. Однако талант оказал Деллрею дурную услугу. Он был слишком хорош. Мало-помалу о нем расползлись слухи в преступном мире. Стало слишком опасно посылать его на задания. Деллрея повысили в звании и назначили начальником отдела, ведавшего тайными агентами и осведомителями.

Когда ему поручили вести дело Духа, Деллрей растерялся. До сих пор он не занимался делами о ввозе в страну нелегалов.

Но после вечерней операции Деллрей почувствовал себя намного увереннее. На другой день он собирался встретиться с главными спецагентами по Южному и Восточному районам и с одним из заместителей директора из Вашингтона. Он их достанет и добьется того, что нужно команде, — полной юрисдикции ФБР и помощи от отдела спецопераций.

Деллрей спустился на лифте, вышел из центрального входа и пересек улицу, направляясь к дополнительной правительственной парковке. Он миновал охранника, спустился по лестнице в сумрак гаража, подошел к своему «форду», открыл дверцу и забросил в салон выдавший виды портфель.

Залезая в машину, Деллрей заметил, что оконный уплотнитель отклеен, и понял, что стекло отжимали, чтобы открыть дверцу. Он посмотрел вниз и увидел, что из-под водительского сиденья торчат провода. Чтобы не обрушиться на сиденье всем весом, Деллрей схватился правой рукой за верх дверцы.

Но было поздно.

Закс, Мэл Купер и криминалист исследовали улики, обнаруженные в угнанном Духом «блейзере», — несколько сероватых волокон ковровой ткани. Лон Селлитто говорил по телефону. Сонни Ли сидел рядом, но больше пока своих азиатских методов расследования не предлагал.

Волокна были не из коврика в «блейзере» и не встречались ни на одном из предыдущих мест преступления.

— Сожги их, сверим результаты с базой данных, — распорядился Райм.

Купер прогнал волокна через газовый хроматограф — прибор должен был выдать точный перечень веществ, из которых состоит ткань.

Пока они ждали результатов, в дверь постучали. Вошел Харолд Пибоди, с ним второй мужчина. Райм узнал его — это был заместитель главного спецагента манхэттенского отделения ФБР. Оба были мрачнее тучи.

Тут вошел третий. Судя по отутюженному темно-синему костюму и белой рубашке, он тоже был из ФБР. Но мужчина коротко представился как Уэбли из Госдепа.

Значит, и Государственный департамент подключился к расследованию, подумал Райм. Хороший знак. Должно быть, Деллрей и впрямь использовал свои гуаньси, чтобы получить подкрепление.

— Извини за вторжение, Линкольн, — сказал Пибоди.

— Нам нужно поговорить с вами. Сегодня вечером кое-что произошло, — добавил фэбээровец.

— Это связано с делом? — спросила Закс.

— Не думаем. Но боюсь, этот случай будет иметь косвенное отношение к расследованию.

Ну же, выкладывайте, с раздражением подумал Райм.

— Вечером кто-то подложил бомбу в машину, стоявшую в гараже напротив здания ФБР.

— Господи, — прошептал Мэл Купер.

— В машину Фреда Деллрея.

— Нет! — воскликнула Закс.

— С ним все в порядке, бомба не взорвалась.

Райм на секунду прикрыл глаза, затем спросил:

— Так что же случилось?

— Сработал только детонатор.

— Почему вы считаете, что это покушение никак не связано с нашим делом? — поинтересовался Райм.

— За двадцать минут до взрыва в службу 911 позвонил неизвестный мужчина с неопределенным акцентом и сказал, что семья Черенко планирует нанести ответный удар.

Райм припомнил, что Деллрей только что закончил крупную операцию в Бруклине, где обосновалась русская банда.

Криминалист отметил, что за все это время Уэбли из Госдепа не проронил ни слова. Скрестив руки, он молча стоял и смотрел на присутствующих. Райм встревожился, внезапно поняв, что имел в виду фэбээровец под «косвенным отношением».

— И Фред хочет отказаться от дела Духа? — спросил он.

Высокий чин из ФБР кивнул:

— Он уже встал на тропу войны.

Райм едва ли мог винить агента, однако сказал:

— Нам нужна кое-какая помощь. Фред запрашивал группу отдела спецопераций и дополнительных агентов. Нам требуется сильная поддержка.

Фэбээровец заверил:

— Утром пришлем вам нового оперативного агента и сообщим новости об отделе спецопераций.

— Я слышал, что случилось с Аланом Коу. Там, где жили У. Сожалею, — сказал Хэролд Пибоди.

— Мы бы поймать Духа, если Коу не стрелять, — заметил Ли.

— Знаю. Слушайте, он хороший человек, просто слишком импульсивный. Я стараюсь смотреть сквозь пальцы на некоторые его слабости. После того как исчезла одна из осведомительниц Коу, у него был тяжелый период. Думаю, он винил в этом себя. Он тогда взял отпуск. Я слышал, он отправился за океан выяснять, что с ней случилось. В конце концов Коу вышел на службу и с тех пор вкалывает как лошадь. Он один из моих лучших агентов.

Если не считать мелких проколов, например дать подозреваемому смыться, подумал Райм.

Заверив Райма, что утром команда получит от ФБР нового человека, Пибоди, Уэбли и фэбээровский чин отбыли.

— Вернемся к работе, — призвал Райм. — Закс, что тебе рассказали У?

Она подробно изложила все, что узнала в больнице. Чаны жили где-то в Куинсе и ездили в синем фургоне; ни номера, ни марки фургона У не знали. С Чанами также была маленькая девочка, мать которой утонула вместе с «Драконом».

— Зовут По И, Дитя-Сокровище.

Райм заметил, что, когда Закс заговорила о ребенке, в ее взгляде появилось особое выражение. Он знал, как сильно она хочет ребенка, причем от него. Насколько вздорной эта мысль показалась бы ему несколько лет назад, настолько она теперь ему втайне нравилась.

Мэл Купер прервал его размышления:

— Хроматограф закончил с волокнами.

Через несколько секунд на экране появились результаты.

— Ковровое покрытие «Ластр-Райт». Такое делают в Уоллингеме, штат Массачусетс. У меня есть телефоны фабрики.

— Пусть кто-нибудь туда позвонит, — распорядился Райм. — Нам нужно знать, где его клали на Нижнем Манхэттене. Недавно, верно, Мэл?

— Вероятно. Ворсинок достаточно много. Большая часть ворса выпадает в течение полугода после укладки.

— Я позвоню, — вызвался Селлитто. — Только не надейтесь на чудо.

Он кивнул на часы — было почти одиннадцать.

— Вероятно, у них есть ночная смена, а у диспетчера имеется домашний телефон начальника.

Купер исследовал крупинку вещества, найденную Закс в «блейзере».

— Что скажешь, Линкольн? Это перегной?

— Ввод, микроскоп, — скомандовал Райм.

Картинка, которую видел Купер, появилась на экране компьютера Райма. Криминалист понял, что это свежая кедровая мульча.

— Участок вокруг Бэттери-Парк-сити благоустраивается. — Селлитто показал на карте жилой квартал в центре Манхэттена, где, судя по найденным ранее уликам, у Духа, возможно, была квартира-укрытие.

Слишком большой участок, подумал Райм и спросил:

— Что дало обследование тела?

— Немного, — ответила Закс. — Документов при мужчине не было.

Сонни Ли показал на поляроидный снимок лица трупа:

— Лоабан, я правда сказал. Смотри на его лицо. Он казах, таджик, уйгур. Нацменьшинства, я вам что говорю, помнишь?

— Помню. Позвоните нашему приятелю из тонга, Каю, скажите, мы думаем, что банда состоит из представителей этих меньшинств. Глядишь, поможем ему сузить круг поисков. — Тут он поинтересовался: — Что у нас по баллистике?

— Дух стрелял из того же пистолета пятьдесят первой модели, — доложила Закс.

— Я что говорю, очень надежный пушка, — подал голос Ли.

— А какой пистолет был у убитого? — спросил Райм.

— Старая модель полицейского «вальтера». Я уже его обследовала.

— Где он? — Райм поискал глазами, но пистолета не увидел.

Сонни и Закс переглянулись.

— Кажется, забрали федералы, — ответила Закс.

Ли отвел взгляд, и Райм сразу же понял, что Закс обследовала пистолет и тайком отдала китайцу. Что ж, хорошо, подумал Райм. Если б не Ли, могли бы погибнуть Дэн, Закс и дочь У.

— Только что дозвонился до старшего вице-президента уоллингемской компании. Этот тип коврового покрытия продается только оптовикам и считается лучшим в серии. Он дал мне список двенадцати крупных застройщиков, которые закупают товар непосредственно у производителя, и двадцати шести оптовиков, которые продают его фирмам, занимающимся внутренней отделкой.

— Черт, — выругался Райм. Выяснение адресов зданий, где укладывали «Ластр-Райт», будет долгим и трудным делом. — Поручите кому-нибудь заняться застройщиками и оптовиками.

Зазвонил телефон Райма.

— Линкольн? — спросил женский голос.

Райм вздрогнул:

— Слушаю, доктор Уивер.

— Знаю, что звоню поздно. Не помешала?

— Ничуть.

— В таком случае я жду вас в больнице в десять утра в следующую пятницу, на третьем этаже в предоперационной отделения нейрохирургии.

— Отлично, — ответил Райм и пожелал врачу спокойной ночи.

Закс промолчала. Райм знал: она предпочла бы, чтобы он не ложился на эту операцию. Операция была опасной — она могла ухудшить состояние Райма, но Закс понимала, какие надежды он на нее возлагает.

— Значит, мы должны поймать Духа до следующей пятницы, — со стоической улыбкой произнесла она.

Райм заметил, что Том пристально смотрит на него.

— Рабочий день закончился, — твердо сказал помощник.

Закс, Селлитто и Купер тоже заявили, что пора собираться.

— Бунт на корабле, — пробормотал Райм.

На него навалилась какая-то странная усталость, но он решил, что все дело в отнимающем силы расследовании.

— Сонни, сегодня вы переночуете здесь, — сказал Райм.

— Другого места нет, лобан. Конечно.

— Том подготовит комнату. Я буду наверху. Если захотите, поднимайтесь поговорить. Через двадцать минут я буду готов.

Ли кивнул.

— Я подниму тебя наверх, — сказала Закс.

Райм въехал в кабину лифта, Закс вошла следом. Она выглядела задумчивой, но Райм понял, что с делом это никак не связано.

— Хочешь поговорить со мной, Закс?

Не ответив, она нажала на кнопку.

Была почти полночь. Руководитель Ассоциации рабочих восточного Бродвея сидел за столом в своем кабинете на первом этаже. Напротив сидел незнакомый ему мужчина. Но незнакомец мог оказаться весьма полезным, так как знал, где скрываются Чаны.

— Откуда вы знаете этих людей? — спросил руководитель.

Посетитель назвал ему только свою фамилию — Тань.

— Чан — друг моего брата, который живет в Китае. Я нашел Чанам квартиру и работу для Чана и его сына.

— Где находится квартира? — как бы между прочим спросил руководитель.

— Я затем и пришел, чтобы продать эту информацию. Если Дух хочет ее получить, ему придется заплатить. Я буду договариваться лично с Духом.

— Это опасно, — предупредил глава тонга. — Сколько вы заплатите за то, что мы сведем вас с Духом?

— Десять процентов от того, что он заплатит мне.

В конце концов они сошлись на тридцати процентах.

Руководитель вытащил мобильный телефон и набрал номер.

— У меня здесь человек, который снял квартиру для кое-кого из спасшихся с «Дракона» — для Чанов.

— Скажите ему, пусть докажет.

Руководитель передал Таню требование Духа, и тот ответил:

— Западное имя Чана — Сэм. Он привез своего пожилого отца и двоих сыновей. Да, вот еще — жену его зовут Мэймэй. С ними также младенец.

— Откуда он их знает?

— Его брат в Китае — друг Чана.

Дух прикинул и сказал:

— Передайте ему, что я плачу сто тысяч.

Руководитель спросил Таня, устраивает ли его сумма. Тань сразу же согласился.

— Пришлите его ко мне завтра к половине девятого утра. Знаете куда. — Дух отсоединился.

Сэм Чан вышел из кабинета руководителя Ассоциации рабочих восточного Бродвея. Он часто дышал, руки у него тряслись, но про себя он смеялся. Что за дикая мысль — он только что торговался из-за цены на жизнь собственной семьи.

Чан размышлял о том, что, вероятно, погибнет. При этой мысли перед его внутренним взором сразу возник Уильям, его первенец. Ох, Уильям, подумал Чан, да, я не уделял тебе внимания. Но лишь бы ты понял, что я так поступал в надежде сделать жизнь на родине лучше для тебя и твоих детей.

Любовь, сын, проявляется не в показных подарках-безделушках, не в том, что тебя обеспечили вкусной пищей и отдельной комнатой. Любовь проявляется в дисциплине, в способности быть примером и в готовности пожертвовать всем — даже жизнью.

Амелия Закс ехала в центр, почти не превышая скорости. Она вспомнила разговор с врачом, состоявшийся три недели назад.

— *Вот вы где, мисс Закс.*

— *Здравствуйте, доктор.*

— *Я только что говорил с терапевтом Линкольна Райма.*

— *Судя по вашему виду, новости плохие.*

— *Почему бы нам не присесть где-нибудь в уголке?*

— *Мне и тут хорошо. Говорите все как есть.*

Мир перевернулся, полностью изменились все ее планы на будущее. Что она могла предпринять?

Что ж, решила Закс, подъезжая к парковке, есть одно средство...

Это безумие, подумала она, но затем импульсивно выскочила из «камаро», вошла в подъезд многоквартирного дома, поднялась по лестнице и постучала в дверь.

Джон Сун открыл, и она ему улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и кивком пригласил ее войти.

Сонни Ли вошел в спальню Линкольна Райма, держа в руках пакет с покупками.

— Когда я с Хунце в Чайнатауне, кое-что купить, лоабан. Есть подарок для вас.

— Подарок? — переспросил Райм, лежа в инвалидной кровати новейшей модели.

— Посмотри, что у меня есть.

Сонни показал нефритовую фигурку разъяренного мужчины с натянутым луком. Он поставил ее на столик у северной стены, потом достал из пакета благовонные палочки.

— Вы же не собираетесь зажигать их здесь.

— Должен, лоабан. Вас это не убивать.

Сонни вставил палочку в подставку и поджег. Затем налил в пластиковый стаканчик жидкости из светло-зеленой бутылки.

— Что вы делаете? Совершаете какой-то обряд?

— Это Гуань-ди — бог войны. Мы приносить ему жертву. Он любит сладкие вина, и я такое для него покупать, — объяснил Ли.

Он склонился к фигурке и прошептал несколько слов по-китайски. Затем извлек из пакета другую бутылку и сел в плетеное кресло у кровати Райма. Наполнив стаканчик для себя и один из бокалов хозяина — для него, он вставил в бокал Райма соломинку.

— А это что? — поинтересовался Райм.

— Хорошая вещь, лоабан. Как виски. Сейчас мы приносить жертву за нас.

Нет, это совсем не походило на виски. Вкус у чертовски крепкого напитка был довольно противный.

Ли кивнул в сторону импровизированного алтаря:

— Я находить Гуань-ди в магазине на Чайнатаун. Но я купить его не из-за войны. Он бог детективов тоже, я что говорю.

— Выдумываете.

— Шучу? Нет, я что говорю, это правда. Всякий отделен Службы безопасности, где я был, имеет Гуань-ди. Дело не идет хорошо, полицейские жечь благовония, как мы сейчас. А операция, о котором вы говоришь, он сделать вам лучше?

— Если и сделает, то ненамного. Быть может, я смогу слегка двигаться.

— Эй, лоабан, а эта операция опасный?

— Да, опасная.

— Звучать для меня, как и луань тоу ши. Переводить — «кидать яйца в скала». Значит — делать что-то обреченное на провал, я что говорю. Так зачем вы делаешь эту операцию?

Райму это казалось очевидным: чтобы стать чуть-чуть независимее, чтобы суметь почесать затылок, чтобы быть ближе к Амелии Закс и стать хорошим отцом ребенку, которого она так сильно хотела.

Он ответил:

— Я просто должен ее сделать, Сонни.

Ли отрицательно помотал головой:

— Нет-нет. Прими свое состояние. Судьба делать вас такой, лоабан. Может, вы стал лучший детектив после этого. Теперь в ваша жизнь лад.

Райм невольно рассмеялся:

— Я не могу ходить. Не могу собирать улики. Как, черт возьми, это может быть лучше?

— Может, ваш мозг, он лучше работать теперь, я что говорю. Может, у вас сильнее воля. Может, ваш цзичжун — внимание — лучше.

— Я хочу снова ходить, — упрямо прошептал Райм, не понимая, почему он открывает душу перед этим странным человеком. — Я не так уж и много прошу.

— Но может, это слишком много просить, — предположил Ли. — Слушай, лоабан, смотри на меня. Я мог бы хотеть быть высокий и лицо как Чжоу Юньфан, чтобы за мной бегать все девчонки. Мог хотеть быть банкир из Гонконга. Но это не мой суть. Мой суть — быть хороший коп. Может, вы снова начать ходить — и терять больше важное.

Ли снова наполнил стакан.

— Слушай, лоабан, в Китае у нас два большие философа — Конфуций и Лао-цзы. Конфуций думать, что лучшее для людей подчиняться начальникам, выполнять приказы и быть смиренным. Но Лао-цзы говорить, что лучше для каждого идти свой путь. Находить естественный лад. В «Дао» Лао-цзы говорить: «Живи в центре своего бытия. Делать — это быть».

Оба недолго помолчали. Наконец разговор возобновился, и Ли подробно рассказал о жизни в Китае.

— Какие преступления самые частые в Люгуани?

— Очень много взятки, рэкет. И другие преступления тоже много. Похищение женщин — большая проблема в Китае. На сто женщины у нас сто двадцать мужчины. Люди не хотят дочек, я что говорю. Но тогда откуда братья невесты? Вот много похитителей брать девушек и женщин и продавать в невесты. Я находить шесть в прошлом году. В нашем отделении рекорд. Приятное чувство поймать похитителя, арестовать его.

Некоторое время они пили молча. Райму было хорошо. Большинство посетителей обращались с ним как с неполноценным. Но на лице у Ли читалось полное безразличие к его состоянию. Словно оно было — как бы сказать? — естественным.

— Вы упоминали о своем отце. Когда вы ему звонили, разговор вроде бы не сложился. Расскажите о нем, — попросил Райм.

— Ох, мой отец. Я не жить, как он хочет.

— Почему?

— Ох, много причин. Скажу вам нашу историю по-короткий.

— Вкратце, — поправил его Райм.

— Мой отец бороться вместе с Мао в гражданскую войну, чтобы выгнать гоминьдан на Тайвань. Октября сорок девятого он стоять с Председателем Мао на трибуна, где Ворота небесного спокойствия в Пекине. То есть у моего отца есть гуаньси. Связи на самый верх. Он стать большой человек в коммунистической партии в Фуцзяни. Хотеть, чтобы и я стал. Но я видеть, что коммунисты делать в шестьдесят шестом — Великая пролетарская культурная революция. Разрушать все, калечить людей, убивать людей. Правительство и партия не делать правильные вещи.

— В их делах не было естественного лада.

— Точно, лоабан, — рассмеялся Ли. — Мой отец хотеть, чтобы я вступить в партию. Но мне не интересный партия. Мне нравится работа в полиции. Мне нравится поймать преступников. — Он помрачнел. — Еще одна плохая вещь — у меня нет сына, нет детей, когда я был женатый. Некому продолжать род.

— Вы развелись?

— Моя жена, она умирать. Лихорадка, плохая вещь. Были женатые несколько лет, детей нет. Отец говорить, моя вина. — Ли встал и подошел к окну. — Что я ни делать, ему всегда не так

хорошо. Я хороший студент. В армии получать награды. Жениться на хорошей почитительная девушка, устроиться на работу в Службу безопасности, стать детектив. Навещать его каждую неделю, давать деньги, ухаживать за могилой матери. Но всегда, что бы я ни делать, не так хорошо. — Ли выглянул из окна. — Может, я останусь здесь. Я хорошо говорю по-английски. Я стать полицейским здесь. — Сонни Ли рассмеялся и произнес то, о чем они оба подумали: — Нет-нет. Слишком поздно для этого. Нет, мы поймать Духа, я ехать домой и продолжать быть хороший детектив. Гуань-ди и я распутать большое преступление, и может, мой отец думать, что я не такой плохой сын. — Он повернулся к Райму: — Вы и я, лоабан, играть в игру.

— Я не могу играть в большинство игр. Не могу держать карты.

— Карты? — фыркнул Сонни. — Хороши только, чтоб зарабатывать деньги. Лучшие игры, когда держишь секреты в голове, я что говорю. Вы слышать о вэйчи? Еще она называется го.

Райм посмотрел на доску, которую достал из пакета Ли. Она была расчерчена вертикальными и горизонтальными линиями. Ли достал два мешочка — в одном было множество белых камешков, а в другом — черных. Райм заставил себя вслушаться в объяснение правил вэйчи.

— Вроде бы несложно, — заметил он.

Игроки по очереди ставят свои камешки на доску, пытаюсь окружить камешки противника и вывести их из игры.

— Вэйчи как все великие игры. Правила простые, а выиграть трудно, — сказал Ли, разложив камешки на две кучки. — Вы никогда не играть, поэтому я давать вам три камешка больше. Кажется, немного, но в вэйчи это много-много.

— Нет. Я не хочу форы.

— Давать вам больше, потому что вы не играть раньше. Так принято.

Райм твердо сказал:

— Нет. Вы ходите первым. Начинайте.

Ли опустил глаза и уперся взглядом в лежавшую между ними доску.

IV

ОТСЕЧЬ ДЕМОНУ ХВОСТ

Игра в вэйчи тем интереснее, чем равноценнее иг-
роки.

Игра в вэйчи

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Утром того дня, когда ему предстояло погибнуть, Сэм Чан проснулся и увидел, что отец на заднем дворе выполняет упражнения гимнастики тайчи. Несколько минут он смотрел на отца и вдруг вспомнил: через три недели Чану Цзечи исполняется семьдесят лет. Бренного тела Сэма Чана не будет на дне рождения, но его дух, быть может, посетит праздник.

Сэм посмотрел на жену и лежащую рядом с ней девочку. Та спала, обнимая белого тряпичного котика, которого сшила для нее Мэймэй. Некоторое время он глядел на них, затем пошел принять душ. Из кухни послышалось металлическое позвякивание — отец готовил чай. Чан Цзечи принес в гостиную железный чайник и чашки. Мужчины сели, и отец разлил чай.

Накануне вечером они с отцом нашли на карте дом Духа, который, к их удивлению, был не в Чайнатауне, а недалеко от Гудзона.

— Когда придешь в квартиру Духа, разве его телохранители тебя не обыщут? — спросил отец Чана.

— Спрячу пистолет в носке. Тщательно обыскивать не станут — им и в голову не придет, что я вооружен. Я вернусь, — твердо сказал Чан. — Вернусь, чтобы заботиться о вас.

— Ты хороший сын. Лучшего я бы и не желал.

— Я не окружил вас должной заботой.

— Ты все делал как надо. Я правильно дал тебе имя.

Имя Чана — Цзиньэжцзы — означало «предупредительный сын».

Они подняли чашки, и Чан осушил свою. В гостиную вошла Мэймэй.

— Разбуди Уильяма, — попросил ее Чан. — Я хочу ему кое-что сказать.

Но отец остановил ее взмахом руки.

— Нет. Он захочет пойти с тобой.

— Я не могу уйти вот так, не поговорив с ним. Это важно.

— Какова единственная причина, по которой мужчина поступил бы так, как собираешься поступить ты?

— Благо детей.

Отец улыбнулся:

— Да, сын, да. Всегда помни об этом. Ты поступаешь так ради детей. Я не хочу, чтобы ты будил Уильяма.

Чан наклонил голову:

— Как скажете.

Он взглянул на часы — была половина восьмого утра.

— Мне скоро уходить, но хочу, чтобы ты посидела рядышком, — попросил он Мэймэй.

Она села и положила голову на плечо мужа. Они сидели молча, но через пять минут заплакала По И. Мэймэй поднялась и пошла к девочке. Сэму Чану было приятно молча сидеть, смотреть на жену и их новую дочь.

Райм почувствовал запах табачного дыма.

— Гадость, — сказал он.

— Что? — спросил Сонни Ли.

Китайский коп маялся с похмелья, его волосы смешно торчали в разные стороны. Была половина восьмого утра.

— Сигареты, — пояснил Райм.

— Вы должны курить, — прокашлял Ли. — Расслаблять вас.

Прибыл Мэл Купер, следом за ним — Лон Селлитто и Эдди Дэн. Молодой американский коп китайского происхождения шел очень медленно.

— Как вы, Эдди? — спросил Райм.

— Видели бы вы синяк, — ответил Дэн, имея в виду след от пули, засевшей в его жилете во время вчерашней перестрелки на Канал-стрит.

Селлитто с красными глазами принес стопку отчетов полицейских, за ночь опросивших подрядчиков, которые укладывали серое ковровое покрытие «Ластр-Райт» за последние полгода. Получилось тридцать два дома в Нижнем Манхэттене.

В лабораторию бодро вошел агент СИН Алан Коу, словно во все не по его вине накануне упустили Духа.

Потом в коридоре снова раздались шаги.

— Привет, — поздоровалась Закс и поцеловала Райма.

— Вчера вечером отдыхала? — спросил Селлитто довольно резко. — Я звонил тебе домой около часа ночи. Хотел задать пару вопросов.

— А я вернулась домой в два, — ответила Закс, ее глаза вспыхнули.

— Я не мог с тобой связаться.

— Хочешь, детектив, я дам тебе номер телефона моей матери? Она может намекнуть, как меня искать. Хотя уже около пятнадцати лет этого не делала.

Перепалка озадачила Райма. Правда, он и сам настаивал, чтобы во время работы Закс всегда находилась на связи. Но после рабочего дня все менялось. Амелия Закс была сама себе хозяйкой, у нее были друзья и интересы помимо него.

Зазвонил телефон Райма, и голос с китайским акцентом попросил:

— Мистера Ли, пожалуйста.

Ли наклонился к микрофону и начал быстро говорить по-китайски. Произошел бурный обмен репликами. Ли повесил трубку и улыбнулся:

— Это был Кай из тонга. Он поспрашивать о меньшинства. Есть группа китайцев, звать уйгуры. Они мусульмане, турки. Китай их захватить, как Тибет, им это не очень нравится. С ними плохо обращаться. Кай узнает, что Дух нанимать людей из землячества Туркестана в Куинсе. Парень, что стрелять в Хунце, один из них. Эй, я был прав, лобан? Я говорить, он из меньшинства.

— Конечно, вы были правы, Сонни.

— Организовать там облаву? — спросил Селлитто.

— У меня есть идея получше. Дух добрался до города вчера утром и, вероятно, позвонил в землячество, чтобы нанять людей. Мы проверим все входящие и исходящие звонки, сделанные, скажем, после девяти утра вчерашнего дня.

Через полчаса телефонная компания предоставила список из трех десятков номеров. Большинство можно было исключить, поскольку звонили до прибытия Духа в город, но восемь номеров оставались. Четыре звонка были сделаны с сотовых.

— И все сотовые краденые?

— Еще как краденые, — ответил Селлитто.

Провайдеры сотовой связи смогли сообщить команде, откуда и когда звонили. Один звонок был из Бэттери-Парк-сити.

— Закс, срочно проверь, нет ли в этом районе здания, где клали «Ластр-Райт», — крикнул Райм, радуясь, что попал на след.

Закс сверилась со списком:

— Да! Есть одно!

— Там укрытие Духа, — объявил Райм.

— Новый дом. Номер восемьсот пять по Патрик-Генри-стрит, недалеко от реки. — Она обвела дом на карте и, вздохнув, пробормотала: — Вот черт, ковер уложили на девятнадцати этажах, нужно проверить уйму квартир.

— Тогда выезжай немедленно, — нетерпеливо сказал Райм.

Ты часть старого мира. Ты раскаиваешься?

Дух стоял у окна своей квартиры в высотке на Патрик-Генри-стрит и смотрел на суда в порту. Воспоминания о страшной ночи прочно врезались ему в память. Это случилось в 1966 году, в смутные времена культурной революции, провозглашенной твердолобым солдафоном, который превратился в вождя Мао Цзэдуна. Он поднял студентов по всей стране на уничтожение четырех составляющих старого мира — старой культуры, традиций, представлений и обычаев. Изысканный дом отца Духа — бизнесмена, который торговал оружием, занимался свалками и импортировал оборудование из России, — стал одной из первых мишеней высыпавших на улицы разъяренных юнцов.

Высокий студент — руководитель отряда — стоял в центре гостинной. Брызжа слюной, он бешено напирал на двенадцатилетнего Куань Ана:

— Ты часть старого мира. Ты раскаиваешься?

Для пущего эффекта он в конце каждой фразы опускал на пол толстую дубинку, увесистую, как бейсбольная бита. Раздавался громкий глухой стук.

— Да, я раскаиваюсь. Я прошу народ простить меня.

— Ты изменишь свои упаднические привычки.

Хрясь.

— Да, я изменю свои привычки, — согласился он, хотя не знал, что значит «упаднические».

— Ты умрешь, если сохранишь свои старые убеждения!

Хрясь.

— Значит, я от них откажусь.

Хрясь, хрясь, хрясь...

Минуты тянулись бесконечно, пока удары, которые наносил студент, не отняли жизнь у тех, кого он бил дубинкой, — у связанных родителей Духа, которые лежали на полу с кляпами во рту.

Неистовые студенты взяли Духа с собой, приняв мальчика в ряды Краснознаменного отряда молодежи Фучжоу. Остаток ночи они громили других вредных представителей старого мира. Никто из бойцов не заметил, что на другое утро Ан исчез из импровизированной штаб-квартиры.

У мальчика был хорошо развит инстинкт самосохранения, и он укрылся на одной из свалок отца под Фучжоу. Долгие месяцы он скитался по огромной свалке, охотясь на собак и крыс. Он заметил, что коммунисты держатся подальше от берега и доков, а аспидам и контрабандистам плевать на угнетенные массы. Его неофициально усыновили несколько таких мужчин, он стал выполнять их поручения, постепенно завоевывая доверие.

Первого человека Дух убил, когда ему было тринадцать лет. Это был вьетнамец, торговец наркотиками. Он обокрал аспида, на которого работал Ан. А когда Духу исполнилось четырнадцать, он разыскал и после пыток убил студентов, которые лишили его семьи.

Мальчик работал, не жалея себя. Опыт, приобретенный в портовых зонах, сделал его специалистом по перевозке нелегалов, вымогательству и отмыванию денег. Он всегда оставался в тени, делал все, чтобы его не могли обнаружить, тем более арестовать. Он был польщен, когда узнал, что полицейские из местного отделения Службы общественной безопасности окрестили его Гуй — Дух. Дела у него шли в гору, но деньги сами по себе его не волновали. Азарт — вот что двигало им. Проигрыш — позор. Победа — слава. Движущей силой его жизни была охота.

Теперь он охотился на Чанов и У.

Дух был доволен ходом этой охоты. Из своих источников он узнал, что У поселили на полицейскую конспиративную квартиру. Юсуф переговорил с одним из своих приятелей, тот пообещал проверить квартиру, посмотреть, как там с охраной, и, возможно, даже убить У.

Что касается Чанов, то они умрут еще до наступления ночи. Их предаст их друг, этот Тань, которого Дух, конечно, убьет, как только узнает адрес.

Его размышления прервал стук в дверь. Пришел предатель.

Дух кивнул уйгуру, тот вытащил из-за пояса пистолет и медленно открыл дверь.

На лестничной площадке стоял мужчина.

— Я Тань. Пришел к человеку по имени Дух по поводу Чанов, — сказал он.

— Проходите, — пригласил Дух. — Хотите чая?

— Нет, — отказался старик, — я ненадолго.

Спокойно глядя из-под полуопущенных век, Чан Цзечи изучал мужчин в комнате — самого Духа и двух уйгуров или казахов. Как многие коренные китайцы его поколения, он мысленно называл их «варварами».

Пожилой мужчина прошел дальше в комнату, думая о своем сыне Сэме Чане. Он надеялся, что тот еще не очнулся после щедро сдобренного морфием чая.

Какова единственная причина, по которой мужчина поступил бы так, как собираешься поступить ты?

Благо детей.

Разумеется, ни один отец не захочет отпустить сына на гибель. У Сэма впереди было еще полжизни здесь, в Прекрасном Краю. Он должен был вырастить сыновей, а теперь еще и обретенную чудом дочь. Здесь была свобода, здесь был шанс на успех. Он не позволит сыну упустить такие возможности.

Когда чай с морфием подействовал и из руки сына выпала чашка, Мэймэй в ужасе вскочила. Но Чан Цзечи рассказал ей про морфий и про то, что собирается сделать. Она попыталась остановить его, но, как невестка, подчинилась его решению. Чан Цзечи взял пистолет, обнял Мэймэй, в последний раз положил руку на лоб сыну и ушел. Поймав такси, он на карте показал шоферу, куда ехать.

И вот он с невозмутимым видом вошел в роскошную квартиру Духа.

— Я вас знаю? — с любопытством глядя на него, спросил Дух.

— Возможно. Я связан с тонгами в Чайнатауне.

Один из варваров держался рядом, с подозрением глядя на пожилого мужчину. Второй сидел в глубине квартиры.

— По какой причине вы выдаете Чанов?

— Мне нужны деньги для сына. Он нездоров.

Дух пожал плечами и обратился к варвару:

— Обыщи его. Хочу посмотреть, какие у него с собой документы.

Нет! — в смятении подумал Чан Цзечи и поднял руку:

— Пожалуйста, не надо. Я пожилой человек и заслуживаю уважения. Я сам дам вам документы.

Варвар, приподняв бровь, взглянул на Духа. В этот миг Чан Цзечи выхватил пистолет и, не колеблясь, выстрелил в висок варвара. Тот тяжело рухнул на скамеечку для ног и затих.

Но Дух мгновенно отреагировал и, когда Чан Цзечи выстрелил снова, прыгнул за массивный диван. Пуля пробила кожаную обивку, но старик не знал, попал он в аспида или нет. Он повернулся ко второму варвару, но тот уже поднял пистолет и прицелился. Чан Цзечи услышал выстрел, почувствовал, что пуля угодила ему в бедро, и упал навзничь. Варвар побежал к нему, но он повернулся к дивану и снова выстрелил туда, где прятался Дух.

Тут он понял, что пистолет больше не стреляет — кончились патроны. Попал ли он в Духа?

На стене выросла тень. Невредимый Дух с пистолетом в руке встал из-за дивана. Наставив черное дуло на Чана Цзечи, он обошел диван:

— Ты отец Чана.

— Да, а ты демон и скоро вернешься в ад.

— Но не ты меня туда отправишь.

Второй варвар кинулся к Чану Цзечи и наставил на него пистолет.

— Нет, — осадил его Дух. — Он скажет нам, где остальные.

— Ни за что, — с вызовом ответил старик.

— У нас мало времени. Кто-нибудь наверняка слышал выстрелы. Нужно уходить. Спускайся вниз и подгони фургон к черному ходу. Живо! — приказал Дух сообщнику.

Чан Цзечи в отчаянии пополз к ближайшей двери, которая вела в полутемную спальню. Он бросил взгляд назад. Дух доставал из ящика на кухне нож для разделки мяса.

Прямо перед Амелией Закс, гнавшей ярко-желтый «камаро» со скоростью за сто километров в час, вырос дом, где находилась квартира-укрытие Духа. Это было огромное многоэтажное здание со множеством подъездов. Найти здесь квартиру Духа будет трудно.

Застрекотала рация:

— Срочное сообщение, всем нарядам в районе Бэттери-Парк-сити. В десять тридцать четыре поступил сигнал о стрельбе. Оставайтесь на связи... Установлено место — Патрик-Генри-стрит, дом восемьсот пять.

Тот самый, к которому мчалась Закс, — дом Духа. Совпадение? Едва ли. Через несколько секунд она была в доме. Не успела она вбежать внутрь, как подъехали еще два патрульных автомобиля, принявшие сообщение, и в холл ворвались полицейские, а следом — Селлитто и Ли. Приехала карета «скорой помощи» и два фургона отдела чрезвычайных ситуаций.

Рация снова затрещала.

— Закс, ты на месте? — спросил Линкольн Райм.

— Да. Продвигаюсь дальше. Со мной Лон и ОЧС.

— Слушай, я говорил с диспетчером. Стреляли, похоже, на восемнадцатом или девятнадцатом этаже где-то в середине западного крыла.

— Идем проверять, Райм. Я с тобой свяжусь.

Небольшая команда ОЧС осталась охранять холл. Закс и полицейские вошли в лифт и поехали на восемнадцатый этаж. Двери открылись, и все сгрудилось в глубине кабинки. Один полицейский осмотрел площадку в прикрепленное к палочке зеркальце и сказал:

— Чисто.

Они вышли и осторожно пошли по ковру. Подстрахованная с обеих сторон двумя крепкими копами, Закс выбрала дверь и позвонила.

Вытащив из кобуры пистолет, она немного отступила назад. Дверь открыла крошечная седая женщина.

— Вы из полиции. Приехали из-за этих любителей хлопущек, на которых я жаловалась.

— Верно, мэм, — подтвердила Закс.

— Я думаю, это в восемнадцатой, дальше по коридору. Я подумала, это хлопущки, потому что там живет азиат.

— Ясно, мэм. Спасибо. Войдите, пожалуйста, в квартиру и запритесь. Что бы вы ни услышали, дверь не открывайте.

Закс захлопнула дверь и направила команду к восемнадцатой квартире. Полицейский громко постучал:

— Откройте, полиция!

Тишина.

Полицейские отвели назад мощный таран и ударили в дверь рядом с ручкой. Замок сразу же поддался, и дверь распахнулась. Копы рассыпались веером и принялись проверять комнаты. По квартире разнеслись отрывистые возгласы:

— Здесь чисто... В кухне чисто. Заднего хода нет... Чисто.

Дух ушел.

Но он снова оставил за собой смерть — труп женщины, похожего на уйгура, которого Закс застрелила у дома У. Он лежал у кожаного, продырявленного пулями дивана. На полу валялся дешевый хромированный пистолет. В спальне они нашли второе тело.

Пожилой китаец лежал на спине, глаза у него были открыты, в ноге зияла пулевая рана.

Закс наклонилась и осмотрела тело:

— Понятно. — Она вытащила из пальцев покойника коричневый пузырек. Надпись на этикетке была на китайском и английском языках. — Морфий. Самоубийство.

Подроспела бригада обследования места преступления — два специалиста с большими металлическими чемоданами. Закс открыла чемоданы, надела комбинезон и объявила:

— Мне нужно обследовать комнату. Прошу всех выйти.

Обследование заняло полчаса. Закончив, она ощутила запах табачного дыма. В дверях стоял Сонни Ли.

— Я знать его с корабля. Отец Сэма Чана.

— Понятно. Зачем он это сделал?

— Ради семья, — тихо ответил Ли. — Ради семья.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мэймэй поставила перед очнувшимся мужем чашку чая. Его внимание было приковано к экрану телевизора. Из новостей, которые перевел Уильям, семья Чан узнала, что на Манхэттене нашли двоих мертвых мужчин. Одним был проживавший в Куинсе иммигрант-уйгур, вторым — пожилой китаец, предположительно с «Дракона Фучжоу».

Телерепортер объяснил, что тот застрелил уйгура и умер от передозировки морфия, видимо, покончил с собой. Предполагалось, что квартира служила укрытием Куань Ану, перевозчику нелегалов, которого разыскивали в связи с затонувшим накануне утром «Драконом Фучжоу». Куань исчез до приезда полиции и до сих пор был на свободе.

Сэм Чан проснулся полчаса тому назад. Обнаружив, что пистолета нет, он сразу понял, что сделал отец. Вне себя от гнева, Чан сказал жене:

— Я нашел Духа один раз, найду и второй. Но тогда...

— Нет, — отрезала Мэймэй. — Ты не будешь мстить за смерть отца. Ты останешься с нами здесь, пока Духа не поймают или не убьют. Мы выучим английский, заработаем денег. А когда будет следующая амнистия, получим гражданство. — Она сделала паузу и отерла текущие по лицу слезы. — Ты знаешь, я тоже его любила. Это и моя потеря.

Чан долго сидел молча. Затем поманил младшего сына и спросил:

— Сын, ты помнишь воинов Цинь Шихуанди?

— Да.

Первый китайский император, правивший в третьем веке до нашей эры, повелел вылепить из глины несколько тысяч фигур воинов, возникших и коней в натуральную величину и поместить их в своей усыпальнице. Армии предстояло сопровождать его в загробной жизни.

— Мы сделаем то же самое для дедушки. — Чан едва не задохнулся от горя. — Пошлем ему на небеса кое-какие вещи. Мы лишились всего вместе с судом, поэтому просто их нарисуем.

— А картинки помогут? — нахмурившись, спросил мальчик.

— Да. Но мне понадобится твоя помощь. Возьми бумагу и карандаш. — Чан кивком указал на стол: — Мог бы ты нарисовать его любимые кисточки? Помнишь, как они выглядели?

Рональд склонился над бумагой и начал рисовать.

— И бутылку рисового вина, которое он любил, — добавила Мэймэй.

Чан почувствовал, что сзади кто-то стоит. Он повернулся и увидел Уильяма — тот смотрел, как рисует брат.

— Когда умерла бабушка, мы жгли деньги, — вспомнил он.

В Китае на похоронах принято сжигать бумажки с изображением купюр в миллион юаней, чтобы у покойного в загробном мире имелись деньги.

— Может, я смогу нарисовать юани, — предложил Уильям.

— Спасибо, сын.

Когда дети закончили рисунки, Чан вывел семью на задний двор. Чтобы обозначить место, где должно было бы лежать тело, он воткнул в землю две благовонные палочки и поджег рисунки сыновей. Потом они стояли и смотрели, как дым исчезает в сером небе, а бумага превращается в черные завитки пепла.

— Кто-то снова хотел напасть на У, — сообщил Селлитто и взглянул на Райма, не выпуская из руки сотового телефона.

— Что? В нашем доме на Марри-Хилл? — поразились Закс. Райм развернулся лицом к детективу.

— Одна из скрытых камер засекла смуглого худощавого мужчину. Двое наших людей погнались за ним, но он удрал.

— Как, черт побери, Дух узнал, где они находятся? — спросил Райм.

Закс предположила:

— После перестрелки на Канал-стрит один из его баншоу мог проследить меня до больницы, а потом У — до конспиративной квартиры. Дело трудное, но осуществимое. А как вам это?

Она подошла к белой доске и написала: «Известно, что Дух платит каким-то правительственным чиновникам».

— Думаешь, шпион? — спросил Селлитто.

— Никто из Бюро не знал, что мы отправляем У на Марри-Хилл. Когда мне это пришло в голову, Деллрея не было. Остаются СИН и нью-йоркская полиция, — объяснила Закс.

— Что ж, позвоню федеральным маршалам, пусть семью У переведут в дом для охраны свидетелей на севере штата. И об этом будут знать только присутствующие.

Райм развернулся к доске, посмотрел на снимки трупа пожилого китайца и подъехал поближе:

— Посмотрите на его руки.

Пальцы и ладони Чана Цзечи были покрыты сине-черными пятнышками то ли чернил, то ли краски. Это явно были не трупные пятна.

Закс сняла с доски снимок с отпечатками пальцев Сэма Чана и приложила к снимку руки отца. Следы на пальцах Сэма Чана походили на следы, отчетливо заметные на пальцах отца.

— Они художники! — воскликнул Райм. — Оба, отец и сын. Помните логотип на фургоне? Его нарисовал один из них.

— Нет, — возразил, глядя на снимок, Ли. — Не художники. Каллиграфы. Держать кисть вот так. — Он схватил ручку и зажал ее вертикально.

Когда Ли ее положил, у него на указательном, среднем и большом пальцах остались точно такие же красные следы, как у Сэма Чана и его отца.

— Мы знаем, что Чаны в Куинсе. Раздобудем как можно больше говорящих по-китайски полицейских и начнем опрашивать типографии и мастерские по изготовлению вывесок, не наняли ли они на днях нелегалов. Предупредим: если соврут, а мы это выясним, СИН устроит у них облаву, — распорядился Райм.

Дэн достал телефон и позвонил в штаб-квартиру. Мэл Купер прогнал кое-что из найденного в квартире-укрытии Духа на Патрик-Генри-стрит через хроматограф:

— Тут кое-что интересное. Взято с ботинка отца Чана. Нитраты; калий, углерод, натрий... Твердые вещества биологического происхождения.

Это привлекло внимание Райма. Четырнадцать мусороперерабатывающих фабрик Нью-Йорка производят в день больше тысячи тонн твердых веществ биологического происхождения — переработанных отходов жизнедеятельности человека. Раз у жертвы на ботинках оказалось значительное количество этих веществ, значит, Чаны, скорее всего, живут рядом с одной из таких фабрик.

— Может, поищем в домах неподалеку от фабрик? — предложил Селлитто.

Райм отрицательно покачал головой. Поквартирный обход занял бы целую вечность. Тут подал голос Сонни Ли:

— Ай, лоабан, я тоже нашел кое-что, когда обыскивать квартиру Духа. Напротив двери — статуя Будды, смотреть на нее. Коридор покрашен белый. Книжные полки с дверками. Есть статуя семь коней. Все зеркала очень высокий — не отрезать полголовы, когда смотришь. Есть колокольчики с деревянная ручка. Держит их в западной части комнаты. Фэн-шуй, я что говорю.

— Искусство расставить мебель и вещи так, чтобы дом притягивал удачу, — объяснил Том. — Видел в передаче по каналу «Дом и сад».

Райм нетерпеливо спросил:

— Ли, а что нам это дает в смысле улики?

— Дух нанимать кого-то, чтобы организовать дом. Парень, которого он нанимать, делать хорошая работа. Может, он знает, где другие квартиры Духа. Я идти проверять в Чайнатаун мастера фэн-шуй.

— Цзайцзянь, — старательно выговорил Райм.

Он нашел это слово в Интернете.

Ли кивнул:

— «До свидания». Да, да. Вы даже произносить хорошо, лобан. Цзайцзянь.

Китайский коп ушел. Райм и Закс смотрели на белую доску. Затем Райм быстро повернул голову к самой первой карте — Лонг-Айленд с прилегающим водным пространством. Он глядел на крошечную красную точку в полутора километрах от мыса Ориент.

— У нас еще одно место преступления, а я о нем забыл.

— Какое? — спросила Закс.

— «Дракон Фучжоу». Позвоните в береговую охрану, пусть меня соединят с кем-нибудь, кто отвечает за спасательные операции.

Лон Селлитто дозвонился и перевел телефон на громкоговорящую связь.

— На связи Фред Рэнсом, капитан «Эвана Бриганта».

Ветер громко свистел в микрофон его рации.

— Говорит детектив Лон Селлитто, полиция Нью-Йорка. Я здесь с Линкольном Раймом. Вы сейчас где?

— Прямо над «Драконом». Мы все еще ищем выживших.

— Как лежит судно, капитан?

— На правом борту на глубине двадцать пять — двадцать восемь метров.

— Как погода?

— Много лучше, чем раньше. Волны высотой до трех метров, ветер около тридцати узлов. Слабый дождь. Видимость в пределах двухсот метров.

— У вас есть аквалангисты, которые могут осмотреть судно изнутри? — спросил Райм.

— Конечно, мы можем отправить несколько человек. Но дело в том, что мои аквалангисты никогда не занимались поисками улик.

Вмешалась Закс:

— Я обследую судно. — В микрофон она сказала: — Капитан, я могу через полчаса быть в Бэттери-Парке. Вы можете прислать за мной вертолет?

— В общем, мы в такую погоду летаем, но...

— У меня сертификат аквалангиста.

— Но ты уже много лет не погружалась, — заметил Райм.

— И не ездила на велосипеде.

— Мисс...

— Полицейский Закс, капитан, — представилась она.

— Полицейский, мои люди погружаются по многу лет, но даже их я бы не отправил на неустойчивое разбитое судно при таких погодных условиях.

— Капитан, мое дело — искать улики при любых условиях.

Она посмотрела на Райма, который после долгого колебания кивнул в знак поддержки.

— Капитан, вы нас выручите? — попросил Райм. — Она должна быть в числе тех, кто будет погружаться.

— Ладно, полицейский.

— Я буду ждать на площадке.

Разговор завершился. Закс посмотрела на Райма. Он столько всего хотел ей сказать — и так мало мог. Она погладила его правую руку, ту, на которой пальцы совсем ничего не ощущали. По крайней мере пока.

Амелия Закс стояла в вертолете береговой охраны, который завис на высоте пятнадцать метров над вибрирующей антенной катера «Эван Бригант». На ней закрепили трос. Когда она запрашивала вертолет, ей как-то в голову не пришло, что попасть на катер можно только одним способом — спустившись на тросе на ходившую ходуном палубу.

Закс шагнула в дверцу и под яростными ударами ветра начала спускаться. Внезапно ее окутал туман, и она потеряла ориентацию. Но тут ее ноги коснулись палубы.

Капитан Фред Рэнсом встретил ее на мостике и провел к штурманскому столу, на котором лежал снимок судна. Закс тщательно его изучила. Рэнсом объяснил, что мостик и каюты расположены на одной и той же палубе, но каюты идут вдоль длинного коридора в сторону кормы. Затем капитан представил ее командиру аквалангистов и его заместителю.

Закс экипировали и выдали комплект оборудования. Потом командир вручил Закс большую сетчатую сумку, в которую она положила полиэтиленовые пакетики для вещдоков.

Все сели на желтый плот, который уже был на воде и скакал, словно норовистый конь. Метрах в пяти от них плавал оранжевый буй. Командир показал на него и, перекрывая шум ветра, крикнул:

— Трос от корабля идет к бую и дальше вниз. Ныряем и погружаемся вдоль троса. Что вы собираетесь делать?

— Хочу взять с корпуса остаточные продукты взрыва, — прокричала в ответ Закс, — и обследовать мостик и каюты. Внутри буду работать одна.

— Хорошо, — согласился командир и продолжил: — Звуки под водой не очень помогают — трудно определить их источник, но, если у вас будут проблемы, постучите по баллону ножом, и мы начнем вас искать. — Он взял ее манометр, показывающий, сколько в баллоне воздуха: — У вас тысяча сто литров воздуха. Мы всплываем, когда остается двести. Это железное правило.

Он подал знак «порядок» и махнул Закс, чтобы она погружалась. Один, два, три... Спиной в мутную воду.

В первый миг ее поразили совершенный покой подводного мира. Она посмотрела вниз и увидела смутные очертания «Дракона Фучжоу».

Когда трое аквалангистов приблизились к судну, Закс услышала шумы — скрежет и стон. Толстая металлическая обшивка судна скребла о камни. Казалось, будто умирает огромное животное.

В месте взрыва она ножом соскоблила с лохмотьев металла остаточный продукт, поместила похожий на пепел порошок в пакетик, заклеила и положила в сетчатую сумку. Затем метрах в десяти она увидела черные окна мостика и поплыла к ним.

Судно лежало на боку, и дверь на мостик открывалась вверх. Она была металлической и очень тяжелой. Два аквалангиста береговой охраны с трудом ее подняли, и Закс проплыла на мостик. Дверь захлопнулась за ней со зловещим гулом.

В полумраке коридора что-то пошевелилось. Что? Рыба, кальмар?

Закс смотрела в тусклые глаза на безжизненном белом лице — рядом плавало тело босого мужчины с поднятыми, как у сдающегося преступника, руками.

Закс поплыла дальше.

Она заключила, что каюты над ней — по той стороне коридора, что ближе к поверхности, — не были каютами Духа. Две, по всей видимости, были не заняты, а третья принадлежала капитану. В ней Закс нашла сувениры из прежних плаваний и фотографии лысого усатого мужчины. Она узнала в нем капитана Сэня: на доске у Райма были пришпилены его снимки.

Три каюты по другой стороне коридора во время плавания пустовали. Оставалась последняя — наверняка каюта Духа.

Закс схватилась за ручку. Замок открылся, и тяжелая деревянная дверь ухнула вниз.

Сотни стодолларовых купюр колыхались в воде, словно снежные хлопья в стеклянном шаре. Схватив несколько пригоршней, Закс сложила их в сумку. Потом увидела открытый дипломат и обнаружила в нем еще и китайские деньги. Пригоршня юаней также последовала в сумку с уликами.

Потом Закс нашла автомат «узи» и 9-миллиметровую «беретту». Она осмотрела оружие: у «узи» был спилен серийный номер, и она его не взяла. У «беретты» серийный номер имелся, и это означало, что оружие, возможно, выведет на след Духа. Закс кинула пистолет в сумку и взглянула на манометр — 670 литров воздуха.

Клац, клац... клац.

Не обращая внимания на жутковатый звук, она осмотрелась. Где в такой крошечной каюте можно что-нибудь спрятать? Она заглянула в шкаф, но там была только одежда. В одежде? Может быть. Закс начала ее обыскивать и обнаружила прорезь в подкладке одного из пиджаков от «Армани». Она засунула в нее руку и вытащила конверт с документами на китайском языке.

В сумку. Отлично, пора выбирать.

Клац, клац, клац... клац... клац... клац.

Тут Закс остановилась, схватившись за косяк. В страшном постукивании она уловила ритм — три коротких звука, три длинных. На азбуке Морзе это означало СОС — сигнал бедствия. Звуки шли откуда-то из глубины судна.

Кто-то был жив! Позвать остальных аквалангистов? Нет, это займет слишком много времени, а у нее осталось меньше 450 литров воздуха.

Закс развернулась и вновь, изо всех сил работая ногами, поплыла по коридору. Она плыла на звук, но коридор вдруг закончился. Направив фонарик на стену, Закс обнаружила маленькую дверь, открыла ее, и у нее перехватило дыхание — мимо неспешно проплыл зеленый угорь. Она подождала, пока сердце перестанет колотиться, и заглянула в недра судна. Должно быть, это была шахта кухонного лифта, служившего для доставки еды с нижней палубы на мостик.

Закс проскользнула внутрь, добралась до самого дна шахты и заставила себя осторожно всплыть в помещение, которое раньше было камбузом. Над головой она увидела мерцающую поверхность большого воздушного мешка и болтающиеся мужские ноги. Лысый усатый мужчина крепко держался за привинченный к стене стеллаж. Она быстро поплыла к нему.

Закс его узнала — несколько минут назад она видела его снимки в каюте. Это был Сэнь — капитан «Дракона Фучжоу». Он что-то бессвязно бормотал. Капитан так посинел, что его кожа приобрела оттенок, характерный для жертв удушья.

Вытащив добавочный загубник, Закс сунула его Сэню в рот. Он глубоко вдохнул и начал понемногу приходить в чувство. Закс ткнула пальцем вниз, он кивнул. Она выпустила воздух из жилета и, обхватив обмякшего капитана, поплыла к шахте лифта.

Быстрый взгляд на манометр — 260 литров. И теперь они пользовались запасом вдвоем.

Вместе втиснуться в шахту они не могли, поэтому первым она запустила капитана, а сама поплыла следом.

Еще один взгляд на манометр — 150 литров.

Мы всплываем, когда остается двести. Это железное правило.

Они выбрались из шахты и поплыли по основному коридору. Закс держалась рядом с капитаном, схватив его за кожаный ремень. Внезапно его скрутила судорога — он сильно дернулся и ударил ее ногой по лицу. Фонарик погас, и загубник выскочил у нее изо рта.

Тьма обступила Закс, она закружилась, отчаянно пытаясь нащупать загубник. Где страховщики из береговой охраны? Как им сообщить, что она попала беду?

Закс сунула руку в сумку с уликами и вытащила «беретту». Прижав дуло к деревянной стене, она нажала на спуск. Вспышка и громкий взрыв.

Пожалуйста, отчаянно молила она. Ну, пожалуйста...

В безмолвии вспыхнули огни — командир и его заместитель быстро плыли по коридору. В рот Закс вставили другой загубник, и она снова задышала. Свой второй загубник командир вставил в рот капитану.

Обсохнув и переодевшись в джинсы, майку и фуфайку, Закс поспешила на мостик, чтобы позвонить Райму.

— Нашла на судне живого человека. Капитана. Если повезет, он сможет дать нам какие-нибудь зацепки. Сейчас он без сознания. Из больницы позвонят, как только будет что сообщить.

— Возвращайся скорее, Закс. Нам тебя не хватает.

Она знала, что королевское «мы» в устах Линкольна Райма означает «я».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Фэн-шуй, что в буквальном смысле означает «ветер и вода», — это искусство удерживать в жилище положительную энергию и отталкивать отрицательную. Из-за немыслимого количества правил по-настоящему умелых мастеров фэн-шуй совсем немного. Над квартирой Духа, несомненно, поработал настоящий мастер, но Сонни Ли не представлял, где такого найти в Нью-Йорке.

Вместо того чтобы носиться по городу, как Хунце в ее желтом автомобиле, Ли повел себя так, как предписывает даосизм: жить, воздерживаясь от действий, но переживая само бытие. Поэтому он отправился в самую шикарную чайную Чайнатау-

на, сел за столик и откинулся на спинку стула. Заказав чая, он не спешил его допивать, чтобы с полным правом посидеть подольше. Он и сидел, изредка прихлебывая из чашки... Миновали тридцать минут. Сорок пять. Наконец его терпение было вознаграждено. В чайную вошла симпатичная китаянка, села за соседний столик и тоже заказала чай.

На женщине были красивое красное платье и туфли на шпильках. Ли подошел к ее столику и представился.

— Простите за беспокойство, но, быть может, вы сумеете мне помочь. Тому, на кого я работаю, все время не везет. Думаю, из-за неправильно обустроенной квартиры. Вы явно знаете хорошего мастера фэн-шуй.

Он кивком указал на украшения, выдававшие в женщине ревностную последовательницу фэн-шуй: браслет из девяти китайских монеток, булавку в форме доброй богини Гуань-инь и шарфик с изображением черной рыбы.

Красавица улыбнулась Ли и вынула из кошелька визитную карточку:

— Господин Чжоу. Один из лучших в городе. Берет дороже всех, но работает прекрасно.

Ли поблагодарил ее и вышел из чайной. На счастье он перебежал улицу перед самым капотом мчащегося такси. Водитель выругался и покрутил пальцем у виска. Ли только рассмеялся. Он отсек демону хвост у самого основания. Теперь, одаренный неуязвимостью, он разыщет Духа.

Он бросил взгляд на визитку и направился к «Лавке доброй надежды».

— Закс! — Райм поднял глаза от дисплея. — Угадай, чем Дух взорвал судно?

— Сдаюсь, — отозвалась та с интересом.

Райму ответил Мэл Купер:

— Первокласным новейшим гексогеном С-4.

Райм пришел в хорошее настроение, потому что С-4 встречался редко и шансов найти Духа через источник взрывчатки было больше, чем если бы он использовал какой-нибудь легкодоступный состав.

Пришел Эдди Дэн:

— Явился по первому вызову, Линкольн.

— Отлично, Эдди. Вооружайся очками — переведешь нам письмо, которое Амелия нашла в пиджаке Духа.

Дэн наклонился над письмом и внимательно прочитал:

— Адресовано Духу. Писал некто Лин Шуйбянь. Он сообщает Духу, когда самолет вылетает из Фучжоу и где и когда приземлится в России. Затем пишет, что переводит деньги на счет в Гонконге. Ни номера, ни банка не указано. Добавлено, что часть суммы — в долларах — передается с письмом. В заключение приведен список пассажиров «Дракона».

— Распорядись, чтобы кто-нибудь из наших в Китае разузнал про этого Лина, — сказал Райм Лону Селлитто и обратился к Закс: — Сколько там было денег?

— Много.

— Фальшивые? — спросил Райм.

Купер изучил купюру:

— Нет.

Найденные Закс юани были выцветшими и мятыми.

— Там около тридцати пачек такого размера.

Дэн подсчитал, сколько денег в одной пачке, и объявил:

— Тридцать пачек по нынешнему курсу потянут примерно на двадцать тысяч американских долларов.

Зазвонил сотовый телефон. Закс узнала голос Джона Суна, и сердце у нее забилося быстрее.

— Слушаю, Джон.

— Я тут подумал, может, вы выкроите сегодня время меня навестить?

— Вероятно, получится. Сейчас, правда, не до визитов. Я вам перезвоню.

Она отключилась. Селлитто смотрел на нее волком.

— Детектив, — обратилась она к нему, — мы не могли бы поговорить за дверью?

Закс вышла, Селлитто — за ней, громко стуча ботинками. В коридоре она повернулась к нему, уперев руки в бока:

— Почему два последних дня ты лезешь не в свое дело?

Тучный Селлитто подтянул ремень.

— Ты спятила, навоображала бог знает что.

— Чушь. Если хочешь мне что-то сказать, говори прямо.

После недолгого молчания он произнес:

— Я знаю, где ты была вчера вечером. Наши няньки у дома Суна сообщили, что отсюда ты поехала прямо туда.

— Моя личная жизнь — мое дело, — холодно заметила она.

Дюжий коп зло прошептал:

— Теперь не только твое, Амелия. Это и его дело тоже.

— Его? — нахмурилась Закс. — Кого именно?

— Райма. А ты о ком подумала? Он развалится, если ты и дальше будешь так себя вести.

Она решительно ничего не понимала:

— Не соображу, куда ты клонишь.

— Вот как? А мне все ясно. Для Райма свет на тебе клином сошелся. Если не перестанешь встречаться с этим типом, а Райм узнает, это его просто убьет. Он... Чего тут смешного?

— Так ты говоришь обо мне и Джоне Суне?

— Ну да, о том, с кем ты украдкой встречаешься.

На нее напал безудержный смех.

— Ох, Лон...

Она отвернулась, потому что смех перешел в слезы.

— Что... — подался к ней Селлитто.

Наконец Закс взяла себя в руки:

— Это вовсе не то, что ты думаешь.

— Продолжай.

— Ты знаешь, что мы с Раймом хотели завести детей. — Она невесело улыбнулась. — У нас не вышло. Я не могла забеременеть. Переживала, что это из-за Линкольна. Поэтому несколько недель назад мы с ним обследовались.

Она мысленно вернулась к тому дню в больнице.

— *Вот вы где, мисс Закс.*

— *Здравствуйте, доктор.*

— *Я только что говорил с терапевтом Линкольна Райма.*

— *Судя по вашему виду, новости плохие.*

— *Почему бы нам не присесть где-нибудь в уголке?*

— *Мне и тут хорошо. Говорите все как есть.*

— *Значит, так. Врач Линкольна сообщил мне, что по результатам анализа Райм вполне способен иметь потомство. Количество сперматозоидов чуть ниже нормы, но для мужчины в его состоянии это типично и по нынешним вре-*

менам практически не мешает оплодотворению. Боюсь, однако, что у вас проблема посерьезнее.

— У меня?

Она рассказала Селлитто о беседе с врачом и добавила:

— У меня обнаружили так называемый эндометриоз. По этой части у меня всегда были проблемы, но я и не подозревала, что все так плохо.

— Это излечимо?

— Можно прооперироваться, пройти курс гормональной терапии, но это не поможет с зачатием.

— Прости, Амелия.

Закс сухо рассмеялась:

— Вот что я делала у Джона Суна. Вчера вечером он меня осмотрел и провел сеанс массажа. К тому же он дает мне травы, которые, по его мнению, могут помочь. Оказывается, многие врачи на Западе рекомендуют больным эндометриозом обращаться к китайской медицине. — Она помолчала и закончила: — Я живу, постоянно общаясь со смертью, Лон, и нам с Линкольном хотелось, чтобы рядом была жизнь. Мне так хотелось избавиться от болезни.

— Я не знал.

— Потому что это касается только Линкольна и меня, — гневно сказала она и, кивнув на дверь, спросила: — Ты разве не знал, как много мы значим друг для друга?

— Прости. Мне надо было напрямь извилины.

Селлитто протянул ей руку, и она неохотно пожала его огромную ладонь.

— Мы из-за тебя чертовски перетрухали, — приветствовал Райм Фреда Деллрея.

— А мне каково было, когда я почуял под задницей детище мистера Нобеля? Где Дан?

— Какой Дан? — не понял Райм.

— Который должен был меня заменить. Дан Вон.

Райм и Закс переглянулись.

— Никто тебя не заменял, мы все еще ждем.

— Все еще ждете? — переспросил Деллрей шепотом, не поверив собственным ушам. — Он должен был вам позвонить и

сегодня утром прилететь на военном самолете. — Удивление на лице Деллрея сменилось гневом. — Вернусь к себе — разберусь. Никому не дам спуска.

— Как идет расследование? — поинтересовался Селлитто.

Деллрей извлек из кармана полиэтиленовый пакетик с ярко-желтой палочкой взрывчатки.

— На индикаторы проверяли? — спросил Райм.

— Не-а. Сказали, взрывчатка старая, тогда еще не было индикаторов-аддитивов.

— Вероятно, так и есть. Но мне все равно хочется выяснить. — Он крикнул Мэлу Куперу: — Проанализируй. Мне нужно знать производителя.

— Я твой должник, Линкольн.

— Найдешь себе замену — будем в расчете, Фред.

Дух шел по Малберри-стрит, спрятав под ветровкой новый «Глок-36» 45-го калибра. Ему только что позвонил уйгур, которому Юсуф поручил проникнуть к У. Дом охранялся лучше, чем они рассчитывали, охранники засекли уйгура. Полиция, разумеется, уже перевела семейство в другое место. Накладка, но он выяснит их новое местопребывание.

Пройдя по одному переулку, затем по другому, Дух пересек оживленную улицу и наконец добрался до места. Он вошел и взмахом руки поздоровался со своим мастером фэн-шуй, господином Чжоу. Тот сидел в задней части «Лавки доброй надежды».

Сонни Ли закурил и пошел дальше по Бауэри-стрит. Чувствовал он себя прекрасно. Добрые знаки, добрая сила. Они с лобаном сделали подношения богу сыщиков Гуань-ди. Он отрезал хвосты демонам. И в кармане у него лежал заряженный автоматический пистолет. Не важно, как именно, но он вынет из мастера фэн-шуй адреса других укрытий Духа.

Вскоре он добрался до «Лавки доброй надежды». В глубине ее за конторкой сидел мужчина, курил и читал китайскую газету.

— Вы Чжоу?

— Да, вы не ошиблись.

— Почитаю за честь познакомиться с вами, — сказал Ли. — Я видел квартиру знакомого в доме пятьсот восемь на Патрик-

Генри-стрит. По-моему, над ней работали вы. Мне нужно связаться с этим знакомым, но его, к сожалению, нет на Патрик-Генри-стрит. Я надеюсь, вы мне подскажете, как его найти. Моего знакомого зовут Куань Ан.

Мужчина едва заметно шевельнул бровями.

— Простите, но я такого не знаю.

— Вы прекрасно знаете, что Куань Ан — аспид и убийца, вижу это по вашим глазам.

Для Сонни Ли лица были тем же, чем для лоабана — вещественные доказательства.

— Честное слово, я не понимаю, о чем вы говорите. Я всего лишь занимаюсь фэн...

— Знаем, знаем, — ухмыльнулся Ли. — Надоели мне ваши увертки, я вызываю СИН, и пусть они разбираются с вами и вашей семьей. — Он кивком указал на стену, где висели семейные фотографии.

— Не нужно СИН, — живо ответил Чжоу. — Он ушел прямо перед вами. Если поспешите, глядишь, и догоните. У него в руках желтый пакет с надписью «Лавка доброй надежды».

Ли выскочил из лавки и начал лихорадочно шарить взглядом по улице. Метрах в ста он увидел мужчину среднего роста с короткими темными волосами и желтым пакетом. Ли узнал походку — запомнил еще по кораблю. Да, сказал он себе, это Дух.

Возможно, ему следовало попробовать дозвониться до лоабана или Хунце, но был риск потерять из виду противника. Когда Дух свернул в переулок, Ли достал пистолет и припустил за ним.

Аспид не успел сообразить, что за ним гонятся, когда Ли настиг его и ткнул в спину дулом пистолета. Убийца выпустил из рук пакет и полез под рубашку, но Ли выхватил у него из-за ремня большой пистолет и сунул себе в карман. Затем грубо развернул аспид к себе лицом и отбарабанил:

— Куань Ан, вы арестованы за нарушение законов Китайской Народной Республики...

Но он не закончил фразы. Его взгляд упал на грудь Духа — тот разорвал ворот, когда полез за пистолетом. На шее у Духа на кожаном шнурке висел амулет — обезьяна из мыльного камня.

Выкатив от изумления глаза, Сонни Ли отступил на шаг, целясь Духу в лицо.

— Ты, ты... — пробормотал он. У него путались мысли, он пытался понять, как же такое могло случиться. Наконец Ли прошептал: — Ты убил Джона Суна и забрал его документы вместе с обезьяной.

— Мы оба, похоже, играли в ряженных, — ухмыльнулся Дух. — Ты на «Драконе» выдавал себя за поросенка.

До Сонни Ли дошло, как было дело. Дух угнал «хонду», оставленную у прибрежной закусочной. Лоабан и полиция решили, что он поехал в город, а он запихал тело Суна в багажник и спрятал машину где-то поблизости. Затем нанес себе легкую рану из своего пистолета и забрался в море, чтобы полиция и СИН его спасли и благополучно доставили в Нью-Йорк.

Десять судей ада, подумал Ли. Хунце и не представляет себе, что ее «доктор» — аспид собственной персоной.

— Ты использовал женщину-полицейского, чтобы узнать, где Чаны и У.

— Мне была нужна информация, — утвердительно кивнул Дух. — И она с радостью мне ее выдавала. — Он внимательно посмотрел на Ли: — А тебе зачем все это понадобилось, человек? С какой стати ты всю дорогу висел у меня на хвосте?

— Ты убил трех человек в моем городе, Люгуани.

— Разве? Не помню. Может, они того заслуживали.

— Вы арестованы, — ответил Ли. — Ложитесь лицом на землю. Живо.

Дух опустил на колени. Внезапно Ли с ужасом понял, что между ними оказался пакет и Дух скользнул за него правой рукой.

— Нет! — крикнул Ли.

Пакет из «Лавки счастливой надежды» взорвался — Дух выстрелил сквозь него из запасного пистолета, который носил на лодыжке. Пуля просвистела в сантиметре от бедра Ли. Он вытянул руку, прицеливаясь, но аспид выбил оружие. Ли вцепился Духу в запястье и попытался выдернуть у него из пальцев пистолет 51-й модели. Оба повалились на скользкую мостовую, и оружие тоже упало на землю. Дух рванулся за пистолетом.

Останови его, останови, яростно приказал себе Ли.

Он ухватил кожаный шнурок, на котором висел амулет-обезьяна, и изо всех сил потянул на себя. Дух беспомощно замолотил по воздуху руками, у него стали подгибаться ноги, в горле забулькало. Ли потянул сильнее.

И тут шнурок лопнул. Фигурка обезьяны упала на камни и разбилась вдребезги. Ли отшвырнуло назад, он опрокинулся на спину, ударился затылком о камни и едва не потерял сознания. Судьи ада...

Сонни Ли едва различал, как Дух, стоя на четвереньках и заходясь от кашля, ловит ртом воздух и пытается нащупать выпавший пистолет. Перед мысленным взором Ли промелькнули жуткие картины того, что может случиться. Хунце убита и лежит во мраке. Лоабан тоже мертв, его лицо такое же неподвижное в смерти, каким тело было при жизни.

Сонни Ли перекатился на живот и пополз к врагу.

Амелия Закс была мрачнее тучи. Они с агентом СИН Коу выскочили из фургона выездной бригады и побежали по переулку к группе полицейских.

Закс перешла на шаг, не спуская глаз с мертвого тела. Сонни Ли лежал на животе на грязных булыжниках. Она остановилась, подавляя порыв опуститься на колени и стиснуть ему руку.

Не вникай, не думай о жертве. Помни заповедь Райма: махни на мертвых рукой.

Но с этим было чертовски трудно. Особенно самому Линкольну Райму. Закс видела, что за два последних дня китаец стал для него близким человеком, почти другом. Такого она за Раймом не замечала за все время их знакомства.

Подошел Коу:

— Мне очень жаль. Он был славный парень.

— Да. Мне нужно осмотреть место преступления. Попрошу всех отойти.

Она надела головной телефон, подключила к рации и вызвала Райма. Раздался щелчок, и его голос в наушниках произнес:

— Слушаю.

— Я на месте, — сообщила она.

— Ну и что?

— Он мертв. Мне очень жаль, Линкольн.

— Никаких имен, Закс. Плохая примета, помнишь? — Он сглотнул. — Ладно, приступай к осмотру. У Чанов все меньше времени.

— Ясно. Приступаю.

Через полчаса она все разложила по пакетикам, написала свою фамилию на сопроводительных карточках, составила список вещественных доказательств и еще раз связалась с Раймом.

— Сонни получил три пули в грудь, но стреляных гильз — четыре. Одна была выпущена из пятидесят первой модели, остальные — из пистолета сорок пятого калибра. Убили его, похоже, из второго. На штанине — следы: частицы желтой бумаги и фрагменты сушеных растений. На мостовой — тоже кучка этих фрагментов.

— Как, по-твоему, развивались события?

— Сонни, видимо, застукал Духа, когда тот выходил из лавки и пошел следом. Он задержал аспида и забрал у него пистолет. Решив, что обезоружил Духа, Сонни расслабился и приказал ему лечь на землю. Но Дух вытащил запасной пистолет, пятидесят первую модель, и выстрелил через пакет — так на Сонни попали фрагменты растений и частицы бумаги. Дух промахнулся и набросился на него. Завладел пистолетом сорок пятого калибра и застрелил Сонни.

— Не хочешь обойти окрестные лавки и выяснить, где отпускают товар в желтых пакетах?

— Нет. Уйдет слишком много времени. Сперва лучше узнаю, что это за растения. Вероятно, китайские травы. По пути загляну к Джону Суну и покажу ему. Он-то наверняка определит. Его дом всего в нескольких кварталах отсюда.

V

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Для захвата... следует взять силы противника в полное окружение, так чтобы у них не осталось для маневра ни одного смежного перекрестия... Как в настоящей войне, вражеский пост окружают, а солдат берут в плен.

Игра в вэйчи

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он уперся взглядом в серые сумерки за окном. Не пораженные нервные волокна, а горечь утраты заставила его уронить голову на грудь. Райм думал о Сонни Ли, копе-одиночке, который добрался до другого края света, чтобы задержать преступника.

— Ладно, Мэл, — произнес Райм, — что там у нас?

Мэл Купер склонился над полиэтиленовыми пакетиками, которые полицейский патруль доставил с места преступления в Чайнатауне.

— Отпечатки обуви.

— Они точно принадлежат Духу? — спросил Райм.

— Угу, — подтвердил Купер, разглядывая снятые Закс электростатические отпечатки. — Полностью идентичны. — Он потряс одежду Ли над большим листом чистой белой бумаги и всмотрелся в то, что упало: — Пыль, крупинки краски, частицы желтой бумаги, видимо от пакета, фрагменты высушенных растений, о которых упоминала Амелия.

— В эту минуту она как раз выясняет, каких именно.

У Райма сжалось сердце при виде следов крови на одежде Ли. Цзайцзянь, Сонни. Прощай.

— Соскоб из-под ногтей, — вслух прочитал Купер карточку, прикрепленную к другому полиэтиленовому пакету, и поместил соскоб на предметное стекло.

— Переведи на дисплей, — попросил Райм и развернулся к компьютеру. — Табак, — грустно рассмеялся он, вспомнив о пристрастии полицейского к сигаретам. — Что еще? Что там за следы минерала? Как по-твоему, Мэл? Силикат?

— Похоже. Дай-ка прогоним через хроматограф.

На экране появились данные спектроанализа — магний и силикат.

— Тальк, — заключил Райм. — Раскопайте все, что можно, о тальке и силикате магния.

Зазвонил телефон. Том перевел звонок на динамик.

— Говорит доктор Артур Уинслоу из медицинского центра в Хантингтоне.

— Слушаю вас, доктор.

— У нас есть больной — китаец по фамилии Сэнь. К нам его доставила береговая охрана, после того как спасла с судна, затонувшего у северного побережья. Нас просили связаться с вами, как только появится что-нибудь новое. Новости есть, и вам, как мне кажется, следует их знать.

Джон Сун сменил одежду. Теперь на нем были свитер с высоким воротом — что выглядело довольно странно, потому что было тепло, — и новые спортивные брюки. Он покраснелся, слегка задыхался и казался смущенным.

— С вами все в порядке? — спросила Закс.

— Йога, — объяснил он. — Делал упражнения. Чаю?

— Я на минутку.

Внизу ее дожидался Алан Коу. Сун протянул ей пакет:

— Травы от бесплодия, я вчера о них говорил.

Она рассеянно взяла пакет:

— Спасибо, Джон.

— Что случилось? — спросил он, окинув взглядом ее озабоченное лицо, и пригласил в комнату.

Они присели на кушетку.

— Помните, я вам рассказывала о полицейском из Китая, он еще нам помогал? Час назад его нашли мертвым. Работа Духа.

— Какой ужас! — вздохнул Сун. — Мне так жаль.

— Мне тоже. — Она вынула из кармана пакетик с фрагментами растений. — Вот что мы нашли на месте убийства.

Сун открыл пакетик, вдохнул запах, рассмотрел содержимое и наконец произнес:

— Пахнет астрагалом, имбирем, земляным грибом, немного женьшенем и болотной частухой. В Китае все это можно купить у любого травника. Вы могли бы порасспросить в ближайших к месту убийства лавках.

— Так и придется сделать. Может, повезет.

Закс стала подниматься и поморщилась — плечо пронзила острая боль.

— А ну-ка, садитесь.

Она помедлила и с трудом опустилась обратно на кушетку. Он встал у нее за спиной, она почувствовала на плече его руки — Сун нажал, сперва осторожно, потом тверже, прощупывая пальцами мышцу. Массаж расслаблял, но Закс пришла в замешательство, когда пальцы легли ей на горло.

— Расслабьтесь, — сказал спокойным голосом Сун.

Его руки прошли вниз по спине и скользнули вперед вдоль ребер, но вернулись назад, не коснувшись груди. Он тяжело дышал. От напряжения, решила она.

— Вы бы сняли ремень с пистолетом, — попросил он.

Закс взялась за пряжку, но звонок сотового помешал ее растегнуть. Она отодвинулась от Суна и сняла телефон с пояса.

— Слушаю. Говорит...

— Закс, готовься действовать.

— Что у тебя, Райм?

— К Сэню, капитану судна, вернулось сознание. Он был в трюме «Дракона» и подслушал разговор Чана с отцом. Какой-то родственник или друг семьи, похоже, подыскал Чанам жилье и работу в Бруклине.

— В Бруклине? А как же Куинс?

— Я же говорил тебе, что Сэм Чан не дурак. Уверен, он упомянул Куинс, чтобы пустить всех по ложному следу. Я сузил район их возможного нахождения — Ред-Хук или Аулз-Хед.

— Как ты узнал?

— Как обычно, Закс. На ботинках старика — твердые вещества биологического происхождения. В Бруклине всего две фабрики по переработке отходов. Я склоняюсь к Аулз-Хед, это рядом с тамошним китайским кварталом. Хочу, чтобы ты туда отправилась. Как только выясню адрес, сразу тебе сообщу.

Она взглянула на Суна:

— Джон, Линкольн установил, в каком районе живут Чаны. Я еду туда.

— Где это?

— В Бруклине.

— Прекрасно. Они в безопасности?

— Пока что да.

— Можно я тоже поеду? Помогу с переводом. Мы с Чанами говорим на одном диалекте.

— Пожалуйста. — И Закс сообщила Райму: — Джон Сун поедет со мной и Коу. Будет переводить. Мы выезжаем.

Она отключила связь. Сун сходил в спальню и через минуту появился в широкой ветровке.

— На улице тепло, — заметила Закс.

— Тепло важно для крови и ци, — возразил он и взял ее за плечи: — Вы сделали очень доброе дело, что их нашли.

На улице перед своим укрытием человек со многими именами — Куань Ан, Дух, Джон Сун — протянул руку и обменялся рукопожатиями с Коу. Тот, судя по всему, был агентом СИН, что насторожило Духа: агент, насколько он знал, входил в группу, которая охотилась за ним в Азии. Однако Коу, видимо, не знал, как Дух выглядит.

Закс сообщила о выводах Райма, и все трое сели в фургон выездной бригады, причем Коу сразу сел сзади, помешав Духу занять эту стратегически выигрышную позицию.

Из разговора Закс с Коу Дух понял, что в квартире Чанов будут еще полицейские и агенты СИН. Но он все рассчитал. Когда несколько минут тому назад Закс появилась в его квартире, Юсуф и второй уйгур были в спальне. Зайдя туда забрать пистолет и ветровку, он велел им следовать за ее машиной. Турки и убьют Чанов.

С той минуты, как Дух увидел, что Закс бросилась в воду его спасать, его чувство к ней росло и разгоралось. Он считал, что у них много общего, и всем сердцем жалел о том, что ее нельзя взять с собой — показать красоты Сямэня, побродить с ней по храму Наньпутоу, а потом угостить супом из земляных орехов и китайской лапшой.

Но он без колебаний исполнит задуманное, в этом у него не было и малейших сомнений. Закс сама сказала ему, что готова разбить котлы и затопить лодки. Узнав, что он и есть Дух, она не успокоится, пока не застрелит его или не арестует. Придется ей умереть.

Зазвонил телефон Лона Селлитто. Детектив принял звонок, выслушал и широко улыбнулся.

— Нашли Чанов! — воскликнул он, закончив разговор. — Патрульный из Пятого отыскал в Аулз-Хед владельца маленькой типографии. Зовут Джозеф Тань. Наш ему намекнул, что Чанов порешат, если мы их не найдем. Тань сломался и признал, что нашел Чану и его парнишке работу и поселил семейство в двух кварталах от фабрики по переработке отходов.

— Сейчас позвоню и поставлю всех на уши, — сказал Селлитто.

— Минутку, — остановил его криминалист. — Меня что-то смущает.

Вот он, ответ, подумал Райм, сверля взглядом доску. Знать бы еще, на какой вопрос. Его разум, в отличие от безжизненных конечностей, не был скован. Он мысленно прошелся по каждому следу, подкрепленному уликами, собранными в ходе расследования. Одни следы были шириной с Ист-Ривер, другие — тоньше и не прочнее волоса, одни — нужные, другие на первый взгляд такие же бесполезные, как нервы, соединявшие череп Линкольна Райма с его неподвижным телом. Но и эти следы он не обошел вниманием.

Закс направила фургон на съезд с автомагистрали. Дух украдкой бросил взгляд в боковое зеркальце и убедился, что Юсуф по-прежнему у них на хвосте. Затем он покосился на

Закс, на ее профиль под собранными в пучок блестящими рыжими волосами.

Резкий сигнал ее мобильного телефона заставил Духа вздрогнуть. Она ответила:

— Райм... Да, мы совсем рядом. Продолжай. — Она послушала. — Отлично! — Повернувшись к Духу и Коу, она сообщила: — Он их разыскал, — и вернулась к разговору.

Слушая, что говорит Райм, она, как показалось Духу, напряглась.

— Ясно, — наконец сказала Закс и закончила разговор.

И вдруг, словно школьница, начала болтать о том, как жила в Бруклине. Дух сразу понял, что такое поведение не в ее натуре, и насторожился. Она рассеянно почесала ногу, и он сообразил, что на самом деле она проверила, на месте ли пистолет. Он незаметно завел руку за спину, коснувшись рукоятки заткнутого за ремень пистолета.

Еще один поворот. Посмотрев на номера домов, Закс остановила фургон у тротуара и указала на маленький особняк:

— Приехали.

— Давайте поскорее с этим покончим, — произнес Коу.

— Погодите, — сказала Закс, поворачиваясь к агенту.

Она действовала быстро и решительно. Аспид не успел схватиться за пистолет, как Закс махнула своим у него перед носом. Он инстинктивно отпрянул, ожидая выстрела, но ствол пистолета, миновав Духа, уперся в грудь сидевшего сзади агента.

— Не двигаться, Коу!

— Что... что это значит? — спросил пораженный агент.

— Забыли, что с минуту назад позвонил Линкольн? Сообщил, где найти Чанов, и еще кое-что в придачу. Он все о вас знает — именно вы работаете на Духа.

— Вы что, с ума все посходили?

— Именно вы его ангел хранитель. Вы его защищаете. Поэтому вы и стреляли тогда перед домом У на Канал-стрит. Хотели его предупредить. И все время снабжали его информацией.

— Вы рехнулись.

— Собирались звонить Духу, когда приедем к Чанам? Или сами хотели их прикончить? Да и нас заодно?

Коу сглотнул:

— Я хочу поговорить с адвокатом.

— У вас будет полно времени. Так, правую руку — на дверную ручку. Сдвинете на сантиметр — продырявлю предплечье.левой рукой, большим и указательным пальцами, вынуть пистолет и протянуть рукояткой ко мне.

Дух посмотрел на ее немигающие глаза и внутренне поежился. Коу осторожно извлек пистолет и отдал Закс. Та сунула его в карман, открыла дверцу и вышла. Потом открыла дверцу с его стороны и приказала:

— Выйти! Лечь лицом вниз!

На глазах у Духа Закс сноровисто застегнула на агенте наручники, сунула свой пистолет в кобуру и грубо поставила Коу на ноги. Дух опустил стекло и кивнул в сторону особняка:

— Хотите, я поговорю с Чанами?

— Их там нет, — ответила Закс. — До них еще несколько кварталов. Я соврала — нужно было заставить Коу расслабиться. А этот дом я выбрала потому, что за углом — полицейский участок.

Она довела агента до угла, где их встретили трое полицейских. Все проследовали в участок. Дух оглянулся и увидел у тротуара машину Юсуфа.

Пять минут спустя Закс вернулась, села в фургон, включила зажигание и спросила у Духа:

— Прошу прощения. Все в порядке?

Теперь она больше походила на саму себя.

— Да. Вы блестяще управились.

Она взяла в руки сотовый и набрала номер:

— О'кей, Райм, мы с Джоном направляемся к Чанам... Нет, СИН ждать не станем. В эту минуту Дух, возможно, уже к ним подбирается.

И вправду подбирается, подумал аспид.

Закс резко свернула на улицу с односторонним движением и остановилась.

— Вон где они живут, — сказала она, показывая на трехэтажный дом из красного кирпича.

Они выбрались из фургона, подошли к тротуару и на секунду остановились. Дух оглянулся. Юсуф тоже припарковался, в

слабом свете вечерних сумерек Дух различил силуэты — его и второго турка.

Закс кивнула на эркер на фасаде:

— Зайдем с черного хода, а то они еще заметят нас у парадного и сбегут.

Они зашли за ближний угол и очутились на заднем дворике Чанов. Дух попробовал вообразить, как отреагируют Сэм Чан и его жена, увидев, что у полиции за переводчик.

Закс нажала на ручку двери — дверь оказалась незапертой. Они бесшумно прошли через душную кухоньку.

На плите грелась кастрюля с водой. На разделочной доске лежали луковица и пучок петрушки. Закс задержалась перед коридором, который вел в гостиную, и жестом приказала Духу остановиться.

Он увидел, что турки уже в проулке у дома. Закс стояла к нему спиной, и он махнул туркам, чтобы те бежали к парадному, а сам запустил руку под ветровку и вытащил из-за ремня пистолет.

Закс медленно вступила в темный коридор.

— Подождите минутку, Джон, — шепотом попросила она. Помедлила и громко сказала: — Пора.

— Что? — слегка опешил Дух.

Вместо ответа Закс развернулась и вскинула пистолет.

«Пора» было сказано не Духу, а полудюжине мужчин и женщин в полном боевом снаряжении — полицейским спецназовцам. Они ворвались на кухню, взяли на прицел ошарашенного Духа и завопили:

— Лечь! Полиция! Бросить оружие! Лечь на пол!

У него выхватили пистолет, швырнули на пол, надели наручники, обыскали. Он почувствовал, как из-под штанины выдернули прикрепленную к голени 51-ю модель.

— Преступник схвачен, — крикнул полицейский, — и обезврежен.

— Снаружи взяли двоих и тоже обезвредили.

Со второго этажа спустились выжидавшие там Лон Селлитто и Эдди Дэн. Они подняли Духа, пихнули в кресло, и Дэн зачитал ему права — во избежание накладок на английском, пунхуа и миньнанхуа.

— Как Чаны? — спросила Закс у Селлитто.

— В порядке. У них в доме две бригады из СИН.

В аккуратно обставленном особняке, где взяли Духа, проживал Лон Селлитто. Особняк находился в полутора километрах от жилища Чанов.

— Вы меня повязали, — сказал Дух.

— Похоже на то.

Вспомнив прикосновение его рук, Закс задрожала от омерзения. С ужасом подумала она и о том, что сама назвала ему адрес дома-убежища У.

— Как ваш друг, этот Линкольн Райм, меня вычислил? — спросил Дух.

— По амулету-обезьяне, — объяснила она. — Я обнаружила частицы под ногтями у Сонни Ли. Силикат магния — мыльный камень, из которого была вырезана фигурка. — Закс грубо оттянула вниз высокий воротник его свитера, открыв красный след от кожаного шнура. — Как было дело? Он сорвал амулет у вас с шеи и тот разбился?

Дух задумчиво кивнул:

— Перед тем как я его пристрелил, он царапал землю ногтями. Я решил, что он просит сохранить ему жизнь, но он поднял голову и ухмыльнулся мне в лицо.

Значит, Ли намеренно наскреб под ногти мягкой каменной крошки, чтобы дать им понять: на самом деле Сун — это Дух. Райм вспомнил, что такая же крошка обнаружилась за день до того на руках у Закс, и сообразил — от амулета Суна. Позвонил полицейским, которые дежурили у дома Суна, и те подтвердили, что в доме имеется черный ход. Стало быть, Дух мог выходить и входить незамеченным.

Райм также поинтересовался, есть ли поблизости садовая лавка, где можно приобрести перегной, и узнал, что на первом этаже имеется цветочный магазинчик. Затем он проверил звонки, поступавшие на сотовый телефон Закс. Выяснилось, что с одного из сотовых номеров, которые запомнил аппарат, был сделан звонок в уйгурское землячество.

Настоящий Джон Сун, в отличие от Духа, был врачом, однако каждый китаец что-нибудь да понимает в восточной медицине. Чтобы поставить Закс диагноз и подобрать травы, особых знаний не требовалось.

— А что с вашим знакомым из СИН? — спросил Дух.

— С Коу? Мы знали, что он с вами не связан. Но мне пришлось сделать вид, будто Коу — шпион, нельзя было допустить, чтобы вы догадались, что охота идет за вами. Его вообще требовалось изолировать. Догадайся он, кто вы на самом деле, он бы снова мог попытаться вас убить, как на Канал-стрит. А мы хотели взять вас живым и невредимым. — Она смерила его взглядом. — Вы застрелили Суна, спрятали тело, потом нанесли себе легкую рану и вернулись в море. Едва не утонули.

— Особого выбора у меня не было, верно? После того, как меня бросил Джерри Тан.

— Как вы спрятали пистолет?

— Засунул в носок в карете «скорой помощи». Потом схоронил в больнице и забрал, когда агенты СИН меня отпустили.

— Где тело Суна?

В ответ он только безмятежно улыбнулся. Его невозмутимость выводила ее из себя. Зазвонил телефон, Закс ответила:

— Слушаю.

— Я-то надеялся, кто-нибудь в конце концов соизволит мне позвонить и рассказать, как прошло дело, — язвительно произнес Райм.

— У нас тут возникла небольшая проблема. Мы его взяли, и я пыталась заставить его сказать, где тело Суна, но он...

— Ну, уж с этим мы как-нибудь и сами разберемся, правда? Это же ясно как день.

Кому ясно, а кому не очень, подумала она.

— В багажнике угнанной «хонды», — продолжил криминалист.

— А «хонда» по-прежнему спрятана где-то на восточной оконечности Лонг-Айленда?

— Само собой. Чтобы спрятать ее, Дух поехал на восток. Мы бы и не подумали там искать. Решили, что он погнал на запад, в Нью-Йорк.

Лон Селлитто показал Закс на улицу.

— Мне тут нужно кое с кем встретиться, Райм.

— С кем именно?

— С добрыми знакомыми.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Подъехав, Закс застала всех Чанов на улице перед запущенным домом в Аулз-Хед. В воздухе висела густая вонь от фабрики по переработке отходов. Отец семейства, Сэм Чан, мрачно стоял, скрестив на груди руки и опустив голову, а облаченный в костюм американец азиатского происхождения (агент СИН, предположила Закс) говорил с ним, делая записи в блокноте.

Рядом с Сэмом стояла женщина лет за тридцать, держа за руку По И. Малышка была очаровательной — круглолицая, с шелковистыми черными волосами, подстриженными челкой и подрезанными на висках. Один из полицейских узнал Селлитто и подошел к нему с Закс.

— С семьей все хорошо. Отправляем в центр временного содержания в Куинсе. Чан много лет был диссидентом, у него неплохие шансы получить убежище.

— Духа поймали? — спросил ее Сэм Чан.

— Да. Он под арестом.

— Спасибо. — Чан помялся и сказал: — Можно попросить вас об одной вещи? Я про старика, которого убили в многоэтажке, где жил Дух. Это мой отец, его нужно похоронить как положено. Очень важно.

— После того как разберетесь с СИН, можете договориться с похоронным агентством, чтоб забрали тело из морга.

— Спасибо.

Подъехал маленький синий «додж», из него вышла чернокожая женщина в коричневом брючном костюме и обратилась к агенту СИН и Закс:

— Я Шиффон Уилсон, работник детской социальной службы. Приехала за малышкой.

Чан бросил быстрый взгляд на жену.

— Нельзя ее оставить у них? — спросила Закс.

Уилсон сочувственно покачала головой:

— Она сирота и гражданка другой страны. Ее придется вернуть в Китай.

— Она же девочка, — шепнула Закс. — Вы ведь знаете, как обходятся в Китае с девочками-сиротами.

— Нет, не знаю. Я всего лишь исполняю закон.

Уилсон кивнула агенту СИН, тот объяснил Чанам по-китайски, что происходит. У Мэймэй окаменело лицо, однако она тоже кивнула и подтолкнула девочку к соцслужащей. С трудом подбирая английские слова, Мэймэй наморщила лоб:

— Сделать о ней хорошо заботиться.

Уилсон взяла По И на руки, та покосилась на рыжие волосы Закс и потянулась схватить прядь. Закс рассмеялась.

— Тинь! — настойчиво попросила женщина.

Закс вспомнила, что по-китайски это значит «подождите», и обернулась к подошедшей Мэймэй.

— Вот. Ей это, — Мэймэй протянула грубо сшитого тряпичного котика. — Она это любит. Давать радость.

Девочка впилась глазами в игрушку, Мэймэй — в девочку. Работница социальной службы посадила девочку в машину, закрепила на ней ремень безопасности, и они уехали.

Хотя Дух сидел под арестом, информация по его делу продолжала поступать. Прделанный ФБР анализ химических индикаторов гексогена С-4 показал, что пластиковую взрывчатку, отправившую на дно «Дракона Фучжоу», скорее всего, приобрели у одного северокорейского торговца оружием. Аквалангисты «Эвана Бриганта» доставили с потонувшего судна тела матросов и других иммигрантов, а также остальные деньги — около ста двадцати тысяч долларов. Кроме того, было установлено, что у Лин Шуйбяня, того, кто послал Духу деньги и найденное Закс на судне письмо, есть адрес в Фучжоу. Райм послал по электронной почте сообщение в Управление Службы общественной безопасности Фучжоу.

Компьютер Райма запищал.

— Ага, я был прав, — сказал он.

Тело Джона Суна нашли в багажнике угнанной Духом «хонды». Машину обнаружили в пруду в каких-нибудь ста метрах от места, где высадились спасшиеся с «Дракона».

И еще одно сообщение привлекло внимание Райма — от Мэла Купера, который вернулся к своим обязанностям в полиции Нью-Йорка:

Линкольн,

Мы проверили динамит — оказалась липа. Заднице Деллрея ничего не угрожало. Преступник сварганил и подложил фальшивое взрывное устройство. Может, есть над чем подумать.

Райм рассмеялся. Какой-то торговец оружием надул врага Фреда Деллрея, всучив липовую взрывчатку.

В дверь позвонили, и через пару секунд в комнату ввалились Селлитто и Деллрей.

— Привет, Линк, — произнес Селлитто с таким видом, что стало ясно: у него плохие новости.

Закс и Райм тревожно переглянулись.

— Его вывели из нашей юрисдикции. Духа то есть, — вздохнул Селлитто. — Возвращают в Китай. Он требуется китайским шишкам — попробую привести дословно — «для допроса в связи с нарушением правил внешней торговли».

Райм опешил.

— Он же через месяц опять возьмется за свое. Фред, ты можешь хоть что-нибудь предпринять? — спросил он.

Фэбээровец отрицательно покачал головой:

— Это миленькое решение приняли аж в самом Государственном департаменте. У меня там нет зацепок.

Райм припомнил тихого мужчину в темно-синем костюме — Уэбли из Госдепа.

— Вот черт, — прошептала Закс. — Он же знал. Дух знал, что ему ничего не грозит. Арест его удивил, но, судя по его виду, совсем не встревожил.

— Не может быть, — произнес Райм, вспомнив о мертвецах на «Драконе Фучжоу», вспомнив о Сонни Ли.

— Может, и еще как может, — возразил Деллрей. — Он улетает сегодня днем, и у нас ну никак не выйдет этому помешать.

— Мы не всегда смотрим на вещи одинаково, — сказал Райм.

— Вероятно, — осторожно заметил агент Алан Коу.

Они находились в гостиной Райма, и разговор их носил сугубо конфиденциальный характер.

— Вы знаете об освобождении Духа?

— Конечно, знаю, — со злостью буркнул агент СИН.

— Скажите, каков ваш истинный интерес в этом деле?

Коу помялся, но все же ответил:

— Он убил мою осведомительницу — Джулию. Мы были любовниками. Она погибла по моей вине, нам следовало вести себя осмотрительнее. Но мы иногда вместе появлялись на людях, и нас, возможно, узнали. Я ни разу не давал ей опасных заданий. Она не работала с рацией, не проникала в чужие офисы. Но я недооценил Духа. — У Коу на глазах выступили слезы. — У нее остались две дочки.

— Так вот чем вы занимались за океаном, пока вас здесь не было.

Тот кивнул:

— Искал Джулию. Но потом отказался от поисков и занялся устройством детей в католический приют. — Коу отер глаза. — Поэтому я и цепляюсь к нелегалам. Пока клиенты не перестанут платить по пятьдесят тысяч за незаконную доставку в Америку, аспиды вроде Духа будут убивать всякого, кто окажется у них на пути.

Райм подкатился в кресле вплотную к агенту и прошептал:

— Вам очень хочется его остановить?

— Духа? Сплю и вижу.

— Чем готовы рискнуть?

— Всем на свете, — ответил Коу без колебаний.

— Может возникнуть проблема, — сказал тот, кто звонил.

Хэролд Пибоди — он сидел в среднем ряду фургона СИН, который направлялся в аэропорт Кеннеди, — произнес:

— Проблема? Какая именно?

При этих словах его сосед заерзал — неприметный мужчина в темно-синем костюме, чиновник Государственного департамента Уэбли, который превратил жизнь Пибоди в ад крошечный с той самой минуты, как прилетел из Вашингтона в день гибели «Дракона Фучжоу».

— Пропал Алан Коу. Как вы сказали, мы не спускали с него глаз, боялись, что он вдруг попытается прикончить известное лицо, — продолжал звонивший, заместитель главного спец-агента, начальника Манхэттенского отделения ФБР. — Нам донесли, что он беседовал с Раймом. Затем он пропал.

Позади Уэбли и Пибоди два вооруженных агента СИН сидели справа и слева от Духа. Проблема с Коу, видимо, совсем не волновала аспиду.

— Дальше, — сказал Пибоди.

— Райма мы тоже не можем найти.

— Он прикован к инвалидному креслу. Разве трудно за ним проследить?

— Следить приказания не было, — спокойно напомнил высокопоставленный фэбээровец. — Нам пришлось это делать... неофициально.

— Как вы оцениваете ситуацию? — спросил Пибоди.

— Райм — лучший в стране криминалист. Мы подумали, что они с Коу намерены вывести Духа из игры.

— Что считает Деллрей? — спросил Пибоди.

— В настоящее время он проводит операцию и на вызовы не отвечает. Если Коу попробует вмешаться, он сделает это в аэропорту. Предупредите ваших людей, пусть будут начеку.

— По-моему, вмешательство Коу исключено.

— Спасибо за предположение, Хэролд.

На том конце положили трубку.

Наручники на запястьях казались легче бумажных. Их снимут, как только он поднимется на борт самолета, который доставит его из Прекрасного Края в Китай.

Интересная у них получилась компания: Дух, два вооруженных конвоира и двое начальников — Пибоди из СИН и чиновник из Государственного департамента. В коридоре аэропорта имени Кеннеди, ведущем к терминалу Северо-западных линий, к ним присоединились два местных вооруженных охранника. Дух уже видел ворота терминала, а за окнами вырисовывался силуэт «Боинга-747», который скоро доставит его домой. Он свободен. Он...

Тут кто-то рванулся к нему, охранники дернули его в сторону, выхватив пистолеты. От неожиданности Дух решил, что сейчас его и прикончат. Но человек остановился, и Дух рассмеялся:

— Привет, Закс.

Взгляд его скользнул за ее спину и остановился на высоком чернокожем мужчине. Толстяк полицейский, который аресто-

вал его в Бруклине, тоже был здесь, как и несколько городских полицейских. Но внимание Духа приковал к себе один-единственный человек — красивый мужчина, примерно его ровесник, сидевший в затейливом ярко-красном инвалидном кресле.

Конечно же, Линкольн Райм. Дух разглядывал этого необычного человека, который чудесным образом обнаружил в океане «Дракона Фучжоу», разыскал Чанов и У и преуспел в поимке самого Духа. То есть в том, чего ни разу не удалось ни одному детективу на свете.

Пибоди жестом велел охранникам отойти. Те убрали оружие.

— Что это значит, Райм?

Но криминалист пропустил его слова мимо ушей, жадно разглядывая аспида. Духу стало немного не по себе, но он с этим справился.

— Кто вы такой? — спросил он в лоб.

— Я? — переспросил калека. — Один из десяти судей ада.

— И приехали меня проводить? — рассмеялся Дух.

— Нет.

— Так чего вы все же хотите? — осторожно поинтересовался Пибоди.

— Он не полетит этим рейсом.

— Еще как полетит, — заявил Уэбли, вытащил из кармана билет и направился к выходу на посадку.

— Еще один шаг, — произнес толстяк, — и эти полицейские исполнят приказ арестовать вас.

— Меня? — сердито пробормотал Уэбли.

Пибоди рассмеялся резким смехом и посмотрел на чернокожего агента.

— Послушал бы лучше моего приятеля, Хэролд, — сказал Деллрей.

— Даю ему пять минут.

Линкольн Райм участливо поднял брови:

— Боюсь, это может продлиться чуть дольше.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дух оказался ниже, чем представлял себе Линкольн Райм. Он стоял в наручниках, окруженный стражами правопорядка. Озабоченный, что правда то правда, но полностью владеющий собой. Криминалист сразу понял, как он обвел Закс вокруг пальца: у Духа были глаза целителя, врача, духовного наставника. Но, зная теперь ему цену, Райм читал в его спокойном взгляде безграничную самоуверенность и жестокость.

— Ладно, что у вас там? — спросил дружок Пибоди, Уэбли из Госдепа, как мысленно именовал его Райм.

— Вы знаете, джентльмены, что порой случается в нашей работе? — обратился к этой парочке Райм. — Я имею в виду криминалистику.

Уэбли из Госдепа открыл было рот, но Пибоди жестом велел ему промолчать.

— Иногда мы упускаем картину в целом. Признаюсь, со мной такое бывает чаще, чем, скажем, с моей помощницей Закс. У меня привычка — изучить каждую отдельную улику и поставить на положенное ей место. — Райм улыбнулся Духу. — Как кладут камешек на доску, играя в вэйчи.

Объявили о начале посадки на рейс Северо-западных авиалиний до Лос-Анджелеса — первый этап полета в Китай.

— Мы неплохо поработали с уликами. — Кивок в сторону Духа. — В конце концов, вот он, в наручниках. У нас хватит доказательств, чтобы его судили и вынесли смертный приговор. Но что происходит? А происходит то, что его отпускают на свободу.

— Не на свободу, — возразил Пибоди. — Его отправляют назад в Китай, где он предстанет перед судом.

— Но при этом выводят из-под юрисдикции страны, где он совершил ряд тяжких преступлений, — уточнил Райм. — Картина в целом... Давайте подумаем. Вторник, борт «Драконе Фучжоу», время — перед рассветом. Вы Дух, вас разыскивают, причем за преступления, которые тянут на смертную казнь. Через полчаса корабль береговой охраны захватит ваше судно. Как бы вы поступили?

Пибоди вздохнул, Уэбли из Госдепа что-то буркнул под нос.

— Будь я на его месте, — продолжил Райм, — я бы забрал деньги, велел «Дракону» отойти подальше от берега, а сам бы удрал на спасательном плоту. Береговая охрана, полиция и СИН занялись бы экипажем и иммигрантами. Они сообразили бы, что меня нет, когда я бы уже был на полпути в Чайнатаун.

Райм посмотрел на Закс, и та добавила:

— Он запер иммигрантов в трюме, взорвал судно и стал преследовать спасшихся, рискуя при этом, что его самого схватят или убьют.

— Они были свидетелями, — заявил Пибоди, — он не мог отпустить их живыми.

— Но почему? Этим вопросом никто не задается. Пассажиры всего-то и могли, что выступить свидетелями по одному-единственному делу о незаконной доставке иностранцев в страну. Но он уже объявлен в розыск по доброй дюжине таких дел. Убивать их лишь потому, что они свидетели, не имело абсолютно никакого смысла и не стоило усилий. — Райм выдержал эффектную паузу. — Однако имело полный смысл, если с самого начала пассажиры были всего лишь объектами для устранения.

Пибоди казался удивленным и растерянным — в отличие от Уэбли из Госдепа, который прекрасно понял, к чему клонит Райм.

— Объектами, — повторил Райм. — В этом вся суть. Закс, представьте себе, обнаружила на затонувшем судне одно письмо. А сказано в письме было примерно вот что: получите деньги и список «объектов», которых повезете в Америку... Ну, что, джентльмены, прорисовывается общая картина? Заметьте — не «пассажиров», не «иммигрантов», не «поросят». Картина в целом становится еще четче, если подумать, что это за жертвы, а ведь они все — китайские диссиденты с семьями. Дух не просто аспид. Он еще и профессиональный убийца. Его наняли их убить.

— Этот человек спятил, — оборвал Дух. — Я хочу лететь.

Но Райм продолжал:

— Дух с самого начала намеревался затопить судно. Но случилась накладка — мы обнаружили «Дракона» и направили к

нему береговую охрану, так что Духу пришлось спешить. Несколько иммигрантов спаслись. Взрыв оказался очень сильным, и корабль пошел ко дну, прежде чем Дух успел забрать деньги и оружие и найти помощника.

— Бред, — буркнул Уэбли из Госдепа. — Пекин не стал бы нанимать киллера прикончить диссидентов. Сейчас не шестидесятые годы.

— Пекин никого и не нанимал, — возразил Райм, — и мне кажется, что вы, Уэбли, это знаете. Нет, мы выяснили, кто передал Духу инструкции и деньги. Некий Лин Шуйбянь.

Дух бросил отчаянный взгляд в сторону выхода на летное поле.

— Я по электронной почте сообщил полиции Фучжоу фамилию и адрес Лина. Они вернули сообщение, указав, что по этому адресу находится правительственное здание. Лин — помощник губернатора Фуцзяни по развитию торговли.

— Что это значит? — спросил Пибоди.

— Что он — коррумпированный функционер. Он и его подручные собирают миллионные взятки с бизнеса по всему юго-восточному побережью Китая. Вероятно, губернатор с ним в доле, но доказательств у меня нет. По крайней мере пока что.

— Не может быть, — заявил Уэбли, но уже не столь категорично.

— Может, может. Сонни Ли рассказал мне о провинции Фуцзянь. Ее самостоятельность всегда раздражала центральные власти. К тому же там самые активные диссиденты. Пекин все время грозит обрушиться на нее, денационализировать бизнес и поставить у власти своих людей. Если это произойдет, Лин и его ребята лишатся кормушки. Как им осчастливить Пекин? Прикончить самых неумных диссидентов. Как это лучше всего сделать? Нанять аспида.

— И никто, — добавила Закс, — скорее всего, даже не узнал бы об их смерти.

— Вы отсылаете Духа назад, чтобы осчастливить Лина и его фуцзяньскую мафию. Чтобы, не дай бог, не пострадали наши деловые интересы. Для Соединенных Штатов юго-западный Китай — крупнейший регион для выгодных капиталовложений.

— Смешно, — сказал Дух. — Где доказательства?

— Доказательства? Письмо Лина у нас. Но если вы хотите большего... Помните, Хэролд, вы рассказывали, что за последние годы исчезли несколько партий иммигрантов, которых должен был доставить Дух? Почти все они тоже были диссидентами из Фуцзяни.

— Неправда, — поспешил вмешаться Дух.

— Теперь о деньгах, — продолжил Райм. — О плате за доставку. Во время своей маленькой вылазки на дно Атлантического океана Закс обнаружила сто двадцать тысяч американских долларов и примерно двадцать тысяч долларов в юанях. Я пригласил посоветоваться одного знакомого из СИН...

— Кого? — резко спросил Пибоди. — Алана Коу?

— Не важно. Просто знакомого.

На самом деле этим знакомым был именно агент Коу, который потратил целый день на то, чтобы выкрасть секретные досье СИН. Вероятно, это будет стоить ему работы, если не тюремного срока.

— Он первым делом обратил внимание на деньги. Объяснил, что иммигранты, договариваясь с аспидами, не могут заплатить разом всю сумму в долларах, потому что в Китае у них нет долларов или по крайней мере столько долларов, чтобы оплатить дорогу до США. Они всегда платят в юанях. При партии иммигрантов в двадцать пять человек или около того Закс должна была обнаружить юаней не меньше чем на полмиллиона зеленых, причем только первоначального взноса. Почему же на борту оказалось так мало китайских денег? А потому, что Дух обещал доставить диссидентов чуть ли не даром, лишь бы заполучить всех жертв, внесенных в убойный список. Дух зарабатывал не на доставке, а на убийствах. Сто двадцать тысяч долларов? Это первоначальный взнос, но только от Лина, а не от иммигрантов. Я проверил номера серий. По данным Федерального резервного банка, всю эту наличность передали сингапурскому Банку Южного Китая, услугами которого регулярно пользуется правительство Фуцзяни.

Пибоди, казалось, заколебался, но чиновник Государственного департамента решительно заявил:

— Он летит этим самолетом — и точка.

Райм прищурился:

— Далеко ли мы продвинулись по цепочке доказательств, Закс?

— Есть еще С-4.

— Вот именно. Судно было взорвано гексогеном. ФБР отследило взрывчатку до северокорейского торговца оружием, который регулярно поставляет его... угадайте, куда? На базы Народно-освободительной армии, расположенные в Фуцзяни. Дух получил С-4 от тамошнего правительства. Далее — телефон. Закс нашла его на берегу. Не простой — правительственный, спутниковой связи.

— Фургоны, Райм, — напомнила Закс.

Райм кивнул.

— Посмотрел я на нашу доску с уликами и понял — чего-то там не хватает. Где фургоны для иммигрантов? Мой знакомый из СИН объяснил, что наземный транспорт предусмотрен условиями сделки. Фургонов, однако же, не было. Почему? А потому, что Дух знал — иммигранты не доберутся до берега живыми.

Очередь на посадку таяла на глазах.

Уэбли из Госдепа наклонился к Райму и злобно прошипел:

— Вот здесь вы, мистер, зарвались. Сами не понимаете, куда влезли.

Райм посмотрел на него с напускным испугом:

— Ага, ничегошеньки я не понимаю. Я всего-то обычный криминалист. Мои знания страшно ограничены. Скажем, такими материями, как фальшивый динамит.

— Теперь моя очередь, — угрожающе произнес Деллрей.

Пибоди прочистил горло:

— О чем вы?

— О бомбе, которую подложили в машину Фреда. В ней был не динамит, а смесь смолы и опилок. Мой знакомый из СИН сообщил, что у них в конторе есть учебная взрывчатка, чтобы натаскивать новичков. Палочки в машине Фреда соответствуют образцам из учебного центра СИН на Манхэттене. А цифровой код детонатора совпадает с кодами тех, что СИН изъяла в прошлом году у русских нелегалов. — Райм с радостью заметил ужас в глазах Пибоди. — Я склонен считать, что вы захотели на время отстранить Фреда от дела.

— Но зачем?

Тут заговорил Деллрей:

— Затем, что я гнал волну. Сколотил спецотряд, а уж он зацапал бы Духа без всяких глупостей. Черт, я как думаю — для того меня и включили в команду. О нелегалах и аспидах я ни фига не знаю. А когда я договорился, что меня заменит наш спец, Дан Вон, — глядь, его сунули в самолет и отправили куда-то на запад.

— Фреда надлежало устранить, чтобы он не мешал вам взять Духа живым и благополучно выпроводить в Китай, как предусмотрено соглашением между Государственным департаментом и Лином из Фуцзяни, — подытожил Райм.

— Я не знал об убийствах диссидентов, — выпалил Пибоди, — мне про это не говорили. Честное слово.

— Хэролд, — тихо, но угрожающе сказал Уэбли из Госдепа и, обратившись к Райму, заговорил, вкладывая в свои слова всю силу убеждения, на какую был способен: — Послушайте, даже если, подчеркиваю — если, тут что-то и правда, вы должны понять, что за всем этим кроется много больше, чем судьба одного человека. Дух разоблачен, теперь никто не станет нанимать его как аспида. Но если мы отправим его назад, китайцы будут довольны. А чем в Китае сильнее влияние Америки, тем лучше там обстоят дела с правами человека. Нам порой приходится делать трудный выбор.

Райм понимающе кивнул:

— Значит, вы хотите сказать, что это, в сущности, вопрос политики и дипломатии.

Уэбли из Госдепа улыбнулся, радуясь тому, что до Райма наконец-то дошло.

— Видите ли, — разъяснил криминалист, — политика, как и дипломатия, — дело сложное. А преступление — простое. Значит, так: либо вы передаете Духа нам, чтобы его судили в Америке, либо мы обнародуем информацию о том, что по политическим и экономическим соображениям вы отпустили на свободу серийного убийцу. А по ходу дела еще и совершили нападение на агента ФБР. Решайте сами.

— Не надо нам угрожать, — ответил Уэбли из Госдепа. — Вы всего лишь полицейские.

В аэропорту объявили, что посадка заканчивается. Теперь Дух по-настоящему испугался, на лбу у него выступил пот.

— А ты, Хэролд? — спросил Райм.

— Прости, — ответил Пибоди жалким голосом. — От меня ничего не зависит.

Райм едва заметно улыбнулся:

— Это я и хотел знать. — Он сделал паузу. — Том, будь добр, покажи ему наше рукоделие.

Помощник Райма вытащил из кармана конверт и передал Уэбли из Госдепа. Тот открыл. В конверте было письмо Райма Питеру Ходдинсу, журналисту-международнику из «Нью-Йорк таймс», с подробным изложением того, что Райм только что рассказал Пибоди и Уэбли.

Уэбли из Госдепа и Пибоди переглянулись, отошли в угол опустевшей посадочной зоны и принялись названивать по сотовым. Наконец разговоры по телефонам закончились, и Райм сразу получил ответ: Уэбли из Госдепа молча повернулся и зашагал по коридору в главный зал.

— Подождите! — крикнул Дух ему вслед. — Мы же договорились! У нас сделка!

Тот не обернулся, на ходу разорвал письмо Райма и бросил обрывки в урну.

Селлитто велел служащему закрыть выход на посадку. Мистер Куань не летит этим рейсом. Облаченные в форму полицейские взяли аспида под арест.

— Честное слово, я ничего про это не знал, — сказал Хэролд Пибоди. — Мне объяснили, что...

Но Райм устал. Не сказав ни слова, он легко коснулся пальцем подушечки управления и развернул свое кресло.

Спустя несколько дней Духу предъявили обвинение и отказали в освобождении под залог. Был оглашен внушительный список преступлений: ему инкриминировали убийство, нелегальный ввоз иммигрантов в страну и нападение с применением огнестрельного оружия. Капитану Сэню предоставили иммунитет от уголовного преследования по обвинению в нелегальной доставке иммигрантов. Ему предстояло выступить свидетелем на процессе Духа, а затем отправиться в Китай.

В спальне Райма Закс разглядывала себя в зеркале. Через час она должна была явиться в суд.

— Прекрасно выглядишь, — заметил криминалист.

На ней были свежевыглаженный синий костюм, белая блузка и удобные темно-синие туфли на каблуке, которые прибавляли ей роста до ста восьмидесяти пяти сантиметров. Рыжие волосы были красиво уложены на макушке.

Зазвонил телефон.

— Линкольн? — раздался в динамике женский голос.

— Слушаю, доктор Уивер, — ответил Райм нейрохирургу.

Закс присела на край инвалидной кровати.

— Я получила ваше сообщение на автоответчик, — продолжала врач. — У вас все в порядке?

— Все хорошо.

— Не смогли бы вы завтра подъехать ко мне для предоперационного осмотра?

Глядя Закс в глаза, Райм ответил:

— Я решил не оперироваться.

— Вы...

— Я отказываюсь от операции. Теряю взнос за палату, — пошутил он.

Короткое молчание, затем:

— Вы стремились к этому сильнее, чем любой из моих пациентов.

— Верно, стремился, но теперь передумал.

— Из-за того, что я не уставала вам повторять о серьезном риске?

Он посмотрел на Закс и сказал:

— Я вроде бы под конец решил, что операция мне не очень-то и поможет.

— По-моему, вы приняли правильное решение, Линкольн. Мудрое решение. Методика лечения травм позвоночника совершенствуется не по дням, а по часам. Мы вместе подумаем над альтернативами. Или как-нибудь просто мне позвоните.

— Хорошо, мне это будет приятно.

— Мне тоже, Линкольн. До свидания.

— До свидания, доктор.

В комнате повисло молчание. Наконец Закс спросила:

— Ты твердо решил, Райм?

Судьба делать вас такой, лоабан. Может, вы стал лучший детектив после этого. Теперь в ваша жизнь лад.

— Твердо, — ответил он.

Она сжала ему руку. Помолчав, Райм спросил:

— А ты, Закс, твердо решила, что хочешь именно этого?

Он кивнул на папку, которая лежала на столике, — досье с фотографией По И, записями показаний под присягой и какими-то казенными бумагами. На верхнем листе стояло: «Ходатайство об удочерении».

Она взглянула на Райма, и по ее глазам он понял — она тоже твердо решила.

В кабинете судьи Закс улыбнулась По И. Дитя-Сокровище сидела с ней рядом и играла с тряпичным котиком.

— Надеюсь, мисс Закс, вы понимаете, что слушается весьма необычное дело об удочерении, — заметила судья Маргарет Бенсон-Уайлз, плотная женщина, восседавшая за письменным столом манхэттенского семейного суда.

— Да, ваша честь.

— Объясните мне, как вам, простой девушке, удалось заручиться такой поддержкой городских властей?

Видимо, у Закс оказались хорошие гуаньси. Она похлопотала через Лона Селлитто, Фреда Деллрея и Алана Коу (которого не только не уволили, но продвинули на место досрочно подавшего в отставку Хэролда Пибоди) и всего за несколько дней обошла рогатки и подводные камни, какими чреваты большинство подобных дел.

— Вы знаете, что благополучие этого ребенка стоит на первом месте, — продолжала судья. — Если меня не убедят в том, что удочерение отвечает ее самым насущным интересам, я не стану подписывать документы.

— Именно к этому я и стремлюсь, ваша честь.

— Мое решение таково. Я передаю девочку под опеку на испытательный срок в три месяца. Если по истечении трех месяцев все будет в порядке, я разрешу удочерение. Вас это устраивает?

— Вполне, ваша честь, — ответила Закс, кивая.

Судья внимательно посмотрела на Закс, нажала на кнопку внутренней связи и приказала:

— Пригласите просителей.

Дверь открылась, и в кабинет опасливо вошли Сэм и Мэймэй Чан. С ними был их адвокат-китаец. У Мэймэй широко раскрылись глаза при виде ребенка. Закс подвела к ней девочку, и Мэймэй стиснула По И в объятиях.

— В Америке процесс усыновления обычно проходит трудно и сложно, — сказала судья. — Передать ребенка на воспитание супружеской паре, чей иммиграционный статус еще не определен, практически невозможно. — Она остановилась, давая адвокату время перевести. — Но мы столкнулись с нестандартными обстоятельствами. Мне сообщили, что вы подали ходатайство о предоставлении политического убежища и, учитывая вашу диссидентскую деятельность в Китае, вероятно, его получите. Это позволяет мне заключить, что вы сможете обеспечить ребенку нормальную жизнь. Как и то, что вы, мистер Чан, и ваш сын имеют работу.

Затем судья повторила то, что уже говорила Закс об удочерении и испытательном сроке. Адвокат перевел.

Мэймэй тихо заплакала, Сэм Чан обнял ее.

Судья подписала бумаги у них на глазах и сказала:

— Можете забрать ребенка.

Сэм Чан повел свое семейство, в законном порядке ставшее больше на одного человека, к автостоянке у здания семейного суда. В этот день он уже побывал в суде — выступил свидетелем на предварительном слушании дела У. Адвокат У выразил осторожную надежду на то, что им разрешат остаться в США.

Мэймэй и дети забрались в фургон, а Чан задержался с Закс. Медленно подбирая слова, он сказал:

— Не знаю, как благодарить вас и мистера Райма за то, что вы для нас делаете.

— Понимаю, — сухо ответила она, и Чан догадался: она признательна за слова благодарности, но чувствует себя неловко.

Закс уселась в автомобиль, двигатель взревел — и через миг машина скрылась из виду.

Амелия Закс бодро вошла в гостиную.

— Ну, как? — спросил криминалист.

— Дело сделано, — ответила она.

— А знаешь, Закс, ты могла бы сама удочерить малышку, если бы захотела. — Он помолчал и добавил: — Хочу сказать, мы бы могли.

Она подумала и ответила:

— Позавчера я стреляла в преступника в переулке Чайнатауна. Потом мне пришлось нырять с аквалангом на двадцать пять метров, затем брать убийцу. Я обязана заниматься такими вещами, Райм. — Она рассмеялась. — Если б в доме меня ждал ребенок, я бы все время за себя боялась, а это никуда не годится.

— Из тебя получилась бы хорошая мать.

— А из тебя — хороший отец. У нас будет ребенок. Но ты не думаешь, что сейчас у нас в жизни есть и другие дела?

Она кивнула на доску, с которой еще не успели стереть записи. На доску, которую украшали материалы десятков дел и наверняка украсят материалы десятков последующих.

Она, конечно, права, решил Линкольн Райм. Жизнь, встающая из этих снимков и записей, хождение вдвоем по лезвию ножа — все это их мир. По крайней мере пока.

— Я тут все устроил, — сообщил он.

Райм по телефону договорился о том, чтобы тело Сонни Ли отправили его отцу в Люгуань.хлопоты взяло на себя китайское похоронное агентство. Но Райму предстояло еще одно дело, связанное с гибелью Ли. Он запустил на компьютере текстовый редактор. Закс села рядом:

— Начинай.

Полчаса они вместе сочиняли. В результате получилось вот такое письмо:

Уважаемый господин Ли,

Приношу Вам глубокие соболезнования в связи со смертью Вашего сына. Я хочу, чтобы Вы знали, как я и мои коллеги-полицейские благодарны судьбе за то, что нам выпала редкая возможность поработать вместе с Сонни над тем опасным делом, которое и стоило ему жизни.

Он спас от смерти многих людей и отдал в руки правосудия гнусного убийцу — без его помощи нам бы это не удалось. То, что он совершил, снискало его имени честь и славу, он навсегда останется в благодарной памяти сотрудников правоохранительных служб Соединенных Штатов. Я от всего сердца надеюсь, что Вы так же, как мы, гордитесь мужеством и самоотверженностью Вашего сына.

Капитан полиции (в отставке) Линкольн Райм, Нью-Йорк

Закс отложила письмо, чтобы Эдди Дэн его перевел, когда заглянет ближе к вечеру.

— Хочешь, займемся уликами? — спросила она.

К процессу над Духом предстояло хорошо подготовиться. Но Райм ответил:

— Нет. Хочу поиграть.

— Я готова и намерена у тебя выиграть. Во что играем?

— В вэйчи. Доска вон там, и мешочки с камешками тоже.

Она принесла то и другое и разложила доску на столике перед креслом Райма. Подняла на него глаза, заметила, как он разглядывает поделенную на квадратики доску, и сказала:

— По-моему, Райм, ты уже играл в эту игру.

— Несколько раз сразился с Сонни, — небрежно заметил он.

— Удачно?

— Чтобы войти во вкус игры, нужно время, — ответил криминалист, словно оправдываясь.

— Так ты проиграл?

— В последний раз чуть не выиграл.

Райм принялся объяснять правила, она подалась к нему, жадно впитывая каждое слово. Наконец он произнес:

— Вот и все. Раз ты в нее не играла, даю тебе фору. Можешь начать.

— Нет, никакой форы. Бросим монетку.

— Но так принято, — заверил ее Райм.

— Никакой форы, — повторила Закс, вытаскивая из кармана четвертак. — Орел или решка?

И подбросила монетку.

ДЖЕФФРИ ДИВЕР

«Я был некомпанейским ребенком, — признается Джеффри Дивер, — жил в мире книг, не интересовался спортом и при любой возможности бегал в кино». Автор многочисленных бестселлеров и сегодня любит посидеть в полутемной комнате, обдумывая свои захватывающие сюжеты.

Материалы для своих романов Дивер часто черпает в Интернете, но при этом он твердо следует правилу: автор должен быть досконально знаком с местом действия книги. «Если события разворачиваются за пределами Нью-Йорка (где я прожил два десятка лет) или Калифорнии (где я живу сейчас), я отправляюсь туда и несколько недель осваиваюсь на месте».

Своего правила Дивер придерживался и работая над романом «Обезьяна из мыльного камня». Действие книги происходит на Манхэттене, где Дивер когда-то работал в юридической фирме на Уолл-стрит. «История придуманного мной корабля «Дракон Фучжоу», — говорит он, — отчасти навеяна судьбой китайского судна «Золотая удача», которое в свое время село на мель под Нью-Йорком. При этом утонуло несколько нелегальных иммигрантов».

ЛУАЧУ РАЙ

ТИХАЯ ГАВАНЬ

Ее беспокойный дух
стремится к далеким берегам.

А любящее сердце
зовет домой.

Пролог

25 августа 1981 года

Ветер разыгрался не на шутку, гонял по ньюпортской гавани бурунчики волн. Дана Андерхилл пристально вглядывалась в море. Был последний день занятий по парусному спорту. Сегодня должна была состояться заключительная гонка, потом они с Лили вручат призы, и все — лету конец.

Лили было восемнадцать, Данае — двадцать, и они были неразлучны. Обе обожали ходить под парусом и летом зарабатывали тем, что обучали этому богатеньких ньюпортских деток. А деньги им были нужны на школу искусств, где они обе учились.

Небольшая флотилия четырнадцатифутовых яхт стояла у пристани яхт-клуба. Паруса были уже поставлены, и экипажи готовы были тронуться в путь.

— Отец мне сказал: без приза домой не возвращайся, — сказал Хантер Уиткомб. — Победа или смерть!

— Неужели отцы такое говорят? — шепнула Лили.

— Наш бы не сказал, — ответила Дана.

Управляться с парусом сестры научились в Хаббардз-Пойнте, штат Коннектикут, на тихом семейном пляже, в атмосфере совсем иной, чем та, что царила в ньюпортском яхт-клубе.

Дана помолчала и перевела взгляд на Сэма Тревора.

— Наша яхта выиграет, — заявил он, улыбаясь во весь рот.

На Дану этот смешной мальчишка в круглых очках смотрел с нескрываемым восхищением. Сэм, самый младший из всех ребят, занимался кливером, а Джек Девлин встал у румпеля.

— Думаешь? — улыбнулась Дана.

— Размечтался, ты, четырехглазый, — фыркнул Ральф Катлер.

Барби Дженкс, его напарница, презрительно рассмеялась:

— Да как ты здесь вообще оказался, крысенок портовый?

— Прекрати, — одернула ее Дана.

Но Барби в чем-то была, увы, права. Сэм рос в бедной семье. Ходил в бесплатную школу, мать его работала в рыболовецкой артели. Дана заметила его на пристани еще в начале лета. Он вызвал ее на соревнование: кто лучше вяжет узлы, и Дана не нашла в себе сил отказаться.

Этот третьеклассник оказался очень милым и симпатичным парнишкой. Но узлы вязать совсем не умел. Дана стало жалко паренька — мать работает, старший брат учится в колледже, и бедняга все лето болтался один. Поэтому Дана взяла его к себе в группу.

— Я им еще покажу! — крикнул Дана Сэм, сверкая глазами.

— Отправляйся домой, Сэм, — сказал Хантер Уиткомб. — Да и всем остальным здесь делать нечего. Это будет гонка между Ральфом и мной.

— Сынкам торговков рыбой эта наука не по зубам! — добавил Ральф.

— Может, она и чистит рыбу, — ответил, густо покраснев, Сэм, — но она в десять раз больше гордится мной, чем кто-нибудь когда-нибудь будет гордиться вами, жалкие снобы! Давай старт, Дана! Я им покажу!

Дана смотрела в глаза Сэма. Он едва сдерживал слезы.

Джек держал румпель, а Сэм ставил кливер. Он стоял спиной к Джеку, и поэтому тот не видел, что Сэм все еще с трудом сдерживает слезы. Но не из-за того, что наговорили Хантер и все остальные. Он просто очень боялся, что погода испортится и Дана отменит гонку.

Но зря он боялся. Дана — настоящий друг. Они подружались в первый же день знакомства. К сожалению, их дружба началась с вранья. Он вынудил ее записать его в свою группу. Целую неделю он наблюдал за занятиями и наконец решился. Ранним июльским утром Сэм вышел на пристань яхт-клуба ловить крабов. И когда услышал за спиной шаги, у него от волнения чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Мать его работала с утра до ночи, старший брат Джо уплыл на корабле куда-то за тысячи миль. Сэму было так тоскливо и одиноко — словами не выразить. А ходить под парусом ему хотелось ужасно. Он надеялся, что так он сможет переиначить свою тусклую жизнь.

— Ты на что ловишь? — спросила Дана.

— Я? На рыбы головы, — ответил Сэм.

— А потом этих крабов ешь?

— Нет, я их изучаю, — сказал он. — Я буду океанографом, когда вырасту. Как мой брат.

Она улыбнулась, и лицо ее засияло ярче солнца. На пальцах у нее были следы краски — зеленой и синей. Заметив, что он смотрит на ее руки, она сказала:

— Ой! Я плохо краску смыла.

— А что ты рисовала?

— Вот эту гавань.

— Ты что, художница? Здорово! А я-то думал, ты всего лишь инструктор по парусному спорту... Я не хотел сказать «всего лишь инструктор», — тут же смутился он. — Вообще-то это очень интересно — быть инструктором.

— Ну, мы квиты. Я тоже думала, что ты просто крабов ловишь, а ты, оказывается, будущий океанограф.

И тогда он рискнул:

— Мне бы так хотелось научиться ходить на яхте.

— Правда? — улыбнулась она.

— Больше всего на свете.

— Рада буду тебе помочь, — сказала Дана, и с этого момента Сэм стал ее учеником.

— Эй, Сэм! — прервал его воспоминания Джек. — Сосредоточься, пожалуйста.

— Ты за меня не волнуйся, — сказал Сэм и деловитым жестом поправил очки.

Яхта шла вперед, и Сэм, выравнивая парус, навис над водой. Они шли к линии старта. Дана с Лили были на спасательном катере. Лили только что дала сигнал минутной готовности.

Сэм обернулся, и Дана помахала ему рукой. Сэм просиял.

— Эй, Сэм! — завопил Джек. — Не отвлекайся!

Лили дала сигнал тридцатисекундной готовности, Сэм включил секундомер. Дана отвела катер в сторону и кивком показала Сэму, как лучше пройти.

— Развернись вон туда! — крикнул Сэм Джеку.

— Можем столкнуться, — ответил Джек.

— Нет, места достаточно, — сказал Сэм, прикинув расстояние и скорость яхты. — Мы окажемся на старте первыми.

— Правый борт! — крикнул Джек, обойдя Хантера.

— Да пошел ты! — ругнулся Хантер.

— Это тебе за торговку рыбой! — прокричал Сэм. — Девять, восемь...

— Готов! — бросил Джек.

Он так увлекся, что неправильно рассчитал направление ветра. Сэм понимал, что Джек допустил ошибку, но Джек был капитаном, и Сэму пришлось повиноваться. Он взялся за кливер, но, упустив лить, потянулся за ним.

— Какого черта!.. — заорал Джек.

Два, один... Лили дала старт.

— Сэм, пригнись! — крикнула Дана, и это было последнее, что услышал Сэм: гик со всего размаху стукнул его по голове, и Сэм полетел за борт.

— Дана, он весь в крови! — закричала Лили.

Сэм, решив показать, какой он смельчак, нарушил правила и вышел в море без спасательного жилета. Прошло всего несколько секунд, но он уже скрылся под водой. Дана решительно скинула тапочки, расстегнула молнию на жилете и поняла, что Лили делает то же самое. Они переглянулись и прыгнули.

Доплыли до него обе одновременно. Из ссадины над ухом Сэма сочилась кровь, вода вокруг была бурой. Дана подхватила его под спину с одной стороны, а Лили с другой, и они подняли мальчика на поверхность. Дана прижалась губами к губам Сэма и начала делать искусственное дыхание.

Сэм закашлялся и принялся отплевывать воду.

— Что произошло? — спросил он, отдышавшись.

Они плыли лицом к лицу, и, когда он увидел Дану, глаза его изумленно распахнулись.

— Это ты...

— А ты думал, русалка? — рассмеялась Лили.

— Да она тебе жизнь спасла! — крикнул с лодки Джек Девлин.

— Правда? — спросил Сэм восторженно.

По щеке у него текла струйка крови — как у персонажа из фильма ужасов.

— Я никогда этого не забуду, — сказал он, беря Дану за руку.

— И Лили тоже, — сообщил Джек. — Они тебя спасли.

— Я серьезно, — сказал Сэм, утирая кровь с лица. — Никогда. Пока буду жив, буду помнить. Вы обе можете не волноваться: что бы ни случилось, я приду к вам на помощь.

Дана с Лили молча улыбались.

— Думаете, я просто болтаю? — обиделся он. — Ну и что, что я маленький. Вы погодите, вот вырасту и докажу.

— Ты настоящий храбрец, — сказала Дана весело. — И я знаю, к кому мне обращаться за помощью. А сейчас давай-ка в катер. Нас ты спасешь в другой раз, договорились?

— Договорились, — ответил Сэм, и это было похоже на торжественное обещание, данное им всему миру.

Глава 1

Овладеть один год спустя

Родные сестры Куинн и Элли Грейсон сидели на ограде и ждали, когда же приедет из аэропорта тетя Дана, художница, удивительная и ни на кого не похожая. Каждый раз, когда в их проулок сворачивала машина, девочки вытягивали шеи, пытаясь разгля-

деть, кто сидит за рулем, и у Куинн почему-то холодело в животе. Ей очень хотелось узнать, чувствует ли Элли то же самое.

— Опять не она, — сказала Элли, когда мимо проехал зеленый микроавтобус их новых соседей Тилсонов.

Еще одна соседка, миссис Макгрей, притормозила около девочек и опустила стекло. Миссис Макгрей прожила здесь всю жизнь и знала маму и тетю сестер совсем маленькими.

— Дана приехала? — спросила она.

— Еще нет. Ждем с минуты на минуту, — сказала Элли.

— Как это замечательно! Подумать только — летит из Франции домой на открытие собственной выставки. Мы все ею так гордимся!

— Тетя Дана — самая лучшая, — сказала Элли.

— Совершенно с тобой согласна. Передавайте ей привет. Завтра вечером увидимся на вернисаже. Мы все придем!

И миссис Макгрей уехала.

— Вот уж нам повезло! — прошипела сквозь зубы Куинн.

Элли уселась поудобнее и обернулась к сестре.

— Ну почему ты не переоделась? — спросила она, глядя на рваные джинсы и линялую фуфайку Куинн. А от прически сестры — шестидесяти трех тонюсеньких косичек, похожих на кучку выдернутых из грядки сорняков, — Элли вообще бросало в дрожь. — Хочешь, чтобы она поскорее уехала?

— Уедет, останется — мне плевать, — бросила Куинн.

— Ой, ну какая же ты... — вздохнула Элли и снова стала смотреть на дорогу.

Тени от высоченных дубов и сосен были такими глубокими, что казалось, будто появившаяся в проулке машина таинственным образом возникла из тьмы. За спиной у девочек хлопнула дверь. Куинн даже не обернулась — она и так поняла, что это выглянула из дома бабушка. Из машины вышла миниатюрная шатенка с пронзительно голубыми глазами, в джинсах и ветровке.

— Она так похожа на маму... — изумленно выдохнула Элли, словно забыла, что они видели тетю всего год назад.

Куинн не могла вымолвить ни слова. Элли была права — тетя Дана с мамой всегда были удивительно похожи.

— Вы обе так вымахали за год, — сказала тетя Дана. — Я вас едва узнала.

Элли кинулась к ней обниматься.

— Ты надолго? — спросила она.

— На недельку, — ответила тетя Дана и, глядя поверх ее головы, улыбнулась Куинн. — Акуинна, неужели это ты?

Куинн спрыгнула с ограды и шагнула было к тете, но передумала и, развернувшись, помчалась со всех ног по Крестхилл-роуд в сторону дома миссис Макгрей, за которым начинался берег моря, к своему тайному месту, где никто — даже тетя Дана — ее не найдет.

Сэм Тревор стоял в аудитории Йельского университета и вставлял в магнитофон кассету — хотел дать послушать студентам-океанографам запись песен китов, которые его брат записал в Греции.

— Очень надеюсь, вы воспримете услышанное как неопровержимое доказательство того, что киты разговаривают друг с другом на собственном языке, который мы пока не научились понимать, — сказал Сэм.

Очки соскочили у него с носа, но он успел их поймать одной рукой, а другой вставил кассету.

— У нас всего два занятия до экзаменов, — сказала темно-волосая девушка. — Я думала, вы сегодня прочтете лекцию.

— Я и собирался, — ответил Сэм, — но потом решил, пусть лучше киты скажут все сами за себя. А на экзамене мы поговорим о том, что вы слышали и, главное, как вы это интерпретировали. — Он включил запись и, выйдя из аудитории, пошел на парковку.

Сэм всегда относился к занятиям ответственно и надеялся, что студенты не подумали, будто он решил сачкануть. Его ждало дело — очень важное и неотложное.

В прошлые выходные он просматривал газету и вдруг в разделе культуры увидел знакомое имя: Дана Андерхилл.

Открытие выставки работ художницы состоится в четверг, 17 июня, с 18 до 20 часов в галерее «Блэк-Холл». На нем будет присутствовать сама мисс Андерхилл, в настоящее время проживающая во Франции, в городе Онфлёр.

Сэм и не надеялся, что они когда-нибудь встретятся снова. Он окончил университет, затем аспирантуру, а потом он получил работу в Йеле и в Нью-Хейвене снова начал думать о ней. Дана и ее сестра Лили жили в пятидесяти километрах к востоку от Нью-Хейвена, в Хаббардз-Пойнте.

Полтора года назад он случайно встретился с Лили в Нью-Хейвене, в театре Лонг-Уорф. Она была с мужем, а Сэм с очередной девушкой.

— А как Дана? — поинтересовался Сэм, когда Лили рассказала ему про свою жизнь.

— Ох, Сэм, она так далеко... — вздохнула Лили. — Я по ней ужасно тоскую, и утешает меня только одно — она решила воплотить в жизнь свою мечту.

— Какую мечту? — спросил Сэм.

— Она хочет написать все моря на свете, — сказала Лили. — Где она только не побывала! Помнишь, когда мы с тобой последний раз виделись — лет восемь или девять назад, — я тебе говорила, что Дана снимает домик в местечке под названием Мартины Виноградники? С этого все и началось. Дана стала искать идеальный морской вид. Но я точно знаю: когда-нибудь она вернется домой.

Сэм заметил грусть в глазах Лили. Ее чувства были ему очень понятны. У него самого брат Джо стал океанографом и занимался поиском сокровищ на затонувших кораблях, поэтому постоянно путешествовал. Сэм безумно по нему тосковал.

— Конечно, вернется, — сказал Сэм. — Вы с ней всегда были так близки. Она не может расстаться с тобой надолго.

— Очень на это надеюсь, — усмехнулась Лили. — Племянницы скучают по ней не меньше моего.

— А вы давно знакомы? — спросил муж Лили.

— Ой, Майк, извини, — сказала Лили, беря его за руку. — Я увидела Сэма, и тут же нахлынули воспоминания. Если кто и может знать, как я скучаю по Дане, так это Сэм.

Лили достала из сумочки конверт и протянула Сэму фотографию. На снимке была Дана. Еще красивее, чем та, которую он знал когда-то. С глазами цвета неба.

— Она замужем? Дети есть?

— Нет. Мы с ней учили Сэма ходить под парусом, — чуть смущенно сказала она девушке Сэма.

— Если бы не они, меня бы не было в живых, — сказал Сэм.

— Человек за бортом, — объяснила Лили. — Такое со всяким может случиться.

— А где она теперь? — спросил Сэм, не отводя взгляда от фотографии.

— Этот снимок сделан во Франции, — торопливо ответила Лили. В фойе начали гасить свет, и зрители потянулись в зал. — Она там живет на побережье Нормандии.

И вот она вернулась домой, думал Сэм, выезжая на своем «фольксвагене» на автостраду. Дана приехала в Блэк-Холл на открытие своей выставки. В заметке написали, что она по-прежнему живет в Онфлёре, значит, приехала домой ненадолго, возможно, специально на выставку. Ну и что, ничего особенного, он просто едет повидаться со старой знакомой.

Во всяком случае, себе он это объяснял именно так.

На следующий день после ее приезда в галерее «Блэк-Холл» собрались любители живописи, соседи, друзья и знакомые. Дана не верилось, что этот день наступил.

Элли, младшая племянница Даны, крепко держала ее за руку. А вторая племянница, Куинн, куда-то исчезла.

Окинув взглядом зал, Дана заметила, что галерист беседует с Огастой Ренвик — вдовой Хью Ренвика, одного из лучших художников Блэк-Холла, — и двумя ее дочерьми.

— Даже не верится, что они пришли ради моей скромной персоны, — сказала Дана.

— А это так и есть, радость моя, — ответила ее мать. — Здесь весь город.

Дана обернулась в поисках Куинн и заметила девочку у стола с закусками. Куинн заставили надеть платье в цветочек, но она дополнила слишком девчачий, по ее мнению, наряд черными тяжелыми ботинками.

— Попроси, пожалуйста, Куинн подойти ко мне. Она за сутки и пары слов мне не сказала, — обратилась Дана к Элли.

Та нехотя выпустила тетину руку и пошла к сестре. Дана увидела, как Куинн выслушала Элли, а потом решительным

шагом направилась на улицу, и Элли за ней. Когда Дана с матерью пробрались к выходу, девочек уже и след простыл.

— Ну вот, опять сбежали! С Элли вообще-то проблем нет, это все Куинн. В воскресенье я застала ее с сигаретой. Едва двенадцать исполнилось, а туда же — курить!

— Я с ней поговорю.

— Без толку. Думаешь, она станет тебя слушать?

Мать заметно постарела, взгляд небесно-голубых глаз стал жестким. Дана взяла ее за руку, но мать на пожатие не ответила. Вроде бы близкие люди, а что-то в отношениях сломалось.

Марта Андерхилл высвободила руку и вернулась в галерею. А Дана устало прикрыла глаза. Ей вспомнился домик у Ла-Манша, его беленые стены. Что ей, собственно, этот домик? Обычное жилье, пусть и в живописном месте. Одно время они с Джонатаном пытались — правда, не очень-то успешно — превратить его в любовное гнездышко.

Перед глазами Даны стояли яхты в гавани Довиля; картины у нее продавались не часто, и, чтобы заработать денег, она иногда давала уроки — учила желающих ходить под парусом. Она вспомнила Лили.

Как же ее не хватает!

Дана грустно спустилась по ступеням и пошла, вдыхая свежий летний воздух, вдоль изгороди. И тут ее внимание привлек синий фургон. Из него вышел рослый и широкоплечий мужчина с изящным букетиком маргариток. В его сильных руках они казались совсем крохотными. У Даны забилося сердце. Совсем молодой — лет тридцать, не больше. Огаста Ренвик, заметив его, радостно вскрикнула, мужчина обернулся к ней, Дана отвернулась.

И быстро зашагала по дорожке — искать племянниц.

— Она говорит, ты ей и двух слов не сказала, — ныла Элли.

— Да пошла ты! Сказала я ей два слова, — огрызнулась Куинн.

Глаза Элли налились слезами. Куинн попыталась отвести взгляд. Выйдя из главного входа, они проскользнули в галерею через боковой и забрались под стол, накрытый скатертью, так что их никому видно не было. Куинн было трудно притворяться, что она не замечает слез Элли.

— Прекрати! — строго велела она.

— Чего прекратить? — спросила Элли, шмыгнув носом.

Она знала, что Куинн презирает плакс, и изо всех сил пыталась сдержаться.

Чтобы сменить тему, Куинн вытащила из-за уха окурок, который нашла на лестнице. А уж стащить спички со стола было пара пустяков. Она чиркнула спичкой и затянулась.

— Ой, не надо! — взмолилась Элли. — А если ты умрешь? Курение смертельно опасно.

— Все умирают, — бросила Куинн. — Кого это волнует?

— Меня, — тихо сказала Элли.

Больше она не могла сдерживать слез, и они горячими ручейками покатились по ее щекам.

— Элли, а ты знаешь, зачем она приехала?

— На выставку.

— Дура ты! Вовсе не за этим.

Куинн вдруг стало страшно и душно под столом. Она затушила сигарету и сунула ее обратно за ухо. А потом откинула скатерть и поползла наружу. Элли — за ней. Люди глядели на них с изумлением, но Куинн было плевать. Ей надо было поскорее выбраться отсюда.

Блэк-Холл остался точно таким, каким его помнила Дана: спокойным и элегантным городком, залитым прозрачным желтоватым светом, который словно поднимался от болот и прибрежных бухт, освещая дома и шпили церквей. Именно здесь начинался американский импрессионизм.

— Привет! — окликнул Дану чей-то голос. — Ты далеко собралась?

Она обернулась и увидела все того же молодого человека с цветами. Да, она не ошиблась, ему лет двадцать восемь—двадцать девять, не больше.

— Мне надо кое-кого найти, — ответила она и не спеша пошла дальше.

Июньский воздух был свеж и прохладен. Дул легкий ветерок, и Дана поплотнее запахнулась в черную кашемировую шаль, брошенную поверх белого шелкового платья.

— Ищешь детей? Племянниц?

— А вы откуда знаете?

— Я видел их. Они так похожи на вас с Лили.

— Вы знаете Лили?

— А я подумал, ты меня узнала. Не помнишь? Вы с Лили учили меня ходить на яхте. — Он протянул ей цветы. — Правда, это было очень давно.

Она взглянула, прищурившись, ему в глаза. И словно вернулась в свое последнее студенческое лето — она оканчивала школу дизайна на Род-Айленде. Они тогда подрабатывали инструкторами по парусному спорту. Неужели это один из тех детей, с которыми они занимались?

Дана присмотрелась повнимательнее, и в душе у нее что-то дрогнуло. Море, волны, они с Лили тащат к берегу потерявшего сознание мальчишку...

— Сэм! — Имя тут же всплыло в памяти.

— Вспомнила? — радостно улыбнулся он.

— А мы тебя никогда и не забывали. Лили мне рассказывала, как она тебя встретила. В театре, да?

— В театре, — кивнул он. — Чуть больше года назад.

— А здесь ты как оказался? Ты художник?

— Ну что ты! — рассмеялся он. — Я ученый. Океанограф. Помнишь крабов?

— А то, — ответила она и, вспомнив его худенькую фигурку на пристани, усмехнулась.

Сэм стоял, чуть наклонившись к ней. Так вымахал — ей, чтобы заглянуть ему в лицо, приходилось задирать голову. А еще он светился добротой и дружелюбием. И в стеклах его очков отражались золотистые лучи заходящего солнца.

— Я биолог, занимаюсь морем и его обитателями, — сказал он. — Мой брат тоже океанограф.

— Я помню твои рассказы о брате.

— Я теперь преподаю в Нью-Хейвене. В Йеле. — Сказав это, он смущенно пожал плечами — не хотел, чтобы она подумала, будто он хвастается. — Джо и Каролина поженились два года назад, они много путешествуют, но всякий раз, когда возвращаются, я приезжаю с ними повидаться. Это так здорово! — Он засмеялся и взглянул ей в глаза. — Да зачем я это рассказываю? Тебе это и так понятно.

— Понятно? — переспросила она, решив, что он говорит о брате.

А Каролина — это, наверное, Каролина Ренвик, дочь легендарного художника Хью Ренвика.

— Ну да — как это замечательно, приехать домой, повидаться с сестрой. Она здесь?

Дана не ответила. Мысли о Хью Ренвике тут же улетучились.

— Ты приехала повидаться с ней и детьми? — не унимался Сэм.

— Я приехала к ее детям. Они находятся под моей опекой. — Фраза получилась такая канцелярская, что она не удержалась и фыркнула. Насколько естественнее прозвучало бы: «Чудные мои племянницы, мои обожаемые девочки, дочки моей сестры». — Она так распорядилась в завещании: если что случится с ней или Майком, я должна позаботиться о девочках.

— В завещании? — тихо переспросил Сэм.

— Там говорилось, что мне нужно будет вернуться домой и взять воспитание девочек на себя. А я тогда была во Франции, пыталась работать. На похороны я, разумеется, прилетела. Но всю заботу о девочках взяла на себя моя мама...

— Дана, а что произошло?

— Они утонули. И Лили, и Майк.

— Боже мой, Лили... — Голос Сэма дрогнул. — Искренне соболезную.

— Спасибо.

Из галереи вышли несколько человек — искали ее. Дана слышала их голоса, но издалека. Она словно впала в транс.

— Она умерла десять месяцев назад.

— И ты вернулась воспитывать ее дочерей?

— Нет, — покачала головой Дана. — Я забираю их к себе во Францию.

— Вот как...

Дану наконец заметили и окликнули. Пора было резать торт и говорить тосты.

Глава 2

ХАББАРДЗ-ПОЙНТ за сорок один год — а именно столько лет исполнилось Данае — нисколько не изменился. Здесь любил отдыхать народ поскромнее, те, кого смущали шик и роскошь пляжей, находившихся восточнее. Крохотные дворiki, домики, стоящие почти вплотную. Строили их простые полицейские, пожарные, учителя — деды и прадеды нынешних владельцев.

В Пойнте изысканный стиль был ни к чему — его заменяли красота природы и дружелюбная атмосфера. Здесь все друг друга знали. Проходя или проезжая мимо, непременно здоровались, всегда охотно присматривали за соседскими детьми.

В восточной части Пойнта дома стояли на граните и кварце — каменные уступы спускались вниз к прибрежным бухтам. А дома, обращенные на запад, выходили к пляжу, окаймлявшему пролив.

Из дома Андерхиллов, построенного в самой высокой части Пойнта, открывался вид и на пляж, и на скалы. Коттедж, крытый посеревшей от времени дранкой, прятался за могучими дубами и виргинским можжевельником и был бы совсем не приметным, если бы не чудесный сад, который разбила Лили.

— Одни сорняки остались, — грустно вздохнула Элли.

— Да не так уж все страшно, — сказала Дана, отхлебнув кофе.

Было воскресное утро, и они сидели на каменных ступенях в тени сассафраса.

— Ну что ты! Эти выющиеся розы все запленили. Мамины грядки с травами вообще не поймешь где. Она посадила лаванду, розмарин, шалфей, тимьян. Вообще-то они многолетние, а я ни кустика не вижу.

Дана поставила чашку и принялась разгребать прошлогоднюю листву. Высвободила кустик шалфея с сочными зелеными листьями, увидела серебристые треугольные листочки тимьяна. Каждый сантиметр земли напоминал ей о Лили. Именно здесь она острее всего тосковала по сестре.

- Она не хочет со мной общаться? — спросила Дана вдруг. Элли кивнула.
- Это из-за того, что я целый год не приезжала?
- Это не главное.
- Так почему же она со мной не разговаривает?
- Потому что ты хочешь увезти нас во Францию.

Куинн бежала по узенькой каменистой тропинке к пляжу — так бегали быстроногие индейцы-пекоты, пришедшие на эту землю десятки веков назад. Куинн знала об индейцах немало. Начать с того, что ее полное имя — Акуинна, а это на языке вампаноа значит «высокое место», «возвышенность». Родители называли ее так, потому что они повстречались и полюбили друг друга именно в горах. Куинн решила, что, когда вырастет, станет антропологом. Будет заниматься индейцами: пекотами, могиканами, вампаноа.

И во Францию ей ехать совершенно ни к чему.

Она пробежала мимо парусных суденышек, вытасненных на берег около дамбы, мимо камней, где ловили крабов, к лесной тропе, вившейся среди высоких деревьев.

Куинн огляделась по сторонам и остановилась. Убедившись, что кругом нет ни души, она нырнула в чащу и добралась до склонившегося почти до земли дуба. Просунула руку под обвисшие ветви, дотянулась до дупла и вытащила оттуда обернутый в целлофан сверток. Засунув свое сокровище за пояс, она побежала обратно на песчаный пляж.

На пляже было пусто. Сюда они обычно ходили с мамой — искали отшлифованные морем стекляшки и плоские камешки, которыми так здорово было пускать «блинчики». Прижимая к груди драгоценный сверток, она пристроилась за здоровенным серо-розовым валуном, на котором искорками поблескивали вкрапления слюды.

С бьющимся от волнения сердцем она открыла пакет, достала оттуда тетрадь в синей обложке и фломастер. Взгляд ее остановился на записи, сделанной еще в октябре.

Бабушка такая же, как мама. Сначала несла всякую чушь типа «мне ты можешь доверять», а потом сделала то же, что и

мама: прочла мой дневник. В этой семье что, так принято? Она прочтала про то, как я скучаю по маме с папой, про то, как жалею, что не оказалась в море вместе с ними. Я поняла, что что-то здесь не так, когда она снова заговорила про психолога. Считаю дни: скорей бы уж приехала тетя Дана, а бабушка отправилась бы в свою квартиру. Тетя Дана — классная, с ней все четко. Не понимаю, зачем она уехала так далеко.

Куинн перевернула страницу. Вот запись, сделанная несколько месяцев назад.

Тетя Дана странная. И ведет себя странно. Все обещает приехать, а не едет. Говорит, что готовится к выставке, что ей надо дописать еще пару картин. Совершенно этого не понимаю.

Мы должны жить с ней, а не с бабушкой.

Куинн облизнула кончик фломастера и открыла чистую страницу. Слова полились сами собой.

Ненавижу этот мир! Ненавижу бабушку, Элли, тетю Дану и маму! Одна поучает, другая ноет, третьей на все плевать, а мама вообще умерла. Бабушка все пристает ко мне, чтобы я вела себя хорошо. Элли — плакса, вечно волнуется, что да как будет. Тетя Дана решила увезти нас с Элли к себе во Францию, а мама прочла мой дневник, ужаснулась тому, какой я стала, а потом умерла. Угораздило же меня родиться в такой семейке! Во Францию не поеду ни за что. Пусть что хотят, то и делают.

Куинн написала это, и на душе стало полегче. Яркое светило солнце, на горизонте покачивались крохотные суденышки. Белые паруса, голубое небо. Куинн сунула руку в карман, вытащила подарок и, как всегда, положила его под валун со стороны моря.

Пора было прятать дневник и возвращаться домой.

Обе девочки как сквозь землю провалились. Дана решила сходить в гараж — он стоял у подножия холма, рядом с дорогой. С трудом открыв тяжелую дверь, она шагнула внутрь.

В гараже пахло затхлостью и плесенью, по стенам вился плюш, пробившийся сквозь бетонный пол.

На ржавом прицепе лежала старая парусная шлюпка, краска на ней совсем облупилась. Места она занимала много, поэтому в нее сваливали что попало: грабли, лопаты, корзину для ловли крабов, удочки.

Дана с Лили на этой лодке учились ходить под парусом. Дана провела рукой по деревянному корпусу, вспомнила, как они с Лили приставали к отцу, уговаривая его отдать шлюпку им. Отец сказал, что они должны сами заработать деньги и выкупить у него лодку. Ладонь Даны коснулась кормы, и она, тяжело вздохнув, заставила себя взглянуть на транец, где было написано — «Русалка».

Пальцы ощупали буквы. Они с Лили долго и старательно вырезали трафарет, а потом Лили закрасила прорези белой краской. Они нарисовали полногрудую русалку с двумя хвостами, потому что им порой казалось, будто тело у них одно на двоих.

— Вот ты где, — сказала мать Даны, стоявшая, опершись на палку, у двери. — Я хотела поговорить с тобой, пока девочки не вернулись. Ты когда собираешься уезжать?

— Мам, я же тебе говорила, в четверг.

— Мое мнение тебе известно.

— Да. Ты хочешь, чтобы я переехала сюда, а ты бы вернулась к себе в городскую квартиру. Но я так поступить не могу. В Онфлёре у меня мастерская. У меня сейчас два заказа в работе. Девочкам во Франции наверняка понравится. И язык они выучат мгновенно.

— Детка моя, это же твой родной дом.

— Знаю, — ответила Дана, краем глаза взглянув на шлюпку. — Мама, а почему она стоит в гараже? Почему девочки ею не пользуются?

— Они больше не хотят ходить в море.

— Грустно смотреть, как она здесь гниет. А Лили на ней часто ходила?

— Раньше — да. Учила на ней девочек. Но в прошлом году уже ею не пользовалась. Майк купил новую, большую, и Лили часто ходила в море с ним. Да и дома работы прибавилось, ей приходилось всем заниматься.

— Работы прибавилось...

— Когда я сломала ногу, — сказала Марта Андерхилл, внимательно вглядываясь в лицо Даны. — И дом, и сад — одной трудно справиться. Вот тогда я и решила оставить дом Лили, Майку и девочкам. Правда, немного беспокоилась, не обидишься ли ты.

— С какой стати, — сказала Дана, но вдруг поняла, что в глубине души она все же обиделась.

— Я знаю, как ты любишь девочек, — с чувством произнесла Марта. — Им столько пришлось пережить. Дана, боже мой, что ты задумала? Забрать их из родного дома, именно сейчас... Как тебе такое в голову пришло? Ты же училась живописи здесь, в Хаббардз-Пойнте. Не понимаю, почему ты не можешь писать дома.

— Думаешь, все дело в живописи? — спросила Дана, почувствовав, как кровь отливает от лица.

— В живописи и в Джонатане.

— Джонатан тут ни при чем, — сказала Дана через силу. — С ним все кончено.

— Значит, остается живопись.

Марта оставила новость о разрыве с Джонатаном без комментариев. Она приблизительно этого и ожидала. Все романы Даны были недолгими, и родственники уже устали надеяться, что она наконец на ком-нибудь остановит свой выбор. Они понимали, что для Даны самое главное в жизни — творчество.

— Можно и здесь построить мастерскую или переоборудовать гараж. Можно прорубить окно в крыше.

У Даны перехватило дыхание. Неужели мама не заметила, что даже в галерее Дана не могла заставить себя взглянуть на собственные картины? Они ее только раздражали. Все думали, что это ее последние работы, а на самом деле она достала из кладовки то, что было, так как нового ничего не написала. После смерти Лили Дана не могла заставить себя подойти к мольберту.

— Не в помещении дело, — сказала она.

— Значит, в твоей натурщице. Честно признаться, я так и не поняла, зачем она тебе. Мне Лили рассказывала, что ты наняла какую-то азиатскую девушку...

— Моник... — машинально сказала Дана. — Она вьетнамка.

У Даны плохо получались фигуры. И, решив писать русалок, она попросила девушку ей попозировать. Моник, изящная и миниатюрная, была идеальной моделью.

— С натурщицей был просто эксперимент. Из него ничего не вышло.

Мать ее реакция огорчила. Она надеялась, что разговоры о мастерской, об окне в крыше заинтересуют Дану.

— Бедная ты моя, — устало вздохнула она.

— Тетя Дана! — крикнула, сбегая с холма, Элли. — Тебя к телефону какой-то Сэм Тревор.

— Кто это? — спросила Марта.

— Один старинный знакомый, — сказала Дана.

И, опустив голову, чтобы не видеть грустных глаз матери, вышла из гаража.

Дана долго не брала трубку, и Сэм решил, что она уже не подойдет. Он стоял в кухне дома на Файерфлай-Хилл, а Огаста Ренвик сидела в кресле-качалке на веранде, оттуда разговора не слышно. Когда Джо женился на Каролине, Ренвики сказали Сэму, что он может считать этот дом своим и приезжать, когда пожелает. Он чувствовал себя немного виноватым — работы в Йеле было по горло, и часто наведываться в Блэк-Холл не получалось, но Сэм решил — раз уж Дана приехала — навестить заодно и тещу брата.

— Чему я обязана удовольствием тебя лицезреть? — спросила Огаста и, взяв под руку, повела его в дом.

Несмотря на возраст — сколько ей, под восемьдесят или побольше, Сэм точно не знал, — Огаста оставалась настоящей красавицей. Седые, распущенные по плечам волосы придавали ей загадочный и чарующий вид. Взглянешь на нее, и сразу понятно, почему великий художник Хью Ренвик влюбился в нее до беспамятства.

— Сюда меня привело желание повидаться с вами, Огаста, — ответил Сэм.

— Ах, дитя мое, — рассмеялась она серебристым смехом, — слышать это мне чрезвычайно приятно, но мы оба знаем, что это — чистое вранье.

— Прошу прощения? — покраснел Сэм.

— Ты разве забыл, что я тоже была в галерее? И видела цветы, которые ты преподнес Дане Андерхилл. Иди позвони ей. Телефон сам знаешь где.

И он пошел. Трубку сняла девочка — скорее всего, младшая племянница Даны — и побежала звать тетю.

— Алло! — наконец ответила Дана.

Сердце Сэма бешено заколотилось.

— Привет, Дана! — сказал он. — Это Сэм.

— Сэм, привет! Как твои дела?

— Я оказался здесь неподалеку и решил тебе позвонить. Хотел узнать, как ты.

— Ну... — начала она и запнулась — словно вопрос оказался слишком сложным.

— Я хотел спросить, — продолжал Сэм, — не согласишься ли ты перед отъездом во Францию со мной поужинать.

— Поужинать? — изумилась она так, будто услышала это слово впервые.

— Я сейчас как раз в Блэк-Холле. Скорее всего, здесь и переночую. Я мог бы за тобой заехать.

Она молчала. Он не хотел ее торопить. Ей сейчас, должно быть, очень нелегко.

— Ой, Сэм, — выдохнула она, и в ее голосе ему послышались странные нотки. Грусть? Боль? — Очень мило, что ты меня приглашаешь, но у меня столько дел... Ведь мы улетаем уже в четверг.

— Я надеялся увидеть тебя до отъезда. Хотел попрощаться.

Она снова помолчала — обдумывала ответ.

— Вы так много для меня значите, — сказал он хриплым от волнения голосом. — И ты, и Лили. Ты не думай, я очень хорошо понимаю, каково тебе сейчас.

— Этого никто понять не может, — тихо сказала она и повесила трубку.

Огаста Ренвик услышала, как звякнул телефон, и прикусила губу. Пальцы сами собой потянулись к шее, к нитке черного жемчуга, и стали перебирать бусины одну за другой. Сэм вышел на веранду.

— Что она сказала? — спросила Огаста.

— Сказала, что сегодня поужинать со мной не может. Наверное, у нее уже есть планы на вечер, — усмехнулся Сэм.

— Слишком уж вы добродушны, юноша, — покачала головой Огаста. — Вечно вы всех оправдываете.

— А как мне надо было себя вести? Заявить, что я все равно приеду?

— Хью именно так бы и поступил, — сказала она. — И твой брат Джо тоже.

Сэму было нечего возразить. Он опустился в соседнее кресло, и они с Огастой так и сидели, молча покачиваясь. Ей очень хотелось, чтобы он не упустил свой шанс.

— Тебе она нравится? — спросила Огаста.

— Да, — просто ответил он. — Я никогда о ней не забывал.

Огаста заметила, что он смотрит на восток, в сторону Хаббардз-Пойнта.

— Сэм, пошел бы ты прогулялся.

— Вы имеете в виду Хаббардз-Пойнт?

Огаста кивнула:

— Поговоришь ты с ней сегодня вечером или нет, значения не имеет. Оставь свои следы на песке, быть может, это к чему-нибудь да приведет.

В открытые окна гостиной дул прибрежный бриз, лучи заходящего солнца бросали на воды пролива серебристые и красно-бурые отблески. Дана сидела в кресле с альбомом на коленях и смотрела на берег.

Какие-то люди отправились на вечернее купание. Мороженщик пристроился на парковке в ожидании тех, кто решит прогуляться после ужина. Несколько рыбачьих лодок собирали улов. Дана вспомнила, как они с Лили занялись ловлей омаров. Одолжили у отца плоскодонку, купили лицензию на пятнадцать корзин и стали заправскими рыбачками.

И перед ее мысленным взором предстала Лили: вот она стоит, держит в каждой руке по омару и, залиvisto хохоча, говорит, что омары — посланники от русалок.

Дана заметила, что кто-то идет по тропинке от Литл-Бич, но кто это, она издали разобрать не могла. Взяв бинокль, Дана на-

строила окуляры. Синие джинсы, футболка — одет он был проще, чем вчера в галерее. Руки загорелые, мускулистые.

Сэм Тревор вырос в настоящего красавца мужчину. В лучах заходящего солнца его волосы отливали золотом — как трава, что растет на болотах. О чем он, интересно, думает? Неужели пришел пешком от самого Файерфлая?

Он остановился и посмотрел прямо на ее дом. Дана отпрянула от окна, но увидела, как Сэм наклонился, подобрал с земли палку и стал рисовать на песке. Начинался отлив, и песок на пляже был плотным и ровным. Присмотревшись повнимательнее, Дана поняла, что Сэм вовсе не рисует. Он написал только одну букву «Д».

А затем пустился в обратный путь. Дана глядела на его широкую спину, и у нее даже мелькнула мысль: если она побежит быстро, сумеет ли его догнать? А если догонит, что скажет ему?

Глава 3

У Марты Андерхилл, уроженки Коннектикута и настоящей янки, вкусы были довольно простые. Ездила она на «форде». Любимой едой были похлебка из крабов и картофель фри. Она прожила в браке с Джимом Андерхиллом, единственной любовью всей ее жизни, тридцать два года, пока он не скончался от инсульта. Они с Джимом любили друг друга с детства. Поженились, когда им было по двадцать два, и решили, что с детьми тянуть не будут. Но Марта никак не могла забеременеть.

Потом Джим ушел на войну. Он был штурманом бомбардировщика, и всю войну она прожила, ожидая самого страшного. Когда он вернулся, они снова пытались завести детей, но прошло полгода, и в Марте что-то изменилось. Ну, не получается родить, зато они с Джимом есть друг у друга. Джим кровельщик, она ведет дом, а в свободное время собирает на берегу камушки, ракушки, обточенные морем деревяшки.

Иногда она что-то из них делала. Это было скорее хобби, и она смущалась называть свое занятие искусством. Но Джим всячески ее поощрял, и, когда они получили в наследство от семейства Марты дом в Хаббардз-Пойнте, она стала продавать свои статуэтки на местных ярмарках. И к ее искреннему изумлению, Марту стали называть художницей.

Вот тогда-то это и случилось. Прожив в браке пятнадцать лет, тридцатисемилетние Марта и Джим Андерхилл зачали ребенка. Счастью Марты не было предела. Скульптуру она забросила. Ей хотелось заниматься только Даной и родить, если получится, еще одного ребенка. Ровно через два года и два месяца после Даны на свет появилась Лили.

Марте исполнилось семьдесят восемь, и, глядя в зеркало, она не узнавала себя. Морщины, оплывшее лицо, глаза запали — словно она пережила тяжкое несчастье.

Да так оно и было. Даже теперь, год спустя, она не могла думать об этом. О том, что Лили больше нет.

Лили, ее обожаемой Лили больше нет! Урна с прахом ее и Майка стоит на каминной полке. Квадратный латунный сосуд, скромный, безо всяких украшений. Давно пора было решить, что делать с прахом — захоронить его или развеять по ветру, но Куинн даже слышать об этом не желала.

А теперь Дана хочет ее отсюда забрать.

Что она будет делать с двумя маленькими девочками? Покажет им Францию, свозит в Париж и в Рим. О таком можно только мечтать. Но разве Дана не знает, что самые чудесные мечты порой уступают действительности. Коннектикут ничем не хуже Европы.

И внукам бабушка нужна ничуть не меньше, чем они ей.

— А Франция — она какая? — спросила Элли, собирая на берегу ракушки.

— Как чудесная картина, — ответила Дана. — Куда ни взглянешь — везде красота.

— Но здесь ведь тоже красиво!

— Конечно. А разве тебя не тянет посмотреть что-то новое?

— Тянет. А вот Куинн — нет.

— Не волнуйся, — ласково сказала Дана. — Мы о ней позаботимся.

— Я так хочу, чтобы у нее все было хорошо, — сказала Элли. — Чтобы она наконец успокоилась.

— А где она сейчас?

— Наверное, на Литл-Бич. Она всегда туда ходит.

Дана кивнула. Она сама, когда хотелось спрятаться подальше от друзей и родных, ходила именно туда. И Дана решила довериться своей интуиции. Отправив Элли в дом, она пошла на поиски Куинн.

Куинн слышала ее шаги. Она сидела за валуном и писала в дневник, а когда послышался хруст веток и шорох листвы, сразу догадалась, что это тетя Дана.

Между ними всегда, с самого рождения Куинн, существовала магическая связь. Тетя Дана баловала ее, как могла. Привозила ей фантастические подарки: французские платья, белые кожаные сапожки, игрушки, каких не было ни у кого. И как только Дана переступала порог дома, первой в ее объятия мчалась Куинн.

— Куинн! — крикнула тетя. — Я знаю, что ты здесь.

Куинн вжалась в камень — ей хотелось слиться с песком, раствориться в тени. И, сунув дневник под мышку, она бросилась копать под валуном ямку.

— Куинн...

Куинн, выйдя из-за камня, столкнулась лицом к лицу с тетей Даной.

— Я так и думала, что ты здесь, — сказала тетя невозмутимо. — Я тоже часто сюда ходила.

— Сюда все ходят, — холодно сказала Куинн.

— Сейчас здесь больше ни души. Только мы.

— Всего на три дня.

— Куинн, мы же не навсегда уезжаем. Будем приезжать, когда ты захочешь.

— Каждый день, да? Я хочу бывать здесь каждый день.

— Это для всех нас трудно. Я никогда раньше не была матерью.

— И не стала ей.

Дана ошарашенно тряхнула головой:

— Не забывай, твои родители назначили меня вашим опекуном. Когда я узнала об этом, я думала вернуться в Хаббардз-Пойнт. Хотела переехать сюда навсегда. Думала, так будет лучше для всех.

— И что же произошло? — спросила Куин дрожащим от волнения голосом.

Было время прилива. Еще несколько минут, и вода дойдет до того места, куда она спрятала дневник.

— Мы с Лили так любили этот пляж, — сказала Дана, глядя по сторонам. В глазах у нее стояли слезы. — Так любили... Я помню здесь каждое дерево, каждый камень. И без нее мне невыносимо тяжело смотреть на это. Если я буду жить здесь, где все напоминает о Лили, я сойду с ума.

Куинн слушала ее через силу. Да, она понимала, о чем говорила Дана, но для нее самой все было ровно наоборот. Она боялась уезжать из Хаббардз-Пойнта, боялась потерять дорогие воспоминания.

Куинн молча смотрела, как Дана взобралась на валун и раскинула руки навстречу ветру. Она долго так стояла, и Куинн успела достать спрятанный дневник и сунуть его за пояс.

Тетя стояла и смотрела на море, на пляж, на лесную тропу, и мысли ее были далеко-далеко, в их с Лили детстве и юности, прошедших именно здесь.

А Куинн думала о своем: о том, что это место ее, ее и ее семьи. И другого такого на земле нет.

— Я во Францию не поеду, — сказала Куинн твердо.

Сэм Тревор принял экзамены, послал электронные письма Джо и своим коллегам в Новую Шотландию, чтобы уточнить летние планы. Но его не покидало чувство, что нечто важное так и осталось несделанным. А голос Огасты словно нашептывал на ухо советы.

Поэтому в четверг, в тот день, когда Дана с девочками должны были улетать во Францию, Сэм отправился в Хаббардз-Пойнт. Автострада была забита, ехать пришлось медленно, и он боялся, что опоздает попрощаться с Даной.

Ну и что с того? Он для нее всего лишь маленький мальчик из далекого прошлого. Но он знал, что обязательно должен по-

говорить с Даной. Дана сказала, ему не понять, каково ей, но он считал, что все понимает.

— Все готовы? — спросила Дана, взглянув на часы.

— А Кимба где? — испуганно спросила Элли.

— Не волнуйся, — ответила Марта, — мы его обязательно найдем.

— Какая ты еще малявка, — презрительно фыркнула Куинн. — Переживаешь из-за какого-то куска плюша.

— Он не кусок плюша! — возмутилась Элли.

— Да неужели? Старый, облезлый...

— Заткнись! — завизжала Элли. — Не смей так говорить! Мне Кимбу мама подарила. Без него я никуда не поеду.

— Конечно, ты без него не уедешь, — сказала Марта и взяла Элли за руку. — Пойдем поищем как следует. Может, ты оставила его в кровати?

— Я там уже смотрела, — ответила Элли, идя за бабушкой по лестнице.

Дана и Куинн смотрели им вслед.

— Вот что ждет тебя во Франции, — сказала Куинн. — Элли впадает в истерику по десять раз на дню.

— А я ничего особенного в ее поведении не нахожу.

— Это ты к чему?

— Я припоминаю куклу по имени Ариэль. Она была твоим Кимбой. Ты ее из рук не выпускала, засыпала только с ней.

Куинн поджала губы.

— «Русалочка» был твоим любимым мультфильмом. Ты была готова смотреть его с утра до ночи. Как-то раз мы с твоей мамой поехали в супермаркет и увидели ее в витрине.

Куинн вздрогнула. Дана заметила это, но решила, что трогать девочку не надо. Она на взводе, ей трудно это дается — прощание с детством, прощание с родным домом. Дана затаив дыхание ждала, что будет дальше. Ах, если бы Лили могла подсказать ей нужные слова.

Но слов не нашлось, и момент был упущен. Куинн, чуть не разрыдавшись, кинулась прочь из комнаты. Дана пошла на кухню. Она ждала машину и думала о том, почему именно сейчас решение уехать кажется ей совершенно неправильным.

Куинн упала ничком на кровать. Из коридора доносился плач сестры. Бабушка пыталась ее утешить, обещала, что найдет Кимбу и пришлет во Францию.

— Я без него не уеду! — кричала Элли. — Ни за что!

У Куинн от ее плача разрывалось сердце. Она с трудом сдерживалась, чтобы не побежать вниз и все исправить, но она знала, что поступает так для блага Элли. Куинн скатилась с кровати и упала на свой чемодан. Расстегнув с одного угла молнию, она засунула руку внутрь и вытащила обоих — русалочку Ариэль и Кимбу, обожаемого львенка Элли. Она прижала обе игрушки к лицу и почувствовала аромат их с Элли детства.

Тетя Дана, решив поучаствовать в поисках, поднялась наверх. Голос у нее был взволнованный. Машина до сих пор не пришла.

— А ты позвонила проверить? — спросила бабушка.

— Сейчас позвоню, — ответила тетя Дана.

— Я без него не поеду, — рыдала Элли.

Куинн знала: действительно не поедет. Поэтому еще крепче прижала к себе Кимбу. Тут дверь распахнулась, и в комнату вбежала Элли. И словно ищейка, напавшая на след, кинулась к Куинн и выхватила у нее Кимбу.

— Так я и знала! — завопила она. — Знала, что это ты!

— Куинн, ты меня очень огорчила, — сказала появившаяся в дверях бабушка.

— Дура ты! — шепнула Куинн Элли. — Все могло так здорово получиться. А теперь нам придется ехать.

— Чего? — переспросила Элли, прижимая к груди Кимбу.

— Возникла проблема, — озабоченно сказала тетя Дана, входя в комнату. — В агентстве все перепутали. Заказ мой есть, но диспетчер забыл выслать машину.

— Ур-ра! — закричала Куинн.

— Мам, ты можешь нас отвезти?

— Радость моя, я боюсь нью-йоркских аэропортов.

У Куинн в душе снова шевельнулась надежда. Все получится, никуда они не уедут.

И тут Элли, выглянув в окно, сказала:

— Он здесь.

— Кто? — спросили все хором.

— Ну, этот ваш водитель, — ответила Элли.

Дана подошла к двери, и Сэм сразу заметил, какой усталый и растерянный у нее вид. За ней стояли две девочки, раздраженные и испуганные, а чуть позади — пожилая женщина.

— Я не мог не зайти, — сказал Сэм. — Хотел с тобой попрощаться.

— А мы никуда не едем, — сообщила старшая девочка. — Такси не приехало.

— Сумасшедший день, — сказала Дана, готовая расплакаться. — Никто не желает делать того, что нужно.

— Такси не приехало, — повторила та же девочка.

— Никто не желает? — переспросил Сэм Дану.

— Никто... А ведь все не так просто. Я купила билеты. Дорогие. Может, мы и не хотим уезжать, но и оставаться здесь не можем. Во всяком случае, я.

— Вы нас отвезете? — спросила девочка помладше.

— Заткнись ты, дура! — зло бросила девочка с косичками.

Этого у Сэма в планах не было, но идея ему понравилась.

— С удовольствием. Если ваша тетя не возражает.

— Сэм, ты совершенно не обязан...

— Знаю. Но с радостью вам помогу.

— Разреши ему, — сказала младшая.

— Тупица! — зашипела вторая.

— Ну, хорошо, Сэм. Ловим тебя на слове, — сказала Дана. — Тащите свои вещи в машину.

Сэм разговаривал с девочками о море, спрашивал, не приходила ли им в голову мысль стать океанографами. А Дана никак не могла успокоиться — сердце бешено билось и готово было выпрыгнуть из груди.

Она смотрела из окна машины на свой любимый Коннектикут. Здесь всю жизнь прожила ее сестра, и Дана приезжала сюда при первой же возможности. Однако ее всегда тянуло путешествовать. Калифорния, Греция, Франция: новые моря, новые берега, новые дома. Да, Хаббардз-Пойнт она любила, но и свободу свою ценила.

У нее был талант художника, и это накладывало на нее определенные обязательства. «Если у тебя есть дар, — говорила она своему протезе, — ты должен быть готов пожертвовать многим». Джонатан...

— А какой он, Онфлёр? — спросил Сэм.

— Там просто замечательно, — ответила она, и слова ее были обращены не только к Сэму, но и к племянницам. — Старинный порт с высокими узкими домами, с трех сторон обступаемыми гавань. Уличные кафе, где можно поесть блинчиков, выпить яблочного сидра, фруктовые сады на холмах. Там потрясающее освещение — мечта любого художника.

— Мы не художники, — напомнила ей Куинн.

— А кто же? — спросил Сэм, взглянув на нее в зеркало заднего вида.

— Я еще не знаю. Мне только двенадцать лет.

Сэм засмеялся:

— Человек с такой прической наверняка знает, кто он. — Каштановые волосы девочки по-прежнему были заплетены в шестьдесят три косички.

— А что такого с моей прической?

— Да ничего. Мне нравится. Только не говори, что выбрала ее без всякой причины. Вот я, например, в детстве любил носить очки. Мне казалось, что так я больше похож на ученого.

— Он и правда в детстве выглядел как настоящий ученый, — подтвердила Дана.

— Ты так давно его знаешь? — изумилась Куинн.

— Я тогда был младше, чем ты сейчас, — сказал Сэм. — Мне было восемь лет. Я знал обеих — и Дану, и вашу маму.

Воцарилась тишина. Дана слышала, как колотятся сердца обеих девчонок. Первой заговорила Куинн:

— Вы знали нашу маму?

— Знал. Она учила меня ходить под парусом. Она и ваша тетя. С тех пор я все время плаваю. В прошлом году купил «Кейп-Дори», в ней и живу. Приедете из Франции погостить, я вас покатаю.

— Я больше не хожу в море, — громко сказала Куинн.

— И я, — сказала Элли.

Дана заметила, как Сэм покраснел, и поняла, что он подумал о Лили.

— А я бы с удовольствием походила на твоей яхте, — сказала Дана. — Хочу посмотреть, многому ли ты научился за эти годы. И помнишь ли то, чему учили тебя мы с Лили.

— Вы были такие строгие. С виду милые девушки, но перекинешь не так парус, и весь день отрабатываешь упражнение на берегу.

— Я до сих пор строгая, — улыбнулась Дана. — Спроси моих учеников-французов. Я ведь там не только живописью занимаюсь.

А сама подумала: живописью-то как раз и не занимаюсь.

В аэропорту Сэм поставил машину на стоянку. Дана думала, что он попрощается с ними у входа, но с благодарностью поняла, что он решил проводить их. Он отнес их багаж, только Куинн не выпускала из рук свой чемодан.

На регистрации Куинн отказалась ставить его на весы.

— Это ручная кладь, — заявила она. — Папа брал этот чемодан в деловые поездки и говорил, что это ручная кладь.

— По-моему, так оно и есть, — сказал Сэм.

— Ну хорошо, — согласилась Дана. — Ручная так ручная. Объявили посадку.

— Ну вот, — сказал Сэм. — Вам пора.

Он проводил их до таможни.

— Удачи вам, — сказал Сэм и посмотрел на нее с такой нежностью, что Дана и сама вдруг поверила: все у них будет хорошо.

— Спасибо. И еще спасибо, что выручил нас.

Он нерешительно шагнул к ней и обнял. Объятие было кратким, но Дана показало, что сила его рук способна защитить ее. Обернувшись к племянницам, она взглянула на их насупленные лица.

— Идемте, девочки. Франция ждет нас.

Дана, чувствуя на себе взгляд Сэма, повела девочек за собой. Они отстояли очередь, поставили вещи на ленточный транспортер. Пока их просвечивали рентгеном, Дана с племянницами проходили через металлодетектор. Вот и еще один шаг к Франции, к ее мастерской.

Она помахала Сэму в последний раз и тут увидела, что таможенник открывает чемодан Куинн.

— Что-то не так? — спросила Дана.

Куинн побледнела и кинулась к чемодану.

— Не трогайте! — крикнула она.

— Может быть, ты объяснишь, что там? — спросила охранница.

— Не смейте это трогать!

Таможенники осматривали металлическую урну, которую они достали из чемодана Куинн, а Дана подошла к племяннице и обняла ее.

— Куинни, детка моя, — сказала она. — Все в порядке. Не переживай.

— Мама... папа... — выдохнула Куинн.

— Бабушка, когда об этом узнает, тебя убьет, — сказала Элли.

— Мы не были готовы... мы не были готовы развеять прах по ветру. Не могла же я оставить его...

— Прах? — нахмурилась охранница. — Вы имеете в виду останки?

— Будьте добры, отдайте это мне, — попросила Дана.

Забрав урну, Дана передала ее Куинн, и девочка крепко прижала ее к груди. По ее щекам текли слезы.

— Проходите, — сказала охранница.

Дана, схватив сумку и взяв за руки племянниц, вдруг услышала голос Сэма:

— Я здесь, Дана!

Он стоял у загородки, широко раскинув руки.

— Тетя Дана, мы не в ту сторону идем, — сказала Элли.

А Куинн только всхлипывала и прижимала к груди урну.

Дана не могла вымолвить ни слова. Молча посмотрев на племянниц, она пошла навстречу веренице пассажиров, направлявшихся на посадку.

— Мы на самолет опоздаем, — сказала Элли.

— По-моему, это твоя тетя и имела в виду, — сказал Сэм, когда они вышли из-за загородки.

Элли тихонько ойкнула, а Дана крепко обняла Куинн. И в тот же миг поняла, что с жизнью свободной художницы покончено.

Сэм повез Дану с девочками обратно домой. Небо еще было светлым, но на дорогу ложились густые тени.

— Почему ты передумала? — спросил он Дану.

— Из-за Куинн, — прошептала Дана. — Когда они открыли ее чемодан, у нее был такой взгляд...

— Но вас же пропустили.

— Да.

— Так почему ты изменила решение?

Дана уставилась в окошко. Уже темнело, и из леса к дороге выходили олени.

— Потому что поняла: ей нужно остаться здесь, в родительском доме.

Сэм покосился на Дану. Она широко раскрытыми глазами смотрела куда-то вдаль. Элегантная стрижка, в каштановых волосах пробивается легкая проседь. Черные брюки, пиджак — настоящая художница, отправляющаяся в Европу.

Он откашлялся. Ему необходимо было задать еще один вопрос — он не хотел ее мучить, просто пытался разобраться.

— А почему ты решила, что сможешь?

— Потому что Лили могла, — шепнула Дана.

— Лили?

— Лили занималась девочками, а я — только собой. Я думала, что не сумею жить в Хаббардз-Пойнте, в доме Лили. Думала, получится приучить их к той жизни, которую вела я. Дети, они ведь легче привыкают. Но когда я увидела глаза Куинн...

Сэм кивнул.

Дана с матерью долго сидели и пили чай, а девочки играли во дворе. В машине они выспались и теперь носились туда-сюда, рисовали фонариками узоры в ночном небе.

— Как только вы уехали, я обнаружила, что урны нет, — рассказывала Марта. — Впрочем, это не важно. Важно то, что ты здесь. И девочки здесь. Смотри, сколько звезд высыпало. Лето будет замечательное.

— Замечательное! — подхватила Элли, услышав последнее слово. — А Сэм мне нравится! — крикнула она, продолжая носиться кругами по двору.

— Сэм-Сэм-Сэм, океанограф, мэм! — запела Куинн.

— Да, — вздохнула Марта. — Очень милый молодой человек. Спасибо ему, что привез вас обратно. Я безмерно счастлива, что вы не сели в самолет.

— Пожалуй, и я этому рада, — сказала Дана.

Ранним утром в Хаббардз-Пойнте всегда прохладно. Дана, собравшейся насыпать зерна в птичью кормушку и полить грядку с травами, пришлось надеть свитер. Она ходила по двору и слушала, как просыпается Пойнт, как галдят на берегу чайки и крачки. Элли сидела на ступеньках, ела хлопья и тихонько мурлыкала что-то себе под нос. Куинн, как и все четыре предыдущих утра после их несостоявшегося отъезда, молча отправилась на Литл-Бич смотреть, как восходит солнце.

Урна с прахом вернулась на свое место на каминной полке. Мать переехала к себе. Элли не расставалась с Кимбой ни на минуту. Куинн почти весь день проводила в лесу или на берегу. Дана думала о своих картинах и о том, когда же ей удастся съездить во Францию.

Они с девочками обучались правилам совместной жизни и старались вести себя как обычно, хотя никакого «как обычно» быть еще не могло.

Дом, в котором прошло детство Даны, стал за эти годы домом Лили. В комод лежали ее простыни и ее полотенца. В кухонных шкафчиках стояли ее кастрюли и сковородки.

Лили в отличие от Даны не захотела менять путь, обозначенный с детства. Семейная жизнь, домашние хлопоты, муж и дети. Искусство — занятие эгоистичное: Дана всегда должна была следовать велениям своей музыки.

Она встречалась с мужчинами, с удовольствием общалась с ними, иногда вступала в более тесные отношения. Но потом на нее накатывало вдохновение, она ночь напролет стояла у мольберта и искала нужный оттенок синего, а потом весь день отсыпалась, не ехала на пикник или на морскую прогулку, пропускала ужин с заказчиком или визит к родителям возлюбленного. Никакой мужчина не мог такого понять.

Пока не появился Джонатан.

Поначалу он вел себя так, что у нее и мыслей не возникало об интимных отношениях. Он смотрел, как она работает, гово-

рил, какая она потрясающая художница, да к тому же самая красивая женщина во всей Франции. На Моник, позировавшую Дане, он и не глядел. Только на Дану.

Как давно это было! Вьетнамская девушка теперь ей не подруга, а Джонатан — не любовник. Дана не могла больше им доверять.

Когда солнце было уже высоко, вернулась Куинн. Постаравшись остаться незамеченной, она проскользнула в дом. Дана пошла следом и увидела, что Куинн шарит по кухонным полкам.

— Хочешь, я приготовлю тебе завтрак? — предложила Дана.

— Да чего там! — бросила Куинн. — Я обычно ем гранолу. Ее бабушка покупает. Наверное, на прошлой неделе не купила. Решила, что мы...

— Уедем во Францию, — договорила за нее Дана, которой вдруг до смерти захотелось выпить кофе со сливками и съесть бриошь.

Куинн покраснела и потянулась за коробкой хлопьев.

— Пустяки, — пробормотала она. — Поем хлопьев, как Элли. Она возражать не будет.

Дана кивнула.

— Ты запиши гранолу в список покупок.

— Хлопьями обойдусь, — пожала плечами Куинн.

Дана отхлебнула кофе. Перед предполагаемым отъездом Куинн вела себя отвратительно. А теперь была мила и приветлива, словно боялась: один неверный шаг, и тетя передумает, увезет их следующим же самолетом во Францию.

— Почему ты каждое утро уходишь? — спросила Дана. — И в такую рань. Мы с Элли еще спим.

— Я вас бужу? Извините.

— Да нет, что ты. Я просто хотела побольше о тебе узнать.

И тут в лице Куинн проступило знакомое раздражение.

— А что тут узнавать? Мне нравится смотреть на восход, вот и все.

— Мне тоже нравится. Я очень люблю рисовать на восходе.

— А я люблю...

— Что? — наклонилась к ней поближе Дана.

Ей хотелось научиться понимать племянницу. У этой девочке столько секретов и тайн.

— Ты точно такая же, как мама, — грустно вздохнула Куинн.

— Разве это плохо?

— Ты художница. Все говорят, какая ты свободная и независимая. Я и решила, что ты счастливее, что тебе довольно самой себя и ты не станешь каждую секунду за мной следить.

Дана не нашлась что ответить.

— Я не хотела тебя обидеть, — поспешно сказала Куинн.

— Почему ты сказала, что я счастливее? Мама что, была несчастна?

— Нет. Счастлива. Да это я так... Забудь, — сказала Куинн и вышла из кухни. А Дана смотрела ей вслед.

Куинн не хотелось обижать тетю. Но она вовсе не собиралась ничем с ней делиться. Зачем? С того момента, как они уехали из аэропорта, Куинн испытывала только радость и благодарность и очень старалась ни с кем не портить отношения. Она каждое утро убирала свою постель, старалась не дразнить Элли. Когда кончилась гранола, она без капризов перешла на хлопья.

Но сегодня утром она едва не взорвалась. Они сидели на кухне — как когда-то сидели с мамой, и Куинн чуть было не сказала, что очень любит на восходе писать в своем дневнике. А вот это уж точно было бы глупостью. Проще было бы отдать тете Данае дневник и разрешить его почитать.

Куинн бродила по дому. Тетя Дана повела Элли на берег — записать на занятия по плаванию, и Куинн поискала их в бинокль. Вон они, там, далеко на пляже, идут с мамашами и детками, приехавшими сюда на лето. Не важно, что Элли отлично умеет плавать. По семейной традиции, установившейся, когда мама с тетей Даной были маленькими, положено было ходить на занятия, пока тебе не исполнится десять. Чтобы научиться выходить из любых непредвиденных ситуаций.

Вот поэтому-то Куинн и знала наверняка: это был не несчастный случай. Она отлично помнила мамины рассказы о том, как они с тетей Даной плавали на остров Шелтер, как однажды доплыли аж до Ориент-Пойнта.

Так почему же мама Куинн, которая легко могла переплыть десятикилометровый пролив, утонула так близко от берега? Вон там, сразу за буйками...

Куинн знала почему. Она хранила эту тайну в сердце и в дневнике.

Ох, если бы она начала вести дневник чуть позже! А мама его прочитала. У Куинн в ушах стоял ее голос. Ласковый голос, объясняющий Куинн про то, о чем она написала. Куинн, пунцовая от смущения, слушала маму, еле сдерживая обиду. Она не простила, и мама тоже не простила.

А через два дня родителей не стало.

Куинн не знала подробностей; она не могла представить себе, как это случилось. Но была убеждена: родители сделали это нарочно. Дали морской пучине поглотить себя.

На берегу ярко светило солнце. Вода, кругом вода. Лучи, отразившись в волнах, плясали по зеркалам и рамкам картин. Кто может знать правду?

Там плавают русалки, говорила мама, когда Куинн была маленькой. С волосами из водорослей и рыбьими хвостами. Они играют с омарами, ловят устриц, находят жемчуг и приносят его домой своим мамам. В полнолуние они раскидывают в море сети, ловят серебристых рыбок и вплетают их в волосы.

Куинн вспомнила о русалках, но знала, что они на ее вопросы не ответят. И тут она подумала об океанографах.

— Сэм-Сэм-Сэм, океанограф, мэм! — прошептала Куинн.

Скорее бы тетя встретилась с ним снова.

Обойдя весь дом, она вернулась наверх, в коридор, где у стены стояла папина ракетка. Куинн схватила ее, кинулась в свою комнату и там принялась колотить по всему, что попадалось под руку. Матрац, подушка, одеяло, лампа на ночном столике. Она била не глядя, словно хотела выколотить из комнаты ответы, которые были ей так необходимы.

Глава 4

Сэм лежал, жарясь на солнышке, и выжимал штангу. Под ним поскрипывала палуба, и он подумал, не выйти ли в море. Но вместо этого добавил еще десять килограммов к прежним восьмидесяти и продолжил занятия.

Его яхта стояла на якоре неподалеку от Нью-Хейвена, в Стони-Крик. Утром он прошел на веслах пятьсот метров до городской пристани, пробежал десять километров, выпил кофе с бубликом и вернулся обратно. Ему нужно было кое-что почитать и написать статью, но вместо этого он взялся за штангу.

Серая футболка Сэма намокла от пота.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, — считал он.

Детство у Сэма было нелегким: он вырос в семье, где считали каждый цент, где не хватало то на еду, то на квартплату, и горько завидовал тем, кто имел все и без всяких усилий. В Куинн Грейсон Сэм безошибочно угадал несчастного ребенка. Он увидел это в глазах Куинн и сразу представил все, через что предстояло пройти Дане. И он решил помочь ей. Ему надо было проанализировать наблюдения за дельфинами, присланные из Бимини, надо было поехать на конференцию в Новую Шотландию. Но он все отменил.

В каюте зазвонил телефон, и он догадался, кто это, еще до того, как включился автоответчик. В голосе прозвучала напускная храбрость, которой пытались скрыть неуверенность и робость. Сэм ошарашенно выслушал приглашение. Лучшего он и пожелать не мог.

Дана поднялась наверх с корзиной — хотела собрать грязное белье — и увидела в углу шкафа Куинн разбитую лампу. Она встала на корточки и принялась собирать осколки.

Основание лампы было в форме керамической раковины. Лили вылепила его из глины в восьмом классе. Отец сделал из него лампу, которую Куинн забрала к себе в комнату.

А теперь она валялась разбитая вдребезги.

Почему Куинн ее спрятала? Боялась, что ее будут ругать? Размышляя над этим, Дана в который раз подумала, что родитель из нее никудышный.

Она безумно устала от занятий плаванием, на которые водила Элли. Устала стоять на берегу с мамашами и беседовать о клумбах, о теннисе, о женском клубе. Дана привыкла к тишине собственной мастерской, а светские беседы ее пугали — она совершенно не умела их поддерживать.

Собрав белье, она вышла в коридор. На стене висели четыре картинки Лили. Виды Хаббардз-Пойнта зимой, весной, летом и осенью.

Дана вспомнила, как ее всегда тянуло рисовать, но — увы! — она давно ничего подобного не испытывала. Обычно она работала на огромных холстах. Полтора метра на три — чтобы хватило места на все ее чувства. Она представила себе мастерскую, где ее обычно посещала муза.

Когда-то она видела музу и в своей натурщице Моник. Двадцатипятилетняя Моник подрабатывала, где могла, — копила деньги на художественную школу. Глаза у нее были цвета шоколада, спокойные и понимающие, и она умела по полчаса сидеть, запрокинув голову. А еще она была мила и заботлива. Приносила Дана цветы, заваривала чай. Дана относилась к ней как к младшей сестре. А еще в Моник был тот дух свободы, к которому всегда стремилась сама Дана. И, глядя на обнаженное тело Моник, Дана порой с трудом перебарывала смущение.

Джонатан часто приходил в мастерскую и смотрел, как она работает. Моник появилась, когда Дана с Джонатаном уже полгода жили вместе. Для Даны такая жизнь была внове, но Джонатан уверял ее, что это навсегда. И Дана доверилась ему.

— Она не идет ни в какое сравнение с тобой, — шептал Джонатан на ухо Дана, когда та писала обнаженную девушку, опутанную водорослями.

И его поцелуи были тому подтверждением.

— Он тебя обожает, — сказала однажды Моник. — Очень надеюсь, что и у меня появится когда-нибудь такой преданный возлюбленный.

— Непременно появится. Ты редкая красавица, Моник.

Моник пожала плечами и застенчиво улыбнулась. Но у Даны было ощущение, что девушка отлично знает себе цену.

После смерти Лили Моник незачем было приходить. Дана так тяжело переживала утрату, что о работе и речи не шло. Она не могла ни думать, ни рисовать, хотела только спать или лежать в объятиях Джонатана. Она тянулась к нему, надеясь найти в его сильных руках опору и утешение.

— Я потеряла это, Лили,— прошептала Дана, прислонившись к стене. — Я больше не могу писать.

Во всяком случае, здесь. Может, во Франции, в родной мастерской, где нет больше ни Джонатана, ни Моник, она сумеет начать все заново.

И тут зазвонил телефон. Она дождалась, пока включится автоответчик. «Привет, это Сэм. Кажется, наши автоответчики решили друг с другом пообщаться. Очень приятно было получить ваше приглашение. Приеду обязательно. Думаю, к семи успею. Надеюсь, это не слишком поздно. До вечера».

Дана выслушала сообщение, перемотала запись на начало. Сэм придет на ужин? А Дана его не приглашала.

Она пошла по дому в поисках девочек и увидела на холодильнике записку, где почерком Куинн было написано: «Мы ловим крабов на камнях». Дана открыла дверь кухни и хотела бежать за девочками, но увидела, что по холму поднимается Марни Макгрей Кэмпбелл.

Дана знала Марни с рождения. Их матери были подругами. А потом у обеих родились дочери — у Марни было две сестры, и у обеих тоже дочки.

— Женское царство, — говорила Данина бабушка.

Дана обрадовалась несказанно. Протянула руки, и Марни помчалась к ней.

— Поверить не могу, что ты здесь! — воскликнула Марни.

— А я верить не могу, что ты здесь, — ответила, обнимая ее, Дана.

И, словно не было всех этих лет, Дана почувствовала себя шестилетней девчонкой.

— Мы приехали вчера поздно вечером, — сказала Марни. — Я посмотрела на твой дом, но света не увидела, иначе сразу бы прибежала.

— Мы вообще-то должны были уехать во Францию, — сказала Дана.

— Я об этом слышала. Наши матушки очень переживали. Ну, языковой барьер, девочки вдали от дома, и все такое. Я им сказала, ты знаешь, что делаешь, иначе Лили не доверила бы тебе дочерей.

— Эти девочки из меня все жилы вытянули. Особенно Куинн. Я как раз собиралась пойти и задать ей взбучку. Похоже, кто-то из девочек — держу пари, что Куинн, — без разрешения позвал на ужин одного человека. И он придет.

— Кто же это?

— Да она его едва знает. Он когда-то занимался у нас с Лили. Стал океанографом, преподает в Йеле, и в силу случайных обстоятельств именно он в прошлый четверг возил нас с девочками в аэропорт и обратно.

— А... — сказала Марни. — Тогда понятно. Этот человек связан в их сознании с матерью.

С холма подул теплый ветерок, зашелестела листва на дубе. Дана присела на ступеньку каменной лестницы. Марни не сказала ей ничего нового, но почему-то все вдруг встало на свои места.

— А что здесь произошло? — тихо спросила Дана. — Ну, в доме?

Марни не ответила, только молча села с ней рядом.

— Куинн тут на днях сказала, что я счастливее Лили. Разве Лили была несчастна?

— Я знаю немногим больше твоего. Лили была прекрасной матерью, и они с Майком, похоже, любили друг друга по-настоящему. Я часто видела их на берегу. Он купил эту большую лодку...

— А почему она не пользовалась «Русалкой»?

— Наверное, потому, что они много времени проводили на «Сандэнсе». В море она забывала про все сложности с работой Майка. Ничего другого мне на ум не идет.

— Какие сложности? — удивилась Дана.

Марни хотела что-то сказать, но сдержалась. Дана знала, что она терпеть не может сплетен. Может, у Майка были проблемы с деньгами? И поэтому Куинн решила, что мама несчастна?

— Да так, ничего серьезного. Лили как-то вскользь упомянула об этом. Майк занимался проектом, который ей не нравился. Это ее немного расстраивало, вот и все.

Дана рассеянно выдергивала сорняки, росшие у лестницы. В голове крутились мысли: о лодке, о деньгах. Счастье Лили и счастье Майка... Возможно, это было не одно и то же. Что Дана знает о семейной жизни?

Она встала.

— Наверное, надо отменить ужин с океанографом.

— Отменить?

— Думаешь, не стоит?

— Наверное, для того, кто его пригласил, это важно. Может, у Куинн была серьезная причина его позвать.

— Значит, мы предполагаем, что его пригласила Куинн.

Марни только пожала плечами:

— Мне пора — пойду проверю, как там юные ловцы крабов.

— Передай им, пожалуйста, что мне надо съездить за продуктами и я жду их домой. Пусть поймут, что, если они приглашают гостя, его надо чем-то накормить.

Самое удивительное, что Куинн никто не отчитывал. Дана, кухарка из которой была никудышная, мирно возилась на кухне с луфарем, купленным для гостя, которого она не приглашала. Может, решила, что он сам напросился?

Наверное, так.

Куинн и сама до конца не понимала, зачем позвонила ему. Устроив погром в комнате и нечаянно разбив мамину лампу, она в полной прострации отправилась в комнату Даны и залезла к ней в сумку. Нашла номер Сэма, и рука сама потянулась к телефону. А когда тетя Дана объявила, что он приедет, Куинн от стыда не знала, куда себя девать.

Но тетя Дана на нее даже не накричала. И вообще вела себя удивительно невозмутимо. Куинн вдруг захотелось рассказать ей все. Облегчить душу.

Ее волновал только один вопрос: если тетя Дана твердо решила поселиться здесь, почему она не начинает работать? Почему не попросила прислать из Франции свои вещи? И почему не хочет спускать на воду лодку?

Но она воздержалась от расспросов и кинулась помогать. Вымыла и порезала листья салата, показала тете Данае, как мама делала заправку. Помогла посыпать травами рыбу. Но когда тетя Дана попросила накрыть на стол в столовой, ей стало не по себе. В столовой они больше не ели. Бабушка разрешала им уносить подносы с едой в гостиную, а тете Данае нравилось есть в кухне. Столовая напоминала Куинн о родителях.

Когда она ставила на стол хрустальные подсвечники и вазочку из ракушек, руки у нее дрожали.

— Очень красиво, — похвалила тетя Дана, заглянув в комнату.

— Спасибо. — Куинн обошла вокруг стола. — Мы с Элли сидим тут и тут, — сказала она, дотронувшись до стульев, стоявших друг напротив друга. Ты сядешь сюда, а он туда.

— Так неудобно, — сказала тетя Дана. — Нужно поставить стулья по краям стола.

— Нет! — вскрикнула Куинн.

— Куинн, я жила здесь задолго до твоего рождения. Здесь всегда стояли стулья. На одном сидел дедушка, на другом — бабушка.

Куинн замотала головой. Из кухни вышла Элли и встала рядом с сестрой.

— Здесь никто сидеть не будет, — твердо сказала Куинн.

— Куинн, я знаю, это места твоих родителей. Но если мы не поставим стулья как положено, нам вчетвером здесь не разместиться. Понимаешь? Мы будем толкать друг друга локтями.

— И луфарь будет разлетаться во все стороны, — добавила Элли.

— Эл, заткнись!

— Послушай, — сказала Дана. — Мы все помним: это места твоих родителей. Не важно, кто сюда сядет. Это же просто на время ужина. Кто-то окажется на месте мамы, но мы все равно помним, чье оно.

— Что оно мамино?

— Ну да.

Следующий вопрос задать было очень трудно.

— Ты сядешь на мамино место?

— Необязательно. Можно посадить туда Сэма. А я сяду на папино.

Куинн кивнула:

— Но это только на время ужина...

— Как папины дома, — вставила слово Элли. — Люди снимают квартиры, но не навсегда.

— Стулья внаем, — сказала Куинн.

— Вот именно, — подтвердила Дана.

Куинн с трудом сдержала улыбку. Но одновременно ей хотелось плакать. Поэтому, чтобы не дать воли чувствам, она нахмурила брови и строго спросила:

— Если ты решила остаться здесь, то почему не рисуешь? Где твои картины?

— Еще будут.

— Ты художница, а я никогда не видела, чтобы ты рисовала, — сказала Элли.

— Давайте-ка я нарисую именные таблички. Сгодится?

Куинн равнодушно пожала плечами.

На пороге дома Сэм залюбовался пейзажем — за садом и каменной террасой открывался великолепный вид на пролив. Дана открыла дверь, и он улыбнулся ей.

— Привет, — сказала она.

— Привет! — Он протянул ей бутылку вина. — Спасибо за приглашение.

— Добро пожаловать! Рада тебя видеть.

Пропуская Сэма в дом, Дана поцеловала его в щеку. А он, наклонившись к ней, легонько коснулся рукой ее талии. Она выглядела замечательно: за неделю загорела, и в глазах светилось море. Стройная, в бежевых брюках и белой рубашке, она выглядела точно так же, как на пристани в Ньюпорте.

— Ты любишь луфаря? — весело спросила Элли. — Сегодня на ужин луфарь.

— Обожаю. Это одна из самых замечательных рыб.

— Почему?

— Будем есть, покажу, — сказал Сэм и прошел за хозяйками в гостиную.

Пока Дана открывала бутылку и наливала в бокалы вино, Сэм огляделся вокруг. Куинн показала ему телескоп, в который был виден Ориент-Пойнт.

— Океанографы все знают о море, да? — спросила Куинн. — Видят то, чего не замечают другие?

— Пытаемся, — усмехнулся Сэм.

— А например?

— Вон там — Викландская мель, — сказал Сэм, — где мой старший брат Джо отыскал затонувший корабль — «Камбрию».

— Твой брат этим занимался? — спросила Дана, подавая ему бокал.

— Да. Года два назад. Он узнал про золото, достал бóльшую его часть и поднял сам корабль.

— Лили мне об этом рассказывала. Мы еще в школе читали про «Камбрию».

— Твой брат поднял со дна корабль? — спросила Куинн.

Глаза ее лихорадочно сияли.

— Да, — кивнул Сэм. — Он — охотник за сокровищами.

— И ты тоже? — спросила Элли.

— Нет, я просто морской биолог. Джо называет меня рыбьим ученым. Я выхожу в море на исследовательских судах и изучаю все, что плавает.

— Так вот кого мы вытащили когда-то из ньюпортской гавани.

— Вы мне жизнь спасли, — сказал Сэм, глядя на нее.

Девочки, решив, что он преувеличивает, захихикали.

Они еще немного поболтали, и Дана пошла за ужином. Сэм предложил разжечь угли для гриля. Девочки пошли за ним следом, внимательно слушая рассказ о луфаре, о темной полосе у него на брюхе, которая выполняет роль сонара.

— Сонар — это как на подлодках, да? — спросила Куинн. — Нам об этом рассказывали на уроках. Про то, что некоторые существа излучают звуковые волны, те отражаются от поверхностей и их видно на экране.

— Все именно так и есть, — ответил Сэм, прислушиваясь к тому, как возится на кухне Дана.

— А под водой ты умеешь искать? — спросила Куинн.

— Смотря что.

— Я хочу... — начала было Куинн, но тут открылась дверь и вошла Дана с деревянными вилкой и ложкой.

— Поможешь мне? — спросила она Куинн. — Перемешаешь салат?

— Я разговариваю с Сэмом, — ответила девочка.

— Ничего, — сказал Сэм, — потом продолжим, — но сразу понял, что допустил ошибку.

Куинн тут же помрачнела. Похоже, она готова была расплакаться. Но без свидетелей. Ни слова не говоря, она развернулась и помчалась по тропинке прочь от дома.

— Догнать ее? — спросил Сэм.

— Не надо, — грустно вздохнула Дана. — Сама вернется.

— Ей нужно немного побыть одной, — рассудительно сказала Элли. — Она всегда так.

— Ну, давайте за стол, — сказала Дана. — А Куинн я потом все подогрею.

Сэм понял, где его место, потому что Дана поставила там карточку с его именем и картинкой: две девушки вытаскивают из воды маленького мальчика. Интересно, подумала она, что бы сказал Сэм, узнай он, что это первый ее рисунок за много месяцев.

Он съел все и попросил добавки. Дана решила, что это из вежливости, но ей все равно было приятно. Ее беспокоило только отсутствие Куинн. Элли болтала в два раза больше обычного. Сэм задавал множество вопросов и вел себя так, будто о лучшей компании, чем маленькие девочки-сироты и их молча нервничающая тетка, он и не мечтал.

— Как ты научился плавать? — спросила Элли.

— У моего брата была лодка, — ответил он. — Джо утверждает, что, когда я был совсем крошкой, он швырнул меня за борт, и я всю дорогу до пристани плыл за ним следом.

— Правда? — улыбнулась, представив себе эту картину, Дана.

— Наверное. Я умею плавать, сколько себя помню.

— Куинн запросто могла бы устроить мне то же самое, — сказала Элли. — Тетя Дана, можно я поднимусь наверх?

— Конечно. — Когда Элли ушла, Дана перестала улыбаться.

Она поняла, что Элли пошла наверх, чтобы зажечь в окне свет для Куинн — маячок, который будет виден и с Литл-Бич.

— Ты беспокоишься за Куинн? — спросил Сэм.

Дана сидела не шелохнувшись. Вечер подходил к концу. Скоро Сэм уедет, и все войдет в норму. Если только это можно назвать нормой.

— Я знаю, где она, и знаю, что она вернется. — Дана пыталась сделать вид, будто ничего особенного не случилось.

— Ты так замечательно о них заботишься, — сказал Сэм.

У Даны на глаза навернулись слезы.

— Правда... — продолжал он. — Лили бы тобой гордилась. Она знала бы, что ее дочки в хороших руках.

— Очень хочется в это верить, — сказала Дана.

— Не кори себя, Дана. Твоей вины ни в чем нет. Ни в том, что Куинн убежала, ни в смерти Лили.

Она смотрела на свечу и думала, что он ничего в этом не понимает. Ему только двадцать девять, столько же, сколько Джонатану.

— Я посыпала рыбу травами, — услышала она свой голос. — Травами, которые посадила Лили.

— Значит, она тоже участвовала в приготовлении ужина, — сказал Сэм.

Дана взглянула на него через стол. Солнце уже заходило, и небо стало густо-розовым. Силуэт Сэма был озарен закатным светом.

— Приготовлено с любовью, — прошептала Дана. — Так говорила Лили, когда добавляла в кушанья травы.

— Да, это на Лили похоже.

Дана не могла не довериться доброте, прозвучавшей в его голосе. Ей незачем было раскрывать перед ним свою душу, ей надо было забыть, какую боль причинил ей человек почти что его возраста, и она вполне могла воспользоваться предложением Сэма поискать Куинн.

— Я беспокоюсь за нее.

— Понимаю.

— Мне не хочется оставлять Элли здесь одну...

— Я схожу. Ты только скажи куда.

— Знаешь, как пройти на Литл-Бич? По тропинке вдоль берега...

— Знаю, — сказал он, и в глазах его мелькнула легкая тень смущения. — Я хожу этой дорогой, когда возвращаюсь от Огасты.

— А-а-а, — пробормотала Дана и, вспомнив букву «Д» на песке, покраснела.

Они с Сэмом встретились взглядом и тихо улыбнулись друг другу. Он словно догадался, что она это видела, но оба не знали, как об этом заговорить.

— Она наверняка там, сидит на валуне.

— Понятно. Я скоро вернусь.

Он встал из-за стола и вышел. Дана смотрела ему вслед. Из окон дул прохладный ветерок, но лицо у Даны все еще горело.

Только буква «Д» не имела к этому никакого отношения.

Глава 5

Быстро темнело. Куинн ругала себя за то, что не прихватила фонарик. В кармане нашлись спички, и она развела костерок из сухих веток и чистых страниц дневника. Прислонившись к валуну, она торопливо писала:

Он сейчас в доме, а я сижу на Литл-Бич. Почему? Да потому, что я идиотка. Раздражаюсь по пустякам. Ну, попросили меня накрыть на стол. Тетя Дана хотела как лучше, а мне так хотелось переколотить всю посуду. Я тут же вспомнила наш последний ужин, вспомнила, как мы сидели все вчетвером. А шесть часов спустя... нас осталось только двое.

А потом я начала говорить с Сэмом и хотела спросить его о самом важном, а тут пришла тетя Дана со своим дурацким салатом. И это было последней каплей. Ну почему я взбесилась? Я пыталась сдержаться, но...

Куинн перестала писать. По тропинке кто-то шел. Она сунула дневник в пакет и, обернувшись, увидела Сэма.

— Чудесный вечер для прогулок, — крикнул он ей. — Ты пропустила отменный ужин.

— Она меня потом накормит.

— Не уверен, — сказал Сэм, садясь рядом с Куинн. — Очень уж ты стараешься вывести ее из себя. В один прекрасный день ты своего добьешься.

Куинн хмуро поглядывала на него.

— Я тебя отлично понимаю, Куинн. Ты считаешь, что твоя жизнь — полное дерьмо. Я в твоём возрасте думал точно так же.

— Да? А почему?

— Когда-нибудь расскажу. Подробности не важны. Важно то, как я из этого выбирался.

Куинн тяжело вздохнула:

— Все я поняла. Ты пытаешься наладить со мной контакт. Ничего у тебя не получится.

Солнце скрылось за лесом, но на небе еще виднелся отблеск заката. Облака были высвечены золотом, тихую гладь моря заливал красноватый свет.

— Наверное, ты права, — сказал, немного помолчав, Сэм.

— Отлично. С этим разобрались, — тряхнула головой Куинн.

— Ответьте мне на один вопрос, мисс Грейсон. Сначала вы с трагическим видом покидаете сцену, а когда я прихожу за вами, грубите мне. Мне одно непонятно: зачем вы меня пригласили?

— Ну, не знаю... — замялась Куинн. — я думала...

— Не ходи вокруг да около. У меня на это нет времени.

Куинн молча смотрела на пролив. Куда-то вдаль: за буйки, за гряды волн, разбивавшихся о Викландскую мель. Небо теряло цвет, потихоньку наполняясь чернотой. Проглянули первые звезды, но они еще не успели разгореться и в море не отражались.

— Что там? — спросил он.

— Волшебная страна. Земля Большой Охоты.

— Земля? — переспросил он. — Да здесь до самого Лонг-Айленда никакой земли нет.

— А она под водой. Земля под водой.

— Морское дно?

Куинн кивнула.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил он.

— Я бы хотела тебя нанять.

— Нанять? — Он едва сдержал улыбку. — Для чего?

— Я хочу знать, что там, внизу.

Она подумала о сонаре, исследующем дно. Представила себе звуковые волны, которые находят поселения луфарей, китов, русалок. И остатки лодки родителей.

— С этим я помогу, — сказал он.

— Только поскорее, до нашего отъезда. Тетя Дана говорит, что остается, но я знаю: она хочет увезти нас во Францию.

— Почему ты так решила?

Ей показалось или Сэм и вправду немного расстроился?

— Потому, что она не рисует. И в море не ходит. Их с мамой старая лодка так и стоит в гараже. А если бы тетя Дана собиралась остаться, то давно бы спустила ее на воду.

— Я слышал, ты неплохой моряк.

— Раньше была. Теперь я всего этого терпеть не могу. Так я могу вас нанять? И сколько это будет стоить?

— Я должен подумать.

— Ладно. Только у меня два условия. Первое: не рассказывайте о нашем уговоре тете. И никому, кроме меня, не говорите о том, что найдете.

— А что ты хочешь, чтобы я нашел?

— Этого я пока сказать не готова. Ну, договорились?

— Договорились, Куинн.

Они пожали друг другу руки. Сэм встал, и Куинн, хоть они и не условились еще, где, когда и почему, тоже встала и засыпала костер песком.

Дана ждала их у дверей. Куинн шмыгнула в дом, будто ничего особенного не произошло. Вынула из духовки свою тарелку и ушла наверх, в свою комнату, смотреть телевизор. Дана благодарно улыбнулась Сэму.

— Ты нашел ее. Спасибо.

— Не за что.

Кофе был готов. Дана взяла поднос с чашками, молоком и сахаром и отнесла его в гостиную.

— Тебе пора и самому завести детей, — сказала она, присев на краешек дивана. Сэм опустился на стоявший рядом стул. — Ты отлично с ними ладишь.

— Я иногда общаюсь с Клеа и ее семьей. Она сестра моей свояченицы, у нее сын и дочка возраста Куинн.

— Клеа и Каролина Ренвик? Мы с Лили никогда не были в их компании. Бывало, на Файерфлай-Бич устраивали вечеринки, и мы, заслышав музыку, шли тайком на берег — посмотреть. Как две Золушки, любующиеся из-за ограды на бал. Там пили шампанское, танцевали под звездами. Другой мир.

— И для меня другой, — признался Сэм. — Когда Джо женился на Каролине, меня пригласили в дом. Я там поначалу не знал, как сесть, где встать. Только потом понял, что меня искренне считают другом.

— Как будто заглядываешь в чужие окна.

— Вот именно. Я и не подозревал, что вы с Лили чувствовали то же самое.

Она кивнула:

— Я тогда сразу в тебе увидела родственную душу.

Сэм не ответил, но даже в полумраке было заметно, что он покраснел.

— А теперь ты никогда не ощущаешь себя чужой? — спросил он.

— Бывает... — тихо сказала она, глядя в окно. — Художникам это вообще свойственно. Мы не очень вписываемся в обычный мир, поэтому должны создавать свои собственные.

— Твои миры — подводные, — сказал он. — Ну, картины. Этот синий цвет, морское царство, русалка.

— Что? — спросила Дана, вздрогнув.

— Русалка, — повторил он, глядя ей в глаза.

— Ее никто не замечает, — сказала она. — Кроме одного человека...

— Лили?

Дана кивнула:

— Русалок я рисовала для нее. Всегда. Но тщательно их маскировала, чтобы другие не разглядели. Хвост — за водорослями, а туловище — за стайками рыб.

— Я их замечаю потому, что однажды две русалки спасли мне жизнь. В тот день, в Ньюпорте, мне так и показалось. Я пришел в себя и увидел тебя и Лили.

— Лили бы очень понравилось, что ты считал нас русалками, — улыбнулась Дана.

Про то, как это приятно ей, она умолчала.

Стало совсем темно, и она зажгла свечи. Пламя, готовое в любую секунду погаснуть, колебалось на ветру.

— Что ж, уже поздно, — сказал Сэм, ставя чашку на стол. — Во сколько мне приехать?

— Приехать?

— Ну да. Честно признаться, завтра у меня дела. Надо проанализировать данные, полученные с Бимини. В пятницу меня ждут в Йеле, так что лучше всего суббота.

— Сэм, ты о чем?

— Надо же заняться лодкой. Спустить ее на воду.

— Лодкой?

— Той, которая в гараже. Куинн мне про нее рассказала. Море тебя ждет, Дана.

— Мне нужны деньги, — невозмутимо сообщила Куинн.

— На что? — спросила тетя.

— Ты не должна меня спрашивать, — ответила Куинн. — Ты должна мне доверять.

Тетя Дана в соломенной шляпе и темных очках сидела на веранде и просматривала почту. Она вскинула голову и отложила письмо.

— И сколько тебе нужно? — спросила она.

Куинн едва сдержала улыбку. Как, оказывается, все просто.

— Пятьдесят долларов.

— Палатка с хот-догами, — сказала тетя Дана.

— Прости, что?

— Деньги придется заработать. Можно еще разносить газеты, но, если поставить палатку с хот-догами и брать по полтора доллара, продать надо будет штук тридцать с чем-то. На обзаведение я денег выдам.

— Мама никогда не заставляла меня работать, — возмутилась Куинн. — Она мне давала карманные деньги.

— И сколько?

— Пять долларов в неделю.

Тетя Дана достала из сумочки пять долларов и протянула их ей.

— Держи. Осталось заработать сорок пять.

— От кого письмо? — решила сменить тему Куинн.

Она глядела на желтый конверт со штампом «Онфлёр».

— От старого друга, — ответила тетя Дана и снова углубилась в чтение.

Куинн отправилась в дом, подошла к урне на каминной полке. Сюда она приходила каждый день и именно поэтому не хотела, чтобы прах родителей развеяли по ветру. Пусть остаются тут — они так нужны ей.

— У нее во Франции есть друг, — сказала она вслух. — Теперь понятно, почему ее так тянет обратно. А еще мне нужны деньги, чтобы нанять Сэма, и она требует, чтобы я их сама заработала. Ну ладно, я на все согласна, лишь бы выяснить, что с вами произошло.

В субботу Дана встала рано. Сэм должен был приехать к девяти, и она решила разобрать хлам, сваленный в лодке.

Вид у старой лодки был жалкий. Краска облупилась, на днище налипли давным-давно засохшие водоросли. Дана собрала в одном месте скребки, металлические щетки, кисти и только что купленную банку краски.

Она убрала грабли и лопаты, переставила удочки Майка к стене. На лесках все еще висели блесны. Она сняла их и хотела убрать в коробку со снастями. Но коробка оказалась заперта. Это ее удивило. Что там может быть ценного? Ржавые крючки, грузила, поплавки?

Дана подергала латунный замочек, но он не поддавался. Дана озадаченно отставила коробку в сторону, решив заняться ею позже.

Вскоре появился Сэм. Готовый к малярным работам — в старой футболке и шортах.

— Экипирован профессионально, — улыбнулась Дана.

— Я свою лодку крашу каждый год, — сказал он. — Это непременный весенний обряд.

Некоторое время они работали молча, соскребали ракушки и водоросли, а потом одновременно с двух сторон подошли к корме. Там на транце красовалась русалка с двумя хвостами.

— Твой тайный знак? — сказал Сэм. — Ты и тогда рисовала русалок?

— Мы обе рисовали, я и Лили.

— Давай не будем ее трогать, — предложил Сэм.

Дане до сих пор было трудно смотреть на русалку, которую они рисовали вместе с Лили. Она подумала о всех своих картинах, о спрятанных на них русалках. Они должны были быть ангелами-хранителями, должны были оберегать от морской пучины.

Сэм снова взялся за работу. Он с усердием скреб лодку, и куски краски летели во все стороны. Руки у него были в синих чешуйках. Под футболкой играли крепкие мускулы.

Наконец приступили к покраске. Люди, проходившие мимо, замедляли шаг — смотрели, что происходит. Одни здоровались, другие проходили молча. Марни, садясь с девочками в машину, крикнула: «Привет», помахала рукой и уехала.

— Хорошие у тебя соседи, — сказал он.

— Здесь все друг друга знают.

— Ньюпорт тоже когда-то был таким. Помнишь?

— Помню. Там было здорово. После работы мы ходили гулять к верфи.

— Я как-то раз видел вас там, — сказал Сэм. — Вы с Лили сидели в «Черной жемчужине».

— Мы прилично себя вели? — спросила она, живо представив себе то уличное кафе.

— Вы были центром внимания, — рассмеялся он. — Парни к вам так и липли. Помню, я волновался, не возьмете ли вы кого-нибудь из них в море — вместо меня.

— Да ты что! Они с тобой ни в какое сравнение не шли. Ты, Сэм, был неотразим.

Подняв глаза, она заметила, что Сэм прекратил работу.

— А знаешь, — сказал он, — было время, когда я все бы отдал, чтобы услышать такое.

— Когда тебе было восемь лет? — улыбнулась она.

— Нет, позже. Я был гораздо старше, а ты тогда жила в Виноградниках.

Дана изумленно уставилась на него. Откуда ему было знать, что она жила в Виноградниках?

Подъехали на велосипедах девочки. У Куинн в корзинке лежали пачки сосисок и горчица. А у Элли — бумажные тарелки и салфетки.

— Мистер Портер из магазина подарил нам бутылку кетчу-па за то, что мы у него столько купили! — сообщила Элли.

— Кажется, нам с вашей мамой он подарил то же самое, когда мы взялись продавать хот-доги.

— Значит, открываете торговлю хот-догами? — спросил Сэм.

— Ага, завтра! — ответила Элли. — Развесим объявления по всему пляжу. Нам нужны деньги на одно хорошее дело. Куинн мне не рассказывает, на какое, но говорит, на хорошее, и я ей помогаю.

Дана ждала, что Сэм тоже спросит и услышит в ответ, что его это не касается, но он промолчал.

— А я не знала, что ты сегодня приедешь, — сказала Куинн.

— Я подумал, что пора вашей тете выходить в море. Вот и явился.

Куинн слезла с велосипеда.

— А завтра приедешь? Сосисок купить?

— Очень постараюсь, — ответил он.

Куинн достала из корзинки почту и протянула ее Дана. Там был и конверт с сине-красной каймой — от Джонатана. Они с Элли молча понесли покупки в дом.

— Спасибо тебе, Сэм, — кивнула на лодку Дана. — Ты мне здорово помог.

— У меня на сегодня не было особых планов. — Он положил ей руки на плечи, заглянул в глаза. — У моряка должна быть лодка. Можно задать тебе один вопрос? Почему ты ко мне так настороженно относишься?

— Жизнь преподала мне хороший урок, — сказала она, вертя в руках письмо Джонатана. — Научила тому, что люди не всегда такие, какими кажутся.

— Не всегда же так бывает, — сказал Сэм.

Дана не стала спорить. И только когда он уехал, вдруг вспомнила, что он упоминал о Виноградниках, а она так и не поняла, откуда он узнал, что она там жила.

Сколько лет прошло... Они с Лили жили в Гей-Хеде, а потом Лили повстречала Майка, человека с острова. Он был плотником, пришел к ним починить сломанные перила. Лили в него влюбилась, и полгода спустя на холме, который называли Жимолостным, небольшом пригорке, поросшим цветами и виноградом, он сделал ей предложение. «Это священное для нас место!» — объявила тогда Лили. Куинн была зачата и рождена на том острове.

Майк, всю жизнь проживший в Виноградниках, долго не хотел уезжать с острова. Но работа там была в основном сезонная, и Лили уговорила его перебраться в Хаббардз-Пойнт. И тогда он занялся торговлей недвижимостью, открыл свою фирму. Иногда старые приятели просили у него работу. Кто-то был согласен уехать с острова, кто-то отказывался наотрез. Но там Майку строить не разрешали. Лили обожала остров, его дикую природу, и взяла с Майка слово, что на этой земле новостроек не будет.

Интересно, а чем он занимался в последний год, подумала Дана и присела на ограду читать письмо Джонатана. Он спрашивал, нужны ли ей вещи из мастерской. Краски, холсты — неужели она так все бросит?

Дана скомкала письмо и стиснула кулаки.

На следующее утро пошел дождь и лил четыре дня. В первый день Куинн паниковала, на второй впала в отчаяние. Те объявления, которые не смыл дождь, сорвал ветер. Сосиски, горчица и кетчуп полежат, но что делать со свежими булочками?

— Они зачерствеют, — сказала она. — Или заплесневеют.

— Вовсе нет! — заявила тетя Дана и, положив их в пакет, убрала в морозилку. — Все будет хорошо. И тебе хватит денег купить то, что ты хочешь.

Куинн закрыла глаза. Купить ей хотелось только одно. Ответ. Ответ на один-единственный вопрос.

— Хочешь чаю? — спросила тетя Дана, обняв Куинн за плечи. — Сядем с тобой у окна и будем ждать, когда кончится дождь.

— Нет, спасибо. — Куинн попыталась изобразить улыбку.

Как только тетя Дана вышла, она кинулась на улицу — побежала прямо под дождем к своему камню на Литл-Бич.

Глава 6

В дверь постучали. Дана — она сидела в гостиной и дописывала письмо — крикнула: «Входите!» В комнату заглянула Марни. Ее желтый плащ блестел от дождя, и она боялась забрызгать пол.

— Да ладно тебе, — сказала Дана. — В мокрых купальниках здесь ходят. Так что дождь нам не страшен.

Марни рассмеялась и повесила плащ на крючок у камина.

— И то правда. Как же нам повезло, что у нас есть дома у моря.

Она окинула взглядом комнату — все те же потемневшие от времени деревянные панели, та же старая плетеная мебель.

— И наши деды, которые их построили.

— И молодые красавцы моряки в пропотевших футболках, которые красят лодки.

— А-а-а... — Дана слегка покраснела. — Это просто Сэм.

— «Просто» Сэм? А мне он таким уж простым не показался.

— Я его очень давно знаю. Мы с Лили учили его ходить под парусом. Тыщу лет тому назад.

— Вот и отлично. Значит, вам легко будет узнать друг друга получше.

Дана промолчала. Марни права. Очень важно узнать другого человека по-настоящему. Только на это уходят годы. Молодые люди себя-то толком не знают. Так как же им понять кого-то еще?

Сэм ей казался человеком глубоким, не похожим на своих сверстников, он ко многому относился так же, как она и девочки. Но вдруг это всего лишь видимость?

— Во всяком случае, — продолжала Марни, — вы с Сэмом неплохо смотрите вместе. И у меня создалось впечатление, что вам хорошо друг с другом, весело. А в жизни веселье необходимо.

— Знаю, — ответила Дана, глядя в окно.

— Надеюсь, тебя не останавливает его возраст? Старше, младше — кому какое дело?

— Нет, возраст имеет значение, — сказала Дана. — Мой последний возлюбленный был младше меня на десять лет. Я тогда сказала себе: да какая разница? У нас столько общего. Он тоже художник, мы вместе путешествовали, ставили этюдники на берегу и писали — Босфор, Эгейское море...

— Идиллическая картина.

— Но после смерти Лили все изменилось. Писать я была не в силах; бывало, целыми днями вообще не вставала с постели. А Джонатан никак не мог понять, что со мной. Поначалу пытался, но у него терпения не хватило.

— Думаешь, дело в возрасте? Или в характере?

Дана молчала. Что-то подсказывало ей, что Сэму в такой ситуации терпения хватило бы, он дал бы ей время разобраться с собой и своими чувствами. А Джонатан хотел, чтобы она жила так, будто ничего не изменилось.

— Тебе надо забыть об этом, — говорил он. — И я готов тебе помочь.

— Как я могу забыть о гибели Лили? — крикнула она, когда Джонатан предложил поехать рисовать в Париж.

— Дана, это же твоя жизнь! — заорал он в ответ. — Твоя, а не чья-то еще. Она умерла два месяца назад, а ты все еще целыми днями валяешься в постели. Хочешь спрятаться от мира? Этим ты ее не вернешь.

Дана вспомнила, как однажды утром Джонатан сказал, что звонила Куинн. Дана тут же перезвонила и слушала, как Куинн рыдает в трубку.

Джонатан пытался утешить Дану. Но она не могла с собой справиться, и он сказал, что поживет некоторое время отдельно. Так будет лучше для них обоих, сказал он. Он же ее только раздражает. И, кинув мольберт в багажник, уехал.

По-видимому, тогда он и начал встречаться с Моник. Три недели спустя она их застала: они лежали на диване, обнаженные, юные, прекрасные, и, хотя ей показалось в тот момент, что ее сердце разорвется, по сравнению с потерей Лили это была сущая ерунда.

— Общение с молодым человеком ни к чему хорошему не приводит, — сказала Дана. — Это было моей самой большой ошибкой.

— Выходит, ты не доверяешь Сэму потому, что обожглась с Джонатаном?

— У нас с Сэмом чисто дружеские отношения.

— Ты что, ничего не видишь? Да я сразу заметила...

— Марни, то, что нужно, я вижу прекрасно, — оборвала ее Дана. — Ты за меня не беспокойся.

Сэм давно уже не задумывался об одиночестве.

Так почему же сегодня, в летнюю грозу, на него вдруг навалилась тоска? Как давным-давно, в детстве, когда он скучал по брату, беспокоился за мать. Косой дождь барабанил в иллюминатор. Молния сверкнула так близко, что он вздрогнул от неожиданности. Мальчишкой он боялся грозы. Мама работала допоздна, он сидел дома один, и некому было его приласкать и успокоить. Но потом появилась Дана.

И жизнь пошла по-другому. Дана помогла ему поверить в себя, поверить в то, что он кому-то интересен. Мать вышла второй раз замуж без особой любви. Она была вдовой, Джо был нужен отец, а отец Сэма, водитель грузовика в рыболовецкой артели, решил, что пора остепениться. Только семейная жизнь оказалась не по нему.

Потом отец умер, и мать снова стала вдовой. Сэму, когда он встретил Дану, было всего восемь лет, он и не понимал толком, что такое любовь, но чувство к Дане сохранил на всю жизнь.

Сэм прикрыл глаза и вспомнил тот день, когда она и Лили вытащили его из воды. Он пообещал тогда, что всегда будет ее защищать. Она рассмеялась и назвала его героем. Сэм помнил о своем обещании и знал, что настанет время его выполнить.

И вот теперь он нужен Дане Андерхилл.

Он видел, какой пустой и потерянный у нее взгляд, понимал, как мучается она оттого, что не может больше писать картины, и твердо решил ее спасти.

Элли волновалась так, словно собиралась на бал. Дважды переодевалась, даже достала из чулана мамин фартук с надписью «Скажи повару спасибо!».

— Делов-то — всего-навсего лоток с хот-догами, — хмыкнула Куинн.

— Ну и что? Это моя первая работа, и я хочу хорошо выглядеть, — сказала Элли.

— Ты выглядишь замечательно, — сказала тетя Дана. — Как настоящий продавец.

Куинн молча сложила сосиски, булочки, горчицу и кетчуп в большую плетеную корзинку. Прошлым вечером, когда дождь кончился, они с тетей Даной поехали на велосипедах развешивать по пляжу объявления.

Завтра приглашаем всех отведать наших хот-догов!

Вкусно, быстро и недорого!

Крестхилл-роуд, 91. С полудня до часу
(пока не кончатся хот-доги).

Глядя в ясное звездное небо, Куинн послала мысленный сигнал Сэму. Она была уверена, что он его принял, но на всякий случай позвонила и оставила сообщение на автоответчике. «Привет, Сэм! Это Куинн. Завтра я заработаю денег, чтобы тебе заплатить — мы будем торговать хот-догами. Приезжай. Пока».

Тетя Дана отнесла жаровню к дороге, а Куинн принялась укладывать баночки с газировкой в сумку-холодильник. Посыпался уголь, чиркнула спичка, потянуло дымком, и у Куинн сжалось сердце. Раньше уголь всегда разжигал папа.

— А вдруг никто не придет? — забеспокоилась Элли.

— Придут, — успокоила ее тетя Дана.

Она была в шортах и белой рубашке, с еще влажными после купания волосами. Куинн молча смотрела на нее. Мама бы наверняка надела сарафан и соломенную шляпку. Поставила бы на столик букет из своего сада и испекла бы хлеб с тимьяном и розмарином...

Первой покупательницей стала бабушка. Когда она намазывала сосиску горчицей, подошли и Макгрей: Марни с дочками — Камерон и Джун — и ее мать, Аннабелла Макгрей.

— Ну, все как когда-то! — воскликнула Аннабелла. — Сколько лет назад это было? Дана с Лили, пыжась от гордости, точно так же стояли и торговали хот-догами.

— Пыжась от гордости? — переспросила Элли.

— Именно так, — кивнула Аннабелла. — Были времена...

— Стародавние... — буркнула Куинн.

Аннабелла засмеялась. Она была настоящая южанка и умела себя вести. Она уловила в голосе Куинн нотку раздражения, но предпочла на это не реагировать.

— А на что вы копите деньги, позвольте спросить? — поинтересовалась Аннабелла.

— Эту тайну она не открывает никому, — ответила бабушка. Элли оправила фартук.

— Я коплю на белые цветы для мамы. Если бы у нее была могила, я бы их отнесла туда.

Все замерли, у Куинн внутри все похолодело.

— Я всегда говорила, — сказала Аннабелла, — что могила нужна обязательно. Чтобы девочкам было куда прийти.

— Куинн хотела увезти урну с прахом во Францию, — подавала голос Камерон.

— Ее желание вполне понятно, — ласково сказала Аннабелла.

И тут раздался звук, похожий на мяуканье дикого кота. Куинн с ужасом поняла, что издала его она.

— Их нельзя хоронить! — крикнула она. — Нельзя их закапывать в землю!

— Дорогая моя, я не хотела тебя обидеть, — смутилась Аннабелла.

Тетя Дана взяла Куинн за руку. Девочка крепко зажмурилась. Ей так хотелось увидеть лица родителей. Как они ей нужны! Урна с прахом стоит на каминной полке, и пусть так и будет, пока Куинн не выяснит, что же на самом деле произошло.

И тут она услышала знакомый звук мотора — к дому подъехал автомобиль Сэма. Куинн кинулась к нему. По ее щекам катились слезы.

— Отвези меня туда сейчас же! — прошептала она.

— Сейчас? — удивился он. — Но я же без яхты.

— У нас есть «Русалка», — кивнула она в сторону гаража.

— Знаю, — ответил он. — И давно пора спускать ее на воду. Но прежде надо еще кое-что сделать.

— Что?

— Подкрепиться. Я же только что приехал. К тому же не забывай, мои услуги стоят недешево.

Куинн сквозь слезы сердито взглянула на него. Ну что же, если он хочет деловых отношений, он их получит. Ее отец был бизнесменом, и Куинн отлично известно, что за работу надо платить. «Идеалы — это прекрасно, радость моя, — говорил отец, — но наш мир держится на деньгах».

Тетя Дана подошла и молча встала с ней рядом. Куинн чувствовала на себе взгляды ее и Сэма.

— Мне надо работать, — сказала она раздраженно. — Пришли покупатели, нельзя заставлять их ждать.

Дана и не предполагала, что лодку спустят на воду именно сегодня, но Куинн, продав последний хот-дог, потащила прицеп к машине Сэма. Они все вместе отвезли «Русалку» к дальнему краю пляжа, к дамбе.

Сэм проверил рулевое перо и шверт, Дана наладила паруса, и девочки, надев оранжевые спасательные жилеты, поднялись на нос. За ними — Дана, а Сэм, закатав штаны выше колен, толкнул лодку в воду и запрыгнул на корму. Действовал он спокойно и уверенно, и Дана тоже успокоилась.

Девчонки остались на носу, Сэм держал румпель, а Дана управляла кливером. Чтобы пройти узкий проход между камнями, нужно было дважды поменять галс, и, когда лодку качнуло, Элли испуганно вскрикнула.

— Все в порядке, — успокоила ее Дана. — Не волнуйся.

— А вдруг мы опрокинемся?

— Лодка знает, что делает, — сказал Сэм. — Сама накренилась, сама и выправляется.

С берега дул ветерок, лодка шла легко. Изумительный денек для морской прогулки, и девчонки — заправские морячки. Но Дана знала: им сейчас нелегко. Обе стараются не думать об этом и все-таки боятся. Боятся той судьбы, которая настигла их родителей.

— Куинн, все у тебя получится, — сказал Сэм. — Это как на велосипеде кататься — раз научился, не разучишься никогда.

— Он прав, Куинн, — подтвердила Дана. — Твоя мама говорила, что ты — прирожденный мореход.

Дана заметила, как жадно вдыхает Куинн морской воздух, как ее рука сама тянется к румпелю.

— Ну, вперед, родная моя!

Сэм неспешно высвободил грота-шкот и отдал кливер. Лодка медленно развернулась носом по ветру и застыла метрах в ста от берега. Девочки тут же уgomонились.

— Вам повезло: с вами на борту лучший инструктор по парусному спорту, — сказал Сэм. — Я это знаю наверняка — она меня самого учила.

Сэм улыбнулся Данае. В его глазах, поблескивавших за стеклами очков, отражалось море.

— Куинн, заступай на вахту! — крикнул Сэм.

— Так сразу?

— Разумеется. Элли, а потом твоя очередь.

Наконец-то Дана немного расслабилась. Море всегда ее успокаивало. Она была безмерно благодарна Сэму за то, что он приехал помочь ей разобраться с племянницами, уговорил их выйти в море — ей бы это не удалось.

Куинн пристроилась рядом с Сэмом и управляла румпелем. Через некоторое время, когда Сэм пропускал Дану к румпелю, их руки на мгновение соприкоснулись, взгляды встретились.

— Прошу вас, капитан, — сказал он.

— Спасибо, Сэм, — шепнула она, и это была не просто формула вежливости.

Она была благодарна ему за многое. Она и не представляла себе, насколько истосковалась по морю.

Дана положила ладонь на руку Куинн, лежавшую на руле. А Сэм с Элли занялись кливером.

— Мы плывем! — крикнула Элли.

Сэм, поймав взгляд Даны, едва заметно усмехнулся. А она все пыталась представить себе того мальчишку из ньюпортской гавани, но видела только молодого, красивого и очень хорошего человека.

Глава 7

Вернувшись домой, Куинн решила попрактиковаться и принялась вязать узлы, а Элли рисовала картинки про морскую прогулку. Сэм с Даной расположились под зонтиком в саду и пили чай со льдом. Сэм взглянул на Дану. Она полулежала на скамье, вытянув свои длиннющие, словно уходящие в бесконечность ноги.

— Спасибо, Сэм, — сказала она.

— Да не за что. Я же ничего не делал. Стоило им взяться за румпель, и они тут же позабыли про все свои страхи.

— Так всегда и бывает, — сказала Дана задумчиво.

Сэм заглянул ей в глаза.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Пытаюсь понять, зачем я уехала из Новой Англии. Я же так все это люблю. Ньюпорт... Мартины Виноградники...

— Виноградники? — У Сэма екнуло сердце.

— Там был мой первый дом, — объяснила Дана. — Я нашла небольшой коттедж в северной части острова, неподалеку от обрыва у Гей-Хеда. — Она прикрыла глаза — мысленно представила себе серые отвесные скалы на самом берегу океана. — Приехала туда и тут же бросилась писать. Работала запоем целый год.

— Ты писала скалы?

— Море. Вот тогда все и началось. Скалы, водоросли, отблеск солнца в волнах — ничего красивее я в жизни не видала.

— А за Гей-Хедом — косяки крупной рыбы.

— Да-да! Я как-то плавала у Закса и видела, как парни поймали с катера здоровенную голубую акулу.

Сэм покраснел. Он видел, как она плавала у Закса. Закс был диким пляжем, и она купалась обнаженной. Сэму тогда едва исполнилось девятнадцать. После их встречи прошло одиннадцать лет. Сэм пытался встречаться с девушками, но мечтал, чтобы все они были похожи на Дану. И поэтому решил найти наконец саму Дану.

Началось все с Лили. Он случайно столкнулся с ней в Вудс-Хоуле, где работал в то лето. Она ждала парома. Он, понимает-

ся, спросил ее про сестру. Лили ответила, что та в Мартиных Виноградниках. Точнее, в Гей-Хеде. Сэм отправился туда и увидел, как обнаженная Дана купалась в прибое.

— Виноградники — вообще место потрясающее, а Гей-Хед — это настоящее чудо, — улыбнулась Дана. — Лили его тоже любила. Потом я оттуда съехала, но она еще на год оставила дом за собой. Там они с Майком друг в друга и влюбились. Собственно, и Куинн зачали там. Она названа в честь этого места. Акуинна. Так индейцы называли Гей-Хед.

— Ты туда когда-нибудь возвращалась?

— Несколько раз приезжала в гости к Лили. Они с Майком пытались там жить. Но Майк занимался недвижимостью и хотел застраивать ту землю, которую покупал. А Лили и подумать боялась о том, что ее обожаемый остров испортят.

— Вы про мой остров говорите? — спросила Куинн, которая вышла на террасу с нейлоновым линем.

— Про твой остров. — Дана обняла девочку за плечи.

Сэм поразился тому, как похожи племянница с тетей. У обеих высокие скулы, глаза в пол-лица.

— Мартины Виноградники... Я там родилась и когда-нибудь туда обязательно вернусь, — сказала Куинн, глядя на пролив. — Посмотреть на то место, с которого я началась.

— Когда-нибудь... — повторила Дана и встала. — Есть хотите? Могу приготовить ужин.

— Согласна на все, кроме сосисок, — простионала Куинн.

— Договорились, — улыбнулась Дана и отправилась в дом.

Сэм хотел пойти за ней, но Куинн его остановила. Она вытащила из кармана сложенный листок и показала ему. Сэм сразу понял, что это карта.

— Это случилось здесь. На Охотничьей мели, сразу за Викландской банкой. Там яхта, на которой были мои родители, пошла ко дну.

— А где она сейчас?

— Там и осталась. Тела всплыли через три дня, а яхту нашли водолазы. Ее собирались поднять еще прошлым летом, но тут случился ураган. Яхта сместилась, и обнаружить ее больше не удалось.

Дана на кухне пустила воду и загремела кастрюлями.

— Что ты хочешь узнать, Куинн? — спросил Сэм.

— Я на кое-что надеюсь, — прошептала девочка. — И что-то подозреваю.

— И на что же ты надеешься?

— Что это был несчастный случай.

— А что подозреваешь?

— Что они сделали это нарочно.

На террасу с миской салата вышла Дана. Ее ясные голубые глаза были широко распахнуты. Сэм понял, что она все слышала, но решила не подавать виду.

— Куинн, перемешай салат, — попросила она.

— Хорошо, тетя Дана.

— А я чем могу помочь? — спросил Сэм.

Карту он сложил и спрятал в бумажник.

— Даже не знаю, — ответила Дана. — А что ты умеешь?

Ужинали они в столовой. В окна дул легкий бриз. Играла музыка — любимый Данин скрипичный концерт Моцарта.

Зазвонил телефон, Дана сняла трубку. Это была Виктория Деграфф, ее нью-йоркская галеристка. Она сказала, что продала несколько ее больших картин и в журнале захотели написать о Дане статью.

— Приезжай как-нибудь днем, — предложила Виктория. — Я заодно договорюсь об интервью.

— Это было бы здорово, — согласилась Дана.

Приятно будет хоть ненадолго вернуться к прежней жизни. Договорились на второй четверг августа.

Дана вернулась к столу, и Куинн стала сурово расспрашивать, куда и надолго ли она уезжает.

— Я поеду в Нью-Йорк, — ответила Дана. — Через месяц. Всего на день. Может быть, там и заночую. С вами посидит бабушка.

Куинн удовлетворенно кивнула. А Элли трещала без умолку. Она решила бросить теннис и плавание и заниматься только парусным спортом. Она научится ходить на яхте быстрее и лучше всех.

— Капитан Элли, — хмыкнула Куинн и обернулась к Дане: — Можно мне выйти из-за стола?

— Можно, — кивнула Дана, и Куинн помчалась на кухню за фонариком.

Опять на Литл-Бич собралась, догадалась Дана.

— Я пойду к себе, — сказала Элли.

— Карту не потеряй, — шепнула Куинн Сэму и, протянув ему пачку денег, убежала.

Дана с Сэмом остались вдвоем. Дану была легкая дрожь. Она понимала, что сейчас ей предстоит неприятный разговор с человеком, которому ей бы очень хотелось доверять.

— Это она тебе заплатила? — спросила Дана.

Сэм немного смутился:

— А может, я просто скажу тебе, что это касается только меня и ее, и мы забудем об этом?

— Нет, — резко ответила Дана.

— Я дал слово.

— Сэм, за нее отвечаю я. Если я не могу тебе доверять, то и она не может.

— Ну хорошо, Дана, я скажу. Куинн попросила меня найти яхту ее родителей.

— А про что она сказала: «Они сделали это нарочно»?

— Она подозревает, что это был не несчастный случай.

— Господи!.. — выдохнула Дана, и к глазам ее подступили слезы.

— Она хочет, чтобы я пришел в пролив на исследовательском судне. Я могу взять такое в Йеле, без проблем. Куинн хочет, чтобы я нашел доказательства несчастного случая, например пробоину в корпусе.

— А если пробоины в корпусе нет?

— Тогда я проверю, открыты ли кингстоны.

— Страховая компания проводила расследование. О самоубийстве никто и не заговаривал, — сказала Дана. — Лили с Майком просто пересекали оживленный морской путь. Там интенсивное движение: танкеры, грузовые суда. Наверное, Майк не рассчитал дистанцию. Такое случается.

Сэм кивнул, но Дана поняла, что ее слова его не очень убедили. Что ему сказала Куинн? Что произошло год назад в этом доме?

— Она такая ранимая, — грустно вздохнула Дана.

Выглянув в окно, она заметила луч фонаря Куинн, светивший куда-то в сторону Охотничьей мели.

— Куинн попросила меня о помощи, — сказал Сэм. — Я не могу ее подвести.

— Я ее опекун. И очень рассчитываю, что, если я попрошу тебя отказаться от данного обещания, ты так и поступишь.

— А зачем тебе просить об этом?

— Она вбила себе в голову совершенно дурацкую мысль — что ее родители покончили с собой. Незачем ей в этом потакать.

— Ты боишься, что это может оказаться правдой? И хочешь помешать ей выяснить, как все было на самом деле?

Дана промолчала. Она думала о жестяной коробке Майка, которую нашла в гараже. Неужели она действительно боится узнать правду про собственную сестру?

— Она все время сидит на этом камне. И всю ночь бы сидела, если бы я позволила.

— А может, стоит позволить? — сказал Сэм.

Дана хотела спросить его зачем, но тут увидела, что фонарик Куинн обращен теперь в сторону леса — девочка возвращалась домой. Сэм тоже это заметил.

— Так ты разрешишь мне отвезти ее на то место?

Дана неохотно кивнула.

— Я завтра вернусь.

— И вы поплывете туда?

— Пока нет. Пока не кончится летняя практика, судно мне никто не даст.

— Тогда зачем тебе приезжать?

— А ты сама как думаешь? — спросил Сэм и шагнул к ней.

— Сэм, не надо! — воскликнула она.

— Ты же понимаешь. Знаешь, что я чувствую...

Она замотала головой:

— Не надо про это... У меня и так очень непростая жизнь.

— Дана, я все понимаю. И хочу тебе помочь.

— Помогай лучше Куинн.

— Что я сделал не так? Чем я тебя обидел?

— Да ничем!

— Значит, тебя кто-то другой обидел. Если бы я мог забрать твою боль...

— Ты даже не представляешь себе, что это такое, — горько сказала она.

И снова вспомнила, как уткнулась в подушку Моник, чтобы избежать ее взгляда. Как судорожно вскочил, прикрывшись простыней, Джонатан. Они были похожи на двух подростков, которых застукали родители.

Она смотрела на лучик фонаря Куинн. Сэм стоял рядом, она чувствовала его теплое дыхание. Он протянул ей деньги, которые дала ему Куинн. Их руки соприкоснулись, и она заглянула ему в глаза.

Он не отвел взгляда, смотрел спокойно и уверенно.

— Ты помогаешь Куинн, — сказала она. — Ко мне это никакого отношения не имеет.

— Тебе так только кажется, — шепнул он и, увидев, что фонарик Куинн светит уже совсем рядом, развернулся и пошел прочь.

Куинн немного обиделась, что Сэм не дождался ее. Еще ей не нравилось, что через месяц тетя Дана поедет в Нью-Йорк, пусть и на один день. Любое нарушение привычного распорядка напоминало ей о переменах, о том, как все меняется, о том, что люди уходят на несколько часов, а выясняется, что навсегда.

Лежа в кровати, Куинн подумала о своем дневнике. Вечером она подробно описала события дня: как они торговали хот-догами, чтобы набрать денег для Сэма, как вышли в море и оказались совсем рядом с Охотничьей мелью. Куинн твердо знала: то, что она решила, должно быть выполнено, и она делала все, что от нее зависело.

В окно светили звезды. На соседней кровати тихонько посапывала Элли. Даже во сне она крепко прижимала к себе Кимбу. Скрипнула ступенька, и Куинн вздрогнула. Точно так же скрипели ступени, когда мама приходила поцеловать их на ночь. Открылась дверь, вошла тетя Дана и присела на краешек кровати Куинн.

— Ответь мне на один вопрос, Акуинна Джейн, — прошептала она. — Зачем ты посылаешь Сэма в море?

— Он тебе рассказал? — спросила Куинн.

— Я случайно слышала ваш разговор. И видела, как ты ему заплатила.

Куинн сжала кулаки и поглубже заползла под одеяло.

— Я на тебя не сержусь, — сказала тетя Дана. — Мне просто обидно, что ты не обратилась ко мне.

— Ты бы не поняла, — прошептала Куинн.

— Попробуй объяснить.

— Они это сделали нарочно, — попробовала произнести вслух Куинн.

Сама себя она не слышала, но тетя Дана, по-видимому, разобрала ее слова: Куинн заметила, как она вздрогнула.

— Как ты можешь такое говорить? Лили ни за что в жизни не бросила бы вас с Элли. Я это точно знаю. Мы ведь родные сестры. Скажи, почему тебе такое в голову пришло?

— Потому что кошмар оказался явью, — ответила Куинн. — Я слышала, как мама говорила папе, что он погубил их жизнь. Она так и сказала: их жизнь.

По щекам Куинн текли слезы. Вечером перед трагедией она лежала на этом самом месте и слышала, как мама кричала на папу.

— А что она имела в виду, Куинн?

— Не знаю, — простонала Куинн.

Тетя обняла ее.

— Мы все выясним, обязательно выясним. Мне тоже надо знать правду, так что я с тобой заодно, — шепнула на ухо Куинн Дана.

Глава 8

Сэм появился почти через неделю. Как раз тогда, когда Дана собралась наконец заняться делом.

— Что тебя принесло? — спросила она, подойдя к машине.

— Приехал помочь, — ответил он. — Я же обещал.

— А почему именно сегодня?

— Я пережидал — решил дать тебе отдохнуть. Ты, по-моему, немного от меня устала. А теперь, думаю, ты уже разработала план, и я готов тебе помочь.

План у нее действительно был. Только от этого плана ей самой становилось не по себе.

— Я не сыщик, — сказала она. — Я вообще-то художник. И толком даже не понимаю, что собираюсь делать.

— Вот и позволь мне тебе помочь, — сказал он без доли иронии в голосе. — Ну, садись. Я тебя отвезу.

Она хотела сделать все одна, хотела прогнать его, но не смогла. Более того, она стыдилась признаться себе, что на самом деле очень рада его видеть.

Сэм распахнул дверцу. Дана села.

— Я кое-что пообещала Куинн, — сказала она.

— Ну и умница.

— Но отложила все на неделю. Все надеюсь, что мы как-нибудь это преодолеем. Заставляю себя рисовать, но ничего не получается. А она днюет и ночует на этом камне.

— И ты решила, что пора действовать. Ты только скажи куда, я тебя отвезу.

Через десять минут они уже ехали по тенистым улочкам Блэк-Холла. Бывшая контора Майка занимала второй этаж старого викторианского особняка в самом центре. Белое с желтым здание было построено еще в девятнадцатом веке. Дом принадлежал Майку, но после их с Лили смерти его продали.

— Симпатичное местечко, — сказал Сэм.

— Это все Лили, — ответила Дана. — Его она выбрала. На первом этаже был магазинчик мисс Элис. Мы с Лили в детстве покупали там леденцы. А как-то летом я купила Лили серебряный медальон.

— Наверное, Майк купил этот дом потому, что он был дорог Лили как память?

— Наверное.

Сэм внимательно оглядел дом. Здесь все напоминало о Лили. Ненавязчивая расцветка, изящная лепнина, плющ до самой крыши, клумба с оранжевыми цветами у крыльца. Теперь на первом этаже расположились дизайнерская фирма и небольшой магазин.

— Я сама не знаю, что мы ищем, — призналась Дана. — Но когда найду, пойму.

Они подошли к двери. Дана с грустью отметила, что звонка, который прежде висел у входа, уже нет и внутри больше нет того волшебного беспорядка, который царил во владениях мисс Элис, а стоят роскошные диваны и журнальные столики черного дерева.

— Чем я могу вам помочь? — спросила молодая сотрудница дизайнерской фирмы.

— Я хотела узнать о «Грейсон инкорпорейтед» — фирме по торговле недвижимостью, которая прежде находилась на втором этаже.

— А, фирма Майка... Вы не знаете, что случилось?

В этот момент в зале появилась еще одна женщина — стройная платиновая блондинка в черном трикотажном костюме.

— Я Патриция Уэнтворт. Вы свояченица Майка, да?

— Да. Меня зовут Дана Андерхилл. А это — Сэм Тревор.

— Я видела вас на выставке. Заходила в галерею подобрать картину для клиента. Он остался очень доволен.

— Приятно слышать, — ответила Дана.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила Патриция.

— Мы хотели посмотреть, где работал Майк, — сказал Сэм.

— Помещение пока свободно. Я там храню альбомы с образцами обоев и тканей. Но если хотите...

Она взяла ключи, и они поднялись по лестнице. В офисе прямо на полу лежали кипы альбомов. Дана не увидела ничего, что напомнило бы ей о зяте, ничего, что помогло бы развеять тревогу Куинн. Четыре окна выходили на Мейн-стрит, знаменитую своими кленами.

И тут Дана взглянула на стену. Над каждым окном Лили нарисовала гирлянды плюща, перевитого белыми цветами — фрезиями, маргаритками, лилиями.

— Это Лили сделала, — сказала Патриция, заметив, куда смотрит Дана. — Удивительно талантливая была женщина. Я все пыталась уговорить ее работать у нас — заниматься росписью, но она много времени уделяла дому и девочкам. Они с Майком были так близки. Искренне сочувствую вашему горю.

— Благодарю вас.

Дана всегда была человеком сдержанным. И расспрашивать незнакомого человека о своих близких ей было тяжело. Но она пришла сюда, чтобы помочь Куинн. Она посмотрела на Сэма. Их взгляды встретились, она вдруг почувствовала исходящую от него силу и набралась смелости спросить:

— А у Майка были проблемы с бизнесом?

Патриция задумчиво покачала головой:

— Я ни о чем таком не знаю. Слышала только про проект на Среднем Западе. Ему приходилось ездить туда — проверять, как идут дела. Лили заезжала забрать корреспонденцию, рассказывала, как по нему скучает.

— И часто он уезжал?

— Чем дальше, тем чаще. Полагаю, потому, что дела шли хорошо. Проект «Сан-Центр» оказался очень успешным, и я все шутила, что пора ему купить Лили «мерседес» и норковое манто.

— А что такое «Сан-Центр»? — спросил Сэм.

— Что-то вроде дома престарелых неподалеку от Цинциннати. Я толком не знаю, но Лили очень им гордилась.

— Действительно гордилась, — подтвердила Дана. — Она мне о нем рассказывала.

— В последний год Майк постоянно уезжал, — вздохнула Патриция. — Счастье, что в последнюю минуту они были рядом, но бедные девочки...

— Знаю, — сказала Дана коротко.

— Лили часто привозила их с собой. Иногда они заглядывали к нам, и Лили рассказывала им про старушку, которая держала здесь магазинчик. И показывала мне купленный там серебряный медальон.

— Его подарила ей я, — сказала Дана и почувствовала, как по спине пробежал холодок. — Она его всегда носила. Жаль, что он не достался дочкам.

— Там с одной стороны была ваша фотография, а с другой — девочек, — сказала Патриция. — Какая была счастливая семья! — Поняв, что Дана и Сэм хотят остаться здесь одни, она пошла к выходу. — Вы побудьте здесь, сколько вам надо. А уходя, просто дверь прикройте.

Дана уже стояла у стены и пристально разглядывала нарисованные Лили лозы, увитые цветами.

— Какой нежный рисунок, — сказал Сэм. — Его не сразу и разглядишь.

— Она такой и была, — тихо произнесла Дана. — Старалась слиться с другими. И предпочитала держаться в тени.

— Но она все равно была очень яркой. Люди ее любили.

— Это был ее секрет. Она сияла изнутри.

— Ты права. Я это почувствовал в день знакомства.

Дана обернулась к нему. Высокий красивый молодой человек. И в то же время заботливый и готовый помочь. Его спокойствие передавалось и ей.

Он шагнул к ней, поправил прядь волос, упавшую ей на лицо. Дана инстинктивно подалась к нему. Он был так близко, что у нее закружилась голова и зашумело в ушах. В последний раз она такое испытывала с Джонатаном.

— Я здесь ради тебя, Дана.

Как же хотелось ему верить! Но что, если он обманет ее, как обманул Джонатан? Второй раз она такого не перенесет.

Она стояла в нерешительности — не знала, что ответить, но вдруг заметила, что Сэм внимательно вглядывается в узоры на стене.

— Что там? — спросила она.

— Вон, посмотри, — указал он на проем над окном. — Кажется, она что-то написала.

Он поднес к окну скамью, Дана встала на нее.

— «Я люблю Майка Грейсона», — прочитала она. — «Акуинна и Александра — лучшие девочки на свете». «Сестры навсегда — Дана, возвращайся домой!» Крохотная виноградная гроздь и слова «Мартины Виноградники». Венок из жимолости и подпись — «Жимолостный холм».

— Что это, Дана? — спросил Сэм.

— Она была счастлива. И написала об этом.

В глазах у нее стояли слезы. Здесь, на стене, Лили записала всю свою биографию. Семья была смыслом ее жизни, и сердце ее переполняла любовь.

Сэм помог Дане слезть со скамьи, обнял ее за плечи. Она прижалась к его груди.

— Ой, Сэм... — сказала она сквозь слезы. — Куинн ошибается. Они были счастливы. И не было никакого самоубийст-

ва. Нужно показать Куинн, что написала ее мама. Она сразу все поймет.

— Она не может забыть того, что слышала, — сказал Сэм.

Дана отпрянула от него:

— Она услышала родительскую ссору. Лили была очень ласковой и нежной, но с характером. Она и на меня сколько раз сердилась! Куинн что-то не так поняла. Это был обычный семейный скандал. Такое бывает в каждом доме.

— Знаю, — сказал он. — Но она услышала его в последний вечер перед их гибелью. И для нее этот скандал приобрел особый смысл. Ей все равно нужно найти яхту.

— Откуда ты знаешь?

Сэм задумчиво снял очки, протер стекла рукавом рубашки.

— Просто знаю, и все.

Снова надев очки, он взглянул на стену, на деревянный наличник над окном, и заметил что-то металлическое.

Оказалось, что это ключ. Маленький золотой ключик вроде тех, которыми запирают девичьи дневники. Сэм протянул его Дана.

— Как ты думаешь, от чего он? — спросил Сэм.

— Наверняка не скажу, — ответила она неуверенно.

Дана вспомнила про дневники Лили в парчовых и кожаных переплетах, про лакированную шкатулку с драгоценностями. Ключик, который она держала в руке, мог подойти к любому из этих предметов. Но еще она думала про жестяную коробку, запертую на новенький латунный замочек.

Тетя Дана то ли за продуктами поехала, то ли еще куда, а Куинн с Элли разрешили пойти половить крабов, но это занятие для малышни. Пусть Элли сама крабов ловит. У Куинн дела поважнее.

Во-первых, пройтись по дому. Редко выпадает такая удача — чтобы в доме никого, кроме нее, не было. Либо тетя Дана зорко следит за каждым шагом Куинн, либо поручает это бабушке. А Элли вообще хвостом за ней таскается.

Куинн поднялась наверх, в комнату родителей. Теперь сюда никто не заходит. Куинн присела на кровать: сначала на папино место, потом на мамино. Покрывало старенькое, потрепан-

ное — лоскутное одеяло, сшитое еще маминой бабушкой. Куинн положила голову на подушку, сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Мамин запах — лимонный шампунь, крем от солнца, мятная зубная паста — давно выветрился. Но Куинн сбегала в ванную, на один палец капнула шампуня, на другой выдавила зубной пасты, вернулась и вытерла руку об наволочку. Совсем другое дело!

Она внимательно рассмотрела вещи на ночном столике: книжки, которые читала мама, несколько журналов, пачка писем от тети Даны, маленький хрустальный шарик, который Куинн обожала. Внутри него плавала рыжеволосая русалка с зеленым хвостом, а когда Куинн встряхнула шар, вокруг русалки заметались крохотные золотые рыбки.

Куинн засмеялась — точно так же, как смеялась трехлетней девчушкой, когда мама показывала ей шар и рассказывала стишок: «Ты, русалка, мне скажи: как мне жизнь свою прожить?»

На папином столике только роман Джона Ле Карре и в рамочке фотография «его девчонок».

И вот — мамина шкатулка с драгоценностями. Лакированная крышка с рисунком: цветущая слива на берегу тихой речки. Зачем она заглянула внутрь, Куинн и сама толком не знала. Но она открыла шкатулку, и у нее упало сердце.

Бриллианты, жемчуг — подумаешь, ерунда какая.

Жемчуг маме подарили на шестнадцатилетие, бриллиантовые сережки подарил папа на десятую годовщину свадьбы. Еще несколько пар сережек, колечки. Куинн тупо смотрела в шкатулку.

Ну почему она всегда думала не о том, что там лежит, а о том, чего там нет?

— Черт подери!

Голос был ее, и быстрые шаги по ступеням — тоже. Прочь из дома! Через двор, за забор, по тропинке к морю! Она примчалась к своему камню и кинулась руками разрывать песок.

Вот он, пакет. Она вытащила дневник и сигарету. Закурила, уставилась в небо. Она слишком туго заплела сегодня косички, и ей казалось, что это злые мысли раздирают голову на части. Куинн схватила ручку.

Его так и нет. С чего это я взяла, что достаточно будет прочитать стишок про русалку и открыть шкатулку и он появится? Мы же знаем, где он, так ведь, Куинн? Она его так любила. И никогда не снимала. Его подарила тетя Дана. Значит, он был на ней, когда яхта пошла ко дну. Я знаю, серебряный медальон был на маме.

А вдруг правда то, что рассказывали мама и тетя Дана про русалок, которые снимают с утопленников все украшения и надевают их в последнее полнолуние года на русалочий бал? Может, в этом году одна из них будет в мамином медальоне?

Она сунула руку в карман шортов и достала подарок, который принесла с собой.

Он был всегда один и тот же.

Не сводя глаз с моря, она положила подарок на песок за камнем, у самой линии прибоя.

Глава 9

Сэм вел машину, а Дана смотрела в окно. Когда они въехали в Хаббардз-Пойнт, он почувствовал, как она напряглась. Они свернули на Крестхилл-роуд и остановились у каменной стены. Дана пулей выскочила наружу.

Сэм нагнал ее, когда она уже открыла дверь гаража. Она тут же направилась к стеллажам у задней стены и, присев на корточки, вытащила из кармана ключ. Руки у нее так дрожали, что она никак не могла попасть в скважину замка. Сэм хотел было помочь, но решил не лезть. Она говорила без умолку:

— Сама не знаю почему, но я первым делом подумала об этой жестянке. Конечно, это ее. Только Лили могла купить такой замочек с крохотным ключиком.

Она возилась с замком, и глаза ее лихорадочно блестели. Сэму хотелось поднять ее, прижать к себе — как было у Майка в

офисе. Но он просто присел рядом с ней. Наконец она прекратила бесполезные попытки и сказала, тупо глядя на ключ:

— Не подходит.

— Дай я попробую, — предложил Сэм. Дана оказалась права — ключик был от другого замка. Но было так приятно сидеть с ней рядом, касаться плечом ее обнаженной руки.

— Тьфу ты! — воскликнула она. — Значит, это от чего-то другого. Но что же в коробке? Неужели рыболовные снасти?

— Думаешь, это коробка Майка? — спросил Сэм.

— Наверное. Лили рыбной ловлей не увлекалась. Впрочем, обычно Майк никогда ничего не запирает. Или же у него были тайны, о которых нам неизвестно. Безумие какое-то! Из-за Куинн мне теперь всюду мерещатся шекспировские страсти. Сплетни, угрозы... Злодеяния в «Сан-Центре»... Давай взломаем замок.

— Прямо сейчас? — Сэм потряс коробку.

Внутри что-то зашелестело. Он огляделся по сторонам в поисках железа, которой можно было бы поддеть замок. И тут его щеки коснулась рука Даны.

— Ты отличный товарищ, Сэм, — сказала она. — Но от этой миссии я тебя избавлю. Лили — моя сестра. Я сама это сделаю.

— Дана, я для тебя пойду на что угодно.

Она легонько пожала его руку и взглянула на его ладонь — как заправская гадалка.

— Знаешь что?

— Хочешь предсказать мне будущее?

— Хочу сказать тебе спасибо, — сказала она.

Вид у нее был серьезный и торжественный. Ему хотелось, чтобы она улыбнулась, а еще хотелось, чтобы она не выпускала его ладонь из своей. Но она ее отпустила и сказала, показав на коробку:

— Давай, взламывай.

Он нашел на полке ржавый ломик и поставил коробку на землю.

И тут они услышали смех и голоса детей. Дана быстро поставила коробку на полку, а Сэм спрятал ломик. К двери подошли Куинн, Элли, еще две девочки и темноволосая женщина в мокром купальнике.

— Крабов не было, зато мы насобирали кучу мидий, — сообщила Элли.

Дана подошла полюбоваться уловом.

— Привет! Меня зовут Марни Кэмпбелл, — сказала женщина и протянула Сэму руку. — Я старинная подруга Даны, а вы, наверное, Сэм.

— Вы угадали, — ответил он, пожимая ей руку.

Вечером Марни настояла на том, чтобы девочки отправились к ним — поесть пиццу и поиграть в мини-гольф. Дана подозревала, что Марни нарочно их увела. Она так хотела открыть коробку, но теперь, когда им никто не мешал, решимость ее покинула.

Сэм остался ужинать. Дана поставила вариться мидии с чесноком, травами и луком-шалотом, положила на поднос сыр и крекеры, и они с Сэмом вышли на веранду.

Солнце уже садилось, вода в проливе отливала лиловым, гребешки волн золотились в лучах заката.

— Неужели, когда ты смотришь на это, — кивнул в сторону моря Сэм, — тебе не хочется взяться за кисть?

— Не знаю, — опустила голову Дана.

— А какие краски ты бы выбрала?

Дана взглянула на садившееся за горизонт солнце, на золотые лучи, что пронзали облака. Но, как всегда, больше всего ее притягивала вода.

— Смешала бы королевский пурпур с темно-синим, а для верхушек волн взяла бы сусальное золото.

— Ну так займись этим. Я видел твои картины в галерее. Они удивительные! Мне казалось, что я сам там, в море, в эйфотической зоне.

— А это что такое?

— Эйфотическая зона — это на шестидесятиметровой глубине, куда еще проникает свет.

— Именно это я и пишу. Только слова такого не знала.

— Хочешь, выйдем в море? — предложил он. — Скоро взойдет луна. Будем плыть по пурпурно-синему морю, и волны будут отливать сусальным золотом.

Дана подняла на него глаза.

— Лучше расскажи мне о том, что ты говорил в прошлый раз. Про Куинн, которая устраивает бдения на камне. Что ты хотел этим сказать? Что ты про это знаешь?

— Много всего.

— Расскажи, Сэм. А то я как в потемках блуждаю.

— Мой отец умер, когда мне было восемь лет, — сказал он. — Это было зимой в тот год, когда мы с тобой познакомились.

— Знаю. Твоя мать говорила про это, когда подписывала тебе разрешение на занятия.

— Думаю, она не очень горевала, — сказал Сэм. — Понимаешь, она вышла за него слишком быстро, толком его не зная. Она была вдовой, на руках у нее был сын — мой брат Джо. Отец работал шофером в рыболовецкой артели, он сделал ей предложение, и она решила, что вот оно, счастье.

— А счастья не было?

Сэм покачал головой:

— Джо называл их брак третьей мировой войной.

Он взглянул на пролив. Глаза у него были усталые. Дана смотрела на него и вспоминала восьмилетнего мальчишку, мечтавшего о море и пытавшегося избавиться от тоски по умершему отцу.

— А что с ним случилось?

— Он свалился на грузовике с моста в реку.

— Сэм...

— Это случилось в сочельник. Он возвращался из Нью-Йорка, куда отвозил свежепойманных омаров. Попал в бурю, и машина рухнула с Джеймстаунского моста.

Дана представила себе мост — в западной части залива Наррагансет, высокий и узкий, с железными башнями, которые видны за много километров.

— Печальная история... — тихо сказала она, и ей очень захотелось взять Сэма за руку.

— Я был уже не такой маленький, и меня очень удивляло, почему в доме никто кроме меня не переживает. Я пошел в метель к этому мосту, пошел потому же, почему Куинн хочет найти родительскую яхту, — я должен был убедиться, что он не сделал это нарочно.

— Но ведь не нарочно же, да? — спросила Дана, беря его за руку.

— Не нарочно, — ответил Сэм. — Я стоял на мосту, когда спустились водолазы, был там, когда краном поднимали грузовик. Это точно был несчастный случай: отец вез мне рождественские подарки. Игрушечные грузовики и поезд. Я хранил их много лет.

Дана заметила, как блестят его глаза, и подумала, до чего же он похож на Куинн. Куинн хранила все родительские подарки, не разрешала даже садиться на их стулья.

— Когда я понял, что он сделал это не нарочно, мне стало легче. Теперь понимаешь, мы просто обязаны помочь Куинн.

— Понимаю, — сказала она.

Он встал, взял ее ладони в свои.

— Ты готова? — спросил он.

После его рассказа она уже ничего не боялась. Что бы ни было спрятано в жестяной коробке, это не имеет никакого отношения к смерти Лили и Майка. Она сбегала на кухню за фонарем, и они направились в гараж.

Внутри была темень — хоть глаза выколи. Они закрыли за собой дверь и включили фонарь.

— Мы с тобой словно взломщики, — сказала Дана.

— Это собственность твоей семьи, — напомнил ей Сэм. — И ты делаешь это ради Куинн.

Дану вдруг захлестнула волна нежности к нему. Ей захотелось обвить руками его шею, прижаться к нему. Сэм взялся за ломик.

— Ну, раз-два-три! — И петля, державшая замок, с легким хрустом разломилась пополам.

Дана направила свет на содержимое коробки. И увидела пачку денег, перетянутых резинкой. А под ней — несколько бумаг с одним и тем же заголовком: «Сан-Центр».

— Боже ты мой! — выдохнула Дана.

— Проект Майка.

Дана закрыла коробку. Она не понимала, что это такое, но знала одно — это совсем не похоже на рождественские подарки отца Сэма.

В ту ночь она не сомкнула глаз. Так и проворочалась в полудреме до самого утра. А еще смотрела на созвездия, слушала их истории и придумывала свои. Две Сестры, танцующие в небе. Отвергнутая Возлюбленная, спрятавшаяся в пещере.

Дана, сколько себя помнила, жила как звезда — блуждала по небу, не заводя себе дома.

Но и наяву, и в полусне в ее мыслях присутствовал Сэм. Он так твердо стоит на ногах. Он... Он — Сэм, вот и все. У французов есть выражение: «*Bien dans sa peau*» (что значит «кожа как раз по нему»). И, лежа в предрассветной мгле в кровати, она представляла себе его тело, его гладкую кожу.

Он загорел на море. И словно лучился радостью. Она видела улыбку, притаившуюся в уголках его зеленых глаз, будто говорившую о том, что он научился быть счастливым и готов поделиться секретом с ней. Впервые за много недель ее потянуло к холсту, и это — благодаря Сэму.

Наконец она встала, вывела велосипед и отправилась на почту. Там ее ждало письмо от ее французской приятельницы Изабель.

Мы по тебе соскучились! Как тебе живется с племянницами? Все ждут твоего возвращения. Даже мсье Холл. Да, Моник, похоже, уехала — то ли в Париж, то ли куда еще, и Джонатан бледной тенью ходит по пристани, рисует для туристов бездарные пейзажики.

Получив известия из Онфлёра, Дана вспомнила Джонатана, вспомнила, как мечтала прожить с ним всю жизнь. Она все свои мечты принимала слишком близко к сердцу. Чтобы забыть и о Джонатане, и о жестяной коробке, придя домой, Дана взяла Элли и вышла на лодке в море. А когда они вернулись, на крыльце лежал сверток в коричневой бумаге. Элли пошла в дом выпить лимонаду, а Дана развернула сверток.

И сердце радостно забилося. Там оказались королевский пурпур и еще множество красок, пакет с кистями и двадцать листов сусального золота. Была и записка: «Дана, все остальное найдешь в гараже. Целую, Сэм».

Дана расплылась в улыбке и пошла к гаражу, где обнаружила несколько сосновых планок, рулон холста, банку грунтовки и мешочек с гвоздями. А рядом лежал новенький молоток, перевязанный алым бантом. Догадаться было нетрудно: Сэм хотел, чтобы она натянула холст.

И Дана взялась за дело: стала сбивать раму. Жестяная коробка лежала там, где она ее оставила.

Но Дана все-таки в нее заглянула. Пять тысяч долларов были на месте. Она продолжала работать: натянула холст, загрунтовала его. В душе бушевали эмоции. Все, что она не нарисовала за прошлый год, рвалось наружу: сомнения, страхи, боль, горе, любовь к Лили, обида на Джонатана.

Пока грунт подсыхал, она пошла проверить девочек. Элли читала, а Куинн куда-то исчезла. Дана взяла бинокль и увидела, что девочка сидит на камне и глядит на море.

Чтобы удостовериться, что он действует правильно, Сэм с палубы своей яхты позвонил брату на сотовый.

— Тревор! — сурово рявкнул Джо.

— Очень мило, — сказал Сэм. — Тебе звонят сказать «привет», а ты лаешь в трубку.

— Ты знаешь, который здесь час?

— Я даже не знаю, где ты.

— На борту «Метеора», неподалеку от Мадагаскара.

— Когда домой возвращаешься?

— В октябре. Ты за этим позвонил? Соскучился по старшему братцу?

— Размечтался! — хмыкнул Сэм. — Звоню потому, что нужен совет опытного проныры.

— Проныры?

— Ну да. Ты же у нас знаток канцелярской волокиты, через которую приходится проходить, чтобы тебя пропустили к месту кораблекрушения. Ну что там — местные власти, госучреждения, пропуска. Как ты получаешь то, что нужно?

— Слушай, Сэм. Здесь глубокая ночь. Говори конкретнее.

Сэм рассказал ему все: что яхта Грейсонов затонула, дочка боится, что это был не просто несчастный случай, обнаружилась какая-то коробка с деньгами.

— Похоже, дело серьезное, — сказал Джо. — Майк занимался недвижимостью, да? Может, какой-нибудь тип дал ему взятку, чтобы тот строил дом для престарелых на его земле? Такое случается сплошь и рядом. Но у меня другой вопрос. Ты рассказал мне сюжет, перечислил действующих лиц. Только одно утаил. Так кто же она?

— Кто?

— Тетя. Кто она?

— Моя старинная знакомая. Я просто хочу ей помочь.

— А это не та самая таинственная женщина?

— Заткнись!

— Девушка, за которой ты ездил в Виноградники. Это она?

Сэм не стал отвечать. От уставился на листок бумаги, где был записан номер телефона «Сан-Центра» в Цинциннати.

Прошло несколько дней, и все изменилось. Куинн не знала, что происходит. Постоянно звонил Сэм и подолгу беседовал с тетей Даной. Или же оставлял странные сообщения на автоответчике, например, такое: «Я звонил нашему приятелю из Огайо; он обещал перезвонить сегодня днем. Пока что никто красных флажков не поднимал».

Куинн раздирало любопытство. Пожалуй, самым странным было то, что тетя поставила мольберт в гараже — места мрачнее и темнее не придумаешь. Все в паутине, а если дверь закрыть, то света вообще никакого. Тетя разложила на столе кисти и краски, но писать пока что не начала.

Куинн спустилась с холма — передать последнее сообщение Сэма — и увидела, что тетя стоит перед пустым холстом.

— А что такое «красный флажок»? — спросила Куинн.

— Штормовое предупреждение, — ответила Дана. — Почему тебя это интересует?

— Сэм сказал, что пока красных флажков никто не поднимал.

— Наверное, он хотел сказать, что дела идут неплохо. Море спокойное, — сказала тетя, не сводя глаз с холста.

— А чем он занимается? Почему не приезжает?

— Он занят, радость моя.

Куинн раздраженно вздохнула.

— А Сэм скоро к нам приедет? Он же обещал на меня поработать.

— Свое обещание он наверняка сдержит.

Тетя Дана шагнула к мольберту, провела пальцем линию по холсту, отступила назад. Куинн подошла поближе. Холст был совершенно чистым. Кисточка у тети в руке — сухая. Куинн грустно обняла тетю за плечи.

— Спасибо, родная, — сказала тетя Дана.

— Что с тобой?

— Ничего. Все в порядке.

— Тебе не нравится работать в гараже, да? Было бы тут света побольше. А твоя мастерская во Франции тоже такая темная?

— Нет, у меня большое окно на север.

Куинн деловито прошлась по гаражу. Так папа ходил, осматривая место будущего строительства.

— Вот здесь нужно окно, — заявила она. — Там север, да?

— Да, — кивнула тетя.

Тут тетя вздохнула и отложила кисть. По выражению ее лица Куинн догадалась, что предстоит серьезный разговор.

— Давай пойдем на свет, — предложила тетя.

Выйдя из гаража, обе зажмурились на солнце и прислонились к стене.

— Ну, в чем дело? — спросила Куинн.

— Помнишь про послезавтра?

Куинн зажала уши.

— Не надо! Я помню. Тринадцатое июля. Годовщина.

— Я подумала, надо кое-что сделать. В память о твоих родителях. Мы всегда ходили в годовщину смерти папы к нему на могилу. Бабушка собирала букет из нашего сада. Мы приходили на кладбище, читали ему стихотворение и клали на надгробье цветы.

— У моих родителей надгробия нет!

— Знаю, — тихо сказала тетя. — И это еще одна проблема.

— Не нужно им никакого надгробия!

— Куинн, а как же Элли? Помнишь, она говорила, что хотела бы отнести маме букет цветов. Только положить их некуда.

— Нет!!!

— Они любили море, — сказала тетя Дана. — Можно развеять их прах над проливом или где ты захочешь. И в их память поставить камень в саду.

— Ты говорила, что поможешь мне! — крикнула Куинн. — И вовсе ты не помогаешь! Хочешь только, чтобы я поскорее все забыла!

Куинн бросилась по тропинке к тому единственному месту, где она чувствовала себя спокойно. Подарки, которые она оставляла, наутро всегда исчезали — их будто кто-то забирал. А это что-нибудь да значит.

Глава 10

Когда этот день наступил, они вышли в море. За румпелем была Куинн, и плыли они на восток, в сторону Мартиных Виноградников.

А потом Дана с Элли собрали букет белых маргариток и поставили его в вазу. Зажгли свечку и рассказывали всякие истории про Лили и Майка. Куинн до самого захода просидела на своем камне. Начало темнеть, и Элли, уставшая за день, начала зевать.

— Давай пойдем наверх, ты мне считаешь, — попросила она.

— Давай, — согласилась Дана.

Элли забралась под одеяло, прижала к груди Кимбу, и Дана стала читать «Винни-Пуха». Читала она долго, а когда Элли наконец заснула, раздался стук в дверь.

На пороге с букетом белых цветов стоял Сэм.

— Я думал о вас весь день, — сказал он и протянул Дане цветы. — Это те цветы, которые рисовала Лили.

Дана провела его в гостиную. Свеча все еще горела. Сэм взглянул на Дану пристально и серьезно, и она поняла, что разговор пойдет о деле Куинн.

— Все в порядке, — сказала она. — Я готова.

— Правда?

Она кивнула.

— Знаешь, ничего я толком не выяснил, — сказал Сэм. — Позвонил в «Сан-Центр», у них ни к Майку, ни к его работе претензий не было.

— Откуда же деньги? Я унесла коробку наверх, чтобы девочки ее не нашли, и все пересчитала. Там пять тысяч долларов.

— Мой брат говорит, на строительстве бывает, что дают взятки, но я ничего подозрительного не обнаружил. А что с ключом? Ты поняла, от чего он?

Дана покачала головой:

— Нет, зато я позвонила в страховую компанию. Там мне дали приблизительные координаты яхты, но предупредили, что после прошлогоднего шторма она сдвинулась и второй раз они ее отыскать не смогли.

Она протянула Сэму отчет по страховке.

— Мы ее найдем, — сказал Сэм. — И еще вот что. Исследовательское судно можно будет взять в понедельник. Разреши, я скажу об этом Куинн.

— Да, обязательно. Я все время об этом думаю. Может, поэтому и писать не могу. Я натянула холст, разложила краски, которые ты привез. Смотрю на них, а писать не могу. Я словно лежу на дне, и на поверхность уже не вынырнуть.

— Мы тебя спасем, — сказал Сэм и обнял ее. — Ты самая замечательная!

Она прижалась к его груди и разревелась. Он нежно погладил ее по спине, подвел к стулу, усадил, и она сквозь слезы взглянула на него.

— Слушай, — сказал он, — я здесь для того, чтобы тебе помочь. Двадцать один год назад я это тебе пообещал. И все это время об обещании помнил.

— Что пообещал? — прошептала она.

— Защищать тебя. Если понадобится — спасти, как когда-то спасла меня ты.

— Это же было совсем другое, — сказала Дана и прижала ладонь к сердцу. Невыносимая боль... После смерти Лили сердце Даны было разбито, а от предательства Джонатана будто разорвалось на куски. — Я просто вытащила тебя из воды.

— Вот и я, — сказал Джонатан, глядя Дана в глаза, — хочу тебя вытащить.

Глаза у Сэма были совсем другие, не такие, как у Джонатана. В его взгляде не было ни требовательности, ни нетерпения. Только надежда. И Дана поняла: этот человек готов отдавать, а не брать.

— Как? — прошептала она. — Как ты меня вытащишь?

— Вот так. — Он протянул ей руку и поднял со стула.

Они стояли лицом к лицу, и он долго смотрел ей в глаза. А потом осторожно и ласково поцеловал в губы. У нее подкосились ноги, по спине пробежал холодок. Сэм притянул ее к себе, и она ответила на поцелуй — так страстно и истово, словно он и в самом деле спас ей жизнь.

— Сэм, я не могу... — Она отступила на шаг. — Я не готова. Там, во Франции, один человек очень меня обидел. Я понимаю, ты — совсем другой, но я в полной растерянности. Не знаю, как быть, что делать...

— Я знаю, — улыбнулся он.

Дана хотела сказать что-то еще, но заметила, что луч фонарика Куинн развернулся в сторону дома. Сэм тоже это увидел.

— Я хотел спросить тебя кое о чем, — сказал он. — О Нью-Йорке. Ты едешь в следующий четверг?

— Да. Я договорилась о встрече.

Дана вспомнила, что в тот день, когда ей позвонила нью-йоркская галеристка, Сэм ужинал у них.

— А ты можешь встретиться со мной вечером?

— Ой, Сэм... Даже не знаю...

— В понедельник мы ищем яхту. А в четверг давай встретимся у фонтана в Линкольн-центре.

— Зачем?

— Я тебе там все и скажу. Придешь?

— Постараюсь. Большого обещать не могу.

— А я о большем и не прошу, — сказал Сэм и поцеловал ее еще раз.

Из сообщения на автоответчике Куинн узнала, что экспедиция назначена на понедельник — Сэм придет на океанографическом судне. Она отправилась в гараж сообщить новость тете

Дане и застыла в изумлении. Тетя Дана рисовала. Похоже, простояла за мольбертом всю ночь.

Картина была еще не закончена, и в гараже было, как всегда, темно. Но Куинн разглядела картину. Синие с пурпуром волны, а гребешки золотистые. В глубине море спокойное.

— Ты на самом деле рисуешь! — выдохнула Куинн. — А я думала, здесь ты этого делать не будешь никогда.

Тетя молча вытерла руки о джинсы.

— Пришла пора. Сэм помог мне увидеть это.

— Тебе он нравится?

— Кажется, да.

Куинн хотела сказать что-то еще, но тетя Дана почему-то густо покраснела. Куинн удивилась тому, какой у нее счастливый вид. Счастье сияло в ее лице, в глазах. Будто, взявшись за кисть, она начала жить заново.

«ВЕСТЕРЛИ» летел по волнам. Это было судно Йельского университета, и Сэм взял себе в помощники двоих студентов. Один из них был очаровательной двадцатилетней девушкой.

Сэм стоял за штурвалом, Дана, Элли и Куинн тоже собрались в рубке. Куинн проверила, не забыл ли он нарисованную ею карту, но он больше полагался на свою карту и спутниковую систему навигации.

Дана поймала себя на том, что слишком уж пристально разглядывает юную студентку. Звали ее Терри. Высокая, загорелая блондинка в белых шортах и голубой маечке.

— Мы уже далеко от берега, — обеспокоенно сказала Элли.

— Эл, ты ничего не бойся, — сказала Куинн и, достав из сумки Кимбу, протянула его сестре.

Дана молчала: пусть сестры сами заботятся друг о друге, так же как когда-то они с Лили. Солнце освещало воды пролива. Мимо шмыгали прогулочные катера, водные скутеры. Терри и второй студент, Мэтт, о чем-то болтали на палубе.

Они прошли мимо зеленого буя, отмечавшего один край Викландской банки, потом мимо красного, отмечавшего другой. Дана обернулась и взглянула на берег. Вдалеке виднелась северная оконечность Лонг-Айленда.

— Мы у цели? — спросила она.

— Почти, — ответил Сэм и показал на нос.

Там, впереди, вздымались волны, поднявшиеся после того, как здесь прошел нефтяной танкер.

— Морской путь, — объяснил Сэм, и Дана взяла бинокль.

Танкер был огромный, как футбольное поле.

Затем мимо прошла баржа, груженная контейнерами. Длинного буксирного каната видно почти не было, но на мачте тянувшего баржу буксира были вывешены сигнальные флажки. Сэм показал их Куинн и объяснил, что каждый флажок обозначает шесть метров каната.

Сэм включил глубиномер. Терри с Мэттом стояли с ним рядом и сверяли показания глубиномера с данными карты. Дана сидела, обняв Элли. Куинн подошла и встала рядом. Они были совсем близко от места гибели Лили и Майка.

Куинн клялась, что слышала сигнал — короткий отзвук с морского дна.

— Это здесь! — воскликнула она. — Мы ее нашли.

— Возможно, ты права, — сказал Сэм.

Куинн с сестрой и тетей смотрели, как Сэм надевает гидрокостюм. Дана подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Спасибо, — сказала она.

— Я еще ничего не сделал, — сказал он.

— Нет, ты уже сделал очень многое.

Сэм коснулся ее щеки. Он помнил их поцелуй, помнил тепло ее тела. Сейчас рядом были Куинн с Элли и студенты, но Сэму было плевать. Он поцеловал ее в лоб и в кончик носа.

— Ты — замечательная тетя, Дана, — сказал он.

— Ты это уже говорил, — улыбнулась Дана.

— И буду повторять, потому что это правда.

Дана хотела что-то ответить, но Сэм уже обернулся к своим помощникам.

— Пора, — сказал он, и они с Терри нырнули в воду.

Воздуха у Сэма было на час, и это оказалось очень кстати: то, что он принял за яхту «Сандэнс», оказалось старым металлическим контейнером. Двенадцать метров в длину и три с половиной в ширину — почти те же размеры, что и у яхты.

Они с Терри медленно поплыли к югу.

— Должно быть, где-то здесь, — произнес Сэм вслух.

Из рта вырвались пузырьки воздуха, и он представил, как они плывут наверх, к Дане.

Над ними прошел какой-то огромный корабль, вода забурлила. Сэм не сводил взгляда со дна и наконец рассмотрел смутные очертания. Он подплыл поближе и увидел надпись на корпусе: «Сандэнс».

Мачту опутали водоросли. Терри достала фотоаппарат и начала снимать, а Сэм поплыл к кингстонам. Страховой агент сообщил, что они были закрыты, и решил, что это был несчастный случай. Сэм проверил сам — да, кингстоны закрыты наглухо.

Но Сэм знал еще про одну уловку. Он проплыл над палубой к каюте. Внутри была непроглядная темень.

Тайны смерти, тайны глубин. Сэму казалось, что души Лили и Майка витают где-то рядом. Он забрался в каюту, дрожащей рукой включил фонарь. Луч осветил стол и диван, изъеденный рыбами и крабами.

Сэм взглянул на половицы. После года под водой они покорибились, но в остальном все выглядело нормально. Он приподнял крышку люка, направил фонарь в машинное отделение. Особенно внимательно он осмотрел один отсек. Капитан исследовательского корабля, на котором он плавал студентом, однажды показал ему, как можно переключить тумблер, и в судно попадет морская вода.

— Это самый верный способ потопить судно и обмануть страховую компанию, — сказал тогда капитан.

На «Сандэнсе» тумблер стоял как надо, что доказывало: дурных намерений у Грейсонов не было. Пора было уплывать. Но Сэм вспомнил про серебряный медальон Лили. Вот бы найти его и отдать Дане...

Луч фонарика осветил каюту. Нет, никакого медальона. Он выплыл из каюты. Терри ждала его. Он кивнул ей и взмахнул рукой, давая понять, что хочет еще раз проплыть вокруг судна. Терри последовала за ним. Водоросли, опутавшие нос, развевались, словно волосы на ветру. Но среди водорослей Сэм углядел несколько коротких темных ворсинок.

Он взял несколько из них и нахмурился. Они были жесткими и колючими. И эти ворсинки оказались даже лучшим подарком, чем медальон. Они были ответом на вопрос Куинн.

— Они наскочили на буксирный канат, — сказал Сэм.

С его гидрокостюма ручьями лилась вода. Он положил на ладонь Даны обрывки пеньки.

— Ты уверен в этом? — спросила Дана.

— Абсолютно. Я же морской биолог и знаю все водоросли на свете. Это не водоросли.

— Но у них же была такая большая яхта, — сказала Куинн. — Она могла какой угодно канат разорвать.

— Буксирный канат очень прочный, Куинн, — сказал Сэм ласково. — И толстый. Ты же видела, как буксир тянул баржу.

— Они бы его заметили, — упорствовала Куинн. — Ты же сам рассказывал про сигнальные флажки, которые указывают длину каната.

— Нас там не было. Мы не знаем, как это случилось.

— А я хочу знать! — со слезами в голосе крикнула Куинн.

Дана прижала ее к груди.

— Ты так много сделала, родная, — сказала она. — Ты наняла Сэма, чтобы он провел расследование, и он говорит, что это был несчастный случай. Твои родители никогда бы не оставили вас с Элли.

— Никогда, — повторила Элли и взяла Куинн за руку.

Куинн рыдала и не могла остановиться. Слезы текли по ее загорелому веснушчатому личику.

— Мамочка, папочка... — чуть слышно проговорила она. — Я не могу это так оставить...

Сэм высадил их на пристани, и Дана, оставив девочек в машине, снова поднялась на палубу. Мэтт и Терри были в рубке.

— Сэм, я хотела поблагодарить тебя за все, что ты для нас сделал, — сказала Дана.

— Не за что, — ответил он. — Я делал то, что хотел.

— Когда ты нырнул, мы с девочками стояли на палубе и не сводили с моря глаз. Ты был ниточкой, связывавшей нас с Лили и Майком. Мы этого никогда не забудем.

— Ты ведь с самого начала знала, как все будет, да?

— Знала.

— И Куинн со временем поймет. У нее сейчас голова идет кругом. Я ее понимаю. Со мной когда-то было то же самое, — сказал Сэм.

— Спасибо тебе.

На палубу вышла Терри и многозначительно взглянула на часы. Стройная и изящная, настоящая калифорнийская красotka. Сэм поймал взгляд Даны и взял ее за руку.

— Она для меня не существует.

— Она подходит тебе по возрасту, — хрипло сказала Дана. — Очень милая девушка.

— Она мой помощник, и больше ничего, — сказал Сэм. — Я не нырял за яхтой ее сестры. И не о детях ее сестры я хочу заботиться. И люблю не ее...

— Любишь? — с замиранием сердца переспросила Дана.

— Не она в моих мыслях и в моем сердце.

— Не надо, Сэм! — испуганно воскликнула Дана.

— Забудь о нем. Не важно, кто он, не важно, как он с тобой поступил. Я не такой, Дана!

— Знаю, — шепнула она.

Он поцеловал ей руку, и у Даны закружилась голова, по телу пробежала легкая дрожь. Его горящие глаза говорили о том, что все ее страхи напрасны, а правда проста и ясна.

И глядя в его золотисто-зеленые глаза, Дана поверила, что любовь возможна — если она только решится на нее. Она вспомнила о завтрашней встрече в Нью-Йорке. Тогда-то все и встанет на свои места.

Он словно прочитал ее мысли.

— У фонтана, да?

— Линкольн-центр, четверг.

— Буду ждать тебя в семь.

Золотой ключик, который она нашла в офисе Майка, Дана надела на шелковый шнурок и повесила себе на шею. Сэм наклонился поцеловать Дану, и пальцы его коснулись шнурка. Губы у него были теплые и чуточку соленые. И ей так не хотелось с ним расставаться.

— Это ключ Лили? — спросил он.

— Да, — ответила она, коснувшись ключика рукой. — Но теперь это не имеет значения. Ничто больше не имеет значения. Зачем мы только его нашли? Зачем открыли ту жестяную коробку?

Глава 11

ЧЕТВЕРГ приближался, и девчонки ходили за тетей хвостом — как цыплята за наседкой. Договорились, что в Хаббардз-Пойнт приедет Марта и останется на ночь. Куинн ворчала не переставая:

— Нью-Йорк так далеко, ты не должна ехать туда одна. Возьми нас, тетя Дана. Мы тебя будем охранять.

Дану это растрогало. По представлениям Куинн, все плохое случалось только со взрослыми, с родителями.

— Я же еду всего на один день, — сказала Дана.

— На день и на ночь, да еще часть завтрашнего дня прихватишь, — помрачнела Куинн. — А как же твоя картина?

— Нью-Йорк очень уж далеко! — Элли схватила Дану за локоть.

— Ну все, хватит! Слушайте меня внимательно, — не выдержала Дана. — Мне надо ехать, и это факт. Я буду очень осторожна. Я в своей жизни повидала много городов, в том числе и Нью-Йорк. А еще я обязательно привезу вам подарки.

— Подарками нас не купишь, — сказала Куинн. — Нам на них плевать.

— Куинн, ну ты что! Все-таки подарки, — шепнула сестре Элли.

— Идите сюда, я вас обниму, — сказала Дана и прижала к себе обеих племянниц.

Ее сердце разрывалось от любви к ним. Но ей нужно было денек передохнуть. Сходить на ленч со взрослыми людьми, побродить, как прежде, по галереям. И встретиться с Сэмом. В семь часов вечера в Линкольн-центре.

— Что это? — спросила Куинн, имея в виду ключ, висевший у Даны на шее.

— Это мамин? У нее был такой же, — сказала Элли.

— А ты знаешь, от чего он? — спросила Дана.

— Кажется, от ее дневника, — ответила Элли. — Она попробовала открыть им дневник Куинн, но он не подошел. Тогда она его взломала.

— Элли, заткнись!

— Что тогда произошло? — спросила изумленно Дана.

Куинн густо покраснела и замотала головой.

— Мама прочитала ее дневник, — объяснила Элли. — Она говорила, что волнуется за Куинн. Что не хотела, но пришлось — для блага Куинн. А Куинн жутко разозлилась.

Куинн трясло. Она стояла мрачная, с пунцовыми щеками. Дана ласково взяла ее за руки.

— Я тебя не осуждаю, — сказала она. — Твоя мама не должна была так поступать.

— Даже ради моего блага?

Дана грустно вздохнула и вспомнила события тридцатилетней давности.

— Куинн, должна тебе признаться: в нашей семье всегда находились любители почитать чужие дневники. Когда нам с Лили было приблизительно столько же, сколько тебе сейчас, наша мама прочитала наши дневники. У меня было ощущение, словно она прочитала мою душу.

— И у меня, — кивнула Куинн.

— Наверное, Лили дала тогда волю материнским инстинктам и забыла, каково это — быть маленькой девочкой. Не сердись на нее. Это говорит только о том, что она очень тебя любила и не смогла сдержаться.

— Жаль, что она мне этого не сказала.

— И мне тоже... — вздохнула Дана.

Она доехала до Пенсильванского вокзала, а потом на подземке до Гринич-Виллидж. Она побродила по городским улочкам, заглянула в кафе выпить эспрессо, поглазела на витрины и на прохожих. Отчего почувствовала себя совершенно другим человеком — одинокой свободной художницей в большом городе.

Она перешла Хьюстон-стрит и оказалась в Сохо. Путь ее лежал в Галерею Деграфф. В витрине были выставлены два ее морских пейзажа, а на стекле белой краской было выведено: «Дана Андерхилл, Нью-Йорк».

Дана открыла дверь, и Виктория Деграфф, ее подруга и галеристка, одетая в широченный тибетский балахон, кинулась к ней навстречу. Она трижды — как принято в Бельгии — поцеловала Дану, а потом уже по-американски обняла.

— Ох, драгоценная моя, как же я по тебе соскучилась!

— И я по тебе, — ответила Дана.

— И вот ты здесь! И ты, и твои работы! Ну, что скажешь?

— Это же все старое, — сказала Дана, оглядевшись. — Я это писала пять лет назад.

— Знаю. И слава богу, что ты столько наработала.

Вики взяла Дану под руку и повела показывать галерею. Дана встречалась со своими картинами, как со старыми знакомыми: вот это написано на Корсике, это — в Позитано, две картины с острова Уайт, а остальное из Онфлёра. Она заметила, что Вики выставила одну совсем старую работу, сделанную еще в Мартиных Виноградниках.

— Откуда у тебя это? Кажется, раньше ее здесь не было.

— Умер один из первых твоих коллекционеров, — сказала Вики. — Его жена выставила все собрание на продажу, и я купила тебя. Ты — ценное приобретение, радость моя. Ну, пошли. Нас ждет ленч со Стерлингом Форсайтом из «Арт таймс». Скажу тебе по секрету: он в тебя просто влюблен.

Куинн почувствовала себя в доме хозяйкой. Бабушка — не тетя Дана. Она тихо уселась у окошка и, каждую минуту о чем-то вздыхая, смотрела на пляж и на отдыхающих. Куинн поднялась в спальню родителей, легла на кровать. Она снова нюхала их подушки и рассматривала ночные столики. И снова играла с русалкой в стеклянном шаре.

— Ты, русалка, мне скажи, как девчонке жизнь прожить? — спросила она.

И получила ответ.

Куинн придумала: надо сделать в гараже окно, чтобы у тети Даны был там северный свет. Она помчалась вниз. Теперь-то

уж тетя Дана останется здесь, будет жить спокойно и писать свои картины, и никакая Франция ей не понадобится.

Она с трудом открыла тяжелую дверь в гараж и проскользнула внутрь. На стене были развешаны папины инструменты. Взобравшись на стремянку, она достала пилу, определила, где север, и взялась за работу.

Стоя на стремянке, она внимательно исследовала стену. Она была старая, в щели между досками проникал свет. Куинн просунула пилу в зазор и принялась водить ею вперед-назад.

Тетя-Дана, тетя-Дана — словно пела пила. А если тетя Дана решила не возвращаться? Мама всегда говорила, что у тети Даны душа бродяги, что ничто не может удержать ее на месте.

— Останься здесь, — твердила Куинн, продолжая пилить.

Визг пилы казался ей оглушительным, но кто услышит? Бабушка давно глуховата, а если появится Элли, Куинн ее припугнет: пригрозит, что уничтожит Кимбу. А вот Сэм — он пусть слышит. И, вспомнив о Сэме, Куинн стала пилить еще быстрее. Сэм ругаться не будет. Что-то подсказывало ей, что Сэм не меньше ее хочет, чтобы тетя Дана осталась здесь.

Она пилила из всех сил и думала о своей тете — художнице, которой нужен северный свет.

Дане ленч очень понравился — приятно поесть в ресторане с крахмальными салфетками. Итальянская еда была потрясающе вкусна, но лучше всего было то, что ей не надо было ни о чем думать. Ни о Куинн, сидящей на камне, ни о том, чтобы вовремя отвести Элли на урок плавания, ни о том, что приготовить на ужин.

Как же замечательно просто сидеть, наслаждаться едой, слушать комплименты Вики и Стерлинга Форсайта, разговаривать о своих работах и думать о предстоящей встрече с Сэмом. Они сидели снаружи, на выкрашенной в синий и белый цвет узкой веранде. Тихонько жужжал диктофон Стерлинга, напоминавший о том, что это еще и интервью.

— Подводный мир, — сказал Стерлинг.

Это был огромный мужчина с темными вьющимися волосами и блестящими глазами. Такая у него была манера — произносить отдельные слова и ждать, что собеседник сам заговорит на эту тему.

Дана накрутила на вилку спагетти.

— Морские глубины, — сделал он еще одну попытку. — Вы жили в разных уголках света, от Америки до Японии, так ведь? И что вам понравилось больше всего?

— Новая Англия, — ответила она.

— Но здесь вы не жили больше десяти лет. Почему же не возвращались в место, которое, как вы утверждаете, любите больше всего?

Дана молча ела. Сколько раз она задавала себе тот же самый вопрос. Может, она уехала именно потому, что так здесь все любила? А любовь — это ведь непрекращающаяся сердечная боль. Куда как проще жить в местах, к которым не так привязана. Но она сказала совсем другое:

— Я хотела посмотреть мир. Думала, что это поможет мне писать лучше.

— Осмелюсь сказать, что так оно и вышло, — сказал Форсайт. — И вот еще одна тема. Синий цвет. Ваш коронный. Сколько оттенков синего вы использовали в своих работах?

— Сто четыре тысячи шестьсот один.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно.

Вики не могла решить — то ли рассмеяться, то ли рассердиться. Дана ей улыбнулась. Она терпеть не могла давать интервью. И что она может сказать такого уж важного? Она всего-навсего нашла способ зарабатывать на жизнь так, чтобы использовать данный Богом талант. Но этого говорить было нельзя. Надо было играть в игру.

— Любовь, — произнес Стерлинг и положил руку на скатерть. — Давайте поговорим о любви. Весь художественный мир с интересом следил за тем, как вы шефствовали над Джонатаном Холлом. Впрочем, лично я всегда считал, что он вам уступает. Он авантюрист.

— Вовсе он не авантюрист, — сказала Вики. — На редкость талантливый художник. И первой это разглядела Дана.

— Вики, я тебя обожаю! — расхохотался Стерлинг. — Но интервью я беру не у тебя. Дана, позвольте пригласить вас сегодня на ужин. Уверяю вас, общество мужчины моего возраста вовсе не так уж утомительно.

— Благодарю вас, — ответила Дана, с трудом сдерживая ярость, — но, к сожалению, я не могу. Сегодня вечером я встречаюсь с одним своим другом.

— Не с Джонатаном Холлом?

Дана молча покачала головой.

— Лично меня это весьма радует. Хотя из этого можно было бы сделать замечательный финал статьи — вы двое снова вместе.

— Никогда.

— Никогда не говори «никогда», — заметила Вики.

— Никогда, — твердо повторила Дана.

— Никогда не кончится история Даны, — рассмеялась Вики. — Не пытайся загнать ее в угол. Тогда она просто переселится на другой континент.

Окошко получилось хоть куда. Куинн и сама изумилась. Она пропилила двадцать пять сантиметров в высоту, двадцать пять в ширину. Папа бы ею гордился. Работа заняла весь день, и теперь мышцы на правой руке натруженно болели, но в недостатке решимости ее никто бы не мог обвинить. Это было лучшее окно, не окно, а мечта любого художника.

Куинн только принялась собирать отпиленные доски, как поблизости раздались голоса. На дороге стояли бабушка и старуха Аннабелла и о чем-то разговаривали.

— Бог ты мой... — в ужасе выдохнула бабушка.

— Марта, я же тебе говорила, что слышала звук пилы, — сказала Аннабелла.

— Куинн, что ты натворила!

— Это окно для тети Даны.

— Надо было сначала у меня спросить, — сказала бабушка. А если ты задела опорную балку? И тогда картина твоей любимой тети вообще погибла бы — ее бы завалило.

— И люди могли пострадать, — добавила Аннабелла.

— Опорную балку я не трогала, — огрызнулась Куинн.

Уж этому-то ее папа научил, об опорных балках ей все известно.

— А ну выходи, пока гараж не рухнул, — велела бабушка.

— Позвони Полу Николсу, — посоветовала Аннабелла. — Он укрепит стену, и все будет в порядке.

— Чтобы ему заплатить, придется еще неделю торговать хот-догами, — рассмеялась бабушка.

Летним вечером у фонтана было весело и многолюдно. Под ручку прогуливались парочки. Дул легкий ветерок, и прохлада освежила Дану. В соседних домах уже зажигали свет, на небе загорались первые звезды.

Сэма она увидела издалека. И сердце забилося быстрее. Какой же он видный и красивый. И ведь большую часть отпуска провозился с ней и с девочками.

— Ты не забыла... — сказал он, подойдя к ней.

— А ты думал, забуду? — улыбнулась она.

Они в некотором смущении стояли друг перед другом, и тут Дана вспомнила троекратный поцелуй Вики и проделала то же самое: чмокнула Сэма в одну щеку, в другую. На третьем поцелуе он перехватил инициативу и поцеловал ее в губы.

— Ты потрясающе выглядишь, — шепнул он ей на ухо.

— Спасибо. Ты тоже.

— Мне так хотелось встретиться с тобой там, где нет песка под ногами.

— Ты выбрал подходящее место, — рассмеялась Дана, оглядываясь по сторонам. Шум фонтана напоминал ей про Лондон и Рим. — Здесь кажется, будто ты в Европе, на каком-нибудь знаменитом музыкальном фестивале.

— Да, кстати... — Он достал из кармана пиджака два билета. — Мы идем на концерт. Будем слушать Моцарта.

— Мой любимый композитор.

— Знаю. Ты часто ставишь его в Хаббардз-Пойнте.

— Сэм...

Дану искренне растрогала его заботливость, но Сэм не стал дожидаться нового потока благодарностей. Он взял ее за руку и повел через площадь, мимо огромных концертных залов к небольшому амфитеатру.

Они сидели под звездами и слушали «Маленькую ночную серенаду». Музыка радостная, но Дана улавливала в ней нотки грусти. Мелодия почему-то навеяла ей мысли о Куинн и Элли, и, взглянув на Сэма, Дана догадалась, что он тоже думает о них.

Она посмотрела в его зеленые, цвета первой весенней травы, глаза и подумала о том, как давно его знает. Она привязалась к мальчишке, с которым познакомилась в Ньюпорте, и чувство это переросло в любовь к мужчине, которым он стал, к мужчине, который умеет угадать любое ее желание.

Концерт закончился, и они, держась за руки, пошли к фонтану. Она не знала, куда они идут, и ей было все равно. Они говорили о музыке и брели куда-то на восток.

Она рассказала о своей мастерской в Нормандии: старинный дом, амбар во дворе, огромное окно, выходящее на север.

— Ты скучаешь по Франции?

— Все лето скучала.

— А теперь?

— Теперь... теперь не знаю... — тихо сказала Дана.

Сэм только молча кивнул. Они прошли еще немного, и он поймал такси. Шоферу он назвал адрес на Бликер-стрит.

Они приехали в джаз-клуб.

— Моцарт был для тебя, — сказал Сэм, — а теперь послушай мою любимую музыку.

В клубе было темно, как в пещере, и только на столиках горели свечи под синими стеклянными колпаками. Дана с Сэмом сели в уголке. Играло трио — пианино, контрабас и труба.

Моцарт был летом, а эта музыка напоминала о зиме. Теплые, тягучие мелодии растопили душу Даны.

— Никогда не забуду, как впервые услышал живой джаз, — сказал Сэм. — Брат мне столько лет про это рассказывал.

— И наконец взял с собой?

— Нет, я пошел сам. Десять лет назад, в Мартиных Виноградниках.

Дана молчала, но сердце ее взволнованно забилося.

— Я знал, что ты на острове. Я никогда не упускал тебя из виду.

— Мы же были знакомы только одно лето. И тебе тогда было восемь лет.

— Ты даже не представляешь, как тоскливо мне жилось. И твои занятия были самым прекрасным событием моей жизни. Они так много для меня значили. А потом лето кончилось, и снова я не был нужен никому. Я так ждал следующего лета.

— А я в Ньюпорт не вернулась, — сказала Дана.

— Не вернулась. Я пошел в яхт-клуб, но меня оттуда прогнали. Новый инструктор даже не захотел со мной разговаривать.

У Даны сжалось сердце. Она молча смотрела на трепетное пламя свечи.

— Но я нашел себе занятие. Пошел на лето работать в артель, которая занималась ловлей омаров. Так и проработал там до окончания школы.

К соседнему столику подошла официантка взять заказ. Кто-то громко рассмеялся, и Сэм подождал, пока все стихнет.

— Мне исполнилось девятнадцать — примерно столько было тебе, когда мы познакомились. Но вспомнил о тебе, только когда поступил в университет, и мне так захотелось узнать, как ты живешь, чем занимаешься. Я позвонил в твою школу искусств — сказал, что хотел бы приобрести твою картину. И мне сообщили, что твоя галеристка — Виктория Деграфф из Нью-Йорка.

— Она так ею и осталась.

— Она была очень мила и доброжелательна. И я спросил, где ты сейчас работаешь.

— А она сказала, что в Виноградниках, — шепнула Дана.

— Да. Она рассказала, что ты там поселилась. Я не знал этого острова, но мне рассказал о нем Джо. Правда, он был против того, чтобы я тебя разыскивал. Не хотел, чтобы мне причиняли боль.

— А разве я причинила тебе боль?

— Нет, что ты!

— И что было потом?

— Я отправился за тобой. Гей-Хед — место маленькое. В те времена там стояло всего несколько домиков. Я отправился к маяку.

Дана отлично помнила красное кирпичное здание на холме.

— А потом нашел твой дом. Я сразу догадался, что это он, потому что ты натянула тент, под которым рисовала. Это был кусок холста, привязанный к трем деревьям, а под ним — мольберт с картиной. Твой морской пейзаж — первый, который я увидел.

— Так почему же ты со мной не повидался?

— Я видел тебя. — Сэм на мгновение отвел взгляд, но потом снова посмотрел на нее. — На пляже. У скал Закс.

Дана едва сдержала смех.

— На нудистском пляже?

— Ты, обнаженная, резвилась в волнах. Ничего прекраснее я в жизни не видел.

Музыканты снова заиграли, и все притихли. Дана не сводила глаз с Сэма.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Не будем мешать им своими разговорами.

На улице он обнял ее за плечи, и Дана прижалась к нему. Они брели по Гринич-Виллидж, повсюду встречались милые кафе, но им не хотелось никуда заходить. Когда они дошли до Шестой авеню, Дана решила отвести его к себе в отель.

Они с Сэмом вошли в крохотный лифт. Наверху Сэм взял у нее ключ и отпер дверь номера.

Он обнял ее, и они долго стояли, не произнося ни слова. Дана щекой чувствовала тепло его кожи. Она запрокинула голову, и он поцеловал ее в губы. Поцелуй был страстным и требовательным, и Дана отвечала тем же. Услышав тихий стон, Дана с удивлением поняла, что издала его она сама.

Сердце ее колотилось так быстро, что Данае казалось: еще мгновение, и она потеряет сознание.

Сэм осыпал поцелуями ее шею.

Их взгляды встретились, и Дана окончательно потеряла голову. Вся тоска, мучившая ее целый год, рвалась наружу. Она крепко обняла Сэма, прижалась к нему. А он смотрел на нее, и любовь, которой был напоен его взгляд, согревала и успокаивала ее. Ей хотелось закрыть глаза, хотелось сохранить это ощущение навсегда, но она не могла отвести глаз от Сэма.

— Забудь все, что было раньше, — сказал он. — Мы начинаем жизнь заново.

— Не могу.

— Забудь о тех, кто тебя обидел. Забудь о боли. Я никогда не оставлю тебя. Никогда.

— Сэм... — Она будто качалась на теплых и ласковых волнах. Дана закрыла глаза. — Что это, Сэм?

— Любовь, — ответил он.

— Я люблю тебя, Сэм.

— Я люблю тебя, Дана.

Высоко в небе сияли звезды. Текли реки, ехали куда-то машины, а чуть подальше шумели, зовя их назад, океанские волны.

Но для Даны с Сэмом в этот миг весь остальной мир не существовал.

Глава 12

Проснулись они в объятиях друг друга. Дана еще не успела открыть глаза, как сердце ее забилося быстрее. Сэм лежал рядом. И им обоим было хорошо и спокойно. Сэм поцеловал ее, погладил по голове, и они занялись любовью — нежно и неспешно. Потом она снова задремала, а Сэм спустился вниз — за кофе и газетой.

Утро стояло жаркое и тихое, но небо на востоке было красноватым. Сэм вспомнил старинную присказку: «Утром небо красное — моряку жизнь опасная». Когда Дана проснулась, он подал ей завтрак в постель.

— Какая погода? — спросила она.

— Хотел бы я сказать: да какая разница, — ответил он, — но, увы, похоже, будет гроза.

— Ой, а я лодку оставила на берегу, — забеспокоилась Дана.

— Может, там погода пока постоит. Грозы идут с запада, — сказал Сэм и поцеловал ее в шею. — Да и домой ты поедешь со мной. Я тебя вмиг домчу. Мы успеем убрать лодку.

Дана взяла его за руку. Рядом с ним было так спокойно. И во многом потому, что он отлично понимал, как связана она с домом, с Хаббардз-Пойнтом. Сэм был по натуре человеком семейным, только вот без семьи, а Дана — одинокая тетушка с целым семейством на руках. Она закрыла глаза и притянула его к себе, мечтая лишь о том, чтобы это утро не кончалось никогда.

Для Сэма началась новая жизнь. Жизнь, о которой он прежде и мечтать не мог. Он держал в объятиях Дану. Он провел с ней всю ночь и утро. И она вовсе не стремилась расставаться с ним.

Что изменилось? Он и сам толком не понимал. В начале лета она была к нему равнодушна. Но шли недели, и их отношения мало-помалу начали меняться. Они вместе занимались девочками, вместе расследовали обстоятельства гибели Лили и Майка.

И вот сейчас она выпустила его руку только для того, чтобы одеться, после чего тут же взяла ее снова.

— Я вчера заехал в корпорацию «Сан», — сказал Сэм и достал из сумки рекламные буклеты. — Человек, с которым я беседовал, знал о Майке. Лично они знакомы не были, но о том, что произошло, он слышал.

— Он ничего такого не говорил?

— Да нет. Ничего плохого я от него не слышал.

Дана взяла брошюру, взглянула на фотографию: пожилые люди в бассейне занимаются йогой. Выглядело это как-то фальшиво и искусственно и казалось очень далеким от жизни Даны и ее семьи. Сэм забрал у нее брошюру.

— Дана...

— Он действительно не сказал ничего плохого?

— Действительно.

Она бросила взгляд на брошюру.

— Майк понимал, что рекламные материалы помогут ему выгодно продать объект, — сказала она. — Но думаю, его это и самого немного смущало.

— Потому что Лили была очень естественной, да?

— Наверное. Иногда мне кажется, что ей было лучше не знать всех подробностей. — Дана с грустью взглянула на Сэма. — Не хочу больше об этом думать. Хочу просто вернуться домой, к девочкам, и хочу, чтобы все у нас было хорошо.

— Прекрасно тебя понимаю. Майк давно мертв, и, что бы он ни натворил, теперь это значения не имеет.

— Нет, — вздохнула Дана, — имеет. Это важно и мне, и Куинн.

— Значит, мы постараемся все выяснить.

— Бабушка! — крикнула на бегу Элли. — Ее нет в комнате! Ее нигде нет!

— Александра, отдышись, успокойся. О чем это ты?

— Куинн не ночевала дома! На кровати под одеялом лежит куча ее одежды. Будто это она там спит.

— Она дома не ночевала?

Элли замотала головой.

— Так, давай соображать, — сказала Марта, — куда она могла подеваться.

— Литл-Бич! — воскликнули хором Элли и бабушка.

Марта быстро надела соломенную шляпку, сунула ноги в шлепанцы, и они с внучкой отправились на поиски Куинн.

Куинн сидела на своем камне и смотрела вдаль. Погода стояла чудесная. Яркое светило солнце, море было спокойное. Рядом с ней лежали дневник, рюкзак с запасом провизии, жестяная коробка и подарок, который она приносила сюда каждый день. Подарки она будет приносить и дальше, только уже не сюда.

Куинн твердо решила покинуть родной дом. Слишком уж больно было находиться здесь. Теперь она понимала тетю Дану. В Хаббардз-Пойнте все наполнено воспоминаниями. Куда бы Куинн ни взглянула, она думала о маме с папой. Были хорошие воспоминания: вот они сажают цветы, собирают в корзинку продукты для пикника, а были и плохие: как она стоит в коридоре на втором этаже, а за дверью ругаются родители, как приходит бабушка и говорит, что мамы с папой больше нет. И еще — жестяная коробка у тети Даны под кроватью.

Об этом мама и говорила — о взятке. Все остальное Куинн додумала сама. Очень хочется, чтобы тетя Дана на нее не злилась. Куинн надо кое-что исправить, а для этого понадобятся деньги.

Из ума не шли те страшные слова, которые родители наговорили друг другу в последнюю ночь.

— А если кто-нибудь узнает? — прошептала Лили. — Ты и раньше так делал? Ты нас погубил, ты уничтожил свою семью. Неужели мы всегда жили на взятки?

— Лили, ты прекрасно знаешь, что это не так. И не это тебя беспокоит.

— Этот райский уголок... Священное для нас место.

— Лили, все равно его кто-нибудь начал бы застраивать. Владелец умер. Наследники обратились ко мне, потому что знают, что к этой земле я отнесусь с уважением.

— Жимолостный холм...

— Нам надо будет учить девочек. Надо оплачивать счета.

Лили тихонько плакала. Она молчала, и Майк заговорил снова:

— Ты же знаешь, я взятку не беру. Джек Конвей боялся, что я не найму его, — Майк горько усмехнулся, — если он меня не задобрит.

— Ничего смешного в этом нет! Джек уже лет двадцать ничего не строил, — сказала Лили. — Что, если его дома рухнут?

— Да ладно тебе, Лили. Джек просто хотел в этом участвовать. Он же не будет начальником строительства.

— Меня не деньги волнуют. Я знаю, ты их ему отдашь. Но Жимолостный холм...

— Понимаю. Я бы сохранил его, если бы мог. Но раз выкупить его у нас средств нет, так уж лучше застройщиком стану я, а не кто-то еще.

— Нет, — упрямо прошептала она.

— Лили, родная моя... Девочки спят. Давай выйдем в море и все обговорим. Я люблю тебя. Сама знаешь, людям свойственно ошибаться. Если я сделал что-то не так, прости меня. Я хотел поддержать старика.

— Понимаю.

— Пойдем, любовь моя. Сегодня чудесная лунная ночь. Выйдем в море.

— Ой, не знаю. А вдруг они проснутся?

— Да ничего не случится. Нас не будет всего пару часов.

Куинн вспомнила все это и содрогнулась. Прошлой ночью она не спала дома и безумно устала. Когда бабушка на нее накричала, она схватила фонарик и побежала сюда, к дневнику. А потом, вместо того чтобы вернуться домой, забралась на «Русалку» и ночевала там.

Проснувшись, она разработала план. Она уплывет отсюда, уплывет на «Русалке» далеко-далеко.

Дневник был с ней, завернутый в два пакета — чтобы не намок. Оставалось только положить на песок подарок.

— Бабушка, осторожно, не споткнись о корень, — услышала Куинн голос Элли.

Куинн лежала, свернувшись калачиком, под камнем. Она слышала, как сестра подбежала к камню, заглянула за него и тут же побежала обратно.

— Бабушка, ее тут нет! — крикнула Элли.

— Я так волнуюсь. Ну, будем надеяться, она уже дома.

В глазах Куинн стояли слезы. Она понимала, что будет скучать по бабушке, а еще больше — по сестре. Скучать по ее светлым косичкам и огромным глазам, по тому, как Элли сосет большой палец и закручивает на указательный палец волосы.

А вот про то, что мама больше всего любила белые цветы, помнит не одна Элли. Куинн, снова оставшись одна, полезла в рюкзак и достала подарок.

Она оставляла его каждый день — для мамы. Белый цветок.

— Тебе, мамочка, — прошептала Куинн и пустила лилию по волнам, а потом долго смотрела, как она плывет к Охотничьей мели.

Куинн скоро тоже будет там. Она поплывет за цветком, за мамой, туда, куда придется плыть.

Гроза мчалась по пятам за машиной Сэма. Впереди дорога была сухая, а позади них все уже залил дождь. По радио сообщали о задержках авиарейсов. В Нью-Джерси и Коннектикуте уже бушевал торнадо.

— Мы уйдем от грозы, — пообещал Сэм, взглянув на небо.

Над Нью-Йорком небо было свинцово-серое, а над Коннектикутом еще светило солнце.

— Очень на это надеюсь, — сказала Дана. — Бедная моя лодочка...

— Мы не допустим, чтобы «Русалку» смыло в море, — сказал Сэм. — Это ведь такая же яхта, как та, что свела нас.

Дана улыбнулась. Надо всего-то спасти лодку, думала она, держа Сэма за руку. Но почему пересохло во рту, почему так беспокойно на душе? У нее было предчувствие, что дело не

только в лодке, что надо скорее добраться до дома, пока не случилось что-то ужасное.

Паруса были огромными и тяжелыми. Куинн сначала поставила кливер, потом пристроила все свои пожитки — рюкзак, одеяло и жестянку с деньгами — на носу. Грот она подняла последним. И когда он взвился на мачте, Куинн показалось, словно она объявила о своих намерениях всему миру.

Куинн попыталась столкнуть лодку на воду.

— Куинн, подожди меня!

— Вот черт, — буркнула себе под нос Куинн, увидев Элли, вприпрыжку мчащуюся по берегу с Кимбой в обнимку.

— Думаешь, я не видела тебя у камня? Еще как видела! И не сказала бабушке.

— Об этом тоже не говори, — сказала Куинн с угрозой.

— Кому мне говорить? Я отправляюсь с тобой.

— Нет, — сказала Куинн. — Ты будешь ныть. Ты еще маленькая. Ты даже со своим дурацким Кимбой ни на минуту расстаться не можешь.

У Элли из глаз покатались огромные слезинки, губы задрожали. Куинн было ее безумно жалко. Но надо было поскорее уплывать, пока бабушка не увидела.

— Я оставлю Кимбу дома, — всхлипнула Элли.

— Эл, я не могу взять тебя с собой, — сказала Куинн, сама готовая разрыдаться.

— Ты куда собралась?

— Далеко, Элли. Очень далеко.

У Куинн сердце разрывалось. Никого в мире она не любила так, как Элли. Да, путешествие действительно предстоит дальнее, и ей будет так одиноко.

— Ну ладно, Элли. Прыгай в лодку.

— Я сбегаю отнесу Кимбу домой, а?

— Да уж бери с собой.

— Ой, Куинн, спасибо! — заверещала Элли и забралась на «Русалку».

Куинн полезла следом. Она выправила румпель, выровняла руль. Надела оранжевый спасательный жилет и велела Элли сделать то же самое.

— Куда мы плывем? — спросила Элли, когда лодка отошла от берега.

Куинн достала из кармана компас.

— К Мартиным Виноградникам.

— Зачем?

— Отдать долг за маму с папой. Все очень просто, Эл. Нам надо идти все время на восток. Следи за компасом.

Марта взволнованно ходила по двору. Куинн не ночевала дома, и Элли побежала ее искать. Аннабелла с Марни сели в машину и ездили по дорогам к пляжу. Камерон и Джун искали на скалах.

Марта заметила, что у холма остановился старенький фургон. Оттуда вышли улыбающиеся Дана и Сэм. Дана тут же направилась к гаражу.

— Что это? — спросила она.

— Твоя племянница решила, что тебе для работы необходим северный свет, — сказала Марта, показывая на неровный квадрат окна.

— Куинн сама это сделала? — обрадовалась Дана.

— Да. Но, увы, не обратила внимания на то, что это несущая стена. Я попросила Пола помочь чем можно, тем более что гроза надвигается. Будет шторм.

— Куинн в порядке? — спросила Дана.

— Понимаешь... — начала Марта.

— Это она убрала лодку? — спросила Дана.

— Лодку?

— Ну да, «Русалку».

— Куинн нет дома, — сказала Марта. — Я думала, она опять пошла на Литл-Бич, но мы ее там не нашли. Марни с Аннабеллой ее ищут.

— Лодки на берегу нет, — побледнела Дана.

— Надо сообщить береговой охране, — сказал Сэм.

Дана не находила себе места. На море разыгрался шторм, волны захлестывали берег. Весь пролив был в белых бурунах. Лили с Майком погибли в тихую лунную ночь. Что же может случиться с девочками в такую непогоду?

Сэм отправился в море с береговой охраной. Марта сидела у окна. Стекло заливали потоки дождя, но она продолжала высматривать в волнах белый парус. Дана думала о том, что пришлось пережить матери, и у нее сжималось сердце. Она подошла к Марте и встала рядом.

— Надо было получше за ними следить, — сокрушалась Марта. — Надо было сразу же, как я поняла, что Куинн не ночевала дома, вызвать полицию. А я все говорила себе: девчонка просто гуляет.

Они сидели рядом и думали о Лили, о том, как она всегда присматривала за девочками. Дана устала ждать, устала от неизвестности. Ей хотелось пойти в гараж и нарисовать магический талисман, который бы привел девочек домой. Она дотронулась до висевшего на шее ключика и вспомнила про медальон, который всегда носила Лили.

— Помнишь магазинчик мисс Элис? — спросила Дана мать.

— Конечно, помню. Вы с Лили тратили там все свои карманные деньги.

— Я заходила в офис Майка, — сказала Дана. — И подумала, как здорово, что он устроил его в том самом доме. Как ты думаешь, это Лили ему посоветовала?

— Наверняка. Лили во всем любила отыскать связь. А этот дом был ее связью с тобой, с детством. Лили отнесла туда свою секретную шкатулку.

— Шкатулку?

— Да. Она была небольшая — размером с книгу. Ты наверняка ее видела. С лунными камнями на крышке. Когда я прочитала ее дневник, в чем до сих пор раскаиваюсь, она стала прятать его туда.

Шкатулка с лунными камнями. Дана столько лет о ней не вспоминала.

— Очень жалею о том, что я все это делала. Проверяла ваши комнаты, читала ваши дневники. Я вам не доверяла. А вы у меня получились такие замечательные. Я всегда с таким беспокойством смотрела на эту шкатулку, — продолжала мать. — Я ее специально убрала в комод, чтобы больше не видеть. Мне было так стыдно.

— В комод?

— Ну да, на втором этаже. На верхней полке.
Дана чмокнула маму в макушку и помчалась наверх.

Сэм стоял на палубе катера береговой охраны и осматривал все вокруг. Дождь заливал лицо, ручьями струился по желтому дождевику. Суденышко бросало из стороны в сторону по всей Охотничьей мели — именно туда, по мнению Марты и Даны, направились девочки. В ста метрах от них прошли танкер и баржа.

— Почему мы ищем именно здесь? — спросил офицер береговой охраны Том Хэнли.

— Здесь затонула лодка их родителей.

— Да, помню, «Сандэнс». Меня тогда вызывали. Ужасная трагедия, — сказал Хэнли. — Совершенно непонятная история — ночь была спокойная, лунная, оба — опытные моряки.

— Они наткнулись на буксирный канат, — сказал Сэм, глядя на идущий с запада буксир. — Я нырял туда, к лодке. Нашел ворс от каната.

— Ну, тогда понятно, — сказал Хэнли. — Движение здесь оживленное — это же главный торговый путь между Бостоном и Нью-Йорком.

— Будем надеяться, что сегодня такого не случится, — сказал Сэм.

— Только бы их волной не опрокинуло, — ответил Хэнли.

Глава 13

Погода менялась стремительно. Утро было солнечным и безоблачным, а теперь небо посерело, поднялись волны. Не огромные, как во время урагана, но все равно большие. Куинн еще никогда не ходила на лодке по таким волнам. Она старалась крепко держать румпель, чтобы лодка, не дай бог, не перевернулась. Насквозь мокрый Кимба висел на руке Элли.

— Идем строго на восток, — крикнула Элли.

— Умница, Эл.

— Нам еще долго?

Куинн мрачно вздохнула. Она что думает, это легкая прогулка? Свистел ветер. Он оборвал кливер, и парус хлопал о мачту. Если бы она знала, что погода так испортится, ни за что бы не вышла в море.

Куинн поглядела по сторонам — пыталась понять, далеко ли они отошли. Ориент-Пойнт — он был справа — они прошли час назад. Слева остались залив Силвер и Нью-Лондон. А земля впереди — это, должно быть, Рыбачий остров.

— Это Мартины Виноградники? — спросила Элли.

— Нет, Рыбачий.

— Давай причалим здесь, — взмолилась Элли. — Переждем шторм и пойдем дальше.

Куинн держала румпель так крепко, что сводило пальцы. В лицо хлестал дождь. Предложение Элли было дельным, но, если они сделают остановку, взрослые их найдут и отправят домой. И тогда уж с них глаз не спустят и второго такого шанса не представится.

— А как же наше дело? — сказала Куинн, утирая лицо.

— Ты про деньги, которые надо отдать тому человеку?

— Ну да. За маму и папу.

Элли на несколько секунд задумалась.

— Ну ладно, — сказала она наконец. — Поплыли дальше.

Зачем ты их взял? Ты нас погубил... В порывах ветра Куинн слышала мамин голос.

— Нас никто не погубит, мамочка, — произнесла она вслух.

Она твердо знала: ее обязанность — исправить ошибки своей семьи.

Дана, встав на цыпочки, нащупала на верхней полке шкатулку. Шкатулка была заперта на крохотный замочек, и ключ, который Дана носила на шее, к нему подошел. Она открыла крышку и вскрикнула. Внутри лежал медальон Лили.

Дана сжала медальон в кулаке. Это был довольно тяжелый серебряный овал с узором ручной работы. Дана отнесла его в комнату сестры, чтобы разглядеть при дневном свете.

Она присела на краешек кровати и трясущимися руками открыла замок. Медальон раскрылся как книжка, и на колени Даны упал еще один ключик, совсем крохотный. У Даны застучало в висках.

В правой части медальона была фотография Лили и девочек в саду. Девчонки в рабочих перчатках взяли мамины грабли и совок, Лили руку с книгой положила на плечо Куинн, а вторую, державшую авторучку, на плечо Элли. Слева был другой снимок: Дана с Лили смотрят друг на друга, и глаза обеих светятся любовью. У Даны заняло сердце — никогда больше не испытать ей такой любви.

Она взглянула на фото повнимательнее и заметила, что нашее у Лили висят этот медальон, а рядом с ним — золотой ключик. Приглядевшись к снимку Лили и девочек, Дана поняла, что за книга у Лили в руке. Это был ее детский дневник в бордовом переплете.

В окно бил дождь, порывы ветра трепали тент, натянутый во дворе. Ну какое это теперь имеет значение? Они нашли потонувшую лодку, убедились в том, что произошла авария. Коробка с деньгами явно как-то связана с махинациями в «Сан-Центре», но к семье это никакого отношения не имеет.

Медальон жег ей ладонь. Она смотрела на снимки и вдруг почему-то перевела взгляд на шар, стоявший на ночном столике Лили. Дана взяла его в руки, встряхнула, и крохотные рыбешки закружились вокруг русалки. Шар был куплен в магазинчике мисс Элис приблизительно в то же время, что и медальон.

«А вы знаете, что русалки существуют на самом деле, — сказала им тогда старая леди. — Они плетут сети из лунных лучей, они снимают с неба звезды. Если вам понадобится их помощь, достаточно только их позвать. Произнести: “Ты, русалка, мне скажи...”»

— «Как девчонке жизнь прожить?» — закончила вслух Дана.

И словно вернулась в прошлое. Где Лили прятала свои дневники? Под матрасом, в шкафу за книгами, на чердаке. Все эти места Дана находила, и Лили об этом знала. Но был еще последний тайник Лили — она его сделала в тот год, когда они обе поступили в школу искусств. О том, что Дана обнаружила и это место, Лили известно не было.

Найдя золотой ключик, Дана часто задавалась вопросом: а куда же взрослая Лили стала бы прятать дневник? И только одно не пришло ей в голову. Последнее место было идеальным, а идеала не превзойти.

Нет, надо было раньше посоветоваться с русалкой, думала Дана, быстро спускаясь по лестнице. В кулаке у нее был зажат второй ключик.

КАТЕР береговой охраны избороздил весь пролив с юга на север. Сэм стоял на палубе и смотрел в бинокль на Охотничью мель. При мысли о двух маленьких девочках на крохотной парусной лодке ему становилось по-настоящему страшно.

Капитан замедлил ход, и Сэм похолодел. Он решил, что капитан разглядел в волнах обломки лодки.

— Что он делает? — спросил Сэм.

— Идет назад, — сказал Том Хэнли.

— Но они должны быть где-то здесь!

— Тогда бы мы их обязательно увидели. Может, они решили укрыться в одной из бухт? Надо пройти вдоль берега, поискать их там.

Дана не надела ни плаща, ни шляпы, даже лопаты не прихватила. Зажав ключик в зубах, она встала на четвереньки и принялась руками разрывать грядку с травами.

Травы Лили рассадил в строгом порядке: на севере шалфей — символ мудрости, на западе тимьян, символ долголетия, в память об отце и всех умерших родственниках на юге росла лаванда, а на востоке травы любви — розмарин и мята.

Травы источали таинственный, дурманящий аромат, который смешивался с запахом влажной земли. Много лет назад она видела, как Лили ночью пробралась к грядке с травами с дневником в руке. И сразу догадалась: Лили решила закопать его там.

И теперь это была последняя надежда Даны. То ли Лили, то ли русалка, то ли обе вместе послали Дану искать под дождем дневник. И найти правду.

Но дневника не было. Дана изрыла все вокруг. По лицу Даны текли струи дождя. И вдруг взгляд ее упал на латунный диск солнечных часов, врытых в землю посреди грядки.

Дана потянула за центральный штырь, и диск легко вышел из бетонного основания. Под ним и лежал дневник Лили.

Дана схватила его, прижала к груди, и по щекам потекли, смешиваясь с дождинками, слезы.

— Я нашла его, Лили! И девочек найду!

Она помчалась в дом, вверх по лестнице. В спальне Лили она плотно прикрыла дверь и села на кровать. Дрожащими пальцами она вставила ключ в замок, и дневник распахнулся. Дана принялась читать.

Здравствуй, новый дневник! Ты последний в ряду многих, но я тебя уже люблю. Приготовься выслушать все, и плохое, и хорошее. Стоит мне записать все, что меня мучает, и на душе становится легче. Так я избавляю от груза своих переживаний самых дорогих и близких мне людей.

Очень не люблю кричать на мужа и на дочек. Но идеальных людей нет. Когда Майк бывает резок с Куинн или недостаточно терпелив с Элли, я ужасно на него злюсь. Впрочем, такое случается нечасто. Он замечательный отец. И мне очень повезло в жизни.

Дела у него идут превосходно. «Грейсон инкорпорейтед» работает сейчас над двумя новыми проектами — в Цинциннати и здесь, в Коннектикуте. И то, и другое — дома для престарелых. Таково веяние времени.

Плохо то, что Цинциннати так далеко и Майку приходится ездить туда довольно часто. По-моему, раньше, когда он еще не так развернулся, было лучше. Денег у нас, конечно, было меньше, но нам хватало.

Второе февраля. У обеих девочек насморк. Куинн сводит меня с ума — все время рвется погулять, а нос совершенно забит, и температура под тридцать девять.

Дана пролистала несколько страниц — февраль, март — и остановилась на апреле.

В саду уже появились первые всходы. На деревьях набухли почки. Элли занимается танцами и футболом, а Куинн, как

всегда, делает все всем назло. Она обожает бродить по горам, лазить на деревья и подслушивать под дверь. А занятия в школе требуют усидчивости. Майка постоянно нет дома — в Цинциннати все закончилось, но теперь появилось что-то новое в Массачусетсе.

Вчера доставили новую лодку. Признаю, я была не права: она великолепна. Мы с девочками сразу в нее влюбились. Первое большое путешествие будет в Мартини Виноградники, но сначала мы походим по проливу. Мы решили назвать ее «Сандэнс» — в честь проекта «Сан-Центра» в Цинциннати, на деньги от которого она и была куплена. Место чудесное, и Майк им очень гордится. Вот если бы такой же здесь был, в Коннектикуте. Как раз для мамы. Он делает еще один, в юго-восточном Массачусетсе, но почему-то не любит о нем говорить. Ну и пусть. Не хочу ему надоедать.

Мне очень нравится наша жизнь. Мы ходим в море, работаем в саду, занимаемся семьей, и нам хорошо друг с другом. Вот если бы и Дана жила где-нибудь поблизости, тогда все было бы абсолютно прекрасно.

Неужели только на прошлой неделе я писала о том, как хорошо мы живем? Какая ложь... Вернее, какой лжец!

Майк меня обманывал. Он говорил про «юго-восточный Массачусетс», а на самом деле речь шла о Виноградниках. Да-да-да! Его новый проект — никакой не дом для престарелых. Это подряд на строительство четырех огромных уродливых домов в Мартиных Виноградниках. На моем обожаемом острове. И самое ужасное: все это на Жимолостном холме. На священной для нас земле — там, где он сделал мне предложение.

Как я надеялась, что эти песчаные дороги никогда не замостят и вересковые пустоши никогда не тронут. По-моему, это огромная ошибка.

Господи, дай мне силы сохранить спокойствие и не показывать девочкам, как я расстроена. Сегодня вечером Майк пришел домой и сказал, что хочет мне что-то показать. Он все время смеялся, и я тоже смеялась. Мы оба устали злиться друг на друга.

Он показал мне старую жестяную коробку. А в ней — пять тысяч долларов. Старые купюры, в основном по пятьдесят и по

сто долларов — похоже на чьи-то давние сбережения. Так оно и есть, сказал он. Джек Конвей, старый мастерской из Куиссета, хочет работать на строительстве. У него больная нога и больная спина, и подрядчик его не нанял, вот он и пошел к Майку.

Майк сказал, что не может взять от него деньги, но Джек настаивал. Для него это вопрос чести, сказал Майк.

Ему все это кажется очень забавным. Он говорит, что Джек неплохо зарабатывает на строительстве. А через некоторое время Майк вернет ему эту коробку.

Разумеется, проблема не в этом. А в том, что Майк строит дома на острове, на том самом холме, который так нам дорог. Я вне себя от ярости.

Сегодня Куинн совершенно вывела меня из себя. И мне теперь стыдно. Она все донимала меня расспросами, хотела узнать, что у нас с Майком не так. Она слышала, как я плачу, а он кричит, и сказала, что, если так будет продолжаться и дальше, она покончит с собой. Так прямо и сказала. Может, я пытаюсь себя оправдать, но у меня на самом деле не было другого выхода. Когда она пошла заниматься плаванием, я поднялась к ней в комнату и прочитала ее дневник.

Я получила то, что заслужила. Моя дочка пишет, что каждую ночь плачет, что боится, как бы мы не развелись, и не понимает, что происходит. Я так переживаю из-за нового проекта Майка. Ведь Виноградники — мой второй дом.

Дана начала читать последнюю запись. Тридцатое июля, день смерти Лили.

Ну ладно. Перемирие. Взошла луна, море совершенно спокойное. Наши дочери мирно спят. Всего несколько минут назад я кричала на их отца. А теперь мне хочется взять свои слова назад. Я обвиняла Майка в том, что он нас погубил, разрушил нашу семью. Это была моя реакция на то, что три дня назад сказала Куинн.

Мы отправляемся на морскую прогулку.

С девочками все будет в порядке. Правда ведь, дорогой дневник? Я никогда прежде не оставляла их ночью одних, но,

с другой стороны, я прежде и с мужем так страшно не ругалась. Он хочет, чтобы я была довольна. А я хочу, чтобы был доволен он. Может быть, мы будем заниматься на лодке любовью. А может, и нет. Это значения не имеет. Я все равно его люблю.

И их люблю. Я так переживаю, что причинила Куинн боль, поругавшись с ее отцом. Она знает, что мне стыдно за Майка — потому что он взял деньги. Она слышала, что я назвала это взяткой.

Ночь совершенно ясная, дует легкий бриз. Мои дочери спят как сурки. Я уже и забыла, когда они просыпались раньше утра. Их не мучают кошмары, они не ходят во сне, и снятся им хорошие, добрые сны. Они будут крепко спать, а через час я вернусь.

Какая потрясающая сегодня луна! И я сижу здесь, в саду, и вижу лунную дорожку, тянущуюся отсюда, от пролива, до самой Франции. Русалки забросили сети — мисс Элис сказала бы, что они нас оберегают.

Всех нас, всех девочек-русалочек. Маму, Дану, меня, Куинн и Элли. Как нам повезло, что мы есть друг у друга.

Дана закончила читать. По ее лицу ручьем текли слезы. Она целый час слушала голос Лили и тосковала по ней больше, чем когда бы то ни было. Она встала, пошла к себе в комнату, заглянула под кровать. Жестяной коробки не было, но она и так уже знала, куда отправились Куинн и Элли. Она сняла телефонную трубку и набрала номер сотового Сэма.

— Они плывут в Мартины Виноградники, — сказала она.

— В Мартины Виноградники? Ты...

— Да, точно знаю, туда, — прокричала Дана, чтобы он ее расслышал наверняка. — Они считают, что должны отдать один долг. За родителей.

Сэм позвал капитана, и Дана услышала, как он просит передать это сообщение по радиации тем судам, которые могут быть в районе Виноградников.

— Они меня сейчас высадят. Я еду за тобой.

Дана схватила дождевик и села ждать, когда он приедет и отвезет ее к парому.

На ноги поставили береговую охрану Ньюпорта, Вудс-Хоула и Менемши, и Дана пыталась убедить себя, что девочек обязательно спасут. Уж если Лили и русалки завели их так далеко, не бросят же они их теперь.

— Я безумно волнуюсь, — сказала Марта. — Ты уверена, что они плывут в Виноградники?

— Абсолютно.

— А вы с Сэмом отправляетесь на паром? Он что, до сих пор ходит?

— Да.

Марта недоверчиво покачала головой. Ну ладно, может, и правда ходит. А Дане казалось, что она действует не совсем по собственной воле, а лишь выполняет приказы сестры. Она поцеловала мать и убежала из дома.

Сэм уже завел мотор. Дождь заливал ветровое стекло, но он ехал быстро и аккуратно.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, когда они свернули на автостраду.

— Что они отправились в Мартини Виноградники? Мне Лили сказала. Правда, сказала. Понимаю, это звучит дико, но она показала мне, где искать ответ. А когда я его нашла, она посоветовала, что делать дальше.

— Я тебе верю.

— Почему? Я сама себе верю с трудом.

Сэм Тревор был человеком рассудительным. И все же легко согласился с самым невероятным.

— Я изучаю дельфинов, — сказал он. — Они общаются друг с другом очень замысловатым способом. Мы, люди, пока что его до конца не поняли. Они плавают рядом и одним взмахом хвоста сообщают, где есть пища, где подстерегает опасность, даже в любви признаются. Они поддерживают связь и на большом расстоянии, когда не видят друг друга. — Он взял Дану за руку. — Лили все время с тобой общалась.

— Откуда ты это знаешь, Сэм?

— Потому что я сам иногда слышу отца. Он говорит мне, что я молодец, что иду по верному пути. У него легкий ирландский акцент, и слышу я его обычно по ночам, когда я один на яхте.

Шторм разыгрался нешуточный. Элли следила за компасом, а Куинн изо всех сил старалась держать румпель ровно. У нее устали руки, и видимость была никудышная.

— Где мы? — прокричала Элли.

— Почти у цели!

На самом деле Куинн понятия не имела, где они находятся. Дождь лил как из ведра, и разглядеть что-либо было невозможно. Ветер рвал паруса. Куинн с трудом перебарывала страх.

— Ой, Куинн! — завизжала Элли, когда лодку накрыло огромной волной.

— Элли, держись!

Ладони у Куинн горели. Она натерла их до волдырей, и волдыри начинали лопаться. Деревянная рукоятка румпеля стала скользкой от дождя и крови.

Следующая волна появилась непонятно откуда. Куинн отслеживала их все, но эта ударила им в лоб. «Русалка» заскрипела и повалилась на бок.

— Кимба! — закричала Элли.

— Эл, держись, — велела Куинн.

— Он упал, — зарыдала Элли, кидаясь в волну. — Он упал за борт.

— Эл, оставайся на месте!

— Куинн, спаси его, ну, пожалуйста!

— Я вижу только то, что ждет нас впереди, — сказал Пол. — Теплая одежда, хороший бифштекс и мартини в «Черной жемчужине».

— Я серьезно. Я, кажется, видел, как перевернулась лодка.

— Наверное, это какой-нибудь идиот серфингист ловит волну. Давай посмотрим, может, он опять покажется.

Мужчины молча вглядывались в бушующее море. Дождь бил в лицо, волны вздымались одна за другой. Оба были опытными моряками и за себя не беспокоились. Но они проголодались и хотели поскорее добраться до Ньюпорта.

— Да нет, показалось, — сказал Твигг. — Процентов девяносто вероятности, что показалось.

— Девяносто?

— Да, черт возьми.

— Тогда придется проверить.

— Держись, Элли! — крикнула Куинн, когда на них пошла очередная волна.

Она обрушилась ей на голову, в рот залилась соленая вода. Но Куинн изо всех сил цеплялась за перевернутую лодку. Элли была рядом — она одинаково крепко держалась и за Кимбу, и за лодку. Пока они видели друг друга, им было спокойнее. Но когда волны захлестывали их, Куинн охватывала паника.

— Куинн, ты тут?

— Тут...

Сестры все время переговаривались. Вода была теплая, но волны — слишком сильными. Так им долго не продержаться. Куинн цепенела от ужаса.

Под мышкой она зажала жестяную коробку. Волны пытались выбить у нее коробку, но Куинн сопротивлялась. Не так важны были деньги, главное — очень хотелось выполнить то, что не успели сделать родители.

Налетела очередная волна и оторвала их от лодки. Куинн, не выпуская коробки, ухватила сестренку, подтащила к лодке. Она знала твердо: надо держаться до последнего. Это было первое правило, которому научила их мама. «Если вы когда-нибудь перевернетесь, обязательно держитесь за лодку», — говорила она.

— Эл, хватайся крепче, — велела она.

— Куинн, я так устала...

И снова их накрыло волной. Куинн и под вод водой слышала мамин голос. «Держись, любовь моя. Что бы ни случилось, не отпускай лодку».

Мама, это ты?

Да, я. Держись. Отпусти коробку. Скажи Элли, пусть отпустит Кимбу. Вы справитесь, обязательно справитесь, но надо приложить все силы.

Неужели такое бывает? Куинн трепетала от радости. Она только что слышала мамин голос, ощущала ее рядом с собой.

— Держись крепче, Элли. Кто-нибудь обязательно придет на помощь. Помнишь русалок? Они приплывут.

— Никаких русалок нет, — сказала Элли.

Она была совсем бледная, губы посинели.

А мамин голос продолжал:

Подбодри ее, радость моя. Скажи, чтобы она отпустила Кимбу и держалась обеими руками. И ты тоже. Слышишь, обеими руками!

— Есть, Эл. И они нас спасут. Одна сейчас здесь, и, по-моему, это наша мама. Держись!

— Мамочка!

Элли отпустила руку, ее подхватила волна. Элли ринулась обратно к лодке и вцепилась в нее.

Ну же, Куинн, давай!

— Элли, — крикнула Куинн, когда прошла следующая волна, — слушай меня. Мамин голос сейчас с нами, и она сказала, что тебе надо отпустить Кимбу.

— Не могу, — зарыдала Элли.

— Элли, сначала я выброшу коробку с деньгами, договорились? А потом ты отпустишь его. Мама говорит, так надо.

Умница! Так и продолжай!

— Не могу... — вопила Элли.

— Он знает, что ты его любишь, — уговаривала сестру Куинн. — Он отправится на морское дно, к нашим маме и папе.

Правильно, родная. Ко мне. Игрушка моей дочки...

Куинн взглянула на жестяную коробку. Она слышала голос матери, она должна была спасти сестру. И Куинн выбросила коробку.

Замечательно, Акуинна! Вот так! Теперь держись крепче. И следи за сестрой.

Увидев, что Куинн выбросила коробку, Элли поцеловала на прощание Кимбу и отпустила его. Она держалась за борт и горько плакала.

— Ой, мамочка... — причитала она.

Куинн безумно устала. Море боролось с ними, и сил сопротивляться уже не было. Но вдруг усталость как рукой сняло. Она взглянула на Элли и приободрилась. Ноги словно нащупали твердую почву — будто кто-то поддерживал Куинн. С Элли случилось то же самое. Сестре стало гораздо легче.

Дорогие мои, раздался голос. Я так вас люблю.

— Это... — изумилась Элли.

— Мамочка, где ты? — спросила Куинн.

Я всегда рядом с вами. И не важно, видите вы меня или нет, слышите ли мой голос или нет.

— Ты спасла нас!

Вас спасла ваша любовь. Никогда не забывайте об этом, дочери мои. Любовь сестер сильнее, чем любовь русалок.

— А любовь матерей? — спросила Куинн.

Это самая сильная любовь на свете. Она не кончается никогда. Не забывайте об этом, Куинн и Элли! Когда вам будет одиноко, вспоминайте: я — ваша мама. На веки вечные.

Внезапно они увидели, что к ним идет большая яхта. Куинн понимала, что надо кричать, чтобы их заметили, но ей не хотелось расставаться с мамой. И Элли тоже.

— Не уходи! — закричала Элли.

— Мамочка! — подхватила Куинн.

Яхта шла прямо к ним. Подойдя поближе, капитан крикнул:

— Как вы там?

— Нормально, — ответила, клацая зубами, Куинн.

Мужчина в белом дождевике перегнулся через борт, и Куинн подтолкнула к нему сестру.

— Тетя Дана, — пробормотала Куинн.

Волны били все сильнее.

— Я ее люблю, мамочка. И Сэм любит. Ты его не знаешь, но поверь, он очень хороший.

Я знаю его, любимая моя.

— Сэм помог мне убедиться в том, что вы сделали это не нарочно.

Куинн, я никогда бы не оставила вас по собственной воле.

— Ну, теперь твоя очередь, — позвал Куинн мужчина и протянул ей руку.

Она в нерешительности осмотрелась по сторонам. С запада шла волна. Вода вздымалась зеленым, просвечивающим насквозь гребнем. И Куинн увидела в нем множество рыбок — синих, красных, оранжевых — совсем как в шаре с русалкой.

На палубе ждала завернутая в одеяло Элли. Она пустила Куинн к себе, и сестры прижались друг к другу. Они в последний раз взглянули на лодку, которую их мама и тетя выкупили у своего отца, заработав деньги на хот-догах. Куинн взглянула на золотые буквы — «Русалка».

Эпилог

Поездка на пароме была недолгой и увлекательной. В воздухе уже чувствовалась осенняя свежесть. Дана не спускала глаз с Куинн и Элли: боялась, что, снова оказавшись на море, девочки занервничают. Но они чувствовали себя прекрасно, стояли у борта и смотрели на волны.

Был День Колумба, первый праздник после начала учебного года. Дана снова отдала девочек в школу в Блэк-Холле. Она и сама не могла точно назвать день, когда окончательно решила не увозить их во Францию; просто это решение постепенно созрело в течение лета. Был, впрочем, один момент, который можно назвать определяющим: когда девочки чуть не утонули. Сэм тогда привез их на машине в Хаббардз-Пойнт и сказал: «Вот мы и дома».

Теперь он стоял с ней рядом, его рука лежала у нее на плече.
— Как ты? — спросил он.

Она взглянула в его золотисто-зеленые глаза и улыбнулась:
— Замечательно. А ты?

— Тоже. Длинные выходные с тобой вместе — что может быть лучше?

— Мы выполняем задание Куинн.

— И это отличный повод побывать в Мартиных Виноградниках.

Но прежде они заехали в старый гараж в Куиссите. В самом конце Мейн-стрит, за кафе и магазинами, был небольшой про-

улок с маленькими покосившимися домишками. Напротив рыбного рынка находилась бывшая бензозаправка Конвея. Там же стоял его дом.

Тетя Дана предложила пойти вместе с Куинн, но Куинн отказалась. Это касалось только ее родителей и Джека. В руках она держала новую коробку.

— Я вам все обязательно верну, — сказала она, глядя на тетю Дану и Сэма.

— Об этом не беспокойся, — ответила тетя Дана.

Куинн вышла из машины и пошла по дорожке к дому. Белый домик был окружен забором, вдоль которого росли розы. Куинн постучала в дверь.

Открыл ей старик.

— Чем могу вам помочь?

— Я хотела бы поговорить с Джеком Конвеем.

— Я он самый и есть. Заходите.

В комнате повсюду лежали кружевные салфеточки. На стенах висели фотографии пожилого мужчины и пожилой женщины. Куинн обернулась к старику и протянула ему коробку.

— Это принадлежит вам, — сказала она.

— Что это? — удивился он.

— Это деньги, которые вы дали моему отцу. Я — Акуинна Грейсон.

— А-а... — грустно вздохнул старик. — Майк... Я слышал про ваше горе.

— Мы с сестрой хотим вернуть это вам.

Она оглядела скромную гостиную. Да, деньги ему пригодятся. Куинн заметила на столике пузырьки с лекарствами. В приоткрытую дверь была видна кровать, на которой кто-то лежал. Она отвела взгляд.

— Ваш отец мне здорово помог, — сказал он. — Дал мне работу. В моем возрасте нелегко устроиться на такое место. Я сам столяр. И всему, что я умею, меня научил мой отец. Бензозаправка принадлежала семье Эммы, и я, когда женился, взялся за нее. Лет десять назад насосы начали течь, а денег на ремонт не было. Пришлось заправку закрыть.

— Понятно, — сказала Куинн.

— Я искал работу где только мог, но все это было так, по мелочи. Когда я прослышал, что ваш отец затевает здесь большое строительство, жена посоветовала пойти к нему. У нее-то у самой диабет, ноги почти не ходят, нужны деньги — на лечение и все такое. Она велела мне взять часть наших сбережений и отдать Майку — чтобы он внес мое имя в список. Так все и вышло.

— Он этих денег не тратил, — сказала Куинн. — И ни за что бы не стал. Он хотел вам их вернуть.

— Оставьте их себе. Деньги я дал Майку, пусть они достанутся его детям.

Но Куинн покачала головой.

— Ну что ж, юная леди, тогда — спасибо. Вы вся в отца — такая же великодушная.

— Надеюсь, ваша жена поправится, — сказала Куинн, бросив взгляд на приоткрытую дверь.

— Я ей передам ваши слова, — сказал Джек Конвей и пожал Куинн руку.

Куинн вышла из домика, прошла мимо забора и, увидев ожидавших ее в фургоне тетю, сестру и Сэма, помчалась к ним.

Остров за эти годы сильно изменился. Появилось много новых домов вроде тех, которые строил Майк. Но, глядя на холмы и солончаки, Дана думала о том, что многое здесь осталось по-прежнему. Они ехали вглубь острова, мимо пастбищ, мимо начинающих желтеть лугов, каменных изгородей, увитых плющом и виноградом. Проехали старое кладбище. Слева шумел Атлантический океан, а справа голубым сапфиром сверкала гавань Менемша. Показался Жимолостный холм, крыши четырех новых домов едва виднелись за высокими кронами деревьев. Но Дана не нашла в себе сил даже взглянуть туда.

Оказавшись там, где всегда был Гей-Хед, они увидели табличку, на которой было написано «Акуинна».

— Ой! — воскликнула Куинн.

— Это они в твою честь название сменили? — изумилась Элли.

— Вполне возможно, — сказал Сэм. — Есть за что.

Но на самом деле это было исконное название городка. Индейское. И недавно городской совет постановил вернуть его.

Все это рассказала им женщина, у которой они забирали ключи от коттеджа.

Это был тот самый домик, который много лет назад снимали Дана с Лили. Девочки вскочили на велосипеды, которые они привезли с собой, а Сэм с Даной нашли место, где Дана когда-то натягивала тент и писала свои первые морские пейзажи.

Они сидели на крыльце и любовались золотистым лугом, простиравшимся до океана. Дана знала тропинку, которая шла мимо маяка к пляжу, но сейчас ей было достаточно сидеть с Сэмом рядом, слушать шум волн и предаваться воспоминаниям о давно ушедших днях.

Вечером над морем поднялась полная луна и залила остров серебряным светом. Они приготовили на гриле тунца, и обе девочки, не успев доесть ужин, дружно принялись зевать.

— Как они? — спросил Сэм, когда Дана, поцеловав племянниц на ночь, вернулась на крыльцо.

— Спят без задних ног.

— Ну и отлично, — сказал Сэм и притянул Дану к себе.

— Даже не верится, что мы в том самом доме.

— Вот сюда я пришел и увидел тебя за мольбертом. Как ты думаешь, если бы я тогда явился к тебе, мы бы до сих пор были вместе?

— Не знаю, — ответила Дана честно. — И не хочу об этом думать. Не хочу сокрушаться об упущенном времени.

Дана положила ладонь на живот. И подумала о девочках, спящих в доме, о том, что у нее нет собственных детей. Она думала о годах, которые провела в одиночестве, отказываясь от любви и целиком отдавая себя творчеству. Вспомнила и Джонатана, его предательство. И грустно улыбнулась.

Странная штука жизнь. Она подарила ей человека, достойного любви, как раз тогда, когда тело ее начало стареть. Еще немного — и она уже не сможет иметь детей. Сейчас ей сорок два. Всю жизнь она писала картины и путешествовала, и только смерть Лили заставила ее вернуться домой.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О тебе. О том, как прекрасна ты была, когда плескалась в волнах.

— Сколько воды утекло... Мне тогда было столько, сколько тебе сейчас.

— Ты стала только красивее, — сказал Сэм.

— Очень в этом сомневаюсь.

— Правда, Дана. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Сэм, — прошептала она.

В воздухе пахло солью, яблоками, дымом и виноградом. Над их головами светила луна. Луч маяка тянулся по морю к горизонту.

— Выходи за меня замуж, Дана.

Его руки обняли ее. Сильные, мужественные руки, которые никогда ее не выпустят. Он нежно поцеловал ее и шепнул на ухо:

— Я хочу быть твоим мужем. И их отцом.

— Их?

— Девочек. Мы можем их удочерить. Я хочу сделать это ради Майка и Лили: дать девочкам все то, что дали бы им они.

— Я тоже этого хочу, — сказала Дана, и глаза ее наполнились слезами.

— А через год, — продолжал он, глядя ее по голове, — я хочу вернуться в этот дом с нашим ребенком. Если мы сейчас поженимся, все может получиться. И следующим летом в Хаббардз-Пойнте мы будем учить плавать нашего с тобой ребенка. Выходи за меня, Дана. Скажи «да».

Дана с Сэмом сидели на крыльце, ветерок с Атлантического океана ласкал их лица.

— Да, — сказала Дана.

Они поцеловались, и их объятия длились целую вечность, а звезды сияли у них над головами. Дана думала о детях: о девочках, какими были они с Лили, о Куинн и Элли, спящих в доме, о будущем их с Сэмом ребенком.

Вот бы написать такую картину — большая веселая семья гуляет на берегу, синее море спокойно, встает луна. Русалки забрасывают сети, в воде резвятся серебристые рыбки. Лица людей исполнены любовью. Любовью, которая реальнее любой мечты. Любовью, которую хранит в своем сердце Дана.

Такая бы получилась картина, и, сидя рядом с Сэмом, Дана верила, что такая у них получится жизнь.

Они не ложились всю ночь. Им не хотелось расставаться даже на сон, а еще им хотелось сохранить в душе радость — радость предчувствия будущего. Но еще и потому, что оба думали о Лили и готовились с ней попрощаться.

Сэм нанял небольшую рыбацкую лодку. Куинн и Элли стояли в спасательных жилетах на палубе, а Сэм вел судно.

Куинн держала латунную урну, и Элли не отходила от нее ни на шаг. Настало время развеять по ветру прах их родителей. И лучше места, чем море у острова, где познакомились Лили и Майк, нельзя было придумать.

— Скажите где, — крикнул из рубки Сэм.

— Обязательно, — ответила Куинн.

Они с Элли взглянули на тетю Дану и Сэма. Те стояли рядом и все время улыбались так, словно у них появился общий секрет, а еще непрерывно зевали, будто не спали всю ночь. Куинн не нужно было ни читать чужих дневников, ни подслушивать — она сразу догадалась, что тетя с Сэмом решили пожениться.

— Где мы это сделаем? — спросила Элли.

— Не знаю, — ответила Куинн, оглядевшись по сторонам.

— Давай вон там, — показала Элли на пятнышко прозрачной воды, золотившейся в лучах солнца.

Куинн кивнула. Она крепко прижимала урну к груди. Элли просунула руку Куинн под локоть.

— Ну, пора, — шепнула Куинн. — Где цветы?

Элли прошла за рубку — туда, где она положила букет. Это были последние цветы из маминого сада в Хаббардз-Пойнте и белые розы из Акуинны.

— Вот здесь! — крикнула Куинн.

Сэм сбросил скорость. Они с тетей Даной вышли на палубу. Тетя Дана осторожно взяла из рук Куинн урну. На лице ее играла нежная улыбка, но в глазах стояли слезы. Она держала урну благоговейно, словно это была величайшая драгоценность. А потом аккуратно открыла крышку.

Куинн и Элли набрали пригоршни пепла и бросили их за борт. Их мама с папой умерли в океане, который они любили больше всего на свете. Она представила себе папу на носу лодки и маму, смотрящую на него с нежностью и любовью.

— Мамочка, папочка... — прошептала Куинн.

И Элли повторила то же самое. Тетя Дана тоже взяла горсть праха.

— Сэм, ты тоже, — сказала Куинн.

— Я? Но я же не...

— Ты тоже член нашей семьи, — сказала Куинн твердо.

Сэм присоединился к ним, а тетя Дана обвила рукой его талию и уткнулась лицом ему в плечо, чтобы не было видно слез. Потом Элли кинула в море букет белых цветов.

Куинн тоже плакала. Родители вернулись в море. Она глядела на отражающиеся в воде лучи солнца, на уплывающие все дальше цветы, думала о полной луне, которая сияла вчера ночью, и о том, что ее серебристый свет еще живет в волнах и русалки приплыли, чтобы забрать родителей туда, где им будет хорошо.

— Прощай, мамочка, — прошептала Куинн.

Прощай, любовь моя, прощай, Акуинна Джейн. Я знаю: с тобой все хорошо. Тебя любят.

Куинн расслышала эти слова в шуме ветра, а взглянув через плечо сестры, увидела прозрачную волну, в которой шныряли крохотные рыбешки с зелеными хвостами. Хотя солнце еще светило вовсю, Куинн готова была поклясться, что разглядела серебряную русалочью сеть, полную любви, морского огня и охапок белых цветов.

ЛУАНН РАЙС

У писательницы Луанн Райс и ее героини Даны Андерхилл много общего: обе живут на берегу пролива Лонг-Айленд, у обеих из окон дома открывается вид на океан, обе выращивают в саду ароматические травы и, наконец, семьи обеих женщин поселились в этих местах более столетия назад.

В родном городке Луанн Райс, Олд-Лайме, штат Коннектикут, берет свое начало американский импрессионизм. Эти места славятся неповторимой игрой света, которую многие художники, в том числе и Дана Андерхилл, стремятся передать средствами живописи. Луанн Райс пытается сделать то же самое словом. «Мои герои предстают читателю в освещении, характерном для конкретного времени года».

Все время работы над романом у писательницы стоит перед глазами живая картина происходящего. Если она и отвлекается от перипетий сюжета, то только потому, что задумывается о нас, о читателях. «Я всегда воображаю себе своего читателя. Я так и вижу свет, падающий на страницу книги, колыхание занавески на раскрытом окне, читателя, углубившегося в мое повествование...» Но долго витать в облаках Луанн Райс не позволяют ее музы — три дочери, — которые возвращают ее к тихой гавани компьютерной клавиатуры.

ДОЗОРНЫЙ

КРИС РАЙАН

В

ора быстрее всех поймают другой вор.

Когда понадобилось выследить убийцу, прошедшего подготовку в парашютном спецназе, выбор естественным образом пал на капитана Алекса Темпла.

Если кто и способен проникнуть в мысли безжалостного преследователя, открывшего охоту на высших чинов МИ-5, так это он.

Правда, у него есть один недостаток: он может выяснить гораздо больше, чем хотелось бы МИ-5...

ПРОЛОГ

**Воскресенье, 11 февраля 1996 года
Северная Ирландия**

Был один миг, который еще позволял Рею Бледсо спасти свою жизнь. Если бы он в этот миг доверился инстинктам — если бы выхватил свой «вальтер» и высадил всю обойму в окна черного такси, которое, въехав на автостоянку, остановилось бок о бок с его машиной, — ему бы удалось выжить. Рей работал под прикрытием уже три с половиной года — срок вполне достаточный, чтобы научиться распознавать неприятности, когда они сами лезут в глаза.

Вместо того чтобы превратить нутро такси в мешанину разбитого стекла и забрызганной кровью и мозгами обшивки, он лишь потянулся за лежавшими на пассажирском месте пачкой «эмбесси» и зажигалкой. А закулив, на сантиметр-другой опустил стекло. В общем, разыгрывал простака. Нельзя же безо всякой на то причины палить по незнакомым людям, сказал он себе, какие бы опасения они тебе ни внушали.

Но едва холодный воздух резанул его по лицу, едва дым попал в легкие, он осознал, что именно это ему и следовало сделать — опустошить обойму «вальтера» в пассажиров такси — и что миг, когда он еще мог действовать, миновал. Стекло с его

стороны взорвалось под ударом молотка и осыпалось дождем осколков, в висок вдавилось дуло пистолета.

— Вылезай, солдат, — произнес низкий голос. — Живо!

Дверца открылась. И сразу, едва Бледсо вылез, он получил сокрушительный удар в лоб рукояткой 9-миллиметрового браунинга. Глаза залила кровь, чьи-то руки выволокли его наружу, и пол такси взлетел навстречу его лицу. Второго рубящего удара той же рукояткой он не увидел. Примерно через час Бледсо очнулся. Он не сразу понял, что находится в движущейся машине, не сразу соединил боль в голове со смутными воспоминаниями о чем-то связанном с группой захвата, состоявшей из боевиков Ирландской республиканской армии. Потом вспомнил все и стал молиться, чтобы сознание покинуло его.

В момент захвата Рей Бледсо как раз готовился избавиться от денег, предназначенных для оплаты услуг осведомителя по имени Пройнсэ Диви. Эта рутинная процедура сводилась к тому, что Бледсо упикивал в пачку «эмбессии» двести фунтов и опускал ее в левый из двух мусорных баков на автостоянке, а спустя короткое время туда подкатывал Диви с пустой баночкой из-под пива и украдкой отправлял пачку в карман.

Диви состоял в подручных у видных республиканских деятелей, однако самоубийственное сочетание жадности и глупости обратило его в платного агента британских секретных служб. Дела его пошли плохо после того, как он развернул в Центральном Белфасте небольшой бизнес, снабжая колесами и кокаином общежития Королевского университета. Злая судьба привела его прямиком в лапы восемнадцатилетних ультранационалистов — они схватили Диви на выходе из бара и жестоко избили. Напоследок они представились членами организации «Прямые действия против наркотиков» — под этой вывеской работали боевики ИРА.

Жаждавший мести полуинвалид, лишившийся источника доходов, Диви стал легкой добычей для ИОП, Исследовательского отдела полиции, небольшого секретного подразделения, созданного британской армией для обработки потенциальных осведомителей и последующего их использования. В штат отдела входили военные, которые на военных нямало не походили, —

все больше люди средних лет, как Бледсо, бывшие младшие армейские командиры с отращенными в пабах животами, редющими волосами и неприметными лицами.

Во время предыдущей их встречи Диви показался Бледсо что-то уж слишком нервным, он даже задумался, не повел ли этот ублюдок двойную игру. На всякий случай Бледсо попросил, чтобы при следующей встрече присутствовал еще один сотрудник ИОП. Коннор Вин, Бледсо знал это, сидел в своем «Мондео-900» в трехстах метрах от въезда на автостоянку. Он должен был заметить, что Бледсо схватили, и поднять тревогу. Не исключено, что уже сейчас за ними следует с выключенными фарами машина слежения СВС, Специальных военно-воздушных сил.

Дорога становилась все более неровной и в конце концов обратилась в суровое испытание для амортизаторов машины. Внезапно движение прекратилось, послышался скрипучий визг сдвижной двери. Мгновение полной тишины, затем дверь фургона открылась, впустив внутрь белое сверкание ламп дневного света, и моргающего Бледсо вытащили на земляной пол.

Он находился в большом амбаре, его окружали молодые люди в темно-синих рабочих комбинезонах. Слева от него стоял трактор, лежали сваленные кучей пластиковые мешки для удобрений. У стены справа виднелся разгруженный трейлер.

Человек в темно-синем с силой ударил Бледсо, сломав агенту ИОП нос. Бледсо, давась кровью, упал. Окованный сталью носок башмака врезался ему в пах, за тем последовал хрусткий удар сапогом по ребрам. Теряя сознание, Бледсо закрыл глаза.

Его подтащили к трейлеру, припечатали к задней железной дверце машины и, разведя в стороны руки, приковали к ней наручниками. Так его и оставили, наполовину задохнувшегося, со стекавшей по лицу кровью.

Он чуть приоткрыл глаза. Восемь человек. Нет, девять — появился еще один, которого Бледсо раньше не видел: с бледным лицом, глубоко посаженными глазами, неопределенного возраста — какого угодно, от двадцати пяти до сорока. Этот, в отличие от всех остальных, не улыбался.

— Имя? — Вопрос был задан одним из тех, кто избивал Бледсо, тощим парнем со сломанным носом.

Бледсо выплюнул кровь, прокашлялся.

— Я не знаю, за кого вы меня, черт побери, принимаете, — заплетающимся языком начал он, — но...

— Нам известно, кто ты, — сказал тощий. — Ты сержант Реймонд Бледсо, прежде служил в Королевской военной полиции, временно откомандирован в Исследовательский отдел полиции. Мы о тебе все знаем, ублюдок.

— Ты знаешь то, что нужно нам, — сказал другой мужчина. — Радиокоды, имена сотрудников СВС, имена осведомителей.

— Я буду говорить, — сказал Бледсо. — Но не с вами. Я буду говорить с Адамсом, или с Мак-Гинессом, с любым из руководства «Шин-Фейн» — им я сообщу все, что они захотят. Или с Падрегом Бирном.

Бирна, официально — советника «Шин-Фейн», служба безопасности знала как главу Белфастской бригады ИРА. В требовании Бледсо встречи со старшими лицами присутствовал расчет: за ними следили круглые сутки, а в случае похищения британского агента, такого, как Бледсо, слежка удваивалась.

— С Бирном ты говорить будешь?

— Буду.

Человек, проводивший допрос, обвел взглядом амбар. Все улыбались. Чья-то рука схватила Бледсо за волосы, подняла его голову повыше. Сквозь пелену боли он увидел входившего в амбар приземистого человека, красноватое, костистое лицо которого и зачесанные назад волосы узнал мгновенно.

— Знаком вам этот джентльмен?

— Да, — сказал Бледсо, пытаясь состроить презрительную усмешку. — Вэл Дуникан.

Это обеспечило ему еще один удар в пах. Приземистый человек был Падрегом Бирном. Ни одному отделу разведки не удавалось отслеживать все его перемещения.

— Не рады видеть меня, сержант Бледсо? Еще обрадуетесь, обещаю. Видите ли, сержант, у нас кое-что есть для вас.

Тут двери амбара открылись, впустив порыв холодного воздуха. В амбар въехал заляпанный грязью белый фургончик, постоял немного, содрогаясь в облаке выхлопных газов, и замер. Двери амбара тут же вернулись на место, а следом из фургона

чика донесся жуткий вопль. Вопль длился и длился, пока не оборвался со звуком, средним между рвотой и воем.

— Узнаете голос, Бледсо? — спросил Бирн. — Да, это ваш друг прибыл сюда из самых Лисбэрнских казарм, что в Белфасте...

Двое республиканцев выволокли из фургончика голого человека в наручниках. Голова и верхняя часть его тела носили следы жестоких побоев, грязь и блевота покрывали грудь и ноги, лицо походило на бесформенную, залитую кровью маску. Когда пленника вытащили на середину амбара, один из бойцов ударил его под колено, и несчастный грузно повалился на землю.

— Добрый вечер, — сказал упавшему Бирн. — И спасибо, что присоединились к нам на этой важной встрече.

— Хер тебе! — сказал упавший.

Во всяком случае, именно это, как показалось Бледсо, он попытался сказать, но со ртом его сотворили что-то ужасное, и оттуда изошел лишь скрипучий, гортанный хрип. С колоссальным усилием избитый человек огляделся вокруг, отыскал Бледсо и подмигнул черными, вздувшимися веками. В тот же миг лицо его приобрело знакомые очертания, и Рей Бледсо лишился последних надежд.

— Все правильно, — прокаркал Бирн. — Это ваш давний приятель Коннор Вин!

Откуда-то притащили кресло, двое мужчин усадили в него Вина. Бледсо почувствовал, что рассудок покидает его. Теперь остались лишь ужас, боль и смерть. Блуждающие глаза его отыскивали человека с бледным, лишенным возраста, неулыбчивым лицом, тот внимательно вглядывался в Бледсо. Ты в аду, говорил его взгляд. Добро пожаловать.

Бирн повернулся к бледнолицему:

— Джозеф, как мы с вами договорились, я предпочел бы, чтобы убили их вы.

Сказано это было самым небрежным тоном.

— Прошу вас, — прошептал Бледсо. — Я скажу вам все. Вы получите список детективов, список сотрудников СВС, список осведомителей, коды...

С секунду Падрег Бирн внимательно глядел на него. Потом улыбнулся и вновь повернулся к бледнолицему, которого он называл Джозефом.

ГЛАВА 1

Сьерра-Леоне

После часового броска капитан Алекс Темпл поднял руку, и патруль замер на месте. Ущербную луну заслоняли дождевые тучи. Было пятнадцать минут первого ночи, все шестеро мужчин уже вымокли до нитки.

Алекс был прав. Сквозь далекие раскаты грома пробивалось еле слышное сухое стаккато. Автоматные очереди, нечего и сомневаться. Сбоку от Алекса еле приметный в темноте Дон Хэммонд, соглашаясь, кивнул, поднял два пальца — в двух километрах впереди — и указал на тропу.

Алекс улыбнулся жилистому сержанту и оглядел четырех остальных сливающихся с темной листвой участников патруля «Зулус три шесть». По пятам за Алексом следовал остролицый рядовой десантник по имени Рикки Саттон, радист патруля. Спину Саттона прикрывал Стэн Клейтон, капрал-сверхсрочник, а по другую сторону просеки присели на корточки Ланс Уилфорд и Джимми Пес Кенилуорт, капрал и младший капрал соответственно.

По знаку Дона Хэммонда патруль тихо опустил на землю тяжелые станковые рюкзаки и начал маскировать их. На запястьях и шеях двух мужчин виднелись пиявки, и Алекс понимал, что не меньше полудюжины их уже сосут кровь под мокрыми рубашками и армейскими штанами.

Хэммонд размотал антенну спутниковой связи и доложил на базу СВС во Фритауне о местонахождении патруля и направлении, в котором слышна стрельба. Когда Хэммонд закончил доклад, Алекс снова занял позицию впереди патруля и двинулся в направлении далекой перестрелки.

Патруль «Зулус три шесть» разыскивал пропавшую группу журналистов телекомпании Ай-ти-эн. Журналисты — репортер Сэлли Робертс, оператор Бен Миллс и звукооператор Гэри Бердж — числились пропавшими без вести уже больше тридцати шести часов. В последний раз их видели в городке Маси-

ака, лежащем в глубине страны, в пятидесяти пяти километрах от столичного Фритауна. Масиака имел важное стратегическое значение, и за него шли постоянные сражения между армией Сьерра-Леоне и Единым революционным фронтом. В настоящее время город находился в руках правительственных сил и потому считался более или менее безопасным для западных журналистов.

Сэлли Робертс и ее группа приехали в Масиаку, чтобы проинтервьюировать людей из проправительственного ополчения, известного под названием «Вестсайдские парни». Команда Ай-ти-эн надеялась найти командиров ополчения, однако, приехав на место, обнаружила, что те отправились на восток, преследуя диверсионную группу ЕРФ. Вопреки всем рекомендациям, люди из Ай-ти-эн решили последовать за «Вестсайдскими парнями» в удерживаемую ЕРФ местность и, наняв машину, выехали по дороге на Киссуну. Что случилось с ними потом, не знал никто.

Судя по всему, «Вестсайдские парни» после перестрелки вблизи Киссуны отступили к Масиаке. Поскольку люди из Ай-ти-эн не возвратились с ними и ни с кем в Масиаке не связались, многие забеспокоились. К полудню следующего дня журналисты из Би-би-си, опасаясь худшего, сняли на видео интервью главы ополчения, именовавшего себя «полковник Самозарядный». Через два часа, после быстрого обмена засекреченными звонками между Фритауном, Уайтхоллом и Херефордом, неотредактированную копию интервью уже просматривали во фритаунской штаб-квартире СВС. Просматривали ее майор Дэвид Росс, командир здешнего, насчитывавшего сорок человек отряда «Дельта», и капитан Алекс Темпл из Отряда по борьбе с подрывной деятельностью.

Двадцатиминутная запись оказалась не из веселых. «Полковник Самозарядный» был уверен в нескольких вещах: ни один западный корреспондент, после того как «Вестсайдские парни» два дня назад выступили из Масиаки, ни с кем из его людей не разговаривал. Если журналисты оказались где-то вблизи зоны боевых действий, их, скорее всего, захватил ЕРФ. Уже сейчас, сказал он, женщину, вероятно, расспрашивают, какие рукава она предпочитает, короткие или длинные, то есть отрубить ли ей руки выше или ниже локтей.

— Плохо дело, — сказал Дэвид Росс, когда пленка подошла к концу. — И сдается мне, что все это может свалиться на нас.

Алекс кивнул:

— Я приведу своих ребят в боевую готовность.

— Давайте, — согласился Росс.

Отряд по борьбе с подрывной деятельностью, в который входили и двенадцать подчиненных Алекса, был самым засекреченным подразделением СВС. Он предназначался для выполнения негласных заданий, включая тайное обучение заморских «друзей». Алекс со своей командой попал во Фритаун в рамках программы обучения солдат армии Сьерра-Леоне.

В 17.20 Алекса во второй раз за этот день вызвали в хижину командира. Команде ОБПД, сказал ему Росс, надлежит этой ночью провести поисковую операцию, а спасение заложников возьмет на себя отряд «Дельта». Данные, полученные от информаторов в ЕРФ, свидетельствуют о том, что заложники могут находиться в одном из двух лагерей. Алексу придется разделить своих людей на два патруля, по шесть человек в каждом, и под прикрытием темноты подготовить нападение на лагеря.

Час спустя, выслушивая инструктаж, Алекс ощутил, как им овладевают первые трепетные предвкушения. Он уже знал по опыту, что в дальнейшем их сменит острое возбуждение, которое затем уступит место ледяному спокойствию. И тогда, чего бы это ни стоило, он свое дело сделает.

— Люди из разведки установили связь с командирами ЕРФ, — сухо рассказывал Росс. — Если они согласятся вступить в переговоры, будет задействована иная инфраструктура, однако рассчитывать на это нельзя. Мы должны найти заложников и подготовиться к тому, чтобы силой вытащить их. — Росс провел рукой над картой. — Так вот, зона поиска выглядит огромной, однако, по всей вероятности, всех троих заложников пока еще держат в одном из двух лагерей. Расположены они здесь, я присвоил им кодовые названия «Арсенал» и «Челси». Оба стоят на реке Рокел, до обоих не больше десяти километров от места высадки на горной гряде, которую мы называем Мельничной стеной.

Алекс внимательно вглядывался в аэрофотоснимки. Лагеря едва различались на них, да и то если знать, куда смотреть.

— Поисковые группы выступят с Мельничной стены сегодня в двадцать три тридцать, — продолжал Росс. — Когда они доберутся до места, большая часть солдат ЕРФ, судя по прежнему опыту, уже накачается наркотиками и пальмовым вином, а часовых вокруг лагерей будет всего ничего. К двум тридцати завтрашнего утра, если телевизионщики обнаружены не будут, обоим патрулям придется вернуться на Мельничную стену, откуда их заберет вертолет. Если же мы их найдем, оба патруля подойдут к соответствующему лагерю и станут вести наблюдение. Вы, Алекс, и командир второго патруля возвратитесь после этого на Мельничную стену и вылетите во Фритаун на совещание с командованием. Время нападения будет определяться разведданными, которые вы нам предоставите. Вопросы есть?

Вопросов не было.

В 23.00 поисковые патрули погрузились в «пуму». Не зажигая огней, вертолет бесшумно скользнул в глубь территории, контролируемой ЕРФ. В 23.30, точно по графику, двенадцать солдат выгрузились из него, а «пума» полетела обратно во Фритаун.

Через тридцать минут после того, как патруль избавился от рюкзаков, была сделана остановка и получено радиосообщение с базы. Алекс присоединился к Дону Хэммонду и Рикки Саттону, которые сидели, согнувшись над рацией в ожидании дешифровки полученного сообщения. Все трое молча глядели на зеленоватый дисплей. На дисплее начали появляться буквы. Рикки Саттон смахивал с экрана капли дождя.

«КАЗНЬ ЗАЛОЖНИКОВ 14-ГО 12.00. ИНФОРМИРУЙТЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ. ПОИСК. ПАТРУЛЯМ ПОДДЕРЖАТЬ НАПАДЕНИЕ ПОДР. Д. РОСС».

— Четырнадцатое — это сегодня, — выдохнул Алекс. — До восхода примерно четыре часа. А мы их даже еще не нашли.

Он хотел приключений. Ну вот и получил.

Теперь они были недалеко от лагеря, и Алекс по разрозненным выстрелам признал СЛР, винтовки английского производства. Хороший знак. Если солдаты ЕРФ не передрались между

собой, значит, они просто развлекаются, спяну паля по реке и окружающим джунглям.

Часовых-то они выставили или нет? — подумал Алекс, взмахом руки останавливая пятерку идущих за ним бойцов. Они две минуты неподвижно просидели на корточках, но никаких подозрительных звуков до них не доносилось. Двинулись дальше, горный кряж начал понемногу спускаться к реке Рокел. Дождь все еще шел, предательский глиняный склон уже расчерчивали журчащие ручейки. Теперь до лагеря оставалось пятьсот метров, сквозь плотную листву внизу Алекс различал мерцание электрических ламп. Хоть одного-то болвана должны же они были снаружи поставить, подумал он.

Они так и сделали, и Алекс едва его не проморгал. Собственно, единственное, что он увидел, — это огонек сигареты, мелькнувший метрах в двадцати впереди. Снова остановив патруль, Алекс бесшумно двинулся вперед.

Осталось десять метров — в свете луны Алекс разглядел, что часовой стоит за деревом, прислонясь спиной к стволу. Алекс беззвучно извлек висевший на поясном ремне стилет. Ему потребовались три наполненные гулками ударами сердца минуты, чтобы одолеть последние скользкие метры спуска, и вот наконец он оказался у дерева. Правая рука с зажатым в ней стилетом метнулась вперед, левая запечатала рот часового. Однако в последний миг офицер СВС задержал удар. Лицо под его ладонью оказалось гладким, шея — тонкой, дергавшееся тело — жалостно маленьким. Часовой был ребенком.

Крепко зажав ему рот, Алекс взмахом руки подозвал к себе Дона Хэммонда. Сержант быстро заткнул рот мальчишки его же банданой, связал тонкие запястья и лодыжки извлеченным из сумки на поясе шнуром и сунул неспособное пошевелиться тело в темноту сбоку от тропы, под густую листву.

Патруль осторожно двинулся дальше. Больше ни одного часового они не встретили, земля начала выравниваться, и наконец патруль достиг края джунглей.

Алекс в бинокль осмотрел местность. Под ним у темной излучины реки лежал лагерь. Овальный, размером чуть больше футбольного поля. На ближнем, низинном его конце горел большой костер. В более высокой, восточной части лагеря, ос-

вещенной цепочкой тусклых лампочек, под прямым углом к реке стояли два лишенных окон шлакобетонных сарая. За ними виднелась горстка глинобитных хижин.

На виду в лагере находилось человек сто пятьдесят, примерно десятка два из них пили и плясали вокруг костра, в два раза большее число слонялось вокруг сараев. Остальные, пошатываясь, бродили по берегу реки. Большинство было вооружено винтовками СЛР, но имелось и несколько АК-47 и РПГ.

Алекс собрал вокруг себя патруль.

— Пока никаких признаков наших людей, — прошептал он, — однако стоит присмотреться с более близкого расстояния. Дон, останешься здесь с тремя людьми, считайте головы и оружие. Стэн пойдет со мной. Мы собираемся искупаться.

Стэн Клейтон хмыкнул, сразу поняв, в чем состоит план. Двое мужчин быстро сбросили снаряжение и сквозь джунгли двинулись выше по течению. Через десять минут прямо перед ними открылась темная излучина текущей к лагерю реки.

— Ой, нахлебаемся, — задумчиво пробормотал Клейтон.

Алекс кивнул. С близкого расстояния река Рокел выглядела могучей и страшной стихией. Если Алекс и Стэн не будут держаться поближе к берегу, их может снести на несколько километров вниз, а то и просто утянет на дно. С другой стороны, чем ближе к берегу, тем больше риска, что тебя засекут.

— Давай-ка подыщем себе плотик, — прошептал Алекс.

Они вошли в теплую, густую, точно похлебка, воду, проносившую мимо сучья, кусты и другую растительность. Через несколько минут им попалось идеальное средство передвижения — семиметровая ветка, вся увешанная разлагающимися листьями и травой. Осторожно оттащив ее от берега, они тихо поплыли к лагерю. Гирлянды травы делали их практически невидимыми с берега.

Вдоль берега, меньше чем в десяти метрах от них, разгуливали, сжимая в руках винтовки, мачете и стаканы с пальмовым вином, пьяные солдаты. Беспорядочная стрельба продолжалась.

Течение, ощутимо усилившееся, проносило их мимо хижин. В первой, догадался по ритмичному пыхтению Алекс, находился электрогенератор. Во второй, из которой выносили ведра, помещался, по-видимому, самогонный аппарат.

И тут, не более чем на пять секунд, Алекс увидел их: троих белокожих людей с опущенными головами и связанными за спиной руками, стоявших на коленях в узком проходе между шлакобетонными сараями. Их охранял единственный куривший косячок солдат с СЛР на плече — формы ему не хватило, зато на голове красовался розовый парик.

Тут Алекс почувствовал, что течение подхватило их с Клейтоном и понесло вместе с веткой на глубину. Они быстро неслись мимо лагеря, неуклонно приближаясь к стремительным водам центрального фарватера Рокел.

— Ветку придется отпустить, — выдохнул Алекс и услышал одобрительное бурчание Клейтона.

— По счету «три» — под воду и рывок к берегу. Раз, два...

Алекс разжал пальцы. В тот же миг не то камень, не то корень ударил его в висок, да так, что из глаз посыпались искры.

Непонятно каким образом, даже лишившись ненадолго сознания, Алекс ухитрился не открыть рта. Часы, а может быть, и секунды спустя он обнаружил, что рот ему зажимает чья-то ладонь. Он открыл глаза.

Над ним склонился встревоженно улыбающийся Клейтон.

— Ты в порядке, Алекс?

Алекс попытался кивнуть, и тут его вырвало смешанной с грязью водой. В глазах плыли кровавые круги, жутко болела голова. Но ему все же хватило сил трясущейся рукой отереть лицо.

— Да... спасибо, Стэн. Отключился на минуту. Спасибо.

— От лагеря нас, по-моему, более-менее отнесло, — сказал Клейтон. — Ребята где-то рядом.

— Дай-ка глянуть.

Алекс приподнялся так, что глаза его оказались вровень с берегом. Они с Клейтоном находились меньше чем в двадцати метрах от того места, где их ждали товарищи. Дон Хэммонд, припадая к земле, подкрался к ним, подхватил Алекса под мышки и выволок его на скользкую глину берега.

— Я решил, что это либо вы тут валяетесь, либо гиппопотамы, — сказал сержант. — Давай лапу, Стэн.

Когда все трое вернулись в укрытие, Алекс быстро рассказал о людях из Ай-ти-эн.

Хэммонд с сомнением оглядел Алекса:

— Ты как? Вид у тебя такой, словно ты в голову ранен.

— Ударился обо что-то в реке. Стэн меня вытащил.

— Ты сможешь вернуться к Мельничной стене или лучше это сделаю я?

— Я дойду, Дон.

— Уверен?

— У тебя, похоже, легкое сотрясение мозга. Я вернусь с Лансом к Мельничной стене и слетаю домой. А ты оставайся здесь, готовь нападение.

Алекс кивнул. Сержант был прав. Достаточно хотя бы немного сбиться с пути, пробираясь отсюда к Мельничной стене, и это будет стоить пленникам жизни.

— Ладно, ребята. Вас понял, — сказал Алекс и поднял, шутливо сдаваясь, руки. — Дон, ты набросал план лагеря?

Хэммонд кивнул и вытащил из кармана листок непромокаемой бумаги с рисунком и координатами.

— Отлично. Людей из Ай-ти-эн, когда я их видел, держали в проходе между двумя шлакоблочными сараями, вот этими, которые ты обозначил как «сарай один» и «сарай два».

— Охрана?

— Один человек. Кудрявый розовый парик.

Хэммонд взглянул на Клейтона, тот кивком подтвердил сказанное. Нанеся на план все, что могли сообщить ему Алекс и Стэн, Хэммонд связался с патрулем «Зулус три пять», в десятке километров наблюдавшим за лагерем «Арсенал», и сообщил, что заложники обнаружены. Командир патруля, сержант Эдди Мэддокс, ответил, что выступает немедленно и будет у «Челси» примерно через девяносто минут.

После этого Алекс отправился вместе с патрулем «Зулус три шесть» к припрятанным рюкзакам. По пути проверили состояние мальчишки-часового — тот был напуган, но цел. Перед началом боя, решил Алекс, надо будет прогнать шельмеца подалее в джунгли.

Когда они добрались до просеки, на которой были спрятаны рюкзаки, Хэммонд по спутниковой связи доложил о случившемся Дэвиду Россу и пошел дальше. Было уже 01.45, а ему и Лансу Уилфорду предстояло еще топать три четверти часа, чтобы добраться до места приземления «пумы». Если все сло-

жится нормально, он вернется во Фритаун к 03.00. Атака начнется час спустя, при первом свете зари, когда бойцы ЕРФ, усталые и хмельные, уже завалятся спать.

Точно в 02.30 Рикки Саттон связался с Фритауном и получил послание от Росса. Послание было кратким: Дона Хэммонда и Ланса Уилфорда сняли с Мельничной стены, сейчас они летят на базу. Примерное время атаки — 04.00.

Пока Саттон сворачивал антенну, Алекс разделил своих людей на две команды и для каждой определил на опушке джунглей позицию, дававшую широкий сектор обстрела лагеря.

Алекс согласился с Хэммондом, что между 02.30 и 03.00 следует предпринять еще один заплыв — выяснить, не загнали ли заложников на ночь в барак. Стэн Клейтон, знавший, где течение опаснее всего, вызвался сплавать еще раз и в 02.45 ушел на восток, вверх по течению. Одновременно Пес Кенилуорт ушел вниз по течению, чтобы помочь Стэну выбраться по крутому глинистому берегу.

Следующие пятнадцать минут тянулись, как показалось Алексу, очень медленно. Солдаты ЕРФ для Стэна особой опасности не представляли — вряд ли они к этому времени протрезвели, — но Алекс на себе ощутил мощь реки Рокел. В конце концов Стэн Клейтон вернулся. Принесенные им новости сводились к тому, что ребята из Ай-ти-эн все еще на том же месте и по-прежнему связаны, хотя, похоже, заснули. Что до охранника, тот так и красуется в парике.

За несколько минут до 03.00 Эдди Мэддокс связался с Алексом и сообщил, что патруль «Зулус три пять» на подходе. Следуя инструкциям Алекса, шестеро бойцов поднялись немного выше его патруля и, разбившись попарно, бесшумно заняли огневые позиции.

Осталось ждать еще час. Будет ли это, гадал Алекс, последним его настоящим боем? Ему, офицеру, вообще повезло, что он сейчас здесь, а не просиживает штаны в штабе.

Не то чтобы он не был доволен тем, что его отправили в Сандхерст. Всего только два-три младших командира СВС получают каждый год офицерское звание, и то, что выделили именно его, было очень лестно. За десять лет службы он повидал Ирландию — в изрядных количествах, — Персидский за-

лив, Колумбию, Либерию, Боснию (где получил Военную медаль), Косово, а теперь вот и Сьерра-Леоне. А если включить в список такие не самые шумные места, как Сомали и Шри-Ланка, тот станет еще длиннее.

Правда, странно это было — в тридцать четыре года болтаться по Сандхерсту в обществе молодых будущих офицеров с их спортивными автомобилями, ночными клубами и загородными уик-эндами. Не все его новые коллеги были богаты, но многие были. Алекс, отец которого владел маленьким гаражом и ремонтной мастерской в Клактон-он-Си, пошел служить в воздушный десант только для того, чтобы произвести впечатление на подружку, тут же его и бросившую. Ему трудно было представить себе, что значит в таком возрасте иметь деньги, которые можно тратить на костюмы с Сэвил-Роу и в ресторанах Керзон-стрит.

Алекс был человеком не так чтобы крупным и уж определенно не походил на типичного, покрытого татуировками Томми с ободранными кулаками, но когда дело доходило до особых, необходимых десантнику навыков, он чувствовал себя как рыба в воде. Вскоре после того, как ему стукнуло двадцать три и его произвели в младшие капралы, Алекс начал задумываться, нет ли в армейской жизни чего-то большего, чем беспощадный цикл пьянства, уличных драк, снова пьянства, ловли девок и блевоты.

Повинуясь порыву, он подал заявление в Специальные военно-воздушные силы. Его приняли — вместе с Доном и дюжиной других солдат из сорока подавших такие же заявления. Оказавшись в СВС, Алекс открыл для себя солдат совсем иного рода — жестких, уверенных в себе, похожих на него самого молодых ребят, которые умели повеселиться, но не видели нужды разыгрывать из себя мачо. Лучшим его другом стал Хэммонд. Оба, тогда еще не женатые, жили в Херефорде в одной квартире.

Когда объявили, что Алекса производят в офицеры, никто не радовался сильнее Дона. И вот он здесь — офицер, черт подери!

ГЛАВА 2

В 03.50 Алекс уже различал там, где прежде не было видно ничего, горную гряду и границу леса. Минуты шли, становилось все светлее.

Алекс поднес к глазам бинокль. Вот командный пункт, вот сарай, вот угли костра. И повсюду спящие в обнимку с оружием солдаты. В 03.55 в наушниках рации раздался голос пилота «Отеля Альфа», головной «пумы». Голос звучал непринужденно:

— «Зулус три шесть», иду по графику. Увидите нас через четыре минуты.

— Вас понял. К вашему появлению будем готовы.

Подняв винтовку, Алекс взял на прицел дверь левого сарая. В 03.58 снова прозвучал голос пилота:

— Сажусь через две минуты.

Вертолет все услышали одновременно. Затем, с пугающей внезапностью, головная «пума» понеслась над серым пологом джунглей прямо на них. Первым зашевелился часовой с «калашниковым», и Алекс свалил его пулей в грудь.

Слева от него Рикки Саттон ударил длинной трассирующей очередью по вскочившим на ноги солдатам у костра. Пока они падали на землю, Алекс увидел Дона Хэммонда, спокойно выставившегося из двери вертолета, и услышал отчетливое «бум-бум» крупнокалиберного пулемета. Куски бетона, казалось, выпрыгивали из стен «сарая один», из дверей его выбегали бойцы ЕРФ. Алекс ударил по дверному проему.

Не обращая внимания на ответный огонь, Стэн Клейтон и Пес Кенилуорт поливали лагерь из своих М-16-203. За их спинами непрерывно били винтовки патруля Эдди Мэддокса. Лагерь обратился в хаос. «Пума» уже приземлилась, и двенадцать солдат из команды СВС, выскочив наружу, осыпали очередями все вокруг. Кое-кто из повстанцев побросал оружие и ударился в бегство. Пригоршня других отдалась на сомнительную милость реки. Большинство, однако, решило сражаться и укрылось за сараями.

Алекс видел, как разделилась команда СВС. Половина ее помчалась к заложникам и скрылась между сараями, другая штур-

мовала «сарай один». Взрыв гранаты, длинная очередь — и сарай был взят. Мгновение спустя спасатели появились вновь. Пригнувшись, они побежали под огнем повстанцев к вертолету. У троих свисали с плеч полураздетые, обмякшие фигуры.

«Пума», вокруг которой свистели пули, словно приплясывала от нетерпения. Алекс различал в кабине пилота и Дона Хэммонда, застывшего в двери в ожидании заложников.

РПГ ударил, судя по всему, откуда-то из-за хижины с генератором. Граната пронеслась над головами спасателей и врезалась в переднее стекло «пумы». Вторая граната попала в грузовое отделение. Горящие куски вертолета полетели во все стороны, Дон Хэммонд выпал лицом вниз из двери, его голова, одежда и уцелевшая рука были охвачены пламенем.

Бессильный помочь другу, от которого его отделяли двести метров, Алекс наблюдал, как Хэммонд пробует встать. Двое спасателей понеслись к нему, попытались сбить сержанта пламя и оттащить его в укрытие. Пули шлепали вокруг них по земле. Но они успели затащить сержанта в «сарай один», в который уже укрыли заложников.

— «Зулус три шесть», говорит «Отель Bravo», доложите ситуацию.

Это был пилот вспомогательной «пумы».

— «Отель Альфа» уничтожен. До моего сигнала не приближайтесь.

Алекс торопливо оценил положение. По меньшей мере дюжина убитых повстанцев валялась на земле, еще столько же лежало среди мертвецов, подергиваясь и истекая кровью. Примерно такое же количество раненых бойцов ЕРФ почти наверняка укрылось восточнее, за хозяйственными постройками. Даже с учетом тех, кто удрал и уплыл, в лагере еще оставалось сто с чем-то повстанцев, способных вести бой.

— Пес, — негромко сказал в микрофон рации Алекс. — Пробритесь со Стэном джунглями туда, где мы спускались к реке, и войдите в лагерь с востока. Нужно блокировать гранатометчика до подхода второго вертолета.

— Понял. Выступаем.

Мгновение спустя вокруг позиции Алекса посыпались пули ударивших длинными очередями СЛР и «калашникова». Он

вжался в сырую, кофейного цвета землю. За спиной его послышался звук, который ни с чем не спутаешь, — хлесткий шлепок пули, входящей в человеческое тело, за ним другой — болезненный сдавленный вздох.

— Рикки? — опасаясь худшего, спросил Алекс.

— Попали, — пробормотал Саттон, — в задницу, черт бы ее побрал.

Вытащив из нагрудного кармана Саттона перевязочный пакет, Алекс распорол пропитанные кровью брюки радиста, залепил рану тампоном и велел ему сидеть тихо и не высовываться.

Через секунду Алекс увидел, как четверо солдат СВС, выскользнув из двери «сарая один», скрылись за дальней его стороной. Со стороны генератора слышались разрывы выпущенных Стэном и Псом гранат, знакомый стрекот М-16. Теперь повстанцев ЕРФ поливали огнем с трех сторон. Вряд ли кто из них рискнет подняться и простоять достаточно долго, чтобы прицелиться из РПГ, решил Алекс и быстро связался с резервной «пумой».

Через шестьдесят секунд второй вертолет, быстро снизившись, опустился рядом с искореженным, еще горящим остовом первого. Едва он коснулся земли, от сараев к нему помчались спасатели с людьми из Ай-ти-эн на плечах. Побросав журналистов, точно мешки с углем, в открытую дверь вертолета и заскочив следом за ними, они уже через несколько секунд понеслись над джунглями в ныряющем и виляющем из стороны в сторону вертолете.

Алекс вызвал по спутниковой связи Росса.

— Заложники в воздухе, но у нас есть жертвы.

— Держите меня в курсе, — коротко ответил Росс и прервал связь.

Оставшиеся бойцы ЕРФ вжимались в землю в «сарая два» и вокруг него. Алекс вогнал в винтовку свежий тридцатизарядный магазин. Предвкушения прошлой ночи исчезли. Теперь Алекс испытывал лишь отвращение и желание, чтобы все поскорее закончилось.

И тут в наушниках послышался бирмингемский говорок Пса Кенилуорта:

— Они решили завязать с этим делом. Выбрасывают винтовки наружу.

— Кто-нибудь из людей за винтовками последовал?

— Ага, вот он, выходит.

Побросавшие оружие бойцы ЕРФ один за другим покидали «сарай два» и другие постройки в восточной части лагеря.

— Эдди, отправляйся к Псу и Стэну, — приказал Алекс. — Когда возьмете всех сдавшихся под стражу, проверьте каждую постройку, не затаился ли кто.

— Понял, — ответил Мэддокс.

Алекс повернулся к Рикки Саттону. Десантник был бледен и явно близок к обмороку, но все же сумел изобразить кривую улыбку.

— Так, — сказал Алекс. — У кого был комплект первой помощи?

— У меня... лежу на нем.

Алекс осторожно вытянул из-под Саттона комплект, отыскал одноразовый шприц с морфием и вонзил иглу в бедро раненому. Через несколько секунд напряженное, испуганное выражение глаз молодого десантника сменилось сонливой неопределенностью.

Потянувшись к своей рации, Алекс нажал кнопку передачи.

— Как дела, ребята? — спросил он.

— Отлично, — ответил голос Эдди Мэддокса. — Никто не спрятался, все разоружены. Что делать с оружием?

Алекс извлек из медкомплекта капельницу с физиологическим раствором:

— Все оружие, боеприпасы и средства связи в реку.

— Понял.

Отыскав на запястье Саттона вену, Алекс ввел иглу.

Спустя несколько минут лагерь принял упорядоченный вид — часовые выставлены, раненые из СВС уложены на носилки, оружие собрано. Одна часть сдавшихся повстанцев подавленно сидела рядами на земле со скованными наручниками руками. Другие складывали штабелем тела убитых товарищей.

Алекс по спутниковой связи обговорил с Дэвидом Россом детали возвращения на базу. Пожалуй, потребуются два «чинука», решили они, — один для людей из СВС, другой для доставки пленных в штаб-квартиру правительственных сил. В нескольких метрах от Алекса Стэн Клейтон и Пес Кенилуорт

укладывали в черный пластиковый мешок тело Дона Хэммонда.

В штаб-квартиру СВС они прибыли вскоре после шести. Росс за чашкой горячего кофе выслушал доклад Алекса. Когда Алекс закончил, Росс кивнул и с минуту просидел в молчании.

— Вы хорошо справились, Алекс. Чертовски хорошо. Еще несколько часов, и у нас на руках оказались бы трое мертвых подданных Соединенного Королевства. А приземление прямо на поле боя — дело всегда рискованное.

Алекс кивнул. Оба знали, что в минуты, подобные этой, лучше обходиться без долгих речей.

— Напомните мне имя дочери.

— Кэти. По-моему, ей сейчас семнадцать.

Росс устало взглянул на лежавшие перед ним бумаги:

— Да, верно. Спасибо.

Понравилась бы мне такая работа? — подумал Алекс. Понравилось бы сидеть и смотреть на часы, пока мои люди рискуют жизнью? Смог бы я писать письма соболезнования, которые приходится писать Дэвиду Россу?

Покинув хижину командира, Алекс принял душ, побрился, поснимал с тела пиявок. Потом пошел в палатку, в которой располагалась столовая, и присоединился к остаткам своего патруля — ребята уже успели заправиться тушеными бобами из армейских запасов, бананами и местными яйцами с их бледными желтками. Ну и, разумеется, пивом.

Алекс наложил себе тарелку бобов, взял рыхлую, местной выпечки булочку, банку «Карлинга».

— Ваше здоровье, ребята, — сказал он, подковыривая металлический язычок банки. — И за вашу отвагу!

— Как там Рикки Саттон? — спросил десантник, ходивший в составе «Зулус три пять» к лагерю «Арсенал».

— Думаю, все будет нормально, разве что задница поболит немного, — ответил Алекс.

Все с облегчением покивали, потом Стэн Клейтон поднял банку с пивом.

— За Дона Хэммонда, — сказал он. — Отличный был солдат и отличный товарищ.

Другие тоже подняли банки, потом все вдруг заговорили, общее настроение явно повысилось. В историях, связанных с Доном Хэммондом, недостатка не было, да и задание прошло чертовски удачно.

Алекс молча пил и слушал, душевный подъем пропал, осталась только мрачная реальность смерти друга. Не желая портить другим праздник, он выскользнул из палатки, прихватив по пути бутылку рома. У себя в палатке он поднял свисавшую над койкой противомоскитную сетку, присел и основательно глотнул рома прямо из горлышка. Он попрощается с Доном по-своему, в одиночестве. Алекс уже собирался сделать второй глоток, когда в палатку заглянул десантник.

— Простите, но вы нужны боссу.

Опять? — подумал Алекс и пошатнулся, вставая. Вот мать-перемать!

За час, прошедший со времени их последнего разговора, настроение Дэвида Росса явно переменилось. Теперь на его квадратном лице читалось раздражение.

— Вы отправляетесь домой, — сообщил он Алексу. — Почему — не знаю. Полетите вертолетом в Банжул, оттуда регулярным рейсом в Хитроу, так что переоденьтесь в гражданское и возьмите с собой только ручной багаж.

— Я не привез никакого... — начал Алекс.

— Офицер связи уже подбирает для вас что требуется.

— Это никак не связано с ночной операцией? — решился спросить Алекс.

— Нет, если, конечно, от меня ничего не утаили.

Даже само существование такой возможности явно наполнило душу Росса горечью, понял Алекс.

— Пойду укладываться, — сказал он.

Росс кивнул. Пятнадцать минут спустя одетый в легкую цветастую рубашку, тесноватые брюки и пластиковые сандалии с фритаунского базара Алекс смотрел с пассажирского сиденья вертолета «линкс» на уходивший вдаль Фритаун. Им с пилотом предстояло лететь почти два часа — вдоль побережья на север, потом через Гвинею-Бисау, посадка в Банжуле в 9.30.

В Банжуле он погрузился в самолет последним.

— Вы, наверное, важная шишка, — сказала стюардесса, встретившая его в дверях «боинга». — Вылет задержали на целых пятнадцать минут!

Через час с небольшим после взлета подали завтрак. Алекс от души поел. С неприятностями, как известно любому солдату, лучше встречаться на полный желудок. И с хорошо отдохнувшей головой. За выплеском адреналина, сопровождающим боевые действия, неизменно следует усталость, и Алекс с благодарностью соскользнул в сон. Одно из немногих преимуществ его нынешнего положения состояло в том, что он сможет снова повидаться с Софи, а ему не хотелось выглядеть при встрече совершенно измотанным.

Софи Уэллс была сестрой Джейми Уэллса, однокашника Алекса по Сандхерсту, ныне лейтенанта Колдстримского гвардейского полка. Алекс и Джейми познакомились уже под конец учебы. Стоял вечер пятницы, и, поскольку его «карманн-гиа» была неисправна, Алекс искал кого-нибудь, кто подбросил бы его до Лондона, где он договорился встретиться с одним из друзей.

Друг Алекса на встречу не явился, и Джейми предложил новому знакомому из СВС отправиться вместе с ним на вечеринку, которую устраивала его сестра. Алекса эта идея не увлекла: провести вечер в обществе сотни изрекающих глупость за глупостью обитателей Слоун-сквер представлялось ему не лучшим времяпрепровождением.

— А чем занимается твоя сестра? — поинтересовался он.

— Это ты у нее спросишь, — ухмыльнулся Джейми.

— Ладно, — мрачно улыбнулся Алекс. — Вас понял. Упражнение на выживание среди ужасов светской жизни.

— Можешь думать что хочешь, — мирно ответил Джейми, — но вдруг тебе там понравится? Что ты теряешь?

И Алекс сдался.

Вечеринка проходила на четвертом этаже особняка девятнадцатого века. Алекс полагал, что попадет в неудобную комнату, битком набитую краснолицыми молодыми людьми в вельветовых костюмах, но вместо этого оказался в помещении размером чуть ли не в полгектара, заполненном ослепительно красивыми

женщинами. Он опасался, что будет выглядеть белой вороной, на деле же, хотя некоторые мужчины и щеголяли дорогими костюмами, у большинства вид был такой, точно они покупают одежду на блошином рынке. Вид этот был таким же фальшивым, как их простонародное произношение и сленг киношных гангстеров, но Алекс решил, что его короткая армейская стрижка, футболка с изображением гоночного автомобиля и старые «ливайсы» вполне уместны.

Первые впечатления от Софи Уэллс Алекс получил, когда мимо него пронесся золотисто-бирюзовый ураган, за которым летел шлейф благоухания, шелка и поклонников. Она остановилась перед Джейми и простояла ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы поцеловать брата и познакомить его с румяной, молоденькой девушкой в мини-юбке:

— Это новое лицо «Прада», так что, будь добр, позаботься, чтобы в половине одиннадцатого она уже лежала в постели.

И вдруг Софи оказалась прямо перед Алексом.

— Итак, — она улыбнулась, — вы Алекс, верно? Друг Джейми из Сандхерста? Как мило, что вы пришли!

С мгновение Алекс простоял, глядя на нее, вбирая в себя коротко подстриженные каштановые волосы, невозмутимые серо-зеленые глаза, итальянские шелка, тонкое, хорошо различимое под ними белье. С чего положено начинать с подобным созданием?

— Я Софи, — ободряющим тоном продолжала она, беря у официанта два бокала шампанского и вручая один Алексу. — А эти жуткие люди, — она неопределенно повела рукою, — мои друзья. Правда ведь, жуткие?

Алекс ухитрился улыбнуться:

— Видели бы вы моих. Вы тут что-нибудь празднуете?

— Двадцать шестой день моего рождения, — ответила Софи. — Вам сколько лет?

— Тридцать четыре.

— Я намеревалась сказать, что вы выглядите намного старше этой публики, но нет, это не так. Вы просто выглядите... другим.

— Ну, солдат здесь, скорее всего, не так уж и много.

Софи рассмеялась:

— Это уж точно. Однако я в свое время знавала нескольких военных, но ни у кого из них не было того, что присутствует в вас — своего рода настороженности в самой глубине глаз. Как она туда попала?

Алекс, испытывая неловкость, отвел взгляд. Софи терпеливо вглядывалась в него.

— Джейми так и не объяснил мне, чем вы занимаетесь, — сказал он наконец. — Велел спросить самому.

Она пожала плечами:

— О, пиар в мире моды. Веду несколько колонок в глянце-вых журналах.

Она повернулась к мужчине в канареечно-желтом байкерском прикиде, и Алекс, решив, что это сигнал для него, отошел в сторонку. Он добрался до большой кухни, декорированной блестящими, точно лазер, маленькими прожекторами и потертой алюминиевой посудой. Открыл холодильник, нашел холодную банку пива. Шампанское он вылил в раковину.

В одной из стен кухни имелось большое, выходящее на Слоун-стрит окно. Алекс несколько минут простоял у него, глядя на ползущие к северу красные хвостовые огни машин. Ему казалось, что он утратил связь со всем и всеми, кого знал. Служба в СВС разлучила его с родными, офицерский чин — с армейскими друзьями, и, как он догадывался, возраст и происхождение станут преградой между ним и большинством его братьев-офицеров.

Он так и не женился. За годы службы у него было множество подружек, но предложения Алекс ни одной не сделал. Хоть и понимал, что время для семейной жизни у него нашлось бы — не каждый же день его гоняют по разным концам света.

Кто-то хлопнул за его спиной дверцей холодильника.

— Ты, должно быть, и есть друг Джейми? Софи решила, что ты сбежал.

Он обернулся и увидел хорошенькую светловолосую девушку с только что открытой, пенящейся банкой пива в руке.

— Боюсь, я все еще здесь, — он протянул ей руку. — Алекс.

— Стелла. — Она оглядела его и улыбнулась. — Софи обрадуется, узнав, что ты здесь. Вся исстрадалась: о нет, он ушел, мы показались ему полными уродами! Только я тебе этого не говорила, ладно?

— Я умею хранить секреты. А ты тоже пиарщица?

— Не-а. Пиаром нашей компании занимается Софи. Я модельер.

В это мгновение появилась Софи. Сердце подскочило у Алекса в груди. Она прекрасна, вдруг понял он.

— Эй, подруга! — обрадованно воскликнула Стелла. — Смотри, кто тут у нас есть!

Взгляды Софи и Алекса встретились, в уголках ее рта обозначился намек на улыбку. Алекс попытался улыбнуться в ответ.

— Пока ты опять куда-нибудь не пропала, — сказала Стелла, — у меня есть идея. Почему бы тебе и этому приятному молодому человеку не прийти завтра ко мне поужинать?

— Это было бы замечательно, — сказала Софи. — Вы завтра свободны?

— Да, — сказал Алекс.

— Хорошо. — Софи мягко поцеловала его в губы. — Там и увидимся.

Алекс смотрел ей вслед, а Стелла смотрела, как он смотрит на Софи.

— Сражен наповал, я бы так выразилась. — Она улыбнулась. — Определенно сражен.

— Кто? — идиотически улыбаясь, спросил Алекс.

— Это уж ты сам мне скажи. — Стелла наклонилась, порылась в сумочке. — Вот тебе адрес на завтрашний вечер. — Она записала его на обороте приглашения на какую-то кинопремьеру. — Приходи.

— Обещаю, — сказал Алекс.

Квартира Стеллы находилась на втором этаже викторианского, похожего на колоссальный белый свадебный торт дома и смотрела окнами на частный парк. Темная лестница привела Алекса в огромную, залитую бледным вечерним светом комнату. Несколько шедших от пола до потолка окон открывались на чугунный балкон, перед ними сидели за длинным столом, попивая шампанское, Стелла с незнакомым Алексу молодым человеком.

— Алекс, — сказала Стелла. — Привет. Добрался, значит?

— Добрался.

Пытаясь потом припомнить тот вечер, Алекс обнаружил, что в памяти у него образовались провалы. Он ничего толком не мог вспомнить ни о приятеле Стеллы, ни о том, что они ели и пили, о чем разговаривали. Алексу редко случалось за столь короткое время забывать такую кучу информации, впрочем, ему было наплевать на это, потому что все, относящееся к Софи, — ее кожа, волосы, запах, движения — навечно запечатлелось в его сознании.

Алекс был околдован, и — что почти лишило его способности сопротивляться — все выглядело так, словно она околдована тоже. Софи смотрела на него совершенно открыто, как зачарованная.

После ужина Софи объявила, что хочет, чтобы Алекс повел ее прогуляться. Улица, кафе и тротуары были заполнены людьми, и казалось более чем естественным, что Софи взяла его за руку. Внезапно она нырнула в бар — крохотный, с фотографиями боксеров и футболистов по стенам.

— Быстро! — сказала она бармену. — Нам нужен солодовый виски. Поторопитесь, мы в тяжелом состоянии.

— Вы всегда получаете то, что хотите? — спросил Алекс, когда бармен поставил перед ними два стакана.

— Думаю... да почти всегда, — признала она. — А как насчет вас?

— Давно уже я ничего не хотел так сильно, как...

— Как меня... сильно?

— Да, — сказал Алекс.

Глаза Софи вспыхнули. Они допили виски, пересекли Ноттинг-Хилл-Гейт и попали на кенсингтонскую Черч-стрит. Здесь, словно договорившись, оба одновременно подняли руки, подзывая одно и то же проплывавшее мимо такси.

На заднем сиденье Алекс обнял ее за плечи, и она поцеловала его в шею, прежде чем приникнуть к нему всем своим теплым телом. Взяв другую его руку, Софи положила ее себе на грудь. «М-м-м!» — пробормотала она.

Хохоча, они взбежали по лестнице в ее квартиру. И как только дверь за ними захлопнулась, поцеловались — поцелуй получился долгим, но, как выяснилось очень скоро, куда более коротким, чем хотелось каждому из них.

ГЛАВА 3

В Хитроу Алекса поджидали трое мужчин.

Один, в залоснившемся блейзере и слаксах, походил на обрюзгшего телохранителя. Из бывших солдат, подумал Алекс. На красноватом лице второго, одетого в куртку-барбур, застыло усталое, терпеливое выражение государственного служащего. Третий, более молодой, был в галстук Гвардейской бригады и в куртке с вельветовым воротником. Алексу он показался смутно знакомым. Штабной, подумал он. Из МИ-5.

— Капитан Темпл? — осведомился тот, что помоложе. — Пройдите сюда, сэр.

Они быстро провели его через таможню, потом вниз по лестнице и на парковку, к стоявшему там «форду-мондео».

— Алекс, не так ли? Джеральд Фармилоу. Мы с вами встречались. Я отвечаю за связь «Пятерки» с СВС.

Теперь Алекс вспомнил его. Когда он стал командиром отряда ОБПД, его представляли в Темз-Хаус каким-то штатским из секретной службы. Одним из них и был Фармилоу.

— Я помню, Джеральд, — сказал он. — Извините — у меня была трудная ночь.

Фармилоу кивком указал на краснолицего в барбуре.

— Джордж введет вас в суть дела, Алекс. — Он протянул руку. — А я должен вернуться в Миллбэнк.

Краткое рукопожатие, и он ушел. Задание выполнено.

— Я Джордж Уиддоуз, — сказал мужчина в барбуре, открывая заднюю дверцу «мондео», — а это Том Ричи.

Водитель молча поднял ладонь.

— Мы едем в Беркшир, в Горинг, — продолжал Уиддоуз. — По дороге объясню вам, что к чему.

Ричи сел впереди, Уиддоуз с Алексом — сзади.

— Уверен, вам этого можно и не говорить, — начал Уиддоуз. — Однако очень важно, чтобы вы никому не повторили ни слова из того, что я сейчас расскажу. Ни коллегам, ни старшим офицерам, ни кому бы то ни было из Службы безопасности.

Алекс не потрудился ответить.

— Ну, так вот. Две недели назад в Чертси, на суррейском участке магистрали М25, было совершено убийство. Знаете это место?

— Это где распродают армейские излишки?

— Совершенно верно. Собственно, поэтому один из наших старших служащих, Барри Фенн, там и оказался.

— Продолжайте, — ровным тоном произнес Алекс.

— По официальной версии, Барри Фенн умер от сердечного приступа в машине «скорой помощи», которая везла его в Чертси, в больницу Святого Петра. На деле он был убит неизвестным лицом или лицами в спальне на четвертом этаже служебной гостиницы «Белая роза». Убийца, а у меня имеются причины думать, что он был один, отключил наружное освещение дома и систему сигнализации, взобрался по задней стене, проник в окно, устранил нашего человека и исчез.

— Как он его убил? — спросил Алекс.

— Ужасно, — ответил Уиддоуз. — Убийца связал ему запястья и вогнал в висок пятнадцатисантиметровый гвоздь. А потом отрезал язык.

— Сожалею, — без всякого выражения произнес Алекс. — Уверен, покойный был хорошим человеком.

— Был, — подтвердил Уиддоуз.

— Не будем ходить вокруг да около, — сказал Алекс. — Чего вы хотите от меня?

— Мы едем на место второго убийства. Убит еще один из штабных офицеров, человек по имени Крейг Гидли. Убийца выдавил ему глаза.

— Дальше? — сказал Алекс.

— У нас есть причины полагать, что убийца — один из наших. Или, если быть точным, один из ваших. Обученный СВС секретный агент. Нам необходимо обезвредить этого человека, капитан Темпл, и как можно быстрее.

Дом покойника находился неподалеку от города Горинг. Владение окружала высокая каменная стена, за ней простиралась лужайка. Перед парадной дверью притулились на гравийной подъездной дорожке несколько автомобилей.

Ричи отыскал место для «мондео», открыл перед Уиддоузом дверцу и, похлопывая себя по карманам в поисках сигарет, вернулся на водительское место. Уиддоуз отвел Алекса на зады дома, где за кованым садовым столиком сидели двое мужчин и две женщины.

Уиддоуз обвел Алекса вокруг столика, познакомив его сначала со старшей из женщин, которую он представил как «заместительницу нашего директора», затем с мужчинами, оказавшимися, соответственно, патологоанатомом и судмедэкспертом. Последней, кому был представлен Алекс, стала бесцветной внешности женщина по имени Доун Гардинг.

По завершении этих формальностей патологоанатом и судмедэксперт вернулись в дом. Алекс и Уиддоуз, следуя жесту заместительницы директора, уселись на освободившиеся стулья.

— Спасибо, что так быстро приехали, капитан Темпл, — сказала заместительница, строгой красоты седовласая женщина лет пятидесяти с небольшим. — Надеюсь, Джордж рассказал вам о случившемся и о том, чего мы от вас хотим.

— Да, я получил хорошее представление о происшедшем.

— И что скажете?

— Я солдат, а не полицейский. Я могу выследить человека в горах или в джунглях, но не в базах данных.

— Базы данных и не понадобятся, — негромко произнесла заместительница. — Мы знаем, кто убил Фенна и Гидли. Или, вернее, у нас есть веские основания подозревать конкретного человека. И найти его мы вполне сможем сами. От вас требуется устранить его. Впрочем, я хотела бы, чтобы вы прежде взглянули на тело. Возможно, оно наведет вас на какие-то соображения. Джордж?

Уиддоуз встал и через заднюю дверь провел Алекса в дом. Они прошли выложенным каменной плиткой коридором в парадный, с дубовыми полами, вестибюль, а оттуда в кабинет.

Хозяин дома лежал лицом вниз на персидском ковре. Руки его, распухшие и почерневшие, были связаны за спиной. В воздухе висел отдающий медью запах крови.

Остановившись в дверях, Уиддоуз знаком показал Алексу, чтобы тот приблизился к телу.

— Фотографии мы уже сделали, вся техническая работа закончена. Если хотите, можете его перевернуть.

Вот уж чего Алексу хотелось меньше всего, однако он ухватился за тело и потянул. Труп тяжело перевалился на спину, и перед Алексом предстала страшная картина. На месте глаз зияли две дыры в черных сгустках. На правом виске жертвы чуть выступала над кожей плоская шляпка гвоздя.

— Ну что? — спросил Уиддоуз.

Алекс пожал плечами:

— Расскажите еще раз, как все произошло. Гидли принимали гостей, так?

— Званный обед, — сказал Уиддоуз. — Однако к половине первого ночи гости разъехались, Крейг Гидли запер ворота и выпустил собак.

— Это были доберманы, верно?

— Верно. Пока в доме были гости, они сидели под запором на псарне. Обычно собаки просто бегают по владению — тут около гектара земли. Вскоре после этого Летиция Гидли увидела, как муж запирает входную дверь. Она легла, а муж ушел в кабинет, сказав, что ему надо с полчаса посидеть за компьютером. Больше она его живым не видела. Нашла его здесь в девять утра и позвонила заместительнице директора. Давайте выйдем наружу.

Алекс последовал за Уиддоузом через вестибюль и вышел на крыльцо.

— Он вошел здесь? — спросил Алекс.

— Да. Взломал замок. Очень умело. Пойдемте.

Подойдя к воротам, Уиддоуз указал на телеграфный столб:

— Видите ту коробочку на идущем к дому кабеле?

Алекс узнал ее с первого взгляда.

— Звуковой деактиватор. Посылает на станцию, обслуживающую систему сигнализации, фальшивый сигнал «все в порядке».

Уиддоуз провел Алекса через лужайку. На краю ее лежали, скрючившись, окоченевшие трупы двух доберман-пинчеров.

Алекс присвистнул:

— Дело этот парень знает. И жена ничего не услышала?

— Ничего.

Алекс кивнул. У парадной двери двое мужчин, с которыми Алекса только что познакомили, укладывали в багажник машины мешок с телом.

— Как бы вы подобрались к Гидли? — спросил Уиддоуз.

— Примерно так же, как этот парень, — ответил Алекс. — Он подождал, пока все зайдут в дом и усядутся ужинать, забрался на телеграфный столб и заблокировал сигнализацию. Потом слез и расположился так, чтобы можно было сосчитать покидающие дом машины. Уверившись, что Гидли остались в одиночестве, вернулся к дому и перелез через забор.

— А собаки?

— Видите, как они лежат? — Алекс указал на скрюченные тела. — Готов держать пари, он использовал яд, куски мяса, напичканные стрихнином. Вы свистом подзываете собак, бросаете им мясо и ложитесь лицом вниз на землю, в позе полной покорности. Собаки, вместо того чтобы вцепиться вам в глотку, просто поливают вас мочой. После одержанной символической победы они утрачивают к вам всякий интерес и считают, что можно заняться мясом. Несколько секунд, и они мертвы. После этого наш человек подбегает к двери, взламывает замок и... — Алекс пожал плечами. — Вот так все и было. А почему он это сделал, это уж вы мне расскажите.

— Давайте вернемся к заместительнице директора, — сказал Уиддоуз.

Оба снова прошли за дом, где так и сидела, делая какие-то пометки в блокноте, заместительница. Она подняла на них взгляд:

— Итак, капитан Темпл, каково ваше мнение о человеке, совершившем это убийство?

Алекс поколебался.

— Почему именно я? — спросил он. — Зачем вытаскивать меня из джунглей Сьерра-Леоне, когда можно вертолетом доставить сюда какого-нибудь малого из Херефорда? Зачем терять большую часть дня?

Заместительница директора улыбнулась:

— Потому что мне нужны вы, капитан Темпл, а не «какой-нибудь малый». Мне дали понять, что лучше вас не найти.

— Это кто же вам такое сказал? — осведомился Алекс.

— Произведен в офицерское звание в тридцать четыре года, после десяти лет безупречной службы... Один этот факт говорит сам за себя.

Алекс пожал плечами.

— Давайте говорить прямо, — сказал он. — Вы стараетесь найти человека, убившего Фенна и Гидли. И хотите, чтобы я, когда вы его найдете, вступил в игру и ликвидировал его.

— Да, примерно так.

— Если мне придется этим заняться, я должен знать все, что у вас на него есть.

— Не вижу проблемы. Я хочу, чтобы все было подчищено прежде, чем об этом пронюхает полиция. Или, упаси боже, пресса. А это означает — за несколько дней, капитан Темпл. Недель в нашем распоряжении нет.

Алекс обвел взглядом по-вечернему спокойный сад. Показалось ли ему или она действительно подчеркнула слово «капитан», намекая на возможность повышения в звании?

— Ладно, — кивнул он.

— Хорошо, — коротко отозвалась заместительница директора. — Завтра в девять утра жду вас у себя в кабинете. К тому времени у нас будут фотографии и результаты вскрытия, а я смогу рассказать вам о предыстории происшедшего. Пока же держите с нами связь через Доун, она отвезет вас в Лондон.

Заместительница встала, пожала Алексу руку и скрылась в доме.

— Я еще потопчусь здесь, Доун, — сказал Джордж Уиддоуз. — Думаю, вам с капитаном пора двигаться.

Жесткий взгляд, жесткая осанка, жесткая поза — вот первое впечатление, какое произвела на Алекса женщина, сидевшая по другую сторону стола. У нее были неопределенного оттенка светлые волосы, краситься она нужным не считала, одета в черный свитерок с короткими рукавами, черные брюки и туфли на плоском каблуке.

Впрочем, вскоре Алекс изменил свое мнение о ней. Одежда, пусть и простая, была дорогой и скорее подчеркивала, чем скрывала, плавные линии тела. Не красилась же она просто потому, что знала — хороша и без косметики. И уж определенно,

жесткость ее была не из тех, что присуща женщинам из разведки, с которыми Алекс сталкивался в Белфасте.

— Итак, — сказала она. — Назад в Лондон. Вам есть где остановиться?

Хороший вопрос. Со времени, как он прошел через таможню в Хитроу, Алекс не потратил на себя ни минуты, а звонить Софи, когда вокруг топчутся тайные агенты, ему не хотелось. Хотя один звонок сделать все-таки надо. Коротко извинившись и отойдя от Гардинг, он позвонил подполковнику Биллу Леонарду, командиру 22-го полка СВС. Это было прямым нарушением указаний Уиддоуза, ну да и черт с ними.

Леонард был у себя в кабинете на базе в Криденхилле под Херефордом.

— Хорошая работа прошлой ночью, — негромко сказал он. — С учетом всех обстоятельств, чертовски хорошее шоу. Я так понял, ты в Беркшире, у друзей.

— Верно. Им нужно, чтобы я произвел... кое-какую уборку.

Короткая пауза. Потом Леонард сказал:

— Я хочу, чтобы ты помог им, Алекс.

— Да, но...

— Без «но», Алекс. Заняться их проблемой нужно, а лучше тебя я никого припомнить не смог. Извини, но это необходимо.

— Как Карен? — спросил Алекс.

Карен звали вдову Дона Хэммонда.

— Держится. Помоги нашим друзьям, Алекс. В данном случае у нас нет пространства для маневра.

И телефон умолк.

Доун Гардинг принадлежала «хонда-аккорд», которую она водила, свято чтя ограничения скорости.

— Двигатель бережете? — в какой-то момент решился спросить Алекс.

— Нет. Стараюсь сохранить в чистоте водительские права, — ответила Доун. — Куда вас подбросить?

— На Слоун-сквер, — ответил он.

— Вечерние покупки на Кингз-роуд? — Доун лукаво покосилась на его рубашку.

— Нет, у меня там друзья в казармах живут.

— Слоун-сквер, значит. Буду благодарна, если вы не разболтаете вашим приятелям о событиях сегодняшнего дня.

Алекс смерил ее взглядом:

— Я не имею привычки «разбалтывать», как вы выразились, чего бы то ни было ни приятелям, ни кому-либо еще. Я служил в СВС еще до того, как вы... — Он примолк. Сколько ей лет? Двадцать пять? Двадцать шесть? — Еще до того, как вы получили аттестат зрелости, — неуклюже закончил он.

Доун улыбнулась:

— Вы постоянно помните о своем возрасте? В этом ваша проблема? В конце концов, большинство капитанов лет, наверное, на десять моложе, чем вы. Моего примерно возраста.

— Послушайте, — сказал Алекс, — если вы считаете, что ваше начальство выбрало для этой работы не того человека, я буду только счастлив от нее отказаться. Остановите машину, и я отвалю.

— Вы... отвалите?

Алекс потянулся к заднему сиденью, на котором лежала его сумка.

— Да, — сказал он, многозначительно глядя на Доун. — В этой затее нет ничего, что бы меня привлекало, абсолютно ничего. Я уже имел дело с Темз-Хаус и каждый раз жалел об этом.

— Ясно. То есть, насколько я понимаю, то, что некий... некий маньяк пытается и убивает наших людей, вас, в сущности, не заботит?

— Я всего-навсего удивляюсь, почему вы не можете справиться с ним собственными силами.

— Потому что принято решение поступить иначе.

На чем препирательства и закончились. Она дала ему свои телефонные номера — сотовый и рабочий — и попросила позвонить, как только выяснится, где он остановился. Алекс решил этого не делать.

— Где находится Темз-Хаус, знаете? — спросила она.

— Когда я был там последний раз, он находился на Милл-бэнк.

— Значит, завтра в девять. Я встречу вас на пропускном пункте.

— Договорились.

Через несколько минут Доун притормозила «хонду» у штаб-квартиры полка герцога Йоркского на Кингз-роуд, и Алекс, кивком поблагодарив ее, подхватил свою сумку. Доун уронила на пассажирское сиденье длинный коричневатый конверт. Алекс поколебался, прежде чем взять его.

— На расходы, — сказала она. — Согласно вашему досье, лондонского адреса у вас нет. И если только вы не оставили какую-нибудь одежду в квартире мисс Уэллс — а на мой взгляд, вы не из тех, кто питает пристрастие к уютной домашней обстановке, — вам придется пополнить ваш гардероб. «Харродз» еще пару часов будет открыт. До встречи.

И она плавно отъехала от бордюра. С мгновение Алекс смотрел ей вслед. Упоминание о Софи возымело действие: дало ему понять, что Доун Гардинг и ее организация держат его на коротком поводке, черт бы их побрал, и способны приструнить, когда им заблагорассудится. «Еще посмотрим, чья возьмет», — пробормотал он, понимая, впрочем, что слова эти бессмысленны. Какое-то время ему и Доун Гардинг придется работать вместе, хочет он того или не хочет. Он вытащил телефон «нокиа» и нажал кнопку вызова.

Через пять минут около него остановился серебристый «ауди» с откидным верхом.

— Эй, красавчик! Делом заняться не хочешь?

Впервые за этот день Алекс улыбнулся. На Софи была итальянская рубашка с истошно кричащим рисунком и темные очки. При одном взгляде на нее сердце Алекса пустилось в пляс.

— Запрыгивай, — приказала она.

Пока все складывалось хорошо. Алекс объяснил, почему он так одет, Софи быстро позвонила в несколько мест, и через пять минут тонкий, гибкий молодой человек в кожаных брюках уже отпирал складское помещение в Челси-Харбор. Там оказалась по меньшей мере дюжина длинных стоек с мужской одеждой и несколько сложенных из обувных коробок пирамид в человеческий рост.

— Угощайтесь, — сказал молодой человек Алексу.

— Откуда это все? — спросил Алекс.

— Преимущественно остатки разных показов и фотосессий для модных журналов, — ответила Софи. — Большую часть никто никогда не носил.

В конце концов они подобрали для него одежду, которая Алексу показалась чрезмерно модной, а Софи — лежащей «где-то между невыразительной и невидимой».

— В моем мире, — объяснил Алекс, — чем человек серее, тем и лучше.

Софи повертела на указательном пальце ключи от «ауди»:

— Ко мне?

В квартире, глядевшей на Слоун-сквер, они уплетали купленных в «Сейнзберриз» креветок под соусом карри, пили прямо из бутылок пиво «Кроненбург» и смотрели сериал «Господи Боже мой». Алекс, прошедший последние несколько недель на армейском рационе, поглощаемом исключительно в мужской компании, чувствовал себя на седьмом небе.

— То, что ты вернулся, это хорошо? — нерешительно спросила Софи. — Значит, у тебя будет свободное время?

— И да, и нет, — ответил он. — Я здесь... чтобы кое-кого отыскать.

— Рассказать мне об этом ты не можешь, да?

Алекс покачал головой:

— Прости.

— Это опасно?

— Сомневаюсь. Я должен найти одного человека, вот и все. Пошевелить мозгами, а не пострелять. Так что, в общем, да, я поболтаюсь здесь, но только буду иногда пропадать.

— Так оно всегда и будет? — спросила Софи. — Я спрашиваю, ты не отвечаешь?

— Пока я варюсь в этом — да. Не принимай на свой счет.

— Да я и не принимаю, — сказала она с легким раздражением. — Просто мы вместе уже год, и мне хотелось бы думать, что у меня есть какой-то... какой-то доступ к твоей жизни.

— Полный, — мягко ответил Алекс. — Табличка «вход воспрещен» относится только к моей работе. А там ничего для тебя интересного нет.

— Да, но твоя работа — это и есть твоя жизнь. Все эти мертвецы... Я так и вижу их в твоих глазах.

Алекс пожал плечами. На эту тему он никогда и ни с кем обстоятельно не разговаривал.

ГЛАВА 4

На пропускном пункте Темз-Хаус Алекс появился без нескольких минут девять. Доун Гардинг, уже поджидавшая его с кейсом в руке, расписалась в журнале учета посетителей.

— Мы сегодня в итальянском, не так ли? — сказала она, окидывая взглядом его штиблеты от Гуччи и серый костюм от Черрути. — А мне казалось, парни из Херефорда предпочитают одежду от мистера Байрайта.

— Я знаю, какое значение вы, гражданские, придаете внешнему виду, — ровным тоном ответил Алекс. — Вы же не хотите, чтобы мой внешний вид не соответствовал вашему высокому положению, правда?

Он последовал за ней в лифт, Доун нажала кнопку пятого этажа.

— И место для ночлега вы, конечно, приискали?

— Да, нашел, где преклонить голову.

— Я и не сомневалась.

Как и вчера, она была вся в черном — ни косметики, ни духов, ни украшений.

Лифт содрогнулся и встал. Доун прошла по устланному серым ковром коридору и ввела Алекса в кабинет, который, если бы не опущенные наполовину шторы, был бы залит солнечным светом. На широком, специальной конструкции столе расположились в ряд три компьютерных монитора и факс. Большую часть стен занимали карты, книжные полки и большой плоский экран еще одного монитора. В дальнем конце комнаты с полдюжины кресел окружали стол с кофеваркой.

За столом сидела заместительница директора, и Алекса вновь поразила красота ее лица и общая элегантность. Сегодня на ней был угольно-черный костюм, очень идущий к ее пронзительным синим глазам и искусно причесанным стального оттенка волосам. Рядом с ней возвышался Джордж Уиддоуз.

Заместительница, обойдя стол, протянула Алексу руку.

— Поскольку мы будем какое-то время работать вместе, капитан Темпл, — сказала она, — думаю, нам следует по крайней мере знать настоящие имена друг друга. Я Анджела Фен-

вик, полный титул — заместитель директора оперативного отдела. Добро пожаловать в Темз-Хаус.

Когда они расселись вокруг стола, Анджела Фенвик нажала на кнопку кофеварки и сказала Алексу:

— Ничто из произносимого в этой комнате не записывается и не документируется. Можете говорить совершенно свободно, что вы, надеюсь, и станете делать. Из этого следует, что и вы не будете без прямого моего указания передавать кому бы то ни было ни одного из сказанных мной слов. Вас это устраивает?

— Да, пожалуй.

— Хорошо. Кофе все будут? Джордж, займитесь им.

Когда Уиддоуз налил всем кофе, Анджела Фенвик откинулась с чашкой в руке на спинку кресла и сказала Алексу:

— Убийство Крейга Гидли. Оно ничего вам не напомнило?

— ИРА, — сказал он. — Белфастская бригада прикончила двоих из ИОП, вогнав им в головы гвозди. Кажется, это было в начале девяносто шестого. Трупы оставили на пересечении дорог под Данганноном.

— Рей Бледсо, — прибавил Уиддоуз, — и Коннор Вин.

— Правильно, — сказала Анджела Фенвик. — Вся эта история действительно началась в Северной Ирландии. Но не в девяносто шестом, а в Поминальное воскресенье восемьдесят седьмого.

— Эннискиллен, — мрачно произнес Алекс.

— Вот именно, Эннискиллен. Восьмого ноября восемьдесят седьмого года там вблизи военного мемориала взорвалась бомба, убившая одиннадцать человек, еще шестьдесят три были ранены. На следующий день состоялось совещание, в котором участвовали шестеро. Двое из них — бывший директор и заместитель директора нашей службы — теперь на покое. Остальными были я, Джордж, Крейг Гидли и Барри Фенн. Я была самой младшей из всех — тридцати девяти лет, — меня тогда только только назначили заведующей Североирландским отделом.

Цель совещания состояла в том, чтобы обсудить необходимость внедрить нашего агента в исполнительные органы ИРА. У нас были информаторы, было Четырнадцатое разведуправление. Но не было никого, занимающего в ИРА пост, достаточно высокий, чтобы дать нам знать, если в воздухе запахнет еще

одним Эннискилленом, — а еще один Эннискиллен мы допустить попросту не могли.

Было принято решение внедрить в ИРА крота, который сможет подняться на самый верх сложной иерархии террористов. Операция «Пароль» была спланирована и осуществлена четырьмя из нас — мной, Джорджем, Гидли и Фенном. Больше никто из сотрудников Службы никакого доступа к ней не имел. Нашему человеку, после того как мы его подберем, предстояло получить кличку Дозорный.

Подбор начался в октябре восемьдесят седьмого. Нам нужен был католик ирландского происхождения, лет двадцати восьми или моложе, в идеале — единственный сын уже покойных родителей. Мы обыскали все армейские службы. Исключили тех, у кого было звание от капрала и выше, тех, у кого был плохой послужной список. В итоге у нас оказался на руках список из двадцати примерно человек, и после этого мы решили прибегнуть к услугам уоррент-офицера по имени Дензил Коннолли.

Алекс кивнул. С Коннолли он никогда не встречался, но слышан о нем был.

— Коннолли посещал самых разных командиров, и к Рождеству число кандидатов сократилось до десяти человек. Всех десятих отправили в Трегарон, где производится подготовка кадров для Четырнадцатого разведуправления. Четверых тамшние инструкторы к концу второй недели сочли непригодными, и они вернулись в свои подразделения. Одновременно остальные шестеро были отозваны из Трегарона — то, что за этим последовало, они считали продолжением занятий. Их расселили по разным домам, и с ними несколько дней беседовали наши психологи.

— А почему было просто не провести их через курсы Четырнадцатого управления? — спросил Алекс.

— Потому что от них нам требовалось совсем другое. Работа под прикрытием сопряжена с одиночеством, оторванностью от всех, однако в конечном счете человек, который занимается ею, так или иначе остается частью команды. У тайного агента все же имеется масса возможностей махнуть рукой на осторожность, пообщаться с коллегами, вообще побыть самим собой. А тому, кого мы искали, после его внедрения в ИРА ни-

когда, возможно, не представился бы случай поговорить с другим агентом.

— Кроме того, мы не хотели, чтобы кто-то знал его как человека, успешно прошедшего курсы, — прибавил Джордж Уидоуз. — Часть его легенды должна была состоять именно в том, что он их провалил.

— Мы подробно опросили оставшихся шестерых, — продолжала Анджела Фенвик. — Четверо из них нам понравились, а двоих вернули в Трегарон. Этим четверых доставили по одному в разные районы на северо-западе Шотландии, снабдили средствами связи и снаряжением для одиночного выживания и приказали залечь на дно. Стоял январь, погода была ужасная, метели, глубокий снег. В следующие три недели никто из них не видел ни одного человеческого существа. Они получали по радио инструкции и приказы на выполнение бесконечных, почти невыполнимых заданий — идти всю ночь, чтобы добраться до места, в которое самолет сбросил еду, причем оказывалось, что никакой еды там нет, обрабатывать немыслимое количество данных, ремонтировать оборудование, починить которое было невозможно, и так далее. Под конец этих трех недель каждый получил задание попытаться выйти из занятой противником зоны. Кончилось это тем, что их изловили, сильно избили и поместили в лагерь под Олтнагаррой, где их в течение сорока восьми часов допрашивали с применением жестких мер.

После этого инструкторы дали оценку каждому. Один к этому времени оказался в плохом состоянии и был сочтен явно непригодным. Двух других признали пригодными скорее к групповой работе — их вернули в Трегарон. Четвертым, получившим наилучшие отзывы, оказался капрал Королевских саперов по имени Джозеф Миан.

Мы надеялись, что Миан людям из ИРА понравится. Он был молод — ко времени подбора Дозорного ему исполнилось всего двадцать три года, прирожденный одиночка. Очень умный, очень целеустремленный, с исключительными способностями к электронике и взрывным работам. Для наших целей он подходил идеально. Из Олтнагарры его вертолетом доставили в Лондон и поселили на одной конспиративной квартире. Когда мы с Джорджем впервые встретились с ним в феврале восемь-

десять восьмого, он все еще полагал, что проходит курсы Четырнадцатого управления.

Мы рассказали ему всю правду. Объяснили, чего именно от него хотим. А он сказал в ответ то, что уже говорил месяцем раньше нашим психологам: ИРА он ненавидит до глубины души и готов на все, чтобы ее уничтожить. У нас имелись причины верить ему. Миан был единственным сыном электрика из Лондондерри. Когда мальчику было двенадцать, он привлек внимание местного подразделения ИРА тем, что подрядился чинить проводку в армейских казармах. Миану-старшему прострелили коленные чашечки, мастерскую его сожгли, ему пришлось уехать из тех мест, и в конце концов он обосновался в Дорсете. Джозеф в шестнадцать лет бросил школу, чтобы помогать отцу, но тот к тому времени был совсем уже плох: калека и алкоголик, быстро катившийся по наклонной плоскости. Через два года он умер.

— А мать? — спросил Алекс.

— Мать осталась в Лондондерри, — ответил Уиддоуз. — После того как мужу прострелили ноги, она с ним разошлась. В конце концов она спуталась с громилей из ИРА, державшим бильярдную в Боугсайде. Как раз в то время Джозеф и завербовался в армию. Он хотел отомстить за то, что сделали с его отцом. Миан питал патологическую ненависть к ИРА — членов ее он описывал как паразитов, которых следует давить не задумываясь. И на наш взгляд, это было хорошо. Ненависть устойчива, и для Миана, как мы надеялись, она будет хорошей поддержкой.

— Обучение Джозефа Миана, — продолжала Анджела Фенвик, — длилось шесть месяцев. Он жил на конспиративных квартирах, всегда в одиночестве, навещаемый только инструкторами. Каждый из них был лучшим специалистом в своей области. Для начала его поместили в одно из укрытий Трегарона. Полная изоляция, разумеется, хотя помещение мы прослушивали, и телефон, установленный в нем, тоже.

Трегарон Алекс знал хорошо: сто гектаров продуваемой ветрами валлийской долины, окруженные колючей проволокой.

— Кто за него отвечал? — спросил он.

— Уоррент-офицер из ОБПД. Мы приставили в Джозефу двух сержантов с учебной базы Херефорда, чтобы они прошли

с ним курс рукопашного боя, отработали навыки обращения с оружием и вождения. Одновременно инструктор из Трегарона преподавал ему ведение слежки, уход от нее и иные необходимые разведчику вещи. Затем целая череда людей обучила Миана скрытному фотографированию, взлому замков, установке и обнаружению подслушивающих устройств, взрывным работам, работе с компьютером. Люди из Трегарона прорабатывали с Мианом географию Северной Ирландии, рассказывая о местонахождении всех питейных заведений, танцулек, игорных домов, считающихся надежными явок и так далее — вплоть до мест, в которых он сможет найти работу таксиста. По меньшей мере раз в день Джозефа прогоняли по всем деталям его легенды. Как и все лучшие легенды, она была на девяносто пять процентов правдива. Выдуманными были лишь девять месяцев его жизни.

Затем он провел два месяца в Кройдоне — наши инструкторы преподавали ему расширенный курс адаптации в новом месте. На этом этапе мы сосредоточились на том, чтобы избавить его от всяких признаков военного человека, выбить из него профессионального солдата. Время, которое он провел в Кройдоне, было по возможности неструктурированным. Мы давали Джозефу разного рода задания — провести день в пабе, выбрать там совершенно постороннего человека и посмотреть, какие сведения из него можно вытянуть... Работа непростая, но Миан справлялся с ней образцово. И при этом вел себя очень естественно. Фанатики это умеют.

— После Кройдона, — вступил Уиддоуз, — мы отправили его обратно в полк Королевских саперов, как раз за две недели до окончания курсов Четырнадцатого управления, на которые он был отозван несколькими месяцами раньше, и велели ему добиться, чтобы его вышвырнули из полка.

Он рассказывал всем, что его прогнали с курсов единственно потому, что он католик и ирландец по происхождению. Сделал вид, что его это по-настоящему достало — начал пить, затевать драки, его имя несколько раз попадало в полицейские протоколы. На него посыпались обвинения в нарушении субординации, жалобы на оскорбительное поведение с обслуживающим персоналом, потом он подрался в Чатеме с вышибалой

одного из пабов — в общем, человек покатился под откос. Кончилось тем, что один из уоррент-офицеров обнаружил в его шкафчике кусок бикфордова шнура.

Миана выставили из армии, он перебрался в Лондон, жил в Килбурне, в общежитии для рабочих. За пару недель он подыскал себе работу в мастерской по ремонту электрооборудования, которой владел некий Тони Риордан. По вечерам Миан слонялся по барам. Вскоре он натолкнулся на беженцев из Белфаста и порасспросил их, как там с работой. Политика меня не интересует, сказал он им, просто я родом оттуда и хочу сменить обстановку. Ему назвали несколько имен. И наконец он отправился в Северную Ирландию.

Первое, что он там сделал, — навестил родственников. Кроме матери, у него было немало дядьев и теток. Он посетил их всех, отдал, так сказать, дань уважения. Своей службы в армии он не афишировал, но и не скрывал. Просто говорил каждому, кто спрашивал, что в армии ему надоело и он ушел. Любовник матери попытался склонить его на сторону республиканцев, сказал, что есть люди, с которыми стоит познакомиться, и так далее, однако Миан на это не купился. Знать ничего не хочу, сказал он. Не интересуюсь.

К осени он обосновался в Белфасте. Один из двоюродных братьев предложил Миану пожить, пока тот не встанет на ноги, у него. Миан провел в его доме около двух месяцев, нашел за это время работу в техническом отделе большого магазина «Эдс электроникс» и снял квартиру в нескольких улицах от дома двоюродного брата. Он также завел себе девушку, парикмахершу по имени Тина Милаццо. Выбор был точен — католличка, но к очевидным республиканским фигурам отношения не имеющая. Нам она была известна, поскольку брат Тины, Винс, любил появляться там, где появлялись эти фигуры.

Теперь оставалось только ждать. В качестве связника мы направили в Белфаст Барри Фенна и сообщили Миану, что в дальнейшем передача информации и встречи с нашими людьми будут происходить скорее по его инициативе, чем по нашей, а Барри — или Джеффа, Миану он был известен под этим именем, — мы продержим в Белфасте до тех пор, пока он, Миан, не сообщит, что на него вышли республиканцы. А до того Ми-

ан должен был говорить всем и каждому, что политика его не интересует.

— Разве не существовало опасности, что республиканцы примут эту позицию за чистую монету?

— Я думаю, нам более чем удалось сделать его для них лакомым кусочком. Всем новым знакомым он давал понять, что в свободные от работы в магазине часы с удовольствием занимался бы ремонтом на дому. Рано или поздно должны были пойти разговоры о том, что этот парень способен творить чудеса с электроникой, после чего началась бы негласная проверка Миана. Ну и конечно, у нас имелся в запасе Винс Милаццо, который трубил повсюду, что новый ухажер его сестры служил в армии да после плюнул на нее и уволился.

В конце концов они клюнули. Как-то июньским вечером восемьдесят девятого двое парней остановили Миана по дороге с работы. Предложили посидеть, выпить и отвезли его в бар «Мак-Намара», бывший не столько баром, сколько пунктом вербовки добровольцев. Спросили, не берется ли он за частную работу. Он сказал, что берется. Тогда один из них отвез Миана на автостоянку и показал ему армейскую рацию «Клансмэн». Спросил, может ли Миан ее починить.

Миан сказал, что и пальцем к ней не притронется. Его спросили почему, и он ответил, что знает эту рацию, что это краденое армейское имущество, а он в такие дела влезать не хочет. После чего вежливо поблагодарил за угощение и ушел. Задерживать его они не пытались.

Разумеется, через несколько дней они вернулись, на этот раз вшестером. Миана отвезли куда-то в район Баллимэрфи. У них, сказали ему, возникли вопросы, на которые ему придется ответить. Разговор шел пока вежливый, однако было ясно: если ответы не будут достаточно убедительными, Миана ожидают серьезные неприятности.

То был момент, который он репетировал тысячи раз. Конечно, он служил в армии, сказал Миан, так он никогда и не пытался это скрыть. Он рассказал и о том, что случилось с его отцом, о том, как его десять лет назад выгнали из страны. Теперь, когда отец умер, объяснил Миан, родни у него в Англии не осталось, вот он и вернулся домой. Все, что ему требуется, — это

приличный заработок, счет в банке и возможность спокойно жить своей жизнью.

Как сапер, сказали ему, он наверняка должен был участвовать во взрывных работах. Разумеется, ответил Миан. Он был инструктором по взрывному делу и даже подумывал после увольнения устроиться на работу в каких-нибудь каменоломнях. Но поскольку его выкинули из армии с лишением прав и привилегий, об этом теперь нечего и думать.

Расскажи о твоём увольнении, попросили они. Миан рассказал. Ему пришили дело, сказал он, из-за нескольких кусочков бикфордова шнура. Ладно бы наркотики нашли или там боевые заряды — нет, все дело было попросту в том, что он ирландец.

Они выслушали это и снова вручили Миану рацию «Клансмэн», и на сей раз он ее взял. Ему дали номер телефона, по которому следовало позвонить, когда ремонт будет закончен. После этой встречи, которую он подробно описал Барри, позвонив из телефона-автомата, связь с Мианом через Барри практически прекратилась. Миану стало ясно, что за ним наблюдают круглые сутки. Он не сомневался — его испытывают. Через несколько дней после починки «Клансмэна» к нему домой заглянула женщина с компьютером «Амстрад». Компьютер свалился на пол, сказала она, и ей нужен специалист, который восстановил бы данные на жестком диске. Он починил компьютер, восстановил данные и обнаружил среди прочего подробное описание системы безопасности одного из центральных банков города. Подстава была очевидная: если он сообщит о своем открытии в банк, проверяющие будут знать, что он работает на противную сторону. И Миан сделал вид, будто ничего не заметил.

Следующие несколько месяцев его потихоньку-полегоньку начали привлекать к участию в разного рода делах. Вскоре после Рождества восемьдесят девятого республиканцы схватили семнадцатилетнего паренька по имени Дерек Моэн, угнавшего автомобиль и вдосталь покатавшегося на нем по городским предместьям. Было решено наказать его, в поучение прочим. Паренька бросили в машину, отвезли на городскую свалку и всадили ему в коленную чашечку девятимиллиметровую пулю.

Случилось так, что один из республиканцев был осведомителем ИОП, поэтому через пару дней мы уже знали имена всех участников акции.

За рулем машины сидел некий Джо Миан. В тот год наша Служба получила возможность поднести кабинету министров совершенно особый рождественский подарок: заверения в том, что в Белфастскую бригаду внедрен долгосрочный агент. Что наконец-то у МИ-5 появился свой человек в ИРА.

ГЛАВА 5

Анджела Фенвик извлекла из ящика стола прозрачную папку с фотографиями и через стол передала ее Алексу.

На десяти снимках была вся жизнь Миана — от начальной школы до армии. Не очень красивый в расхожем смысле слова, не очень умный на вид. Не прирожденный солдат, однако человек, на которого можно положиться. Не жесткий от природы, возможно, но враг, несомненно, опасный.

— Значит, это он, — сказал наконец Алекс.

— Это он, — подтвердила Анджела Фенвик. — Дозорный.

— Насколько я понимаю, конец у этой истории не из самых счастливых, — сказал Алекс.

— Я хочу, чтобы вы знали все, что знаем мы. Чтобы точно понимали, с какого рода человеком вам придется иметь дело.

Фенвик вручила ему еще две папки — с цветными фотографиями, сделанными на месте убийств Барри Фенна и Крейга Гидли и соответствующими заключениями патологоанатомов.

— Из здания ничего этого не выносить, — сказала Фенвик. — Когда мы закончим, Доун отведет вас в комнату, где вы сможете все просмотреть.

Внезапно возникшая мысль словно ударила Алекса. Он застыл, Доун Гардинг слегка приподняла одну бровь.

— Просто вдруг кое-что вспомнил, — сказал он. — Вчера утром я оставил привязанным к дереву часового ЕРФ, маль-

чишку не старше одиннадцати лет. Собирался отпустить его перед нашим отходом.

— Если он еще жив, ему повезло, — сказала Анджела.

— Сомневаюсь, что он еще жив, — ответил Алекс. — Тем, кто выжил после нашего рейда, так или иначе понадобится козел отпущения.

— Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц, — сказал Джордж. — Хорошо. Могу я продолжить?

Фенвик кивнула, взглянула на Доун, и Алекс почувствовал, что между двумя женщинами существуют некие отношения, в которых Уиддоузу места нет.

— Поначалу, продолжил свои объяснения Уиддоуз, все выглядело хорошо. Из направляемых через Барри докладов Миана и из сведений, которые мы получали от информаторов, было ясно, что он проходит что-то вроде посвящения. Первые признаки того, что Джо Миан начал подниматься по иерархической лестнице, появились в августе девяностого, когда он сообщил через связника, что ему предложили участвовать в ограблении банка. Полиции об этом сообщать не стали, и ограбление состоялось.

После ограбления Миана включили в группу, которой предстояло забрать оружие из тайника, оборудованного на кладбище при стоявшей неподалеку от Кастлеблейни церкви. Опять-таки он информировал Барри о предстоящей операции, и МИ-5 снова позволила без помех осуществить ее. При нормальном ходе событий оружие выкопали бы, сделали бы безвредным — на нашем жаргоне это называется «ободрать» — и закопали снова. Однако в этом случае риск того, что ИРА обнаружит — оружие «ободрано» — и заподозрит утечку информации, был сочтен слишком большим. Какую бы цену нам ни пришлось заплатить, оружие следовало оставить нетронутым. И цена оказалась почти фатальной. Через два дня патруль Королевских валлийских стрелков напоролся под Андерсонстауном на засаду. В перестрелке пуля разнесла в щепки ложе винтовки возглавлявшего патруль лейтенанта.

— Мы вели очень опасную игру, — признал Уиддоуз. — Однако, если бы на Дозорного пала хотя бы тень подозрения, мы бы его потеряли.

— А что бы вы сказали, если бы тот лейтенант был убит? — спросил Алекс.

— То же, что сказал относительно черного паренька из Сьерра-Леоне: нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Свой человек в ИРА был нам необходим. И он должен был оставаться вне подозрений. Мы были готовы к тому, что на каких-то этапах операции нам придется мириться с потерями.

Алекс кивнул. Он думал о Сьерра-Леоне. Интересно, насколько смирились с потерей родственники Дона Хэммонда?

— Продолжаем, — твердо произнес Уиддоуз. — Извлеченные из тайника винтовки М-16 обозначили собой конец испытательного срока Миана. Он стал своим. И разумеется, от него начали поступать настоящие разведывательные данные. Года два, с девяносто третьего по девяносто пятый, он давал нам очень полезную информацию.

Потом мы начали отмечать определенные ухудшения. Информация все еще поступала — сначала через Барри, а после непосредственно сюда, по секретной линии электронной почты, — и информация по-прежнему ценная. Однако она стала несколько расплывчатой. Слишком многое в ней было посвящено «политике». Она перестала быть информацией, позволявшей предпринимать конкретные действия. Поначалу все думали, что Миан потерял самообладание. В тех редких случаях, когда он присылал «сырые» данные, они поступали слишком поздно. Например, один королевский констебль погиб потому, что мы узнали о плане покушения на него всего за сорок минут до того, как оно состоялось. Мы послали его начальству срочное сообщение, однако человек этот уже поехал домой, и его застрелили у входа в винный магазин.

— А вытянуть его оттуда вы не могли? — спросил Алекс.

— Мы пытались, однако ни на какие просьбы о личных встречах Миан не реагировал. Под конец девяносто пятого, когда стало известно, что он съехал с квартиры и ушел в подполье, мы начали сворачивать операцию. И первым делом отозвали Барри Фенна.

— То есть, по сути дела, Миана вы потеряли?

— Мы оставили открытым канал электронной почты. Он мог связаться с нами в любое время. Но так и не связался. К середи-

не девяносто шестого мы уже были уверены, что Миан начал работать на ИРА. Были взорваны две бомбы — одна в пабе на Шанкхилл-роуд, другая в супермаркете Баллисиллана, — и мы узнали от осведомителей, что заложил эти бомбы Миан. Семеро убитых. Что произошло в феврале девяносто шестого с людьми из ИОП, Бледсо и Вином, вы знаете. Их убили по приказу Падрега Бирна, это известно всем. О чем вам не известно, так это о том, что человека, забившего им в головы гвозди, звали Джозеф Миан.

Алекс поморщился:

— У вас есть доказательства?

— Об этом знали практически все. При убийстве присутствовало человек двенадцать.

— К этому времени Миан был полностью вне вашей досягаемости?

— Да. Мы могли сделать лишь одно, и мы это сделали. Мы скормили его параноикам из ИРА. Послали в «Санди таймс» статью, написанную якобы бывшим тайным агентом белфастского отдела Четырнадцатого разведуправления. В статье этот вымышленный агент сообщал, что в течение нескольких лет у МИ-5 был крот в высших эшелонах ИРА, и описал три-четыре успешные операции разведки. Все истории были правдивыми и во всех случаях информация, на которой основывались операции, была известна Миану. Разумеется, мы предприняли попытки запретить печатание этой статьи, но в то же время постарались, чтобы они не увенчались успехом. Несколько дней спустя в офис «Шин-Фейн» поступила выписка с банковского счета Миана — мы хорошо платим нашим людям, каждый месяц на его счет переводилось около трех с половиной штук. После этого он просто исчез. Еще две недели назад мы полагали, что его казнили весной девяносто шестого.

— А потом произошло убийство Барри Фенна, — негромко произнес Алекс.

— Именно. Тогда мы поняли, что он жив.

— Вы были уверены, что это Миан, уже тогда?

— Больше никому, — ответил Уиддоуз. — Он знал Фенна и Гидли, он использовал молоток и гвозди, он прибегнул к методам проникновения, которыми может владеть лишь человек, прошедший специальную подготовку.

— Так чего же вы хотите от меня, только точно? — спросил Алекс, хотя ответ был ему уже ясен.

Уиддоуз взглянул на Анджелу Фенвик, и та, выдержав короткую паузу, ответила Алексу.

— В группе Дозорного нас было четверо, — напряженным голосом сказала она. — Фенн и Гидли уже мертвы.

Алекс кивнул. При всей ее профессиональной выдержке, в голосе Анджелы слышался страх.

— В общем и целом, — продолжала она, — нам нужно, чтобы вы убили Джозефа Миана до того, как он убьет нас.

— Так почему бы не передать дело в руки полиции, пусть изловит его и отдаст под суд за убийство, — сказал Алекс.

Они с Доун сидели в кафетерии Темз-Хаус.

— Это поставило бы под удар слишком многих, — ответила Доун таким тоном, точно разговаривала с малым ребенком. — Уж это-то вы, наверное, понимаете?

— То, что ваша Служба будет в итоге выглядеть не лучшим образом, я, разумеется, понимаю. Пресса вас просто распнет.

— И ваша тоже. Мы сделали Дозорного шпионом, однако в убийцу его превратили ваши люди.

— Все равно рано или поздно эта история выйдет наружу.

— Не обязательно. Никто Миана не видел и не слышал уже много лет. Мы находим его, вы ликвидируете — и все, конец истории. Его определенно никто не хватится.

— Вы думаете, что сможете его найти?

Взгляд серых глаз Доун стал чуть жестче:

— А вы думаете, не сможем?

— Если ему этого не хочется, он просто заляжет на дно.

— Там, где его способны отыскать только парни из частей особого назначения, так что ли?

Алекс пожал плечами:

— Я мог бы помочь вам понять ход его мыслей. Дать представление о том, какое укрытие он станет искать.

— Послушайте, команда лучших психологов занимается ходом мыслей этого человека, его ищут наши лучшие детективы. Разумеется, любое толковое предложение нам не помешает, но, по сути дела, все, что нужно, у нас уже есть. От вас нам

требуется только одно — чтобы вы, когда придет время, вступили в игру и ликвидировали его.

Она представления не имеет, подумал Алекс, о чем просит. Не понимает, что это такое — заглянуть человеку в глаза и затем убить его. Не понимает, как несколько секунд, которые на это уходят, растягиваются до бесконечности.

— Вы сегодня свободны во второй половине дня? — спросил он.

Доун взглянула на него с подозрением:

— Нет. А что?

— После того как я просмотрю фотографии и отчеты патологоанатомов, мне хотелось бы еще раз съездить в дом Гидли. Нужно кое-что проверить.

— Мы вроде бы договорились, что эту часть работы вы оставляете нам.

— Если мне предстоит схватка с Мианом, я должен знать, как он действует.

— Что ж, ладно. Но поездку придется отложить до завтра.

— Хорошо, пусть так. Скажите-ка мне, только сразу, не задумываясь: почему Джозеф Миан убивает офицеров МИ-5, которые его курировали?

— Я думаю, что он обратился, как выразился Джордж, в аборигена. А те видят в нас врагов.

— Да, но зачем убивать людей таким жутким способом? И зачем устранять Фенна и Гидли, которые должны были вот-вот завершить свои карьеры?

— Он убил людей, которых знал лично. Для Миана Фенн и Гидли олицетворяли собой британский истеблишмент.

Алекс покачал головой:

— Не думаю, что он убил их по причинам чисто символическим. Как английских угнетателей. Думаю, причина была более конкретной.

— А почему вы считаете себя способным заглянуть в мысли этого человека?

— Мы оба солдаты. Солдаты — люди методичные. Какой смысл совершать сложное, ритуальное убийство, если никто о нем никогда не узнает? Если он понимает, что случившееся наверняка замнут?

— Возможно, он просто сошел с ума.

— А знаете что? — сказал Алекс. — У нас с вами получилось подобие разговора, правда, короткого.

С мгновение Доун смотрела ему в глаза, потом нагнулась за сумочкой. Выпрямилась она уже всегдашней сухой, деловитой женщиной.

— У меня есть для вас ключи от квартиры в Пимлико. Можете занять ее, если захотите, или, — Доун замялась, — устроиться где-нибудь еще.

— Спасибо, — бесстрастно произнес Алекс.

Из фотографий, изображавших Барри Фенна, наполовину сползшего с кровати в залитой кровью пижаме, следовало, что убийца застал его спящим. Согласно отчету патологоанатома, убитый пытался оказать сопротивление, но получил удар по затылку чем-то вроде кастета. Пятнадцатисантиметровый гвоздь был вбит Фенну в висок, когда он находился в полубессознательном состоянии, а язык отрезан уже после этого.

Заключение о смерти Крейга Гидли свидетельствовало, что, как и в случае с языком Барри Фенна, глаза жертвы были выдавлены после рокового удара молотком. Для Алекса это стало подтверждением того, что увечья наносились не с тем, чтобы причинить жертве страдания. Возможно, они содержали в себе некое послание?

Алекс вглядывался в фотографии Миана. Однако чем дольше он перебирал снимки, тем меньше они ему открывали. Только бледное, туго обтянутое кожей лицо и настороженный, опасливый взгляд. Он выглядел человеком жестким. Не в том смысле, что его должны бояться, а в том, что его трудно сломать. Такой будет вилять и пригибаться, но с пути не свернет. По улицам Белфаста ходят тысячи похожих на него людей — неярких, незапоминающихся, сутулящихся в своих плотных всепогодных куртках.

Сможет ли МИ-5 отыскать его? Сначала Миан должен будет совершить серьезную ошибку, но он пусть и безумен, но определенно не беспечен.

Алекс повернулся к висевшей на стене большой карте Британии. Где мог бы спрятаться Миан? Нет, вопрос должен зву-

чать иначе. Где бы стал прятаться сам Алекс, окажись он на месте Миана? В городе, среди людей? Нет, появляться в местах, в которых он уже бывал, опасно. Не рискнет он отправиться и туда, где существует ирландская община. Руки у ИРА, как и память, длинные.

Миан должен понимать, что МИ-5 не остановится ни перед чем и что, если он не создаст для себя совершенно безупречную новую личность, его рано или поздно найдут. Он должен был обзавестись новым паспортом, водительскими правами, номером социального страхования — всем. Просто менять одно место ночлега на другое для него недостаточно. Необходимо нечто вроде базы. Место, в котором он может укрыться.

И спланировать следующее убийство.

В квартиру Софи Алекс вернулся за несколько минут до семи, предварительно договорившись в девять утра встретиться с Доун Гардинг. Она подъедет на то место, сказала Доун, где высадила его в прошлый раз, — к штаб-квартире полка герцога Йоркского на Кингз-роуд.

Софи он застал за туалетом.

— Мы отправляемся в гости, — сказала она, поворачиваясь к Алексу спиной, чтобы он застегнул молнию ее вечернего платья. — Одна из моих клиенток — Кордэй — начинает выпуск новой линии парфюма, и я помогла ей организовать небольшой прием.

— Ты не будешь против, если я не пойду? — распуская узел галстука, устало спросил Алекс. — Я, если честно сказать, не в настроении.

— Ох, дорогой, не будь таким занудой! Я понимаю, у тебя был тяжелый, наполненный всякой секретной работой день, но ведь и у меня тоже. Знал бы ты, какая каторга весь этот пиар. Пойдем, выпьем за счет Кордэй шампанского, а потом...

— А потом?

— А потом распорядишься вечером, как захочешь. Годится?

Алекс согласился. Раз уж «Пятерке» угодно, чтобы он пока бил баклуши, можно по крайней мере поразвлекаться. Да и Софи порадовать не грех, в конце концов, она его приютила.

Когда они появились на приеме, там уже яблоку негде было упасть.

— Пойдем поздороваемся с Шарлоттой Кордэй, — сказала Софи, беря Алекса за руку и направляясь к худощавой, темно-волосой женщине.

— Давай я лучше найду нам чего-нибудь выпить, — предложил, отнимая руку, Алекс и растворился в толпе.

Люди проталкивались мимо Алекса — бросали на него взгляд, мгновенно определяли, что он не из тех, с кем стоит знакомиться, и шли себе дальше. Да и Алексу они были неинтересны. За месяцы знакомства с Софи он успел побывать на множестве подобных сборищ и пришел к заключению, что лондонское общество — штука очень и очень унылая. На одного действительно достигшего чего-то человека приходится сотня журналистов, людей, паразитирующих на моде, и аристократических кокаинистов, старающихся всеми правдами и неправдами приобрести хоть какую-то известность.

Существовали, конечно, и исключения. Ему нравилась Стелла, нравилась Софи — собственно говоря, не просто нравилась. Но почему, гадал Алекс, общество, в котором она вращается, внушает ему чувство, будто он внутренне мертв? И почему ситуации, связанные с настоящими смертями, действуют на него так живительно? Как примирить все это с мыслью о том, что он — когда-нибудь, во всяком случае, — остепенится и осядет?

— «Кровавую Мэри»?

Алекс, опустив взгляд, обнаружил перед собой крошечную, держащую в руках поднос девушку с большой грудью. Он взял стопку, глотнул. На пятьдесят процентов чистая водка, приправленная жгучим перцем.

— Чертовски крепкая штука.

Спустя несколько секунд ему пришло в голову, что он как-то уж слишком себя жалеет. Ничего дурного в этих людях не было. Он проглотил остатки коктейля, взял с подноса второй и отправил его следом за первым. На душе у него полегчало. Живи, Темпл, сказал он себе. Повеселись — хотя бы разнообразия ради!

Он отыскал Софи и почти уже отдал ей бокал с шампанским, когда боковым зрением заметил, что происходит нечто нелад-

ное. Двое высоких, крепких молодых людей затеяли у дверей возню с охранниками. Один — откормленный, ростом самое малое метр девяносто, гигант с маленькими глазками — был в трикотажной спортивной рубашке, другой, облаченный в обычный костюм, был лишь немного ниже первого.

— Вот дерьмо! — негромко произнесла рядом с Алексом Софи. — Незваные гости.

Она с уверенным видом заступила двум мужчинам дорогу.

— Послушайте, ребята, — начал она, — тут частная...

— Чарли, — взревел тот, что повыше, здоровенной ручищей обнимая Софи за плечи. — Смотри, кого я...

Второй тем временем шлепнул пониже спины проходящего мимо гостя.

— Есть, сэр! — рявкнул он. — Вы, случайно, не гомик?

Произношение обоих свидетельствовало о том, что учились они в закрытых школах. Все в них говорило о больших деньгах и наглости.

— Ну, дорогуша, — тот, что повыше, потянулся свободной рукой к Софи, — так ты говоришь...

За долю секунды до того, как лапа гиганта коснулась груди Софи, в нос ему врезался кулак. Алекс вложил в удар все свое негодование против привилегированных классов.

— Алекс! — услышал он вопль Софи. — Не надо!

Здоровяк в ошеломлении повернулся к Алексу. Кровь хлестала из его расплющенного носа, как из крана. Дружок его замер на месте, покачиваясь. Наступило мгновение абсолютной тишины, потом пострадавший замахнулся. Алекс уклонился, кулак с ветерком просвистел мимо его щеки, и он схватил пролетающую руку за запястье. Вбив плечо в подмышку молодчика, Алекс с силой бросил его спиной вперед, и здоровяк вполз в ящик шампанского.

— Алекс! — снова завопила Софи.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что на него летит второй громила. Схватив за горлышко бутылку «Боллингера», он резко повернулся, одновременно нанося удар. Бутылка с хрустом и шипением лопнула, окатив нападавшего белой пеной. Из головы хлынула кровь, глаза громилы закатились, и он грохнулся на пол.

Началась давка, быстро сменившаяся паникой. Столы с напитками оказались перевернутыми, через несколько секунд пол покрылся лужами шампанского, бутербродами и битым стеклом. Кто-то включил сигнал пожарной тревоги.

— Алекс! — в третий раз крикнула Софи, грозя ему кулачками. — Что ты творишь?

— То есть? — спросил Алекс, роняя на пол горлышко разбитой бутылки. — Ты что же, хотела, чтобы эти щенки тебя тискали?

— Это просто двое ребят, которые слишком много выпили, только и всего. А вот ты погубил весь прием!

Она обвела полным отчаяния взглядом улепетывающих гостей, потом посмотрела на двоих лежащих на полу.

— Позвоните кто-нибудь в «скорую»! — крикнула она.

— Ребят? — изумленно переспросил Алекс. — Да ты на тела их взгляни. Не могу поверить, что ты их защищаешь. Хотя, возможно, они принадлежат к твоему типу мужчин. Это так?

— Не будь идиотом! Ты перестарался и сам это понимаешь. Ты мог... — Она встряхнула головой, не находя слов. Рядом с ней один из официантов набирал на телефоне 999.

— Убить их? — Алекс бесстрастно оглядел два распростертых тела. — Нет, тут мне, боюсь, не повезло. Хотя должен сказать, что о вашем парфюме будут много писать в газетах.

Софи вперилась в него яростным взглядом:

— Что ты, черт тебя возьми, понимаешь в этом, ты... свихнувшийся хулиган!

Алекс расхохотался — и никак не мог остановиться.

— Извини! — наконец выдавил он. — Правда, Софи, мне очень жаль.

Софи размахнулась, со всей силы хлестнула его по лицу и зашагала прочь. Алекс догнал ее.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я сожалею, Софи. Правда. Я не над тобой смеялся. Просто над всей этой историей.

Софи стряхнула его руку с плеча. Голос ее дрожал от гнева:

— Можешь отправляться восвояси и больше не трудись звонить мне. Найди кого-нибудь еще, кому тебе удастся изгадить жизнь.

Алекс смотрел, как дверца серебристого «ауди» захлопывается за Софи. Когда рычание двигателя стихло вдали, он сунул руку в карман пиджака. Ключ от конспиративной квартиры был все еще при нем.

ГЛАВА 6

Первый час поездки в Горинг на «хонде» Доун Гардинг прошел практически в молчании. Алекса томило средней руки похмеле, а с ним и чувство вины за то, чем обернулся вчерашний вечер. Да и ночь в Пимлико выдалась безрадостная. Возможно, в семидесятых какой-нибудь болгарский перебежчик и чувствовал себя как дома в этой квартире, с ее покрытым пятнами оранжевым ковром и спертым воздухом, но Алекс предпочел бы что-нибудь в меньшей степени отдающее холодной войной.

Надо было купить вечером цветы, говорил он себе, явиться под дверь Софи с виноватой физиономией и большим букетом роз в руках. Розы помогли бы? Предположительно — да, но с другой стороны, в разборчивом кругу Софи розы вполне могут считаться дешевкой.

— Вам нравятся розы? — спросил он у Доун.

Та взглянула на него с подозрением:

— А что?

— Какие у вас возникают мысли, когда мужчина подносит вам розы?

— Я думаю, что он либо хочет что-то от меня получить, либо просит прощения.

— Правильно.

— Хотя, если они какие-нибудь совсем уж особенные... ну, то есть не просто скучные, увядшие, полузамороженные, из тех, что продают в подземке обернутыми в целлофан, а настоящие, выращенные в саду, обладающие правильным запахом английские розы, тогда я могу по крайней мере выслушать то, что

он хочет сказать. — Доун бросила на Алекса пронизательный взгляд. — Так у нас неприятности?

— Да нет. Просто поинтересовался.

— А-а. Поинтересовались. Так вот, по моему опыту, большинство женщин на самом-то деле относятся к розам с большой приязнью. Даже такие шикарные, как ваша Софи.

Алекс кивнул. Он понимал: связавшись с разведкой, следует распрощаться с любыми надеждами на личную жизнь.

— Могу я спросить, что вы предпринимаете, чтобы обнаружить этого вашего Дозорного?

— У нас есть его фотографии, есть данные о ДНК, отпечатки пальцев, почерк, мы привели в действие систему голосового и визуального распознавания. Думаю, не упустили ничего.

— А Уиддоуз? Вы собираетесь его защищать?

— Мы поселили в его доме двойника. Человека из Отдела специальных расследований. Вокруг дома — кольцо полицейских снайперов. Сам Джордж из обращения изъят.

— Вы полагаете, сработает?

— Этот Дозорный, — терпеливо ответила Доун, — одиночка, предоставленный сам себе и не имеющий системы поддержки. Чрезмерно бояться его было бы неконструктивно.

— Он убийца. Хорошо обученный. И прошедший несколько лет в лучшей террористической организации мира.

— Кажется, он вам по душе.

— С профессиональной точки зрения — да. Если бы я родился там же, где он, в семье рабочего-католика, я, вероятно, оказался бы в ИРА — и большинство наших ребят скажут вам то же самое. В ИРА состоят серьезные люди, и в чем они по-настоящему сильны, так это в умении обеспечивать безопасность. Наш человек, Миан, впитал в себя их опыт. Он будет ждать столько, сколько потребуется.

— Что ж, поживем — увидим, не так ли?

— Да, боюсь, что увидим.

И оба погрузились в мрачное, враждебное молчание.

Когда они добрались до Горинга, Алекс попросил Доун остановить машину в нескольких сотнях метров от дома.

— Я хочу подойти к нему так, как подошел Дозорный, — объяснил он. — Увидеть то, что увидел он, когда впервые здесь появился.

— В деревне, — сказала Доун, — никто посторонних не заметил. Мы порасспросили людей.

— А он и не бросался в глаза, — ответил Алекс. — Думаю, он в какую-нибудь дождливую субботу пришел сюда на своих двоих. Или приехал на велосипеде. Капюшон анорака, очки, мотоциклетный шлем — все это сильно меняет внешность. Праздношатающиеся люди в полутуристических местах вроде этого обращаются в невидимок. Вы видите, как человек поедает у дороги бутерброд или пьет что-то из баночки, спустя две минуты вы уже не способны его описать.

Доун нахмурилась:

— Но что бы он стал...

— Минутку, — прервал ее Алекс.

Как раз показался дом Гидли, и Алекс хотел увидеть его — должен был увидеть его — глазами Дозорного.

Миану требовалось место, откуда он мог наблюдать за домом, оставаясь невидимым. Сам Алекс настроился бы на недельное наблюдение. Пришел бы сюда с запасом воды и пищи и записывал все увиденное. Откуда он мог наблюдать за домом? Есть поблизости другие строения? Нет. Ни сараев, ни гаражей, ничего. Мог он залечь где-нибудь на земле? Не похоже на то — окружавший дом высокий забор загородил бы от него двор.

Стало быть, деревья. Снаружи, вокруг забора, росли конские каштаны и платаны, однако их Алекс отверг. Слишком близко и к дому, и к собакам. По другую сторону дороги лежало поле пшеницы, рассеченное пешей тропой. По обе стороны от тропы через неправильные промежутки возвышались большие деревья. Алекс окинул их взглядом. Идеальный наблюдательный пункт мог дать стоящий в ста пятидесяти метрах от дома бук, с ветвей которого открывался вид и на сам дом, и на его окрестности. Алекс сошел с дороги, перемахнул через ограду поля и направился к буку. Доун последовала за ним.

Они подошли к буку, и Алекс взобрался на выступавшие из земли по-слоновьяму серые корни. Он был уверен, что Миан

вскарабкался по стволу, используя веревки и верхолазное снаряжение. Алекс тщательно осмотрел ствол. Ничего, ни единой царапины или потертости, которые могли бы появиться за последний месяц.

Лицо Доун оставалось непроницаемым, однако Алекс чувствовал, что его неудача наполнила ее тихим удовлетворением.

— Пошли, — сказал он и двинулся дальше по тропе.

Следующим деревом, с которого открывался вид на владения Гидли, был конский каштан. Его крупные листья и похожие на свечи белые цветы могли затруднить наблюдение, но в то же самое время, отметил Алекс, почти не позволяли различить что-либо в кроне дерева. Он осторожно обошел вокруг дерева. Кора у каштана была, как и у бука, тонкой, любая царапина на ней сразу бросилась бы в глаза. И опять-таки никаких отметин.

— Возможно, — с наигранной сдержанностью произнесла Доун, — вы просто лаετε не на то...

— Нет! — выпалил Алекс. — Ни черта подобного. Он был где-то здесь.

В отчаянии он оглядел раскидистые ветви дерева, и глаза его вдруг сузились.

— Ступайте за мной, — велел он Доун. — След в след.

Он вступил в накрытую тенью, еще мокрую от росы траву. Алекс знаком велел Доун остановиться и принялся тщательно, как слепой, ощупывать сырую почву вокруг. На это ушло пять минут, но в конце концов он нашел, что искал: участок уплотненной земли, похожий формой и размерами на пачку сигарет.

— Ну вот и ты, — прошептал он.

— Что там? — спросила Доун.

Вместо ответа Алекс пошарил по сторонам и обнаружил в полуметре от первого второй такой же участок.

— У него была лестница, — сказал Алекс. — Он не хотел лезть вверх по стволу, используя снаряжение и оставляя отметины, поэтому воспользовался лестницей и веревкой, а после — Алекс отковырнул пригоршню почвы — присыпал землей оставленные лестницей отпечатки. Дождя с тех пор не было, однако...

— А к чему такие сложности? — спросила Доун. — Раз уж мы знаем, кто он, и он знает, что мы это знаем.

— Он перфекционист, — сказал Алекс. — Главное для него — все сделать правильно и не оставить следов. Я думаю, он принес с собой приставную лестницу.

— Чистая работа. Жаль, что у нас нет ни веревки, ни лестницы.

— У нас есть я. И есть вы. Разувайтесь.

— А почему нам просто не принести лестницу из дому?

— Если ничего не получится, так и сделаем, идет?

Доун хмуро сняла туфли, взяла Алекса за руки и влезла к нему на плечи. Алекс выпрямился.

— Когда будете готовы, отпустите мои руки. Хватайтесь за ветку. Хорошо, теперь подтянитесь.

Он снял и забросил Доун рубашку, велел обвязать ею ветку.

— Теперь вот это. Свяжите штанины, чтобы из них получилось второе звено цепи, — он забросил наверх брюки.

Доун привязала их к рубашке.

— Уверены, что узел выдержит? — спросил он.

— Мне случалось ходить под парусом. Будьте уверены, вас узел выдержит.

Он забрался на ветку, отвязал рубашку и брюки, оделся.

— Отлично. Вы знаете, что мы ищем.

— Вы действительно думаете, что мы что-нибудь найдем?

— Я думаю, стоит попробовать.

Десять минут они карабкались вверх по дереву. Поднимаясь, они находили крошечные, но несомненные знаки того, что кто-то другой недавно проделал тот же путь, — пятна на лишайнике, вдавленности, смятые древесные грибы.

Наконец запыхавшаяся Доун обернулась к Алексу:

— Туда мне уже не залезть. — «Туда» обозначало широкую развилку из нескольких отходявших от ствола ветвей, метрах в десяти над землей. — Не дотянусь.

— Я помогу, — сказал Алекс.

— А это обязательно?

— Да. Я почти уверен, что оттуда он и вел наблюдение. Я подниму вас и усажу там, хорошо?

— Хорошо, — с непонятной интонацией ответила она.

Алекс ухватил ее за талию. Ладони Алекса ощутили легкую, произвольную дрожь. Когда он поднял Доун, та почти успе-

ла зацепиться, но тонкая черная шерсть ее свитерка оказалась слишком скользкой, и Доун сползла в ладонях Алекса вниз. Свитерок же задрался кверху.

— Простите, — сказал Алекс, глядя на пышные округлости красного шелкового лифчика. — Я не нарочно.

Доун одернула свитер.

Кто бы подумал, что под такой сволочной наружностью... — подумал Алекс.

— Попробуем еще? — предложил он.

На сей раз ее толкала вверх чистой воды злость. Усевшись в развилке, Доун уставилась на окрестные поля. Алекс вскарабкался вслед за ней.

— Он был здесь, — сказал Алекс. — Провел несколько дней.

— Если бы любая высота не внушала мне такой ужас, — ответила Доун, — я бы сказала, что здесь довольно красиво.

— Вы боитесь высоты?

Ее ответный взгляд был открытым и честным:

— До ужаса. Это самая большая высота, на какую я когда-либо поднималась — не считая, конечно, многоэтажных домов.

— Почему же вы мне этого не сказали?

— Вы бы не облегчили мне эту задачу, не так ли?

С мгновение Алекс молчал.

— Пожалуй, что нет. Простите меня. Вы настоящий солдат, Доун Гардинг, а я — ублюдок.

Она задумчиво кивнула:

— Это меня главным образом и поддерживало. Хотя я могла бы добавить еще слова «высокомерный» и «женоненавистник».

— И были бы правы.

— А к ним просьбу, чтобы вы, раз уж мы работаем вместе, не срывали на мне злость всякий раз, как получаете приказ, который вам не по душе, или выволочку от вашей подружки Софи.

— Больше не буду.

— Но самое главное, это чтобы вы доставили меня на землю целиком, а не частями.

— Обещаю.

Вдвоем они со всей скрупулезностью осмотрели ветви вокруг, отыскивая любую улику, какую мог оставить Миан. На-

шла ее в конце концов Доун: огрызок карандаша длиной в сантиметра два, соскользнувший в дупло у их ног. Алекс, орудуя перочинным ножом, ухитрился перенести карандаш, ни разу его не коснувшись, в нагрудный карман рубашки.

— Криминалистам будет интересно взглянуть на него, — заметила Доун.

Они обшарили каждый сантиметр, однако больше ничего не нашли. Десять минут спустя оба добрались до нижней ветки, нависавшей в трех метрах над землей.

— Я спрыгну, а после поймаю вас, — сказал Алекс.

Он ударился о землю, перекатился и вскочил на ноги. Вскоре и Доун уже повисла на ветке, нащупывая ступнями его плечи. Когда их лица оказались вровень, а ее губы — в нескольких сантиметрах от его, Алекс остановился.

Он заглянул ей в глаза. Ошибся он или в них и вправду мелькнул призрачный улыбки?

Добравшись до ближайшего паба, они заказали «Завтрак пахаря».

— Хорошо, что мы нашли карандаш, — сказала, разрезая маринованную луковицу, Доун. — На нем могут быть отпечатки пальцев.

— Их не будет, — ответил Алекс. — Он просто хотел, чтобы мы его нашли. Это послание.

— Почему вы думаете, что он не допустил ошибку?

— Натасканные ребята вроде него ошибок не допускают. Ты приходишь с карандашом, значит, и уходишь с карандашом, и все, конец истории.

— Тогда к чему же, по-вашему, это послание сводится?

— Думаю, к тому, что он неизменно опережает нас, — ответил Алекс. — Думаю также, к тому, что он знал: вы подключите к делу кого-то вроде меня — и потому оставил карандаш там, где только я смог бы его найти.

— Это я его нашла, — сказала Доун.

— Вы понимаете, о чем я. Это послание, обращенное ко мне. Что-то вроде приветствия: здравствуй, брат, интересно, когда ты до меня доберешься?

Доун нахмурилась:

— Я не должна была вам об этом говорить, но существует кое-что, скорее всего не попавшее в отчеты, которые вы получили. Эксперты провели анализ гвоздей, которыми были убиты Фенн и Гидли, и обнаружили нечто очень странное. Этим гвоздям больше шестидесяти лет. Сплав, из которого они изготовлены, не производят со времен Второй мировой войны.

Алекс, воспользовавшись бумажной салфеткой, извлек из кармана карандаш. Тусклая, простая древесина без какой-либо маркировки. Оба вгляделись в него.

— Готова поспорить на что угодно, его возраст окажется таким же, — сказала Доун.

— Есть предположения о том, что это может значить?

— Нет, хоть общите меня. — Доун улыбнулась. — Правда, один раз вы это сегодня уже проделали, верно?

— Не так основательно, как хотелось бы, — ответил Алекс. — Уверен, у вас в запасе есть еще не один сюрприз.

— Гораздо больше, чем вы когда-либо узнаете.

Во второй половине дня Алекс доехал поездом до Херефорда, забрал свою машину, зашел за кое-какой одеждой к себе на квартиру и покатил на базу СВС в Криденхилле. Там он направился напрямик к своему командиру, подполковнику Биллу Леонарду.

— Ну, как там расследование? — спросил Леонард, широкоплечий йоркширец с взлохмаченными каштановыми волосами и кулаками величиной с замороженную курицу каждый.

Он ничем не походил на своего предшественника, окончившего закрытую школу. И это была одна из причин, по которой Алекс решил махнуть рукой на приказ не обсуждать дело Дозорного ни с кем из коллег по СВС.

— К расследованию меня и близко не подпускают, — ответил Алекс. — Моя задача — подождать, пока они найдут парня, и затем устранить его.

— А они его найдут?

— Сомневаюсь. Он движется намного быстрее их.

Леонард кивнул:

— Я видел его досье. Похоже, уровень у него высокий. Во всяком случае, был. Так чем же занимаешься ты?

— Делаю, что велят, хотя чего мне действительно хочется, так это поговорить с людьми, которые его натаскивали. С кем-то из них еще можно связаться?

— История довольно давняя, однако ты можешь позвонить Фрэнку Уисбичу. Он указан в досье Дозорного как один из инструкторов.

— Ты знаешь, где его найти?

— Когда я в последний раз слышал о нем, несчастный старый сукин сын водил такси. Компания, насколько я помню, называлась «Кларион кэбс».

Прошел целый час, прежде чем Уисбич ответил на звонок Алекса. Он сказал, что вечером свободен, и Алекс договорился встретиться с ним за кружкой пива в пабе на окраине города.

«Черный пес» не принадлежал к числу пабов, которые часто посещают люди из СВС, — собственно, потому Алекс его и выбрал. Фрэнк Уисбич появился там незадолго до восьми — вид этого костлявого человека в дешевой ветровке, бывшего первым наставником Алекса по рукопашному бою, поразил его.

— Ну, как ты, сынок? — спросил Уисбич, пожимая Алексу руку. — Я слышал, тебя произвели в офицеры.

— Произвели, — ответил Алекс. — Придется ближайшие несколько лет перебирать бумажки.

— Ладно, сынок, не капризничай — думай о пенсии. Те, кто играет в наши игры, обычно сдают раньше времени. Что-нибудь да отказывает — не колени, так спина.

Уисбич и вправду выглядит сдавшим, думал, расплачиваясь за первую выпивку, Алекс. Обычная история — крутым ребятам без поддержки армии приходится туго. Фрэнк Уисбич, сделав выдающуюся карьеру в СВС, в конце восьмидесятых оставил службу и устроился в охранную фирму. Вспыльчивость и пристрастие к спиртному быстро привели его к профессиональному краху, и уже в середине девяностых он оказался швейцаром в ночном клубе.

— Так что привело тебя обратно в Херефорд? — спросил Алекс, ставя перед Уисбичем кружку пива. — Мне говорили, что ты обосновался в Лутоне.

— Женитьба, приятель. Встретил старую подружку, ну и одно за другое — подробностей не помню, но долгие посиделки в пивной точно были, — и я вдруг обнаружил, что уже сделал Делле предложение. Зад у нее как у четырехтонного грузовика, но хорошая улыбка и половинная доля в парикмахерской на Фортескью-стрит. Вот я и решил, что пора уже остепениться. Женился на Делле, устроился таксистом, чтобы помогать ей оплачивать счета.

— Звучит неплохо, — сказал Алекс.

— Оно и есть неплохо, приятель, — ответил Уисбич, пальцами одной руки скручивая себе сигаретку.

Ловкость, с какой он ее свернул, напомнила Алексу о том, насколько умелым бойцом был когда-то этот немолодой человек.

— Ты многому научил меня, Фрэнк.

Уисбич пожал плечами и поднес к сигарете спичку:

— Ты был хорошим солдатом, сынок. Я это сразу увидел.

— В то время ты говорил мне совсем другое!

— Ну, надо же было выбить из тебя прежнюю дурь. Для того вас в тренировочные лагеря и посылали.

Алекс улыбнулся:

— Наверное. Ты не помнишь парня по имени Джо Миан?

Глаза собеседника на миг приобрели настороженное выражение.

— Давно уже не слышал я этого имени. Очень давно.

— Ты ведь учил его, так?

— А кого это интересует?

— Билл Леонард посоветовал мне переговорить с тобой.

— Вот оно как. И что же слышно об этом малом?

Алекс прикинул, насколько он может довериться Фрэнку. В трезвом виде Уисбич наверняка сдержан, а вот пропустив пару-тройку рюмок...

— Слышно, что он перебрался через пролив и стал там своим человеком.

Уисбич взглянул Алексу в глаза. По тому, как застыло лицо Фрэнка, Алекс понял, что бывший солдат догадался, какой приказ он получил. Несколько секунд оба молчали.

— Жалко мне вас обоих, — сказал наконец Уисбич. — Конца краю всему этому не видать, верно?

— Да, — согласился Алекс. — Не видать.

— Джо Миан был очень хорош. В смысле техники справиться с ним было невозможно. Один из тех, кто представляет собой живое, всегда готовое к действию оружие. То же самое в духовном отношении — он был на редкость крепок. Не балагур и весельчак, как большинство ребят из СВС. Скорее, он походил на бомбиста-камикадзе из числа палестинцев или «тамильских тигров». Истинный правоверный, если ты понимаешь, что я имею в виду, и неизменно серьезный. Мне было жалко бедного ублюдка.

— Почему?

— Потому, что такие, как он, всегда кончают тем, что уничтожают сами себя. Держат удары до тех пор, пока от них самих ничего не останется. — Уисбич отхлебнул из кружки. — Я слышал, утром хоронят молодого Хэммонда?

— Да, верно, — подтвердил Алекс.

Уисбич покачал головой. Потом наклонился вперед:

— Послушай, сынок, ты от меня этого не слышал, но если действительно хочешь разобраться в Джо Миане, поговори с Дензилом Коннолли. Дензил отвечал за Миана в Трегароне. Они провели вместе два или три месяца. Так что, если кто и знает Миана...

— Есть какие-нибудь идеи насчет того, где можно найти Коннолли?

— Прости, приятель. Никаких.

Алекс кивнул, и после этого они пили пиво в молчании.

— Повторим? — сказал наконец Алекс.

— Я не буду, спасибо, — ответил Уисбич. — Мне еще пару часов машину водить. — Он встал, протянул Алексу руку: — Будь поосторожнее, ладно?

Вернувшись в свою квартиру, Алекс запер дверь и задернул шторы. У стены спальни было свалено снаряжение — водонепроницаемые и термические костюмы, комплекты для оказания медицинской помощи, водоочистители, спальные и вещевые мешки — в один из последних Алекс несколько часов назад засунул пистолет «глок», который получил под расписку в оружейной Криденхилла. Кроме пистолета он взял там глуши-

тель, лазерный прицел и нож из тех, какими вооружены морские пехотинцы. Инстинкт говорил Алексу, что Миан не любит стрелять. Стрельба дело грубое, шумное и не требующее сближения с противником. Миан же, как заключил Алекс, предпочитал близкий контакт. Его оружием был нож.

И все-таки, думал Алекс, при всем моем инстинктивном понимании Дозорного, я так и не понял, где он мог окопаться. Правда, Алекс знал, что прямо сейчас Миан должен следить за Уиддоузом, как прежде следил за Фенном и Гидли. Залег где-то неподалеку от него, отлично все зная о двойнике, и ожидает момента, когда противник разуверится в возможности нападения с его стороны. И тогда он с ослепляющей стремительностью нанесет удар.

Алексу придется уговорить людей из разведки, чтобы охрану Джорджа Уиддоуза поручили ему. Нужно вернуть этого офицера МИ-5 в его дом, чтобы Миана потянуло к добыче. План неплохой. И он сработает. Надо будет обговорить его с Доун. Они, разумеется, снова поцапаются. И Алекс поймал себя на том, что, похоже, с нетерпением этого ждет.

ГЛАВА 7

Похороны Дона Хэммонда прошли мрачно. Полицейские не пытались скрыть своего присутствия — некоторые из них блокировали автомобильное движение, многие были вооружены. Менее других бросался в глаза резервный отряд полиции, рассаженный по «рейндж-роверам» на пересечениях окрестных дорог, — эти полицейские были вооружены пистолетами-пулеметами.

Алекс пришел на похороны в темном костюме, который обычно надевал на похороны людей из СВС или для слежки в условиях города — несколько одетых в такие же костюмы мужчин приветствовали его кивками. В церкви собралось полторы-две сотни человек. Здесь же стояли в несколько рядов

солдаты с базы в Криденхилле, выглядевшие в парадной форме непривычно щеголеватыми. Плотная группа друзей, родственников и других военных, уже в штатском, обступала Карен Хэммонд, вдову Дона, и его дочь Кэти.

Неуверенно подвигаясь вперед, Алекс встретился взглядами с Карен. Та улыбнулась и поманила его к себе — люди, стоявшие у нее за спиной, расступились, освобождая для него место. Карен молча протянула ему ладонь, и Алекс, тоже молча, пожал ее. Храбрости в ней не меньше, чем в Доне, подумал он, поворачиваясь к стоявшему в боковом приделе, накрытому флагом гробу. Поверх флага лежали медали друга, его синий ремень с портупеей и песочного цвета берет.

На кладбище при церкви Св. Мартина Алекс позволил себе отвлечься от произносимых священником, давно уже ставших привычными слов заупокойной службы. Взгляд его прошелся по обнаженным головам и увешанным наградами мундирам, по темным плащам и пиджакам родственников. Карен и Кэти плакали. Взгляды других военных были по большей части опущены к земле.

Когда над разверстой могилой прозвучали три залпа, бесцельно блуждающий взгляд Алекса встретился с парой глаз, которые опущены не были — которые были с убийственной прямоотой направлены на него. Владелец этих глаз, странно лишенный возраста мужчина в ничем не приметных костюме и галстук, стоял по другую сторону могилы, за спинами родственников Карен, и Алекс вдруг понял, что знает это узкое лицо и светлый, немигающий взгляд, что видел фотографии этого человека в Темз-Хаус, что стоит всего-навсего в трех метрах от Джозефа Миана, Дозорного.

Когда взгляды их встретились, у Алекса зашевелились волосы на голове, сердце ухнуло в груди. Нет, невозможно.

Невозможно, и тем не менее правда. Это был Джозеф Миан, пришедший приглядеться к своему преследователю. В ледяном пламени его взгляда читался вызов: я могу прийти и уйти, когда захочу, и ты не сможешь мне помешать.

И Миан был прав. В этот миг Алекс сделать ничего не мог. Уважение к Карен Хэммонд, торжественность происходящего парализовали его. Он не мог даже слово произнести, не гово-

ря уж о том, чтобы перескочить через могилу и схватить Миана за горло.

Над кладбищем послышалось громкое тарахтение — три вертолета «чинук» строем прошли в небе. Алекс старался удержать взгляд Миана, однако скорбящие зашевелились, поднимая головы к небу, а когда миг спустя они снова замерли, лицо с холодными глазами исчезло.

Алекс начал в отчаянии озираться по сторонам, однако пролет вертолетов означал окончание службы. Родственники и друзья Хэммонда отходили от могилы, но военные оставались на месте, и Алекс с ними. Он был словно в ловушке — не распахивать же людей локтями, чтобы выбраться из толпы.

Наконец толпа начала рассеиваться. Двигаясь со всей быстротой, какую допускали обстоятельства, Алекс пробился к кладбищенским воротам. Выскочив на дорогу, он подозвал двух стоявших на посту десантников. Не проходил ли мимо них человек лет тридцати с небольшим — светлая кожа, волосы темные, рост метр восемьдесят, серый костюм... крепкий на вид?... Десантники покачали головами. Никого похожего.

Алекс подбежал к ближайшему «рейндж-роверу» и повторил те же вопросы. И получил тот же ответ. Никого отвечающего этому описанию.

Дьявол! Может быть, Миан ему привиделся? Отойдя на обочину, Алекс позвонил по мобильному Доун и сообщил о случившемся.

— Вы уверены, что это был он? — спросила Доун.

— Не на сто процентов. И если это был Миан, то сейчас он может находиться где угодно.

— Зачем ему было выставляться напоказ?

— Чтобы отметить. Дать мне понять, что он может прийти и уйти когда угодно.

Доун помолчала. Алекс чувствовал — она не убеждена, что это был Миан.

— Послушайте, — сказал он. — Не исключено, что у меня имеется ниточка, которая тянется в СВС. Некто, знавший нашего человека.

— Вам нужна помощь моих людей?

— Нет.

— Ладно. Держите меня в курсе. — Она прервала разговор.

Миан мог сейчас находиться где угодно. Никаких шансов поймать его, не привлекая к этому все полицейские силы Херефорда и Вустера, не было, да, вероятно, и с ними шансы эти были малы. Куда разумнее было сосредоточиться на поисках его базы. Должно же существовать потаенное логово, в котором он прячется между убийствами. Единственный, у кого может иметься ключ к его местонахождению — да и тут надежда была дьявольски слабая, — это Дензил Коннолли. По словам Фрэнка Уисбича, из всех, кто натаскивал Миана, только Коннолли и знал его по-настоящему.

— Вас не подбросить до лагеря?

Вопрос был задан водителем одного из «рейндж-роверов», и Алекс с благодарностью принял предложение. Добравшись до Криденхилла, он направился в сержантскую столовую.

После похорон любого из людей СВС здесь неизменно проходили поминки. Столовая представляла собой большую, обставленную темно-красной мебелью комнату, в которой главенствовал бар. Пол был покрыт синим — цвет СВС — ковром, стены увешаны портретами прежних сотрудников, взятыми в бою знаменами, оружием и значками иностранных частей.

Алекс, все еще потрясенный тем, что случилось на похоронах, не сразу присоединился к друзьям. Отыскав Билла Леонарда, он оттеснил его в угол и спросил, известно ли ему что-либо о местонахождении Дензила Коннолли. Вопрос этот крепышу-подполковнику, похоже, удовольствия не доставил. Он кратко уверил Алекса, что никакой информации о Дензиле Коннолли не получал. Затем извинился и отошел от Алекса.

Появились родные Хэммонда, Алекс подошел к ним.

— Дону и в самом деле нравилось влипнуть с вами в неприятности, ребята, — сказала Карен, заплаканная, дрожащая, но все равно улыбающаяся. — Я даже и не пыталась оторвать его от всего этого.

— Он был лучшим, — сказал Алекс. — Лучший солдат. Лучший товарищ.

Несколько секунд она проплакала, припав к его плечу, потом вытерла глаза и улыбнулась:

— А где же твоя роскошная девушка? Дон говорил, она неотразима!

— Не смогла приехать. Застряла в Лондоне. Работа.

— Смотри, не тяни слишком долго. Когда тебя произведут в генералы, тебе понадобится хорошая умная жена.

— Да, хотя до этого дойдет еще не скоро.

— Не тяни долго, Алекс. Пообещай мне.

Он тоже улыбнулся:

— Не буду, Карен. Обещаю. — И Алекс направился туда, где у бара вокруг полкового старшины сгрудилась горстка старых вояк.

— Здорово, Алекс, старый прохвост. То есть, я хотел сказать, «сэр», — произнес, глядя в стакан с пивом, старшина. — Бедняга Дон, а?

— Бедняга Дон, — эхом отозвался Алекс. — В последнюю минуту ему здорово досталось, надеюсь, подробностей Карен никогда не узнает. Но видели бы вы, как он торчал из той вертушки — вокруг пальба, а Дон знай себе лупит из крупнокалиберного.

Старшина одобрительно кивнул:

— Я слышал, тебя раньше времени выдернули из Фритауна. Говорят, какое-то дельце по части шпионажа.

— В этом роде. Я сейчас пытаюсь отыскать одного парня, с которым ты, возможно, поддерживаешь связь. Дензила Коннолли.

Младшие командиры обменялись взглядами.

— Давненько я не слышал этого имени, — сказал начальник снайперской команды по прозвищу Стиво. Сказал с некоторой осторожностью.

Алекс промолчал. Нет на свете сети связи, более сложной, секретной и изощренной, чем та, что существует между сержантами британской армии. Когда-то Алекс сам был ее составной частью, но теперь она для него закрыта. Все, что он может, это подать запрос и ждать.

— С Коннолли происходили разные странные штуки, — сказал, взглянув на Алекса, старшина. — И по-моему, у тебя в руке пустой стакан. Я полагал, что офицерам надлежит подавать всем нам пример.

Алекс получил большой стакан с пивом. Кто-то что-то говорил в микрофон, стараясь перекрыть шум. Вскоре должен был состояться аукцион, на котором будет распродаваться снаряжение Дона Хэммонда — выручка пойдет Карен и Кэти.

Через два часа после того, как он увидел Миана на похоронах, потрясение, вызванное этой встречей, спало. Выйдя под вечернюю морось, Алекс прошел в караульное помещение. Не может ли кто-нибудь позвонить и вызвать такси, чтобы ему вернуться в Херефорд, спросил он. Оказалось, что один из только что сменившихся полицейских как раз туда и едет, он предложил подвезти Алекса.

Дензил Коннолли. Имя это не шло у Алекса из головы. На случай, если кто-нибудь вдруг да вспомнит что-то, он оставил Стиво и старшине номер своего мобильного телефона.

Добравшись до квартиры, Алекс уложил чемодан, сел в свою жемчужно-белую «карманн-гиа» и покатыл в Лондон. Остановившись на светофоре в Сайренсестере, он набрал номер Доун Гардинг.

— Чем занимаетесь? — спросил Алекс.

— А вам какое дело?

— Как его зовут?

— Вам пора повзрослеть, Темпл.

— Может, встретимся завтра утром?

— Есть конкретная причина?

— Не могу ее назвать по открытой линии. Как насчет завтрака?

— В восемь у моего офиса. — Телефон умолк.

Въезжая в Лондон, он заметил продавца роз. Вряд ли в такой час удастся найти открытый цветочный магазин, решил Алекс, и потому купил, потратив двенадцать фунтов, все розы, какие еще остались у продавца. Вспомнив о словах Доун, он снял с цветов целлофановые обертки и собрал их в букет. Розы немного привяли, особого запаха не издавали, но были все-таки лучше, чем ничего.

Через полчаса Алекс остановил машину на Павильон-роуд, чуть в стороне от Слоун-стрит. Сунув букет под мышку и пригладив рукой волосы, он направился к квартире Софи.

Взглянув на окно, Алекс увидел ее — в белом купальном халате, который она стянула в парижском отеле «Криллер». Софи стояла в спальне, глядя на город. Потом рядом с ней возникла и положила руку ей на плечо еще одна одетая в халат фигура.

А это, черт подери, кто такой? — спросил себя Алекс. Может быть, Стелла? Но он уже знал, это не Стелла. Бегом вернувшись к машине, Алекс порылся в дорожной сумке, вытащил цейссовский бинокль и навел его на фигуры в окне. Какой-то мужик. По-модному небритый и чувствующий себя как дома: рука обнимает Софи за плечи, а та выглядит совершенно как кошка, наевшаяся сметаны. Ну что же, времени она даром не теряет.

Тупой ублюдок, подумал он, и зашвырнул розы на середину Павильон-роуд. Тупой ублюдок!

— Итак, — сказала Доун, помешивая чай, — разговор будет коротким или длинным?

— Мне платят за длинные, — ответил Алекс.

Доун холодно разглядывала его. Звонок с похорон, понял Алекс, был зачтен не в его пользу. Она решила, что он начинает психовать, что у него появились галлюцинации.

— Послушайте, у меня пропасть дел. Чего вы хотите?

— Я хочу поговорить с вами о Джордже Уиддоузе. Не думаю, что ваша идея с двойником сработает. По-моему, единственный способ остановить Миана — устроить для него западню. Вернуть настоящего хозяина дома назад — в виде приманки.

— Невозможно. Машина уже запущена. Человек, которого нам предоставили, действительно очень похож на Джорджа. Он носит его одежду, ездит в Лондон на его машине...

— Миан догадается, что вы попытаетесь проделать именно это, — нетерпеливо перебил ее Алекс. — И все проверит.

— Но только издали — если судить по нашей с вами находке у дома Гидли. То дерево стояло метрах в ста пятидесяти от дома. С такого расстояния он никакой разницы не заметит.

— Дерево нужно было лишь для того, чтобы выяснить, какие предприняты меры безопасности. Прежде чем убить Крета Гидли, Миан пригляделся к нему с гораздо более близкого расстояния, можете мне поверить. Он знал Гидли, как знает

и Уиддоуза. Ему хватило бы одного взгляда. Очень возможно, что одного взгляда ему уже хватило на то, чтобы понять: вы используете двойника. Поэтому ничего и не происходит. Поэтому и еще потому, что вокруг дома Уиддоуза почти наверняка полным-полно ваших людей со снайперскими винтовками. Миан работал в Белфасте и на юге Армаха. У него на такие вещи нюх.

Молчание Доун сказало Алексу, что относительно снайперов он прав.

— Рано или поздно Миан выяснит, где вы прячете Уиддоуза, — продолжал Алекс. — Просто проследит его от работы. В Темз-Хаус не так уж и много выходов. Я знаю о подземном гараже, туннеле и так далее, а значит, рано или поздно узнает и он.

Доун задумчиво поджала губы.

— По крайней мере расскажите о моей идее Фенвик, — продолжал Алекс. — И если она согласится с ней в принципе, давайте съездим домой к Уиддоузу и посмотрим, где можно устроить засаду.

— Я не могу ничего обещать, — произнесла наконец Доун. — Однако скажите мне, чего вы хотите, и я доложу об этом заместителю директора.

К удивлению Алекса, Анджела Фенвик разрешила ему осмотреть дом Уиддоуза, с тем чтобы вернуть Джорджа назад и расставить Миану ловушку.

Дом Уиддоуза находился в полукилометре от деревни Бишопстоук в Гемпшире, в долине реки Айчен. Лонгуотер-Лодж, в котором он одиноко жил, был некогда егерским домиком большого поместья Лонгуотер-Хаус, теперь в главном доме поместья располагался колледж по подготовке менеджеров. Окруженный деревьями и кустами бывший егерский домик стоял метрах в пятидесяти от дороги, на дальнем краю примыкавших к нему владений протекала река Айчен.

Алекс и Доун оставили машину на главной улице деревни, у паба «Пятнистый бык», и неторопливо пошли в сторону Лонгуотер-Лодж — ни дать ни взять молодая супружеская чета, решившая вдруг провести денек за городом.

Дом казался пустым, у ворот его красовался новенький столб с табличкой «ПРОДАЕТСЯ». Табличка была идеей Доун, ухитрившейся организовать установку столба в течение всего одного часа. Любой, кто попытался бы навести справки в указанном на табличке лондонском агентстве недвижимости, услышал бы, что, хотя хозяин дома и объявил о своем намерении продать его, полных инструкций агентство пока не получило.

Собственно, табличка и нужна-то была лишь для того, чтобы дать Алексу и Доун возможность осмотреть дом. Всякий, увидев их, решил бы, что это супруги, интересующиеся покупкой дома.

Алекс, повернувшись спиной к Лонгуотер-Лодж, окинул взглядом окрестности. Зеленеющие поля пшеницы, дубы на возвышении, заливные луга в долине реки, затененной ивами и тополями. Сотни гектаров хорошо просматриваемой территории и тысяча мест, в которых может укрыться опытный человек.

Собственные владения Уиддоуза занимали две трети гектара. Дорога, на которой стояли Алекс и Доун, огибала сад, отделенный от нее полутораметровой стеной.

— Ночью сюда приходят наши люди, — сказала Доун. — Перелезают, как только стемнеет, через стену и осматривают местность в приборы ночного видения.

— А как они сюда добираются?

— На «лендровере». Оставляют его вон там, за поворотом, в сотне метров отсюда.

— Он обнаружил их в первую же ночь, — сказал Алекс.

— Возможно, вы и правы.

— Я прав, — сказал Алекс. — Он почти наверняка следит за нами даже сейчас. Поцелуйте меня!

— Размечтались!

— Я серьезно. Именно так и ведут себя, осматривая дома, нормальные супружеские пары. Держатся за руки, целуются. Это означает, что они...

— Я хорошо знаю, что это означает. — Она повернулась к Алексу и легонько чмокнула его в левую щеку.

Он нахмурился:

— Ой, ну брось, зайка, ты же способна на большее. Представь, как счастливы мы здесь будем.

— Вы больной человек, Темпл.

— Вовсе нет, зайка, я просто хочу, чтобы ты поцеловала меня как следует.

— Ведите себя прилично. И перестаньте называть меня зайкой.

— Перестану, если ты поцелуешь меня сию же минуту, в губы, минимальная продолжительность — пять секунд. Иначе, боюсь, тебе придется остаться зайкой.

Доун с долгим страдальческим вздохом повернулась к Алексу и обвила его шею руками. Губы у нее оказались очень мягкими. Она даже закрыла глаза.

— Ну вот, — наконец сказал Алекс. — Ведь неплохо же, правда?

— Бывало и хуже.

Алекс обнял ее за талию, Доун напряглась, однако тоже, без особой, впрочем, охоты, обняла его.

— Сколько здесь снайперов? — спросил он.

— Двое, по-моему. Один перед домом, другой где-то на задах. Сомневаюсь, чтобы кому-то удалось проскользнуть мимо них незамеченным.

— Не уверен. Давайте пройдемся по саду.

— А что вы, собственно, надеетесь найти?

— Миан проведет здесь разведку, пытаясь отыскать пути ночного подхода к дому. Место, из которого можно подобраться к нему, не напоровшись на охрану. Вот и я ищу такое место.

— Вы знаете, как бы вы это сделали?

— Разумеется. А вы? Как бы вы проникли сюда?

— Перестреляв охрану из винтовки с глушителем и ночным прицелом?

— Это определенно помогло бы, — сказал Алекс, — но только он пока не убил никого, кроме тех, кто был ему нужен.

— Убил же он собак Гидли.

— Собаки — это просто охранные устройства. Миан, сколько я понимаю, не хочет оставлять после себя лишние трупы. Ему не позволяет сделать это профессиональная гордость.

— Вы что же, снова отождествляете себя с ним? Вы именно так относитесь к убийству? Как к работе, которой можно гордиться?

Он рассмеялся:

— Вы — одна из тех, кто подрядил меня для этого дела. Вот сами мне и скажите. И давайте пройдемся по этой тропе. Я хочу взглянуть на берег реки.

— Думаете, он подберется сюда по реке?

— Я бы именно так и сделал.

Они прошлись вдоль берега. Река была медленная, глубокая, на ее сверкающую под солнцем поверхность было почти больно смотреть.

— Вот здесь, — сказал Алекс. — Здесь он и пройдет. Не останавливайтесь. Он войдет в воду в сотне метров отсюда вверх по течению — когда стемнеет, никто его, одетого в черный гидрокостюм, не увидит — и вылезет на берег между этими двумя камышовыми отмелями.

— Вы уверены?

— Определенно. Я бы вылез именно здесь. Камыши, плеск воды — все это обеспечивает прикрытие, расстояние до дома тут минимальное, плюс имеется известняковый уступ, что-то вроде ступеньки, позволяющей легко подняться на берег. Он уже все проверил. Когда будем возвращаться назад, вы увидите на известняковом уступе оборванные ногой водоросли и два пучка камышин, скрученных так, словно кто-то, ухватившись за них, вылезал из воды. Он уже провел репетицию.

— И вы заметили все это, пока мы проходили мимо?

— Я знал, что ищу. Что ожидаю увидеть. — Алекс вдруг вспомнил Сьерра-Леоне и пенистую, бурую Рокел. — Мне и самому приходилось подбираться к нужному месту по реке.

— Так что вы предлагаете? Посадить одного из снайперов на дерево, чтобы он ждал, когда Миан вылезет из воды? Что-то вроде охоты на бегемота?

— Пока ваши снайперы здесь, он не появится, — ответил Алекс. — Уберите их, уберите двойника и верните назад Джорджа Уиддоуза. Я тоже обоснуюсь в доме, вместе с подкреплением. Рано или поздно Миан должен будет прийти, и тогда мы ликвидируем этого ублюдка.

— Что еще за подкрепление?

— Кто-нибудь из Херефорда. Один из наших людей.

— О том, чтобы привлечь еще кого-то не из числа сотрудников «Пятерки», не может идти речи. Это сверхсекретная операция, а не встреча старых армейских друзей.

— Послушайте, — негромко сказал Алекс. — Речь не об армейских друзьях, а о людях, подготовленных лучше кого бы то ни было еще. Людях, которым приходилось по нескольку дней кряду пролеживать в подлеске вблизи оружейных тайников ИРА. Я видел ваших людей в деле, они бросаются в глаза, точно псиные яйца. Один человек из ОБПД — вот все, о чем я прошу.

— Я могу передать вашу просьбу начальству, однако ответ готова сообщить вам прямо сейчас.

Алекс покачал головой:

— Вы не верите, будто кто-то еще сможет держать рот на замке и не проболтаться про самый сокрушительный за всю историю вашей Службы провал.

— Вы заходите слишком далеко, капитан Темпл. Вы находитесь в распоряжении моей Службы, так будьте любезны относиться к ней с уважением.

— Даже когда приказы ее незаконны?

— Давайте говорить как взрослые люди, ладно? Мы оба знаем, что следует сделать, и оба знаем почему. Как я уже сказала, я передам вашу просьбу наверх, однако ответ могу сообщить вам сразу: если вам необходимо подкрепление, его предоставит МИ-5.

Алекс без всякого выражения кивнул:

— Пойдемте осмотрим дом.

Полчаса спустя два предположительных покупателя Лонгуотер-Лодж сидели в тихом уголке «Пятнистого быка». Они уже заключили перемирие.

— Самое удивительное, — сказал Алекс, когда перед ними поставили заказанную выпивку, — что вашей заместительнице директора, скорее всего, ничто не грозит. Очень может быть, что она не принадлежит к числу мишеней Дозорного.

— Почему вы так думаете?

— Фенну он отрезал язык, а Гидли выдавил глаза?

— Да.

— Уиддоузу Миан, если он к нему подберется, отрежет уши. Сдается мне, это три мудрые обезьянки. Не смотрю на злое, не произношу злого, не слушаю злого.

— Я подумала об этом, едва увидев, что он сделал с Крейгом Гидли.

То, что Доун пришла к одному с ним заключению, и пришла первой, рассердило Алекса.

— Я хотел сказать, — продолжал он, — что мудрых обезьянок всего только три. И если предположить, что третьим предстоит стать Уиддоузу, это означает, что Фенвик вне опасности.

— Есть два момента, — ответила Доун. — Во-первых, мы имеем дело с убийцей-психопатом. Приписывать какую-либо логику его поступкам и предполагать, что он будет придерживаться этой логики, — значит напрашиваться на неприятности. Он сделает то, что сделает, и точка. Во-вторых, взгляните-ка на это.

Она извлекла из кармана куртки сложенный листок бумаги. Это была распечатка с сайта одного из лондонских аукционов.

Лот 42 — «Четыре мудрые обезьянки». Нэцкэ, тринадцатый век. Редкое произведение — оно изображает четырех мудрых обезьянок вместо привычных трех. Обезьянки проникли в культуру Японии из Китая в VIII веке до Р. Х. Первоначально их было четыре: Мизару (не смотрю на злое), Мазару (не произношу злого), Миказару (не слушаю злого) и Ивазару (не ведаю злого). Ивазару изображалась с прижатыми к сердцу лапками. Однако к XIV веку четвертую обезьянку изображать перестали.

Прочитав листок, Алекс вернул его Доун.

— Стало быть, обезьянок четыре, — пробормотал он. — Мы считаем, что нашему Дозорному известно о четвертой?

— Мне понадобилось меньше минуты, чтобы отыскать это в Сети.

Вечером Алекс, решив пробежаться, переодевался на конспиративной квартире в Пимлико в спортивный костюм, когда раздался звонок его мобильного телефона. Звонила Доун.

— Вы своего добились, — коротко сообщила она. — После завтра наш друг возвращается в свой гемпширский дом.

— А кого-нибудь из моих людей я получу?

— Нет. Вы либо используете наших, либо обходитесь без подкрепления.

— Понятно. — Он нахмурился. — Послушайте, вы не хотели бы выпить или еще что-нибудь?

— Выходит, розы не помогли?

Он помолчал.

— Так хотите вы выпить или нет?

Но телефон уже умолк.

ГЛАВА 8

— Итак, — сказал Джордж Уиддоуз. — Вы действительно уверены в этом? Уверены, что сможете справиться с Мианом, когда тот объявится?

— Да, — ответил Алекс. — Уверен.

Штабной офицер МИ-5 и капитан СВС сидели в приемной кабинета Анджелы Фенвик в Темз-Хаус.

— Рассказывайте, — сказал Уиддоуз.

— В основном все сводится к тому, что мы кладем приманку в капкан, — начал объяснять Алекс. — Как вам известно, у дома появилась табличка «ПРОДАЕТСЯ». Вы возвращаетесь домой, а спустя три дня надзираете за погрузкой всего вашего имущества в мебельный фургон.

— Так ли уж она необходима — вся эта возня с переездом?

— Мы должны быть последовательными. Для Миана в переезде присутствует смысл. Вам страшно, вот и решили перебраться в Лондон. Возможно, вам даже отдали такой приказ. Как бы там ни было, вы чувствуете, что будете скучать по этому дому, и решаете, благо вас охраняют двое вооруженных полицейских, остаться в нем на последние несколько ночей.

— И вы полагаете, это подтолкнет его к действиям?

— Думаю, да. Если он не заявит о себе в первые же сорок восемь часов, то уж определенно появится после того, как увидит фургон. Поймет, что, если не устранить вас сейчас, все придется начинать с чистого листа.

— Но удастся ли нам проделать все это, не спугнув его?

— Да, это вопрос. Если он что-то учует, то не появится — в конце концов, он прошел школу ИРА. Если, к примеру, вы возвратитесь в дом без охраны, у него возникнут серьезные подозрения и он ничего предпринимать не станет. С другой стороны, по моим прикидкам, увидев вооруженных полицейских, он решит, что вы считаете себя надежно защищенным.

— А полицейские его не отпугнут?

Алекс улыбнулся и покачал головой.

— Но почему бы ему просто не дожидаться погрузки мебели и не последовать за фургоном? Не проследить его до моего предполагаемого нового дома?

— Потому что фургон может привести куда угодно — на какой-нибудь склад, например, — и тогда Миану придется заново искать ваше новое убежище. Кроме того, он понимает, что в новом вашем жилище меры безопасности будут намного сильнее нынешних.

— И вы, значит, будете ждать его? — с сомнением спросил Уиддоуз.

— Да. Спрячусь у реки и, когда он появится, застрелю с близкого расстояния из пистолета с глушителем.

— Но почему вы уверены, что он не заметит засаду?

— Не заметит, — сказал Алекс.

Чуть меньше чем через сутки в подземном гараже Темз-Хаус Алекс втиснулся в багажник машины, как две капли воды похожей на машину Уиддоуза. Только в этом БМВ имелось подобие перископа, позволявшего вести наблюдение из багажника, а стекла были пуленепробиваемыми.

— Вам тут будет удобно? — спросил Уиддоуз.

— Да, все отлично.

Дорога отняла полтора часа, и под конец поездки Алекса уже мутило от выхлопных газов. Когда Уиддоуз наконец открыл багажник, вокруг было темно — машина стояла в гараже

Лонгуотер-Лодж. Нажав кнопку подсветки на часах, Алекс увидел, что времени — почти пять вечера.

— Эта дверь ведет прямо в дом? — спросил он.

— Да.

— Превосходно. Я сложу мое барахло в подвале. Сможете провести меня туда так, чтобы не пришлось проходить мимо слишком многих окон?

Уиддоуз кивнул и открыл ведущую в дом дверь. Алекс последовал за ним на четвереньках. Добравшись до следующей открытой Уиддоузом двери, он перекатился на уходящую вниз лестницу и взял сумку из рук своего пожилого спутника. Тот, щелкнув выключателем, спустился с ним в подвал. В подвале было просторно и не так чтобы очень сыро.

— У меня есть раскладушка. — сказал Уиддоуз. — Сейчас принесу.

Пока он ходил наверх, Алекс разобрал сумку. Одежду он вынимать не стал, а оружие и снаряжение разложил на верстаке. Здесь были «глок», глушитель к нему, лазерный прицел, коробка с двадцатью пятью девятимиллиметровыми патронами и десантный нож. Имелись также купленные в Юстоне спальник, мешок и жестянка с черным водостойким камуфляжным гримом, рыбацкие сапоги с обшитыми фетром подошвами, черный гидрокостюм, пояс с грузилами и черные ласты. Для Алекса, не очень любившего таскаться по магазинам, сознание того, что он тратит деньги МИ-5, сделало сегодняшнее утро довольно приятным.

Уиддоуза, вернувшегося с раскладушкой, весь этот комплект явно расстроил. Собственно говоря, до смерти испугал.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил Алекс.

— Да, хорошо, — сказал Уиддоуз и нервно рассмеялся.

— У вас-то какое-нибудь оружие имеется?

Уиддоуз сунул руку под куртку, извлек револьвер — кольт 38-го калибра, — крутанул барабан и вернул револьвер в подмышечную кобуру. Алекс покивал. Если Уиддоуз вдруг сойдется один на один с Мианом, этого сотрудника МИ-5 можно будет сразу записать в покойники. И все же, подумал Алекс, размеры и увесистость кольта должны его успокаивать. Он взглянул Уиддоузу в глаза:

— Послушайте, я знаю, вы опытный оперативник, и все-таки кое-какие инструкции на ближайшее время, ладно?

Уиддоуз кивнул.

— Избегайте окон. Сомневаюсь, что он попробует вас подстрелить, но лучше перестараться, так что, если будете проходить мимо окон, проходите быстро. Ни внутри дома, ни снаружи никогда не оставайтесь неподвижной мишенью и, что бы вы ни делали, ни в коем случае не заговаривайте со мной и не окликайте. Ведите себя так, точно вы в доме один. С теми двумя полицейскими вы уже знакомы?

— Да. На самом деле они из МИ-5, просто переодеты в полицейскую форму.

— Вот и хорошо. Основная их задача — слоняться вокруг дома и почаще заглядывать в сад. Они могут большую часть времени держаться вместе, покуривать, ну и так далее. Ленивые и мало на что способные работяги — так они должны выглядеть. Сможете внушить им это?

Уиддоуз снова кивнул.

— В остальном ведите себя как обычно. Может быть, стоит каждый вечер выкидывать из дома одну-две пустые бутылки — чтобы создать впечатление, будто вы пристрастились к выпивке. Пусть он думает...

— Да, я понимаю, о чем вы. У меня нервный срыв, и справиться со мной будет нетрудно...

Алекс вгляделся в Уиддоуза. Его бегающий взгляд, красные пятна на лице, сухие, точно бумага, губы выдавали сильный страх. Алекс положил руку ему на плечо:

— Джордж, дружище, мы оба увязли в этой истории, и я понимаю, что ваша роль куда труднее моей. Честно.

Уиддоуз поджал губы и покивал.

— Простите, что заставляю вас разыгрывать приманку, но сами понимаете...

— Да ладно, все в порядке, — сказал Уиддоуз. — Надо же как-то разгрести весь этот мусор. Навести в моей жизни хоть какой-то порядок. Кормить-то вас как и когда?

— Ну, темнеет где-то около восьми, после этого я должен буду занять позицию. Как насчет кормежки в семь с чем-то?

— Что-нибудь придумаю. Вы собираетесь ждать его у реки?

— Да.

— А как вы займете позицию, не попавшись ему на глаза?

— Вы отвезете меня вниз по течению, куда-нибудь, где я смогу войти в реку и вернуться по ней сюда. И где он не увидит, как я выбираюсь из машины.

— Это не сложно. Могу отвезти вас к мосту, а оттуда вы возвратитесь через земли Лонгуотер-Хаус. На них сейчас никого, все закрыто. Но почему вы думаете, что Миан не там? Что вы не столкнетесь с ним?

— Потому что вслепую он действовать не станет. Он должен подойти сюда так, чтобы ему был виден дом и охрана, то есть сверху по течению. А со стороны, с которой приду я, не видно ничего, кроме деревьев.

— Верно. Я понял.

— Где-нибудь вниз по течению есть паб? Что-то такое, куда вы могли бы съездить?

— В Мартир-Уорси есть винный магазин. Если я уеду и вернусь с пакетом минут через десять...

— Годится. А сейчас лучше идите наверх. Пригласите полицейских на чашку чая — будет повод внушить им, что они должны выглядеть олухами.

Уиддоуз, криво улыбнувшись, кивнул.

— Я вам вот что скажу, — произнес он. — Если этому Миану удастся убрать меня, в Темз-Хаус вытянется не одна физиономия.

Алекс молча смотрел на него.

— И прежде всего у Анджелы Фенвик, — продолжал Уиддоуз. — Она метит на директорское место, вот почему смерть Фенна и Гидли так сильно ее задела. Если она потеряет еще одного из своих подчиненных, все это будет очень сильно походить на халатность с ее стороны. И звезда Анджелы начнет закатываться, как и звезда ее закадычной приятельницы.

— Приятельницы? — спросил Алекс.

— Доун, черт ее подери, Гардинг. Как только Доун появилась в Службе, так тут же впряглась в повозку Анджелы — вот почему ее карьера была столь стремительной. Пока Анджела сидит наверху, рядом с ней сидит Доун. Но если Анджела полетит вниз, Доун отправится следом. Не стоит забывать и о по-

литической подоплеке всего происходящего. Вас выбрали, чтобы защитить восходящую звезду шайки политиков.

— Я здесь, чтобы защитить вас, Джордж. Остальное меня не интересует.

— Извините. Вы правы — это не ваша забота. Становлюсь к старости циником, вот в чем все дело.

Когда он вышел, Алекс развернул на раскладушке спальный мешок, лег и закрыл глаза. Ночь предстоит долгая, так что отдых ему не помешает.

Вскоре после семи его разбудил Уиддоуз, явившийся с тарелкой бутербродов с сыром и ветчиной, яблоком, шоколадкой «Марс» и двухлитровой бутылкой минеральной воды.

— Простите, — сказал он. — Боюсь, до кулинарных шедевров мне далеко. Не откажетесь от горчицы к бутербродам?

— Да. Замечательно.

— Я еще вот что хотел спросить. Как вы собираетесь мыться?

— Никак не собираюсь, — ответил Алекс. — Запах зубной пасты и мыла можно унюхать за несколько метров. Пока Миан жив, я ими пользоваться не буду.

Пять минут он ел и пил в молчании, потом зарядил обойму «глока» и вставил ее в рукоять. Направив пистолет на стену, Алекс нажал кнопку активизации лазерного прицела. На стене появилась маленькая красная точка, выписывавшая, пока Алекс помахивал пистолетом, тонкие световые линии. Удовлетворенный, Алекс выключил прицел. Затем разделся, натянул гидрокостюм, закрепил на икре ножны с десантным кинжалом. «Глок» он сунул в пластиковую набедренную кобуру. Намазав лицо и кисти рук камуфляжным гримом, Алекс надел на голову шлем гидрокостюма. Снятая им одежда отправилась в непромокаемый вещмешок. Сапоги и ласты Алекс уложил в полиэтиленовую сумку.

— Хорошо, — сказал он. — Как там на улице со светом?

— Смеркается, — ответил Уиддоуз.

Они прошли в гараж, Алекс залез в багажник, и Уиддоуз выехал наружу, ненадолго остановившись, чтобы переговорить с торчавшим у ворот мужчиной в полицейской форме. Езда продолжилась не больше трех минут, но увела их далеко от глаз любого, кто мог наблюдать за домом. Убедившись, что других ав-

томобилей вокруг нет, Уиддоуз выпустил Алекса из багажника, передал ему вещмешок и укатил.

Припав к земле посреди купыря, разросшегося на берегу реки, Алекс вглядывался в тускнеющий вечерний свет. Слева от него возвышался мост, Алекс едва различал узкий проход под ним. Соскользнув к самой воде, Алекс продрался через подрост в темноту под мостом и спрятал там мешок с одеждой. Надев пояс с грузилами, он достал сапоги и привязал их шнурками к поясу, затем натянул черные ласты и погрузился в воду.

У берега глубина не превышала полутора метров, течение было довольно сильным. Алекс осторожно двинулся вперед. Свисавшие с пояса сапоги цеплялись за дно, но это вполне компенсировалось мощностью ласт — точно так же, как плавучесть костюма компенсировалась грузом на пояснице Алекса.

Через пятьдесят метров он миновал высокую изгородь — граница поместья Лонгуотер, догадался Алекс.

Проплыв еще сотню метров, он ухватился за свисавший над водой корень, выбрался на берег и огляделся. Еще немного, и он попадет в зону, находившуюся, как он полагал, под наблюдением Миана. Теперь Алексу придется перемещаться с крайней осторожностью.

Что-то плеснуло метрах в двух впереди. Что-то брошенное или упавшее в воду. Может быть, Миан ждет здесь, на берегу? Заметил ли он его? Алекс скорчился среди переплетенных корней, сердце его колотилось. Медленно он потянулся к ножу, извлек его из ножен. Но тут увидел в тусклом пятнышке света голову выдры. На охоту отправилась, с облегчением подумал Алекс.

Когда дыхание выровнялось, он двинулся дальше. Остановился Алекс под тонким стволом ивы, в месте, которое заметил, когда был здесь с Доун. Метрах в пяти-шести впереди виднелся силуэт камышей и кустов, сквозь которые, по расчетам Алекса, станет прокрадываться Миан.

Ощупав дно, Алекс отыскал крепкий корень, переобулся, заменив ласты рыбацкими сапогами, и прикрепил ласты к корню. Потом немного продвинулся вперед, нашел ногой известняковый уступ. Алекс с радостью ощутил, как прочно цепляются за скользкий известняк толстые фетровые подошвы сапог. Пра-

вая его рука нашарила изгиб ивового корня, за который можно было зацепиться. Теперь Алекс находился лицом к реке и глядел прямо туда, откуда мог появиться Миан. Между ним и предположительной точкой выхода Миана располагалась купа осоки и свисающая пышным пологом листва ивы. Пока Алекс сохраняет неподвижность, он будет оставаться невидимым, даже если у Миана есть прибор ночного видения.

Сам Алекс решил обойтись без такого прибора. Он знал, что высматривает, и знал, куда надо смотреть. Даже когда свет в доме погаснет, в небе останется почти уже полная луна. А Миан придет только после того, как выключат свет.

Алекс провел в реке рядом с домом Уиддоуза уже почти три часа, его свыкшиеся с темнотой глаза неустанно обшаривали лежавшее перед ним пространство, уши и нос старались уловить любой чуждый реке шум или запах.

Мужики из МИ-5 разыгрывали свои роли превосходно, с шумом расхаживая вокруг дома, куря, извещая о своем присутствии всех, кто взялся бы наблюдать за домом.

Однако Дозорного видно не было. Часов после девяти цапля, ширококрылая и грациозная, устроилась на ночь в камышах — неподалеку от места, где Дозорный, по прикидкам Алекса, должен был выйти из реки. Отличная система раннего оповещения, подумал Алекс. Даже Джозеф Миан не сможет проскользнуть мимо цапли, не потревожив ее.

Дозорный не пришел, и при первом утреннем свете Алекс бесшумно уплыл по течению к мосту, вышел из воды и переделся в спрятанную здесь одежду. Речной холод, продолжительность и напряженность восьмичасовой вахты отчаянно утомили Алекса.

Правду сказать, мало вероятно было, что Дозорный появится в первую же после возвращения Уиддоуза ночь. Он наверняка решил подождать, последить, взвесить шансы того, что все это подстроено. Будь Алекс на месте Миана, он в первую ночь не пришел бы. Однако теперь, можно надеяться, Миан убедился, что все обстоит в точности так, как выглядит: разнервничавшегося государственного служащего охраняет пара неповоротливых полицейских.

Алекс просидел под мостом еще пару часов. В 6.00 над ним остановилась машина, и он услышал голос, произнесший его имя. Торопливо схватив снаряжение, он нырнул в багажник.

Когда они возвратились в гараж, Уиддоуз с участием оглядел Алекса.

— Вид у вас совершенно измотанный, — сказал он. — Как вы себя чувствуете?

— Жить буду, — ответил Алекс. — А вы как?

— Вел себя, как вы велели: приготовил ужин, посмотрел «Ночные новости» и лег спать. Даже заснуть ухитрился. — Уиддоуз помялся. — Я очень благодарен вам, Алекс. Могу я в свой черед сделать что-то для вас?

— Можете, — ответил Алекс. — Сделайте мне что-нибудь на завтрак.

Уиддоуз кивнул. С подъездной дорожки донесся звук мотора, голоса. «Полицейских» из МИ-5 сменяла новая пара.

В подвале Алекс, борясь с усталостью, заставил себя проделать полный комплекс силовых упражнений. Когда появился завтрак, Алекс съел его быстро и молча.

— Вы уверены, что хотите остаться здесь, когда я уеду на работу? — в конце концов спросил Уиддоуз.

— В машине он вас убивать не станет, — уверенно сказал Алекс. — Сомневаюсь, что он вообще последует за вами. Он знает, куда вы направляетесь, а по копам у ворот понял, что вы собираетесь вернуться. Поднимите в машине стекла, закройте дверцы и поезжайте в Темз-Хаус. Все будет хорошо — этому типу тоже иногда нужно поспать.

— Ладно, тогда я поехал.

Они пожали друг другу руки, и Уиддоуз удалился. Алекс забрался в спальный мешок, закрыл глаза и заснул.

Не появился Дозорный и в следующие две ночи. Каждый вечер Алекс входил под мостом в реку, плыл вверх по течению и приступал к долгому бдению.

Время тянулось с неестественной медлительностью. Пока глаза Алекса обшаривали мрак в поисках признаков какого-либо движения, разум его, казалось, отделялся от тела и отправлялся в скитания. Алекса навещали ставшие уже привычными призра-

ки — иракцы с обуглившимися лицами и дымившимися дырами в груди, изрешеченные пулями бойцы ИРА, залитые кровью колумбийцы и солдаты ЕРФ, окоченевшие на морозе сербы.

И вот теперь он планировал еще одну смерть. Смерть, которую видел умственным взором уже много раз. Принесенный течением Дозорный всплывет на поверхность залитой лунным светом воды метрах в трех-четыре от него и начнет бесшумно подниматься на берег. Большим пальцем правой руки Алекс нажмет на кнопку лазерного прицела, сдвинет красное пятнышко к середине груди Дозорного, выстрелит и будет продолжать стрелять. Кашель снабженного глушителем «глока» останется почти неслышным. Тело свалится назад в теплую воду, и река понесет его к Алексу.

Однако Дозорный не появлялся. Алекс ждал, изготовясь к убийству, но река оставалась просто рекой, местом, где полным-полно комаров, водорослей и желтых ирисов. И каждое серенькое утро Алекс принимался гадать, не ошибся ли он в расчетах. Приедет ли опять БМВ, чтобы забрать его? Или инстинкт наконец подвел его? И Уиддоуз уже лежит, изуродованный, на полу Лонгуотер-Лодж?

Но автомобиль приходил каждое утро, и все повторялось заново. Завтрак, потом сон. Каждый день он просыпался около трех, делал зарядку, чистил и смазывал «глок» и готовился к ночи — все это не покидая подвала. Уиддоуз, вернувшись, готовил ужин на двоих, приносил еду в подвал, потом съедал свою — по настоянию Алекса — наверху, перед телевизором, как делал всегда.

На четвертый день появился мебельный фургон, и началась погрузка имущества. Сегодня, подумал Алекс. Сегодня ночью эта сволочь объявится.

А если нет? Тогда я откланиваюсь. С извинениями.

Луна в эту ночь была полной, небо безоблачным.

Свет в доме был выключен уже больше двух часов, когда он заметил какие-то почти неразличимые черные очертания, плывущие к нему от верховьев реки. Метрах пока еще в тридцати от Алекса и в полуметре от берега. Выдра? — подумал он. Нет, эта штука слишком велика и неподвижна. Тогда бревно? Может быть. А может, просто большой клубок водорослей.

Очертания приблизились, и Алекс увидел, что это большая ветка, кривая, покрытая листвой.

Алекс, укрывшийся в своей клетке из корней и осоки, прищурил глаза. Откуда вообще взялась в реке ветка, в безветренную-то ночь? Он покрепче вжал сапоги в известняк и выпустил корень, за который держался под водой. Теперь в руке у него был уже снятый с предохранителя «глок». Алекс сантиметр за сантиметром поднимал его.

Ничего. Никакого движения. И определенно никаких признаков выбирающегося из воды человека. Возможно, ветка была просто веткой. Просто корягой, зацепившейся за дно именно в том месте, за которым он следил. Возможно...

Сверкающая черная фигура вырвалась из воды всего в нескольких сантиметрах от Алекса. Зубы ее были оскалены в нечеловеческой ярости, в кулаке, со свистом рассекшем воздух, блеснул нож.

Инстинкт отбросил Алекса в сторону от ножа, но миг спустя каменный кулак врезался ему в челюсть, он ощутил во рту вкус крови. Алекс упал, уронив «глок», но все же ухитрился каким-то образом вырвать из ножен на икре десантный нож. Увернувшись от рассекающего воду клинка, он вцепился противнику в горло.

Реакция того была аналогичной: защищаться, нападая. Двое сошлись в лютой рукопашной, и Алекс почувствовал, как что-то ледяное и острое распоролو ему бедро.

Он попытался вырвать руку с ножом из-под воды и ударить врага в лицо, но тот вцепился ему в запястье и с почти нечеловеческой силой потянул Алекса вниз. Нож сверкнул под лунной, Алекс резко отпрянул, и лоскут неопренового шлема хлестнул его сбоку по лицу, а щеке стало жарко от крови. Ноги противников переплелись, и за миг до того, как они увлекли друг друга под воду, Алекс откинул голову назад и, врезавшись лбом в нос врага, почувствовал, как хрустнула кость. На долю секунды глаза противников встретились — они оказались зеркальными отражениями друг друга: в шлемах, окровавленные, рычащие, точно волки.

Уже под водой Алекс впился зубами в державший его запястье кулак, зубы прорезали хрящ, однако хватка противника

не ослабла. Вместо этого перед лицом Алекса полыхнуло лезвие ножа, и щеку обожгла боль. Надо было позвать людей из МИ-5, цепенея, понял он, и тут перед глазами вновь полыхнул свет — это рукоять вражеского ножа ударила его в основание черепа. Лицо Алекса оказалось вдавленным под воду.

Скоро легкие его уже вопили, требуя воздуха, ноги обмякли. Он ударил туда, где должен был находиться сломанный нос врага, попытался вслепую вцепиться ему в глаза. Однако рука, нажимавшая ему на загривок, осталась неподвижной, как и та, что держала руку с ножом. Наконец рот Алекса раскрылся, впуская удушающую воду. Он почувствовал, как из его руки выпадает нож.

И тут, каким-то тусклым краешком сознания, Алекс понял, что его выволакивают на берег. Алекса вырвало речной водой, и, еще хватая ртом воздух, он осознал, что над ним нависает чужое лицо.

— Так, — произнесло оно. — Первый готов.

Боль разрывала Алексу грудь, точки света плясали перед глазами.

— Давай, — с презрением прохрипел он. — Убей меня и иди своей дорогой.

— Тебя я не убью, — пробормотал Дозорный, переворачивая зажатый в кулаке нож. — Это было бы слишком похоже на самоубийство.

Рука Дозорного утратила резкость очертаний, слепящая боль в третий раз взорвалась где-то за глазами Алекса, и на этот раз он лишился сознания.

ГЛАВА 9

Доун Гардинг появилась в пять утра, привезя с собой врача и ту же команду экспертов, которая занималась телом Крейга Гидли. Алекс слышал из подвала, как они бегом поднялись в спальню Уиддоуза.

Алекс лежал на раскладушке — голый, завернутый в пропитанную кровью простыню. Двое охранников из МИ-5, обнаружив его валявшимся в беспамятстве на берегу, стянули с Алекса гидрокостюм и, как могли, обработали раны. По левой щеке Алекса тянулся глубокий порез, правое ухо было рассечено почти надвое. С левой рукой ему повезло — порез был глубоким, однако нож прошел мимо мышц, так что рука, похоже, работала. Рана на левом бедре была почти тридцать сантиметров длиной, крови из нее вытекло немало, но опять-таки важные мышцы, похоже, остались неповрежденными. Алекс понял, что это крепкий неопрен гидрокостюма спас его от более серьезных увечий.

Алекс получил два очень сильных удара, и любая попытка пошевелить головой вызывала мучительную боль. Однако боль в затылке утрачивала всякое значение, стоило ему вспомнить о масштабах своей неудачи. Джордж Уиддоуз лежал теперь наверху в луже свернувшейся крови — с кляпом во рту и пятнадцатисантиметровым гвоздем в правом виске. Отрезанные уши его покоились на подушке постели.

Едва обретя способность двигаться, Алекс настоял, чтобы охранники помогли ему подняться наверх, и по огромной потере крови сразу понял, что Миан отрезал Уиддоузу уши еще до того, как прикончил его с помощью молотка и гвоздя.

Какими могли быть его последние мгновения? — безмолвно гадал Алекс. Какой страх должен был испытывать Уиддоуз, глядя на Миана и его нож? Какую боль, когда ему отрезали уши? Даже вообразить невозможно. Но какова бы ни была природа этих последних испытаний, именно он — Алекс Темпл — навлек их на Джорджа Уиддоуза.

Самонадеянность превозмогла в нем осторожность. Он вылез на передовую, не обеспечив тылы, и тем самым поставил под угрозу жизнь другого человека.

Доун спустилась к нему с врачом, человеком лет сорока, говорившим с легким южноафриканским акцентом. Она представила его как Макса. Врач стянул с Алекса простыню и осмотрел его.

Доун, бросив один только взгляд на его окровавленную наготу, отвернулась к стене.

— Я полагаю, все это сделано ножом? — спросил Макс.

— Да. Десантным.

— Еще какие-либо ранения?

— Пара хороших ударов в основание черепа. Скорее всего, рукояткой ножа.

Макс осторожно ощупал затылок Алекса:

— Здесь больно?

— Ощущение не из лучших.

— Возможен перелом. Придется сделать рентген.

Доун поймала взгляд Макса и резким движением головы велела ему подождать наверху. Врач вышел.

— Что произошло? — спросила Доун, холодно глядя на Алекса сверху вниз.

— Он взял меня врасплох. В сущности, я не должен был устраивать здесь ловушку, после того как вы отказались снабдить меня подкреплением.

— Значит, в смерти Джорджа виновата я, так, что ли?

— Нет, вина целиком моя. Я ошибся в расчетах. И не уклоняюсь от ответственности за это.

— Итак, у вас имелся «глок», а у него огнестрельного оружия не было? — спросила Доун.

— Да, — подтвердил Алекс. — А если и было, он уронил его в самом начале схватки. Мы оба взялись за ножи.

— Продолжайте, — сказала она.

— Я сломал ему нос, прокусил костяшки на левой руке и пару раз попал ножом в верхнюю часть тела. Этого, понятное дело, не хватило, чтобы его остановить, тем не менее он ранен. Думаю, сейчас он чувствует себя не лучшим образом, а на лице и на руке у него видны повреждения.

— Как вы оцениваете его с профессиональной точки зрения? — спросила Доун.

— Очевидно, он сильнее меня. Хотя непонятно одно: он был очень агрессивен и все же...

— И все же?

— И все же не стал меня убивать.

— Как вы думаете, почему?

— Ну, он сказал кое-что, перед тем как вырубить меня ударом по голове. Что-то наподобие... да, что убить меня было бы все равно что покончить с собой, примерно так.

— Вы хорошо его разглядели?

— Нет. Во-первых, он вымазался черным камуфляжным гримом, во-вторых, на нем был гидрокостюм со шлемом.

— Хоть какую-то деталь вы вспомнить можете?

Алекс отвел взгляд. И снова увидел ледяные глаза, смотревшие на него во время похорон Дона Хэммонда.

— Он примерно моего роста и сложения. Правша. Борода и усы отсутствуют.

— Это не сильно сузит поиски.

— Я знаю. И прошу прощения. За все произошедшее.

Доун покачала головой и набрала на своем мобильнике номер. После соединения она пересказала данное Алексом описание и сведения о характере ранений Дозорного.

— Мы прочесываем территорию в радиусе пятнадцати километров, — сказала она Алексу. — Подняты все силы.

Алекс молчал. Ничего полезного он сказать не мог.

После полудня машина «скорой помощи» доставила Алекса в клинику «Фэрли» в лондонском пригороде Аппер-Норвуд. Теоретически сюда принимали за плату любых больных, но на самом деле клиника обслуживала только секретные службы. Алекса отвели в отдельную палату без окон, повесили его одежду в шкафчик. Санитар принес ему чашку чая, болеутоляющее и радиоприемник, настроенный на классическую музыку. Остаток дня тянулся медленно.

Незадолго до полуночи Алекса разбудил зазудевший в шкафчике мобильный телефон.

— Алекс, — произнес негромкий, но напористый голос, — это Стиво.

— Стиво? — тупо переспросил Алекс и тут же вспомнил разговор с командиром снайперов на поминках по Дону Хэммонду. — Стиво, да, конечно! Как ты?

— Отлично, дружок. Слушай, не знаю, зачем тебе понадобился Ден Коннолли, но в последнее время тут целая куча всякой сволочи норовит навести о нем справки.

Разведка, подумал Алекс. Я мог бы и догадаться.

— Люди мы нетрепличные, — продолжал Стиво, — но тебе я, что знаю, расскажу.

— Давай.

— Он подал в отставку после Войны в заливе и связался с какой-то компанией, что-то вроде морской службы безопасности. Подробностей не знаю, но то ли он начал прикладываться к бутылке, то ли работа ему не понравилась, то ли еще чего. В общем, он вроде бы участвовал в вооруженном ограблении.

— Да?

— Поговаривали, будто это Ден размахивал пушкой во время того дельца на Северном Кольце.

— Роял-Парк? — пробормотал Алекс.

— Ага. Короче, они втроем наказали Шотландский банк на полтора миллиона. Не бог весть что, но Дену хватило, и он слинял в Испанию. Деревня неподалеку от Марбельи, называется Эль-Анхель. Один из наших парней был там прошлым летом. Похоже, Ден нашел какого-то испанца, который купил для него бар на свое имя. Вот там он теперь и ошивается.

— Как называется бар?

— «Паблитос».

— И официально никому об этом не известно?

— Билл Леонард точно не знает, он собрал нас на прошлой неделе, спрашивал, есть ли у нас какие идеи насчет того, где искать Дена. Потом явилась пара мордоворотов из разведки, тоже интересовалась. Мы-то решили, это как-то связано с тем дельцем на Роял-Парк.

— А почему ты думаешь, что это не так?

— Было б что-то такое, ты бы нам сказал.

— Это уж точно.

Короткое молчание.

— Тут вот старшина интересуется: все это, случаем, не связано с одним бывшим студентом?

Алекс улыбнулся, дивясь точности сержантских околичностей.

— Не смотрю на злое, не произношу злого, не слушаю злого, — наконец ответил он.

— Вот, значит, как? Мудрые обезьянки?

— В этом роде. Спасибо, Стиво.

На следующий день Алекс предложил Доун отстранить его от дела.

— Вы же не можете просто... отвалить! — запротестовала она. — Вы единственный, кто видел Миана в лицо.

— Это он меня видел, не я его, а с этими швами внешность у меня не так чтобы очень неброская. Я к нему и на километр подойти не смогу.

— А Андже́ла? Что будет, если он займется ею?

— Ваши люди его остановят, — ответил Алекс.

— Алекс. — Обращение по имени далось Доун с трудом. — Пожалуйста. Вы можете перехватить его и убить. Потому мы к вам и обратились.

Алекс оглядел ее с ног до головы. Сегодня Доун была в сером — под цвет ее стальных глаз.

— Что потребуется, — пролепетала она, — чтобы вы остались в деле? Чтобы вы возглавили его, уж если на то пошло?

Ну кто бы в это поверил? — подумал Алекс. Она меня и впрямь уговаривает. Он закрыл глаза. От трудных заданий ему пока бегать не приходилось.

— Вы сможете получить все, что...

— Испания, — без всякого выражения прервал ее Алекс.

Доун уставилась на него.

— Мы должны слетать в Испанию. Там есть человек, с которым стоит повидаться.

И Алекс пересказал ей факты — их сокращенную версию.

— Не понимаю, почему вы просто не скажете мне, кто он, — я бы послала кого-нибудь поговорить с ним.

— Ни с кем из посланных вами он говорить не станет, — ответил Алекс. — Разговаривать с ним должен я. А переговорив с ним, я передам вам всю информацию, и делайте с ней, что хотите. Вы затребовали меня потому, что я обладаю специальными познаниями, — надо же что-то дать вам за ваши деньги.

Некоторое время Доун нерешительно смотрела на него, потом пожала плечами. Если он сможет помочь им найти Миана, это хоть немного искупит его вину перед Джорджем Уиддоузом. Больше он ничего предложить не может.

— Если кто-нибудь и знал Миана, — продолжал Алекс, — так именно этот человек. День за днем, неделю за неделей они

жили бок о бок в Трегароне... Парни, которых я сам обучал, — я знаю о них то, чего наверняка не знают их жены.

Она кивнула, вынула из сумочки мобильник и вышла. К ее возвращению Алекс успел допить кофе.

— Анджела этим утром улетает на два дня в Вашингтон, думаю, можно считать, что на это время Миан будет для нее не опасен. Однако это означает, что мы должны слетать в Испанию и вернуться за сорок восемь часов. Вы сможете путешествовать в таком состоянии?

В тот же день они первым классом вылетели в Испанию. В клинике «Фэрли» давно уже привыкли к пациентам, которые не задерживаются надолго, и ходивший за Алексом санитар преподавал Доун быстрый курс ухода за ножевыми ранениями и упаковал в сумку все, что ей может понадобиться, — перевязочные материалы и обезболивающее.

В Хитроу они по настоянию Алекса купили пляжную сумку и купальные костюмы. Алексу — голубые шорты, Доун — красный бикини, которым Алекс заменил выбранный ею строгий закрытый купальник.

— Мы должны соответствовать обстановке, — объяснял он, когда самолет делал круг над аэропортом Малаги. — Чем более официальный будет у нас вид, тем меньше он нам расскажет. Если мы будем выглядеть как парочка служащих, разъезжающих за государственный счет, он с нами и разговаривать-то не станет, это я могу гарантировать. К тому же мы оба знаем, как вам идет красный цвет!

Последнее замечание Доун комментировать не стала, но с Алексом согласилась.

— И вот еще о чем вам следует помнить, — продолжал Алекс. — Миром, в котором обретается наш человек, правят не читатели «Гардиан», а преступники. От их подружек требуется, чтобы те налегали на губную помаду, обращаться с ними полагается как с принцессами, но, когда доходит до деловых разговоров, им следует испаряться. Идет?

— Не понимаю, зачем вы меня вообще с собой потащили.

— У нашего человека наверняка имеется на попечении какая-нибудь женщина, так что одинокий гость мужского пола

может внести в дом разлад. А мужчина с подружкой — это другое дело. Вы с его цыпой сможете отвалить куда-нибудь: поговорить о достоинствах шелкового белья или еще о чем, оставив мужчин решать мировые проблемы за бутылкой виски.

Глаза Доун сузились:

— Вот уж всю жизнь мечтала.

Поездка из аэропорта Малаги во взятом напрокат «мерседесе» заняла почти сорок минут. От Малаги к Марбелье тянулась сплошная полоса отелей, площадок для гольфа и пляжей.

— Давайте начнем откладывать деньги на покупку дома, — сказал с довольным зевком Алекс, когда они объезжали Марбелью. — Когда каждый из нас снимет с себя наконец кобуру и выйдет в отставку, поселимся здесь и будем играть в гольф.

— И без конца пьянствовать с отставными головорезами, — сказала Доун. — Нет уж, спасибо.

— Больше жизни, девушка! Солнышко светит. Мы на Коста-дель-Соль. Давайте хотя бы попробуем получить от этого удовольствие.

— В здешних местах есть что-то недоброе. Куда, например, подевались все молодые люди?

— Предаются полуденному сексу или валяются на пляже.

— Угу. Скорее, планируют очередное ограбление.

— Смотрите, — сказал Алекс, — поворот на Эль-Анхель.

Они миновали поворот и покатили к Пуэрто-Банус, где заказали на две ночи номер в отеле. «Отель дель пуэбло» оказался очень неплох. В вестибюле бил фонтан, с балкона роскошного номера открывался вид на гавань.

Номер был рассчитан на супружескую чету. Алекс не имел причин опасаться, что Коннолли проверит, как и где они расположились, однако понимал, что двое одиночек наверняка его насторожат. Доун восприняла двуспальную кровать без всякого энтузиазма, и Алекс пообещал, что будет спать на полу.

Вид с балкона даже Доун привел в хорошее настроение, и, когда Алекс предложил пойти перекусить, она с готовностью согласилась. Он поставил свою сумку на кровать, расстегнул молнию и сменил джинсы с футболкой на легкие летние брюки и гавайскую рубашку с драконами. Швы он заклеил пластырем.

— Как я выгляжу? — спросил он у Доун.

— Как измордованный сутенер, — ответила она. — Если вы не против, я переоденусь в ванной комнате.

Из ванной она вернулась в легком платье своих излюбленных сизовато-серых тонов. Глаза и волосы Доун сияли.

Алекс уставился на нее:

— Вы выглядите...

— Да, капитан Темпл?

— ...так, точно вы в отпуске.

— И отлично, — сказала она. — Пошли.

Бар они выбрали более-менее наугад. Времени было начало шестого, море уже не слепило глаза. Им принесли еду и две бутылки колы. Алекс предупредил Доун, что обоим сегодня предстоит основательно выпить, и достал из кармана коробочку с дюжиной таблеток эфедрина. Таблетки, полученные в клинике «Фэрли», имели двойное действие — обостряли реакцию и не давали опьянеть. Алекс проглотил сразу две и передал коробочку Доун. Та тоже приняла две таблетки и сунула остальные в сумочку.

Деревня Эль-Анхель на Пуэрто-Банус несколько не походила. Это была не столько деревня, сколько полоска земли между шоссе и морем, на которой стояла пригоршня гасиенд.

Оставив «мерседес» на шоссе, Алекс с Доун пошли по тропинке, приведшей их на улицу, вдоль которой выстроились покрытые белой штукатуркой дома. Некоторые были заняты — на подъездных дорожках стояли автомобили, перед домами виднелись клумбы бугенвиллий и роз, но большинство пустовало. Заброшенность этого места поразила Алекса.

Доун, должно быть, тоже, поскольку она, к изумлению Алекса, взяла его под руку.

— В каждой мечте таится страдание, — пробормотала она.

— Ага. Однако я начинаю испытывать серьезную потребность в выпивке.

— А этот бар действительно у моря?

— Такое у меня создалось впечатление, — ответил Алекс. — Может, позвонить в одну из дверей и спросить?

Доун направилась к ближайшему дому. Дверь отворил пожилой мужчина в шейном платке и парадном кителе ВВС. Из-

за спины его взволнованно выглядывала женщина в халате, по-видимому жена.

— Мы ищем «Паблитос», — начал Алекс.

— За дорогой, лицом к морю, разворот между «Морскими соснами» и «Каса Линда». Расчетное время прибытия — три минуты. Приехали навестить Дензила?

— Да.

— Первоклассный парень. Темная лошадка, конечно, но здесь это скорее правило, чем исключение. Может, зайдете на пару минут? Примем по рюмочке в честь заката солнца.

— Пожалуй, в другой раз, — виновато сказал Алекс, заметивший в глазах пожилого мужчины плохо скрываемое огорчение.

— Ладно, хорошо. Данбар, так меня зовут.

Алекс и Доун прошли по дорожке и почти сразу увидели бар. То был блокгауз, покрытый буровой штукатуркой — под цвет береговых камней. Неоновая вывеска, еще не горевшая, изображала пальмы и садящееся солнце.

Вращающиеся двери были полуоткрыты. Внутри вдоль стены шла стойка бара, у нее сидел на высоком табурете толстый, очень загорелый мужчина лет сорока пяти и смотрел по закрепленному на стене телевизору футбольный матч. За стойкой протирала пивные кружки крашеная блондинка лет двадцати с небольшим.

Когда Доун с Алексом заглянули в двери, она улыбнулась им отработанной улыбкой:

— Входите. У нас еще по нулям, сами видите, но ничего, располагайтесь как дома. Чем могу быть полезна?

Алекс повернулся к Доун:

— Будешь что-нибудь, лапочка?

— Ну-у, наверное, «баккарди-бриз».

— Один «баккарди». А тебе, дорогуша?

— Пинту пива.

Мужчина у стойки перевел взгляд на них:

— Остановились в этих местах, а?

— В Пуэрто-Банус, — ответил Алекс.

— Отлично. На шестнадцать-пятнадцать прилетели?

Алекс кивнул, помог Доун забраться на табурет и уселся сам.

— Значит, окрестности изучаете?

Лицо мужчины припухло от пьянства, однако глаза оставались трезвыми.

— Захотелось на несколько дней убраться подальше от всего. — Алекс подмигнул Доун и провел рукой по пластырю на щеке. — Я, как видите, немного машину поуродовал.

— А чем занимаетесь?

— Инструктор по физической подготовке, — сказал Алекс. — А Доун, ну, Доун — моя самая лучшая клиентка, верно, лапочка?

Она хихикнула:

— Надеюсь.

Толстяк кивнул и вернулся к футболу. После финального свистка он крутнулся на табурете и протянул Алексу большую ладонь:

— Я Ден. — Он зашел за стойку и хлопнул женщину по затылку в белую хлопковую ткань заду. — А это Мари.

Начали появляться посетители. Алекс с Доун сидели за стойкой, прислушиваясь к шутливой дружеской болтовне. Ясно было, что все остальные посетители — завсегдатаи. Столь же ясно было, что в этом ничем не примечательном баре у моря встречаются друг с другом находящиеся в бегах уголовники. Женщины все как одна выставляли напоказ загорелые ложбинки между грудей. Мужчины щеголяли пастельных тонов летними костюмами и многочисленными шрамами на физиономиях.

Ден исполнял обязанности хозяина: пил не переставая и следил, чтобы стаканы гостей были полны. Четкой границы между платной и дармовой выпивкой Алексу выявить не удалось. Денег с него никто не требовал, и он решил, что им с Доун предоставлен кредит.

Ровно в девять появились Данбары, вежливо кивнули Алексу и Доун, обменялись рукопожатиями со всеми остальными, выпили по одной и удалились.

— Старикан пилотировал «спитфайры», — после их ухода сказал Алексу Ден. — Десять сбитых самолетов противника. А теперь живет на двадцать пять фунтов в неделю. Я угощаю его в кредит, а потом, когда приходит Поминальное воскресенье, забываю о счете. Это все, что я могу для него сделать.

Алекс кивнул. Ден основательно отхлебнул пива. Он сильно потел. За их спинами повизгивали женщины, и Доун среди них. Алекс извинился. Надо отлить.

Он протолкался сквозь толпу завсегдатаев, вышел в неоновые сумерки, огляделся. Вон те пальмы подойдут. Сзади захрустела устилающая землю дранка — кто-то еще вышел по тем же делам, догадался Алекс. Потом походка переменялась — в ней появилась некая зловещая регулярность, подсказавшая Алексу, что догадка его неверна. Полуобернувшись, он успел мельком увидеть крупный силуэт, увенчанный поблескивающей, наголо обритой головой, и тут же массивная рука прихватила его локтем за горло.

— Забудь свою херню насчет физической подготовки. Друг, кто ты, на хер, такой и какого хрена тебе здесь нужно? — Голос был низок, почти шепот.

Алекс пытался освободиться, лягаясь и отбиваясь локтями. Удары попадали то в кость, то в мякоть, но проку от них не было. Перед глазами Алекса заплескали точки света, в ушах зашумело.

Скорее всего, именно эфедрин позволил Алексу сохранить сознание еще на несколько секунд, за которые его скрюченные пальцы добрались до промежности противника. Алекс ухватил его за мошонку. Противник взвыл от боли, давление на горло Алекса ослабло. Этого ему хватило, чтобы развернуться и дважды двинуть врага по нижним ребрам.

Уклоняясь от серии быстрых и яростных контрударов, Алекс попятился. Теперь он ясно видел противника — громилу с чрезмерно развитой мускулатурой и покрывающей толстую шею татуировкой в виде паутины. Он уже попадался Алексу на глаза в баре. Татуировку ему явно сделали в тюрьме.

Эта горилла с искаженной болью физиономией надвигалась на быстро отступавшего Алекса. Теперь речь шла уже не о допросе, а о мести. Но тут из теней у входа выросла тонкая фигура и воздух разрезала струя, выпущенная из газового баллончика.

От потрясения, боли и ярости громила взревел и начал яростно тереть глаза. Алекс воспользовался моментом, чтобы со всей силы врезать громиле ногой в пах. Тот страдальчески зашипел и рухнул на дранку.

— Тебя что же, на секунду нельзя одного оставить? — спросила Доун, выходя на свет от неоновой вывески и укладывая баллончик в сумочку.

— Похоже, нельзя, — ответил Алекс.

— Какого дьявола тут происходит, а?

В дверях бара возник Коннолли. Судя по удивлению у него на лице, сценарий происходящего оказался вовсе не таким, какого он ожидал. Предполагалось, что валяться на земле буду я, подумал Алекс. Желательно, моля о пощаде и признаваясь, что служу в полиции.

Впрочем, удивленное выражение быстро сползло с лица Коннолли:

— Извини, друг. Кев что, повел себя невежливо?

— Он задал мне вопрос и попытался придушить еще до того, как я успел ответить.

Коннолли покачал головой, ушел в бар и вернулся с кувшином воды, которую и вылил Кеву на голову.

— Хорошего помощника нынче не найти — ни за любовь, ни за деньги...

Кев взгромоздился, держась за промежность, на ноги. Футболка его промокла, темно-оранжевое пятно украшало левую сторону лица, в которую ударила струя перечежного газа. Из глаз Кева все еще текли слезы, но он ухитрился соорудить сокрушенную улыбку и протянул Алексу дрожащую ладонь:

— Извини, друг, малость перестарался!

— Ничего, — сказал Алекс.

— Значит, снова друзья? — ослепительно улыбнувшись, спросил Коннолли. — Отлично. Кев, отведи даму в бар, открой бутылку шампанского — да «Моэта», а не обычной дряни — и устрой ее поуютнее.

Горилла покорно кивнул и жестом предложил Доун первой пройти в двери.

— Прости, приятель, — сказал Коннолли Алексу. — Мне приходится заботиться о своей безопасности.

Алекс кивнул.

— Ты не легавый, я знаю. Но загар у тебя явно не из солярия, да и шрамы ни от какой не от автомобильной аварии. Опять же, драки я вашей не видел, однако...

— Меня прислал Стиво, — негромко сказал Алекс. — Я просто не хотел тревожить Мари.

Коннолли отхлебнул из стакана, с которым вышел из бара.

— Стиво? Не знаю никакого Стиво.

— Джим Стивенсон из отряда «Б» в Херефорде. Я из СВС, Ден.

— Продолжай.

— Отряд «Дельта». Приписан к ОБПД, как и ты когда-то.

— А когда завербовался?

Минут пять Коннолли задавал Алексу вопрос за вопросом о людях из СВС, вытягивая подробности, которые мог знать только служащий там человек. В конце концов Коннолли, похоже, уверился, что Алекс тот, за кого себя выдает. Почувствовав это, Алекс взглянул ему прямо в глаза:

— Послушай, Ден, от меня неприятностей не будет, идет? Я просто хочу поговорить.

— Ты не говорун, сынок, ты стрелок. У тебя это на лице написано.

— Я кое-кого разыскиваю, Ден, только и всего. Помогите мне, и ты сможешь забыть о деле на Роял-Парк. О прикрытии и о необходимости оглядываться — нет ли за спиной копов.

— Какое еще, на хрен, дело на Роял-Парк?

— Сам знаешь.

— Да? А девушка кто?

— Просто девушка.

Ден молча заглянул в пустой стакан и кивнул. На миг Алекс увидел за его расплывшимися чертами напряженную настороженность бойца частей особого назначения. Потом на лицо Дена вернулась улыбка, и он положил ладонь Алексу на плечо:

— Пошли, сынок, мы зря расходуем время, которое лучше потратить на выпивку. Нынче за счет заведения, ладно?

Он провел Алекса обратно в бар, и миг спустя Мари уже поставила перед ним бокал шампанского и стопку ирландского виски. Кто-то запел под смех и аплодисменты.

Через некоторое время рядом с ним появилась Доун. Щеки у нее покраснелись, казалось, что она искренне веселится. В этих обстоятельствах для Алекса было естественным обнять ее за талию, а для нее — на мгновение прижаться к нему.

— Спасибо, — сказал он. — Все могло кончиться гораздо хуже — либо для него, либо для меня. Как ты ладишь с женами гангстеров?

— Они занятные. Мне нравятся. Ты чего-нибудь добился?

— Назвал пару имен. Сказал ему, кто я на самом деле. А ты для него просто моя девушка.

— М-м. Вот повезло-то.

— Думаю, самое лучшее, что я могу сделать, — это сказать, зачем приехал сюда, и надеяться, что это его успокоит.

— Согласна. Только разговор у нас с тобой слишком серьезный для безмозглой блондинистой телки, каковой я предположительно являюсь, — и Доун надула губки.

Алекс провел пальцем по ее щеке:

— Ты так хорошо играешь эту роль.

В баре снова слышалось пение. Кто-то сидел у пианино, барабанил по клавишам и распевая старые песенки лондонских низов.

Внезапно рядом с ними возник Ден Коннолли, массивный и потный.

— Пока я еще не нарезался до того, чтобы не понимать ни слова, — сказал он, — кого именно ты разыскиваешь?

Алекс кивком отослал Доун, на прощание хлопнув ее по сизовато-серому задку.

— Джозефа Миана. Кодовое имя Дозорный. Ты натаскивал его для разведки.

Коннолли покивал.

— Официально меня здесь нет, — произнес он наконец слегка заплетающимся языком. — Официально меня вообще нигде нет. Хотя ты и сам это знаешь.

Алекс кивнул:

— Стиво рассказал мне что к чему. Твоего имени никто не услышит. Никогда. И если я получу то, что мне нужно, ты сможешь просто забыть о том, другом деле. Даю слово.

Коннолли поджал губы и, отвечая на какие-то свои мысли, медленно покачал головой.

— Завтра. В середине дня. Привози и свою... — Он неопределенно махнул рукой в сторону Доун. — А пока заказывай, что хочешь. За счет заведения, я уже говорил.

Они покинули бар около двух. Не потому, что Алекс надеялся разговорить Коннолли уже этой ночью, просто он чувствовал, что должен поддержать марку, оказать уважение. Ранний уход был бы сочтен невежливым. И потому Алекс торчал в баре, проглатывая стопку за стопкой и с интересом слушая рассказы о грабежах, башнях, стукачах, фальшивых уликах, продажных копах, чистых пушках и прочих элементах бандитской мифологии. Доун тем временем сидела рядом с Алексом, широко раскрыв глаза и обнимая его за талию. Короче говоря, выглядели они, как и следует выглядеть впечатлительной парочке, забредшей в битком набитый преступниками бар.

Когда они попрощались со всеми и наконец добрались до машины, Доун полезла в сумочку за ключами.

— Вести сможете? — поинтересовался Алекс.

— Я выпила не так уж и много, — ответила она. — Всегда в таких случаях беру ром с колой — подливаешь себе в стакан все колу да колу, и никто ничего не замечает.

В номере оба немного постояли перед открытым окном. Гавань и яхты были ярко освещены. На Алекса накатила волна пьяного благодушия.

— Вы были великолепны, — с чувством сообщил он, кладя ладонь на ее теплое плечо.

Она улыбнулась и, наклонив голову, потерлась щекой о его руку.

— Я повеселилась. Как по-вашему, что ждет нас завтра?

— Не знаю. Пока он считает, что я в порядке, но тревожится о том, кто последует за мной и чем все это кончится.

— У него есть что скрывать?

— Более чем.

— И что вы ему пообещали?

— А, наплел с три короба... — Осторожнее, сказал себе Алекс: об ограблении на Роял-Парк она ничего не знает.

— Может, снять вам пластыри? — спросила Доун. — Немного свежего воздуха вашей несчастной физиономии не повредит. Ложитесь-ка на кровать.

Пластыри Алекс без труда мог бы снять и сам, тем не менее он лег и лежал, вдыхая жасминовый аромат духов Доун, дым-

чатый запах волос и легкие дуновения рома в ее дыхании. Она молодец, Доун, решил он. Бывает временами сукой, ну и что? Работа у нее не из легких. Он бы с ней ужился.

И ведь она действительно красива, с этими ее холодными серыми глазами, с мягкими губами. Пока она осторожно отклеивала пластырь от щеки Алекса, он опустил взгляд на серую ткань ее платья. Похоже, лифчика на ней нет.

— Это нечестно, — неодобрительно сказала она.

— Что нечестно?

— Я выбиваюсь из сил, изображая сестру милосердия, а вы только и знаете, что пялиться на мою грудь. Предполагается все-таки, что вы офицер и джентльмен.

— Насчет джентльмена мне никто ничего не говорил.

— Ну так прекратите, или я вам опять ухо надвое разорву.

Покончив с пластырями, она взяла мобильный телефон и направилась к балкону.

— Я ненадолго, ладно? — сказала она, набирая номер. — Личный звонок.

Алекс поплелся в ванную. Ухажеру звонит, подумал он.

Ко времени, когда Доун вернулась в комнату, он успел раздеться до трусов.

— Ладно, — произнесла она. — Договоримся так. Вы получаете кровать и одеяло из стенного шкафа. Я беру стеганое и устраиваюсь на полу.

— На полу устроюсь я. А вы — на кровати.

— Как правило, на подобные предложения я соглашаюсь мгновенно, однако вы ранены, и я решила быть великодушной. Без препирательств, Темпл, ладно?

Алекс забрался в постель. Когда Доун вернулась к расстеленному на полу стеганому одеялу, она на миг задержалась у окна — тонкая, очень женственная фигурка в белой майке и трикотажных штанишках.

ГЛАВА 10

— Надеюсь, вы не собираетесь снова блевать? — осведомилась Доун.

— Не похоже, — проскрежетал Алекс. — Но не могли бы вы попросить у официанта стакан пива?

— Вы спятили?

— Я знаю, это не очень прилично, зато помогает.

Была половина одиннадцатого утра, Алекс и Доун лежали в шезлонгах у гостиничного бассейна. Доун была в красном бикини, но даже это не улучшало Алексу настроение. Жестокое похмелье совпало у него с приступом угрызений совести за гибель Джорджа Уиддоуза.

Доун, оторвав голову от спинки шезлонга, сердито уставилась на Алекса. Лицо ее блестело от противозагарного крема.

— Что вы там говорили вчера? Веселее? Больше жизни? Солнышко светит?

Алекс повернулся к ней и ощутил первый за этот день легкий трепет желания. С секунду он не отрывал от нее глаз, затем подошел с подносом официант.

— Una cerveza para el Señor, por favor, — промурлыкала Доун.

Официант кивнул и исчез.

— Как много слов, — сказал Алекс.

— Да, пришлось сказать ему, что вам для поднятия настроения нужна клизма.

— Что мне действительно было нужно, так это не пить столько прошлой ночью.

— Полагаю, на службе родине вам приходилось делать вещи и похуже.

Алекс крикнул. Раны начинали заживать и оттого чесались неимоверно.

— Забыл спросить — вы тогда выудили из реки мое оружие?

— «Глок»? Да. Плюс ваш нож. И кстати, пока вы были в беспмятстве, нам удалось извлечь из-под ваших ногтей кусочки ткани и несколько волосков.

— Да, подержался я за него крепко. Но разве нужны еще какие-то доказательства того, с кем вы имеете дело?

— Эксперты по одному волосу много чего способны рассказать о человеке, например определить, где тот живет.

Алекс с сомнением взглянул на нее:

— Что ж, желаю удачи. Волос может оказаться полезнее, чем весельчак там, в деревне.

— Если он не собирается ничего рассказывать, зачем было просить нас вернуться?

— Возможно, что-нибудь и расскажет, чтобы получить иммунитет, который я ему пообещал. Вопрос в том, сможем ли мы положиться на его слова.

Доун нахмурилась:

— Слушайте, насчет иммунитета...

— Доун, если мы ничего от него не получим сейчас, так ничего не получим и в будущем. И вы же сможете добиться для него иммунитета, если он приведет нас к Дозорному, верно?

— Это чертовски серьезное «если».

Официант принес пиво. Алекс выпил его тремя большими глотками, опасаясь, как бы его снова не вырвало, но вдруг почувствовал себя гораздо лучше.

Одевшись, они прогулялись по порту, и Доун купила блузку с глубоким декольте, белые джинсы в обтяжку и туфли на высоких каблуках. Это чтобы соответствовать роли, пояснила она. По возвращении в номер она облачилась в купленное.

— Черт возьми! — потрясенно воскликнул Алекс. — Теперь вам осталось только обзавестись привычкой выкуривать по две пачки «ротманс» в день да любовником из списка особо разыскиваемых бандюг.

— Если мы долго проболтаемся в «Паблитос», возможно, и обзаведусь.

— Я полагал, что последний у вас уже имеется. Мистер Счастливчик из Лондона.

Доун сделала большие глаза и забросила сумочку за плечо:

— Пошли.

«Паблитос» оказался пустым. Вращающиеся двери были закрыты. Алекс, взглянув на часы, постучал. Дверь открыла Мари, одетая в розовый спортивный костюм.

— Входите. Боюсь, Ден еще отсыпается. Кофейку?

— Отлично, — сказала Доун.

С чашками кофе в руках они поднялись наверх. Над баром шла галерейка, ведущая в спальню, ванную комнату и на пропеченную солнцем плоскую крышу. На одном конце крыши лежала большая циновка, поверх которой спал, похрапывая, Дензил Коннолли — голый, если не считать трусов, раскрашенных в цвета британского флага.

— Он любит спать под звездами, — сказала Мари. — Ден, милый, у нас гости.

Спящий пошевелился и наполовину открыл опухшие, полные подозрительности глаза. Увидев Алекса с Доун, он снова закрыл их, застонал и заворочался, будто бегемот.

— Сколько времени?

— Двенадцать. Алекс с Доун пришли.

— Кто? А, да, верно. Дай-ка мне руку.

Он кое-как поднялся на ноги, и Мари повела его внутрь дома. Вскоре из ванной понеслись малоприятные звуки. Впрочем, полчаса спустя, когда все уселись завтракать на крыше, Коннолли уже выглядел вполне оправившимся. Они ели рыбу с жареной картошкой, мягкий, сваренный Мари горох, пили холодное испанское пиво.

Завтрак, а за ним и послеполуденные часы, и начало вечера прошли довольно приятно. Алекс принял в отеле еще две таблетки эфедрина и потому с удовольствием потягивал холодное пиво. Коннолли с самого начала пил скотч, время от времени сдабривая его минеральной водой.

В шесть часов Мари приготовила бар к приходу вечерних посетителей. Коннолли, даром что выпил больше двух третей бутылки виски, выглядел трезвым как стеклышко. Алекс же, напротив, чувствовал, что голова у него определенно кружится. День был жаркий, а он за последние шесть часов проглотил дюжину стаканов пива. Украдкой стянув с одного из столиков стакан и солонку, Алекс заперся в мужской уборной. Здесь он всыпал в стакан чайную ложку соли, налил воды, подождал, пока соль растворится, и сделал большой глоток. Едва соль попала в горло, как началась конвульсивная рвота, избавившая Алекса от последних нескольких стаканов выпитого. Он заста-

вил себя повторить это упражнение. Под конец процедуры лицо у Алекса было белое, его подташнивало, однако еще на пару часов пьянства, решил он, его хватит.

Вскоре появились первые посетители, и вечерний ритуал начал раскручиваться заново. Алекс почти уже отчаялся заполучить Коннолли для беседы с глазу на глаз. Помнит ли этот толстяк, гадал он, хотя бы одну подробность вчерашнего разговора? Или Алекс с Доун обратились для него в двух смутно знакомых людей, которые, неведь по каким причинам, явились составить ему компанию?

Вечер тянулся в пивном дурмане.

— Я уже ни в чем не уверен, — часов около одиннадцати признался Алекс Доун. — По-моему, он просто водит меня за нос. То есть это если он помнит, что я сказал ему прошлой ночью, в чем я начинаю сильно сомневаться.

— А по-моему, ты не прав, — сказала Доун. — Думаю, он пытается прийти к решению. И еще думаю, что это место — лучшее из всех, в которых мы могли бы сейчас находиться.

Алекс в изумлении уставился на нее. Тон Доун был и сочувственным, и интимным одновременно. От обычной ее деловой сухости не осталось и следа.

— Поверь мне, Алекс, — прибавила она, жестом собственности кладя ему ладонь на плечо. — Я видала информаторов, которые вели себя точно так же. Это у них что-то вроде танца, ну вот как кошки ходят кругами, прежде чем лечь.

— Рад, что ты так думаешь. Я уже начал бояться, что мы с тобой профукали несколько штук из бюджета твоей конторы, гоняясь за пустотой. И что по возвращении в Темз-Хаус тебе придется давать объяснения. Шикарные отели, бикини и все такое.

— О, бикини зря не пропадет. Однако послушай моего совета. Пусть Коннолли сам к тебе подойдет. Он знает, зачем ты здесь. — Она смерила его долгим, холодным взглядом. — Ты сделаешь кое-что для меня?

— Что?

— Если мы что-нибудь получим от Коннолли, ты пойдешь со мной до конца?

Алекс прищурился:

— Что именно ты...

Доун наклонилась к нему и прихватила зубами его верхнюю губу. Не сильно, но и не ласково.

— Продолжи это дело. Мы с тобой вместе продолжим его.

Алекс, ошеломленный близостью Доун, смотрел в ее спокойные серые глаза.

— Что, голубки, милуетесь? — Перед ними стоял, чуть пошатываясь, Коннолли.

И тут же появилась Мари.

— Доун, лапушка, — сказала она. — Ты знаешь слова «Рядом с моим мужчиной», правда? А то у нас в хоре голосов не хватает.

— О-ой, здорово, — взвизгнула Доун.

Когда женщины отошли, Коннолли повел головой в сторону лестницы. На плоской крыше они придвинули к столу каждый по стулу. На столе уже стояли два стакана и бутылка виски, лежали сигареты Коннолли. Толстяк разлил виски.

— Значит, Джо Миан, — сказал он, поднимая стакан. — А в чем там дело, свет очей моих?

— Что тебе известно о том, к чему его готовили? — спросил Алекс, отхлебнув виски и почувствовав, как оно, обжигая, стекает по пищеводу.

— Официально ничего. Хотя и ясно было, что ему предстоит отправиться через пролив. И далеко там пойти, судя по тому, как с ним носились.

— Ты прав. Он вступил в ИРА и поднялся на самый верх.

— Храбрый парень.

— Был, — согласился Алекс. — Пока все не полетело вверх тормашками. Они его перевербовали, Ден.

— Невозможно, — сказал Коннолли. — Этого парня перевербовать не могли, готов поставить на кон мой бар. Он был лучшим из всех, кого я видел. Самым идейным. Он никогда не купился бы на их трескотню насчет освободительной борьбы.

— Они его перевербовали, Ден, — повторил Алекс. — Он вступил в Белфастскую бригаду. Делал для них бомбы. Лично пытал и убил тех двух парней из ИОП — Бледсо и Вина.

— Не может быть, приятель, — произнес, постукивая по столу фильтром сигареты, Коннолли. — Я тебе просто не верю.

— Это правда, и правда проверенная.

Коннолли недоверчиво покачал головой:

— А теперь ты охотишься за ним?

— Послушай, я не знаю, что произошло за проливом, но он убивает людей. Трех за пару последних месяцев.

— И тебя привлекли, чтобы ты убил его.

— Я должен найти его. Думай на этот счет что хочешь.

— Ты можешь здорово пожалеть об этом, приятель.

— Ден, ты здесь неплохо устроился. Ты действительно хочешь до конца своих дней озираться по сторонам, бояться, что у каждого нового посетителя может оказаться в кармане ордер на твою экстрадицию?

— Ты мне угрожаешь?

— Нет. Я говорю только, что могу покончить с твоими страхами раз и навсегда. Но для этого я должен предложить в обмен что-то очень серьезное. Если ты ничего мне не дашь, я исчезну, и все у тебя пойдет по-прежнему. Я не угрожаю, Ден, я просто делаю тебе предложение. Хочешь — принимай, не хочешь — не надо.

Несколько минут оба смотрели на море. Снизу, из бара, доносились приглушенные расстоянием пение и смех.

— Было кое-что, о чем Джо однажды рассказал мне, — вдруг начал Коннолли. — Подростком они с отцом каждое лето путешествовали на машине. Озерный край, Нью-Форест и так далее. Вдвоем, больше никого. Так вот, во время одной такой поездки, рассказывал Джо, они оставили машину на стоянке и отправились в пеший поход.

Обычная история — забрели слишком далеко, куда двигаться дальше, толком не знали, погода испортилась, и они надумали, вместо того чтобы месить ногами грязь, возвращаясь назад, попытаться найти какой-нибудь ночлег. Протопали несколько километров, но отыскали всего-навсего большой старый дом. Зброшенный, окна заколочены досками. Когда-то он, по-видимому, охранялся, однако теперь замок и таблички были с ворот сорваны. К тому времени уже стемнело, так что они решили заночевать в доме, а утром вернуться на стоянку.

В общем, забрались в дом и легли спать. Отец малость тревожился, он был человеком законопослушным, но для мальчишки это было лучшее приключение его жизни! Утром они

обнаружили, что дом стоит не так чтобы совсем на отшибе, там еще были руины церкви, река, несколько разваливающихся коттеджей, пара магазинчиков — целая деревня. Но полностью заброшенная. И похоже, уже не один год.

Ну и они решили ее исследовать. Папаша все еще нервничал, однако мальчишка залез через окно в церковь, взломал там дверь подземной часовни и забрался в нее. И обнаружил кучу старого снаряжения для диверсионной деятельности. Рации, ключи для морзянки, одноразовые шифроблокноты, детонаторы — такого рода вещи. Он оттуда забрал кое-что и показал отцу, так тот глазам своим не поверил, потому что все это было снаряжение времен Второй мировой, и притом в рабочем состоянии.

— Тайник на случай вражеского вторжения, — предположил Алекс.

— Так они в конце концов и решили.

— Но почему его до них никто не нашел?

— Не знаю. Думаю, потому, что в те места за десятки лет никто, кроме бродяг, не заглядывал.

— И что дальше?

— Ну, мальчишке хотелось набрать этого добра побольше, однако отец не разрешил. Посмотреть — одно дело, а утаскивать не надо. И они вернулись к своей машине. Как бы там ни было, Джо уговорил своего старика остановиться на ферме километрах в трех оттуда, и они каждый день ходили в старый дом и рылись в тайнике со снаряжением. Самое счастливое время, говорил Джо. Лучшие дни его жизни. А когда пришла пора возвращаться домой, он проделал занятную штуку. Пошел, купил висячий замок и цепь, как следует все запер и вернулся на место старые таблички — «Собственность Министерства обороны», «Вход строго запрещен» и так далее.

— Зачем он это сделал?

— Трудно сказать.

— Ты ведь знаешь, о чем я сейчас спрошу? — сказал Алекс.

— Да, и, если честно, боюсь, ответа у меня нет. Я помню только, что это место находилось на краю большого национального парка — Скалистого края, Сноудонии, Дартмура...

— А почему он тебе все это рассказал?

— Мы тогда были в Уэльсе, отрабатывали способы выхода из-под удара. Там стояли брошенные коттеджи, и Джо сказал, что они напоминают ему место, которое он когда-то обнаружил с отцом, ну и рассказал мне эту историю.

— Ты не помнишь никаких подробностей, которые могли бы указать, где это место находится?

— Алекс, все это было дюжину лет назад. Такие вещи забываются быстро.

— Счастливейшее время в его жизни?

— Лучшие дни, — подтвердил Коннолли и через низкий парапет крыши бросил окурок на берег.

— Если оставить в стороне Шотландию, — говорил, стаскивая парусиновые туфли, Алекс, — у нас имеются Озерный край, Скалистый край... — Минут десять назад они вернулись из «Паблитос». — ...Чевиот, Норт-Йорк-Мур, Долины, Килдер...

— Алекс, — негромко сказала Доун, поворачиваясь к окну, — не мог бы ты заткнуться и поцеловать меня?

Алекс поморгал. Доун Гардинг, стоявшая перед ним, не имела никакого отношения к мстительной стерве, с которой он против своей воли встречался в Лондоне. У этой Доун Гардинг лицо было покрасневшимся, глаза — блестящими, поза — полной ожидания. Теплый ветерок играл ее волосами. Алекс приблизился к ней, положил руки ей на талию. Глаза Доун закрылись, и она, прерывисто дыша, прижалась к Алексу.

— Быстрее, — пробормотала она, ероша ему пальцами волосы. — Раздень меня.

Доун, с ее чистеньким личиком и сонными глазами, выглядела очень юной, почти девочкой.

— Это было забавно, — пробормотала она. — Верно?

— Не стану спорить.

Доун прижалась щекой к плечу Алекса.

— Скажи, ты будешь теперь милым со мной? — спросила она. — Я хочу сказать, по-настоящему милым?

— Обещаю, — пробормотал Алекс.

— И убьешь ради меня?

Алекс взглянул на нее. Она наморщила нос:

— Ну? Убьешь?

Он улыбнулся:

— Ладно.

— Ладно, — сказала Анджела Фенвик. — Положение таково...

В половине одиннадцатого утра Алекс и Доун сидели с заместительницей директора в ее кабинете. Фенвик, несмотря на то что она ночью прилетела из Вашингтона, выглядела свежей, ухоженной и бодрой. Алекс и Доун, прилетевшие восьмичасовым рейсом из Малаги, напротив, вид имели далеко не впечатляющий. Алекса мучили жажда и головная боль.

Доун была сегодня необычайно тиха. Они не обсуждали того, что произошло прошлой ночью, — из отеля в аэропорт добираться пришлось в спешке, — да и ее поведение с Алексом сильно не изменилось. Хотя были кое-какие мелочи. В очереди на таможню она обернулась к Алексу и прижалась щекой к его плечу. А в такси по пути из Хитроу устроилась, свернувшись, как кошка, под его лежавшей у нее на плечах рукой. Пожалуй, отношения их стали более сложными.

И как ни паршиво он себя чувствовал, время, проведенное с Доун, изменило настроение Алекса. Ему больше не хотелось выйти из игры, ему хотелось дойти до конца, любой ценой. Хотелось увидеть Дозорного мертвым у своих ног. А это стало теперь возможным. То, что он поведал о своих детских воспоминаниях Дензилу Коннолли, было первой ошибкой Миана, то, что сохранил Алексу жизнь, — второй.

— Вчера вечером к нам поступили из лаборатории результаты анализов, — продолжала Фенвик. — Волосы, которые мы получили благодаря капитану Темплу, принадлежат Миану, это подтверждается образчиками ДНК, найденными на местах других его преступлений, и в волосах этих оказалось аномально высокое содержание перхлорэтилена. ПХЭ, как его еще называют, — это растворитель, используемый при дублировании кожи. Сбросы кожевенных предприятий в реки нередко содержат высокую концентрацию ПХЭ. Так вот, сегодня утром мы переговорили с Государственным управлением речного хозяйства, и нам предоставили список из девяти ду-

билен, в сбросах которых встречается высокий уровень содержания ПХЭ...

В дверь постучали, и в кабинет торопливо вошел молодой человек со сложенным документом и книгой в руках.

— Прошу прощения, — произнес он, протягивая принесенное Фенвик, — курьер только что доставил это из комнаты одиннадцать-двадцать девять Министерства обороны.

— Спасибо, — сказала заместительница директора. Она взглянула на документ — тот оказался картой. — Доун, вы не будете так добры?

Доун, взяв карту, встала и закрепила ее на демонстрационной доске. Это была карта Англии и Уэльса, испещренная красными зонами — одни побольше, другие поменьше.

— После вашего утреннего звонка, когда вы сообщили, что наш человек, возможно, укрывается в одном из заброшенных владений Министерства обороны, — сказала Фенвик, — я переговорила кое с кем с Уайтхолла. Эта карта показывает все владения министерства.

Алекс разглядывал карту, поражаясь числу и размерам этих владений. Их было несколько сотен.

— Пожалуйста, Доун, пометьте на ней кожаные предприятия, — попросила Фенвик, передавая молодой женщине отпечатанный список.

Доун заглянула в него и потянулась к черным булавкам для разметки карт.

— Харли, Уорикшир... — читала она. — Затем Минидд-Ипиннет, Поуис...

Дойдя до конца списка, она отступила от доски. Булавки оказались без всякого порядка разбросанными по стране.

— По словам экспертов, — продолжала Фенвик, — такие концентрации ПХЭ возможны лишь в нескольких километрах от источника загрязнения. Так что в случае, скажем, Харли нам не придется обследовать реку до самого ее устья. Какие из этих мест, по-вашему, подходят на те, куда можно поехать на каникулы с сыном?

— Центральный Уэльс выглядит неплохо, — сказал Алекс. — Как и Северный Йоркшир, и Дартмур. Любое из этих трех мест определенно подошло бы.

Фенвик кивнула:

— Доун, отнесите эти материалы компьютерщикам. Нам нужны распечатки военно-топографической съемки зон вокруг дубли-лен с выделенными на них военными объектами. Мы почти наверняка можем исключить аэродромы, действующие базы и так далее. Подробности насчет различных владений министерства должны быть перечислены в книге, которую оттуда прислали.

Когда Доун вышла, Фенвик повернулась к Алексу:

— Как заживают ваши раны? Насколько я понимаю, вам пришлось сражаться, пытаясь спасти бедного Джорджа.

— Дозорный сделал то, что пришел сделать, — коротко ответил Алекс.

Фенвик поджала губы и поправила выбившуюся из-за уха стальную прядь.

— Не нужно быть нобелевским лауреатом, чтобы догадаться — следующей в списке мистера Миана стою я.

— Похоже на то, — согласился Алекс. — Какие меры безопасности вы принимаете?

— Боюсь, совсем скудные. Я должна продолжать работать, и необходимо, чтобы люди это видели.

— Вы переехали в другой дом? Меняете маршруты, по которым добираетесь на работу и с работы?

— В этом нет смысла. Я живу в ожидании покушения с тех пор, как возглавила Североирландский отдел. Помимо всего прочего, я обязана принимать министров, дипломатов...

На одном из телефонов, стоявших на письменном столе Фенвик, замигал световой индикатор.

— Я подожду снаружи, — сказал Алекс и вышел.

Минуту спустя в приемную вернулась Доун. Алекс парой фраз осведомил ее о своей тревоге за безопасность начальства.

— Она живет в обнесенном стеной квартале частных домов в Челси, — сказала в ответ Доун. — Это одно из самых безопасных мест Лондона.

— Он займется изучением этого места, — сказал Алекс.

— Я знаю, — ответила Доун. — Поэтому мы проверяем всех, кто подходит близко, и задерживаем каждого, за кого не может лично поручиться один из тамошних обитателей или работников службы безопасности.

— Она одна живет?

— Алекс, пожалуйста, перестань, — резко произнесла Доун. — Наше дело — найти осиное гнездо, логово, в которое он возвращается, и убить его там.

— Ладно. Я просто хотел...

— Я знаю. Давай вернемся в кабинет.

Пальцы Доун пробежались по клавиатуре на письменном столе Фенвик, и большой плоский экран на стене замигал, оживая.

На взгляд Алекса, основных кандидатур было две — речушка под названием Хамбли, протекающая мимо поместья Блэк-Даун на северной границе Дартмура, и Минидд-Ипиннет в Уэльсе. Оба места находились в глуши, но к обоим вели щебеночные дороги; оба располагались близко к популярным у туристов местам.

— Одно из двух этих мест, я уверен, — сказал Алекс.

— Ни на той, ни на другой реке нет ничего, что бы числилось за военными, — с сомнением откликнулась Доун.

— Возможно, министерство продало свои тамошние владения, — предположил Алекс. — Если эта собственность была какое-то время секретной и потому не нанесенной ни на одну карту, а затем ее продали...

Фенвик кивнула:

— Это верно. Тогда нет причин предполагать, что она присутствует на свежих картах, — и вряд ли наши собратья из министерства уведомляют Топографическую службу каждый раз, когда продают какой-то свой объект или рассекречивают его. — Фенвик протянула руку к телефону, нажала кнопку шифровки разговора и набрала номер. — Это одиннадцать-двадцать девять? Джонатан? Анджела Фенвик... Я хочу, чтобы вы сделали для меня еще кое-что. Вернитесь лет на пять назад и проверьте секретные, но незадействованные владения министерства, примыкающие к рекам, которые я вам сейчас назову. Карандаш взяли?

Доун снова начала выводить карты на экран, а Фенвик зачитывала названия рек.

— Позвоните мне, как только отыщете что-нибудь. — Положив трубку, она повернулась к Доун и Алексу: — Может быть, кофе с сэндвичами?

Сандвичи они прикончили еще до того, как раздался звонок из комнаты 1129. Фенвик, слушая, делала заметки.

— Только один? — спросила она под конец. — Верно. Очень вам благодарна. Спасибо.

Она повернулась к Доун:

— Верните-ка карту Хамбли. — Не вставая с кресла, Фенвик направила на экран луч лазерной указки. — Все правильно, — сказала она. — Недавний источник загрязнения ПХЭ — вот эта маленькая дубильня. В двух километрах вниз по течению находится поместье Блэк-Даун-Хаус, где есть и обрушившаяся церковь. Все это окружено примерно двадцатью гектарами земли. В девятьсот сороковом Военное министерство приказало эвакуировать оттуда людей, позже этот объект получил статус секретного в связи с операцией «Гладио». Последние восемнадцать месяцев — после продажи с аукциона — Блэк-Даун-Хаус является собственностью «Лискердхолдингс», строительной компании из Эксетера.

— Что такое операция «Гладио»? — спросил Алекс.

— Создание сразу после войны антикоммунистической подпольной сети. Сеть должна была активизироваться в случае советского вторжения. По тайникам было спрятано необходимое снаряжение, чтобы любая захваченная Советами страна Западной Европы могла оказывать сопротивление, поддерживать связь с остальным миром и так далее.

— Думаю, нам следует попасть туда как можно быстрее, — сказал Алекс. — Организовать наблюдение за местностью и, по возможности, убить Дозорного.

— Убить — было бы лучше всего, — согласилась Фенвик.

ГЛАВА 11

Машину вела Доун.

— Наши совместные путешествия начинают мне нравиться, — сказала она.

Алекс сжал ей бедро.

— Это может обернуться далеко не медовым месяцем в Испании, — предупредил он. — В худшем случае мы столкнемся с ним. Ты в последнее время часто в тире бывала?

— Заглянула в обеденный перерыв, обычные двадцать пять выстрелов, — ответила она.

— Какое оружие выбрала этим утром?

— Полицейский «вальтер». Можешь считать меня старомодной, но...

Алекса это удивило. Полицейский «вальтер» — оружие отличное, однако новичку с ним лучше не связываться.

— А со спуском двойного действия у тебя проблем не возникает?

— У меня довольно сильные пальцы, — ответила Доун, искоса глянув на Алекса.

Он улыбнулся и, обернувшись, оглядел заднюю часть салона. Там лежали спальные мешки, запасная одежда, обувь, карты, компасы, бинокли и куча прочего барахла, которое чета пеших туристов может потащить с собой в отпуск. В багажнике «рейндж-ровера» стоял закрепленный на стальной раме легкий мотоцикл для езды по бездорожью. Алекс вовсе не собирался добираться до Дартмура на мотоцикле, однако, едва увидев его на складе транспортных средств МИ-5, понял, насколько полезной может оказаться в тех местах эта машина.

— На месте, — сказал Алекс, — надо будет разок проехать мимо дома, может, что увидим. Потом отъедем километра на три, остановимся — я уже выбрал по карте место, парковку у дорожного кафе. А после вернемся назад и станем вести наблюдение.

Спустя два с половиной часа они уже ехали по Дартмуру. Дороги здесь были узкие, Доун осторожно вела «рейндж-ровер» между высокими, поросшими папоротником и боярышником насыпями на обочинах.

— В любую минуту справа может показаться Блэк-Даун-Хаус, — сказал Алекс. — Поезжай помедленнее, но только так, чтобы не вызывать подозрений.

Минут десять они ехали по проселку. Здесь мало кто бывает, думал Алекс, глядя на ухабы и заросшие обочины.

Вот наконец и дом — в некотором отдалении от дороги, — с заколоченными окнами и облезшей краской на стенах. Земля за домом резко спускалась к реке. Никаких свидетельств того, что кто-то занимался им после продажи, — если не считать временного металлического ограждения на месте прежних ворот. К разросшимся вокруг дома кустам и деревьям явно никто не притрагивался уже годами.

— Не самое гостеприимное место в мире, — сказала Доун.

— В том-то и дело, — ответил Алекс. — Да еще в том, что с дороги его особенно не разглядишь.

Минут через пять «рейндж-ровер» остановился на усыпанной шлаком площадке перед кафе «Лачуга». Приличия ради они зашли в кафе, выпили по чашке чая и съели по куску бисквитного торта.

Расплатившись, Алекс с Доун пешком пошли назад. Оба взяли с собой рюкзаки, у Алекса на шее висел мощный бинокль. Когда кафе скрылось из виду, они свернули в поле и через несколько сотен метров спустились к реке. Вернее, к ручью, поскольку рекой Хамбли назвать было нельзя. Во всяком случае, в это время года. Они сошли с заросшего крапивой берега к самой воде и следующие двадцать минут поднимались вверх по течению. День, быстро клонившийся к вечеру, был жарким, и скоро оба покрылись потом.

Поместье, как они вскоре обнаружили, окружала сетчатая изгородь с колючей проволокой наверху. Не новая — металл покрывала ржавчина, — однако трехметровая высота позволяла изгороди вполне успешно выполнять свои функции. Там, где ручей пересекал границу поместья, сетка изгороди проходила всего в нескольких сантиметрах ото дна. Человека, твердо намерившегося проникнуть внутрь, она, конечно, остановить не могла, однако простых зевак многие годы отпугивала.

Сбросив рюкзак, Алекс извлек из него легкую складную лопатку и начал копать. Через десять минут он расчистил достаточное пространство между нижними звеньями сетки и дном ручья.

Он быстро разделся и, голый, пролез под изгородью. Вода была на удивление холодной. Когда Алекс оказался на той стороне, Доун перебросила ему одежду. За одеждой последовало остальное снаряжение. Они на скорую руку обсудили план дейст-

вия. Доун будет ждать здесь и, если появятся новости, сообщит о них по мобильнику, а Алекс попробует обыскать поместье.

Переключив телефон на вибросигнал, он углубился в лес.

Скоро Алекс добрался до опушки леса и, укрывшись в густых терновых зарослях, осмотрел окрестности в бинокль. Никаких признаков жизни, только нетронутая высокая трава, крапива да купырь.

Медленно, с бесконечной осторожностью, он выбрался из леса в затененное русло ручья. Вода здесь была глубже, и скоро он промок по пояс, однако идти по каменистому руслу можно было, не оставляя следов, — не то что по заросшему крапивой полю.

Обогнув главный дом поместья, Алекс увидел церковь. Вернее, ее развалины. В прежние времена мимо дома проходила дорога, шедшая дальше вдоль русла реки. Церковь и маленькое кладбище при ней находились в конце этой дороги, вернее, того, что от нее осталось. За церковью тянулась череда обветшалых одноэтажных построек. Запомнив их расположение, Алекс нырнул в ольховые заросли и снова стал невидимым. Он осмотрел в бинокль купающиеся в медленно тающем свете окрестности и позвонил Доун:

— Я на позиции. Пока у меня нет ни малейшего представления о том, где устроился наш человек и здесь ли он вообще, поэтому я некоторое время посижу на месте.

— Ладно. У меня новостей нет.

Где может прятаться Миан? — гадал Алекс. В доме? В подземной часовне? Где бы он ни укрылся, это должно быть место, позволяющее сразу узнать о непрошенных гостях. Например, о новых владельцах поместья. Как выяснила Анджела Фенвик, у «Лискердхолдингс» возникли сложности с разрешением на строительство отеля, который фирма намеревалась здесь возвести — именно поэтому поместье и стоит до сих пор заброшенным. Можно предположить, однако, что сюда время от времени приезжают архитекторы и другие заинтересованные люди.

Алекс решил, что Миан, скорее всего, прячется где-то под церковью. Если у дома есть подвал, в нем, надо полагать, сыро и неудобно. А у подземных часовен стены обычно каменные. И в них сухо.

В 20.00 позвонила Доун:

— Я, пожалуй, вернусь в «рейндж-ровер». Ночью я тут все равно ничего не увижу.

— Хорошо. Не выключай телефон.

Через два часа спина Алекса уже ныла от неподвижности. Рано или поздно, а решение, стоит ли рискнуть и проникнуть в дом, принимать придется. А что, если Миан вернется как раз этой ночью? Что, если он уже здесь? Что, если в эту самую минуту он наблюдает за Алексом?

Нет, подумал Алекс. Надо идти сейчас.

Он выбрался из укрытия и бесшумно двинулся вверх по ручью. В кармане у него лежал заряженный «глок».

Вскоре над ним навис дом. От обращенного к дороге фасада вели вниз, к ручью, остатки лестницы. Если начать подниматься по ним и если Миан в доме, риск попасться ему на глаза значительно возрастет. С другой стороны, оставаясь там, где он сейчас, Алекс так ничего и не выяснит.

Останавливаясь после каждого шага, Алекс стал подниматься к дому. Под ногами покачивались расшатавшиеся ступени. В конце концов Алекс достиг входной двери. А если она закрыта? Нет, замок был выбит, покрытая струпьями краски дверь открылась легко. С «глоком» в одной руке и фонариком в другой Алекс вошел в дом. Он оказался в прихожей — гнилые половицы, обвалившиеся камни, запах гниющих животных. В пыли валялись окурки и пустые бутылки.

Алекс извлек из рюкзака пару плотных носков и натянул их поверх ботинок. Носки сделают его шаги неслышными и помогут не оставить на полу следы ботинок. Он быстро обошел одну за другой комнаты первого этажа, однако ничего не нашел. Кое-где попадались пустые консервные банки, матрасы, но никаких признаков того, что в доме бывал кто-то, помимо бродяг, Алекс не обнаружил. Не обнаружил он и подвала.

То же самое наверху: заброшенные комнаты, обвалившаяся штукатурка, забитые досками окна. Где бы Миан с отцом ни провели ту ночь, многие годы назад, ничто не свидетельствовало о том, что он с тех пор посещал этот дом.

Снаружи уже совсем стемнело. Надев прибор ночного видения, отчего все вокруг окрасилось в призрачный зеленоватый цвет, Алекс снова спустился по склону и осторожно направил-

ся к остаткам церкви. Вот здесь дверь оказалась запертой. Алекс полез в нагрудный карман куртки за отмычкой.

Замок оказался стандартным, штифтовым, и через несколько минут дверь отворилась. Алекс осмотрел внутренность церкви. Каменный пол покрывали поломанные черепицы и голубиный помет. Сбоку располагалась еще одна дверь, низкая, арочная. И эта тоже была заперта, но на сей раз не на стандартный американский замок, какой можно купить в любом магазине. Чтобы управиться с ним, Алексу потребовалось почти полчаса. Ощувив, с какой гладкостью пошла наконец отмычка, Алекс испустил вздох облегчения.

За дверью уходила вниз спиральная лестница. Сдвинув на лоб прибор ночного видения, Алекс рискнул быстро пошарить вокруг лучом фонарика. Ничего — ни шкафов, ни сундуков, никаких признаков чьего-либо проживания, — просто полы и стены с вырезанными на камне памятными надписями. И ни единой двери, ведущей в другие помещения.

Думай, сказал себе Алекс. Миан говорил Коннолли, что обнаружил в церкви снаряжение. Тайник, созданный для проведения операции «Гладио», должен был оказаться достаточно надежным, чтобы его не обнаружили далеко не бестолковые поисковые команды врага. Он снова прошелся вокруг лучом фонаря — по стенам, полам, по вделанным в них, украшенным пышной резьбой мемориальным доскам.

Алекс едва не проглядел ее, да и проглядел бы, если бы не знал, что она должна быть где-то здесь. В одном из углов в пол была вделана медная пластина, потертая, как если бы по ней прошло множество ног. Надпись на пластине гласила: «В память о Сэмюэле Калверте, рожденном в 1758-м и упокоившемся в 1825-м. Меч мой отдам я тому, кто станет спутником странствий моих».

«Гладио», подумал Алекс. Это ведь от латинского «меч», не так ли?

Просунув под пластину кончик ножа, Алекс приподнял ее. Под ней обнаружилась металлическая решетка. А под решеткой — ступени.

Вернув на место, уже снизу, решетку и медную пластину, Алекс начал спускаться по ступеням. Помещение внизу пред-

ставляло собой усыпальницу, а на прямоугольной каменной плите посреди ее когда-то стояла гробница.

Впрочем, теперь характер помещения переменился. Вдоль его стен стояли выкрашенные в зеленую краску металлические ящики, содержавшие, согласно нанесенным на них трафаретным надписям, детонаторы, взрыватели замедленного действия, миниатюрные зажигательные боеприпасы, радиомаяки, полевые рации для связи с самолетами, револьверы «велрод» и разного рода гранаты и мины. Были тут и старые картонные коробки с инструментом. Алекс признал темно-коричневые бакелитовые трансформаторы и соединительные муфты, радиолампы, плетеные электрические шнуры.

И гвозди, разумеется. От крошечных до пятнадцатисантиметровых. Пару из них Алекс сунул в карман, для передачи экспертам.

Ясно было, что в этой усыпальнице Миан и живет. В одном конце комнаты стояли картонные коробки с новехонькими, купленными в супермаркете жестянками (супы, бобы, спагетти, горох), плитками шоколада, пакетами с еще каким-то съестным. В упаковочном ящике лежали свежие апельсины, картофель, овощи. Между коробок с едой возвышался пластиковый мешок для отбросов со смятыми консервными банками, обертками от сладостей, подсохшей апельсиновой кожурой и побуревшим огрызком яблока. Кожура и огрызок пролежали в пакете не больше сорока восьми часов.

Имелись здесь также фильтр для очистки воды, крошечная плита и бутылки с топливом для нее, пара котелков, пластмассовая посуда, медицинское оборудование — комплект для наложения швов не так давно пользовались, заметил Алекс, — и умывальный таз. В углу над всем этим уходил в темноту воздухопровод.

На другом конце усыпальницы лежала на полу сложенная аккуратной стопкой одежда Миана — по большей части неброская, купленная в туристическом магазине — и стояла пара туристических же башмаков.

На каменной плите была расстелена четкая фотокопия архитектурного плана. Изображенное на ней здание было обозначено как «Поуис-Корт (Блок 2), Оукли-стрит, Лондон». Рядом

лежал рулон других таких же синек. Посветив на них, Алекс убедился, что они относятся к тому же зданию.

Что там говорила Доун о квартире Анджелы Фенвик? Одно из самых безопасных мест Лондона?

С гулко бьющимся сердцем Алекс осмотрел комнату, прощупал одежду Миана. Никаких признаков оружия — Миан взял его с собой. Дьявол!

Взлетев по ступенькам вверх, Алекс торопливо поднял и опустил решетку с пластиной. Несколько мгновений спустя, закрыв за собой дверь в подземную часовню, он уже бежал к главным воротам поместья. Миан направился к Анджеле Фенвик — в этом Алекс не сомневался.

Меньше чем через минуту он, отбежав подальше от поместья, позвонил Доун. Та сразу взяла трубку.

— Название «Поуис-Корт» тебе что-нибудь говорит?

— Да, это дом Анджелы. А что?

— У Миана есть его архитектурный план. Скорее всего, он сейчас там.

— Где ты?

— В паре сотен метров от входа в поместье.

— Хорошо. Буду через две минуты.

Алекс нетерпеливо ждал, когда появятся фары «рейндж-ровера». Доун приехала минут через пять.

— Я позвонила Анджеле, — сказала она. — Попросила ее убраться оттуда.

— Куда?

— На конспиративную квартиру. Она согласилась остаться там на ближайшие двадцать четыре часа и расставить вокруг людей из Специального отдела.

— Продолжай.

— Анджела хочет, чтобы я была с ней, помогала руководить операцией из конспиративной квартиры.

— А я останусь здесь, — сказал Алекс, выгружая из «рейндж-ровера» снаряжение. — Рано или поздно ему придется вернуться сюда, к тому времени я буду готов.

— У тебя есть все необходимое?

— Вроде бы так. Для верности заберу у тебя мотоцикл и немного горючего. Не хочется оставаться совсем без транспорта.

Да, и немного питьевой воды — травиться из ручья мне не хочется.

Он открыл багажник и вытащил две бутылки с водой, шлем, очки и мотоцикл.

— Ты уверен, что все будет в порядке? — спросила Доун.

— Да. Во второй раз он меня врасплох не застанет, будь спокойна.

— Профессиональная гордость, — улыбнулась Доун.

— Что-то вроде этого.

— Ну, тогда ладно. Будь осторожен. И напомни, чтобы я сняла тебе швы.

— Швы могут подождать.

Доун поцеловала его в здоровую щеку:

— Как и я, капитан Темпл.

— В путь, Гардинг, — сказал он, проведя ладонью по ее волосам.

Он укрыл мотоцикл в лесу напротив въезда в Блэк-Даун и забросал его папоротником и сосновыми ветками. Мотоцикл был австрийским КТМ, окрашенным в камуфляжные цвета. Зеленый пластиковый бак был полон, а запасную канистру Алекс уложил во второй из двух своих рюкзаков и приторочил его сзади к сиденью. Шлем и очки он повесил на руль. Затем перетащил остальное снаряжение поближе к Блэк-Даун-Хаус.

Никаких машин мимо не проезжало. Алекс присел на корточки за одним из оставшихся от ворот столбов, взглянул на часы. До полуночи осталось двадцать минут. Мишень может появиться в любую минуту, и чем скорее он укроется от посторонних взглядов и займет позицию, тем будет лучше. Миан слишком хорошо знает, что такое безопасность, чтобы просто перелезть через барьер каждый раз, когда ему нужно попасть в поместье. Он может подойти к церкви с любой стороны. Но откуда бы Миан ни пришел, знал Алекс, он все равно направится к церкви.

Придется ждать. Место для себя Алекс выбрал еще при свете дня — в высокой траве между лесом и церковью. Дозорный вернется сегодня ночью, в этом Алекс не сомневался.

Игра подходила к концу.

ГЛАВА 12

Вскоре после полуночи с неба упали первые капли. Через час трава ужегнулась к земле, и ручей шипел под дождем. Алекс лежал за стволом упавшего дерева, пристроив рядом с собой рюкзак. Высокая трава окружала его, тело накрывала камуфляжная сетка. Дождевая вода струилась по рукояти «глока». Дождь укроет его, но тот же дождь укроет и Миана.

— Ну появись же, ублюдок, — бормотал он. — Появись.

Вскоре после 4.10 — Алекс только что взглянул на часы — слышался негромкий рокот мотора, и по дороге, коротко блеснув фарами, прошла машина. Рокот вскоре потонул в шуме дождя, свет растаял во мраке.

Прошло десять минут. Ничего. Это была случайная машина.

Или все же машина Миана? Не оставил ли он ее где-нибудь поблизости и не вернулся ли к изгороди пешком? Прищурив свыкшиеся с мраком глаза, Алекс обшаривал темноту перед собой. Еле приметные очертания травы, листвы и веток, ритмично качающиеся под дождем. Все пребывало в движении, но в движении, отличавшемся неодушевленной регулярностью.

И наконец, вот оно — Алекс уловил периферийным зрением движение, которое было нерегулярным, нерешительным. Неясная фигура застыла, словно приюхиваясь к ветру.

Снова движение. Может, лиса? Барсук?

Нет. Это был человек.

Большой палец на предохранитель. Какая дальность? Метров тридцать пять? «Давай же, ублюдок. Давай...»

Возможно, и тридцать, вот только дождь резко снижает видимость. «Черт!» Едва лишь мушка и прицельная планка оказались на одной прямой, мишень словно растворилась в воздухе. Может, стоит подбежать поближе и свалить его, когда он ударится в бегство? Нет. У мишени есть преимущества. Миан знает каждый клочок этих...

Теперь фигура полуприсела. Алекс вжался в мокрую землю. «Ну же. Иди сюда».

Однако человек этот, похоже, никуда не спешил. С крайней осторожностью он перемещался на фоне монотонного задника

леса, вот вроде исчез, вот снова появился чуть дальше. Теперь Алекс слышал шаги. И решил последовать за мишенью.

Алекс полз в траве, медленно приближаясь к опушке леса. Фигура стояла под деревом, оглядывая окрестности.

Еще пять метров, подумал Алекс, и можно будет стрелять. Перед ним возвышался толстый ствол бука, и Алекс, используя его как прикрытие, поднялся на ноги. Мишень переместилась чуть дальше. Алекс двинулся за ней.

Все, он у него в руках. Мишень — ею мог быть только Миан — неподвижно стояла перед каким-то вечнозеленым кустом. Еще три беззвучных шага, и Алекс убьет его наверняка. Он поднял перед собой «глок», распрямил, сокращая расстояние, руки.

Первый шаг. «Давай».

Второй шаг. «Не останавливайся».

За долю секунды до взрыва осветительной мины-ловушки Алекс ощутил, как нога его утыкается в туго натянутый провод, а потом все вокруг залил голубовато-белесый свет.

Он инстинктивно упал боком на землю. Ослепленный, лишившийся прибора ночного видения, он не мог разглядеть ничего за пределами участка, залитого фосфорным сиянием.

«Дьявол!» Алекс услышал топот бегущих ног и вслепую заковылял следом — «глок» в руке, ветки бьют по лицу. Миан бежал не к церкви, а к дому. Алекс моргал, пытаясь избавиться от отпечатка, оставленного на сетчатке жгучей вспышкой света. Но отпечаток не желал исчезать.

В сотне метров впереди Миан заскочил в дом. Его-то прибор ночного видения не пострадал, он специально встал к мине спиной.

Каким-то образом Алекс все же добрался до входной двери. Присев сразу за нею на корточки, он напряженно вслушивался в тьму. Хруст шагов по осыпавшейся штукатурке, затем тишина, только дождь бьет по черепице кровли. Миан был наверху.

Каков план дома? Двадцать ступенек вверх. Потом Т-образный коридор, расходящийся вправо и влево. Миан в левом крыле, это подтвердил новый глухой удар. Чем он там занят?

Придется рискнуть, подумал Алекс. Пойти и посмотреть.

Он начал крадучись подниматься по лестнице. Световой отпечаток вспышки еще маячил перед глазами, но Алекс уже раз-

личал верх лестницы, коридор. Налево вели три двери, одна была открыта.

Алекс помнил, что оставил затворенными все. Собравшись с духом, он ворвался в комнату. Комната оказалась пустой, доски, закрывавшие прежде окно, были выбиты наружу, и дождь хлестал по полу. Алекс метнулся к окну, поняв, что у Миана была здесь заготовлена веревка. Глухой удар, который он слышал, был звуком приземления Миана на крышу пристройки.

За миг до того, как Алекс достиг окна, у него из-под ног с сухим вздохом ушли половицы. Взлетело облако пыли, захрустели дранки и штукатурка, а потом под ногами не осталось ничего, и Алекс полетел сквозь удушающую тьму. Об пол первого этажа он ударился неудачно — первыми врезались в доски локоть и затылок.

Сукин сын. Миан устроил ловушку, настелив гнилые доски и выпилив кусок потолочной балки. Алекс с трудом поднялся на ноги.

Побежал ли Миан к машине или ждет снаружи с оружием наготове?

Ответ Алексу дал далекий визг покрышек. Время двигаться. Миан уже оторвался от него.

Он поскользнулся на мокрой земле, содрал швы на щеке, но боли не почувствовал. Поставив «глок» на предохранитель и сунув его в кобуру, он заставил себя побежать к воротам.

Целая минута потребовалась Алексу, чтобы вскарабкаться на заграждение у ворот. Оказавшись наконец наверху, Алекс огляделся вокруг. Налево от него, примерно в километре, на миг показалась тонкая полоска света. Дозорный уходил на восток.

Алекс вывел из леса мотоцикл, надел шлем и очки. КТМ, запускавшийся электрическим стартером, заурчал сразу. Двигатель работал мощно и ровно, однако бугорчатые гоночные шины создавали впечатление езды по стеклянным шарикам. Седло было жестким, узким, неподатливым. Машина не из тех, на которых разъезжаешь с приятностью.

«Вперед, — приказал себе Алекс. — Фару не включать». Дороги были пусты, а Миану следовало внушить уверенность, что он оторвался от преследования.

Дождь хлестал Алекса по лицу, белые линии дорожной разметки были едва видны.

Главная дорога: на север к Окгемптону, на юг к Тавистоку.

Рулетка: 50 на 50, красное или черное. На юг!

Первые три километра Алекс не видел ничего, затем далеко впереди показался крохотный светлячок, ползущий не к югу, а к востоку. Если это Миан, он свернул с главной дороги под прямым углом. Направляется к центру Дартмура, делая на узкой дороге куда больше ста двадцати километров в час.

Черт. Ублюдок все еще отрывается от него по крайней мере на пять километров. А стоит Миану выбраться на дорогу, где есть хоть какое-то движение, он и вовсе исчезнет. Набрав в грудь побольше воздуха, Алекс повернул с дороги налево и пошел сквозь дикую тьму вересковых пустошей. Единственный его шанс не упустить Миана — это срезать путь. По прямой до Миана было не больше трех километров.

Когда покрышки КТМ ударились о жесткую почву пустоши, Алекса охватило ощущение почти возвышенное. Исполняя работу, для которой он и был создан, мотоцикл подбрасывал Алекса вверх, норовя избавиться от него.

Постепенно расстояние между Алексом и Мианом сокращалось. Но он даже не знал, какая у Миана машина. По крайней мере Алекс видел теперь его огни, видел постоянно. Резко свернув направо, Алекс выбрался на дорогу. И через минуту переднее колесо КТМ нырнуло в рытвину, а Алекс перелетел через руль и грохнулся в вереск. Пострадать Алекс особо не пострадал, однако ко времени, когда он выбрался на дорогу и вновь запустил мотор КТМ, никаких машин впереди видно уже не было. Теперь Алекс покатыл по дороге с большей осторожностью.

Волнующий полет через пустошь снова сменился убийственной тряской. Алекс разогнал КТМ до ста сорока километров в час, и через пять минут впереди появились, к его облегчению, габаритные огни двух машин.

Ближайшей из них была новенькая красная «тойота», за рулем которой сидел, насколько Алексу удалось разглядеть через заднее стекло, мужчина в шляпе. Нагнав «тойоту», Алекс взгляделся в заднее стекло второго автомобиля, помятого темно-синего БМВ. Голова его водителя была непокрытой.

Нужной Алексу могла оказаться любая из этих машин. Он держался метрах в пятидесяти позади «тойоты». Оба автомобиля шли небыстро. Впереди показалась деревня. Водитель «тойоты» помахивал в машине правой рукой — чем он, черт подери, там занимается?

Потом что-то в кривых, которые описывала рука, натолкнуло Алекса на мысль: он дирижирует! Слушает по радио классическую музыку и дирижирует.

Ничто из сказанного кем бы то ни было о Миане не позволяло предположить, будто он — поклонник классической музыки. Да и трудно было поверить, что он сейчас станет развлекаться подобным образом. Он только что избежал покушения. В таких обстоятельствах он вряд ли станет распевать под классическую музыку. Значит, Миан сидит в БМВ.

Скоро Алекс порадовался тому, что успел прийти к этому выводу, — на восточном краю деревни машины разделились: «тойота» ушла от развилки налево, БМВ — направо, к Мортонхэмпстеду.

На горизонте уже показались первые проблески света. Алекс притормозил и подождал у обочины, пока БМВ покинет деревню. Ему вовсе не хотелось, чтобы Миан раньше времени заметил его в зеркальце заднего обзора.

Как только БМВ скрылся из виду, Алекс включил двигатель и тронулся дальше, притормаживая всякий раз, как вновь становились видны красные хвостовые огни БМВ. После Мортонхэмпстеда Миан свернул на Эксетер, а затем резко взял на север, к Тивертону. Алекс все еще был уверен, что остается незамеченным.

В Тивертоне БМВ снова повернул на восток. Миан ехал в Тонтон. После Тонтонна они минут двадцать пять двигались малоезжими дорогами на восток. А затем, в паре километров от деревни Кастл-Кэри, Алекс, миновав поворот, увидел БМВ метрах в трехстах перед собой, на придорожной стоянке. Миану, должно быть, захотелось отлить, подумал он, резко тормозя.

Черт! То, что, увидев машину Миана, он остановился, а не проехал мимо, могло включить в голове Миана сигнал тревоги.

Напустив на себя вид по возможности беспечный, Алекс отстегнул от седла второй рюкзак, извлек из него канистру и до-

лил горючее в полупустой бак КТМ. Потом засунул канистру обратно и потянулся, как человек, проснувшийся всего минут десять назад. Если повезет, Миан сочтет его местным жителем.

Тускло различимая фигура — та самая, которую Алекс в последний раз видел при вспышке осветительной мины, — появилась из-за живой изгороди. Алекс неторопливо перекинул ногу через седло КТМ, собираясь поравняться с Мианом и пристрелить его, пока тот стоит у машины.

Когда до Миана еще оставалось метров сорок, он вдруг повернулся к Алексу, держа в вытянутой руке пистолет. Пули засвистели над головой Алекса, и он, затормозив и пригнувшись, увидел, как Миан запрыгивает в машину и уносится, набирая скорость.

Вытащив «глок», Алекс пустил вслед машине дюжину пуль, однако без видимого результата. Ладно, подумал он. Бой начался.

БМВ Миана, визжа покрышками, пронесся через деревню на скорости около ста тридцати километров в час. Алекс шел сзади. Впервые в жизни он молился о встрече с полицейской машиной. Вой сирены, мигание синих огней, и все его проблемы будут решены.

Разумеется, никакой полицейской машины они не встретили. А Миан тем временем уже мчался на север, проделывая все, какие мог вспомнить, трюки из руководства по отрыву от преследования. Но Алекс просто прилип к нему и летел сзади, приотставая и сдавая чуть в сторону на прямых участках дороги — на случай, если Миан вдруг ударит по тормозам. Таким манером они промчались сквозь Радсток и выскочили на трассу М4. По-прежнему никакой полиции и движение до странного слабое. Так ведь суббота, с запозданием сообразил Алекс.

Мост и шлагбаум на Северн-роуд. Миан на смертоубийственной скорости врезался в шлагбаум и снес его, Алекс пролетел следом. На миг мелькнул вытаращившийся из кабинки мужчина в флуоресцентной желтой куртке. Теперь они повернули на запад, к Ньюпорту, с ревом пронеслись через Аск, Абергавени, Тредегари, Кевн-Коуд и оказались в стране Черных гор — Блэк-Маунтин, — среди холмов и скал, известных всем солдатам СВС. Промелькнули Кевн-Крю, Ван-Вор, Крейг-Ван-дду.

И тут Алекс вдруг понял, что погоня подходит к концу. Ибо впереди нависала безжалостная мать Черных гор — Пен-и-Ван. Всякий, кто входил в кадровый состав СВС, знал Пен-и-Ван, всякому приходилось до изнеможения ползать вверх и вниз по ее серым склонам.

Дорога ненадолго выпрямилась. Резко затормозив, так что мотоцикл развернуло боком, Алекс выхватил «глок», сорвал с глаз очки и послал град пуль вслед удаляющемуся БМВ. Несколько первых прошли мимо, но затем, когда Миан входил в поворот, из задней правой крыши его машины полетели ключья резины.

БМВ перевернулся через крышу и с треском встал на все четыре колеса. Миан с трудом выбрался наружу. Бывший агент явно был ранен, однако, не помедлив, полез наверх, отчаянно карабкаясь по осыпям, покрывавшим западный склон горы. Алекс подъехал к брошенной машине, перезарядил «глок», отвинтил глушитель — глушители сильно гасят скорость пули — и двинулся вслед за спасающимся бегством Мианом.

Алекс отставал от Миана метров на пятьдесят. Миан, несмотря на увечье — он вроде бы подволакивал ногу, — передвигался с поразительной скоростью.

На высоте триста метров Миан повернулся — лицо его было бледным, искаженным от боли — и выпустил в преследователя несколько пуль. Осколки камня с убийственной скоростью просвистели у лица Алекса, а следом рикошетом отскочившая от скалы пуля пробила рюкзак у него на спине. Фонарик изменил ее траекторию, направив вниз и вбок, в тело офицера СВС.

Ощущение было такое, точно на него рухнула глыба льда. Боли Алекс не ощутил, но знал — она еще впереди. Он чувствовал, как по спине стекает кровь.

Прижимаясь к поверхности скалы, Алекс увидел, что Миана начало мотать из стороны в сторону. Он то и дело падал — сказывались шок и увечье, полученное при крушении БМВ.

Наконец Миан рухнул и медленно скатился по склону на травянистый участок. Выпавший из его руки пистолет пролетел мимо Алекса и застрял в камнях чуть ниже его.

Алекс осторожно приблизился к лежавшему ничком Миану. Следовало бы просто всадить ему две пули в затылок, однако

Алекс считал, что он в долгу перед этим человеком, что тот заслуживает чего-то большего, чем собачья смерть. Он перевернул Миана на спину. Тонкое, бледное лицо раненого искривилось в улыбке. Из раны на голове сочилась кровь.

— Удачный выстрел, друг. Это я о крыше.

— Не спорю, — сказал Алекс и быстро обыскал Миана.

Нож «маузер» в ножнах, несколько запасных обойм, карман, полный девятимиллиметровых патронов, но никакого стрелкового оружия.

Миан поджал губы:

— Значит, в спину я тебе все же попал?

Алекс провел рукой по спине. Рука окрасилась кровью.

— Угу. Еще один удачный выстрел, я бы так выразился.

Он вытащил мобильник и набрал номер Доун. Та ответила после первого же сигнала:

— Алекс! Слава богу. Где ты?

Он назвал ей место.

— А Миан?

Алекс опустил взгляд на Миана.

— С ним покончено.

Едва приметная улыбка тронула губы бывшего агента.

— Оставайся там, — приказала Доун. — Никуда не уходи. Я буду через час.

— Итак, — почти скучающим тоном произнес Миан. — Ты собираешься выполнить приказ и прикончить меня?

— Ты же меня не прикончил, когда имел такую возможность. Почему?

— Это не входило в мои планы.

— Может быть, поговорим об этих планах?

С мгновение Миан молчал, потом на его бледном лице обозначилось любопытство:

— Как ты узнал про Блэк-Даун? От Коннолли? Но я не говорил Дену Коннолли, где находится дом. Что-то остановило меня, даже тогда.

Алекс коротко рассказал Миану о растворителе, обнаруженном криминалистами в его волосах.

— Выходит, я отравился? — задумчиво произнес Миан. — Да, об этом я не подумал.

— Коннолли сказал, что ты никогда не стал бы перебежчиком.

— А я им и не был. Никогда.

— Тогда что же...

Миан устало отвел взгляд в сторону:

— Делай свое дело, друг. Две пули в затылок. Давай, мать твою.

— Можешь ты по крайней мере объяснить мне, в чем дело?

— Ты не поверишь.

— А вдруг?

— Как много ты знаешь? — помолчав, спросил Миан.

— Я знаю о Дозорном. Знаю, что операция приняла скверный оборот, что были убиты агенты разведки и началось настоящее светопреставление.

Миан кивнул:

— Что бы тебе ни рассказали в «Пятерке», на которую, как я понимаю, ты работаешь, помни, что все сказанное тебе имело одну цель: убедить, что меня необходимо убить. Ты с этим согласен?

— Пожалуй, — сказал Алекс.

— Хорошо. И помни, я покойник. Мне врать без надобности.

— Постараюсь не забыть, — ответил Алекс и спустился вниз по склону подобрать пистолет Миана.

ГЛАВА 13

— Первое, что тебе следует понять, — сказал Миан, — это до какой степени я всегда ненавидел ИРА. Мой отец был хорошим человеком, верующим, патриотом, а они сделали из него калеку, унизили и выгнали из страны, которую он любил. Свели прежде времени в могилу. И ведь таких, как он, были тысячи — ни в чем не повинных людей, чьи жизни были загублены этими маньяками. Я ненавижу ИРА, всегда ненавидел, и ненависть к ней унесу с собой в могилу.

Он помолчал, прищурив светлые, бездонные глаза.

— Оказавшись в Северной Ирландии, я поселился на квартире в Данмарри и начал работать в «Эдс электроникс». Встречался с девушкой по имени Тина. У нее был брат Винс, считавший, что Бог послал его в дар республиканскому движению. Он пару раз сунулся ко мне со всякой чушью, но я говорил, что знать ничего не хочу. Это его обозлило, и он постарался довести до сведения местных добровольцев ИРА, что я служил Короне. Думал, что, может, они меня изобьют или еще что-нибудь со мной сделают. Конечно, ничего они делать не стали, однако их люди начали приглядываться ко мне, задавать разные вопросы. Вскоре они выяснили, что я хорошо разбираюсь в электронике.

Миан коснулся головы и глянул на окровавленные пальцы.

— От деталей я тебя избавлю — в конце концов я присягнул им на верность.

— И как ты себя при этом чувствовал?

— Обратной дороги у меня не было, но я наконец начал отрабатывать деньги, которые мне платили.

— Продолжай.

— Работу мне велели не бросать, так что обязанности добровольца приходилось исполнять по вечерам и по выходным. И в результате возникли проблемы с Тиной. Ей хотелось делать то, что делают все остальные девушки, — развлекаться по вечерам, по субботам ходить по магазинам... В общем, я договорился о встрече с Джеффом, моим связным — тебе он известен как Барри Фенн, — и тот сказал, что я должен пойти на все, лишь бы уговорить чертову девку. Купить ей колечко, надрать задницу, все что угодно. По его мнению, для того, что он называл «интеграцией в общину», мне было крайне важно держаться за Тину.

И мы обручились, что меня более чем устраивало. А сразу после этого мне приказали провести свой двухнедельный рабочий отпуск в тренировочном лагере в графстве Клэр. И Тина полезла на стену. Либо я, либо «движение» — выбирай. Я, разумеется, выбрал то, что должен был выбрать, и она ушла, тем все и кончилось.

— Это было... трудно?

— Я относился к этому как к жертве, принесенной ради того, чтобы прижать ублюдков из ИРА. — Он помолчал. — В то время я считал, что все зло имеет один источник.

Алекс задумчиво вглядывался в Миана. Служивый люд в большинстве своем в таких отвлеченных терминах о себе не говорит. Даже капелланы стараются избегать слов наподобие «добро», «зло» и «жертва». Впервые Алекс задумался, в своем ли Миан уме.

— Разрыв с Тиной тебя очень расстроил?

Миан отвел глаза:

— Было кое-что, о чем я узнал только позже. Тина была беременна. Она родила ребенка — мальчика, — но ни разу не позволила мне увидеть его...

Алекс покивал, давая Миану собраться с мыслями.

— После возвращения из Клэр меня назначили водителем одной из вспомогательных ячеек — того, что у них называется карательным отрядом. Теоретически нам полагалось следить за тем, чтобы католики чувствовали себя спокойно на улицах, на практике же мы все больше простреливали коленные чашечки юнцам, пойманным на магазинных кражах. Это было ужасно — особенно потому, что я видел, как то же самое сотворили с моим отцом. Но так оно и было задумано. Посмотреть, смогу ли я это выдержать. К тому времени кое-кто уже проявлял ко мне определенный интерес.

Алекс вопросительно приподнял брови.

— Человек по имени Бирн. Падрег Бирн. В то время — командир Белфастской бригады, впоследствии член Совета Армии. Ему доложили, что я служил в саперах, и мне начали приносить то да се для ремонта. По большей части компьютеры. В одном случае потребовалось восстановить некоторые данные — подробные сведения о системе безопасности одного банка. Нетрудно было догадаться, что это проверка — если охрана банка будет усилена, значит, информацию о запланированном ограблении передал я.

— Но ты же ее передал.

— Я передавал все. Однако Лондон не предпринимал никаких шагов, способных меня скомпрометировать. За что я, на том этапе, был чертовски благодарен, поскольку, по моему впечатлению, республиканцы еще не доверяли мне на сто процентов. Особенно Бирн. Это было похоже... ты удил когда-нибудь рыбу?

Алекс покачал головой.

— Это было похоже на то, как старый толстый карп принимается к наживке. Он хочет ее проглотить, жаждет поверить, что она безопасна, однако инстинкт твердит ему обратное. Вот так и Бирн. — Миан пожал плечами. — А потом, в конце девяностого — начале девяносто первого все пришло в движение. Бирн связался со мной и сказал, что меня переводят в команду, занимающуюся извлечением оружия из тайников. Нам предстояло выкопать снайперскую винтовку, зарытую на церковном кладбище около Кастлеблейни, и передать ее в Белфасте боевику — по-моему, это был снайпер, служивший прежде в морском десанте США. Я сообщил об этом Фенну, и тот ответил, что все в порядке, беспокоиться нечего, они это оружие «обдерут».

Ну так они этого не сделали, и пару дней спустя снайпер обстрелял из той винтовки патруль под Андерсонстауном. По счастью, он промазал. На следующий день мы вернули винтовку в тайник, и, насколько я знаю, ею пользуются и поныне... Как бы там ни было, с точки зрения Бирна, я прошел испытание — сразу после этого меня перевели в ячейку, занимавшуюся изготовлением бомб. У них были затруднения. Они пытались размещать бомбы с дистанционным управлением на базах полиции и армии. Но британцы круглые сутки поддерживали вокруг каждой машины, здания или установки, которые могли заинтересовать ИРА, защитный экран из радиопомех. И республиканцам нужен был человек, который сумел бы пробить этот экран.

Ну-с, я нашел частоту, о которой никто не подумал, и сообщил о ней Фенну. А следующее, что я получил, — это поздравления от Падрега Бирна. В Армахе они успешно взорвали бомбу, подложенную на армейскую базу. Трое солдат были серьезно ранены, а уборщица — женщина-католичка — погибла. В тот же вечер я позвонил Фенну из телефона-автомата и спросил, что за чертовщина творится. Он ответил, что пришлось позволить бомбе взорваться. За последние несколько месяцев многие бомбы не взорвались, и в верхах ИРА возникли подозрения, что их обезвреживает британский агент. Мне следовало продолжать работу как ни в чем не бывало. Уборщи-

ца, ее фамилия О'Риордан, — это неизбежная жертва. А солдаты поправятся. Конец связи.

Я понимал, что сказанное Фенном отчасти справедливо. У Бирна не осталось никаких сомнений на мой счет.

Миан вдруг согнулся в три погибели и оскалил зубы. Несколько долгих мгновений он молчал, не дыша и не двигаясь. Но наконец, похоже, расслабился и медленно распрямился.

— Как ты? — спросил Алекс, понимая всю бессмысленность этого вопроса.

Миану удалось улыбнуться. На груди у него появилось темное, влажное пятно.

— Лучше не бывает! — прохрипел он. — Верх блаженства! Алекс ждал, пока Миан переведет дыхание.

— В ячейке бомбистов я проработал примерно полтора года. Нас было пятеро — четверо мужчин и одна женщина. Считалось, что для установки бомб в общественных местах лучше использовать женщин.

— И ты все время докладывал обо всем в Лондон?

— Все время. С девяносто первого главным образом по электронной почте, используя компьютеры, которые приносили для ремонта. Оттаскивал очередную машину к себе в комнатушку в глубине мастерской, и никто ничего не замечал: я передавал информацию — имена и адреса добровольцев, регистрационные номера машин, возможные цели покушений, — а после чистил диск.

— Похоже, жалованье, которое платила разведка, ты отрабатывал.

— И еще как.

— Мне сказали, что у тебя сдали нервы.

Миан на миг закрыл глаза. На это обвинение не стоило и отвечать.

— Наша ячейка участвовала в убийстве констебля. Я доставил боевиков на место убийства, и я же увез их оттуда. Лондон знал, что должно произойти покушение, потому что я сообщил о нем за два дня, но покушение все-таки состоялось.

— Я слышал, что ты предупредил меньше чем за час.

— Херня. Часов было сорок восемь. Да хватило бы и одного. Нет, они намеренно допустили убийство, и вот тогда я понял:

происходит нечто странное, — да нет, разреши мне выразиться иначе: нечто дурное. Меня направили в Северную Ирландию не для того, чтобы я поставлял разведывательную информацию. Для этого была другая причина.

— Какая?

— Я к ней уже подбираюсь. Имя Пройнсэ Диви тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Пройнсэ Диви был добровольцем ИРА, но ничего серьезного ему не доверяли. Поговаривали, будто он приторговывает наркотиками. Так или этак, он, по-видимому, попытался сбыть наркоту не тем, кому следовало, каратели взяли его и здорово измордовали. Пройнсэ отчаянно нуждался в деньгах. Так что, когда с ним связались люди из ИОП, он оказался легкой добычей.

Алекс кивнул.

— Я ничего этого не знал, пока меня не вызвал Падрег Бирн. Где-то под Рождество девяносто пятого. Когда я появился у него дома, он сказал, что Пройнсэ напился, явился в контрразведку ИРА и покался в том, что стучит в ИОП. Теоретически ИРА всегда дает перебежчикам амнистию — признайся во всем, и тебя снимут с крючка, — однако на практике после допроса они получают две пули в затылок. В этом, нетипичном, случае контрразведчикам хватило ума спросить совета у Бирна, и тот запретил трогать Диви, сказав, что сам допросит его. Что он и сделал, а после заставил Пройнсэ снабжать ИОП дезинформацией.

А теперь вспомни: срок перемирия тогда подошел к концу. Республиканцы вот-вот должны были взорвать бомбу в башне Кэнери-Хорф, и Падрег Бирн — человек очень честолюбивый, стремившийся из Совета Армии в Исполнительный совет, — захотел устроить собственный эффектный спектакль. Он решил захватить двух агентов ИОП. Бирн рассказал мне об этом и выразил желание, чтобы этих людей убил я. Лично, на глазах у всех. Последнее испытание преданности, последнее подтверждение верности. Сделай это, сказал он, и ты войдешь в Совет Армии, гарантирую. Только докажи, что ты наш душой и телом. Я, разумеется, согласился — что мне еще оставалось? —

и спросил о подробностях. Он в точности рассказал все, что должно было произойти.

На следующий день я допоздна задержался на работе, отправил с компьютера одного из клиентов зашифрованный доклад в Лондон и молил Бога, чтобы людей из ИОП успели отозвать. Я просил отозвать и меня: если эти парни исчезнут всего за несколько дней до операции, это укажет прямоком на меня. На завтра мне позвонил представитель компании «Интекс» и сказал, что производство программного обеспечения, которым я интересовался, прекращено. «Интекс» был, разумеется, «Пятеркой», а звонок означал, что мое сообщение получено и что я должен сидеть и не рыпаться.

— Постой-ка. Ты говоришь, «Пятерка» знала, что Рея Бледсо и Коннора Вина схватят, будут пытаться и убьют, и ничего не предприняла?

— Да. Именно это я и говорю. Мы целой оравой приехали на ферму по другую сторону границы — контрразведка часто использовала ее для допросов и казней — жуткое, залитое кровью место, смердящее смертью. Мальчишки-добровольцы только что не писались от восторга — им же представлялась возможность увидеть, как пропускают через мясорубку двоих британских агентов. Часы шли, и я молился, как никогда не молился прежде, чтобы Лондон отозвал этих ребят. Никого, конечно, не отозвали, и Бледсо с Вином вечером перевезли через границу. Я взял с собой «браунинг», чтобы иметь хотя бы возможность убить их быстро, однако все обернулось так, что я не сумел сделать даже этого.

Миан умолк. Глаза его были холодны и прозрачны, как паковый лед.

— У них там был генератор и один из этих мощных, работающих на сжатом воздухе пистолетов для забивания металлических скоб... Ты представляешь себе, что происходит, когда из него стреляют человеку в глаз?

Алекс открыл было рот, но обнаружил вдруг, что не способен произнести ни слова.

— Глаз просто взрывается, а скоба пробивает человеку небо. Боль, должно быть, невообразимая...

— И ты это сделал? — неверяще прошептал Алекс.

— Нет, слава богу, это сделал другой — с Вином. Но суть не в том, кто это сделал. Суть в том, что «Пятерка», зная, на что способен Бирн и его компания, позволила этому случиться.

— И что было потом?

— Бирн понимал, что Вин человек крепкий, а Бледсо, если его как следует напугать, заговорит. Ну так он его и напугал. Бледсо почти свихнулся от ужаса. Однако Бирн, просто для верности, приказал проделать то же самое со вторым глазом Вина. А потом, только для того, чтобы подчеркнуть, что говорить придется Бледсо, отрезал Вину язык. В голове у меня все мутилось от этого зрелища, но я повторял себе: «Улыбайся, или с тобой сделают то же самое».

Алекс кивнул.

— Ну, и когда Бирн велел мне прикончить Вина, я вытащил «браунинг». Однако Бирн сказал «нет». И вручил мне молоток и пятнадцатисантиметровый гвоздь...

— И ты убил его?

— Звук получился такой... звенящий, — задумчиво ответил Миан. — Он умер мгновенно.

— А Бледсо?

— Бледсо рассказал им все до последнего. Все, что знал.

— И?..

— Да, его я прикончил тоже. Тем же способом. И одновременно пообещал себе, что те, кто несет за это ответственность, узнают такие же боль и ужас, какие узнали эти отважные люди.

— Но ведь главная ответственность лежит на Падреге Бирне с его головорезами, — негромко произнес Алекс.

— Это мерзкие люди, однако они смотрят злу прямо в глаза. А Фенвик с ее подчиненными творят зло издали. Они никогда не видели залитых кровью застенков ИРА, им не приходилось смотреть, как умирают в муках храбрецы вроде Вина и Бледсо, и говорить себе: «Да, это моих рук дело...»

— Мудрые обезьянки, — пробормотал Алекс.

— На каждое действие есть противодействие, — сказал Миан. — Этому меня научил отец. Вселенная требует равновесия. А пока жизни, которые я отнял, остаются неотмщенными, равновесия не будет.

Алекс вглядывался в Миана. Что это, гадал он, безумие? Или логика?

— В течение недели меня ввели в состав Совета Армии, а Бирна — в Исполнительный. Я продолжал посылать в Лондон доклады, однако теперь у меня не было ни малейшей уверенности, что на основе их будет хоть что-то предпринято. Я предупредил о двух бомбах: одной — в пабе на Шанкхилл-роуд, другой — в супермаркете. Пятеро убитых, больше двадцати раненых. В супермаркете — главным образом женщины и дети. Одна девочка ослепла из-за того, что в глаза ей впились осколки ее очков. Совет ИРА состоял из семи человек. На первом же совещании, в котором я принимал участие, вглядываясь в лица шестерых других членов Совета, я вдруг понял, что сделал для «движения» ничуть не меньше любого из них. Можешь вообразить, что я при этом почувствовал?

Алекс не ответил. И не шелохнулся. Порывы ветра донесли — поначалу далекий, но становившийся все более отчетливым — стрекот приближающегося вертолета. Миан если и услышал его, то оставил без внимания.

— На том совещании поднялся со своего места бывший командующий бригадами Армаха и Ферманаха. Гад по фамилии Халлоран. Он не стал ходить вокруг да около. Он сказал нам: «Ребята... У нас проблема. В наших рядах крот». Уже некоторое время, продолжал он, информация о готовящихся операциях попадает в Лондон. Информация с самого верха, не просто то, что известно любому рядовому. И это ставит под подозрение каждого из нас. Исполнительный Совет начал расследование. Было принято решение до его окончания приостановить все операции.

Биение двигателя вертолета и свист винтов раздавались уже совсем близко.

— Скорее всего, — сказал Алекс, — они хотели посмотреть, кто сорвется и ударится в бег.

— Я тоже так решил. Будь они уверены, что смогут выявить крота, они бы просто запустили следственную машину.

— И что же ты сделал?

— Поехал домой. А там меня поджидала команда боевиков, и тут я понял, что «Пятерка» меня сдала. Я уложил двоих из

них, выскочил в окно и понесся как бешеный в аэропорт Олдергров. Через час я уже летел в Англию. А на следующее утро закрыл счет, на который МИ-5 все эти годы перечисляла мне деньги, и начал обзаводиться новой личностью.

— С МИ-5 ты не связывался?

— Шутишь? Если бы я с ними связался, они подбросили бы мои координаты ИРА. И так уж через неделю после моего исчезновения республиканцы спали и видели, как бы меня изловить. Нет, «Пятерке» я, живой и засвеченный, был не нужен — заговори я, им всем пришел бы конец.

— Но почему же, как ты думаешь, в Лондоне игнорировали все твои предупреждения и допустили гибель Вина, Бледсо и всех остальных?

— Долгое время я думал, что меня попросту не хотят подвергать риску. Начни «Пятерка» принимать меры после моих предупреждений, меня пришлось бы отозвать, а так я оставался их человеком в ИРА, оправданием их бюджета. Но потом я наконец все понял: существует еще один британский крот. Агент, который проработал в ИРА не годы, а десятилетия. Человек, вместо которого «Пятерка» могла в случае чего подставить меня. — На миг он умолк. — Барри Фенн еще за несколько лет до того рассказывал мне о возникших в верхних эшелонах ИРА подозрениях. В то время я услышал всего лишь относящиеся ко мне слова: «подозрения», «ИРА», «британский агент». Я и не подумал задать себе вопрос: «Откуда Барри Фенну известно, что думает верхушка ИРА? Мне это неизвестно, так откуда ж известно ему?»

Кто-то был у них в ИРА все это время. Кто-то на самом верху, насколько я понимаю. И на случай, если на этого человека падет хоть тень подозрения, нужна была приманка, ложная цель. Агент, которого можно сдать, доказав, что именно через него шла утечка информации.

Алекс покачал головой.

— И на сцену выходит Дозорный, — пробормотал он.

— Мои поздравления! — сказала Доун Гардинг. — Похоже, ты наконец во всем разобрался.

Она стояла немного выше по склону, ее полицейский «вальтер» был нацелен Алексу в лоб. Доун привела с собой подкре-

пление — одетого в свободную куртку мужчину с пустым лицом, вооруженного пистолетом-пулеметом.

Если бы они увидели Миана мертвым, понял Алекс, проблем бы не было. А вот при живом Миане и Алексе, знающем правду о Дозорном, положение становится безнадежным. Один взгляд на Доун, в ее полные ледяной решимости глаза, сказал Алексу: Доун скорее убьет его, чем рискнет тем, что он кому-нибудь что-нибудь расскажет. Единственная ночь, проведенная с Алексом в постели, — а это, в сущности, все, что их связывало, — ничего для нее не значит.

Они с напарником убьют их обоих и предоставят заниматься трупами команде чистильщиков. Одно можно сказать наверняка: трупов не найдут никогда. Хорошо, с этим ясно, тем не менее «глок» все еще у него в руке. И «браунинг» Миана тоже при нем.

— Почему это животное до сих пор живо? — Доун с презрением взглянула на Миана.

— Мне не хотелось лишних хлопот, — холодно ответил Алекс. — Не думаю, что ему удастся сильно состариться.

— Ты идиот! — выпалила Доун. — Ты самонадеянный идиот, Алекс! Почему ты не сделал того, о чем тебя просили? Разве ты не понимаешь, что вынуждаешь меня...

Алекс ее уже не слушал. «Глок» он держал в правой руке, а левая, скрытая курткой, медленно вытаскивала «браунинг» Миана из-за поясного ремня. Единственный его шанс избежать смерти — довериться Миану. Человек этот был на две трети сумасшедшим и на одну — блестящим солдатом, это понятно, однако... «Браунинг», уже освобожденный из-под ремня, отяжелил руку Алекса.

— А он? — Алекс указал на бесстрастного Миана. — Ты можешь хотя бы представить себе, что вынуждали его делать ваши люди? Пытать и убивать британских агентов? Смотреть, как изготовленные им бомбы разрывают на куски женщин и детей?

Алекс задавал эти вопросы с единственной целью, чтобы получить возможность повернуться к бывшему агенту разведки. Поймав его взгляд, Алекс опустил глаза и, тут же подняв их, увидел, что лицо Миана дрогнуло — тот понял.

Алекс резко перекатился, ударившись раненой спиной в гранитную поверхность скалы, и воздух вокруг него разорвали

визжащие пули, выпущенные из МП-5. Первые выстрелы напарник Доун сделал с бедра, и, уже нажимая на курок «глока», Алекс увидел знакомое движение поднимающейся руки с зажатым в ней оружием.

Напарник успел прикрыть, прицеливаясь, левый глаз, но тут две девятимиллиметровые пули из «глока» ударили его в подбородок.

Миан тоже выстрелил, и его пуля попала прямо в середину груди Доун. Она упала на колени, «вальтер» выпал из ее руки, а Миан инстинктивно собрался дважды выстрелить ей в голову.

Алекс знаком велел ему не стрелять и вскарабкался по склону к девушке.

— Доун? — тихо произнес он, ставя «вальтер» на предохранитель и засовывая его в карман. — Ты меня слышишь?

Но Доун Гардинг уже умирала. Во рту у нее пузырилась насыщенная кислородом, бьющая из легких кровь.

— Доун? — повторил Алекс, нащупав у нее под футболкой засасывающее воздух отверстие и прикрыв его большим пальцем. — Доун!

Она приподняла голову и сумела криво улыбнуться, показав окровавленные зубы.

— Скажи Анджеке... — начала она. — Скажи ей, я...

Слезы текли у нее по щекам. Потом кровь хлынула изо рта на грудь, и голова Доун откинулась назад — она была мертва.

Алекс полой куртки протер «глок» и вложил его в несопротивляющуюся ладонь Доун. Потом взял у Миана «браунинг» — тот отдал пистолет без колебаний, — протер и его и вложил в правую руку напарника Доун. Хорошей проверки этот сценарий не выдержит, однако любое расследование приведет полицию прямиком к МИ-5, после чего дело навсегда исчезнет из официальных реестров.

Алекс повернулся к Миану:

— Спасибо.

Призрак улыбки тронул бледное лицо Миана.

— А из нас с тобой получилась бы неплохая команда, — сказал он.

— Вероятно, — без всякого выражения откликнулся Алекс. — Ты сильно ранен?

— Разве есть какая-нибудь разница?

Алекс не ответил. Подняв МП-5, валявшийся рядом с трупом агента МИ-5, он обшарил карманы покойника в поисках запасных магазинов.

И наконец повернулся к Миану:

— Как по-твоему, ты сможешь вести мотоцикл?

Окна читален клуба «Карлтон» выходили на Сент-Джеймс-стрит. Читален было четыре. Стены их были целиком заняты книжными полками. В той, что носила четвертый номер, большинство книг представляло собой переплетенные в синюю кожу протоколы заседаний членов клуба.

После событий на Пен-и-Ван прошло две недели. В тот день Алекс, отойдя на километр от разбитого БМВ, украл стоявшую у горного приюта туристов обшарпанную «фиесту», доехал до Лондона, где под чужим именем поселился в окраинном отеле, удобном тем, что прямо в нем можно было поесть, и провел последующие дни, ожидая, когда заживут раны, и обдумывая свой следующий ход. В Центральном Лондоне он побывал только один раз — съездил подземкой на Оксфорд-Серкус, чтобы снять в банкомате деньги со счета, и уже через час вернулся в отель. В поезде подземки он прочитал в «Дейли телеграф» подробный отчет о «закончившемся трагедией свидании государственных служащих» в тени Черных гор.

Рана от пули, пропоровшей Алексу спину, была болезненной, но не требовала особого медицинского ухода. Ножевые порезы, с которых Алекс снял наконец швы, стали почти незаметны. На тринадцатый день проживания в отеле он позвонил в МИ-5.

Входя в четвертую читальню клуба «Карлтон», Алекс услышал, как часы в библиотеке пробили одиннадцать. Анджела Фенвик, сидевшая за столом лицом к окну, встала и протянула ему руку.

— Капитан Темпл, — сказала она, кивком отпуская маячившего в двери престарелого служителя клуба.

Алекс также кивком поздоровался, пожал ей руку и уселся в предложенное ему кресло. Фенвик вернулась за стол. Она постарела, подумал Алекс.

— С учетом того, что вы, капитан Темпл, убили двух сотрудников Службы, я сочла разумным встретиться с вами не в Темз-Хаус, а на нейтральной территории. Решила, что так для вас будет... удобнее.

Нейтральная территория, подумал Алекс, оглядываясь. Черта лысого.

— Я не испытываю никаких сожалений по поводу того, что мне пришлось убить Доун Гардинг и второго вашего стрелка-любителя, — холодно произнес он, — в особенности с учетом того, что они изо всех сил старались убить меня. Предположительно по вашему прямому приказу. И будьте уверены...

— Капитан Темпл...

— ...что я сделаю то же самое с любым...

— Капитан Темпл! Я пришла сюда не для того, чтобы препираться с вами. Я более чем понимаю, что обстоятельства вынудили вас защищаться. И соответственно, я попросила бы вас понять: действия агентов Гардинг и Мьюира были основаны на их вере в то, что они служат интересам национальной безопасности.

— Убийство кадрового офицера СВС служит интересам национальной безопасности?

— Называйте это как хотите. — Взгляд Фенвик был холоден, в голосе звучала сталь. — Нам с вами следует обсудить... возможности.

— Означает ли это, что вы хотите заключить что-то вроде сделки?

— Именно, капитан Темпл. Так что давайте к ней и перейдем. Во-первых, хотите ли вы продолжить армейскую карьеру?

Алекс пожал плечами:

— Я хочу сохранить за собой возможность выбора.

— Очень хорошо. Даю вам слово, что вас оставят в покое. Я требую только одного — чтобы вы никогда не рассказывали о событиях, связанных с операцией «Дозорный». Ни Биллу Леонарду, никому.

— А вы тем временем придумаете, как от меня избавиться. Что это будет, несчастный случай в тире? Падение с обрыва? Какой-нибудь таинственный вирус? Позвольте вас предупредить, если со мной что-нибудь случится, в редакцию общенаци-

ональной газеты будет доставлена посылка. А в посылке обнаружится пистолет-пулемет МП-5 вместе с использованными магазинами — все с отпечатками пальцев, — мои заверенные в адвокатской конторе показания и запись разговора, произошедшего между мной и Доун Гардинг по дороге к Блэк-Даун-Хаус, разговора, в котором подробно обсуждалось, как мы расставим Джозефу Миану ловушку и как его убьем. Не так уж и много, но, чтобы утопить вас, хватит.

Фенвик поджала губы.

— У меня с собой копия этой записи, — продолжал Алекс, извлекая из кармана диктофончик «сони».

Он нажал кнопку воспроизведения. «Просто пообещайте, что если будет какая-то возможность выманить Миана из укрытия...» — раздался хорошо различимый голос Доун.

К изумлению Алекса, на глаза Фенвик навернулись слезы. Она отвернулась и сделала вид, что справляется с какими-то своими заметками. Когда она снова взглянула на Алекса, невозмутимая, как прежде, ему показалось, будто этого мгновения попросту не было.

— Очень хорошо, капитан. Я признаю, что у вас имеется возможность причинить нам серьезный ущерб. Позвольте сказать в ответ, что, если вы когда-нибудь попытаетесь нанести нам — не будучи спровоцированным моей Службой — упреждающий удар, мы будем обороняться. Вы лишитесь пенсии, кредитоспособности и репутации. Также возникнут серьезные сомнения в вашем душевном здоровье. Короче говоря, мы сделаем все, чтобы дискредитировать и уничтожить вас.

В это Алекс поверил сразу.

— Стопроцентно гарантированное взаимоуничтожение, — пробормотал он.

— Вот именно, капитан Темпл. Итак, договорились?

— Договорились.

Они обменялись рукопожатиями, за которым последовало долгое молчание.

— Вы поддерживаете связь с Мианом? — в конце концов спросила она.

— Нет.

— Будьте уверены, мы найдем его.

Губы Алекса тронула улыбка:

— Ну, раз вы так говорите...

— Капитан, вы хотите знать настоящую цель операции «Дозорный»?

— Миан догадался, в чем она состояла. Он был прикрытием — человеком, которому предстояло погибнуть вместо давным-давно внедренного вами крота. Если тот когда-нибудь поскользнется.

Фенвик кивнула:

— Все верно.

— Но вы послали на смерть по меньшей мере дюжину солдат и гражданских лиц. На смерть по большей части ужасную. Вы действительно думаете, что стоило платить такую цену?

— Думаю, при том, что мы уже знаем друг о друге, я могу вам кое-что рассказать. Человек, которого прикрывал Дозорный, это не просто крот, а Крот, с большой буквы. Главнейший источник разведывательных данных. Это человек с самого верха, Темпл, человек, известный во всем мире. И он работает на британскую разведку.

— Вы имеете в виду?.. — перед мысленным взором Алекса возник государственный муж, которого он тысячи раз видел по телевизору.

— Да, — подтвердила Фенвик. — Я не вправе прямо назвать вам его имя, и все-таки — да. Это наш человек.

Она смотрела на Алекса, мрачно уставившегося в окно.

— Теперь вы хотя бы начинаете понимать масштабы сражения, Темпл? Забудьте о жертвах — жертвы бывают всегда. Неизменно возникает что-то вроде мальчика, оставленного привязанным к дереву в джунглях Сьерра-Леоне. Попробуйте увидеть картину в целом.

Алекс закрыл глаза.

— Поймите, — продолжала Фенвик, — имея рычаг воздействия на политику ИРА, мы спасли сотни, возможно, тысячи...

— Не могу, — ровным тоном произнес Алекс.

— Чего не можете?

— Не могу забыть о жертвах. Не могу забыть о Вине и Бледсо, о женщинах и детях, разорванных в клочья в супермаркетах. О мальчике, привязанном к дереву. Человеческий уровень —

тот, на котором все это происходит, — единственный реальный для меня. Все остальное просто херня.

— Если вы действительно так думаете, вас вряд ли ожидает успешная карьера.

— Вот тут вы наверняка правы, — сказал, вставая, Алекс. — Вы ведь были любовницами, верно?

Фенвик ничего не ответила.

— Я все поддразнивал ее. Кто тот везучий малый, повторял я, рядом с которым вы просыпаетесь?

Фенвик сидела недвижно, словно высеченная из камня.

— А теперь она мертва, — продолжал Алекс. — Я видел, как она захлебывается собственной кровью, и последнее, что она произнесла перед смертью, было ваше имя. И вы все еще считаете, что дело того стоило...

Уже у двери он обернулся, чтобы взглянуть на неподвижную фигуру Фенвик.

— Счастливой вам жизни, Фенвик. Я мог бы пожелать вам убраться в ад, но, по моим понятиям, вы, скорее всего, уже там.

Спустившись по парадной лестнице клуба, Алекс остановился, вытащил телефон и начал перебирать хранящиеся в его памяти номера. Немного помедлив, набрал один из них.

— Да?

— Это Алекс.

Последовало долгое молчание.

— Софи?

— Да, — тихо сказала она. — Я все еще здесь.

ЭПИЛОГ

Когда «ягуар» вырулил на Пиккадилли, Анджела Фенвик повернулась к девушке из рекламного отдела издательства «Харпер-Коллинз» — получить последнее подтверждение того, что выглядит она вполне презентабельно.

И получила подтверждающую это улыбку.

Вчерашний ужин в клубе прошел хорошо, думала Анджела, но ведь и не каждый день высокопоставленные сотрудники МИ-5 радуют публику своими мемуарами. Далеко не маленький счет за ужин издатели оплатили безропотно. «Мы можем продать ваши мемуары только один раз, Анджела, — говорили они ей. — Так давайте постараемся, чтобы все было на уровне». И постарались.

Естественно, ни о каких действительно секретных вещах она рассказывать не стала, это шло бы вразрез с ее принципами. Но при всем при том мемуары содержали немало живописных, эффектных и трогательных деталей.

Вскоре после того, как на Даунинг-стрит стали известны факты, касающиеся гибели четырех сотрудников Службы, Анджеле предложили завершить карьеру. Подавайте в отставку, сказали ей. Уходите сейчас, с почетом, с полной пенсией. Лучше прыгнуть самой, не дожидаясь, когда вас подтолкнут.

Она и прыгнула. И принялась приводить в порядок записи, которые вела многие годы. Так на свет появилась книга под названием «Не самая заурядная карьера».

Аннабел, девушка-рекламщица, была с ней особенно мила, и в ходе подготовки издания они сблизились. Конечно, целиком заполнить оставленную Доун мучительную пустоту Аннабел не смогла — со дня смерти Доун прошло полтора года, а Анджела все еще каждый день вспоминала ее, — однако заняла в сердце Анджелы достаточно места, чтобы та с нетерпением предвкушала скорое рекламное турне и ночи вдвоем в больших провинциальных отелях.

Турне должно было начаться завтра, а сегодня Анджеле предстояло подписывать книги в магазине «Уотерстоун» на Пиккадилли. Событие это было основательно разрекламировано, и, согласно Аннабел, заблаговременно позвонившей в магазин, у его дверей уже собралась изрядная толпа.

Водитель остановил машину и торопливо обогнул капот, чтобы открыть заднюю дверцу. Вылезая, Анджела заметила пристроившегося у главного входа в магазин бродягу в покрытой сальными пятнами ветровке. Когда она проходила мимо, бродяга — заросший щетиной, с диковатыми глазами — поднял в знак иронического приветствия банку с пивом.

В магазине Анджелу провели в служебное помещение, где она обменялась рукопожатиями с менеджером торгового зала и Дэйвом Холландом, бывшим офицером военной полиции, отвечавшим после отставки Анджелы за ее безопасность.

— Вид у ваших поклонников достаточно смирный, — сказал Холланд, только что завершивший обход торгового зала. — Если вы довольны, доволен и я.

— Хорошо, Дэйв, приступим, — сказала Анджела.

Стол для нее поставили в центре зала, лицом к выходу на Джермин-стрит. С одного его конца стояла тележка, наполненная экземплярами «Не самой заурядной карьеры», с другого переминался десяток фотографов. Главным событием, которое им предстояло зафиксировать, был обмен рукопожатиями с Джуди Денч, игравшей «М» в фильмах о Джеймсе Бонде — на экраны вскоре должна была выйти новая серия. И хотя прототипом «М» была директор ненавистной «Шестерки», Анджеле пришлось признать, что отождествление со столь яркой фигурой шоу-бизнеса будет для нее лестным.

Женщины поздоровались и долго трясли друг другу руки перед фотокамерами. Анджела преподнесла актрисе экземпляр «Не самой заурядной карьеры» и сказала, что всегда была большой поклонницей Джеймса Бонда. Когда Джуди Денч удалилась, Анджела уселась за стол и начала подписывать книги.

Скоро она втянулась в эту процедуру. Улыбнись, спроси имя, подпиши, верни книгу... Улыбнись, спроси имя, подпиши, верни книгу...

Внимание публики доставляло Анджеле удовольствие. Здесь были старой закалки люди в галстуках Королевской артиллерии, журналисты из тех, кому повсюду мерещатся шпионы, неопрятные сторонники теории заговоров, феминистки из научных кругов и множество других привычных лондонских типов. Под бдительным взглядом стоявшего рядом со столом Дэйва Холланда они, один за другим, подходили к Анджеле со своими экземплярами ее книги. Фотографы, за исключением одного, свободного художника, уже разошлись.

— Ваше имя? — механически спросила Анджела.

В очереди за спиной дебелой дамы она заметила заросшую физиономию бродяги, которого видела у входа. К удивлению

Анджелы, он держал в руках ее книгу. Губы дебелий дамы беззвучно зашевелились.

— Простите? — переспросила Анджела. — Я не вполне...

Дама повторила свое имя, Анджела начала подписывать книгу и вдруг остановилась. Откуда, черт возьми, ей знакомо его лицо? Физиономия обветренная, одежда в грязи, однако были времена, она в этом уверена, когда бродяга кое-что из себя представлял.

Дама отошла, бродяга вручил Анджеле свой экземпляр. Он улыбался, от него несло пивом и улицей, и было в его улыбке что-то и задушевное, и выжидательное одновременно.

Я что, должна его знать?

— Ваше имя? — наконец спросила она.

— А вы не помните? — негромко произнес бродяга. — Анджела, я разочарован! Я же Джо, Джо Миан.

Бездумно, еще не ощутив ужаса, она начала раскрывать книгу на титульном листе. Но оказалось, что пальцы не слушаются Анджелу. Их словно сковало морозом. Как и все ее тело.

Это она — Анджела — приказала Доун взять с собой рядового сотрудника Службы и устранить Темпла. Слишком велики были шансы, что Миан рассказал офицеру СВС правду об операции «Дозорный».

А потом Доун и ее помощника нашли мертвыми. Темпла она отыскала достаточно быстро, а вот Миан...

Джозеф Миан мертв и закопан в землю. Анджела и верила, и не верила в это. После ухода из Службы она осталась без плотной охраны, в течение стольких лет окружавшей ее. И уже не было никого, к кому бы она могла прийти и сказать: «Этот человек, возможно, жив. И если он жив, то попытается убить меня...»

Недели складывались в месяцы, месяцы — в год, однако никаких признаков Миана не было, и наконец она стала успокаиваться, повторяя себе, что Дозорный и вправду мертв...

Дэйв Холланд, почувствовав: что-то не так, что-то страшно неправильное присутствует в этом мгновении, взглянул на стол. Увидев, что заросший мужчина не отпускает взгляда его подопечной, Дэйв прищурился. Какого дьявола тут происходит?

Анджела Фенвик, с опозданием понял он, в ужасе. Парализована страхом, точно замершая перед коброй пичуга. Она не способна даже пошевелиться.

Стоявший рядом с Холландом фотограф тоже сообразил, что творится нечто странное. Он уже подносил к лицу свой большой «никон». И тут Миан вытащил «браунинг» и вдавил ствол под подбородок Анджелы Фенвик.

Начался хаос. Уголком сознания Холланд отмечал сдавленные вопли, падение на пол запаниковавших людей, ленивое «чака-чака-чака» моторчика «никона».

Рука Дэйва рванулась к пистолету, но дотянуться до него из-за напиравших со всех сторон людских тел не успела. Выстрел раздался одновременно с последним щелчком затвора «никона». Эта фотография, которой предстояло обойти все газеты мира, показывала Миана в профиль. Он выглядел почти учтивым. Лицо Анджелы Фенвик, напротив, выражало немыслимый ужас — и тут прозрачная тиара из осколков кости и клочьев иных тканей вырывалась из ее головы.

Через миг после выстрела — хотя никто впоследствии этого вспомнить не смог — Джозеф Миан повернулся к стоявшему позади толпы человеку в поношенной кожаной куртке. Двое мужчин обменялись долгими взглядами, совсем такими же, как когда-то — на кладбище церкви Св. Мартина в Херефорде. Потом Миан сунул дуло «браунинга» себе в рот, во второй раз нажал на спуск, и мозги его разлетелись по полкам с книгами.

Никто не заметил, как мужчина в кожаной куртке выскользнул на Джермин-стрит. Опустившись на пассажирское сиденье стоявшего у бордюра серебристого «ауди» с откидным верхом, он протянул руку и после мгновенного колебания коснулся каштановых волос сидевшей за рулем девушки. Та, в свой черед, чуть склонила в его сторону голову. Внимательный наблюдатель мог бы заметить некоторую опасливость в их отношении друг к другу.

Однако наблюдатель отсутствовал. Машина тихо тронулась с места, и ко времени, когда слышались первые полицейские сирены, эти двое уже скрылись из виду.

КРИС РАЙАН

В январе 1991 года, во время войны в Персидском заливе, уцелевший после провала одной из операций британский десантник Крис Райан оказался в глубоком тылу врага. Случившееся оказало огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь. Когда Райан вернулся в Лондон, сообщения о том, что он пережил — провел восемь дней без пищи и воды в суровых пустынных горах Ирака, — сделали его знаменитостью. Его рассказ о пережитом «Тот, который ушел» стал бестселлером. Обратной стороной всего этого стала тяжелая эмоциональная травма.

В 1994 году Крис Райан понял, что служба в Специальных военно-воздушных силах мешает его браку, и принял решение выйти в отставку. Он переехал вместе с семьей в Америку, где делит время между работой телохранителя и сочинением жестких, смелых романов, которые раз за разом попадают в списки бестселлеров.

Непосредственный опыт специальных операций и doskonaльное знание методов антитеррористической борьбы придают романам Райана впечатляющую подлинность, и нигде это не ощущается лучше, чем в его последнем бестселлере «Дозорный».

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК

Кто-то тайком наблюдает за ней —
молча и терпеливо.

Каждый вечер, прячась в тенистом
сумраке, он шепчет нежно:
«Спокойной тебе ночи, Эмили».

---

20 марта, вторник

Глава первая

ОН СВЕРНУЛ на тропинку, шедшую вдоль берега, и лицо ему обжег колючий ветер с океана. Взглянув на тучи, он подумал, что несколько не удивится, если к вечеру пойдет снег, хотя завтра и первый день весны. Зима выдалась долгая, и все только и твердили, что ждут не дождутся весны. Все, кроме него.

Он любил, когда в Спринг-Лейк приходила осень. Многие летние обитатели наконец уезжали из городка и не появлялись даже на выходные.

У приезжавших на лето и обитавших тут постоянно было много общего, но его тайна принадлежала ему одному. Лишь он один мог, прогуливаясь по Хейс-авеню, представить себе Мадлен Шейпли такой, какой она была 7 сентября 1891 года. В ту пору ей, кареглазой девушке с темно-каштановыми волосами, одетой в накрахмаленное белое платье, было всего девятнадцать лет.

И он один знал, почему час спустя она уже была мертва.

Сент-Хильда-авеню, улица, осененная тенью могучих дубов, которые 5 августа 1893 года, в день, когда не вернулась домой восемнадцатилетняя Летиция Грегг, были еще робкими саженцами, навевала другие видения. Бедняжка была смертельно напугана и, в отличие от Мадлен, которая боролась за свою жизнь, мо-

лила о пощаде. Последней была Эллен Свейн, существо тихое и незаметное, но проявлявшее слишком уж настырный интерес к последним часам жизни Летиции. В наказание за любопытство 31 марта 1896 года она последовала в могилу за своей подругой.

Когда ему шел четырнадцатый год, он случайно нашел дневник. Заглянул от скуки в старый каретный сарай, залез по скрипучим ступеням на пыльный чердак и стал рыться в составленных там ящиках. В первом оказалась всякая ненужная дребедень: ржавые керосиновые лампы, старая одежда, кастрюли со сковородками. В другом ящике лежали толстые альбомы с хрусткими пожелтевшими страницами, где были собраны фотографии напряженно застывших людей с каменными лицами. Тут-то он и обнаружил тетрадь в истлевшем кожаном переплете. Первая запись была сделана 7 сентября 1891 года. Начиналась она словами: «Мадлен погибла от моей руки».

Дневник он забрал, но никому о нем не рассказал. Многие годы он читал его почти каждый день и постепенно проникся личностью автора. Так же, как и он, испытывал чувство превосходства над жертвами, так же про себя посмеивался, скорбя вместе со всем городком.

То, что было поначалу увлечением, постепенно превратилось в наваждение, в потребность самому пережить путешествие в страну смерти.

Четыре с половиной года назад он убил в первый раз.

Судьба распорядилась так, что Марта — ей только-только исполнился двадцать один год — пришла на прием, который в конце каждого лета давали ее дедушка с бабушкой. Там он и повстречал ее. На следующий день, 7 сентября, Марта отправилась на утреннюю пробежку вдоль океана и домой больше не вернулась. Прошло четыре года, но следствие по этому делу все еще велось.

Я мог бы рассказать вам все в мельчайших подробностях, думал он. И про Карлу Харпер тоже. Два с половиной года назад он проходил мимо отеля «Уоррен» как раз в тот момент, когда она спускалась по ступеням. Как и Мадлен, описанная в дневнике, она была в белом платье без рукавов, подчеркивавшем каждый изгиб юного тела. Он пошел за ней следом.

Тремя днями позже она исчезла, и все решили, что на Карлу напали, когда она возвращалась домой в Филадельфию. И да-

же прокурор, твердо решивший раскрыть тайну исчезновения Марты, не подозревал, что Клара не покидала Спринг-Лейк.

Теперь у него в груди разгоралось желание, точнее, потребность завершить цикл, выбрать третью жертву.

В городке поговаривали, что Эмили Грэм, собравшаяся купить дом Шейпли, — не кто иная, как потомок первых его хозяев. Информацию о ней он нашел в Интернете. Тридцать два года, разведена, адвокат по уголовным делам. Разбогатела на акциях, которыми расплатился с ней владелец одной интернет-компаний.

Он узнал и о том, что Грэм преследовал один человек — Эмили добила опровержения мужчины, обвинявшегося в убийстве его матери. Весьма занятно.

Но еще занятнее то, что Эмили Грэм была удивительно похожа на свою двоюродную прапрабабку Мадлен Шейпли, которую он знал по фотографии. У нее были такие же огромные карие глаза с густыми, пушистыми ресницами. Такие же каштановые волосы с рыжеватым отливом. Она тоже была высокой и стройной. Возможно, ей-то и суждено стать последней.

Проехав указатель «Спринг-Лейк», Эмили с облегчением вздохнула. Путь из Олбани, штат Нью-Йорк, занял почти восемь часов. Выехала она в «умеренный снегопад», но потом попала практически в пургу.

Не так давно бабушка сказала ей: «Эмили, обязательно соглашайся на работу в Нью-Йорке. Если ты будешь жить в двухстах пятидесяти километрах от меня, мне будет гораздо спокойнее. Бывший муж-подлец и псих-преследователь — на тебя одну многовато. — И, будучи настоящей бабушкой, добавила: — Тебе вообще не следовало выходить за Гэри Уайта. Если через три года после развода у него хватило наглости подать на тебя в суд только потому, что у тебя появились деньги, это только подтверждает все то, что я о нем всегда думала».

Вспомнив бабушкины слова, Эмили улыбнулась. Наступали сумерки. У домов — по большей части отреставрированных викторианских особняков — вид был строгий и надежный. Завтра я официально стану домовладелицей, радовалась Эмили. Двадцать первое марта. Равноденствие. Света и тьмы поровну. Мир в равновесии.

Ей вдруг захотелось проехать мимо того дома, но она сдержалась. Ей до сих пор не верилось, что через каких-нибудь несколько часов он будет принадлежать ей. Впервые она увидела его три месяца назад, но он всегда присутствовал в ее детских мечтах — фантастический дом из бабушкиных сказок.

Хватит на сегодня, решила она. Уже почти половина одиннадцатого. Пора в гостиницу. Горячий душ и, как писал в своем дневнике Сэмюэль Пипис: «А теперь — на боковую».

Приехав в Спринг-Лейк в первый раз, она остановилась в гостинице «Кэндллайт-Инн» и подружилась с ее владельцем Кэрри Робертсом. Сегодня она звонила ему с дороги — предупредить, что задерживается.

Через несколько минут Эмили наконец подъехала к гостинице. Кэрри был мил и дружелюбен:

— Эмили, вид у тебя усталый. Кровать постелена. Ты говорила, что поужинаешь по дороге, но на ночном столике тебя ждет термос с какао и печенье. Утром увидимся.

Эмили приняла горячий душ, сделала несколько глотков какао и почувствовала, что мышцы ног, которые свело от долгой езды, потихоньку начинают расслабляться. Зазвонил сотовый. Эмили догадалась, кто это.

— Привет, дорогая!

Услышав озабоченный голос Эрика Бейли, скромного гения, благодаря которому она оказалась сейчас здесь, Эмили улыбнулась. Она вспомнила тот день, когда с ним познакомилась. Он занял тогда соседний с ней кабинет, точнее сказать, каморку. Ровесники, они быстро нашли общий язык, и Эмили поняла, что, несмотря на застенчивый, полудетский облик, Эрик — человек недюжинного ума.

Как-то раз, заметив, что он чем-то удручен, Эмили настояла, чтобы он объяснил ей причину. Оказалось, крупный производитель программного обеспечения подал в суд на его крохотную интернет-компанию. Денег на хорошего адвоката у Эрика, естественно, не было. Эмили взялась за дело, не рассчитывая на гонорар, и про себя шутила, что акциями, которыми обещал расплатиться с ней Эрик, обклеит комнату. Дело она выиграла. Он выставил акции на биржу, и они многократно выросли в

цене. Когда стоимость ее пакета дошла до десяти миллионов, Эмили его продала.

Теперь имя Эрика красовалось на роскошном новом здании. Их дружба продолжалась, и, когда Эмили начал преследовать неизвестный тип, Эрик всячески ее поддерживал и даже установил у нее дома видеокамеру, которая и засняла преступника.

— Я только хотел убедиться, что с тобой все в порядке, — сказал он.

Они немного поболтали и договорились созвониться снова. Эмили открыла окно, и в комнату ворвался холодный просоленный воздух. Потом она пошла к двери, хотя точно помнила, что заперла ее на два замка. Прекрати, остановила она себя. Ты уже проверяла, перед тем как принять душ.

Такой осторожной и пугливой она стала из-за человека, который ее преследовал. Ей никогда не забыть, как она вернулась однажды домой и поняла, что он там был. У ночника она тогда обнаружила фотографию — на ней Эмили стояла на кухне в одной ночной рубашке. Снимок этот она видела впервые.

Затем последовало еще несколько инцидентов, и все с фотографиями: она дома, на улице, в кабинете. Снимки появлялись в почтовом ящике, их засовывали под дворники ее машины, вкладывали в утреннюю газету, которую разносчик оставлял на крыльце. Больше года полиция не могла отыскать ее преследователя.

— С вашей помощью было оправдано немало людей, обвинявшихся в тяжких преступлениях, — говорил ей старший следователь Марти Бровски. — Вполне возможно, вас преследует родственник одной из жертв. Или же кто-то узнал, что вы получили кучу денег, и мучается завистью.

Тогда-то камера и сняла Неда Келера — сына женщины, предполагаемого убийцу которой она с успехом защищала, — ошивавшегося около ее дома. Но он давно уже не разгуливает на свободе, успокаивала себя Эмили, а находится на лечении в психиатрической клинике. К тому же это не Олбани, а Спринг-Лейк. Она легла в кровать, укрылась одеялом и щелкнула выключателем.

Мужчина, стоявший в тени дерева на противоположной стороне Оушен-авеню, увидел, что в комнате погас свет.

— Спокойной ночи, Эмили, — прошептал он.

21 марта, среда

Глава вторая

Уилл Стаффорд, сунув под мышку портфель, прошел через боковую дверь своего дома в бывший каретный сарай, который, как и большинство сохранившихся в Спринг-Лейке подобных строений, теперь служил гаражом. Снег перестал идти еще ночью, и ветер поутих. Но тем не менее первый день весны выдался морозным.

Стаффорд должен был встретиться с Эмили Грэм в кафе «Кто на третьей базе», самом стильном в Спринг-Лейке. Оттуда они собирались пойти еще раз взглянуть на дом, который она решила купить, а потом — к нему в офис, заключить сделку.

Выезжая на джипе на улицу, Уилл подумал, что денек мало чем отличается от того дня в конце декабря, когда Эмили Грэм впервые пришла к нему в офис.

— Я только что внесла задаток за дом, — сообщила она. — И попросила агента порекомендовать мне хорошего юриста по сделкам с недвижимостью. Она назвала ваше имя.

Эмили была так воодушевлена предстоящей покупкой, что даже забыла представиться, с улыбкой вспомнил Уилл. Ее имя он узнал из подписи на соглашении — Эмили Ш. Грэм. Хорошеньких женщин, которые могут выложить за дом два миллиона, не так уж и много.

Он пришел на десять минут раньше, но она уже сидела за столиком и пила кофе.

Во время их первой встречи в декабре он, узнав, что Эмили посмотрела всего один дом, сказал:

— Не люблю отказываться от работы, но позвольте: неужели вы действительно видели дом впервые?

Тогда-то она и сказала, что некогда дом принадлежал ее семье и инициал «Ш.» в ее имени означает Шейпли.

Эмили заказала виноградный сок, омлет из одного яйца и тост. Пока Уилл Стаффорд изучал меню, она изучала Уилла и вполне его одобрила. Весьма привлекательный мужчина: рос-

лый, худощавый, широкоплечий, с соломенными волосами и ярко-синими глазами.

При первой встрече ей понравились и его дружелюбие, и ненавязчивая внимательность. Не каждый юрист решится отговаривать клиента от сделки, подумала тогда она.

Кьернаны, которые продавали дом, приобрели его три года назад и все это время занимались ремонтом. А когда осталась только внутренняя отделка, Уэйну Кьернану предложили хорошую должность в Лондоне. В январе Эмили прошла с ними по всем комнатам и купила викторианскую мебель и ковры. Владения были обширные, подрядчик только что закончил строительство летнего павильона и собирался рыть бассейн. Всею бумажной работой занимался Уилл Стаффорд.

А он, оказывается, умеет слушать, заметила она, с удивлением поймав себя на том, что рассказывает Уиллу о своем детстве, прошедшем в Чикаго.

— Моя бабушка по материнской линии живет в Олбани. Я училась в Скидморском колледже в Саратога-Спрингс — это совсем рядом, поэтому я много времени проводила у нее. А ее бабушка была младшей сестрой Мадлен Шейпли, той самой девушки, которая пропала в восьмьсот девяносто первом году.

Уилл заметил, что по лицу Эмили пробежала легкая тень.

— Впрочем, — добавила она со вздохом, — это было так давно.

— Очень давно, — согласился Уилл. — Вы намерены сразу же переехать или будете наведываться сюда на выходные?

Эмили улыбнулась:

— Я собираюсь заселиться, как только подпишем купчую. Там есть все необходимое, вплоть до кастрюль со сковородками. А мебельный фургон из Олбани приедет сегодня к вечеру.

— У вас остался дом в Олбани?

— Вчера я там ночевала в последний раз. Я все еще обставляю свою квартиру на Манхэттене, поэтому до первого мая буду ездить туда-сюда. А потом я приступаю к работе в фирме «Тодд, Скэнлон, Кляйн и Тодд». И тогда буду появляться здесь только на выходные.

— В городе вами очень интересуются, — сказал Уилл. — И хочу вас предупредить: о том, что вы потомок семьи Шейпли, разболтал не я.

Официантка принесла еду. Эмили не стала дожидаться, пока она отойдет, и сказала:

— Уилл, я из этого секрета не делаю. Мне скрывать нечего.

Он весело усмехнулся:

— А вы и не производите впечатления человека, которому есть что скрывать. Что же касается меня, — продолжал Стаффорд, — вы хоть и не спрашивали, но я скажу. Родился я в часе езды отсюда, в Принстоне. Мой отец был генеральным директором «Лайонел фармасьютикалс». Они с матерью расстались, когда я был подростком. Отец с тех пор много путешествовал, а мы с матерью переехали в Денвер, там я окончил школу и поступил в университет.

Он доел сосиску, взглянул на часы:

— Уже половина десятого. Не будем заставлять Кьернанов ждать. — Попросив счет, Уилл сказал: — В завершение рассказа о моей не слишком увлекательной жизни скажу, что сразу после университета я женился. Через год мы поняли, что совершили ошибку.

— Вам повезло, — заметила Эмили. — Окажись я такой же сообразительной, моя жизнь была бы намного легче.

— Я вернулся на восток и подписал контракт с «Кэнон и Родз», крупной фирмой, занимающейся недвижимостью на Манхэттене. Работа была интересная, но отнимала много сил. Я искал место, где можно было бы отдохнуть в выходные, заехал сюда и купил старый дом.

— А почему именно в Спринг-Лейке?

— Когда я был маленьким, мы каждое лето проводили пару недель в отеле «Эссекс и Суссекс». Счастливое было время.

Официантка принесла счет, Уилл достал бумажник.

— И вот двенадцать лет назад я понял, что мне нравится жить в Спринг-Лейке и не нравится работать в Нью-Йорке, поэтому я открыл здесь собственное дело. Работы много — и с частными клиентами, и с фирмами. Кстати, о работе — пора к Кьернанам.

Но Кьернаны, как выяснилось, уже уехали из Спринг-Лейка. Их поверенный сообщил, что ему переданы права на заключение сделки. Эмили прошла вместе с ним по дому.

— Замечательно, что все в таком прекрасном состоянии, — сказала она.

Ей не терпелось поскорее подписать бумаги и остаться в доме одной, побродить по комнатам, переставить мебель в гостиной. Ей нужно было сделать что-то, чтобы дом стал по-настоящему ее. Свой дом в Олбани она всегда считала перевалочным пунктом, хотя прожила в нем три года — с тех пор, как, вернувшись на день раньше из Чикаго, застала супруга в объятиях своей лучшей подруги. Она собрала вещи, села в машину и отправилась в отель. А через неделю сняла дом.

— Ну, вы готовы отправиться ко мне в офис и подписать бумаги? — спросил Стаффорд.

Три часа спустя Эмили снова подъехала к дому. Рядом с летним павильоном уже начали рыть бассейн. Работали трое. С бригадиром, Мэнни Декстером, Эмили познакомилась, осматривая дом. Заметив ее, он помахал ей рукой.

Под урчание экскаватора она прошла по выложенной плиткой дорожке к задней двери. Пожалуй, без этого я бы вполне могла обойтись, подумала Эмили, но тут же напомнила себе, что бассейн будет весьма кстати, когда к ней приедут погостить братья с семьями.

Вставляя ключ в замочную скважину, она услышала истошный крик Декстера:

— Вырубай мотор! Прекращай работу! Там в яме скелет!

Детектив Томми Дагган не всегда соглашался со своим начальником, прокурором округа Монмут Эллиотом Осборном. Томми знал: Осборн считает его нежелание прекращать расследование по делу об исчезновении Марты Лоуренс навязчивой идеей.

Детективом Томми Дагган проработал пятнадцать из своих сорока двух лет. За это время он женился, родил двоих сыновей. Лысина его все ширилась, а некогда стройная талия оплывала. Он был круглолицым весельчаком и производил впечат-

ление везунчика, у которого не бывает в жизни проблем серьезнее лопнувшей шины, однако следователем он был от бога.

Сидя в своем крохотном кабинетике, он и сегодня потратил обеденный перерыв на то, чтобы снова просмотреть дело Лоуренс. Он долго разглядывал фотографию Марты, сделанную здесь, в Спринг-Лейке, на берегу океана. Двадцать один год, настоящая красавица — длинноволосая блондинка с обаятельной улыбкой, ей бы жить да жить. Однако через двое суток ее не стало.

Томми грустно покачал головой и захлопнул папку. Он был убежден: если продолжать опрашивать жителей Спринг-Лейка, рано или поздно всплывет какая-нибудь деталь, на которую прежде не обратили внимания. Все эти годы он постоянно общался и с дедушкой и бабушкой Марты, и со всеми теми, кто видел Марту в последние часы ее жизни.

Большинство гостей, пришедших на прием к Лоуренсам, либо были местными жителями, либо приезжали на лето, а с осени до весны — на выходные. Томми всегда носил в бумажнике список гостей. И время от времени наезжал в Спринг-Лейк поболтать то с тем, то с другим.

Причем в свободное от работы время, усмехнулся он, глядя на приготовленный женой Сьюзи пакет с сэндвичами. Тунец с зерновым хлебом. Врач посоветовал ему сбросить килограммов десять, и Сьюзи решила добиться этого, уморив его голодом.

В половине седьмого утра 7 сентября Марту видели на тропе у океана, куда она отправилась на пробежку. Было это четыре с половиной года назад. Томми нехотя откусил сэндвич. И принял решение. Завтра в шесть утра он тоже отправится на пробежку. Может, так ему удастся избавиться от этих треклятых килограммов, но это не главное. У него возникло предчувствие, знакомое по другим расследованиям, — еще немного, и он выйдет на убийцу.

Зазвонил телефон.

— Томми, босс ждет тебя у выхода, — сообщила секретарша Эллиота Осборна.

Когда Томми подошел к стоянке, Осборн уже садился на заднее сиденье. Заговорил он только после того, как машина тронулась и водитель включил сирену.

— На Хейс-авеню в Спринг-Лейке найдены останки двух тел, причем одно явно пролежало в земле очень долго.

Позвонив в службу спасения, Эмили выбежала во двор. Она заглянула в котлован и увидела нечто, напоминающее человеческое тело, завернутое в плотный черный пластик.

Когда подъехала первая полицейская машина, Эмили ушла в дом и согрела себе чаю.

Большое окно кухни выходило на задний двор. Эмили с чашкой в руке стояла у окна и смотрела, как огораживают котлован. Полицейские фотографы делали снимки. Какой-то мужчина, по-видимому, судмедэксперт спустился в котлован.

В дверь позвонили.

Томми Дагган и Эллотт Осборн стояли на крыльце и ждали, когда им откроют. Оба были совершенно убеждены, что поиски Марты Лоуренс наконец завершились. Медэксперт сказал, что, судя по всему, это скелет человека молодого. Предполагать что-либо относительно разрозненных костей, обнаруженных там же, он отказался — сначала их надо было исследовать.

Томми обернулся и посмотрел на улицу:

— Народ уже собирается. Лоуренсам наверняка сообщат.

— Доктор О'Брайен обещал провести экспертизу как можно скорее, — сухо сказал Осборн. — Он отлично понимает, что весь Спринг-Лейк тут же решит, что это Марта Лоуренс.

Дверь открылась, и мужчины предъявили удостоверения.

— Я Эмили Грэм. Прошу вас, проходите.

Эмили провела их в гостиную.

— Мы бы хотели задать вам несколько вопросов, мисс Грэм, — сказал Осборн. — Насколько мне известно, вы только сегодня приобрели этот дом. Вы давно стали приезжать в Спринг-Лейк?

Ей и самой рассказ о том, что впервые она появилась тут всего три месяца назад и тут же купила дом, казался не очень правдоподобным. И она ответила, тщательно подбирая слова:

— В Спринг-Лейк я приехала потому, что рассказы о нем слышала всю жизнь. Мои предки построили этот дом в восемьсот семьдесят пятом году. Владели им до восьмьсот девяносто

второго и продали после того, как здесь пропала их старшая дочь Мадлен. Я хотела выяснить, где именно этот дом находится, обратилась в городской архив и узнала, что дом продается. Я его посмотрела, влюбилась в него и тут же купила.

— А я и не знал, что это дом Шейпли, — сказал Осборн. — Мы предполагаем, что это останки молодой женщины, которая пропала четыре с лишним года назад. — Он сделал Даггану знак рукой, давая понять, что сейчас не время сообщать о других останках.

Эмили побледнела:

— Молодая женщина, пропавшая четыре года назад, была закопана здесь?

— По-видимому, да, — сказал Осборн. — Боюсь, нам придется выставить охрану — пока будут работать эксперты. Как только все закончится, вы сможете продолжать рыть бассейн.

Никакого бассейна здесь не будет, подумала Эмили.

Когда они подошли к двери, снова зазвенел звонок — прибыл мебельный фургон из Олбани.

Слухи о человеческих останках, обнаруженных во дворе дома на Хейс-авеню, быстро расползлись по городу. Никто не сомневался: это наверняка Марта Лоуренс. Старые друзья потянулись к дому Мартиных дедушки с бабушкой. Один из них вызвался позвонить родителям Марты в Филадельфию, и Джордж с Амандой немедленно выехали в Спринг-Лейк.

В шесть часов, когда на город опустились сумерки, пастор церкви Св. Екатерины отправился вместе с прокурором к Лоуренсам. Доктор О'Брайен, обследовавший останки, снял отпечатки зубов, и они полностью соответствовали записям в стоматологической карте Марты. На черепе осталось несколько прядей волос, и они были идентичны тем, которые полиция после исчезновения Марты сняла с ее щетки.

Город погрузился в траур.

Полиция решила пока что попридержать информацию о других останках, которые тоже принадлежали молодой женщине. Судмедэксперт полагал, что они пролежали в земле более ста лет. Кроме того, не разглашалось, что орудием убийства Марты послужил серебристый шелковый шарф с каймой из люрекса.

Однако больше всего пугало и настораживало то, что в пластиковом мешке вместе с останками Марты Лоуренс лежала фаланга пальца второй жертвы, умершей более ста лет назад, и на ней болталось кольцо с сапфиром.

Первый вечер в новом доме выдался тревожным. Днем Эмили отвлекли грузчики, привезшие мебель, потом пришлось разбирать вещи. Она, насколько это возможно, старалась не думать о том, что происходит во дворе.

В семь часов Эмили приготовила салат, испекла картошку и поджарила баранью отбивную. Шторы она опустила, но на душе все равно было тревожно. Несколько бокалов кьянти не согрели и не успокоили ее.

Прибрав на кухне, она проверила все двери, включила сигнализацию и поднялась на второй этаж. Было всего девять вечера, но ей хотелось поскорее надеть теплую пижаму и забраться в постель.

Эмили переоделась и озадаченно замерла. А заперла ли она входную дверь на засов? Злясь на саму себя, она поспешила к лестнице. Еще не успев подойти к двери, она заметила на полу конверт, который просунули под дверь. Господи, умоляю, только не это, пронеслось у нее в мозгу. Неужели все началось заново?

Она вскрыла конверт. Там был снимок женщины в окне. Приглядевшись, Эмили поняла, что это она сама.

Вчера вечером. В «Кэндллайт-Инн». Она стояла у окна, смотрела на улицу. Кто-то сфотографировал ее с пляжа. Когда она поднималась наверх, никакого конверта в холле не было.

Неужели человек, который преследовал ее в Олбани, приехал сюда, в Спринг-Лейк? Но это абсолютно невозможно. Нед Келер находится в Гранд-Мэнор, в психиатрической клинике.

Телефон в доме еще не подключили, сотовый остался в спальне. Зажав в руке снимок, Эмили бросилась туда. Дрожащей рукой она набрала номер справочной.

— Вас приветствует информационная служба...

— Олбани, штат Нью-Йорк. Больница Гранд-Мэнор.

Через несколько мгновений она уже беседовала с ночным дежурным отделения, где лежал Нед Келер.

— Ваше имя мне знакомо, — сказал врач. — Вы — та, которую он преследовал.

— Его что, выпустили на время?

— Келера? Разумеется, нет.

— А он, случайно, не мог сбежать?

— Менее часа назад на вечернем обходе я лично его видел.

Эмили живо представила себе Келера: щуплый мужчина лет сорока, лысеющий, держится робко. В суде он все время беззвучно плакал. Она защищала Джоэля Лейка, которого обвиняли в том, что он, проникнув в дом с целью грабежа, убил мать Неда. Когда суд присяжных оправдал Лейка, Келер набросился на Эмили. Он осыпал ее проклятьями, орал, что она выпустила на свободу убийцу. Его с трудом сдерживали двое полицейских.

— Как он? — спросила она.

— Поет старую песню — мол, невиновен. — Врач говорил с ней мягко и рассудительно. — Уверяю вас, Неда никто отсюда не выпустит.

Закончив разговор, Эмили внимательно рассмотрела снимок. На нем она стояла в окне — удобная цель для того, кто решит вместо фотоаппарата воспользоваться пистолетом.

Эмили позвонила в полицию. Дежурный выслал машину. Прибыл полицейский — совсем молоденький, года двадцать два, не больше. Она рассказала ему, как ее преследовали в Олбани.

— Скорее всего, какой-нибудь парнишка решил над вами подшутить, — попытался успокоить ее полицейский. — Вы не могли бы дать мне пару полиэтиленовых пакетов?

Осторожно взяв конверт и снимок за уголок, он убрал их в пакеты.

— Проверим отпечатки пальцев. Ну, мне пора. — Она проводила его до двери. — Сегодня за домом будет следить патрульная машина, и мы предупредим полицейского, который охраняет задний двор, чтобы он был начеку, — сказал он. — Все будет в порядке.

Хотелось бы надеяться, подумала Эмили, запирая дверь на засов.

Клейтон и Рейчел Уилкоккс были в гостях у Лоуренсов в вечер перед тем, как исчезла Марта. С тех пор к ним, как и к прочим гостям, постоянно наведывался детектив Томми Дагган.

Шестидесятичетырехлетняя Рейчел была видной дамой с седыми волосами до плеч. Высокая, с безукоризненной осанкой, она производила впечатление женщины властной и решительной. Взгляд ее серо-голубых глаз был пристален и суров.

Тридцать лет назад, когда сорокалетний Клейтон, застенчивый и робкий замдекана, ухаживал за ней, он нежно называл ее «мой викинг».

— Я так и представляю, как ты стоишь в боевом облачении на носу корабля и твои волосы колышет ветер, — шептал он.

Клейтон до сих пор мысленно называл ее Викингом. Однако уже безо всякой нежности. Он жил в постоянном напряжении: главной его задачей было не вызвать гнев жены.

Из одиннадцатичасовых новостей они узнали, что обнаружено тело Марты Лоуренс, и Клейтон выслушал колкие комментарии жены:

— Печально, конечно, что и говорить, но одно хорошо: наконец-то нам перестанет надоедать этот зануда детектив.

Скорее наоборот, теперь Дагган будет приходить чаще, подумал Клейтон.

Двенадцать лет назад в возрасте пятидесяти пяти лет он ушел с поста президента Инок-колледжа, небольшого, но весьма престижного учебного заведения в Огайо, и они с Рейчел переехали в Спринг-Лейк. Впервые он побывал здесь еще мальчишкой — навещал дядю — и потом иногда сюда наведывался. В качестве хобби он выбрал историю городка и теперь считался в этом вопросе главным специалистом.

Рейчел так и не простила ему романа с университетской коллегой, случившегося через три года после свадьбы. Как не простила и ошибки, приведшей к тому, что Клейтон вынужден был уйти из Инок-колледжа.

Когда на экране появилась фотография Марты Лоуренс, Клейтон перепугался. Поскольку останки Марты обнаружены, полицейские возобновят расследование. Насколько глубоко они будут копаться в прошлом тех, кто был в тот вечер на приеме?

«Марта Лоуренс приехала навестить родных перед началом учебного года», — говорила дикторша.

— Я тогда еще дала тебе поддержать шарф, — в тысячный раз напомнила Рейчел. — И ты, естественно, умудрился его потерять

22 марта, гетберг

Глава третья

С того самого дня, как начали рыть бассейн, он знал, что останки Марты могут обнаружить. Оставалось только надеяться, что фаланга пальца, положенная им в пластиковый саван, не рассыплется в пыль. Но даже если и так, кольцо они все равно найдут.

Конечно, вряд ли у медэксперта хватит ума сообразить, что Марта и Мадлен обе были задушены — Марта шарфом, а Мадлен белым льняным пояском, который соскользнул с ее талии, когда она попыталась бежать.

Эту запись из дневника он помнил наизусть:

Удивительно, но безо всяких усилий с моей стороны Мадлен сразу догадалась, что, придя в дом, допустила ошибку. Выражение ее лица оставалось прежним, однако ее длинные тонкие пальцы беспокойно теребили юбку.

Она тревожно смотрела, как я запираю дверь.

— Зачем вы это делаете? — спросила она.

Должно быть, прочла что-то в моем взгляде. Она попыталась закричать, но не смогла. Она лишь прошептала:

— Прошу вас...

Она метнулась было к окну, но я ухватил ее за пояс платья и сорвал его, а затем, схватив его обеими руками, накинул ей на шею. И тогда она с недюжинной силой принялась отбиваться. Она была уже не дрожащей овечкой, а тигрицей, борющейся за жизнь.

Позже я вымылся и заглянул к ее родителям, которые были обеспокоены ее затянувшимся отсутствием.

Фотография Марты была опубликована на первых полосах всех газет. А почему бы и нет? Новость, вполне достойная внимания публики: обнаружено тело красивой девушки, к тому же из богатой семьи. Однако новость стала бы сенсацией, если бы газетчики сообщили еще и про палец с кольцом. Если полицей-

ские его обнаружили, то наверняка заметили, что он вложил его в руку Марты.

Рука была еще теплой и гибкой.

Смерть сделала их сестрами. Через сто пять лет.

Было объявлено, что прокурор в одиннадцать проведет пресс-конференцию. Было без пяти одиннадцать. Он включил телевизор и, предвкушая удовольствие, уселся в кресло.

За пятнадцать минут до пресс-конференции прокурор Эллиот Осборн объяснял своим помощникам, что он намерен, а что не намерен сообщать журналистам. Он огласит результаты вскрытия и расскажет, что смерть наступила в результате удушья. Но умолчит о том, что орудием убийства послужил шарф с каймой из люрекса.

— А о пальце вы упомянете, сэр? Вот это точно растревожит осиное гнездо.

Питера Уолша только что назначили детективом. Он восемь лет прослужил в полиции Спринг-Лейка, а теперь работал у прокурора. Осборн дал Уолшу договорить и продолжил:

— Я скажу, что рядом с телом Марты Лоуренс обнаружены еще одни останки, пролежавшие в земле более ста лет. Четыре с половиной года назад, когда Марта исчезла, «Эсбери-Парк пресс» раскопал историю об исчезновении седьмого сентября восемьсот девяносто первого года девятнадцатилетней Мадлен Шейпли. Журналисты, вероятно, решат, что палец, найденный у тела Марты, принадлежал Мадлен Шейпли, тем более что захоронение сделано на земле Шейпли.

— А правда, что новая владелица дома тоже из Шейпли? — спросил Питер Уолш.

— Правда.

— Значит, можно сделать анализ на ДНК?

— Если мисс Грэм пожелает, мы сделаем анализ. Но я и так уже велел поднять все материалы по делу Мадлен Шейпли. Выяснилось, что приблизительно тогда же пропали еще две девушки. Летиция Грегг исчезла пятого августа восемьсот девяносто третьего года. Судя по полицейским протоколам, родители предполагали, что она отправилась поплавать, поэтому дело и не вызвало особых подозрений. Три года спустя, тридцать пер-

вого марта восемьсот девяносто шестого года, пропала лучшая подруга Летиции Эллен Свейн. В последний раз ее видели, когда она в сумерках выходила из дома своих друзей. — Осборн взглянул на часы. — Без одной минуты одиннадцать. Пора.

В конференц-зале собралось полно народа. Вопросы Осборну задавали быстро и по делу. Репортер «Нью-Йорк пост» сказал, что два трупа на одном участке — вряд ли простое совпадение.

— Согласен, — кивнул Осборн. — Палец с кольцом был намеренно положен рядом с телом Марты.

— Рядом — это где? — спросил журналист из Эй-би-си.

— Он был вложен в руку Марты. — Осборн показал фотографию. — Это снимок с места происшествия.

И тут прозвучал неизбежный вопрос:

— Вы предполагаете, что это мог быть серийный убийца, замешанный в убийстве, случившемся в Спринг-Лейке сто десять лет назад?

— Я ничего не предполагаю.

— Но ведь и Марта Лоуренс, и Мадлен Шейпли пропали седьмого сентября. Как вы это объясните?

— Никак.

— Вы допускаете, что убийца Марты реинкарнировался?

— Никоим образом. Все, достаточно.

Выходя из зала, Осборн поймал взгляд Томми. Оба думали об одном и том же: смерть Марты Лоуренс стала очередной дешевой сенсацией, и есть только один способ прекратить шум — найти убийцу.

Кусок шарфа с каймой из люрекса был единственной зацепкой. Это и тот факт, что убийца, кем бы он ни был, знал о могиле, выкопанной во владениях Шейпли более ста лет назад.

Эмили проснулась в девять утра. Спала она беспокойно и встала совершенно разбитой.

Тело пропавшей девушки на заднем дворе...

Фотография, подсунутая под дверь...

Она спустилась вниз сделать кофе. День обещал быть чудесным. Лучи солнца струились через витражи в окне на лестничной площадке. На кухне Эмили подождала, пока закипит кофе. Когда он был готов, она налила себе чашку и пошла наверх. На-

дела джинсы и свитер, а волосы скрутила жгутом и перехватила заколкой.

Убирая кровать, она услышала звонок в дверь — пришли из телефонной компании проводить новый кабель. К одиннадцати телефонисты ушли. Эмили пошла в кабинет посмотреть новости. Когда передача закончилась, Эмили выключила телевизор, но долго еще смотрела на темный экран, а в голове крутился калейдоскоп детских воспоминаний: бабушка все снова и снова рассказывала о Мадлен.

Бабушка устремляла взор куда-то вдаль и говорила:

— Мадлен была старшей сестрой моей бабушки, и та ее боготворила. Все рассказывала, какая она была красавица. Половина молодых людей Спринг-Лейка были влюблены в нее по уши. И все норовили пройти мимо ее дома — в надежде увидеть ее на веранде. В тот последний день она была очень возбуждена. Ее возлюбленный, Дуглас Картер, поговорил с ее отцом и получил разрешение сделать Мадлен предложение. Она ждала его с обручальным кольцом. И показала бабушке, что заранее передела кольцо, которое ей подарили на шестнадцатилетие, с левой руки на правую.

Через два года после исчезновения Мадлен Дуглас Картер покончил с собой, вспомнила Эмили.

Она встала. Что еще может вспомнить бабушка о событиях, про которые узнала в детстве? Эмили набрала ее номер. Трубку сняли после первого же гудка.

— Ну, рассказывай про дом, — велела бабушка.

Говорить про то, что здесь произошло, было нелегко.

— Ох, Эмили, да как же это случилось?

— Сама не знаю, но намерена выяснить. Бабушка, помнишь, ты мне рассказывала, что на Мадлен в день, когда она исчезла, было кольцо?

— Она ждала Дугласа Картера с обручальным кольцом.

— Ты, кажется, говорила, что на ней было кольцо, подаренное на шестнадцатилетие?

— Разве? Дай-ка вспомнить. Ах да, Эм. Кольцо с сапфиром в обрамлении маленьких бриллиантов. Ты что, решила после стольких лет выяснить, что случилось с Мадлен?

— Мало ли как выйдет. Ну пока, бабуля, целую.

Следующий звонок Эмили был к прокурору. Она назвалась, и ее немедленно соединили с Эллиотом Осборном.

— Я смотрела новости и хотела бы узнать: это случайно не кольцо с сапфиром и маленькими бриллиантами?

— Да.

— Оно было на безымянном пальце правой руки?

— Откуда вам это известно, мисс Грэм? — спросил после паузы Осборн.

Повесив трубку, Эмили вышла на веранду. Вместе с телом Марты Лоуренс они нашли палец и кольцо Мадлен.

Около полудня Эмили позвонил Уилл Стаффорд.

— Я вчера уехал в Нью-Йорк, — сказал он, — и о том, что произошло, узнал только вчера вечером из новостей. Мне очень жаль Лоуренсов. И вас тоже.

Ей была приятна его забота.

— Вы видели интервью с прокурором? — спросила она.

— Да. Не думаете ли вы, что...

Она догадалась, какой вопрос он хочет задать.

— Не думаю ли я, что палец, который нашли рядом с телом Марты Лоуренс, — это палец Мадлен Шейпли? Я знаю это наверняка. Я говорила с бабушкой, и она описала кольцо, про которое ей рассказывала ее бабушка.

— Значит, все эти годы ваша двоюродная прапрабабушка была захоронена у собственного дома?

— Выходит, так, — сказала Эмили.

— Кто-то знал об этом и специально закопал там же Марту. Но как он выяснил, где лежит Мадлен Шейпли?

— Ответ на этот вопрос я и намерена узнать. Уилл, я бы хотела познакомиться с Лоуренсами. Вы с ними знакомы?

— Конечно.

— Не могли бы вы им позвонить и спросить, не позволят ли они мне заглянуть ненадолго?

— Разумеется. И потом перезвоню вам, — пообещал Уилл.

Через двадцать минут его секретарша Пэт Гуинн сообщила по громкой связи:

— Мистер Стаффорд, пришла Натали Фриз, хочет с вами поговорить.

Очень кстати, подумал Уилл. Натали была второй женой Боба Фриза, давнишнего жителя Спринг-Лейка. Лет пять назад Боб уволился из брокерской конторы и исполнил свою старинную мечту — открыл дорогой ресторан под названием «Сизонер».

Натали было тридцать четыре, Бобу — шестьдесят один, и каждый получил от брака именно то, чего хотел. Боб — красотку жену, а Натали — роскошную жизнь.

Но сегодня Натали не склонна была кокетничать.

— Уилл, какая печальная новость! — сказала она. — Марту Лоуренс, конечно, жалко, но зачем ворошить прошлое?

— Должен заметить, что, несмотря на беспокойство, выглядишь ты прекрасно. Словно сошла с обложки «Вог».

На ней было коричневое кожаное полупальто с собольими воротником и манжетами и такие же кожаные брючки. Длинные белокурые волосы спадали ниже плеч. Ровный загар, приобретенный, как было известно Уиллу, на Палм-Бич, подчеркивал бирюзовый цвет глаз.

Она пропустила комплимент мимо ушей.

— Уилл, я посмотрела пресс-конференцию и тут же отправилась к тебе. У Боба чуть сердечный приступ не случился. Я даже волновалась, как он в таком состоянии сядет за руль.

— А что его так расстроило?

— Ты же знаешь, детектив Дагган постоянно заходит ко всем, кто был на приеме у Лоуренсов накануне исчезновения Марты.

— К чему ты клонишь?

— Яснее ясного: Марту убили, и, если кому-нибудь взбредет в голову, что в ее смерти виновен один из нас, шума не избежать.

— Шума? Да какое нам до этого дело?

— Боба это обязательно коснется. Все деньги, до последнего доллара, вложены в его обожаемый ресторан. И он теперь психует. Считает, что, если нам будут уделять слишком много внимания, это плохо отразится на его бизнесе.

Уилл несколько раз бывал в ресторане Боба. Интерьер мрачный, еда средняя, а цены заоблачные.

— Натали, — сказал он, — я понимаю, нервы у Боба на пределе, но только из-за того, что вы были на приеме у Лоуренсов, репутация ресторана пострадать не может.

Натали пожала плечами и горько усмехнулась:

— Очень надеюсь, что ты прав. Вот поговорю с тобой, и на душе легче. Пойдем куда-нибудь перекусим.

— Я собирался послать за сандвичем.

— Ну уж нет. Идем в «Старую мельницу».

На улице она сунула руку ему под локоть.

— Что люди подумают? — улыбнулся Стаффорд.

— Пусть что хотят, то и думают. Они меня так и так презирают. Говорила я Бобу, надо отсюда уезжать. Этот городишко слишком мал для меня и его бывшей жены.

Известный психолог доктор Лиллиан Мэдден часто применяла на практике гипноз, верила в реинкарнацию и на своих сеансах возвращала пациентов в их предыдущие жизни. Она была убеждена, что причиной душевных переживаний могут быть эмоциональные травмы, перенесенные в прошлой жизни. И полагала, что с людьми, которых мы знаем в этой жизни, мы, вероятно, общались и в прошлой.

Утренний прием Мэдден начинала в восемь, за час до того, как приходила на работу ее секретарша Джоан Ходжес. Впервые за день они поговорили около полудня, когда доктор Мэдден вышла в приемную.

— Есть важные сообщения? — спросила она.

— Здравствуйте, доктор, — подняла голову Джоан. — Не знаю, насколько важные, но вам они не понравятся.

Джоан, в сорок четыре года уже ставшая бабушкой, была, по мнению Лиллиан Мэдден, идеальной секретаршей для практикующего психолога. Всегда веселая, деловитая, она обладала даром располагать к себе людей.

— И что же мне в них не понравится?

— Прокурор провел пресс-конференцию, и за последний час вам позвонили из трех таблоидов. Позвольте, я объясню почему.

Лиллиан изумленно выслушала рассказ секретарши о найденном в руке Марты Лоуренс пальце с кольцом и о том, что Мадлен Шейпли, как и Марта, пропала седьмого сентября.

— Надеюсь, они не решили, что Марта — реинкарнация Мадлен, которой суждено было еще раз пережить столь ужасную смерть?

— Об этом не спрашивали, — сказала Джоан мрачно. — Они интересовались, не считаете ли вы, что реинкарнировался убийца Мадлен.

В два часа Томми Дагган вернулся к себе в кабинет в сопровождении Питера Уолша. После пресс-конференции сотрудники Осборна кинулись заново просматривать дело Марты Лоуренс в поисках пропущенных подробностей. Осборн назначил Томми старшим и дал ему в помощь Уолша. Уолш с коллегами весь предыдущий вечер рылись в пыльных архивах, ища материалы по делу об исчезновении Мадлен Шейпли.

И теперь Томми Дагган глядел на него с сочувствием. У Уолша были красные глаза, его шатало от усталости, он, тридцатилетний и уже лысеющий мужчина, походил на изможденного мальчишку.

— Шел бы ты домой, Пит, — предложил Томми. — Ты же спишь на ходу.

— Со мной все в порядке. Ты говорил, надо сделать несколько звонков. Я тебе помогу.

— Как хочешь, — пожал плечами Томми. — Сегодня к вечеру останки Марты доставят из морга в крематорий. Там будут присутствовать родственники. Прах захоронят в семейном склепе на кладбище у церкви Св. Екатерины. Эту информацию скрывают от широкой публики.

Пит кивнул.

— Родственники решили объявить только, что заупокойная служба по Марте состоится в субботу.

Томми был уверен, что все или почти все, кто был на приеме у Лоуренсов перед исчезновением Марты, придут на службу. Он уже сказал Питу, что хотел бы собрать их где-нибудь под одной крышей и побеседовать с каждым наедине. Расспросив всех подряд, легче будет выявить несоответствия в их рассказах. Или не выявить, мрачно подумал он.

Томми достал список тех, кто присутствовал на приеме.

— Я позвоню Уиллу Стаффорду и спрошу, нельзя ли собрать всех у него дома сразу после службы. Если он согласится, начнем обзванивать остальных.

Томми снял трубку. Стаффорд только что вернулся с обеда.

— Разумеется. Собирайте всех у меня, — согласился он. — Но лучше чуть позже. После службы Лоуренсы приглашают друзей к себе.

— Тогда я попрошу всех прийти к вам в три.

Дорого бы я дал, чтобы побывать у Лоуренсов, подумал Томми.

— Время и место определены, — сказал он Питу. — Осталось обзвонить людей. Через час мы должны быть у Эмили Грэм. Надо уговорить ее дать разрешение перекопать весь двор.

Без четверти три Эмили припарковала машину на Ладлем-авеню, у дома Клейтона и Рейчел Уилкокс. За полчаса до этого она позвонила Уиллу Стаффорду и спросила, с чего лучше начать поиски сведений об исчезновении Мадлен Шейпли.

— В библиотеке на Третьей авеню собран уникальный справочный материал, — сказал он, — но вернее всего будет обратиться к доктору Клейтону Уилкоксу. Он неофициальный историк нашего города. Давайте-ка я ему позвоню.

Через пятнадцать минут Стаффорд отзвонил Эмили:

— Можете ехать прямо сейчас. Я рассказал Клейтону, чем вы интересуетесь, и он уже подбирает для вас материалы.

Эмили поднялась по ступенькам и позвонила. Мгновение спустя дверь распахнулась. Даже если бы ее не предупредили, она бы сразу догадалась, что доктор Клейтон Уилкокс — ученый.

— Мисс Грэм? Прошу вас, проходите, — сказал он приятным низким голосом, взял у нее пальто и повел по коридору. — Когда мы двенадцать лет назад решили перебраться в Спринг-Лейк, выбором дома занималась жена, — объяснил Уилкокс, вводя ее в комнату, где все четыре стены от пола до потолка были заняты книжными полками. — Я тогда выдвинул единственное требование: чтобы это был настоящий викторианский особняк с комнатой, куда бы могла вместиться вся моя библиотека, письменный стол, диван и кресло.

— Вы получили то, чего хотели, — улыбнулась Эмили.

Ей нравились такие комнаты. Темно-бордовый кожаный диван выглядел уютным и удобным. Большинство книг на полках были старыми. На столе, около ноутбука, лежала кipa тетрадей и блокнотов.

— Я оторвала вас от работы. Прошу прощения.

— Пустяки. Мне сегодня не пишется, и я с нетерпением ждал встречи с вами. — Он опустил в кресло. — Уилл Стаффорд сказал, что вы интересуетесь историей Спринг-Лейка. Я смотрел новости и знаю, что вместе с останками несчастной Марты Лоуренс были обнаружены останки вашей родственницы.

Эмили кивнула:

— Убийца Марты, очевидно, знал, что тело Мадлен закопано там. Остается вопрос: откуда?

— Знал? Вы полагаете, что нынешний убийца — мужчина?

— Вероятнее всего — да. Но наверняка, естественно, не знаю. Как и не знаю, кто сто с лишним лет назад убил Мадлен Шейпли. Она — моя двоюродная прапрабабка. Она погибла в девятнадцать лет. Доктор Уилкоккс, — продолжила Эмили, — связь между гибелью Марты Лоуренс и Мадлен Шейпли несомненно существует. И если убийство одной будет раскрыто, возможно, будет раскрыто и убийство другой. Я почти уверена: тот, кто знал, что тело Мадлен закопано около ее же дома, откуда-то знает, как и почему она погибла.

— Вероятно, об этом где-то написано. Возможно, в письменном признании или письме. Выходит, тот, кто обнаружил этот документ, не только не рассказал о его существовании, но и использовал информацию о захоронении, когда совершил собственное преступление?

— Именно это я и предполагаю. И кое-что еще. Я думаю, что ни Мадлен, ни Марта не принадлежали к тому роду женщин, которые вступили бы в контакт с незнакомым человеком. Скорее всего, обе они попали в ловушку, расставленную тем, кого они знали и кому доверяли.

— На мой взгляд, заключение слишком смелое, мисс Грэм.

— Я так не считаю, доктор Уилкоккс. Мне известно, что, когда пропала Мадлен, в доме находились ее мать и сестра. Был теплый сентябрьский день. Окна были открыты. Если бы она закричала, ее бы услышали. А Марта Лоуренс отправилась на утреннюю пробежку. Несколько домов выходят окнами прямо на дорожку. Слишком уж рискованно было бы подойти к ней и затащить в машину — кто-нибудь наверняка бы это увидел.

— Вы много об этом думали, не так ли, мисс Грэм?

— Прошу вас, называйте меня Эмили. Да, я много об этом думала. Немудрено сосредоточиться на подобных мыслях, когда полицейские перекапывают твой двор в поисках жертв. — Она встала. — Благодарю, что уделили мне время. Мне пора — ко мне должны приехать детективы.

Уилкокс тоже поднялся:

— Я подобрал несколько книг и статей о Спринг-Лейке, которые могут вам пригодиться. А еще копии газетных вырезок девяностых годов девятнадцатого века.

Он выдвинул нижний ящик стола и достал полотняную сумку с надписью: «Инок-колледж. Книжный магазин».

— Лучше держите мои книги в ней, чтобы они были в одном месте. Я пишу исторический роман, действие которого происходит в Спринг-Лейке в восьмьсот семьдесят шестом году. Это моя первая попытка заняться литературным творчеством, и я нахожу его весьма увлекательным. — Он проводил ее к выходу. — Давайте снова побеседуем, когда вы просмотрите эти материалы. Возможно, у вас возникнут вопросы.

— Вы очень любезны, — сказала Эмили, пожимая ему на прощание руку.

Ей вдруг почему-то стало не по себе. Все дело в доме, подумала она, спускаясь по ступеням. Очень уж у него унылый вид. Единственное живое место — это библиотека.

Проходя мимо гостиной, Эмили заглянула туда. Мебель с темной обивкой, тяжелые шторы — худшее, что было в викторианской эпохе. Все угрюмое, мрачное, мертвое.

Клейтон Уилкокс смотрел из окна кабинета вслед Эмили. Весьма приятная молодая женщина, решил он. А затем сел за компьютер.

Скрин-сейвер исчез, и на экране появилась страница, над которой Уилкокс работал. Речь там шла о поисках девушки, которая вместе с родителями приехала в 1876 году в Спринг-Лейк на торжественное открытие отеля «Монмут».

Пальцы Клейтона Уилкокса забегали по клавиатуре. «Его стремление было столь непреодолимо, что даже последствия того, что он намеревался совершить, не могли его остановить».

— Не могу я так больше! — произнес вслух Ник Тодд, стоя у окна своего кабинета в юридической фирме «Тодд, Скэнлон, Кляйн и Тодд», располагавшейся на Южной Парк-авеню Манхэттена.

Не хочется обижать отца, но я больше не могу этим заниматься, признался он себе. Я хочу быть обвинителем мерзавцев, а не их защитником. Дверь кабинета медленно отворилась. Он обернулся и увидел стоявшего на пороге отца.

— Ник, я, наверное, был не в себе, когда согласился, чтобы Эмили Грэм приступила к работе первого мая. Только что поступило дело, просто созданное для нее. Поезжай в Спринг-Лейк и скажи, что она нужна нам на следующей неделе.

Перед тем как отец предложил Эмили Грэм работу, они с Ником ездили в Олбани посмотреть, как она держится на заседании суда. Она была великолепна. Добилась оправдания клиента, которого обвиняли в неумышленном убийстве. После заседания они вместе пообедали. Ник не забыл похвал, которые изливал на нее обычно немногословный отец.

Его так и подмывало сообщить отцу, что он уходит из фирмы. Но Ник решил подождать. Как только появится Эмили, я тут же уйду, пообещал себе он.

Вопрос ушлого репортера, заданный прокурору на пресс-конференции, его позабавил: «Вы допускаете, что убийца Марты реинкарнировался?»

А то, как резко отмел прокурор эту возможность, его оскорбило. Я действительно реинкарнировался, подумал он. Мы стали одним целым. И я это докажу.

Под вечер он решил, что откроет правду о себе. Достаточно будет открытки — с простеньким, почти детским рисунком.

Он отправит ее в субботу. По дороге в церковь.

Когда Эмили вернулась домой, на крыльце ее ждали Томми Дагган и Пит Уолш.

Она бросилась извиняться, но Томми ее остановил:

— Это мы пришли чуть раньше, мисс Грэм.

Он представил Пита, и тот взял из рук Эмили сумку с книгами, которые подобрал для нее Клейтон Уилкоккс.

— Вы решили всерьез заняться чтением? — осведомился Пит, пока Эмили открывала дверь.

— Похоже, придется, — ответила она.

Они вошли следом за ней в холл.

— Побеседуем на кухне, — предложила Эмили. — Может, мне удастся уговорить вас выпить чашечку чая.

Пит согласился, а Томми отказался, но не удержался и съел парочку шоколадных печений.

— Медэксперты уехали, — сказала Эмили. — Это значит, что работа на месте происшествия закончена?

— Как раз это мы и хотели обсудить, — сказал Томми. — Пока экскаватор здесь, мы бы хотели раскопать и оставшуюся часть двора.

— Вы что, думаете, там еще кого-то зарыли? — В голосе Эмили слышался неподдельный испуг.

— Вам известно, что после того, как исчезла ваша двоюродная прапрабабка, в Спринг-Лейке пропали еще две девушки?

— Господи! Вы решили, что и они здесь похоронены?

— Это мы и хотим выяснить, — сказал Томми.

— Я думаю, тот, кто убил Марту, точно знал, что произошло в восемьсот девяносто первом году, и совершил аналогичное убийство.

— Надеюсь, в реинкарнацию вы не верите?

— Не верю, но убеждена, что убийца Марты многое знает о смерти Мадлен Шейпли.

Томми поднялся:

— Мисс Грэм, вы позволите раскопать двор?

— Да, — холодно ответила она. — А теперь я хочу вас кое о чем попросить. Разрешите мне просмотреть материалы об исчезновении Марты Шейпли и еще двух девушек, пропавших в то же время.

Мужчины переглянулись.

— Мы должны спросить у начальства, но думаю, с этим проблем не будет, — ответил Дагган.

Она проводила их до двери.

Минут пять детективы ехали молча. Потом Дагган спросил:

— Пит, ты думаешь о том же, о чем и я?

— Вполне возможно.

— О той девушке из Филадельфии? О Карле Харпер? Она исчезла два с половиной года назад.

— Да, но свидетельница клялась, что видела, как на стоянке в пригороде Филадельфии она разговаривала с каким-то мужчиной. А через пару дней сумочку Харпер, из которой почти ничего не пропало, нашли в лесу неподалеку от той стоянки. Делом занимался прокурор Филадельфии.

Томми позвонил в управление и попросил соединить его с Леном Грином, одним из детективов, работавшим над делом.

— Лен, когда пропала вторая женщина — тогда, сто лет назад?

— Минутку... пятого августа восемьсот девяносто третьего года.

— А когда пропала Карла Харпер?

— Сейчас уточню.

Через минуту Томми услышал то, что и предполагал услышать:

— Пятого августа.

— Мы едем. Будем через двадцать минут. Спасибо, Лен.

Нужно было побеседовать с детективом из Филадельфии, который занимался делом Карлы Харпер. То, что Мадлен Шейпли и Марта Лоуренс обе пропали 7 сентября, хоть и с интервалом в сто пять лет, могло быть совпадением. Но поскольку и 5 августа пропали две женщины, это уже не походило на случайность. В Спринг-Лейке орудовал убийца, копировавший события столетней давности.

— Пит, понимаешь, что это значит? Если этот тип действует по тому же плану, тридцать первого марта он нападет на следующую жертву.

— Тридцать первого марта этого года?

— Пока что не знаю. Тогда убийства происходили с интервалом в несколько лет. — Томми снова позвонил Лену и, получив интересующую его информацию, сказал Питу: — Первые две женщины пропали с интервалом в двадцать три месяца. Столько же прошло между исчезновением Марты Лоуренс и Карлы Харпер. Если тридцать первого марта этого года исчезнет еще одна женщина, цикл завершится.

После ухода детективов Эмили решила сварить суп. Разверстая яма во дворе и вероятность того, что там похоронен еще кто-то, пугали ее. Ей казалось, что воздух напоен запахом смерти. Куриный суп действует на психику успокаивающе, сказала себе Эмили, а этого мне как раз сейчас и не хватает.

Она пошла на кухню и задернула шторы, чтобы не смотреть во двор. Руки работали сами по себе — чистили морковь, резали сельдерей и лук, сыпали приправы. К тому времени, когда пора было ставить кастрюлю на огонь, она решила позвонить в полицию Олбани и сообщить о том, что произошло вчера вечером.

Она пошла в кабинет, взяла телефон и села на диван. Первым она позвонила детективу Марти Бровски. Он был одним из тех, кто схватил Неда Келера, притаившегося у ее дома. Услышав, что произошло, Марти забеспокоился:

— Моя версия: кто-то подражает Келеру. Мы все проверим, Эмили. И вот еще что. Я позвоню в вашу местную полицию и объясню, что дело серьезное.

Затем Эмили позвонила своему другу Эрику Бейли. Он был рад ее слышать.

— Без тебя в Олбани чего-то не хватает.

— Я тоже по тебе соскучилась. И хотела попросить тебя об одной услуге.

— Готов исполнить любую просьбу.

— Эрик, помнишь, ты мне установил камеры наблюдения? Ты предлагал мне такие же для Спринг-Лейка. Можешь прислать кого-нибудь?

— Могу прислать себя. Я все равно хотел с тобой повидаться. Но в ближайшие дни я очень занят. Понедельник тебя устроит?

— Вполне, — ответила она и повесила трубку.

Следующие три часа Эмили провела за чтением книг, которые дал ей Уилкоккс. Отличная подборка, решила она.

В восемь часов Эмили пошла на кухню и закончила приготовление ужина. За едой она тоже читала. Книжка называлась «Воспоминания отроковицы». Ее автор, Филлис Гейтс, с конца восьмидесятых до середины девяностых годов девятнадцатого века проводила лето в Спринг-Лейке. Книга давала

полное представление о светской жизни того времени — пикники, танцы, приемы в отеле «Монмут», купание в океане. Но больше всего Эмили заинтересовали отрывки из дневника Филлис.

Эмили закончила ужин. Глаза слипались от усталости, и она хотела уже отложить книгу, как вдруг заметила в дневниковой записи имя Мадлен Шейпли.

18 июня 1891 года. Сегодня днем мы ходили на званый обед к Шейпли. Его давали в честь девятнадцатилетия Мадлен. На веранде расставили двенадцать столов, украшенных цветами из сада. Я сидела за столом Мадлен, так же как и Дуглас Картер, который безумно в нее влюблен. Мы все время по этому поводу над ней подшучиваем.

В другой записи от 1891 года Филлис писала:

Только мы закрыли наш дом и вернулись в Филадельфию, как пришло известие об исчезновении Мадлен. Мама поспешила обратно в Спринг-Лейк, выразить соболезнование, и нашла все семейство в глубочайшем горе. Отец Мадлен признался, что намерен оттуда переехать.

Эмили перелистнула несколько страниц. Ее внимание привлекла запись от октября 1893 года:

Дуглас Картер покончил с собой. В тот трагический день он опоздал на нью-йоркский поезд и вынужден был ждать следующего. Его мучила навязчивая мысль о том, что, не опоздай он, она бы осталась жива.

Моя мама считала, что Дугласам следовало переехать из дома, который расположен как раз напротив дома Шейпли. И считала, что меланхолия не так терзала бы Дугласа, если бы он не сидел целыми днями, уставившись на веранду Шейпли.

Что Дуглас Картер покончил с собой, я знала, подумала Эмили. А что они жили через улицу, нет. Интересно, действительно ли он опоздал на поезд?

23 марта, пятница

Глава четвертая

Полки пошли после вопроса репортера: «Вы допускаете, что убийца Марты реинкарнировался?» С полудня четверга телефон доктора Лиллиан Мэдден звонил не переставая. Утром в пятницу ее секретарша Джоан Ходжес заученно отвечала: «Доктор Мэдден считает неуместным обсуждать вопрос о реинкарнации применительно к делу об убийстве в Спринг-Лейке».

В пятницу ближе к обеду Джоан все же решила обсудить эту проблему со своей начальницей.

— Доктор Мэдден, вы посмотрите, что пишут в газетах, и они, похоже, правы. То, что и Марта Лоуренс, и Мадлен Шейпли обе пропали седьмого сентября, не может быть совпадением. Хотите узнать последние новости?

Ну, теперь выдержи паузу, усугуби эффект, усмехнулась про себя Лиллиан Мэдден.

— Пятого августа восемьсот девяносто третьего года домой не вернулась некая Летиция Грегг, — сообщила Джоан. — А два года назад девушка по имени Карла Харпер, проводившая выходные в отеле «Уоррен», тоже исчезла неизвестно куда, причем именно пятого августа.

Джоан держала в руках свежий номер «Нэшнл дейли». Заголовков на первой полосе гласил: «Серийный убийца восстал из гроба». Статья начиналась так:

Полиция вынуждена признать, что свидетельница, утверждавшая, будто видела Карлу Харпер на стоянке неподалеку от Филадельфии, вероятно, ошиблась. Также признается, что сумка Харпер была подкинута убийцей после того, как газеты опубликовали показания этой свидетельницы. Теперь центром расследования стал город Спринг-Лейк в штате Нью-Джерси.

Джоан впилась взглядом в Лиллиан.

— Доктор, я думаю, Карла Харпер не уезжала из Спринг-Лейка. Я считаю, как и большинство, что в конце девятнадца-

того века в Спринг-Лейке орудовал серийный убийца и что теперь он реинкарнировался.

— Полная чушь, — сказала Лиллиан резко. — Реинкарнация — это форма духовного роста. Серийный убийца из девятнадцатого века сейчас расплачивался бы за свои преступления, а не повторял бы их.

И Лиллиан, всем своим видом демонстрируя неодобрительное отношение к подобным беседам, решительно направилась в кабинет. Там она опустилась в кресло и помассировала виски, пытаясь разобраться: что же ее так беспокоит? Какое воспоминание пытается пробиться в ее сознание?

Лиллиан очень хотелось отменить сегодняшнюю лекцию, но это было бы несправедливо по отношению к студентам. За десять лет она не пропустила ни одного занятия в Монмутском колледже. На ее курс записывались тридцать студентов, и на каждую лекцию колледжу разрешалось продавать еще десять билетов. Если репортеры разнюхают про билеты, они наверняка придут.

В тот вечер, как Лиллиан Мэдден и предполагала, все билеты на лекцию были распроданы. И несколько человек, пришедших пораньше, чтобы занять места в первых рядах, были, скорее всего, журналистами — они вооружились диктофонами и блокнотами.

— Моим постоянным ученикам известно, что записывать лекции на магнитофон запрещено, — сказала она, глядя в упор на даму лет тридцати.

Лиллиан неторопливо поправила очки. Она не хотела, чтобы репортеры решили, будто она нервничает или смущается.

— На Ближнем Востоке, — начала она, — известны тысячи случаев, когда дети до восьми лет рассказывали о своей прошлой жизни. Вспоминали ее в подробностях, называли имена своих тогдашних родственников. В монументальном труде доктора Стивенсона исследуется вопрос о том, возможно ли, чтобы образы, возникающие в мозгу человека, и физические особенности его организма проявлялись в новорожденном. Некоторые обладают способностью выбирать будущих родителей, и новое рождение чаще всего происходит в той же географиче-

ской области, где проживал человек в своем предыдущем воплощении...

Обсуждение лекции было жарким. Тон задала та самая тридцатилетняя дама.

— Доктор Мэдден, — сказала она, — все, что я услышала от вас, подтверждает версию о том, что серийный убийца, живший здесь в конце девятнадцатого века, реинкарнировался. Вы допускаете, что нынешний убийца хранит в памяти воспоминания о том, что произошло с тремя женщинами более ста лет назад?

Лиллиан, выдержав паузу, ответила:

— Наши исследования показывают, что воспоминания о прошлой жизни сохраняются лишь до восьмилетнего возраста. Это отнюдь не значит, что нам не может показаться знакомым человек, которого мы видим впервые, или место, в котором никогда раньше не бывали. Однако это совсем не то, что живые и свежие воспоминания.

Затем последовало еще несколько вопросов, после чего в беседу снова вмешалась тридцатилетняя репортерша:

— Доктор, а разве вы обычно не устраиваете в конце лекции сеанс гипноза?

— Обычно — да. Но не сегодня.

— Вы не могли бы объяснить, как вы вводите пациента в регрессивное состояние?

— Пожалуйста. Для эксперимента требуется трое-четверо добровольцев. Я беседую с теми, кто впал в гипнотическое состояние, и предлагаю им совершить путешествие в прошлое. Затем я наугад называю даты и спрашиваю, возникают ли у них в сознании какие-либо образы. Часто оказывается, что нет, и тогда я иду по времени назад, пока они не достигнут своей предыдущей реинкарнации.

— Доктор Мэдден, скажите, никто не обращался к вам с просьбой вернуться в девяностые годы девятнадцатого века?

Лиллиан уставилась на спрашивающего — грузного мужчину с задумчивым взглядом. Он заговорил именно о том, что она силилась вспомнить весь день. Года четыре назад кто-то действительно просил ее об этом. Тот человек пришел к ней на прием и сказал, что уверен: он жил в Спринг-Лейке в кон-

це девятнадцатого века. Однако от гипноза он отказался наотрез. Более того, чуть ли не испугался и ушел с середины консультации. Она отчетливо его помнила. Но как же его звали? Как?

Марти Бровски шел по дорожке к психиатрической больнице Гранд-Мэнор, где находился на лечении Нед Келер, осужденный за преследование Эмили Грэм.

Сомнений в том, что этот тип опасен, у Марти не возникало никогда, но было в этом деле нечто его настораживавшее. Вопросов нет, именно Нед Келер перерезал телефонные провода, отключив тем самым сигнализацию в доме Эмили, и пытался туда проникнуть. К счастью, камера наблюдения не только передала в полицию сигнал тревоги, но и запечатлела Келера, взламывавшего ножом окно спальни. Келер производил впечатление странного типа. Возможно, он всегда был не в себе, а смерть матери спровоцировала обострение. Наверняка он прав, и убийца его матери — Джоэль Лейк, тот самый громила, оправдания которого добились Грэм.

Но теперь Грэм снова подверглась преследованиям, на этот раз в Спринг-Лейке. Меня всегда интересовал ее бывший муж, подумал Бровски, входя в вестибюль больницы. И в который раз начал прикидывать, не мог ли оказаться преследователем Гэри Хардинг Уайт. Несмотря на аристократическое воспитание, приятную внешность и хорошее образование, Гэри заработал репутацию жулика. И бабника.

Через несколько минут Марти уже сидел за столом напротив Неда Келера и его адвоката Хэла Дэвиса. Дверь была закрыта, но санитар следил за происходящим через окошко.

— Как поживаете, Нед? — дружелюбно спросил Бровски.

На глазах Келера выступили слезы.

— Очень тоскую по маме.

— Понимаю вас.

— Это все та адвокатша виновата. Она его отпустила. Он должен сидеть в тюрьме.

— Джоэль Лейк действительно был в ту ночь в вашей квартире. Но ваша мать была в ванной. Он слышал, как лилась вода. Она его не видела, и он ее не видел. Ваша мать говорила по

телефону с сестрой после того, как, по показаниям свидетелей, Джоэль покинул здание.

— Моя тетя никогда точно не знает, который час.

— Присяжные решили иначе.

— Эта Грэм обвела их вокруг пальца. Я ненавижу ее, но я за ней не следил и ее не фотографировал.

— Вы пытались проникнуть к ней в дом. С ножом в руках.

— Я просто хотел ее напугать. Хотел заставить ее понять, что испытывала моя мама, когда подняла голову и... — Он разрыдался. — Я очень тоскую по маме.

Дэвис потрепал своего клиента по плечу и встал.

— Вы удовлетворены, Марти? — спросил он Бровски и дал санитару знак увести Келера в палату.

В пятницу Ник Тодд пригласил своего отца, Уолтера, на обед в «Фор сизонз». В ресторане, как всегда, было полно знакомых: главы кинокомпаний, знаменитые писатели, крупные бизнесмены. У нескольких столиков они остановились поздороваться. Когда отец представлял Ника одному отставному судье, Ника передернуло при словах «мой сын и партнер».

Когда они наконец уселись и заказали выпить, Уолтер перешел к делу:

— Ну, Ник, что стряслось?

Нику было больно смотреть, как посерел отец, когда услышал о его планах. Но Уолтер взял себя в руки и сказал:

— Вот, значит, как. Серьезное решение, Ник. Даже если ты получишь место в администрации федерального прокурора, тебе не станут платить столько, сколько ты получаешь сейчас.

— Знаю и уверяю тебя, я не такой уж альтруист. О деньгах я еще пожалею. — Он отломил кусок булки и раскрошил его.

— Ты понимаешь, что все равно не победишь всех подонков и негодяев? И зачастую тебе придется быть обвинителем тех, кого бы ты предпочел защищать.

— Постараюсь это пережить.

Подошел официант, перечислил блюда дня. Они сделали заказ, и, когда официант отошел, Уолтер сказал:

— Ты отличный защитник, Ник. Один из лучших. Без тебя фирме будет трудно.

— И это я понимаю, но Эмили Грэм меня заменит. Она относится к работе с той же страстью, что и ты.

— Когда ты нас покинешь?

— Как только Эмили примет у меня дела. А пока она будет входить в курс, я займу кабинет поменьше.

— Ты с ней говорил?

— Пока что нет. Я к ней собираюсь завтра-послезавтра.

Уолтер кивнул:

— А если она откажется выходить до первого мая?

— Разумеется, я ее дождусь.

Экскаватор заурчал ровно в восемь утра. Эмили, варя кофе, выглянула в окно, и у нее сжалось сердце: от лужайки и клумб не осталось и следа.

С чашкой кофе она поднялась наверх, приняла душ и оделась. Через сорок минут она уже сидела в кабинете.

«Воспоминания отроковицы» оказались кладезем информации. В одной из записей 1893 года Филлис Гейтс упоминала о том, что Летиция Грегг могла утонуть.

Летиция так любила плавать. День 5 августа выдался жарким. Она была в доме одна. Купальный костюм Летиции пропал, поэтому и предположили, что она пошла окунуться.

Все были очень опечалены, но к грусти примешивался и страх. Поскольку тела Летиции не нашли, оставалась вероятность, что ее подстерег какой-то злоумышленник.

Помню, как молодежь собиралась то на одной веранде, то на другой, и разговоры были только об одном: что же могло случиться с Мадлен и Летицией. Среди молодых людей были кузен Дугласа Картера Алан и Эдгар Ньюман. Их связывает общее горе — Эдгар был очень расположен к Летиции, а Алан был влюблен в Мадлен, хотя она и собиралась обручиться с Дугласом. Эллен Свейн, ближайшая подруга Летиции, очень по ней горюет.

Последняя запись в дневнике была сделана 4 апреля 1896 года.

Ужасная трагедия. На прошлой неделе в Спринг-Лейке пропала Эллен Свейн. Она навестила миссис Картер и возвраща-

лась домой. Теперь считают, что Летиция не утонула, а все три девушки погибли от руки какого-то негодяя. Мама отказалась от аренды дома, в котором мы живем каждое лето. Сказала, что не хочет подвергать меня опасности. Летом мы собираемся в Ньюпорт. Мне будет очень не хватать Спринг-Лейка.

Эмили закрыла книгу, встала с кресла и потянулась. Она с удивлением обнаружила, что уже почти полдень, и пошла прогуляться вдоль океана. Через два часа, когда она вернулась домой, на автоответчике ее ждали два сообщения.

Первое было от Уилла Стаффорда: «Позвоните мне, Эмили. У меня для вас новости». Второе оказалось от Николаса Тодда: «Эмили, мне надо с вами встретиться. Надеюсь, вы сможете принять меня в субботу или воскресенье. Мне нужно кое-что с вами обсудить. Мой номер — 212-555-0857».

Стаффорд был у себя в конторе.

— Эмили, я разговаривал с миссис Лоуренс, — сообщил он. — Она сама хочет с вами встретиться. И пригласила вас на поминки после заупокойной службы.

— Спасибо ей большое.

— Давайте я заеду за вами завтра часов в десять утра, и мы вместе пойдем в церковь и к Лоуренсам.

— С удовольствием. К десяти буду готова. Благодарю вас.

Она набрала номер Ника Тодда. Он тут же снял трубку.

— Мы знаем все из новостей. Вы не очень напуганы?

— Скорее расстроена. Вы хотели со мной о чем-то поговорить? Ваш отец передумал брать меня на работу?

Его смех ее успокоил.

— Совсем наоборот. Может быть, завтра пообедаем или поужинаем вместе? Или вам удобнее в воскресенье?

— Мне удобнее в воскресенье днем, — сказала Эмили. — Я выясню, куда здесь лучше пойти, и закажу столик.

В половине шестого в дверь позвонил один из криминалистов, копавших во дворе.

— Мисс Грэм, мы закончили. Других захоронений не обнаружили. Будем надеяться, теперь болтовня о реинкарнации серийного убийцы поутихнет, — сказал полицейский.

— Я тоже на это надеюсь.

Его мучило предчувствие опасности. Нечто похожее я испытывал, когда Эллен Свейн начала подозревать, что я имею отношение к гибели Летиции, подумал он. Но тогда я действовал быстро.

Глупо я сделал, пять лет назад отправившись на консультацию к доктору Мэдден. О чем я тогда думал? Естественно, я не мог допустить, чтобы она меня загипнотизировала. Кто знает, что бы я выболтал? На визит к ней меня подвигла заманчивая возможность идентифицироваться с предыдущей реинкарнацией. Помнит ли Мэдден, что пять лет назад один клиент просил вернуть его в 1891 год?

Вполне возможно, решил он, и по спине пробежал неприятный холодок. Сочтет ли она, что обязана соблюдать конфиденциальность? Может быть. Или же решит, что ее долг — позвонить в полицию и сказать: «Пять лет назад один из жителей Спринг-Лейка попросил меня вернуть его в тысяча восемьсот девяносто первый год».

Он представил себе доктора Мэдден, ее умные глаза, направленные прямо на него. Любопытство стало причиной смерти Эллен Свейн, подумал он.

«Затем, — может сказать полиции доктор Мэдден, — я хотела ввести клиента в гипнотический транс. Но он очень разволновался и покинул кабинет. Уж не знаю, существенно это или нет, но я сочла нужным сообщить это вам. Его зовут...»

Нельзя допустить, чтобы доктор Мэдден сделала этот звонок! Риск слишком велик. Она, как некогда Эллен Свейн, скоро узнает, что любое знание обо мне опасно для жизни.

24 марта, суббота

Глава пятая

Уилл Стаффорд завтракал на кухне яичницей с сосисками и читал «Нью-Йорк пост». Тамошние журналисты решили проконсультироваться у парапсихолога: возможно ли, что реинкарнировался серийный убийца, орудовавший в конце девятнадцатого века? Парапсихолог не верила, что личность — преступная или любая другая — возвращается точно такой, какой была раньше. Бывает, сохраняются физические особенности. Или же в ребенке проявляется врожденный, непонятно откуда взявшийся талант. Моцарт, например, уже в три года был гениальным музыкантом.

Уилл хмыкнул, собрал грязную посуду и отнес в раковину. Заглянул в холодильник, проверил, достаточно ли у него сыра. Днем, когда Томми Дагган соберет здесь народ, Уилл подаст сыр и крекеры и предложит гостям по стаканчику вина или по чашечке кофе.

Приглашать ли Эмили Грэм на ужин, Уилл еще не решил. Он сопровождает ее в церковь и к Лоуренсам, но ему хотелось бы еще и пообщаться с ней наедине.

Может, стоит позвать ее сюда? Так сказать, показать себя с лучшей стороны? В четверг за обедом Натали полушутя сказала, что многие просто вымаливают приглашение к нему на ужин. Я и правда потрясающе готовлю, подумал он не без гордости. Не хуже любого шеф-повара.

Вернувшись после утренней пробежки домой, ресторатор Боб Фриз обнаружил супругу на кухне за обычным скромным завтраком — черный кофе и один тост без масла.

— Что-то ты рано сегодня поднялась, — сказал он.

— Услышала, как ты тут бродишь, и больше заснуть не смогла. Боб, у тебя ночью опять были кошмары. Мне даже пришлось тебя будить. Помнишь?

«Помнишь, помнишь...» Это слово начинало его пугать. Недавно у него снова пошли провалы памяти, когда он не мог

вспомнить то пару часов, то чуть ли не целый вечер. Вот и вчера — в половине двенадцатого он поехал из ресторана домой. А приехал только в час ночи. И где он провел целый час?

Начались эти странности, еще когда он был подростком. Сначала хождение во сне, потом провалы памяти. Он никому о них не рассказывал — боялся, что его сочтут психом. После колледжа они случались реже, потом прекратились совсем. Но лет пять назад возобновились, а в последнее время случались все чаще и чаще.

Боб знал, в чем причина — ресторан оказался самой большой ошибкой его жизни, высасывал все его деньги. Он не рассказывал Натали, что три месяца назад выставил ресторан на продажу — не хотел, чтобы она донимала его расспросами о том, появился ли наконец покупатель.

Вчера днем позвонил агент по недвижимости. У Доминика Бонетти, который раньше держал четырехзвездочное заведение в Нью-Джерси, есть предложение.

Как только продам ресторан, все пройдет, внушал себе Боб.

— Бобби, ты собираешься наливать себе кофе или так и будешь стоять с пустой чашкой? — поинтересовалась Натали.

— Угу, сейчас налью.

Натали выглядела роскошно — даже растрепанная и без косметики. Он наклонился и поцеловал ее в макушку.

— Спонтанное проявление чувств? Давненько этого не было, — заметила она.

— Извини. В последнее время мне нелегко. — Он решил рассказать ей о перспективном предложении. — Я выставил ресторан на продажу. И есть покупатель.

— Бобби! Это фантастика! — Она вскочила и бросилась ему на шею. — Ты сумеешь вернуть деньги?

— Большую часть, даже если придется чуть опустить цену. — Произнеся эти слова, Бобби понимал, что просто успокаивает себя.

— Пообещай, что, как только это случится, мы переедем на Манхэттен.

— Обещаю, — сказал он.

Мне и самому хочется бежать отсюда, подумал он.

— Нам нельзя опаздывать в церковь. Ты не забыл, что сегодня заупокойная служба?

— Да не забыл.

А потом, подумал он, мы отправимся к Лоуренсам, где я не был с того самого вечера, на котором так долго беседовал с Мартой. А потом — к Стаффорду, где Дагган опять будет допытываться, что все мы делали на следующее утро.

Он помнил прием, а что было потом — нет. На следующее утро Боб опомнился в ванной, где принимал душ. Руки у него были в грязи, на джинсах и футболке — земля. Утром он собирался поработать в саду. Это было его единственное хобби.

Я наверняка возился в то утро в саду, сказал он себе, и именно это я скажу Даггану.

Уилл Стаффорд заехал за Эмили. На нем был темно-синий костюм, белая рубашка и серо-синий галстук. К счастью, Эмили захватила с собой в Спринг-Лейк, помимо повседневной одежды, новый костюм в черно-белую косую клетку.

— Вы замечательно выглядите, — сказал Уилл. — Жаль, что мы так оделись по столь печальному поводу.

— Разделяю ваши чувства.

— Как я вижу, котлован уже засыпают, — кивнул он в сторону заднего двора. — Они довольны, что ничего больше не нашли?

— О да, — ответила Эмили.

— Ну и слава богу. Что ж, поехали?

На крыльце Уилл взял ее под руку, и Эмили почему-то стало удивительно спокойно на душе. Да, деньки выдались непростые. Но дело не только в этом, размышляла она, садясь в машину рядом с Уиллом. Странная вещь, но я точно знаю: эта заупокойная служба не только по Марте, но и по Мадлен.

Она поделилась своими чувствами с Уиллом и добавила:

— Меня все мучила мысль: не будет ли воспринято мое желание пойти на заупокойную службу по девушке, которой я никогда не видела, как праздное любопытство. Но теперь все по-другому.

— По-другому — это как?

— Я верю, что загробная жизнь существует. И мне хотелось бы верить, что эти две девушки, которые были убиты с интер-

валом в сто лет и обе оказались похороненными на моем дворе, сейчас вместе, там, где царят мир и покой.

— А где сейчас, по-вашему, их убийца? — спросил Уилл. — И какая судьба ждет его?

Эмили с изумлением уставилась на него:

— Уилл, вы хотели сказать — убийцы? Это же два разных человека!

— Тьфу ты! — рассмеялся он. — Я уже начинаю изъясняться, как писаки из желтой прессы. Естественно, я хотел сказать — убийцы.

Наконец показалась церковь Св. Екатерины, к которой сплошным потоком шли машины.

— Уилл, я все думаю: а что, если в одной из этих машин убийца Марты?

— Если он из Спринг-Лейка, а полиция склоняется именно к этому мнению, то вряд ли он решится не прийти в церковь. Его отсутствие вызвало бы подозрения.

Кто из друзей Мадлен Шейпли с обгабренными кровью руками горевал вместе с нашей семьей сто лет назад? — подумала Эмили.

В субботу, в одиннадцать утра, у Джоан Ходжес, которая как раз собиралась в парикмахерскую, зазвонил телефон. Звонила из Коннектикута сестра доктора Мэдден, Эстер. Голос у нее был встревоженный.

— Джоан, вчера вечером, около половины двенадцатого, я пыталась дозвониться Лиллиан. Она не отвечала, и я решила, что она пошла куда-нибудь с друзьями. Но я звонила два раза утром, а она все равно не подходит.

— Она иногда отключает телефон. Журналисты достают ее с историей об убийстве, так что, возможно, она его снова отключила. Я заеду проверю, все ли с ней в порядке.

— Я не хочу вас утруждать.

— Пустяки! Здесь ехать всего пятнадцать минут.

О парикмахерской тут же было забыто. Случилось что-то страшное. Джоан чувствовала это.

Подъехав к дому доктора Мэдден, Джоан подумала: «Господи! Умоляю! Пусть все будет хорошо!» Шторы в спальне были

опущены, а на крыльце лежала свежая газета. Дрожащими руками Джоан нащупала ключ от офиса.

В приемной все каталожные ящики были вынуты, карточки валялись на полу. Джоан на ватных ногах зашла в кабинет доктора Мэдден. Тело доктора лежало на столе: голова повернута набок, рот широко открыт. На шее затянут шнур.

Джоан не помнила, как выбежала из кабинета, как опрометью кинулась вниз по ступеням. Тут ноги ее подкосились, и тьма милосердно скрыла от Джоан стоявший перед глазами образ убитой подруги.

Они держатся потрясающе, подумала Эмили. Они с Уиллом только что прибыли в дом Лоуренсов. Вся семья собралась в гостиной: седовласая чета старших Лоуренсов, крепких стариков лет под восемьдесят, родители Марты, Джордж и Аманда, — обоим за пятьдесят — и их вторая дочь, Кристина, с мужем.

Эмили восхищалась тем, как сдержанно и достойно они вели себя в церкви. Эмили с Уиллом сидели чуть позади и справа от семьи Лоуренсов, и ей хорошо было их видно. В глазах у всех стояли слезы, но всю службу они сидели не шелохнувшись. Кристина, только что ставшая матерью, сидела с дочкой, Мартиной тезкой, на руках.

И вот теперь Уилл познакомил ее с Лоуренсами. Они сразу поняли, кто она.

— В вашей семье то же самое случилось четыре поколения назад, — сказал отец Марты. — Мы молимся лишь о том, чтобы тот, кто отнял жизнь у нашей дочери, получил по заслугам.

— Если оставить в стороне всю чушь про реинкарнацию, как вы считаете, могло ли убийство Марты быть задумано как повторение убийства Мадлен? — спросила Аманда.

— Думаю, да, — ответила Эмили. — Более того, я считаю, что существует письменное признание или записки о случившемся сто лет назад, которые обнаружил нынешний убийца. Я сейчас просматриваю старые книги и архивные материалы, хочу узнать побольше о Мадлен и ее окружении.

Джордж и Аманда Лоуренс переглянулись.

— Мама, у тебя ведь сохранились альбомы с фотографиями и дневники твоей бабушки? — спросил Джордж.

— Да, дорогой. Они в шкафу на чердаке. Моя бабушка по материнской линии, Джулия Гордон, была очень педантична. Она подписала все фотографии, указав время, место и имя каждого, кто запечатлен на снимке. Кроме того, она вела подробные дневники.

Имя Джулии Гордон попадалось Эмили в «Воспоминаниях отроковицы». Она была современницей Мадлен.

— Если позволите, я с удовольствием ознакомлюсь с содержимым шкафа, — сказала Эмили. — Думаю, знания о прошлом помогут нам сегодня.

— Мы сделаем все, что поможет обнаружить убийцу нашей дочери, — ответил Джордж Лоуренс.

— Эмили... — тихонько шепнул Уилл, показав на людей, которые ждали возможности подойти к Лоуренсам.

— Не буду вас задерживать, — сказала Эмили. — Можно позвонить вам завтра утром?

— У Уилла есть наш телефон. Он вам его даст.

Буфетная стойка была в столовой. А столы и стулья расставили на веранде. Эмили и Уилл вышли туда с тарелками.

— Уилл! — позвал кто-то. — Присоединяйтесь к остальным подозреваемым.

— Это Натали Фриз, — успел шепнуть Эмили Уилл.

За столом был и доктор Уилкоккс, который сердечно приветствовал Эмили. Ей представили его жену Рейчел, а также Боба и Натали Фриз.

— Книги вамгодились? — спросил доктор Уилкоккс.

— О да, очень.

— Эмили, как я понимаю, вы адвокат по уголовным делам? — сказала Натали.

— Да.

— Если кого-то из здесь присутствующих обвинят в убийстве Марты, вы согласитесь его защищать?

Ей нравится ставить людей в неловкое положение, спокойно отметила про себя Эмили. Атмосфера за столом тотчас переменилась. Да, кому-то, а может, и всем этот вопрос не по душе.

— Поскольку я уверена, что этого не произойдет, на гонорар здесь я не рассчитываю, — сказала Эмили невозмутимо.

Потом Уилл познакомил ее с другими жителями города. Несколько минут они поболтали с Джоном и Кэролин Тейлор, близкими друзьями Уилла.

— Уже четвертое поколение нашей семьи живет в Спринг-Лейке, — сказала Кэролин. — Моя дальняя родственница, Филлис Гейтс, написала книгу о здешней жизни в конце девятнадцатого века. Она дружила с Мадлен Шейпли.

— Вчера вечером я прочла эту книгу от корки до корки, — обрадовалась Эмили.

— Филлис умерла в середине сороковых, когда моя мама была подростком. Несмотря на разницу в возрасте, они с ней были очень дружны.

— А она никогда не рассказывала вашей маме о Мадлен?

— Рассказывала. Собственно говоря, мы с мамой сегодня беседовали по телефону и обсуждали события последних дней. Мама сказала, что Филлис не хотела писать об этом в книге, но на самом деле всегда была уверена, что Мадлен убил Дуглас Картер. Он был ее женихом или я что-то путаю?

Томми Дагган пошел в церковь с Питером Уолшем. И все время, проведенное там, мучился мыслью, что убийца где-то рядом. После службы он планировал заехать в офис, а потом уже идти на встречу в дом Уилла Стаффорда, но в машине его ждало сообщение о гибели Лиллиан Мэдден.

Пятнадцать минут спустя они с Питом уже были на месте преступления. Тело еще не увезли.

— Смерть наступила предположительно между десятью и одиннадцатью вечера, — сказал Томми Даггану Фрэнк Уиллет, шеф полиции Белмара. — На ограбление не похоже. В спальне остались и деньги, и драгоценности. Тело обнаружила секретарша, Джоан Ходжес. Она выбежала на улицу и упала в обморок. Сейчас ей оказывают помощь. — Он кивнул в сторону жилых помещений дома. — Может, вам с ней поговорить?

— Это я и намерен сделать.

Джоан Ходжес лежала на кровати в гостевой спальне, вокруг нее суетились врачи.

— В больницу я не поеду... — говорила она, когда Дагган и Уолш вошли в комнату. — Все со мной в порядке. Естест-

венно, когда я ее нашла, у меня был шок... — И она разрыдалась.

Около кровати стоял полицейский из Белмара.

— Я уже побеседовал с миссис Ходжес, — сказал он Томми. — У вас, наверное, тоже есть к ней вопросы?

— Есть. — Томми придвинул к кровати стул, сел и представился. — Джоан, вы видели, по всему кабинету разбросаны карточки. Убийца что-то искал, возможно, свою карточку. Не знаете, доктору угрожал кто-нибудь из пациентов?

— Не знаю ни единого пациента, который желал бы доктору Мэдден зла, — ответила она. — Это все тот серийный убийца. Он испугался, что она что-то про него поняла.

Очень вероятно, подумал Томми, но только в том случае, если он когда-либо был ее пациентом.

— А где, кроме карточки, указывается имя пациента?

— В регистрационном журнале, который я веду в компьютере.

— Джоан, мы найдем этого типа. Обещаю.

Когда Томми с Питом вернулись в кабинет, оттуда выносили пластиковый мешок с телом Лиллиан Мэдден.

— Мы здесь закончили, — сказал судмедэксперт. — Боюсь, мы мало чем сможем вам помочь. У убийцы хватило ума надеть перчатки.

— И скорее всего, он нашел то, что искал в картотеке, — добавил шеф полиции Уиллет.

— Вы не знаете, она часто работала по вечерам?

— Вчера вечером доктор Мэдден читала лекцию в колледже. Похоже, вернувшись домой, она сразу же прошла в кабинет. Убили ее, когда она сидела за столом и работала. Возможно, она даже не успела понять, что происходит.

— Как он вошел?

— Следов взлома не обнаружено. Может, забрался через незапертое окно? Сигнализация была отключена.

— Это был кто-то из ее пациентов, — сказал Томми. — Видимо, рассказал под гипнозом слишком много и забеспокоился. Иначе зачем ему карты? Джоан Ходжес говорит, что, если это действительно пациент, его имя должно быть в регистрационном журнале.

— Он пытался разбить компьютер, — сказал Уиллет.
Томми кивнул. Известие его не удивило.

Когда Эмили Грэм позвонила и рассказала, что под дверь ее дома в Спринг-Лейк подсунули очередную фотографию, детектив Марти Бровски забеспокоился всерьез. Раньше он был убежден, что преследователем был Нед Келер и что поймали его как раз вовремя — он не успел убить Эмили. Но теперь Марти начал в этом сомневаться.

В субботу днем во время прогулки по парку он обсудил ситуацию со своей женой Джейни.

— Келера мы арестовали у дома Эмили Грэм. Он утверждал, что хотел только напугать ее.

— Марти, ты же ему поверил, — напомнила Джейни.

— А вчера он рассказал мне другое. Добавил еще, что хотел, чтобы Эмили почувствовала, как была напугана его мать, перед тем как умерла.

— Какой милый человек.

— Нед Келер, судя по всему, вернулся домой и обнаружил мать мертвой, с ножом в груди. Он обезумел: схватил тело, вытащил его на улицу, звал на помощь. Джоэль Лейк действительно побывал в квартире, причем проник туда незаконно. Удивляюсь, как это Эмили Грэм удалось снять с него обвинение в убийстве.

— Насколько я помню, присяжные поверили сестре Рут Келер, которая заявила, что разговаривала с Рут по телефону после того, как Джоэля Лейка видели выходящим из дома. Картину на месте преступления испортил Нед Келер: он вытащил нож и вынес тело матери на улицу. Мы все тогда решили, что он, обнаружив мать мертвой, впал в истерику.

— Для вас Нед Келер был психом и скорбящим сыном, преследующим адвоката, который добился оправдания убийцы его матери. Ну что, мистер Всезнайка, вы готовы допустить, что ошибались?

Марти вздохнул:

— Джейни, ну почему мама тебя не научила, что мужа надо уважать? Нед Келер не только псих, он еще и лжец. После вчерашней встречи я убежден, что мать убил он сам. И...

— Что еще?

— Еще я думаю, что Эмили Грэм преследовал не он. А настоящий преследователь — тот, кто подсунул под дверь фотографию. Сама посуди. Кто-то отправился за ней в Спринг-Лейк, выяснил, где она остановилась, сфотографировал ее, после чего просунул снимок под дверь, причем когда во дворе дежурил полицейский. О чем это говорит?

— О том, что этот человек одержим, хитроумен и коварен.

— Совершенно верно.

— Значит, преследователь не поленился приехать в Спринг-Лейк. Нед Келер исключается. Кто же тогда?

— Может, Джоэль Лейк? Личность не самая светлая. Он получил небольшой срок за кражу, а когда начались преследования, уже снова разгуливал на свободе. Есть еще Гэри Уайт.

— Марти, Гэри с Эмили развелись три года назад. Я слышала, он расстался с Барбарой — или как там ее — и снова в свободном поиске. Он типичный мелкий донжуан.

— Он через суд требовал у Эмили пять миллионов долларов — половину того, что она получила, продав акции интернет-компании. Что, кстати, было умным поступком, — добавил Марти. — Сейчас эти акции здорово упали в цене.

Они дошли до развилки, где обычно поворачивали назад, к дому. И не сговариваясь взялись за руки.

— Каким будет твой следующий шаг? — спросила Джейни.

— Просмотрю дело об убийстве Рут Келер — в рассуждении того, не мог ли убийцей оказаться Нед Келер. Снова займусь делом о преследовании. И предупрежу Эмили Грэм.

В три часа в гостиной Уилла Стаффорда собралось немало народу. Пришлось даже принести несколько стульев из столовой. Томми Дагган встал у камина, откуда была видна вся комната.

— Благодарю вас за то, что согласились прийти, — начал он. — Все вы присутствовали на приеме у Лоуренсов накануне исчезновения Марты. За прошедшие с тех пор четыре с половиной года я много раз беседовал с каждым из вас. Очень надеюсь, что сейчас, когда вы собрались все вместе, что-то из виденного вами в тот вечер, но потом забытого всплывет в вашей памяти. Предлагаю следующее: я буду приглашать вас по очереди в ка-

бинет Уилла, там вы расскажете мне, о чем беседовали с Мартой в тот вечер и о чем она разговаривала с другими. А еще каждый расскажет, что делал на следующее утро с шести до девяти.

Томми пристально оглядел собравшихся. Боб Фриз густо покраснел. Он утверждал, что в то утро работал в саду. Его жена спала. Ограда вокруг его дома высокая, никто его видеть не мог и, следовательно, не мог подтвердить его алиби.

Доктор Уилкокс напустил на себя задумчиво-философский вид. По его словам, в то утро он отправился на долгую прогулку — не к океану, а по городу. Может, так оно и было.

Миссис Уилкокс. Сушья Брунгильда. Не хотелось бы мне попадаться ей на пути, подумал Томми. Суровая дамочка.

Уилл Стаффорд. Интересный мужчина. Одинокий. Женщины к нему так и льнут. Не была ли Марта Лоуренс им увлечена?

Были еще пять пар, но все жены точно помнили, что мужа с утра никуда не уходили. Возможно, кто-то из них лгал, чтобы не навлекать подозрения на супруга.

Томми с Питом заранее договорились, как станут вести беседу. Игры в хорошего и плохого следователя не будет, но Пит с записями прежних показаний сядет за спиной у интервьюируемого и, если заметит в рассказе какие-то несоответствия, укажет на это. Первый час тянулся долго, никто не сказал ничего нового. Никакого шарфа с люрексом никто не помнил. Марта не рассказывала о планах на следующий день. Никто не видел, чтобы она говорила по сотовому телефону.

Затем вошла Рейчел Уилкокс, всем своим видом демонстрируя, как ее раздражает происходящее. На вопросы она отвечала кратко:

— Я говорила с Мартой об аспирантуре, в которую она собиралась поступать. Но она сказала, что окончательно еще ничего не решила.

— Вы об этом раньше не рассказывали, — сказал Томми.

— Если бы люди подробно пересказывали все, о чем говорят на приемах, мир погряз бы в банальности, — ответила Рейчел. — У вас еще есть вопросы?

— Не помните ли вы, на ком в тот вечер был серебристо-серый шарф с люрексом?

— На мне. А что, его нашли?

У Томми вспотели ладони. Неужели Клейтон Уилкокс настолько глуп, что задушил Марту шарфом собственной жены?

— Миссис Уилкокс, а когда вы заметили, что шарф пропал?

— Вечер был теплый, и я его сняла. Попросила мужа положить шарф к себе в карман и забыла о нем до следующего дня. Но у мужа шарфа не оказалось.

— Вы или доктор Уилкокс его искали?

— Он позвонил Лоуренсам, но шарфа у них не было.

Ладно, потом выслушаем его версию, подумал Томми. Упомянув на то, что новости об убийстве в Белмаре еще не дошли до Спринг-Лейка, он спросил:

— Миссис Уилкокс, вы случайно не знаете доктора Лиллиан Мэдден?

— Имя знакомое.

— Она психолог, живет в Белмаре.

— И читает лекции в колледже округа Монмут?

— Читает.

— По-моему, все это пустая трата времени.

Когда она вышла, Томми с Питом переглянулись.

— Позови Уилкокса, пока она не успела с ним переговорить, — сказал Дагган.

Доктор Клейтон Уилкокс старался держаться спокойно и с достоинством, но Томми наконец учуял запах, которого ждал весь день, — запах страха.

— Присаживайтесь, доктор Уилкокс, — сказал Томми.

Для начала его спросили, беседовал ли он в тот вечер с Мартой Лоуренс.

— Она знала, что я из академической среды, и поинтересовалась, не знаком ли я с кем-нибудь из Школы бизнеса Туланского университета в Новом Орлеане. Она собиралась туда в аспирантуру.

— А на следующее утро вы отправились на прогулку, но не к океану. И Марты нигде не встретили?

— На этот вопрос я отвечал неоднократно.

— Доктор Уилкокс, ваша жена на приеме потеряла шарф?

— Да, потеряла.

Томми заметил, что на лбу доктора Клейтона Уилкокса выступили капельки пота.

— Жена просила вас забрать у нее шарф?

— Жена помнит, что просила меня положить шарф в карман. Я же помню, что она просила положить его рядом с ее сумочкой на столике в холле. Так я и поступил.

— На следующий день, когда выяснилось, что шарф куда-то делся, вы позвонили Лоуренсам?

— Нет, не позвонил.

— Разве не логично было бы спросить Лоуренсов?

— Мистер Дагган, когда мы поняли, что шарф пропал, все уже знали, что исчезла Марта. Неужели вы полагаете, что я решился бы беспокоить их по такому пустяку?

— Но жене вы сказали, что справлялись о шарфе?

— Да, сказал — чтобы избежать скандала.

— Доктор Уилкоккс, вы были знакомы с доктором Лиллиан Мэдден?

— Нет.

— Вы обращались к ней за консультацией?

— Нет, я не был ее пациентом и не помню, чтобы когда-либо встречал ее.

Врет, подумал Томми.

Николас Тодд позвонил Эмили в девять пятнадцать в воскресенье.

— Надеюсь, наш договор в силе? — спросил он.

— Разумеется. В «Старой мельнице», говорят, там сказочно кормят. Я заказала столик на час.

— Отлично. Я заеду около половины первого. Да, я вас, случайно, не разбудил?

— Я уже прогулялась до церкви и обратно, а она в полутора километрах от моего дома. Это ответ на ваш вопрос?

— Это неприкрытое хвастовство. А теперь объясните, как к вам проехать.

Ровно в двенадцать тридцать в дверь Эмили позвонили. Открыв, она вдруг поняла, что со звонка Ника в пятницу с нетерпением ждет встречи с ним. Он мило улыбнулся и прошел в дом. Она с удовольствием отметила, что одет он неформально: куртка, брюки, свитер с высоким воротом.

— Мы, наверное, целый месяц не виделись?

— Да, около того. Последние недели в Олбани я работала дни и ночи напролет, приводила в порядок дела.

— И с тех пор, как я понимаю, отдохнуть не удалось.

— Мягко говоря. Хотите посмотреть дом?

— Конечно. Дом потрясающий.

Она провела его по всем комнатам, а потом они отправились в ресторан. Столик в «Старой мельнице» стоял так, что им был виден пруд с лебедями. Официантка принесла две «кровавых Мэри» и подала меню.

— Мы закажем чуть позже, — сказал Ник.

Приняв приглашение работать в фирме, Эмили три или четыре раза ужинала с Ником и Уолтером, но наедине с Ником оказалась впервые. Он мило улыбался, но чувствовалось, что ему не по себе. Она ли тому причиной или у него личные проблемы? Эмили знала, что он не женат.

— Хотелось бы мне знать, о чем вы думаете, — прервал ее размышления Ник. — Вы так погружены в себя.

Эмили решила действовать напрямик:

— Мне кажется, вы чем-то обеспокоены, и боюсь, что это связано со мной. Вы действительно хотите, чтобы я у вас работала?

— Хочу ли я, чтобы вы работали в нашей фирме? Разумеется! Честно говоря, я был бы счастлив, если бы вы приступили завтра же. Кстати, поэтому-то я и приехал. — И Ник рассказал ей о принятом им решении.

Узнав, что Ник собирается оставить фирму, Эмили расстроилась — она так мечтала работать с ним.

— И куда же вы намерены податься? — спросила она.

— В администрацию федерального прокурора. Убежден, что это место как раз для меня. Но боюсь, мне не удастся уговорить вас выйти на работу на следующей неделе.

— Ваш отец будет очень недоволен?

— Он, конечно, расстроится, что вы не выйдете до первого мая, но ему придется с этим смириться. Равно как и мне.

Около четырех Ник привез Эмили домой и проводил ее до крыльца.

— У вас хорошая сигнализация? — спросил он.

— Отличная. А завтра мой приятель из Олбани установит и камеры наблюдения.

— Понимаю вас. После того, что вы пережили в Олбани...

Она открыла дверь. Конверт на полу в холле они увидели одновременно.

— Кажется, вам оставили записку, — сказал Ник и наклонился поднять конверт.

— Берите за уголок. Там могут быть отпечатки пальцев. — Эмили не узнавала собственного голоса — таким он был испуганным.

Из конверта выпала фотография. На ней была Эмили на пороге церкви, а ниже подпись: «Помолись за себя».

26 марта, понедельник

Глава шестая

СНЕТЕРПЕНИЕМ жду того, что, насколько я понимаю, начнется сегодня днем. И очень рад, что получателем моего сообщения будет Эмили Грэм.

Скоро ей доставят почту.

Как я и предполагал, вопросы о шарфе задавали, но я уверен: никто не знает, в чьих руках он оказался в тот вечер.

Марте он понравился. Я слышал, как она говорила Рейчел, что у нее очень красивый шарф. Помню, в тот самый момент я подумал, что Марта сама выбрала орудие собственной смерти.

Ведь шарф не так уж отличается от пояска, который пережал горло Мадлен.

В воскресенье Томми собрался уходить с работы, когда позвонила Эмили Грэм. Они с Питом помчались в Спринг-Лейк и забрали у нее конверт и фотографию.

В понедельник утром Томми с Питом отправились к прокурору и ввели его в курс последних событий — Эллиот Осборн в пятницу вечером уехал в Вашингтон и ни о чем не знал. Томми сообщил ему об убийстве доктора Мэдден и о встрече в доме Уилла Стаффорда.

— Это шарф миссис Уилкоккс. Она утверждает, что попросила мужа положить его к себе в карман, а он говорит, она велела оставить его рядом с ее сумочкой.

Осборн задумчиво барабанил пальцем по столу.

— Шарф довольно длинный. Вряд ли он поместился бы в карман летнего пиджака.

Томми кивнул:

— Я тоже об этом подумал. К тому времени, когда его использовали, чтобы задушить Марту, часть от него уже была отрезана. С другой стороны, Уилкоккс солгал жене, сказав, что звонил Лоуренсам. Он объяснил это тем, что Марта к тому времени уже исчезла и он не хотел беспокоить их по пустякам.

— А что нам известно про этого Уилкоккса?

Пит Уолш достал блокнот:

— Серьезная академическая карьера. Закончил ее ректором Инок-колледжа. На пенсию ушел рано, двадцать лет тому назад. Будучи ребенком, проводил лето в Спринг-Лейке, поэтому и решил здесь поселиться. Регулярно публикуется в научных журналах. В Спринг-Лейке слывет кем-то вроде городского архивариуса.

— Что очень подходит под теорию Эмили Грэм, которая убеждена, что убийца Марты имел доступ к каким-то записям о женщинах, убитых в конце девятнадцатого века, — вставил Томми Дагган. — Готов поклясться, Уилкоккс лжет, когда говорит, что не знал доктора Мэдден. Я хочу покопаться в его прошлом. Уверен, что там немало темных пятен.

Далее Томми и Пит рассказали Осборну о воскресном звонке Эмили Грэм.

— У нее потрясающее самообладание, — сказал Томми. — Когда мы приехали, она была бледна как смерть, но держалась стойко. Она считает, что кто-то решил еще раз сыграть в игру, в которую с ней играли в Олбани. Я также побеседовал с Мар-

ти Бровски. Это детектив, который занимался в Олбани делом о преследовании Грэм.

— И что он сказал? — спросил Осборн.

— Он возобновил расследование. У него на подозрении двое: бывший муж Эмили Грэм и тот тип, которому она помогла избавиться от обвинения в убийстве.

— А ты что скажешь?

— Лучший вариант: розыгрыш, — сказал Томми. — Какие-нибудь подростки узнали, что Эмили подвергалась преследованиям, и решили позабавиться. Худший вариант: тот, кто убил Марту Лоуренс, играет с Грэм, как кошка с мышкой.

— Какой из вариантов ты выбираешь?

— Розыгрыш. А вот убийство доктора Мэдден наверняка связано с делом Марты Лоуренс. Готов биться об заклад: убийца Марты был пациентом доктора Мэдден и опасался, что она о нем расскажет. Не думаю, что он полный кретин и стал ошиваться около дома Эмили Грэм — слишком велик риск, что его заметят.

— А если в Спринг-Лейк приехал настоящий преследователь Грэм?

— Извините, что прерываю вас, — сказала по интеркому секретарша Осборна, — но звонит мисс Эмили Грэм. Говорит, что ей срочно нужен детектив Дагган.

Томми схватил трубку:

— Дагган слушает. — Он сразу нахмурился. — Сейчас будем, — сказал Дагган и, повесив трубку, взглянул на Осборна. — С утренней почтой ей пришла неприятная открытка.

— Опять преследователь? Снова ее снимок?

— Нет, рисунок. Две надгробные плиты. На одной написано: «Карла Харпер». А на второй — «Летиция Грегг». Если верить рисунку, обе похоронены в Спринг-Лейке, на заднем дворе дома номер пятнадцать по Ладлем-авеню.

Утро понедельника началось у Эрика Бейли рано — его пригласили выступить по местному телевидению. Эрик, худенький и невысокий, вихрастый, в очках без оправы, внешность имел самую непрезентабельную. В голосе проскальзывали нервные, визгливые нотки.

Ведущий утренних новостей, увидев Бейли в списке гостей, язвительно заметил:

— Когда этот тип появляется на экране, раздается оглушительный щелчок — телезрители Олбани дружно переключаются на другие каналы.

— Многие в городе вложили деньги в его компанию, — возразил коммерческий директор. — Последние полтора года акции падали в цене. А теперь Бейли утверждает, что его новое программное обеспечение произведет революцию в компьютерном мире. Может, он и похож на говорящего бурундука, но послушать его стоит.

— Благодарю за комплимент. И вас, и вас.

Никто не заметил, как в студию вошел Эрик Бейли. Он улыбнулся уголком рта, словно наслаждаясь общим смущением, и добавил:

— Я подожду в гримерной, пока вы все подготовите.

Камеры наблюдения, которые Эрик собирался установить в доме Эмили, уже лежали в фургоне, и сразу же после интервью он отправился в Спринг-Лейк. Он знал, что не стоит гнать слишком быстро. Но злость и обида были столь велики, что его так и подмывало вдавить педаль газа в пол. На все насмешки, на все издевательства он хотел отвечать одним — нагонять на людей страх.

И уж он-то придумает, как отомстить этим двум наглецам с телевидения. Дайте только срок.

В Спринг-Лейке он окажется между часом и двумя. Дорогу он уже изучил. Со среды это была уже третья поездка туда.

— Не ожидала увидеть вас так скоро, — сказала Эмили Томми Даггану и Питу Уолшу, открыв им дверь.

— И мы не ожидали, что придется так скоро вернуться, — ответил Дагган. — Как спали?

Эмили пожала плечами:

— Хотите сказать, по моему виду понятно, что ночью я не спала? Вынуждена признаться, что вчерашняя фотография меня доконала.

— Вы живете одна, и было бы гораздо...

— Из этого дома я никуда не уеду, — перебила она и проводила детективов в кабинет. — Вся почта до сих пор была адресована либо Кьернанам, либо «Жильцам», — сказала Эмили. — А вот это — лично мне.

Это был грубый набросок — дом, двор и подпись «Ладлем-авеню, 15». В дальнем левом углу, за домом, были изображены два надгробия. На одном имя Карлы Харпер, на втором — Летиции Грегг.

Томми достал из кармана пластиковый пакет и, взяв открытку за уголок, положил в него.

— Мисс Грэм, это может быть чья-то злая шутка, однако есть вероятность, что все это правда. Мы проверили: дом номер пятнадцать по Ладлем-авеню принадлежит пожилой вдове. Надеемся, она будет столь любезна, что разрешит нам перекопать двор.

— А сами вы как считаете? Правда это или нет? — спросила Эмили.

— После того, что нашли здесь, — Томми кивнул в сторону несостоявшегося бассейна, — думаю, что такое очень даже возможно. Но пока я попросил бы вас об этом не распространяться.

Эмили вспомнила про Ника Тодда. Он позвонил ей уже после того, как принесли почту, но о новом послании она ему не рассказала. Вчера, когда они, вернувшись из ресторана, обнаружили на полу конверт с фотографией, он уговаривал ее на время переехать на Манхэттен. Но Эмили ответила, что камеры, которые установит Эрик, помогут выяснить, чьих рук это дело.

Это все напускная храбрость, думала она, проводив Томми с Питом и заперев за ними дверь. На самом деле я до смерти напугана.

А ну, прекрати сейчас же, велела она себе. Займись чем-нибудь. Позвони доктору Уилкоксу, спроси, можно ли завезти ему книги. Потом отправляйся в музей, изучи тамошние материалы. Хорошо бы узнать, кто где жил в конце девятнадцатого века. Должна же быть карта города тех времен. И стоит купить настольную игру «Монополия» — к ней прилагаются маленькие пластмассовые домики, которые очень пригодятся. Она рисует на листе картона план города, каким он был в девяно-

стые годы девятнадцатого века, а домики поставит там, где жили друзья Мадлен.

Боб Фриз, облаченный в темно-синий пиджак и серые брюки, сидел в своем кабинете на втором этаже ресторана «Сизонер». Он взглянул на часы. Без пяти час. С минуты на минуту должен появиться потенциальный покупатель, Доминик Бонетти.

Зазвонил телефон. Метрдотель сказал:

— Мистер Бонетти прибыл. Посадить его за ваш столик?

— Да. Я сейчас буду.

О делах заговорили только после зажаренной на гриле лосося, сухой и безвкусной. Когда подали эспрессо, Бонетти заявил:

— Вы хотите продать. Я хочу купить. Ваш ресторан расположен в отличном месте.

В следующие полчаса Боб узнал, чего «Сизонеру» не хватает. И выяснилось, что практически всего. «Понимаю, вы вбухали в него целое состояние, но здесь мрачно и неуютно. В кухне нет самых необходимых агрегатов...»

Цена, которую предложил Бонетти, была на полмиллиона ниже самой крайней цены, на которую рассчитывал Боб.

— Это ваше начальное предложение, — сказал он с пренебрежительной усмешкой. — Давайте поторгуюемся.

От добродушия Бонетти не осталось и следа.

— Если я куплю это заведение, мне придется потратить кучу денег на то, чтобы оно выглядело так, как хочу я, — сказал он тихо, но твердо. — Дам столько, сколько сказал, и ни цента больше. — Он встал. — Обдумайте все хорошенько, Боб. И сообщите о своем решении.

Когда Бонетти вышел из зала, подошел официант с сотовым телефоном.

— Вас миссис Фриз, сэр. Что-то срочное.

К удивлению Боба, Натали сказала:

— Я только что узнала, что в доме пятнадцать по Ладлем-авеню ведут раскопки. По слухам, ищут тело Карлы Харпер, девушки, которая пропала два с половиной года назад. Боб, не тот ли это дом, где жила твоя семья, когда ты был подростком?

— К вам пришел ваш отец, мистер Стаффорд. — Голос у секретарши Уилла был озадаченный. Она словно хотела добавить: «А я и не знала, что ваш отец жив».

— Отец? — Уилл в раздражении отшвырнул ручку. — Пусть зайдет.

Дверь медленно отворилась. Вошедший мужчина напоминал бледную тень того человека, которого Уилл видел год назад. С тех пор отец похудел килограммов на двадцать пять. Лицо пожелтело и заострилось. То, что еще недавно было копной русых с проседью волос, превратилось в жалкие седые патлы.

Уилл встал и резким, срывающимся голосом произнес:

— Ты разве не понял, что я не желаю тебя видеть?

— Уилл, признаю, я совершил немало ошибок. Мне недолго уже осталось. Да, меня не было рядом с тобой, когда я был тебе нужнее всего. Я хочу все исправить.

— Слишком поздно. Уходи и больше не возвращайся.

— Я должен был понять... Ты был подростком...

— Заткнись! — Уилл обошел стол, оказался перед отцом и схватил его за плечи. — Я расплатился за то, что совершил другой. Ты мне не поверил. Ты мог нанять батальон адвокатов, а вместо этого ты умыл руки и бросил меня, своего единственного сына, на произвол судьбы. Не нужно портить того, что я двадцать три года создавал собственным трудом! Убирайся вон!

Уильям Стаффорд-старший кивнул. В глазах его стояли слезы. Он молча повернулся к двери, но на полдороге остановился:

— Я больше не приду. Обещаю. Я просто хотел в последний раз повидать тебя и попросить прощения. Знаю, я тебя очень подвел...

Уилл ничего не ответил. Отец тяжело вздохнул:

— Я прочитал про девушку, чье тело нашли...

— И у тебя хватило наглости прийти и рассказывать об этом мне? Убирайся! Слышишь? Немедленно убирайся!

Больше всего Уиллу хотелось стиснуть обеими руками тощую шею человека, который его породил, и не разжимать рук до тех пор, пока тот не испустит последний вздох.

Адвокат Неда Келера Хэл Дэвис и Марти Бровски приехали в Гранд-Мэнор в понедельник утром, и ждали, когда Келера приведут в комнату для свиданий.

Дверь открылась, санитар проводил Келера до места.

— Нед сегодня немного возбужден, — сказал санитар. — Если что, я в коридоре.

— Зачем вы меня мучаете? — накинулся Келер на Марти.

— У меня к вам всего несколько вопросов, — успокоил его Бровски. — Однако я должен поставить вас в известность, что вы подозреваетесь в убийстве собственной матери, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

— Нед, вы не обязаны отвечать на его вопросы, — предупредил Дэвис.

— Ваша мать когда-нибудь на вас сердилась, Нед?

— Мама меня очень любила. Очень.

— Разумеется, любила. Но бывало так, что она на вас сердилась?

— Нет. Никогда.

— Она сердилась на то, что вы рассеянный и, уходя, едва прикрываете дверь, так что замок не защелкивается. Так?

— Я всегда запираю дверь, когда уходил.

— Всегда? Джоэль Лейк утверждал, что дверь была еле прикрыта. Поэтому он и выбрал вашу квартиру. И разве не то же самое произошло за неделю до смерти вашей матери? Разве она не кричала, что кто-нибудь зайдет и прирежет ее?

— Нед, настоятельно советую вам ничего не говорить, — сказал Дэвис.

— Оставь меня в покое, Хэл, — зло прищурился Келер.

— Нед, откуда вы знаете, что пережила ваша мать, когда увидела нож и поняла, что сейчас умрет? — спросил, в упор глядя на Келера, Марти. — Она, наверное, умоляла вас не трогать ее? Говорила, что виновата, что больше не будет на вас ругаться? Она сидела за столом на кухне. Она только что поняла, что в квартире побывал вор. По-видимому, очень расстроилась. А нож висел на стене. Она показала на него и сказала, что если бы тот, кто проник в квартиру, прирезал ее этим ножом, то виноваты в этом были вы?

Келер закрыл лицо руками:

— Она говорила: «Нед, не надо! Прости меня, Нед! Пожалуйста, Нед, не надо!» Но было поздно. Я даже не понял, как нож оказался у нее в груди. — Тело его сотрясали рыдания. — Мамочка, прости! Прости!

Когда Эмили, завезя книги доктору Уилкоксу, вернулась домой, на крыльце ее ждал Эрик Бейли.

Она бросилась извиняться, но он только махнул рукой:

— Ничего страшного. Я отлично провел время. Правда, проголодался. У тебя найдется что-нибудь поесть?

Эмили отправилась на кухню, достала из холодильника ветчину, швейцарский сыр, зеленый салат, помидоры и занялась приготовлением сэндвичей. Ели они на кухне.

— В меню еще куриный суп, — сказала Эмили. — Я сварила его позавчера.

— Это напоминает мне времена, когда мы с тобой работали в том клоповнике. Я отправлялся за сэндвичами, а ты разогревала домашний супчик.

— Здорово было, — улыбнулась Эмили.

— Здорово. У меня не было бы моей компании, если бы ты не помогла мне выиграть дело.

— А ты сделал меня богачкой. Так что мы квиты. Благодаря тебе я могу до конца жизни не заботиться о деньгах.

— Если тебе когда-нибудь понадобится, чтобы позаботились о тебе... — Эмили, улыбнувшись, покачала головой, и Эрик не стал договаривать фразу.

— К чему портить такую дружбу, — сказала она.

Он доел суп и стал помогать Эмили загружать посудомоечную машину.

— Это моя работа, — попыталась отказаться она.

— А мне нравится тебе помогать.

Когда дело было сделано, они перешли в столовую.

— Ну, а теперь предлагаю следующее. Ты работай на одном конце стола, а я займу другой. — Эмили объяснила, что собирается делать со старыми картами города и выписками из городского архива. — Я хочу как можно больше узнать про жизнь этих людей. Хочу понять, где жили друзья Мадлен. Я...

И тут зазвонил телефон. Эмили, вздрогнув от неожиданности, схватила Эрика за руку. Потом, смущенно усмехнувшись, поспешила в кабинет. Звонил детектив Бровски.

— Эмили, ваш клиент по делу Келер — вор и подлец, но я рад уведомить вас, что он действительно не убийца. Я побывал у Неда Келера. И вот что я вам должен сообщить...

Через пятнадцать минут она вернулась в столовую.

— Ты не жалеешь времени на беседы, — весело заметил Эрик. — Что, появился новый возлюбленный?

— Это был детектив Бровски. Ты его видел. Он наговорил про тебя много хорошего.

— А вот с этого места поподробнее.

— Он считает, что, установив камеру, которая сняла Неда Келера, ты, возможно, спас мне жизнь. Сегодня Келер признался, что преследовать меня не преследовал, а вот убить собирался. Марти сказал, что в искаженном сознании Келера виновником смерти матери был Джоэль Лейк. Он сказал Бровски, что, если бы Джоэль не обокрал квартиру, мать осталась бы жива, и поэтому настоящий убийца — Джоэль.

— Да, безумная логика, — кивнул Эрик. Он уже начал собирать аппаратуру.

— Безумная, но я уверена: он не хотел убивать мать и теперь не может смириться с тем, что стал причиной ее смерти. Если бы Джоэля Лейка признали виновным, он бы перенес свою вину на него. А я помогла оправдать Джоэля, поэтому и я — злодейка.

— Ты не злодейка, — твердо сказал Эрик. — Меня беспокоит другое. Как я понял, Бровски насторожили новые преследования. Он кого-нибудь подозревает?

— Он проверил моего бывшего муженька. У Гэри железное алиби. Джоэля Лейка Бровски пока не нашел.

Эрик, установив камеры по периметру дома, уехал в семь вечера. Однако он не сказал Эмили, что установил и другие камеры, в самом доме, соединенные с антенной в чердачном окне. Теперь, находясь в восьмистах метрах от дома, он из своего фургона сможет следить по телевизору за ее действиями и слушать все разговоры в гостиной, кухне и кабинете.

Вспомнив, как она подскочила, когда зазвонил телефон, он усмехнулся. Она пытается это скрыть, но на самом деле очень

нервничает. Страх — лучшее орудие мести. Она продала свои акции на пике цен. Вскоре и другие последовали ее примеру. И теперь его компания на грани банкротства. Он бы простил ее, не отвергни она его как мужчину.

— Если не полюбишь меня, — произнес он вслух, — проживешь остаток жизни в страхе. Все время будешь бояться, что кто-то выскочит на тебя из тьмы.

27 марта, вторник

Глава седьмая

Второй экскаватор на Ладлем-авеню, дом номер пятнадцать, подогнали в восемь утра во вторник — первый в понедельник сломался. И теперь уже прибыли репортеры — они смешались с людьми, стоявшими группками на улице. Все знали, что ищут еще один труп. Но чей? Скорее всего, Карлы Харпер, девушки, пропавшей два с половиной года назад.

Через полтора часа после начала работы экскаватор замер, и к яме кинулись криминалисты.

— Что-то нашли! — крикнул кто-то из толпы.

Прибыл фургон из морга, и это подтвердило догадки о том, что обнаружено тело. Приехал прокурор, пообещавший, что в ближайшее время выступит с официальным заявлением.

Полчаса спустя Эллиот Осборн встал перед микрофоном. Он сообщил, что обнаружены человеческие останки, завернутые в такой же черный пластик, в каком закопали тело Марты Лоуренс. А под ними найдены человеческий череп и несколько костей.

Томми Дагган и Пит Уолш собирались сопроводить фургон с телом в морг, но задержались побеседовать с Марго Талер, восьмидесятидвухлетней владелицей дома. Она в расстроенных чувствах сидела в гостиной с чашкой чая.

— Миссис Талер, я хотел задать вам несколько вопросов, — вежливо сказал Томми. — Вы давно живете в этом доме?

— Сорок лет. Я — третья владелица. Дом я купила у Роберта Фриза, который прожил в нем тридцать лет.

— Это случайно не отец Роберта Фриза, хозяина ресторана «Сизонер»?

Лицо Марго Талер исказила презрительная гримаса.

— Да. Но Боб и близко на отца не похож. Развелся с чудесной женщиной и женился на этой Натали! А потом еще и ресторан открыл. Мы с друзьями побывали там однажды. Цены безумные, а кормят отвратительно.

У Боба Фриза в городе поклонников немного, отметил про себя Томми Дагган и быстренько посчитал в уме: Фризу сейчас около шестидесяти, миссис Талер владеет домом сорок лет. Получается, Боб родился через десять лет после того, как его отец купил этот дом, и прожил в нем лет до двадцати.

— Миссис Талер, — сказал Томми, — мы считаем, что это останки девушки, которая пропала два с лишним года назад, предположительно пятого августа. Вы наверняка бы заметили, если бы у вас во дворе кто-то что-то копал.

— Разумеется, заметила бы.

Значит, останки держали где-то еще, пока не появилась возможность перенести их сюда, подумал Томми.

— Припоминаю, — сказал Питт, — что вы обычно где-то в октябре уезжали во Флориду и возвращались не раньше мая. Вы по-прежнему так делаете?

— Да.

Тогда все ясно, подумал Томми. Тот, кто убил Карлу, где-то, возможно в холодильнике, хранил ее тело, пока не представилась возможность закопать его здесь.

— Спасибо, что согласились побеседовать с нами, миссис Талер, — сказал он. — Вы нам очень помогли. Вы случайно не знаете, сколько лет этому дому?

— Он был построен в восемьсот девяносто третьем году.

— А вам известно, кому он принадлежал?

— Семье Алана Картера. Они прожили здесь около сорока лет, а потом продали дом Роберту Фризу-старшему.

Когда Томми Дагган и Пит Уолш приехали в морг, доктор О'Брайен заканчивал осмотр останков. Заключение мало отличалось от того, что было написано в четверг. Останки молодой особы женского пола, смерть наступила в результате удушения.

— Взгляните-ка на это, — сказал О'Брайен и взял рукой в перчатке несколько нитей. — Видите вплетения люрекса? Это кусочки того же шарфа, который мы нашли на шее у Марты.

— Выходит, тот, кто украл на приеме шарф, не только задушил им Марту, но и отрезал от него часть — на будущее? — удивился Пит.

— Этот убийца действует по расписанию столетней давности, — раздраженно сказал Томми. — Вполне возможно, никаких личных мотивов для убийства Марты Лоуренс или... — он взглянул на останки, — Карлы Харпер, если это действительно она, у него не было. И он выбрал их только потому, что обе были приблизительно того же возраста, что и девушки, погибшие сто с лишним лет назад.

— Второй череп пролежал в земле гораздо дольше. — Доктор О'Брайен поправил очки. — По моим предположениям, более ста лет.

— Карла Харпер и Летиция Грегг, — тихо произнес Томми.

— Судя по именам, написанным в открытке, так оно и есть, — согласился доктор О'Брайен. — Тут имеется еще кое-что интересное. — Он показал пластиковый пакетик. — Пара старинных сережек. Гранаты с жемчужинами в серебре.

— Где вы их нашли? — спросил Томми.

— Там же, где и в прошлый раз. Они были вложены скелету в руку. Когда, вы говорите, пропала третья девушка — тогда, в конце девятнадцатого века?

— Эллен Свейн пропала тридцать первого марта, через тридцать один месяц и двадцать шесть дней после исчезновения Летиции Грегг. Карла Харпер пропала пятого августа. В эту субботу, тридцать первого марта, будет тридцать один месяц и двадцать шесть дней. — Томми не столько отвечал на вопрос, сколько рассуждал вслух.

— Мадлен и Марта — седьмого сентября, Летиция и Карла — пятого августа, и в эту субботу близится следующая го-

довщина, — медленно сказал доктор О'Брайен. — Вы полагаете, убийца намерен выбрать новую жертву и похоронить ее вместе с Эллен Свейн?

На Томми вдруг навалилась бесконечная усталость. Тот же вопрос будут задавать и репортеры.

— Доктор О'Брайен, я очень надеюсь, что сценарий не повторится, но обещать могу одно: правоохранительные органы будут действовать исходя из того, что некий псих намерен через четыре дня убить еще одну молодую женщину.

Надо будет еще раз поговорить с доктором Клейтоном Уилкоксом, жена которого утверждает, что на приеме у Лоуренсов отдала этот злополучный шарф ему. Мы с Питом оба почувствовали, что Уилкокс в доме Уилла Стаффорда нам солгал, напомнил себе Томми. Настало время выбить из него правду.

Они начали верить в мое существование, понял он. Главной темой утренней программы «Сегодня» было интервью с доктором Неру Пателем, известным философом и психологом. Он убежден, что я — реинкарнация серийного убийцы из конца девятнадцатого века!

Озадачивает милого доктора Пателя только одно: я почему-то действую в нарушение законов кармы. Патель сказал, что многие возвращаются в те места, где жили в прошлой жизни, потому что им нужно снова встретить людей, которых они знали тогда. Они хотят заплатить кармические долги, оставшиеся у них перед этими людьми. Однако кармические деяния должны быть добрыми, а не злыми, это-то и настораживает. Возможно, сказал он далее, что в прошлой жизни Марта Лоуренс была Мадлен Шейпли, а Карла Харпер — Летицией Грегг.

Это не так, но концепция интересная.

Доктора Пателя спросили, возможно ли, что Эллен Свейн живет сейчас в другом теле, что я узнал ее и буду искать ее в ближайшую субботу.

Собственно говоря, следующую жертву я уже выбрал. Она не Эллен, но заснет сном смерти рядом с ней.

В среду, в девять утра, позвонил Джордж Лоуренс:

— Эмили, мы с мамой просмотрели старые альбомы и дневники. Все, что к делу не относится, мы отложили. А остальное, если вас это устроит, я могу привезти через полчаса.

— Очень хорошо.

Эмили сидела в столовой и трудилась над планом Спринг-Лейка, каким он был сто с лишним лет назад. Она расставила по нужным местам домики из «Монополии» — там, где жили семейства Шейпли, Картеров, Греггов и Свейнов.

Раздался звонок, она открыла дверь. Джордж Лоуренс принес с собой две здоровенные коробки. Он втащил их в столовую и поставил на пол.

— Можете ознакомиться, когда вам будет удобно, — сказал он, оглядел комнату и увидел план на столе.

— Хотите, покажу, что я тут сделала?

Джордж Лоуренс внимательно разглядывал план Спринг-Лейка.

— Это ваш дом? — спросил он, показав на один из домиков.

— Да.

— А это — наш?

— Да.

— И что именно вы хотите понять?

— Хочу понять, как получилось, что три девушки исчезли бесследно. Ищу дом кого-нибудь из их друзей, предположительно мужчин, куда их могли заманить. Вот это, — показала Эллен, — дом Шейпли, а здесь, напротив, дом Картеров. Считается, что в тот день, когда пропала Мадлен, Дуглас опоздал на поезд и приехал позже. Но так ли это было на самом деле?

— Но это наверняка проверили.

— Представьте себе тот день. Мадлен сидела на веранде и ждала Дугласа. А что, если Дуглас появился вдруг у себя на веранде и она побежала к нему?

— А он затащил ее в дом, убил, спрятал тело и в удобный момент закопал на ее же дворе? — скептически усмехнулся Джордж Лоуренс. — И каков же был его мотив?

— Понятия не имею. Это только версия. Однако я нашла подтверждения тому, что его кузен, Алан Картер, также был влюблен в Мадлен. Его семья жила в том доме на Ладлем-авеню, где

вчера нашли тела. А что, если он, например, приехал в закрытом экипаже и сказал Мадлен, что Дуглас попал в аварию?

— Мы, конечно же, слышали о вчерашней находке. Теперь Харперам предстоит пройти через то, что перенесли на прошлой неделе мы. — Эмили видела, как тяжело Джорджу Лоуренсу говорить об этом. — Ну что ж, мне пора. Мы сегодня уезжаем домой. Мама просила вас звонить, если появятся вопросы.

Едва Эмили закрыла за ним дверь, как зазвонил телефон. Это был Ник Тодд.

— Я хотел позвонить раньше, — сказал он, — но боялся вам надоесть.

— Да что вы, Ник! Я рада вашему звонку.

— Надеюсь, больше неприятных эпизодов не было?

— Нет. В понедельник приехал из Олбани мой друг Эрик Бейли и установил вокруг дома камеры. Если кто-нибудь снова решит подсунуть мне под дверь письмо, на следующий день его портрет будет красоваться во всех газетах.

— Вы включаете сигнализацию, когда остаетесь одна?

Сейчас она выключена, подумала Эмили.

— На ночь — обязательно.

— Я бы посоветовал включать и днем.

— Ну уж нет! Я намерена соблюдать осторожность, но в психоз впадать не хочу. Тогда я буду думать только о том, что тот, кто действует против меня, побеждает.

— Многие газеты написали о том, что случилось вчера в Спринг-Лейке. Говорят, полиции подсказали, где искать. Вы не знаете, через кого поступила эта информация?

— Через меня, — ответила она и рассказала про открытку.

— Эмили, скажите, есть ли хоть сотая доля вероятности, что убийца — тот же тип, что преследовал вас в Олбани?

— Думаю, нет. И детектив Бровски того же мнения.

Эмили упомянула имя полицейского из Олбани, поэтому пришлось рассказать Нику и о признании Неда Келера. А потом она объяснила, зачем решила воссоздать план Спринг-Лейка конца девятнадцатого века. В завершение разговора она приняла приглашение Ника в воскресенье опять сходить в «Старую мельницу».

— Очень надеюсь, что нам не придется обсуждать новое убийство, — сказала она.

А потом Ник сидел у себя в кабинете и думал: «Эмили, ты такая умная, но почему же ты такая упрямая? Неужели тебе даже не приходит в голову, что следующей жертвой можешь оказаться ты?»

Томми Дагган и Пит Уолш начали утро в кабинете Эллиота Осборна. Томми открыл блокнот:

— Тело, найденное вчера, опознано. По зубам определили, что это останки Карлы Харпер. Кусок шарфа, которым ее задушили, оторван от того самого шарфа, каким задушили Марту Лоуренс. Третьего куска шарфа пока не обнаружено.

— И это значит, что, если убийца будет верен своему плану, третий кусок он попытается использовать в субботу. — Осборн нахмурился. — Скольких бы полицейских мы ни послали дежурить по Спринг-Лейку, нам все равно не удастся держать под наблюдением каждый дом и каждый двор. О прошлом Уилкокса что-нибудь удалось выяснить?

— Пока что немного. Уилкокс двенадцать лет назад внезапно ушел с поста ректора Инок-колледжа. Причем случилось это вскоре после того, как он возобновил контракт.

— Чем он объяснил свой поступок?

— Официальная версия — плохое здоровье. Что-то с сердцем. Его проводили с почетом. Назвали в его честь один из корпусов. Но держу пари, сердце у него ничуть не хуже, чем у нас с Питом. По-моему, Уилкоксу либо предложили уйти в отставку, либо он сам ушел, потому что вляпался во что-то и боялся огласки. И теперь наша задача — заставить его все рассказать.

— Мы с ним встречаемся в три, — вставил Пит. — Решили, пусть немного помучается, поджидая нас.

— Правильно, — одобрительно кивнул Осборн. Он хотел было встать, но Пит продолжил:

— Сэр, вчера я весь вечер провозился с полицейскими архивами столетней давности, выяснял обстоятельства исчезновения тех трех девушек.

— И что, нашли что-нибудь полезное?

— Собственно говоря, ничего. Все происходило точно так же, как сейчас. Девушки просто исчезли с лица земли.

— Вы отдадите копии Эмили Грэм?

— Да, я договорился с первым помощником.

— Знаю. Вообще-то я против того, чтобы полицейские архивы выдавали посторонним, но раз уж вы ей обещали, я, так уж и быть, разрешаю.

Осборн встал, давая понять, что совещание закончено. Дагган с Уолшем тоже поднялись.

— Есть одна хорошая новость, — сказал Томми, направляясь к двери. — Убийца доктора Мэдден людей душить умеет, а вот компьютеры ломать — нет. Наши эксперты боялись, что жесткий диск поврежден, но сумели-таки его запустить.

— Боб, ты куда ходил ночью? — спросила Натали Фриз.

— Я не мог заснуть и спустился вниз почитать. Поднялся наверх около пяти, принял снотворное, и в кои-то веки оно подействовало.

Было около полудня. Боб Фриз застал Натали в гостиной. Он взглянул на красавицу жену и вспомнил, как некогда его завораживали ее струящиеся светлые волосы, почти идеальные черты лица, бирюзовые кошачьи глаза. Теперь все эти прелести оставляли его совершенно равнодушным.

На Натали был темно-зеленый брючный костюм, которого он раньше не видел. Наверняка новый. И наверняка дорогой. Интересно, как она все это упихивает в гардеробную?

— Хорошо выглядишь, — сказал он. — Ты куда-то идешь?

— Договорилась кое с кем пообедать. — Натали резко встала. — Знаешь, я и сама в последнее время плохо сплю. В два часа ночи я спускалась сюда. Тебя не было, Боб. И машины тоже. Будь добр, объясни, что происходит.

Она не врет, подумал Боб и внутренне содрогнулся.

— Натали, я совсем забыл. Я так устал, что решил поехать прокатиться. Хотел подышать свежим воздухом и подумать о делах. — Он судорожно подбирал слова. — Бонетти, конечно, занизил цену, но я решил принять его предложение.

— Вчера, отправившись покататься и проветриться, ты, по-видимому, решил заодно и выпить. С подружкой. Вот что

я нашла у тебя в кармане. — И она сунула ему в руку бумажку.

«Привет, красавчик! Мой телефон 555-19-74. Не забудь позвонить. Пегги», — прочитал Боб.

— Понятия не имею, как это ко мне попало, — сказал он.

— А я знаю. Это дала тебе некая Пегги. У меня для тебя новости. Избавляйся от ресторана. Продавай дом. А потом подсчитай, чего ты стоил, когда я была твоей невестой. Потому что при разводе я потребую половину этой суммы.

— Натали, ты спятила?

— Я? Знаешь, Бобби, я много думала про тот вечер у Лоуренсов. На тебе был свободный пиджак. Под ним вполне можно спрятать шарф. А на следующее утро, когда я встала, ты возился в саду. Кто знает, может, ты решил прикопать там на время тело Марты Лоуренс — пока не представилась возможность зарыть его во дворе у Шейпли.

— Ты сама веришь в то, что говоришь?

— Точно не скажу. Ты, Боб, человек со странностями. Бывает, ты смотришь на меня с таким видом, словно не можешь вспомнить, кто я. Часто исчезаешь без предупреждения. Может быть, мне следует обратиться к детективу Даггану — ради твоего же блага и ради безопасности молоденьких девушек нашего города?

У Боба на скулах заиграли желваки. Он схватил Натали за запястье и стиснул так, что она вскрикнула от боли. Лицо его побагровело.

— Попробуй только скажи такое Даггану или кому еще, — прошипел он. — И тогда тебе придется всерьез обеспокоиться собственной безопасностью. Ясно?

В среду днем Эмили позвонил Марти Бровски и сказал, что Джоэля Лейка нашли. Алиби Лейка проверили — снимки делал точно не он. Марти спросил, не получала ли она новых писем.

— Пока что нет. Моя сигнализация — произведение искусства. Правда, вынуждена признаться, по ночам я думаю о том, как Неду Келеру удалось вывести из строя ту, что была у меня дома в Олбани.

Бровски слышал проскальзывавшие в голосе Эмили нервные нотки. Ему было по-настоящему страшно за Эмили. Он чувствовал, что ей грозит серьезная опасность.

— Эмили, в прошлом году мы проверили практически всех, кого мог разозлить оправдательный приговор, вынесенный вашим клиентам. Вроде бы все были чисты. А как насчет того места, где у вас был офис? Мог ли кто-нибудь оттуда позавидовать вам, когда вы продали акции и получили кучу денег?

— Марти, я вот о чем подумала, — сказала она. — Как вам известно, Эрик Бейли проработал несколько лет в соседнем со мной кабинете. Может, он вспомнит кого-нибудь из тех, кто там служил и кто показался бы ему странным? Я уверена, он с радостью вам поможет.

Возможно, это еще одна тупиковая ветвь, но заранее ничего сказать нельзя, подумал Марти.

— Хорошо, Эмили. Я так и сделаю, — сказал он.

Телевизоры в фургоне, стоявшем в шести кварталах от дома Эмили, показывали отлично. Эрик смотрел на экран. Молодчина Эмили, кивнул он. Благодарю за доверие. Я хотел задержаться еще на денек, но теперь придется уехать. Надо повидаться с мистером Бровски. Жаль, конечно...

У него был готов отличный снимок Эмили, открывающей дверь Джорджу Лоуренсу. Но посылать его сейчас смысла не было.

— Мистер Стаффорд приносит свои извинения и просит вас подождать несколько минут, миссис Фриз.

Пэт Глинн, секретарша Уилла, нервно улыбнулась Натали. Такая роскошная женщина, подумала Пэт. Всякий раз, когда она входит в приемную, я кажусь себе полным убожеством.

— Вы чудесно выглядите, миссис Фриз, — застенчиво сказала Пэт.

Натали всегда забавляло то, какой ужас она нагоняет на простушку секретаршу Уилла, но неожиданный комплимент пришелся ей по вкусу.

— Доброе слово и кошке приятно, Пэт.

— Вы неважно себя чувствуете?

— Да. Очень болит запястье. — Она вытянула руку и показала багровый синяк.

Из кабинета вышел Уилл.

— Прости, что заставил ждать. Что у тебя с рукой?

Натали поцеловала его в щеку.

— Расскажу позже. Идем.

Когда они выходили, Пэт успела услышать, как Натали сказала:

— Уилл, Бобби сегодня утром напугал меня до полусмерти. По-моему, он сходит с ума. — В голосе ее звенели слезы.

— Не нервничай ты так, — сказал он, садясь в машину. — За обедом все обсудим.

В ресторане Уилл пристально взглянул на Натали:

— Ты понимаешь, что Пэт могла слышать то, что ты сказала про Боба, а она у нас известная сплетница.

Натали пожала плечами и закурила:

— Да мне плевать. На самом деле плевать. Я пять лет своей жизни отдала Бобу Фризу. А теперь он мало того что практически разорен, он еще и становится самым настоящим психом.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Уилл.

— Вот тебе пример. Я знаю, Боб говорил тебе, что страдает бессонницей и часто читает до глубокой ночи. Вчера ночью, часа в два, я спустилась вниз и заглянула к Бобу в кабинет. Там его не оказалось. Я заглянула в гараж. Машины тоже не было. Понятия не имею, где он был, но сегодня утром я нашла у него в кармане записку от какой-то бабы — с просьбой позвонить. Я тут же все это ему вывалила, а он, понимаешь, он не на шутку испугался. И я готова поклясться, что он не мог вспомнить, кто она такая. Он попытался как-то оправдаться, но, по-моему, у него случился провал в памяти. Честно говоря, я давно за ним такое замечаю.

— Я бы посоветовал тебе не поднимать шума.

— Не думаю, что это правильно, — возразила она и, понизив голос, продолжила: — Уилл, я все думаю про вечер у Лоуренсов. Бобби тогда надел тот дурацкий широкий пиджак, который, как он думает, его стройнит.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это Боб украл шарф Рейчел Уилкоккс?

— Я хочу сказать, что, когда я шла в туалетную комнату припудрить нос, шарф лежал на столике, а когда я вышла, его там уже не было.

— Ты видела Боба где-нибудь поблизости?

В ее глазах мелькнула неуверенность:

— Вроде бы да.

— Почему ты не рассказала об этом полиции?

— Потому что до позавчерашнего дня никто не интересовался этим шарфом. Я просто пытаюсь вспомнить все как можно подробнее. Может, что и получится, — сказала Натали.

— Эмили, у меня есть еще несколько книг, которые, возможно, вас заинтересуют. Хотите, я завезу их через полчаса? — спросил доктор Уилкоккс.

— Не хочу вас затруднять. Я сама могу их забрать.

— Мне это не сложно. Я все равно еду по делам.

Положив трубку, Эмили открыла одну из коробок, принесенных Джорджем Лоуренсом, и пришла в восторг: там были собраны дневники и письма его прапрабабушки Джулии Гордон. Она тут же принялась за одно из писем. Перед ней разворачивались истории чужих жизней, и ей уже казалось, что она перенеслась в прошлое, в девяностые годы девятнадцатого века. Порой она даже жалела, что не жила в то время. Жизнь тогда была более спокойной и защищенной.

И тут Эмили задалась вопросом: уж не сходит ли она с ума? Защищенной! Три подруги поверяли друг дружке секреты, вместе ходили на танцы и пикники и умерли одна в девятнадцать, другая — в восемнадцать, а третья — в двадцать лет. Защищенной такую жизнь никак не назовешь.

Эмили настолько углубилась в чтение, что, когда раздался звонок, кинулась открывать, забыв потушить свет и закрыть дверь в столовую.

Массивная фигура доктора Клейтона Уилкоккса на крыльце почему-то повергла ее в ужас. Что со мной происходит? — спросила она себя, пропуская гостя в холл. Она надеялась, что он отдаст ей сумку с книгами и уйдет, но Уилкоккс остановился.

— Стало довольно прохладно, — вежливо заметил он.

— Да, пожалуй, — ответила Эмили, которой ничего не оставалось, кроме как закрыть входную дверь.

Уилкокс, не выпуская из рук сумку, огляделся по сторонам. Справа была дверь в гостиную, где уже сгушались сумерки. Дверь в столовую была приоткрыта, и люстра, висевшая над столом, освещала карту с домиками из «Монополии».

— Вы, как я вижу, работаете в столовой, — сказал он. — Давайте я отнесу книги туда.

Она не успела придумать, как его задержать, и мгновение спустя он уже оказался в столовой, поставил сумку на пол и внимательно посмотрел на стол.

— Я мог бы вам помочь, — предложил он. — Не помню, говорил ли я вам, что пишу исторический роман, действие которого происходит в Спринг-Лейке в восемьсот семьдесят шестом году? — Он ткнул пальцем в дом номер пятнадцать по Ладлем-авеню, около которого было написано имя Алана Картера. — Вы правы. Семейство Картер многие годы, начиная с восемьсот девяносто третьего, жило именно тут. А до того их дом был вот где. — Он взял из коробочки новый домик и поставил его за домом Шейпли.

— Алан жил прямо за этим домом? — поразилась Эмили.

— Тогда дом был записан на имя его бабки по материнской линии. Семья жила с ней. А после ее смерти они продали его и переехали на Ладлем-авеню.

— Да, вы действительно подробно изучили историю города. — Во рту у Эмили пересохло.

— Разумеется. Это мне было нужно для книги. Позвольте присесть?

— Прошу вас. — Она решила, что не станет приглашать его в гостиную.

Ей страшно было подумать, что придется зайти вместе с ним в темную комнату. Сама она села на стул, ближайший к двери. Он тоже сел, положил руки на колени.

— Эмили, вы адвокат по уголовным делам, и, насколько я понимаю, очень хороший. У меня создалось впечатление, что я стал главным подозреваемым в деле об убийстве Марты Лоуренс и Карлы Харпер. Я бы хотел, чтобы вы меня защищали.

— Доктор Уилкокс, полиция сообщила вам, что считает вас подозреваемым?

— Пока что нет, но они сумеют завести на меня дело. Позвольте мне объяснить почему.

— Пожалуйста, не надо, доктор Уилкокс, — перебила его Эмили. — Я не смогу быть вашим адвокатом. Я свидетельница по делу Марты Лоуренс. Не забывайте, я была здесь, когда нашли ее тело, вернее, скелет. Так что, прошу вас, не говорите мне ничего, о чем меня могут спросить на суде.

Он кивнул:

— Это мне в голову не пришло. — Он медленно поднялся. — В таком случае я не стану посвящать вас в суть затруднительного положения, в которое я попал. Ах, если бы можно было повернуть время вспять и избежать минутной слабости!.. — тихо проговорил он.

Когда он проходил мимо нее, Эмили невольно вздрогнула. К ее большому облегчению, он направился напрямик к входной двери и сам открыл ее.

— Советую на ночь запираť дверь на задвижку, — сказал он на прощание.

29 марта, гетберг

Глава восьмая

СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ Спринг-Лейка заметно нарастает беспокойство. Полиция чаще патрулирует улицы.

Через два дня моя задача будет выполнена полностью. Я вернусь в нормальное состояние и остаток жизни проведу в мире и спокойствии.

Но писать обо всем, что происходит, буду и дальше. В моем дневнике, как и в том, предыдущем, будет объяснено, что, как и почему происходило.

Быть может, однажды другой четырнадцатилетний мальчишка найдет дневник — вернее, два дневника — и решит пройти этот цикл заново. И когда это случится, я буду знать, что вернулся в Спринг-Лейк в третий раз.

В четверг утром, придя на работу, Марти Бровски увидел, что на автоответчике его ждет сообщение. Эрик Бейли перезвонил ему в среду, в семь вечера.

Марти набрал номер. Трубку сняла секретарша, которая тут же соединила его с Бейли.

— Прошу прощения, что вчера не успел с вами связаться, — сказал тот дружелюбно. — Я, знаете ли, решил денек прогулять. Отправился поиграть в гольф. Если хотите, можем увидеться сегодня же утром. Я свободен в одиннадцать.

Марти встречался с Бейли только однажды, но время от времени видел его фотографии в газетах. Он был в Олбани знаменитостью — этаким Билл Гейтс местного масштаба.

Штаб-квартира компании Бейли располагалась за городом. Это было симпатичное трехэтажное здание красного кирпича с огромными, от пола до потолка окнами. Картины, висевшие на стенах, производили впечатление дорогих.

Секретарша ждала Бровски.

— Кабинет мистера Бейли на втором этаже, — сказала она. — Направо по коридору и до конца.

Бровски поднялся по винтовой лестнице. Идя по коридору, он заглянул в несколько кабинетов — в большинстве никого не было. Бровски слышал разговоры о том, что интернет-компания Бейли теряет деньги и технология, которая несколько лет назад принесла Бейли огромный доход, устарела.

В апартаменты Эрика Бейли вели резные двери красного дерева. Марти отворил одну из створок и вошел.

— Входите, Бровски! — услышал он голос.

Элегантная сухопарая женщина лет сорока, увидев Марти, встала из-за стола. Она представилась как Луиза Колдуэлл, секретарша мистера Бейли, и проводила Марти в кабинет.

Эрик стоял у окна. Услышав их шаги, он обернулся.

— Рад снова видеть вас, детектив Бровски, — сказал он.

— Взаимно, мистер Бейли.

Эрик указал на диваны и кресла у окна, выходящего на задний двор. Марти уселся на мягчайший кожаный диван.

— Прекрасный кабинет и здание прекрасное, мистер Бейли, — искренне восхитился он.

На губах Эрика мелькнула улыбка.

— А вы когда-нибудь видели мой старый кабинет? Он был рядом с кабинетом Эмили.

— Я несколько раз бывал у Эмили на работе. Помещение не-большое, но уютное.

— Мое было в три раза меньше.

— Значит, вы обитали в такой же берлоге, какая досталась мне.

На сей раз Бейли улыбнулся по-настоящему.

— В понедельник я побывал в новом доме Эмили. Устанавливал там видеокамеры.

— Да, она мне говорила, — ответил Марти.

— Меня очень беспокоит то, что преследователь отправился за ней в Спринг-Лейк. Или вы думаете, кто-то просто копирует его действия?

— Не знаю, — признался Марти. — Могу сказать только одно. Любой преследователь — это бомба замедленного действия. Если это тот тип, что донимал ее здесь, боюсь, он готовится поднести спичку к бочке с порохом.

Марти протянул Эрику фотографию Эмили, выходящей в субботу утром из церкви Св. Екатерины.

— У него хватило наглости последовать за ней на заупокойную мессу по девушке, тело которой было обнаружено у Эмили на заднем дворе.

— Я об этом много размышлял, — сказал Эрик. — По-моему, это указывает на то, что Эмили никогда его в глаза не видела. Ведь знакомое лицо можно углядеть даже в битком набитой церкви. Думаю, это новый человек, который зачем-то решил копировать действия предыдущего.

— Возможно, вы и правы, — нехотя согласился Марти. — Но в таком случае получается, что мы имеем не одного преследователя, а двоих. У меня к вам такая просьба, Эрик. Вспомните тех, кто работал с вами и Эмили в одном здании. Не мог ли кто-то затаить на нее злобу?

— Не забывайте, я не был там три года, — сказал Эрик. — А Эмили съехала оттуда только на прошлой неделе. Но я, конечно же, постараюсь напярчь память.

— И еще одно. Не можете ли вы установить какую-нибудь дополнительную аппаратуру, которая бы еще надежнее обеспечивала безопасность Эмили? Жаль, что у нее нет здоровяка возлюбленного. Предпочтительнее боксера.

Марти ожидал, что Бейли с ним согласится. Но, заметив, как изменилось выражение его лица, догадался: да парень влюблен в нее. Здравсте-пожалуйста.

— Вы человек деловой. Не буду занимать ваше время, — сказал Марти, вставая.

А вот ты теперь будешь занимать довольно много моего, подумал он. Может, я и ошибаюсь, но очень вероятно, что Эрик Бейли — как раз тот, кого мы ищем.

Так, минуточку! Эрик Бейли не мог быть в субботу в церкви. Эмили наверняка бы его заметила.

— В Инок-колледже мы ничего предосудительного о Уилкоксе не узнали, — сказал Томми Дагган, повесив трубку. — Ни намек на скандал. Наш человек беседовал с людьми, входившими в опекунский совет, когда Уилкокс покинул пост ректора. Все они с негодованием отвергли предположение, будто Уилкокса заставили подать в отставку.

— А почему же тогда он ушел так внезапно? — спросил Пит Уолш. — Хочешь знать мое мнение? Уилкокс мог придумать отговорку про больное сердце, потому что у него были какие-то неприятности и он не хотел, чтобы пострадала честь университета. Коллеги действительно могли не знать истинной причины.

Они сидели в кабинете Томми и ждали звонка агента из Кливленда. Тот наконец позвонил, после чего они вышли и направились к машине. Они собирались заехать к Эмили Грэм, завестись ей копии полицейских протоколов девятнадцатого века, а потом снова побеседовать с доктором Уилкоксом.

— Может, Уилкокс не воровал денег, — сказал Пит. — Вполне вероятно, все было совсем наоборот. Давай посмотрим его налоговую декларацию за тот год, когда он уволился из Инока, и проверим, не тратил ли он крупные суммы.

— А что, это мысль, — согласился Томми.

По дороге к Эмили он еще раз позвонил агенту в Кливленд.

— Что побудило вас нанести мне столь внезапный и столь мне приятный визит? — спросил Боб Фриз Натали, присаживаясь за свой столик в «Сизонере».

Звонок метрдотеля, сообщившего о приезде Натали, удивил и раздосадовал Боба.

— Это нейтральная территория, — невозмутимо ответила Натали. — Ты ужасно выглядишь. После того, что ты себе позволил, — показала она на синяк, — я провела ночь в гостевой спальне, заперев дверь на ключ. А ты, оказывается, вообще не появлялся дома. Наверное, отправился к Пегги?

— Я ночевал здесь, на диване в кабинете. Решил, что после вчерашней сцены нам обоим нужно привести в порядок нервы.

Натали пожала плечами:

— Нейтральная территория. Привести нервы в порядок. Слушай, мы оба говорим об одном и том же. Мы надоели друг другу до смерти, и, честно говоря, я тебя просто боюсь.

— Не пори чушь!

— Не такая уж это чушь. — Она открыла сумочку и достала сигареты.

— Здесь курить нельзя. И тебе это прекрасно известно. Ты что, снова закурила? Когда мы поженились, ты же бросила.

— Если быть точными, я пообещала бросить курить четыре с половиной года назад, сразу после Дня труда. И мне очень не хватало сигарет. А теперь нет смысла мучить себя.

Положив сигарету на сервировочную тарелку, Натали вдруг отчетливо вспомнила, что последний раз она курила на приеме, которые Лоуренсы давали в честь Марты. Это было шестого сентября. Я вышла на крыльцо, подумала она, потому что в доме, естественно, курить не разрешалось.

Он шел к машине и что-то держал в руках.

— Что с тобой такое? У тебя такой вид, будто ты увидела привидение.

— Давай обойдемся без обеда. Сейчас я поеду домой и соберу вещи. Моя подруга Конни разрешила мне остановиться в ее

городской квартире — пока я не подберу себе подходящее жилье. Вчера я сказала тебе, что потребую при разводе.

— Никакой судья не присудит тебе такую безумную сумму. Смотри на вещи реально, Натали.

— Это ты смотри на вещи реально, Бобби. — Она резко встала и чуть не бегом кинулась к двери.

Карта, разложенная на столе, была уставлена маленькими домиками, но все равно что-то не выстраивалось. Ответ надо искать где-то еще.

Из альбомов с фотографиями, принесенных Джорджем Лоуренсом, Эмили узнала, как кто выглядел. Эмили нашла один групповой снимок, на обороте которого были подписаны все имена. Фотография выцвела, и лица были видны не очень четко. Эмили решила спросить у детективов, нельзя ли увеличить снимок у них в лаборатории.

На обороте снимка значились имена всех трех жертв — Мадлен, Летиции и Эллен, а также Дугласа и Алана Картеров и их родителей, в том числе Ричарда Картера.

Задний двор ее дома граничил с задним двором дома, где в то время жил Алан Картер. Дуглас Картер жил напротив — на другой стороне Хейс-авеню.

Перебирая в памяти все, что она узнала о Летиции Грегг, Эмили пришла к выводу, что девушка, перед тем как исчезнуть, вполне могла отправиться искупаться. Ее купальный костюм пропал вместе с ней. Она жила на Хейс-авеню, между Второй и Третьей улицами. По дороге на пляж она должна была пройти и дом Алана Картера, и дом Дугласа Картера. Не могли ли ее где-то там подстеречь?

Но Дуглас Картер совершил самоубийство до исчезновения Летиции. Позже семейство Алана Картера купило тот участок, где было захоронено тело Летиции. Слишком уж много совпадений.

Но в этот сценарий плохо вписывалась Эллен Свейн. Она жила в доме у озера.

Когда приехали детективы Дагган и Уолш, Эмили все еще размышляла над картой. Она отдала им групповое фото, и они пообещали его увеличить.

— Хорошая работа, — восхитился Уолш, изучив карту. — Это вам как-нибудь помогло?

— Пока что не знаю, — ответила Эмили.

Когда детективы уехали, она уселась в удобное глубокое кресло в кабинете и погрузилась в чтение полицейских протоколов. Эмили начала с первой страницы дела об исчезновении Мадлен Шейпли.

7 сентября 1891 г. В 19.30 в полицию позвонил мистер Луис Шейпли, проживающий в Спринг-Лейке на Хейс-авеню, дом номер 100, и сообщил, что его девятнадцатилетняя дочь Мадлен пропала.

8 сентября 1891 г. Возникло подозрение, что это был чей-то злоумышленный поступок. Мать и младшая сестра были дома. Одиннадцатилетняя Кэтрин Шейпли под присмотром матери занималась с преподавательницей музыки мисс Джоанной Стори. Предположительно звуки фортепьяно заглушили крики мисс Шейпли.

22 сентября 1891 г. Мистера Дугласа Картера снова допрашивали по поводу исчезновения его невесты. Мистер Картер продолжает утверждать, что опоздал на поезд и был вынужден около двух часов ждать следующего. В поезде было много народу, но мистер Картер заявил, что не встретил никого из знакомых. Кондуктор не помнит, компостировал ли он его билет.

Ей помешал телефонный звонок. Звонил Уилл.

— Давно собирался узнать, как у вас дела, но всю неделю был ужасно занят. Не согласитесь ли вы поужинать со мной?

— С удовольствием, — искренне обрадовалась Эмили.

— В семь часов вас устроит?

— Замечательно.

— Значит, до семи.

Эмили повесила трубку и поняла, что от долгого сидения затекли руки и ноги. Она несколько раз со вкусом потянулась.

Камера фиксировала каждое ее движение.

Джоан Ходжес четыре дня пыталась привести в порядок картотеку доктора Мэдден. Задача была не из легких. В четверг к ней приехал полицейский с восстановленным компьютером.

— Этот тип очень старался его уничтожить, — сказал он. — Но вам повезло. До жесткого диска он не добрался.

— Значит, все файлы можно открыть? — спросила Джоан.

— Можно. Детектив Дагган хочет, чтобы вы сразу же проверили одно имя. Доктор Клейтон Уилкокс.

Джоан села за компьютер и забегала пальцами по клавиатуре.

— Четыре с половиной года назад, в сентябре, он недолгое время был пациентом доктора Мэдден. А потом еще два с половиной года назад — в августе. Он приходил по вечерам, поэтому я с ним не встречалась.

Полицейский позвонил по сотовому.

— У меня информация, которую нужно немедленно сообщить Даггану, — сказал он.

От Эмили Томми Дагган и Пит Уолш направились к доктору Клейтону Уилкоксу. Разговор получился пустой. Уилкокс настаивал на том, что положил шарф рядом с сумочкой жены. Когда задали вопрос о докторе Мэдден, он нехотя ответил, что да, припоминает, несколько лет назад у него была легкая депрессия и он обращался к ней.

— Как давно это было, доктор Уилкокс? — спросил Дагган.

— Я точно и не помню.

Однако детективы обратили внимание на то, что у доктора Уилкокса запали глаза, при разговоре он нервно перебирал пальцами.

— Он явно чем-то напуган, — сказал Томми Питу, когда они вышли.

А в четыре часа одно за другим произошло два события. Позвонил полицейский из кабинета доктора Мэдден и сообщил, когда именно доктор Уилкокс обращался к психологу.

— Он встречался с ней через несколько недель после исчезновения Марты Лоуренс и через три недели после исчезновения Карлы Харпер, — повторил Томми. — А заявляет, что не может точно вспомнить!

— Нам он сказал, что ходил к ней потому, что у него была легкая депрессия. Если девушек задушил именно он, понятно, почему он впал в депрессию, — ехидно заметил Пит Уолш.

Вторая порция манны небесной пришла в виде звонка агента из Огайо.

— У меня есть связи в брокерской конторе, где Уилкокс держит свой портфель акций, — сказал он. — Двенадцать лет назад, уйдя в отставку, Уилкокс забрал акций на сто тысяч долларов. Он выписал чек на свое имя. Чек был отправлен в банк в Анн-Арборе, штат Мичиган, на счет некой Джины Филдинг. Внизу чека сделана приписка: «Старинный стол и секретер».

— Джина Филдинг торгует антиквариатом?

— В то время она училась на первом курсе Инок-колледжа и внезапно ушла из университета незадолго до отставки Уилкокса.

— Где она теперь?

— Мы ее ищем. Она переехала в Чикаго, вышла замуж, потом развелась. Через день-два мы на нее выйдем.

Томми повесил трубку и с мрачным удовлетворением взглянул на Пита.

— Это лучше, чем дымящийся в руке убийцы пистолет, — сказал он. — Завтра утром мы снова повстречаемся с бывшим ректором Инок-колледжа.

30 марта, пятница

Глава девятая

Эмили проснулась утром в пятницу и с удивлением обнаружила, что уже четверть девятого. Вот что может сделать с человеком пара бокалов вина, выпитые, чтобы расслабиться, подумала она и откинула одеяло.

Долгий сон без сновидений придал ей сил — такой бодрой она не чувствовала себя уже много дней. Да и вечер был приятный. Уилл — очень симпатичный человек.

Он приехал за ней почти на полчаса раньше, и Эмили проводила его в кабинет, подождать, пока она закончит туалет. Он включил телевизор и стал смотреть новости.

Утром, одеваясь, она размышляла, насколько все-таки представления о том, как живут малознакомые тебе люди, отличаются от их настоящей жизни.

Вот, например, Уилл, думала Эмили, убирая кровать. Из того, что он рассказал о себе в тот день, когда подписывали купчую, я поняла, что он человек состоявшийся и уверенный в себе. Но за ужином Уилл открылся с новой стороны. «Я был единственным ребенком, — рассказал он Эмили. — Детство мое прошло в Принстоне, а когда родители развелись, мы с мамой переехали в Денвер. Отец вскоре женился на своей секретарше. Потом у него было еще две жены. Мать так и не оправилась, — добавил он с грустью. — Отец сломил ее дух».

Для него это до сих пор открытая рана, подумала Эмили.

Она спустилась вниз и пошла на кухню, заглянув по пути в столовую взять почитать что-нибудь из привезенного Лоуренсом. Она выбрала дневник Джулии Гордон. Сделав себе тост и почистив грейпфрут, Эмили открыла тетрадь. В одной из первых записей Джулия писала:

Бедной миссис Картер день ото дня все хуже. Смерть Дугласа стала для нее трагедией, от которой ей уже не оправиться. Мы все часто заходим к ней, приносим цветов, чтобы в комнате стало повеселее, или какую-нибудь сладость в надежде, что это пробудит ее аппетит, но ничто не помогает. Она беспрестанно говорит о Дугласе. Плачет и называет его своим единственным сыночком.

Жизнь обошлась с миссис Картер жестоко. Ей были даны красота и богатство. Однако вскоре после рождения Дугласа она начала страдать ревматизмом. Долгие годы она прожила инвалидом и теперь даже не выходит из комнаты.

Бабушка Лоуренс считает, что врачи, дабы облегчить ее страдания, прописывали ей слишком большие дозы лауданума. Миссис Картер давно уже пребывает в заторможенном состоянии и утратила всяческий интерес к жизни. И слезы, которые она проливает, остались единственным выходом ее горя.

Эмили закрыла тетрадь. Предположим, Дуглас успел-таки на ранний поезд, приехал домой, и Мадлен, увидев его, побежала с ним поздороваться. Если бы между Мадлен и Дугласом случилась размолвка, услышала бы миссис Картер, накачанная лауданумом, сверху ссору, происходящую внизу?

Или же Мадлен спустилась с веранды и вышла на свой задний двор, а Алан Картер вышел на свой. Он был влюблен в нее и наверняка знал, что его кузен вот-вот сделает ей предложение. Возможно, он попытался признаться ей в своих чувствах, она отвергла его, и он впал в ярость.

Обе версии не лишены оснований. Эмили пошла в столовую — положить на место дневник, и тут ей пришла в голову еще одна мысль. На самом ли деле Дуглас Картер покончил с собой или его убили — потому что он что-то заподозрил?

В пятницу утром Боба Фриза разбудил звонок телефона. Он открыл глаза, снял трубку и хрипло сказал:

— Алло!

— Боб, это Конни. Я ждала Натали вчера вечером, но она не приехала. Она что, осталась дома?

Фриз с трудом приподнялся в кровати. Он лежал поверх покрывала. Натали...

— Боб, что происходит? — В голосе Конни слышалось негодование, но Боб распознал и нотку испуга.

Испуга? Натали наверняка рассказала Конни об их последней ссоре. Может, и про синяк растрепала?

Так, надо сосредоточиться. Натали сказала, что уходит. Она намеревалась пожить в нью-йоркской квартире Конни. Но туда не приехала. Сейчас утро. Из памяти выпал почти целый день. Сколько же времени меня не было дома? — пытался вспомнить Боб.

— Конни, мы с Натали встречались вчера днем в ресторане, — сказал он. — Она мне сказала, что уезжает в Нью-Йорк, и собиралась домой за вещами. С тех пор я ее не видел.

— Так она собрала вещи? Где ее чемоданы? И машина?

— погоди минутку. — Боб с трудом встал на ноги и понял, что у него чудовищное похмелье.

Обычно я много не пью, подумал он. Как же это я?

Он открыл гардеробную жены. Самый большой чемодан Натали лежал открытый на полке. Боб заглянул в него и увидел, что чемодан полон только наполовину. Вспомнив слова Натали о том, что ночь со среды на четверг она провела в гостевой спальне, Боб побрел туда. Кровать была застелена, но, заглянув в ванную, он увидел, что вся ее косметика так и стоит на полочке.

Он кинулся вниз, на кухню, открыл дверь в гараж. Машина была на месте. Куда же подевалась Натали?

Он вернулся в спальню и взял трубку:

— Натали, похоже, передумала. Все ее вещи на месте.

— А где же она сама?

— Не знаю. Мы в среду поссорились. Она ночевала в гостевой спальне. Вчера я вернулся поздно и сразу пошел спать. Я уверен, с ней все в полном порядке. Натали часто меняет планы, забыв предупредить остальных.

Услышав сухой щелчок, Боб понял, что лучшая подруга его жены бросила трубку. Наверняка позвонит в полицию. Такая перспектива испугала его не на шутку. Что же делать?

Веди себя так, будто ничего не произошло, велел себе он. Где я был с середины вчерашнего дня? — пытался сообразить Боб. Но память не подсказывала никакого ответа.

Когда полчаса спустя в дверь позвонил полицейский, Боб был готов к встрече с ним. Он держался спокойно, но сказал, что встревожен.

— После того, что случилось в нашем городе за последнюю неделю, я всерьез волнуюсь. Мне невыносима мысль о том, что с женой могло что-то случиться.

Он и сам уловил фальшь в собственном голосе.

Последние два с половиной часа Эмили читала по очереди то старые полицейские протоколы, то записи из собрания Лоуренсов. Джулия Гордон писала дневник не ежедневно, но довольно часто. Я бы с радостью прочла все от слова до слова, подумала Эмили, если бы Лоуренсы разрешили мне подольше подержать у себя эти тетради. Но сейчас надо найти информацию, которая непосредственно относится к исчезновению Мадлен и ее подруг и к смерти Дугласа.

Эллен Свейн пропала 31 марта 1896 года.

Джулия наверняка писала об этом, подумала Эмили. Она перебрала дневники и нашла тетрадь за тот год.

Но прежде чем начать читать, Эмили решила сделать кое-что другое. Она открыла дверь на веранду, вышла наружу и посмотрела на дом Дугласа Картера. Если Мадлен сидела здесь, а Дуглас или Алан ее позвал...

Эмили решила убедиться в том, что сценарий, который она придумала раньше, тоже возможен. Она прошла по веранде вокруг дома, спустилась с крыльца, выходявшего на задний двор, и дошла до самшитов, росших на границе ее участка. Именно там и были обнаружены останки двух девушек. Из-за огромного остролиста тем, кто оставался в доме, невозможно было бы заметить Алана Картера, который, увидев Мадлен во дворе, мог намеренно или случайно причинить ей вред, а ее крик наверняка заглушили звуки пианино, на котором в тот момент играла сестра Мадлен.

Но даже если так все и произошло, какое отношение те убийства имеют к настоящему?

Она вернулась в дом, открыла дневник. 1 апреля 1896 года Джулия написала:

Пишу это, и руки мои дрожат. Пропала Эллен. Вчера она зашла навестить миссис Картер, которая сказала полиции, что Эллен была чем-то до крайности возбуждена. Миссис Картер сидела в кресле у окна своей спальни и видела, как Эллен вышла и направилась по Хейс-авеню домой. С тех пор ее не видел никто.

Эмили торопливо пролистала несколько страниц. В записи, сделанной тремя месяцами позже, она прочла:

Сегодня утром миссис Картер скончалась. Мы все скорбим, понимая, однако, что для нее это было благословением. Она освободилась наконец от горя и боли и воссоединилась со своим обожаемым сыном Дугласом. В последние дни жизни ее рассудок был не вполне ясен. Мистер Картер с достоинством перенес как длительную болезнь жены, так и утрату сына. Мы все надеемся, что в будущем ему за это воздастся.

А как же он — отец и супруг? — подумала Эмили. О нем было написано совсем немного. По нескольким упоминаниям она поняла, что звали его Ричардом.

Она продолжала листать дневник в поисках имени кого-нибудь из Картеров. Много раз упоминалась Эллен Свейн, но ничего ни о Ричарде, ни о Алане.

Первая запись 1897 года была сделана 5 января.

Сегодня днем мы ходили на свадьбу мистера Ричарда Картера и Лавинии Роу. Свадьба была тихая, поскольку после смерти миссис Картер не прошло и года. Однако никто не укоряет мистера Картера за поспешность, и все желают ему счастья. Он видный мужчина, ему еще нет и пятидесяти. С Лавинией он познакомился, когда она приехала погостить к своей кухне Бет Дитрих. Она очень милая девушка, спокойная и уравновешенная. Ей всего двадцать три года, и мистер Картер старше ее в два раза, но такие браки часто бывают удачными.

Томми Дагган и Пит Уолш, приехав к Фризам, застали Боба в состоянии крайнего возбуждения. Он сидел на диване в гостиной и беседовал с полицейским.

— Мы с женой мечтали переехать на Манхэттен, — говорил он. — Я только что продал ресторан и выставляю на продажу этот дом. Подруга пригласила ее к себе, и Натали собиралась отправиться туда еще вчера. Понятия не имею, почему она передумала. Натали вообще крайне импульсивна. Очень может быть, что она села в самолет и отправилась в Палм-Бич.

— Она взяла с собой какую-нибудь одежду?

— У моей жены нарядов больше, чем у царицы Савской. Натали вполне могла полететь в Палм-Бич в чем была, а потом пару часов погулять по магазинам с кредитной карточкой.

— Вы позволите мне осмотреть дом, мистер Фриз?

— Да ради бога. Мне скрывать нечего.

Томми отлично видел, что Боб Фриз заметил, как они с Питом вошли в гостиную, но никак не отреагировал на их появление. Теперь Томми занял место, которое освободил полицейский.

— Мистер Фриз, вы сегодня не выходили на пробежку? — спросил он.

Выходил или не выходил? — спросил себя Боб. А что, если я поехал домой следом за Натали и мы снова поругались?

— Мистер Дагган, мне до смерти надоел ваш обвинительный тон, — сказал он, вставая. — Я не позволю, чтобы меня допрашивали вы или кто-либо еще. Я намерен обзвонить наших друзей в Палм-Бич, узнать, не видел ли кто-нибудь из них мою жену. — Он помолчал и добавил: — Однако сначала я позвоню своему адвокату. И все вопросы, которые у вас имеются, я попросил бы задавать ему.

Джоан Ходжес просматривала файлы в компьютере и составляла списки пациентов доктора Мэдден за последние пять лет. Из полиции прислали лаборанта, который помогал ей собирать разорванные и разбросанные по кабинету карты пациентов.

Томми Дагган очень просил закончить все побыстрее. Если карты Клейтона Уилкокса здесь не окажется, предполагал он, очень вероятно, что он и есть убийца. Джоан уже проверила остальные имена из списка, данного ей Дагганом. Никто из этих людей не был пациентом доктора Мэдден.

Заметив имя со спринг-лейкским адресом, Джоан сосредоточенно нахмурилась. Она еще раз прочла фамилию, но человека припомнить не смогла. Возможно, он приходил по вечерам, а с вечерними посетителями она почти никогда не встречалась. Так, минуточку! А не тот ли это мужчина, который приходил всего однажды, года четыре назад. Я в тот вечер забыла очки и вернулась за ними, как раз когда он садился в машину. А запомнила я его потому, что у него был очень расстроенный вид. Доктор сказала, что он посреди приема вдруг встал и ушел, и отдала мне стодолларовую купюру, которую он швырнул ей на стол. Я еще спросила, послать ли ему счет на оставшуюся сумму, а она ответила, что не стоит с ним связываться.

Пожалуй, лучше сразу рассказать об этом детективу Даггану, решила Джоан и сняла трубку. Так где его имя?

Дуглас Картер, Спринг-Лейк, Хейс-авеню, 101.

Томми Дагган и Пит Уолш в кабинете прокурора отчитывались по делу о пропаже Натали Фриз.

— Ее муж сказал, что она, вероятнее всего, уехала в Палм-Бич, и отказался беседовать с нами без адвоката, — закончил рассказ Томми.

— Какова вероятность того, что она объявится в Палм-Бич? — спросил Эллиот Осборн.

— Мы проверяем все рейсы.

— Муж позволил вам осмотреть дом?

— Его осматривал полицейский из Спринг-Лейка. Следов борьбы не обнаружил. Выглядит все так, будто она начала собирать вещи, а потом вдруг все бросила и уехала.

— Придется подождать, вдруг она объявится, — сказал Осборн. — Она взрослый человек и имеет право уезжать куда и когда ей вздумается. Говорите, ее машина в гараже? Может, за ней заехали? Нет ли там какого тайного возлюбленного?

— Нам об этом ничего не известно, — ответил Пит Уолш.

— Значит, будем ждать. Ничего другого не остается, — сказал Осборн. — Дагган, а чего это у тебя вид такой кислый?

— Вот думаю, не решил ли кто-то перенести тридцать первое на пару дней пораньше, — мрачно сказал Томми.

Наступила тягостная пауза.

— Почему тебе это пришло в голову? — спросил Осборн.

— Потому что она вполне подходит под схему. Ей тридцать четыре года, а не двадцать и двадцать один, как Марте Лоуренс и Карле Харпер, но она красивая женщина. Одним словом, у меня дурное предчувствие. К тому же мне не нравится ее муж. У Фриза было очень жиденькое алиби на момент исчезновения Марты Лоуренс. Он утверждает, что работал тогда в саду.

— А еще, — подхватил Уолш, — первые двадцать лет жизни он провел в доме, у которого были обнаружены останки Карлы Харпер и, возможно, Летиции Грегг.

— Нам пора к доктору Уилкоксу, — сказал Томми. — Он должен явиться в три.

— А что у вас на него? — спросил Осборн.

— Он сам изъявил желание прийти, — ответил Томми. — Никто его не вынуждал. Я сразу же сообщу ему, что он может уйти в любую минуту. В таком случае нам не придется напоминать ему о его правах. А мне, честно признаться, очень не хотелось бы вести себя официально. Он тогда может замкнуться.

— В чем вы его подозреваете? — поинтересовался Осборн.

— Он многое скрывает, и мы точно знаем, что он лжец. Мне и этого достаточно.

Клейтон Уилкоккс явился ровно в три. Дагган и Уолш отвели его в отдельный кабинет и предложили присесть. Они заверили его, что он не является задержанным и может уйти, когда пожелает.

— Доктор Уилкоккс, — начал Томми, — меня весьма удивляет тот факт, что вы оставили пост ректора Инок-колледжа всего в пятьдесят пять лет. Причем почти сразу после того, как подписали новый пятилетний контракт.

— Здоровье не позволяло мне выполнять обязанности ректора с полной отдачей.

— А что у вас со здоровьем, доктор Уилкоккс?

— У меня больное сердце.

— Вы регулярно обращаетесь к врачам?

— В последнее время состояние стабилизировалось. После отставки у меня в жизни стало гораздо меньше стрессов.

— А когда вы в последний раз были у врача?

— Точно не помню.

— Вы также не помнили наверняка, бывали ли вы на приеме у доктора Мэдден. Что вы на это скажете?

— Я припоминаю, что посещал ее раз или два.

— Или девять, или десять. Записи в карте сохранились. — Томми вел допрос крайне осторожно. Он чувствовал, что Уилкоккс начинает раздражаться, и боялся, что он встанет и уйдет. — Доктор, говорит ли вам что-нибудь имя Джины Филдинг?

Уилкоккс побледнел.

— Точно не скажу.

— Двенадцать лет назад вы выписали ей чек на сто тысяч долларов. На чеке вы сделали пометку «Старинный стол и секретер». Ну, теперь вспоминаете?

— Я покупал антикварные вещи во многих магазинах.

— Мисс Филдинг, должно быть, очень оборотиста. Ей тогда было всего двадцать лет, и она училась на первом курсе Инок-колледжа. Так?

Пауза была долгой. Уилкоккс посмотрел в глаза Томми, затем перевел взгляд на Пита:

— Вы совершенно правы. Двенадцать лет назад Джина Филдинг училась на первом курсе Инок-колледжа. Ей было двадцать лет. Она работала в моем офисе. Между нами возникла взаимная привязанность, что, разумеется, было против всяких правил. Она была девушкой из малообеспеченной семьи, училась на стипендию. Я стал давать ей деньги на карманные расходы. — Уилкокс отпил воды из стоявшего перед ним стакана. — Но затем я опомнился и сказал ей, что наши отношения придется прекратить, а она пригрозила подать на меня в суд за сексуальные домогательства. Сто тысяч долларов были ценой ее молчания. Я заплатил. И ушел с поста ректора, поскольку не доверял ей и решил, что, если она нарушит слово и подаст в суд, так будет гораздо меньше шуму.

— Доктор, а где Джина Филдинг сейчас?

— Мне о ней ничего не известно.

Я ему верю, подумал Томми. Но это не снимает с него остальных подозрений, а лишь доказывает, что его привлекают молоденькие девушки. К тому же орудием убийства был шарф его жены. И на утро, когда исчезла Марта Лоуренс, у него алиби нет.

После беседы с Уилкоксом Томми и Пит вернулись в кабинет Томми, где их ждало сообщение от Джоан Ходжес.

— Дуглас Картер! — воскликнул Томми. — Да он же сто лет как умер.

Эрик Бейли собирался поехать в Спринг-Лейк в субботу с утра и быть там в середине дня. Фургон он припаркует на Оушен-авеню. Там обычно стоит много машин, и старенький синий фургон вряд ли привлечет внимание.

Впереди Эрика ждал одинокий вечер, и им овладело беспокойство. На следующей неделе акции его компании упадут почти до нуля. Ему придется распродавать все.

И виновницей этого кошмара была Эмили Грэм. Это она первая стала продавать акции. Не вложила в дело ни гроша, а десять миллионов заработала исключительно благодаря его гению. А затем отвергла предложенную им любовь.

Он знал, что скоро ей станет мало ее нынешних страхов. И он будет вынужден предпринять следующий шаг.

31 марта, суббота

Глава десятая

Всю ночь Эмили мучили кошмары. От одного из них она проснулась со слезами на глазах, но вспомнить, что именно ей приснилось, не могла. Было только семь утра.

В пятницу позвонил детектив Дагган и сказал, что увеличенный групповой снимок будет готов в субботу днем. Ей не терпелось на него посмотреть. Это будет как личная встреча с людьми, о которых она уже немало узнала.

Небо заволокло тучами, поэтому в комнате стоял полумрак. Эмили закрыла глаза, и в следующий раз проснулась в половине девятого, на сей раз в лучшем расположении духа.

Но хорошее настроение продержалось всего час. Принесли почту, в том числе и конверт с ее именем, написанным печатными буквами. У Эмили перехватило дыхание. Такую же надпись она видела на конверте, в котором лежал рисунок с двумя могильными плитами. Она дрожащими пальцами вскрыла конверт и достала из него открытку. На ней были изображены два надгробия — с именами Натали Фриз и Эллен Свейн. И был указан адрес: Сифорд-авеню, дом номер 320.

Эмили так трясло, что, пока она дозванивалась до Томми Даггана, она дважды набирала не тот номер.

И снова желтые ленты с надписью «Место преступления» были натянуты вокруг одного из домов Спринг-Лейка.

Владение состояло из двух частей. Слева находились дом и сад, а справа — лес. И там, под тенью платанов, обнаружили завернутое в черный пластик тело Натали Фриз.

После звонка Эмили Томми Дагган и Пит Уолш связались с полицией Спринг-Лейка и вскоре получили подтверждение того, что открытка не была розыгрышем. Но только на сей раз других останков рядом обнаружено не было.

— Интересно, почему он ее не закопал? — сказал задумчиво Пит, когда они с Томом стояли и наблюдали за тем, как судмедэксперты осматривают тело.

Томми не успел ответить, потому что подъехала патрульная машина, из которой вышел измученный Боб Фриз. Заметив Даггана, он кинулся к нему.

— Это Натали? — спросил Боб.

Томми кивнул. Он не испытывал желания выражать соболезнования человеку, который, возможно, и был убийцей.

Дагган и Уолш последовали за фургоном, в котором тело Натали повезли на экспертизу.

— С момента смерти прошло от двадцати шести до сорока часов, — сообщил им доктор О'Брайен. — После вскрытия скажу точнее. Причина смерти, похоже, удушение. — Он взглянул на Даггана. — Вы намерены искать останки жертвы, погибшей тридцать первого марта восемьсот девяносто шестого года?

— Да, они, скорее всего, где-то здесь, — кивнул Томми.

— Почему убийца не дождался тридцать первого? — спросил медэксперт. — Он нарушил им же созданную традицию.

— Полагаю, он действовал, когда представилась возможность, — сказал Томми. — В городе дежурят усиленные наряды полицейских, и выкопать могилу он не сумел. Для него важно было, чтобы ее обнаружили именно тридцать первого.

— Вы должны учесть еще одно, — сказал доктор. — Натали Фриз была задушена таким же шнуром, какой использовали при убийстве доктора Мэдден. А третья часть шарфа, которым задушили Лоуренс и Харпер, пока что неизвестно где.

— В таком случае, — произнес Томми, — дело, возможно, еще не закрыто.

Эмили обрадовалась, услышав в трубке голос Ника Тодда.

— Я слышал новости по радио, — сказал он.

— Это так ужасно, — призналась Эмили. — Каких-нибудь несколько дней назад я сидела рядом с Натали у Лоуренсов. А сейчас она мертва.

Ник по голосу Эмили понял, насколько она расстроена. Он сидел в своей нью-йоркской квартире и собирался сходить в кино, а потом поужинать в своем любимом итальянском ресторанчике в Гринич-Виллидж.

— У вас какие планы на вечер? — спросил он будто бы невзначай.

— Никаких. Хочу дочитать старые дневники, а затем вернуться в двадцать первый век.

— Как продвигается ваш проект?

— Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что все эти убийства совершены по единому плану. Это-то и пугает. Я вам рассказывала, что Дуглас Картер, жених Мадлен, покончил с собой?

— Нет, не рассказывали.

— Так вот, его нашли мертвым, а рядом лежал дробовик. Конечно, он очень переживал смерть Мадлен, но он был молод, хорош собой, из богатой семьи. Его ждало прекрасное будущее на Уолл-стрит. В дневниках о нем писали только хорошее, я не встретила ни единого намека на суицидальные наклонности. Его мать тяжело болела, а он был с ней очень близок. И должен был понимать, что его гибель станет для нее последним ударом. Попробуйте только представить, что бы испытала ваша мать, если бы с вами что-то случилось.

— Она бы мне этого никогда не простила, — мрачно ответил Ник. — А ваша?

— Думаю, ей бы тоже это не понравилось.

— В таком случае советую вам, пока не найдены убийца и ваш преследователь, держать двери на запоре и включить сигнализацию.

Они договорились, что в воскресенье в половине первого он заедет за ней и они отправятся в «Старую мельницу». Но, повесив трубку, Ник понял, что в кино идти нет никакого настроения. Вместо этого он позвонил в гостиницу «Брикерз» и заказал номер, после чего сел в машину и поехал в Спринг-Лейк.

Марти Бровски решил в субботу вечером посидеть на работе, разобрать в тишине и спокойствии бумаги на столе. Но через несколько минут понял, что мог бы с тем же успехом остаться дома. Ему не удавалось ни на чем сосредоточиться, все его мысли были об Эрике Бейли.

Из утренней газеты Марти узнал, что интернет-компания Бейли на грани банкротства, а не имеющие под собой оснований заявления ее владельца о новых разработках вызывают

серьезное беспокойство директора Нью-Йоркской биржи. Бейли, возможно, привлекут к уголовной ответственности.

Слишком уж он подходит на роль преследователя, мрачно думал Бровски.

И тут его осенило. Марти нашел номера фургона Эрика и его «мерседеса», позвонил в компанию, владеющую автоматами для дорожных сборов, и попросил проверить, где именно проезжала машины с этими номерами. Ответ подтвердил его подозрения: днем фургон был на Гарден-Стейт-паркуэй, а в пять часов выехал по девяносто восьмой автостраде.

Он в Спринг-Лейке, решил Марти, и тут же позвонил в тамошнюю полицию.

— Мы будем присматривать за ее домом, — пообещал дежурный. — Город кишит репортерами и зеваками, но я вам обещаю, если фургон в Спринг-Лейке, мы его найдем.

Эмили, услышав голос Марти Бровски, обрадовалась, но, узнав, по какому поводу он звонит, пришла в ужас.

— Быть не может! — воскликнула она.

— Очень даже может, Эмили, — твердо сказал Марти. — Местная полиция будет держать дом под наблюдением.

— Каким это образом?

— Патрульная машина будет проезжать мимо каждые пятнадцать минут. Если Эрик позвонит и захочет с вами увидеться, откажитесь. Не открывайте ему дверь. Не выключайте сигнализацию. Копы Спринг-Лейка уже ищут Бейли. Теперь идите и проверьте замки.

— Хорошо.

Повесив трубку, Эмили прошла по всем комнатам, проверила двери на веранду, входную дверь и заднюю. Включила сигнализацию.

Эрик... Друг-приятель. Приезжал в понедельник, устанавливал камеры, так беспокоился за Эмили, а сам... Предательство. Ложь. Ставил камеры слежения, а сам тихонько посмеивался над ее доверчивостью.

— Очень надеюсь, что этого негодяя скоро поймают и накажут по всей строгости, — произнесла она вслух, не зная, что в этот самый момент Эрик Бейли сидел в фургоне, при-

паркованном в шести кварталах от ее дома, и наблюдал за происходящим по телевизору.

— Только когда меня будут наказывать по всей строгости, тебя рядом не будет, — вслух же ответил Эрик.

То, что Марти его вычислил и сообщил об этом Эмили, поразило Эрика до глубины души. Я же был так осторожен, подумал он и взглянул на коробку, в которой лежали дамское пальто, платье и парик — их он надевал в субботу, когда ходил на службу в церковь Св. Екатерины.

А теперь полицейские ищут его и наверняка скоро арестуют. Его посадят в тюрьму. Компанию объявят банкротом. Все те, кто еще недавно его превозносил, набросятся на него, как сво-ра одичавших псов.

Он снова взглянул на экран и придвинулся поближе к телевизору. Эмили вернулась в столовую и, присев на корточки, рылась в коробке с книгами.

А на втором экране было видно, как медленно повернулась ручка двери, ведущей из кабинета на веранду. Но она же включила сигнализацию, подумал он. Неужели кто-то вывел ее из строя?

В кабинет бесшумно вошла фигура в маске и темной куртке и, проскользнув за кресло, где обычно сидела Эмили, присела на корточки. Эрик видел, как человек в маске достал из кармана кусок материи и развернул его.

Эмили с книгами в руках вошла в кабинет, села в кресло и погрузилась в чтение. Незнакомый не шевелился.

— Он наслаждается происходящим, — прошептал себе под нос Эрик. — Как я его понимаю!

В субботу, в половине девятого вечера, Томми Дагган и Пит Уолш все еще торчали на работе. Боб Фриз наотрез отказался сообщить, где провел вторую половину дня и вечер четверга, а затем пожаловался на боль в груди, и его увезли на обследование в Монмутскую больницу.

— Он будет тянуть резину, пока не придумает историю, которая удовлетворит суд, — сказал Томми Питу. — Есть три возможных варианта. Первый: Фриз — серийный убийца и вино-

вен в смерти Марты Лоуренс, Карлы Харпер, доктора Мэдден и своей собственной жены. Второй вариант: он убил только свою жену. Третий: он не причастен ни к одной из этих смертей.

— Тебя беспокоит то, что третья часть шарфа так и не нашлась? — спросил Пит.

— А то! Мне почему-то кажется, что убийство Натали Фриз было задумано специально для того, чтобы заставить нас поверить, будто цикл завершен. А это означает, что сегодня вечером в Спринг-Лейке может погибнуть еще одна девушка. Только кто? Ну все, давай заканчивать.

Они уже собрались уходить, когда Пит вдруг сказал:

— погоди-ка! Мы ведь так и не завезли Эмили Грэм увеличенную фотографию.

— Захвати с собой. Завтра утром отдашь.

Пит взял конверт, и в этот момент зазвонил телефон. Звонили из полиции Спринг-Лейка с сообщением о том, что преследователя Эмили вычислили, и он, по-видимому, сейчас где-то в городе. Услышав эту новость, Томми сказал:

— Знаешь, давай-ка лучше завезем фотографию сегодня.

С тех пор как Эмили подсунули под дверь конверт с ее фотографией у церкви, она все время носила в кармане сотовый. И теперь, достав его, решила позвонить бабушке. Эмили прочитала последний из дневников Джулии Гордон, и у нее возник вопрос, на который бабушка, возможно, знала ответ.

Из одного из дневников она узнала, что вторая жена Ричарда Картера в 1900 году родила девочку. Поэтому запись от 1911 года ее немного озадачила. В ней Джулия Гордон писала:

Лавиния пишет, что очень рада возвращению домой, в Денвер. За год ее дочурка вполне оправилась после потери отца и чувствует себя хорошо. Сама Лавиния признается, что испытала большое облегчение. Должна заметить, что она, взявшись за перо, была на удивление откровенна. Она написала, что Дуглас порой внушал ей неподдельный страх. Она считает, что его смерть была для нее благословением небес, она освободила Лавинию от уз брака и дала ее дочери возможность расти в более теплой и дружественной среде.

Эмили откинула крышку аппарата. Бабушка сняла трубку почти сразу.

— Бабуля, — сказала Эмили, — можно я тебе кое-что прочту? Никак не могу разобраться.

— Конечно, дорогая, читай.

Эмили прочла отрывок из дневника Джулии.

— Почему она называет его Дугласом? Ведь его звали Ричард.

— А, это... Его имя было Дуглас Ричард, но в те времена мужчину, которого называли так же, как отца, часто звали вторым именем. Жених Мадлен был Дугласом Ричардом-третьим. Насколько я понимаю, его отец был видным мужчиной.

— Он был видным мужчиной, прожившим всю жизнь с женой-инвалидкой. Бабуля, ты мне очень помогла! Я тебе завтра обязательно позвоню.

Эмили выключила телефон.

— Убийцей был не молодой Дуглас, — произнесла она вслух. — И не его кузен Алан. Убийцей был его отец. А когда он умер, его жена с дочерью переехали в Денвер.

Денвер! И тут все встало на свои места.

— Уилл Стаффорд вырос в Денвере. Его мать жила в Денвере! — сказала Эмили.

— Так оно и есть, — шепнул ей на ухо Уилл. — Я вырос в Денвере.

Эмили не успела даже пошевелиться. Ее тело обвила веревка, и Эмили оказалась привязанной к креслу.

Заставь его говорить с собой, настойчиво требовал внутренний голос. Пусть болтает подольше! Полицейские держат дом под наблюдением. Кто-то из них может позвонить в дверь, и, не дождавшись ответа, они дверь взломают.

Уилл Стаффорд сорвал с лица маску. Расстегнул куртку, снял спортивный костюм. Под ним оказались старинная рубашка с высоким воротником и галстук-ленточка. Широкие лацканы старомодного темно-синего костюма подчеркивали ослепительную белизну накрахмаленной рубашки. Волосы у него были зачесаны на косой пробор и откинuty назад. На верхней губе он нарисовал тоненькие усики.

— Позвольте представиться, мисс Грэм, — сказал он и коротко кивнул. — Я — Дуглас Ричард Картер.

Только без паники, велела себе Эмили. Иначе все кончено. Чем дольше ты продержишься, тем больше шансов, что появится полиция.

— Счастлива с вами познакомиться, — ответила она, стараясь скрыть охвативший ее ужас.

— Вы, разумеется, понимаете, что вам суждено умереть? Эллен Свейн ждет, когда вы присоединитесь к ней в могиле.

И голос у него другой, подумала Эмили. Он выговаривает слова четче, как будто даже с легким британским акцентом. Ну же, возрази ему! — приказала она себе.

— Но ведь с Эллен Натали Фриз, — выговорила она через силу.

— Натали не место рядом с Эллен. Там должна лежать ты. Эллен похоронена около озера. А рисунок с могилой Натали около могилы Эллен я послал специально для того, чтобы запутать полицейских. Эллен ждет тебя, дорогая. — Он нежно погладил Эмили по щеке. — Ты напоминаешь мне Мадлен. Такая же юная, прекрасная, жизнерадостная. Можешь представить, что я испытывал, глядя через улицу на собственного сына с тобой рядом? Я-то ведь был обречен жить с несчастной больной женщиной, которую ничто, кроме ее здоровья, не интересовало.

— Разве вы не любили сына? Разве не желали ему счастья?

— Я ни за что не позволил бы ему наслаждаться такой замечательной девушкой, в то время как сам вынужден сидеть у постели калеки.

Мимо проехала, осветив фарами двор и дом, полицейская машина.

— Наша славная полиция изо всех сил старается обеспечить безопасность жителей Спринг-Лейка, — сказал Уилл, доставая из кармана кусок серебристой материи с блестящими нитями по краю. — Дом только что проверили, значит, у нас в запасе еще несколько минут.

Патрульная машина ехала по Оушен-авеню.

— Вот он! — сказал напарнику полицейский Фил Рип, показав на темно-синий фургон.

Они подъехали к фургону. Рип постучал в ветровое стекло.

— Там внутри горит свет, — сказал он и постучал еще раз. — Откройте, полиция!

А в фургоне Эрик заворуженно смотрел на экран. Он нажал на кнопку пульта, управлявшего дверьми.

— Заходите, — бросил он через плечо. — Я ждал вас. Только вы уж извините, я сначала досмотрю шоу.

Рип с напарником заглянули внутрь и увидели телевизоры. Этот парень псих, подумал Рип, взглянув на экран. Сначала он принял увиденное за фильм ужасов.

— Он собирается ее убить, — объяснил Эрик. — Посидите тихо, а? Он с ней разговаривает.

Оба полицейских в изумлении застыли, глядя на экран и слушая тихий голос из колонок.

— В нынешнем своем воплощении я мог только надеяться на то, что мне удастся воспроизвести предыдущую схему, — говорил Стаффорд. — Но этого не случилось.

— Но почему Натали? — спросила Эмили, пытаясь выиграть еще немного времени.

— Натали мне искренне жаль. В тот вечер у Лоуренсов она вышла на крыльцо выкурить последнюю сигаретку — на завтра она собиралась бросить курить. Оттуда она вполне могла видеть, как я отнес шарф в машину. Когда мы с ней обедали в среду, она снова закурила, и мне показалось, что она пытается что-то вспомнить. Она могла мне навредить. И я не мог оставить ее в живых. Но не волнуйся, ее смерть была быстрой и безболезненной. Ты тоже умрешь легко, Эмили. Я обещаю.

До Рипа наконец дошло, что сейчас на его глазах произойдет настоящее убийство.

— Когда мне было четырнадцать, мы с мамой приехали в Спринг-Лейк и отправились к дому, где родилась ее мать — моя бабушка.

— Господи, да это же Уилл Стаффорд и Эмили Грэм! Оставайся с ним! — крикнул Рип напарнику, а сам выскочил из фургона и бросился к патрульной машине.

— Женщина, которая жила в доме моего прапрадедушки, пригласила нас зайти. От скуки я стал рыться в ящиках, стоявших в бывшем каретном сарае. И нашел его дневник. Этот

дневник должен был найти именно я, потому что я — Дуглас Ричард Картер.

Только бы успеть, думал, садясь за руль, Рип. Направляясь к дому номер 100 по Хейс-авеню, он вызвал по рации подмогу.

Ник Тодд решил для собственного спокойствия проехать мимо дома Эмили — хотел удостовериться, что там все в порядке. Но, подъезжая к дому, он увидел, что с другой стороны улицы подлетела патрульная машина и остановилась у ворот.

Ник припарковался рядом с ней и вышел.

— Что-то случилось с Эмили? — спросил он.

— Надеюсь, мы успели вовремя, — коротко ответил Рип.

Полиция скоро вернется, успокаивала себя Эмили. Но что толку? Ведь они не знают, что он здесь. Он ухитрился убить Марту, Карлу, Натали, возможно, еще кого-то. Я следующая... Боже, до чего же хочется жить!

— Расскажите мне о дневниках, — попросила она. — Вы ведь вели их, да? Вы наверняка записали во всех подробностях, как что происходило, что вы при этом чувствовали, как реагировали родственники и друзья ваших жертв.

— Разумеется. — Ему, похоже, было приятно, что она так хорошо его понимает. — Когда мне было шестнадцать, я решил пойти по стопам прапрадедушки. Я напал на молодую девушку, но довести задуманное до конца не успел — ее крики слышали. Три года я провел в колонии для малолетних. А теперь, Эмили, настала ваша пора разделить участь прекрасной Эллен.

Эмили не сводила глаз с куска материи в его руках. Он наслаждается происходящим, подумала она. Заставь его рассказать побольше. Ему нравится хвастаться.

— А когда я окажусь вместе с Эллен, все закончится? — спросила она.

Он встал у нее за спиной и накинул шарф ей на шею.

— Мне бы очень этого хотелось, но, увы, осталась по крайней мере еще одна. К сожалению, секретарша случайно встретила меня в тот вечер, когда я заходил к доктору Мэдден. Есть вероятность, что она меня вспомнит. Как и Натали Фриз, она представляет для меня некоторую опасность. — Склонившись

над Эллен, он легонько коснулся губами ее щеки. — Затягивая поясок на шее Мадлен, я поцеловал ее, — прошептал он.

Томми Дагган и Пит Уолш подъехали к дому Эмили в тот момент, когда полицейский Фил Рип с каким-то мужчиной взбежали по ступеням.

Рип быстро рассказал им, что увидел на мониторе в фургоне Эрика Бейли.

— В парадную дверь стучать бессмысленно. Надо заходить с веранды, — крикнул Дагган.

Они с Уолшем и Ником побежали налево и, заглянув в окно у двери кабинета, увидели, что на шею Эмили уже накинут шарф.

Томми понял, что через несколько секунд все может быть кончено. Он выхватил пистолет и выстрелил через стекло.

Уилл дернулся и повалился на пол. Кусок шарфа, унесшего жизни Марты Лоуренс и Карлы Харпер, он так и сжимал в кулаке.

1 апреля, воскресенье

Глава одиннадцатая

Утром в воскресенье Томми Дагган и Пит Уолш встретились с Эмили и Ником Тоддом в ресторане отеля «Брикерз».

— Эмили, вы оказались правы, — сказал Томми. — Мы получили ордер на обыск дома Стаффорда и обнаружили и дневники Дугласа Картера и Стаффорда. Я читал их всю ночь напролет. Все было именно так, как вы и предполагали. Жена Дугласа Картера принимала такое количество лауданума, что не замечала ничего, что происходит в доме. Возможно, он тайком подсыпал ей еще снотворного. В дневнике он написал, что вызвал Мадлен к ним — сказал, что у жены очередной припадок.

Он попытался ее поцеловать, но она сопротивлялась. Стоило ей рассказать об этом, и его репутации конец.

— Мне трудно думать о том, что это дело рук прапрадеда Уилла Стаффорда, — сказала Эмили. — Ощущение такое, будто к тебе тянется рука из могилы.

— Когда Лавиния, вторая жена Дугласа Картера, в девятистом году родила девочку, ему было под пятьдесят. Девочку называли Маргарет. В девятьсот десятом году Дуглас умер, и Лавиния с Маргарет переехали в Денвер. В девятьсот тридцать пятом году Маргарет вышла замуж. Ее дочь — мать Уилла.

— Он сказал мне, что дневник нашел случайно, когда они с матерью приехали в Спринг-Лейк и попали в дом, где некогда жили их предки, — сказала Эмили.

— Думаю, в нем уже тогда было нечто порочное, — заметил Ник. — Нормальный подросток пришел бы в ужас и показал бы дневник кому-нибудь из взрослых.

Эмили не оставляло ощущение, что все это дурной сон. В тот вечер, когда Уилл пригласил ее на ужин, он, по-видимому, отключил сигнализацию на двери кабинета. А ключ от этой двери, должно быть, снял со связки, которую оставили ему Кьернаны перед подписанием купчей.

— А своего сына Дуглас Ричард Картер тоже убил? — спросила Эмили.

— Об этом в дневнике прямо не написано, — ответил Дагган. — Написано только, что у Дугласа было ружье и он с ним боролся. А потом он представил все так, словно это было самоубийство. Вероятно, Дуглас понял, что за человек его отец, и набросился на него с обвинениями. Но об этом мы можем только догадываться.

— А что насчет Летиции и Эллен?

— Летиция шла на пляж, — сказал Питер. — Она принесла миссис Картер букет цветов из своего сада, а Картер случайно оказался дома. Его ласки вновь были отвергнуты, и он снова пошел на убийство.

— В этом дневнике много грязи и мерзости, — добавил Томми. — Эллен Свейн пришла навестить миссис Картер и начала задавать вопросы: она явно подозревала, что в исчезновении ее двух подруг виновен Картер. В тот день она так и не вышла из

этого дома, однако Картеру удалось убедить жену, что она видела, как Эллен уходила. — Томми нахмурился и продолжил: — Он очень подробно описал, где закопал Эллен. Мы постараемся отыскать ее останки, чтобы захоронить их в семейном склепе. Она умерла потому, что пыталась выяснить, что произошло с ее подругой Летицией. Их семейные склепы находятся рядом, так что это в некотором смысле символично.

— Рядом с Эллен должна была быть похоронена я, — сказала Эмили.

Ник Тодд ласково приобнял ее. Утром он постучался к ней в номер отеля «Брикерз» — принес чашку кофе.

— Я ранняя пташка, — объяснил он. — Но в офисе я за тобой так ухаживать не смогу, потому что, если я получу работу, на которую рассчитываю, мне придется с самого утра сидеть в конторе федерального прокурора. Я пригласил отца как-нибудь пообедать со мной в тамошней кафетерии. И тебя буду рад пригласить. Но лучше, если ты придешь без него.

Приду, подумала она. Обязательно приду.

Пит доел двойную порцию яичницы с ветчиной.

— Эмили, думаю, ваш кабинет уже привели в порядок, — сказал он. — Надеюсь, отныне вы будете там в полной безопасности.

Завтрак Томми состоял из стакана апельсинового сока, кофе и банана.

— Ну, мне пора, — сказал он.

— Погодите! Скажите, что с доктором Уилкоксом и Бобом Фризом, — попросила она.

— Доктор Уилкокс может спать спокойно, — ответил Томми. — Тайна про его роман со студенткой раскрыта, и ему больше нечего скрывать.

— А как среагировала его жена?

— Боюсь, публичный скандал положит конец этому браку. Она знала, почему он ушел с поста ректора, и, полагаю, время от времени ему об этом напоминала. Но я подозреваю, такой оборот событий его устраивает. Он говорил мне, что считает свою книгу очень удачной. Кто знает, может, на новом поприще его ждет успех. А что до Боба Фриза, то за то, что с него сняты все подозрения, он должен благодарить Натали. Она от-

дала ему клочок бумаги, который нашла у него в кармане. Это была записка от некой Пегги, с номером телефона. Наши ребята ее проверили. Фриз имел привычку заезжать в один бар в Морристауне. Утверждает, что ничего про это не помнит, но, похоже, когда у него случались провалы памяти, он времени зря не терял. Пегги — симпатичная бабенка. Благодаря ее показаниям и дневникам Уилла Стаффорда Боб вне подозрений. — Томми встал. — И последнее. Стаффорд напал на Марту, когда она шла к океану. Подъехал к ней на машине и сказал, что у него резкая боль в груди. Попросил отвезти его домой. Она его хорошо знала и, естественно, согласилась помочь. А Карлу он заставил поехать с ним, когда она вышла из отеля «Уоррен» и направлялась к своей машине. Когда все было кончено, он вернулся и забрал ее автомобиль. Миляга, правда? Ну все, приятного вам аппетита, а мы пойдем.

Когда Дагган и Уолш ушли, Эмили сказала:

— Ник, вчера вечером Томми Дагган приехал ко мне, чтобы завезти увеличенную фотографию. Сегодня утром я ее наконец увидела.

— И что же?

— Парни из полицейской лаборатории постарались на славу. Все лица видны четко, а на обороте оригинала написаны имена каждого. Там есть и Мадлен, и Летиция, и Филлис, и Джулия, а также Джордж, Эдгар, молодой Дуглас и даже Дуглас Картер-старший, или Уилл Стаффорд — под этим именем он явился к нам нынче.

— Эмили, неужели ты веришь в реинкарнацию?

— Ну что ты... Я только хотела сказать, что Уилл Стаффорд был похож на прапрадеда как две капли воды. И еще одно...

— Что же?

— Эту фотографию я нашла в архиве Лоуренсов. Тысяча к одному, что Уилл ее никогда не видел.

Его ладонь легла на ее.

— Ник, — прошептала Эмили, — на этой фотографии Дуглас Картер держит в руках дамский шарф, отделанный люрексом.

МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК

Покупая дом конца XIX века в городке Спринг-Лейк на побережье штата Нью-Джерси, Мэри Хиггинс Кларк не подозревала, что именно он вдохновит ее на написание нового бестселлера.

— Дом принадлежал пожилой даме, она скончалась незадолго до того, как я его купила, — говорит писательница. — В девичестве эту даму звали Элеанор Хиггинс, а я до брака носила имя Мэри Тереза Элеанор Хиггинс. Родственниками мы с ней не были. Но у меня, когда я впервые переступила его порог, возникло очень странное ощущение.

Из этого ощущения вскоре возникла история о женщине, купившей дом своей прапрабабушки, в котором за столет до того произошло таинственное преступление.

Большую часть лета Мэри Хиггинс Кларк проводит в Спринг-Лейке, временами живет в квартире на Манхэттене и в коттедже на Кейп-Коде, но своим домом она считает город Сэддл-Ривер, штат Нью-Джерси, — там написано большинство ее книг. «Каждое утро, — рассказывает Мэри Хиггинс Кларк, — я включаю компьютер, перечитываю последние шесть страниц и говорю вслух: “Замечательно, и какая же передряга ждет нас сегодня?”»

«Обезьяна из мыльного камня», перевод с английского «The Stone Monkey»,
автор Джеффри Дивер.

Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Simon & Schuster, Inc.

© 2002 by Jeffery Deaver

Иллюстрации на с. 6–8: Getty Images; фотомонтаж: Curtis Cozier
Фото на с. 167: © Jerry Bauer

«Тихая гавань», перевод с английского «Safe Harbor»,
автор Луанн Райс.

Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Bantam Books, a division of Random House, Inc.

© 2002 by Luanne Rice

Иллюстрации на с. 168–170: © Fotobank.com / The Image Bank
Фото на с. 301: © Teresa Dowman

«Дозорный», перевод с английского «The Watchman»,
автор Крис Райан.

Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Century.

© 2001 by Chris Ryan

Иллюстрации на с. 302–304: Getty Images / Telegraph Colour Library

«На нашей улице», перевод с английского «On the Street Where You Live»,
автор Мэри Хиггинс Кларк.

Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Simon & Schuster, Inc.

© 2001 by Mary Higgins Clark

Иллюстрации на с. 464–466: Ericka O'Rourke
Фото на с. 575: © Bernard Vidal

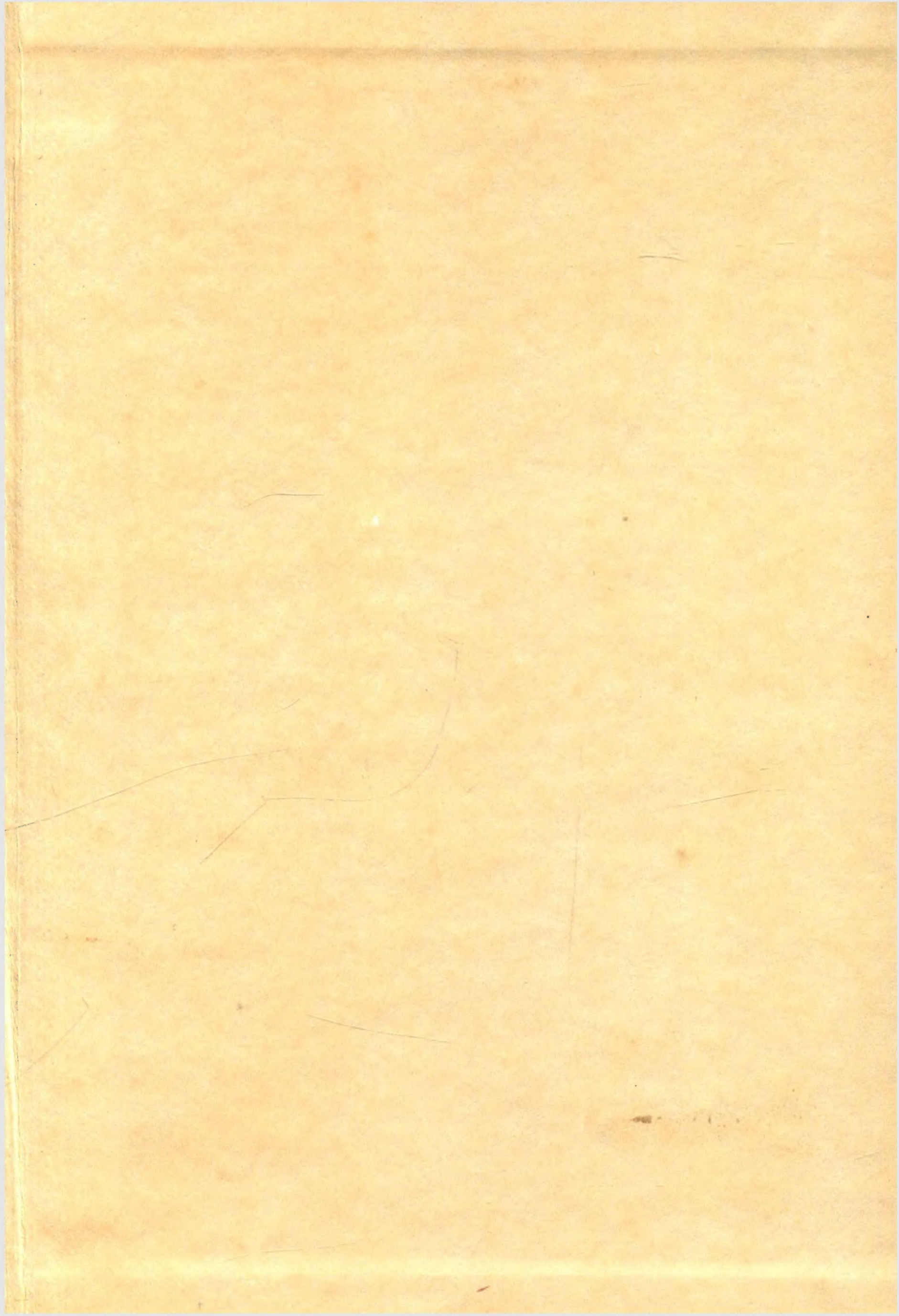

ИЗБРАННЫЕ
РОМАНЫ

ОБЕЗЬЯНА ИЗ
МЫЛЬНОГО
КАМНЯ

ТИХАЯ
ГАВАНЬ

ДОЗОРНЫЙ

НА НАШЕЙ
УЛИЦЕ

РИДЕРЗ
ДАЙДЖЕСТ

